О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ РАССКАЗЫВАЮТ БРИТАНСКИЕ СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ

В данной публикации собраны фрагменты воспоминаний и рассказов солдат и офицеров Британской армии и войск Содружества о боевых действиях на Североафриканском и Европейском театрах военных действий в 1940–1945 годах.

СРАЖЕНИЕ ЗА ФРАНЦИЮ – 1940

10 мая 1940 года немецкие танковые и механизированные части начали свой стремительный марш через Арденны в обход линии Мажино. Армада, включавшая в себя 1 222 танка, 545 гусеничных и 39 373 колесные машины прошла 170 км от германской границы через Люксембург, Бельгию и приграничные районы Франции и вышла к реке Маас. Французские и бельгийские дивизии прикрытия были смяты и отброшены. Британский Экспедиционный Корпус потерпел сокрушительное поражение, хотя бóльшую часть его солдат и офицеров удалось эвакуировать…

Джеймс Палмер (James Palmer), *танкист*

Мы начали марш к месту нашего первого боя перед наступлением сумерек. Как только мы покинули лес, вернулись немецкие самолеты и отбомбились по нему – мы убрались как раз вовремя. На марше танки сместились влево, я оставался в группе разведчиков Эскадрона *А.* Мы получили задание добраться до реки и понаблюдать, что делает противник. Я должен был подготовить доклад и вернуться с информацией к полуночи. Все это выглядело просто, как во время учений, но здесь разница была в том, что теперь не было места ошибкам, поскольку игры закончились…

… Я был занят чтением карты, пока мы продвигались вперед, делая отметки о нашем перемещении. Неожиданно мы наткнулись на небольшой мост, который охраняли французские пехотинцы. Мост был уже подготовлен к взрыву. Про себя я подумал, что это не вяжется обстановкой, которую нам охарактеризовал наш взводный лейтенант. Предполагалось, что немцы еще не переправились через Сомму, а тут уже были французы, собиравшиеся взорвать мост, расположенный в семи милях от реки на нашей стороне. Я полагал, что они знают свою задачу, но надеялся, что они знают и то, что я направляюсь к Сомме и должен буду вернуться до полуночи!

Палмер и его товарищ Тафти Картер (Tufty Carter) наткнулись на небольшую ферму с недоенными коровами и попытались добыть себе молока. Особого успеха они не добились, выдоив через час всего кружку…

И тут началось! Нас разбросало, словно щепки. Бомба взорвалась рядом с воротами фермы. Затем, еще до того, как рассеялся дым, еще одна упала прямо рядом с коровником. Нас швырнуло на землю. Все вокруг горело. Еще один взрыв, и обрушилась стена. Затем еще один, который, казалось, заполнил все вокруг летящими обломками кирпичей. Я был слишком напуган чтобы двигаться. Я молился богу, чтобы на этом все закончилось, потому что не хотел, чтобы на нас еще что-то упало. Тафти орал: «Ублюдки, ублюдки!», мир превратился в ад. «Пора убираться отсюда ко всем чертям!» - прокричал Тафти, и мои ноги сами повиновались этому… Крыша фермы горела, коровник дымился. Коровы больше не мычали. Одна из них лежала на боку, ее кишки были разбросаны по покрытой соломой земле…

Наша машина осталась неповрежденной. Мы выкатились через ворота, проехали около трех миль, и тут я понял, что мы заблудились. Тафти ударил по тормозам, когда мы въехали в какую-то рощицу. Казалось, наступила полная темнота, и, когда он остановил мотор, мы услышали шум реки. Стояла тишина, я замерз и онемел. Только люди, которые только что испытали настоящий ужас, поймут, что мы чувствовали. Мы сгорбились на переднем сидении, покрытые соломой с ног до головы. Лицо у Тафти было пепельного цвета, все в копоти. Руки у нас безостановочно дрожали. Мои ноги отяжелели и словно уже не были частью моего тела. По моему лицу и спине стекал холодный пот. Я не мог думать ни о чем, кроме как о том, с каким воем бомбы падали на ферму и железнодорожную станцию, о том, как пулеметные очереди хлестали по нашему поезду. Я никогда не мог и представить себе что-то столь ужасное. У меня щипало в глазах, и тут я понял, что плачу. Справа от себя я услышал негромкий стон – это рыдал Тафти. Никогда не думал, что мужчины могут так в открытую плакать, но мы просто окаменели. Я помню, что не испытывал стыда из-за того, что был в слезах.

Мы посидели там какое-то время, не двигаясь и не переговариваясь – каждый из нас погряз в страхе от пережитого... Постепенно Тафти начал говорить. Сначала его речь была бессвязной, просто бормотание. Затем, когда он начал изрыгать проклятия и ругань, слова стали приобретать форму. Я начал смеяться. Это не был смех от радости, скорее, смех тронувшегося умом. Должно быть, в темноте это звучало жутко, но так я избавился от напряжения внутри себя. «Ты оставил там долбаный котелок, - заорал Тафти. – За каким чертом тебе понадобилось проявлять заботу об этих коровах?» Я оказался виноватым! Тафти просто нужно было оторваться, и я получил по полной от извержения его армейского лексикона.

Я почувствовал себя намного лучше. Мне так и не пришло в голову, насколько нам повезло. Весь эпизод стал приобретать совсем другое звучание. Мы оба решили, что мы оказались просто парочкой долбаных героев. Закурили и успокоились. Я развернул на своих коленях карту, пытаясь понять, где мы находимся. Мозг снова заработал. Согласно карте, река слева от нас вела к Сомме. Она находилась милях в двух от нас по дороге, ведущей через перелесок. Включив фонарик, я показал Тафти предполагаемую дорогу.

Тафти завел машину, и мы осторожно тронулись в путь. Оба молчали, чувствуя каждую кочку и колдобину на дороге. Неожиданно из каких-то ям появились наши пехотинцы и через несколько секунд окружили нас. Тафти резко остановился, когда ствол пулемета *Брен*/*Bren* чуть было не уткнулся ему в лицо… Пехотинцы были разбросаны по всему перелеску, они всматривались в темноту и находились в ожидании. Река была рядом. Ходили слухи о том, что что-то происходит, и все подозревали, что гусеничные машины противника уже поднимаются от реки вверх по склону. Однако на тот момент никто не пытался форсировать реку.

Время от времени было видно, как трассы очередей пересекают небо, был слышен стук пулеметов. Мы оставили нашу машину, повернув ее в ту сторону, откуда прибыли, пробрались через заросли ежевики и нашли окопчик, из которого просматривалась долина реки. Слева от нас была слышна артиллерийская стрельба, где-то рядом кто-то передавал закодированное сообщение. Обстановка была напряженной, и мы с облегчением услышали приказ возвращаться в эскадрон *A* и доложить об увиденном. Тронулись в путь, оставив за собой место, где каждый ждал, что вот-вот случится что-то страшное. Мои глаза были воспалены, я страшно устал. Мои мысли скакали от одного к другому, страхи накатывали на меня один за другим…

К полуночи мы добрались до эскадрона *A*, расположившегося в небольшой залесенной долине. Экипажи машин находились в счастливом неведении о том, что их ждало завтра утром. Когда не знаешь, что тебя ждет в будущем, это одна из божьих милостей…

Вокруг небольшого грузовичка танкисты установили заслон из своих машин. В грузовичке командир эскадрона изучал большую цветную карту. Карта была усеяна карандашными пометками. Когда я доложил обстановку, командир занялся обновлением своих планов.

Тафти и я решили, что планирование – не наше дело, мы свое дело сделали, и все, чего мы хотим, это немного поспать. Мы улеглись на землю рядом с нашей машиной и уснули.

Мы проснулись, разбуженные приглушенным шумом – все пришло в движение. Ребята сворачивали свои одеяла и загружали танки. Вокруг стояли группки парней, спешно глотавших свой чай и жевавших галеты и сэндвичи с тушеной говядиной. Один за другим заработали танковые двигатели. Вскоре вся долина вибрировала, и, казалось, все машины были готовы сорваться с натянутого поводка. Поскольку мы должны были поддерживать связь между эскадроном и штабом батальона, мы уже вскоре были рядом с командирским танком и получали последние инструкции. В воздухе носилось что-то вроде приглушенного возбуждения, и я знал о том, что у многих в животе было неспокойно. Нам предстояло в первый раз вступить в бой…

Все двинулись в сторону реки. Переговариваться было бесполезно, потому что все тонуло в реве двигателей и лязганьи гусениц. Вскоре мы уже скатывались к берегу реки. Винтовочные выстрелы звучали все чаще, треск пулеметных очередей становился уже не таким спазматическим. Артиллерия позади нас открыла огонь, заставляя нас стискивать зубы, когда снаряды со свистом проносились у нас над головами. Мы видели, как там, где они падают на землю, появляются клубы дыма, затем, мгновения спустя, до нас доносился грохот разрывов. Левее от нас по фронту, было заметно какое-то движение, поэтому танковые двухфунтовки выпустили туда несколько снарядов, хотя я не думаю, что хотя бы один из них попал в цель…

Танки эскадрона выстроились в линию вдоль реки. Перед нами была малозаметная грива, дающая нам некоторую защиту. Мы уже могли разглядеть вражеские танки на противоположном берегу. Затем, совершенно неожиданно, весь противоположный берег реки покрылся множеством людей, двигавшихся в нашем направлении. Противник предпринял попытку форсировать реку под прикрытием жесточайшего артиллерийского огня. Наш эскадрон поднялся на гриву, чтобы принять на себя удар… То, что произошло потом, случилось в полной сумятице. Все случилось так быстро, что мы были просто ошеломлены. Когда мы взъехали на гриву, противотанковые пушки обстреляли нас с правого фланга. Не прошли мы и десятка ярдов, когда четыре наших танка уже были объяты пламенем. Да, мы были просто легкой добычей для них! Весь эскадрон был как на ладони, и все, что нам оставалось, это вести ответный огонь с как можно большей скоростью. Грохот стоял невообразимый, но сквозь него до нас доносились крики и стоны умирающих товарищей…

Тафти погнал нашу машину к командиру эскадрона, который отчаянно пытался перегруппировать танки. Но двигатели глохли, гусеницы слетали, некоторые машины горели. Парни пытались выбраться из горящих машин. Некоторые из них только и успевали, что высунуться из башен до пояса… Я видел, что некоторые лежат на земле рядом со своими танками, придерживая оторванные руки и ноги, и криками зовут кого-нибудь помочь. Я видел, как некоторые парни мечутся между деревьями в комбинезонах, горящих словно факелы… Снаряды прилетали со свистом и взрывались здесь и там, воздух был наполнен дымом и летящей шрапнелью. Парни пытались оттащить своих товарищей прямо по грязи подальше от горящих танков, и я вдыхал запах горящей [человеческой] плоти. Подбитые танки бросали. Люди продирались сквозь кустарник, пытаясь найти укрытие, но не находили его!

Казалось, бежать было некуда. Свернувшись в клубок на полу нашей машины, я слышал звон [попадающих] в нее пуль и стук осколков. «Боже, - подумал я. – Это конец!» Но Тафти продолжал жать на газ, пока мы, слава богу, не добрались до позиций хорошо окопавшейся пехоты, готовой отразить атаку [противника]. Мы добрались до места сбора с таким чувством, что нас хорошо отстегали в нашем первом же бою…

В тот день мы потеряли более 20 человек убитыми и 23 человека ранеными. Из 25 парней, с которыми я служил еще в *Милиции* и которые пришли в эскадрон вместе со мной, остались целыми и невредимыми только четверо. Казалось, мы все повзрослели с того

момента, как в то утро наступил рассвет, но на часах было только 8.30. За три часа мы прошли через крещение огнем и первое поражение…

Роберт Холдинг (Robert Hoding), *4-й Батальон Королевского Сассексского Полка/Royal Sussex Regiment*

Со всех сторон я слышал грохот вражеской артиллерии, пулеметы трещали почти непрерывно. Небо над городом было затянуто дымом, над облаками которого проносились в плотном строю вражеские бомбардировщики, беспрепятственно сбрасывали свой груз и уходили.

Теперь мы уже двигались вдоль дороги так же быстро, как если бы мы просто позли по ней. Скоро выяснилась причина этого: на дороге был блокпост военной полиции. Каждый, кто упирался в этот пост, должен был сообщить свое имя и номер части, а потом ему говорили, как найти участок, отведенный для его дивизии.

Мой путь пролегал прямо на восток, через пригороды. Улицы были забиты машинами самого разного вида и назначения, некоторые были перевернуты, но, в большинстве случаев, они уже были обездвижены. Это выглядело поразительно, особенно для тех из нас, кто промаршировал такой длинный путь и видел по дороге так мало транспортных средств – было трудно поверить в то, что Британская армия была настолько сильно механизирована.

Солнце зашло, но город был теперь освещен красным заревом горящих портовых сооружений и, со стороны суши, сверкающими вспышками пушечных выстрелов и смертельно-белым мерцанием осветительных ракет. Мы продолжили свой путь через этот выглядевший зловеще город-призрак. Время от времени нас останавливали военные полицейские, проверяли нас и уточняли, в каком направлении нам идти. В итоге, я снова оказался за пределами города, все еще шагая в восточном направлении туда, откуда, вне всякого сомнения, доносились разрывы снарядов.

Через какое-то время нам сказали сойти с дороги на песчаный проселок, где я увидел что-то совершенно экстраординарное. Передо мной, освещенный словно днем пламенем целиком охваченного огнем большого пассажирского судна, находившегося всего в нескольких сотнях ярдов от берега, был песчаный пляж, вытянувшийся настолько, насколько его мог охватить глаз… Люди лежали на нем сотнями в колоннах, растянувшихся от подножия дюн до края воды. Большинство из них спало в полном изнеможении – для многих это было последний раз в жизни.

Я какое-то время побродил по пляжу, пытаясь найти знакомых. Не достигнув успеха, я пошел к дюнам, чтобы найти себе место прилечь и уснуть. В понижении между песчаными буграми я набрел на тела троих французских солдат, вероятно, убитых одним и тем же снарядом или бомбой. Среди разбросанного вокруг них снаряжения я была большая кавалерийская накидка с капюшоном. Я подобрал ее, нашел себе укрытие, плотно завернулся в эту накидку и заснул.

Проснулся я на рассвете от холода. Замерзший, в разобранном состоянии, я лежал, пытаясь собраться с мыслями. Постепенно я вспомнил, что улегся здесь спать, завернувшись в накидку, но теперь у меня ее не было!

По всему пляжу люди строились в упорядоченные колонны, казалось, просто по общему согласию, поскольку, судя по всему, не было никого, кто бы пытался их организовать. Море было пустым – ни одного хоть какого-нибудь судна. Напрасно я всматривался, пытаясь найти хоть какой-то след от полыхавшего прошлой ночью судна – от него не осталось ничего. Может, его и вовсе не было… Ближе к берегу плавали небольшие обломки чего-то и множество трупов, плавно перемещавшихся по поверхности невероятно спокойного моря…

Вскоре я опять задремал, но меня разбудил гул приближавшихся самолетов. Надо мной промчалось звено *Штук*, за которым пронеслось еще одно, а потом еще одно. Можно было почти прочувствовать то, как сотни людей затаили дыхание. Самолеты ушли в сторону

клубов дыма, повисших над портом. Вой их сирен и грохот бомбовых разрывов докатились до пляжа. Невозможно было не дрогнуть от этих звуков, но, слава богу, не мы были их целью.

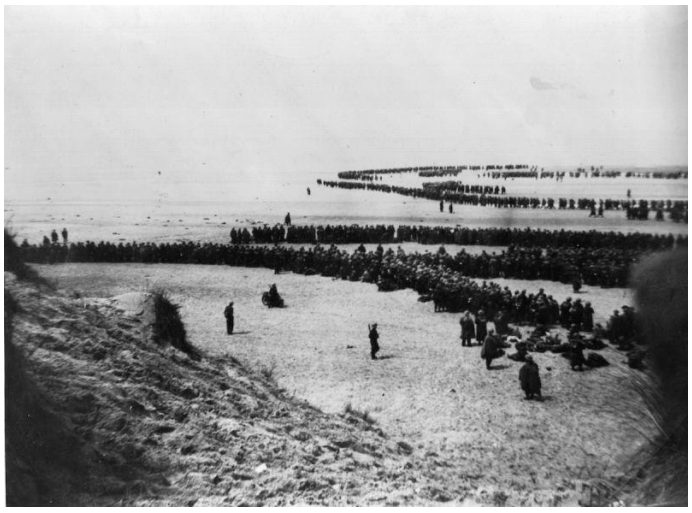
Однако нас ненадолго оставили в покое. Откуда-то со стороны суши донесся грохот пушек, ознаменовавший начало артобстрела. Вскоре начали с воем прилетать снаряды, взрываясь среди дюн и поднимая в воздух облака песка. По счастью, дюны приняли на себя большую часть снарядов и шрапнели. Мы вдавливали свои тела в мягкий песок и пережидали эту бурю, пока она не закончилась так же неожиданно, как и началась. Убитых и раненых собрали, последних унесли в дюны в наскоро организованные перевязочные пункты.

Теперь наше внимание привлекло пятнышко на горизонте, которое оказалось эсминцем, направлявшимся прямо к нашему пляжу. Он подошел к берегу на несколько сотен ярдов, повернулся к нему бортом и начал спускать шлюпки. Без спешки, без суеты, шлюпки начали сновать между берегом и кораблем, перевозя столько людей, сколько могло в них поместиться, но это никак не влияло на количество людей в очереди, которая не убывала.

Эвакуация продолжалась без особых препятствий, не считая налета группы *Штук*, которые, натолкнувшись на стену огня с эсминца, переместились дальше вдоль пляжа в попытках найти более уязвимые цели. Я уже был по грудь в воде и вычислил, что еще через два [шлюпочных] рейса окажусь в безопасности на борту [эсминца]. Шлюпка вернулась, загрузилась, и теперь я был в голове очереди, вода при этом уже плескалась у моего подбородка.

Я пристально наблюдал за тем, как лодка пристала к борту эсминца. На этом раз, однако, солдаты не стали взбираться на палубу по веревочной сетке. Вместо этого, и я просто не мог в это поверить, лодку прицепили к боканцам и вытащили на палубу! Этот же прием применили по отношению к другим шлюпкам, и вскоре эсминец пришел в движение. С нарастающей скоростью он ушел в открытое море… Я не могу припомнить те чувства, которые я испытал тогда. Я просто стоял там. Наверное, никто и не собирался забирать меня, наверное, я уже ни о чем не беспокоился.

Штуки вернулись. Зайдя со стороны солнца, они с воем начали пикировать. Я был в воде – двигаться не было смысла. Сделав свое дело, самолеты улетели, и я медленно выбрался на пляж и побрел к дюнам, где уснул, мокрый, невероятно голодный, полностью измотанный психологически и физически… Ночь постепенно сменилась туманным рассветом. Снова стали формироваться очереди. Я присоединился к ближайшей ко мне. Постепенно дымка рассеялась, и взору открылось море без признаков присутствия каких-либо судов. Противник, раздраженный тем, что столь многие ускользнули из его ловушки, начал свой день с возобновленной энергией. Город и пляжи вновь оказались под бомбами и снарядами. Наша колонна рассеивалась с каждым налетом и обстрелом, чтобы вновь немедленно собраться, как только опасность отступала.

Британские и французские солдаты в очередях на пляже Дюнкерка

Я снова был по колено в воде, когда точно, как вчера, в поле зрения показался эсминец и направился в нашу сторону, повернулся к берегу бортом и начал спускать на воду шлюпки. И снова очередь начала спускаться в море. Как раньше, раненых несли к шлюпкам первыми, и снова те, кто был цел и невредим, без промедления уступали им место. Так было несмотря на то, что треск вражеских пулеметов теперь был настолько устрашающе близким, что казалось несомненным то, что этот эсминец – последняя возможность бежать с этого пляжа… Время тянулось мучительно медленно, и по мере того, как я приближался к голове очереди, мне стало казаться, что шлюпки двигаются все медленнее и медленнее с каждым рейсом. Снова я был по грудь в воде. Я посчитал людей, стоявших передо мной – их было шестеро. Я едва мог поверить в это. Следующий рейс будет мой, да только состоится ли он?

Затаив дыхание, я смотрел за тем, как лодка остановилась у борта эсминца, и люди начали карабкаться по сетке вверх. Весла погрузились в воду, лодка начала свой путь к берегу. Медленно, ну так медленно, она приблизилась. Неожиданно я почувствовал, как в мое тело возвращается жизнь. Мой мозг начал выходить из состояния отупения. Я протянул руку и ухватился за борт шлюпки. В этот момент большая группа *Штук* с ревом подлетела к пляжу. Они пронеслись над нами и ушли дальше, в сторону города. Ко мне вернулось дыхание. Моряк свесился через борт, ухватил меня за ремень и затащил в шлюпку…

Одним из британцев, которому удалось эвакуироваться из Дюнкерка, был 20-летний артиллерист ***Гарт Райт (Garth Wright)*** *из 153-й Батареи 51-го Полка Легких Зениток Королевской Артиллерии/51st Light Anti-Aircraft Regiment, Royal Artillery*

Когда вы вступили в вооруженные силы?

Где-то в июне-июле 1939 года. Когда я пришел в армию, нас было пятеро друзей: я, Кен Стивенс (Ken Stephens), Роджер Палмер (Roger Palmer) по кличке Рег/Reg, Хэрри Эндерсон (Harry Anderson) и Питер Додд (Peter Dodd). Мы были товарищами по оружию, близкими друзьями еще с довоенных времен, и мы, как один, пришли в армию, когда началась война.

Я читал о том, что обучение, которое вы прошли, было очень примитивным?

В самом деле так было. У нас были 40-мм зенитные пушки *Бофорс/Bofors*, которые таскали за собой тягачи, один из которых водил я. Я начинал вестовым и закончил на должности водителя тягача. Наше базовое обучение состояло в поездках в Пластердаун по воскресеньям, и там, вероятно, была всего одна пушка. Кто-то бегал по зарослям колючего кустарника, потом появлялся неожиданно в поле зрения, бросая вверх свой головной убор. Сержант после этого сообщал нам азимут и угол наводки: таким было наше базовое обучение. Это было на самом деле единственное упражнение, через которое мы прошли перед вступлением в настоящий бой в 1940-м. Это и правда было очень и очень простой уровень подготовки…

Когда война была объявлена, где вы были и сколько времени прошло, прежде чем вас отправили во Францию?

Войну объявили воскресным утром. Мы были на службе в церкви в городке Тависток, играл оркестр местного отделения Армии Спасения, когда в 11 часов нам сказали, что скоро

будет зачитана важное сообщение. Речь произносил старый Чемберлен. Он выступил по радио и сказал, что господину Гитлеру был предъявлен ультиматум: если он не выведет войска из Польши, будет объявлена война. Господин Гитлер согласия на это не прислал. В результате мы находимся в состоянии войны с Германией. Было 11 утра 3 сентября.

Некоторые из парней обрадовались, и в тот момент я подумал: «А чему они радуются?», поскольку знал, что скоро это не закончится.

Тогда у нас были мотоциклы. В понедельник мы отправились на них в Эйвонмут и оставили позади многих парней помоложе и постарше нас. По численности нас хватило на батарею, с точки зрения возраста все годились для того, чтобы идти воевать. Нас отправили в лагерь Терсли, где мы должны были получить машины, прочую технику, еще пару пушек и забрать с собой несколько резервистов, которые уже отслужили свой 21 год в Индии и вернулись. Они присоединились к нам: около трети личного состава батареи оказалась из этих ветеранов, которые уже отслужили свое. После этого мы отправились из Эйвонмута в Сен-Назер, сошли там на берег и разгрузили свое снаряжение. Нас встретили угощением французские ребята, которые разливали суп. Я спросил, из чего этот суп: «Не из конины?» Они едва не треснули меня половником, так что я решил придержать язык и есть, что дают.

Чем вы занимались, когда находились во Франции?

Нас перебросили Секлен – аэропорт близ Лилля. Нашим первым заданием была защита аэропорта [от атак с воздуха] – главного аэропорта для города и также одного из передовых аэродромов. Мы там находились, пока в 1940-м все не перевернулось…

Я читал, что вам довелось рыть окопы на полях сражений Первой Мировой войны. Расскажите, как это было?

Когда мы высадились в Сен-Назере, мы отправились сначала в Мервиль, и потом где бы мы ни оказывались, мы просто рыли окопы и использовали наши пушки: это было обычным делом. Как-то я рыл окоп для пушки, и в каждой лопате оказывалось что-то, оставшееся от страшного сражения Первой Мировой: кепи, петлицы, пуговицы и небольшие куски костей. Жаль, что я ничего из этого не сохранил, но этого всего было так много, что я не довез бы это до дома после Дюнкерка. Какой ужасной была та война, должно быть… Я думаю, что Мервиль был одним из мест, где произошла одна из самых страшных битв даже по стандартам Первой Мировой. Фермеры в тех местах копались в земле, извлекали из нее неразорвавшиеся снаряды и сваливали их по краям полей. Я это видел, они были повсюду.

Каково было оказаться под ударами блицкрига, когда немцы перешли в наступление в 1940 году? Встревожила ли вас скорость их продвижения?

Да, и в самом деле, когда немцы начали свой блицкриг, они наносили удары молниеносно. Было страшно. Это была война мужчин против мальчишек: у них был опыт танковой войны на полях сражений в Польше и Чехословакии. Они вонзились в нас как нож в масло.

Положение усугубилось еще и тем, что у них были *Ме-109*, которые обстреливали нас вместе с пикирующими бомбардировщиками *Штука*. Многие презрительно отзывались о *Штуках*, но, бог - свидетель, это был эффективный самолет. Он попадал в цель наверняка: пилот наводил машину на цель, и вся цель, которую видел зенитчик с земли – крохотная тонкая черточка, несущаяся к земле. Вы могли видеть, как бомба покидает самолет, и вы знали наверняка, что она приземлится точно там, где находится ваша пушка. И что вы будете делать? Бежать или оставаться на месте? Само собой, это устрашало.

А вы знали об их успехах в таких странах как Польша и Чехословакия?

Мы не были готовы к такой войне, а французы в особенности – они все еще были на конной тяге. Мы от них тоже недалеко ушли.

Что вы помните о встречах с беженцами по дороге к Дюнкерку?

Беженцы блокировали дороги, и ситуация усугублялась тем, что *Ме-109* обстреливали дороги. Беженцы, эти бедные черти, гибли на дорогах или не давали проехать: просто было не сдвинуться с места. Если бы мы попытались как-то маневрировать, как-то оказать сопротивление, мы бы просто не смогли этого сделать, а немцев жизнь [беженцев] не волновала – они просто катились напролом прямо по ним…

Гарт Райт (в нижнем ряду, справа, на земле) вместе с товарищами по батарее в городке Витри-эн-Артуа, ноябрь1939 года. Среди солдат его друзья Хэрри Эндерсон, Питер Додд и Ауэн Келлоуэй. Из числа друзей Райта с войны вернулись только Келлоуэй и сам Райт…

Можете ли вы рассказать о том, как собирали припасы на заброшенном аэродроме Королевских ВВС?

Мы охраняли аэродром, и тут прошел слух, что Королевские ВВС оставили его и перебросили свои самолеты – *Спитфайры* и *Харрикейны* – обратно в Англию, и слава богу, потому что эти самолеты спасли страну во время *Блица*. Еще кто-то сказал, что все имущество *NAAFI* (*Navy, Army and Air Force Institutes - компания, созданная британским правительством 9 декабря 1920 года для управления рекреационными учреждениями, в которых нуждаются вооруженные силы Великобритании, и для продажи товаров военнослужащим и их семьям)* осталось на месте, так что я взял свой грузовик, поехал к ним на склад, и, само собой, нашел там виски, сигареты, просто много всего полезного и закинул в свою машину.

Я повез все это к себе и по дороге увидел нашего командира, майора Стивенса (Stephens), который сам любил заложить за воротник. К тому моменту, когда я подъезжал к нашей казарме, он был уже там. Сказал он следующее: «Я думаю, ты знаешь, что полагается за мародерство в военное время?» - Я ответил: «Так это не мародерство, сэр, это бережливость.» Он сказал: «Ага, но, согласно уставу, это мародерство, так что заходи в это помещение, а я соберу для тебя расстрельную команду.» Короче, он меня запер, и я стал ждать. Этот старший офицер был вечно пьян. За день до этого он бегал кругами и стрелял из своего револьвера по самолетам, летевшим в миле от земли. Он был поддавши и при этом собирался расстрелять меня за мародерство! Сижу, грызу ногти, тут пришел капитан Хэрри Роджерс (Harry Rogers) и говорит: «Что это за вести о том, что ты занялся мародерством, Гарт?! Я разъяснил ситуацию и сказал: «Если мы это не заберем, это достанется *джерри (распространенное в британской армии прозвище немцев – ВК*.» Он

говорит: «Да, но мы не должны дать парням разделить все это между собой.» Он был на Первой Мировой, и вот что он сказал: «Я видел такое в прошлом. Все ребята напьются, немцы придут и перебьют их, так что лучше занеси все это ко мне в комнату.»

Я закинул все, что мог, к нему, и он приказал мне явиться в штаб и не попадаться майору на глаза. Я взял свой грузовик и уехал в штаб, расположенный в Амьене. На обратном пути я оказался отрезанным от своих [наступавшими] немцами. Я был сам по себе, остановился в кафе, взял бутылку с выпивкой, сел на ступеньку и, как только я уселся, появились дети и собачки. Французский пацан подошел ко мне, и я дал ему плитку шоколада из моей так называемой награбленной добычи. И тут, совершенно неожиданно, на перекрестке появился полугусеничный транспортер с солдатами СС. Эти не брали пленных, так что я решил, что мне пора убираться! В итоге я вернулся, ориентируясь на дымы Дюнкерка…

По пути меня остановили то ли французы, то ли бельгийцы, или еще кто-то. Они хотели, чтобы я подбросил их на моем грузовике, но я сказал им «нет»: у меня на борту была девушка, она уговорила меня взять ее с собой. Не помню, где это случилось, но по дороге мне попался родильный дом, а она была уже основательно беременна, так что я сказал ей, что подвезу ее. Она сидела рядом со мной, так эти парни подняли свои винтовки! Я достал свой автомат и сказал: «Отлично, кто будет первым?». Они отстали от меня…

Я поехал дальше, высадил девушку и пристроился к нашей колонне. Ночью мой грузовик со всей моей добычей и вещами Хэрри Роджерса увяз [в грязи]. Солдаты, стоявшие рядом, сказали мне, чтобы я встал рядом с ними, в стороне. Один парень курил, пока сливали в кювет бензин из моей машины. Я решил, что будет лучше, если моя добыча не достанется никому… Парень докурил, бросил окурок, и мой грузовик охватило пламя. Все припасы, включая выпивку, сгорели.

Вы были ранены единственный раз по дороге на Дюнкерк? Как это случилось?

Когда капитан приказ мне забросить виски к нему в комнату, на упаковке была скрученная проволока. Ей-то я и порезал себе большой палец!

Довелось ли вам видеть Дюнкерк ночью?

Ночью небо отсвечивало красным. Днем нефтяные баки были главной целью для немцев, и над нами висели клуб дыма в милю высотой. Самолеты *джерри* пролетали сквозь дым и пикировали на нас. На пляже был настоящий ад на земле…

Каким было положение дел, когда вы добрались до Дюнкерка?

Когда мы добрались до Дюнкерка, мы оказались в кольце. По дороге в колонну угодила бомба, так что мы оказались сами по себе. Впереди колонны ехал Кен Стивенс, он был вестовым. *Штуки* атаковали переднюю часть колонны, бедного Кена сорвало с мотоцикла, и его тело выбросило на обочину дороги. Следующей бомбой были убиты Тиффи Хикс (Tiffy Hicks), кроме него, - сержант, старший сержант, оружейный мастер и один водитель. Еще один парень был тяжело ранен. Все они похоронены на Дюнкеркском кладбище.

Мы въехали в Дюнкерк, после чего все время были в движении, стараясь защитить эвакуирующихся от атак с воздуха. Нам приходилось все время перемещаться, вдоль и поперек пляжей, вступать в бой и пытаться выдать *джерри* на орехи столько же, сколько они выдавали нам. Получалось у нас не так уж и плохо…

Кен погиб, он был вестовым, других вестовых не осталось, так что я взял эти обязанности на себя, поддерживая контакт с разбросанными по местности пушками. Я был занят этим на протяжении 48 часов или около того, мотаясь между тем местом, которое было нашим

штабом и пушками, размещенными на дюнах. При этом самому себе я вырыл небольшой окопчик…

В ваш мотоцикл попала пуля?

Да, было такое. Гоняя между штабом и огневыми позициями, я мог выжать из старенького мотоцикла не более 49 миль в час. Я пригибался к рулю и молился, поскольку дважды в меня стрелял снайпер, и один раз он попал в раму мотоцикла. Она отскочила, и больше я ее не видел. Это был из наиболее тревожных моментов из пережитого мною на войне.

Что происходило на пляжах?

Немцы бомбили каждые полчаса. *Ме-109* строчили из пулеметов, *Штуки* сбрасывали бомбы. Можно было по ним проверять часы в дневное время. Ночью ничего этого не было, но как только наступал рассвет, они прилетали, и так было до заката. Они наводили такой страх, что я начал думать о том, что пусть следующий налет станет для меня последним… Я думал вот что: «Мне отсюда все равно не выбраться, так пускай все кончится.» Честно говорю, так я думал тогда, таким кошмаром это было.

Сколько вы провели на пляжах?

Я мотался на своем мотоцикле пару дней, и на пляже провел около суток.

Эвакуация знаменита участием малых судов, которые приходили, чтобы спасти солдат. Вы их сами видели?

О да, довольно много. К маленьким суденышкам стояли очереди, и я подумал: «Я не пойду туда и не буду ждать [в очереди].» Я оставался в моем окопе и ждал. Поступил я правильно, но многие унесли ноги именно на малых судах…

Вы эвакуировались на эсминце *Codrington*. Расскажите, как это произошло.

Да, мне очень, очень, очень повезло. Я просто сидел и ждал, безразличный к тому, что случится, но тут позвали добровольцев для перетаскивания носилок. Говорят, никогда не иди что-то делать добровольно, но я чертовски рад тому, что тогда вызвался на это добровольно! Я еще один парень подхватили то, что осталось от одного бедного малого, и понесли его вдоль мола. Он был сильно разбомблен, но его отремонтировали, насколько это было возможно, так что к эсминцу, стоявшему у него, можно было подойти. Это был *Codrington*. Мы затащили этого парня на борт, уложили его, но я не думаю, что он недолго протянул после этого. Я уже было собрался возвращаться к себе в окоп, но капитан сказал мне оставаться. Я особенно не спорил и проехался по первому разряду от Дюнкерка до Дувра. Я считаю, что мне страшно повезло…

Что произошло, когда вы вернулись домой?

Артиллеристов отправили в Вулвич (Woolwich – пригород Лондона), пехотинцев – в военные лагеря Солсбери и Алдершот. Нам сказали, все, у кого есть родственники поблизости, смогут получить увольнение на 24 часа, чтобы навестить их. Сестра мужа моей сестры жила в Уолтамстоу, так что я получил увольнительную и отправился туда. Родственники вечером отвели меня в местный паб, но я чувствовал себя отвратительно, чувствовал себя трусом, потому что немолодые дядьки, прошедшие Первую Мировую, покупали мне выпивку, как будто я был героем. Некоторые из них были отравлены газами на фронте, у кого-то не было руки или ноги, а я ощущал себя заячьей душой, удравшей с поля боя. Честно, вот так я думал. Я смотрел на этих людей снизу вверх, и, по сравнению с ними, я был трусом. Но что сделаешь, это ведь война…

Потом мы приняли участие в Битве за Британию. Мы обороняли передовые аэродромы, пока не окончился *Блиц*. Затем мы влились в 6-ю Танковую Дивизию. Бронетехники у нас тогда вообще не было, мы все еще были вооружены нашими старыми благословенными пушками *Bofors Mark I*.

Люди называют Дюнкеркские события «чудом». Вы тоже так думаете?

Думаю, так и было. Мы удрали, чтобы потом снова пойти в бой, нас, эвакуировавшихся, было всего около 350 000, но это было ядро Британской армии.

Что вы думаете об умении немцев воевать?

Должен признать, я уважал *джерри* – старого солдата Вермахта. Думаю, рядовой немецкий солдат был близок к нам по уровню так же, как и солдат любой другой национальности, за исключением СС. Обычный немецкий солдат был таким же, как мы, но эсэсовцы – отдельная статья. Они были отвратительными дьяволятами, но и среди нас попадались всякие…

Эта кампания была очень скоротечной. Когда вы оглядываетесь назад, вините ли вы тех, кто командовал вами, или просто чувствуете, что оказались в ситуации, которую невозможно было контролировать?

Мы все были в одной лодке: мы просто не были готовы к войне такого типа…

Уильям Даглас Гауф (William Douglas Gough), *артиллерийский наблюдатель*

В 1939 году я был обычным солдатом, проходившим службу в 1-м Полку Артиллерии Среднего Калибра, дислоцированном в Портсмуте. Мне было 19, я был квалифицированным связистом, способным передавать данные с помощью азбуки Морзе и принимать их. Кроме того, я был обучен вождению автомашин и имел квалификацию механика-водителя. Моя батарея находилась в Форте Уидли – одном из группы фортов, расположенных на высотах Портсдаун Хиллз.

После объявления войны мой полк был переведен на военное положение. Уже вскоре мы были на пути во Францию, став частью Британского Экспедиционного Корпуса (BEF). Мы погрузились на суда в Саутгемптоне и отплыли в Шербур. Мы были оснащены 6-дюймовыми гаубицами, которые переоборудовали для транспортировки не с помощью конной тяги, а с помощью гусеничных тягачей, имевших название *Драконы/Dragons*. Они напоминали танки, но не имели башен. Они могли перемещать расчет из 10 человек, пушку и зарядный ящик, в котором было до 100 фунтов снарядов. Наш *круиз* через Пролив стал грандиозным приключением, поскольку для большинства из нас, если не для всех, это было первое морское путешествие. Я хорошо помню одного из моряков, посоветовавшего нам есть побольше, чтобы в случае морской болезни у нас в животах осталось хоть что-то. Странно, как такие вещи застревают в памяти…

В итоге мы прибыли в Шербур и впервые взглянули на Францию. Разгрузились без происшествий, и в колонне тронулись вглубь страны. Наши пушки и машины на стоянках располагались в садах, где деревья ломились от яблок и груш. Мы обнаружили, что избыток фруктов – хорошее слабительное, и свежевырытые сортиры использовались довольно активно. Мы спали в машинах и под ними. Погода была хорошей, и связанных с ней проблем не было. Мы и представить себе не могли, что вскоре дела пойду куда хуже. Наши спальные принадлежности состояли из одеяла и плащ-накидки, подушкой служила каска или противогазная сумка. С той поры это стало нормой. Мы шли по Северной Франции от одного расположения к другому, проводя большую часть времени за рытьем окопов для наших пушек и ячеек для самих себя, а также за заполнением мешков песком для брустверов… Мы также занимались боевой подготовкой к тому, что нас ждало. Вокруг

позиций все 24 часа в сутки находились вооруженные посты, и наши пулеметчики с их *Бренами* всегда были в полной готовности отразить атаки с воздуха.

Такой была наша жизнь с сентября 1930-го по май 1940-го – в период, который получил название *Странная Война/Phoney War*. Командование решило, что будет безопасным посылать нас в отпуска домой, и я получил неделю, которую провел с моей подругой Олив (Olive), которая потом стала моей женой. К сожалению, я вернулся в свою часть с опозданием на 12 часов и был наказан *за самовольное отсутствие во время несения Боевой Службы/ being absent without leave whilst on Active Service*. На следующий день меня вызвали к старшему офицеру, который понизил меня в звании до рядового. Я потерял одну лычку, которую носил до этого с такой гордостью. В то время мы спали в сенном сарае на соломе, но меня быстренько спровадили в 24-часовое стояние на карауле. Вскоре после этого происшествия мы снова были на марше, но я свалился с какой-то лихорадкой и был отправлен на полевой санитарный пункт. Там меня оставили на носилках рядом с горящей печкой часов на десять, потом мне дали так называемый *beef tea (жирный мясной бульон – ВК)*. Малоприятная штука с жиром, плавающим на поверхности. Там я провел несколько дней, потом офицер-медик сказал, что я могу отправляться в часть.

Я вернулся в полк, который стоял близ Дуэ – шахтерского городка на севере Франции, где нам удавалось посещать шахтерские бани, - эта роскошь позволялась только тем из нас, кто выполнял какие-то работы за пределами части где-то раз в две недели. А так каждодневная жизнь была заполнена тем же, что и раньше: рытье окопов, обслуживание техники и обучение, а окоп для одной шестидюймовки имел размер с цирковую арену…

Однако мы не только работали. В увольнительных мы ходили в местные кафе, где пили местные белые и красные вина и поедали тонны яиц и жареной картошки. Мы пели старые военные песни и даже выучили пару новых. Я нашел аккордеон в пустом доме и стал доводить всех, пытаясь сыграть популярную мелодию, называвшуюся *South of the Border (довольно фривольная песня из одноименного американского фильма 1939 года - ВК)*. Пришло Рождество, и мы отпраздновали его наилучшим образом. Наши пайки были вполне подходящими, хотя кто-то мог сказать, что хорошие продукты портили наши повара. Зима была худшей из всех, которые я могу припомнить. Вода замерзала в наших флягах, мы умывались снегом, иногда оставляя немного чая в кружках, чтобы побриться. Все были рады тому, что пришла весна.

В начале мая все и взорвалось. Гитлер вторгся в Бельгию. Нас быстро подготовили к переброске из Северной Франции к границе Бельгии и Германии. Мы уже вскоре добрались до Брюсселя, где нас встречали просто великолепно. Радостные крики, угощение вином и шоколадом, девичьи поцелуи… В итоге, мы добрались до возвышенности Кеммель. Наши машины и пушки были припаркованы под деревьями, чтобы замаскировать из с воздуха, затем нам приказали рыть окопы рядом с каждой машиной. Окоп должен был быть 6 футов в глубину, чтобы в нем мог поместиться каждый расчет. Пока мы без спешки кидали землю, прозвучал свисток воздушной тревоги. Никто не принимал эти свистки всерьез, пока не было слышно гула авиационного мотора. Теперь нам предстояла неприятная шоковая терапия – прилетели пикирующие бомбардировщики *Штука*. Они выныривали из облаков словно поезд-экспресс и не доходя до земли сбрасывали свои бомбы и начинали поливать нас огнем своих пулеметов. Это было ужасно – мы впервые оказались под огнем. Налет продолжался 15 минут, но, казалось, он длился дольше, а потом они исчезли так же неожиданно, как и появились. Мы начали оценивать урон и потери. Затем пришел приказ подготовиться к операции по поиску парашютистов лесу. Ни одного не нашли, но мы все испытали потрясение. С той поры рытье окопов стало проходить с куда большим энтузиазмом.

Вскоре после этого появилась полевая кухня с грузом жарко́го. Мы взяли свои котелки, и повар стал наполнять их из кузова трехтонного грузовика. Как раз, когда я собирался получить свою долю, снова прозвучал сигнал воздушной тревоги. Я быстро нырнул в ближайший окоп и по ходу расплескал половину своего рациона…

Мы получили приказ быть готовыми к выступлению утром, когда начнет светать. Мы все знали: вот оно, наконец, бой. Тому, чему нас учили, предстояло пройти испытание. Мы были уверены в себе: мы были хорошо обучены. Когда мы приблизились к нашей огневой позиции на следующее утро, около 6 утра, к нашему удивлению, мы увидели немецкий самолет, приближающийся к нам на довольно малой высоте. Двадцать винтовок и несколько *Бренов* были немедленно нацелены на него и выстрелили одновременно. Он камнем упал на землю. Я не знал, что случилось с экипажем, потому что мы продолжили продвижение к нашему рубежу. Уже вскоре наши пушки вступили в бой, наш первый бой. Иногда на снарядах ребята писали оскорбительные послания в адрес *Адольфа*. Тут кто-то привлек наше внимание к аэростату, болтавшемуся высоко в небе. Мы подумали, что это наш, но он таковым не был, как вскоре стало ясно, так как на нас посыпались снаряды. Осколки стали попадать и в людей, и в технику, и очередь за тем, чтобы дернуть спусковой шнур быстро исчезла. Наш огонь стал интенсивным, противник отвечал тем же. Это был настоящий ад. Наибольшее воздействие это оказывает на боевой дух, и на некоторых это влияет больше, чем на других. Вскоре мы уже знали, что такое быть контуженным взрывной волной. Быть под огнем – это не сравнишь ни с чем – просто делаешь то, чему тебя учили. Отдыхаешь и спишь, когда есть возможность. Каких-то удобств для того, чтобы оправиться, нет, умываешься и бреешься тогда, когда есть шанс.

Перемещениям на новые позиции постоянно мешали бесконечные потоки находившихся в жалком положении беженцев. У некоторых были лошади и повозки (это у тех, кому повезло). Сверху сидели старики и дети. У других были коляски, маленькие тележки – все, что могло облегчить жизнь.

Некоторые из наших огневых позиций были рядом с фермами, владельцы которых отказались уйти. Другие фермеры покинули свои дома, оставив скотину заботиться о себе, поэтому коров нужно было доить. Некоторые из парней умели доить коров так раздобывали себе свежее молоко. Иногда нам доставались цыплята и яйца. Все это отдавали поварам, чтобы они улучшили наше питание.

Я был связистом на наблюдательном пункте (НП). Отряд наблюдателей состоял из одного офицера, из связиста и из водителя. Нашей машиной был легкий бронетранспортер с *Бреном*. Я сидел сзади со своей рацией, которая могла работать и на ходу, и в статичном положении, посылая передачи и принимая сообщения. Мы использовали азбуку Морзе и звуковую передачу. Рация использовалась в качестве основного средства, но как только мы обосновывались на НП, мы получали что-то альтернативное. Обычно это был телефон и что-то для передачи визуальных сигналов (фонарь или флажок).

Было несколько неприятных эпизодов на НП и на пути к ним. В одном случае мы сидели на НП близ канала Альберт, отслеживая перемещения немецких войск. Наш офицер, капитан Джексон (Jackson), позднее он утонул во время эвакуации из Дюнкерка, создал НП в здании фермы на гряде, с которой можно было хорошо разглядеть противника. Я было подумал, что мы оказались слегка на виду, и сказал об этом, что капитан признал, но продолжил вести наблюдения и отдавать приказы, которые я должен был передавать дальше. Так продолжалось какое-то время. Капитан сидел на втором этаже здания, передавая мне приказы о корректировке огня. Начался дождь, так что я накрыл себя и рацию своей накидкой и продолжил вести передачу. Неожиданно я почувствовал, что на меня словно обрушился весь дом, – это немецкие мины попали в здание, и на меня посыпались кирпичи и щебень, полностью засыпав меня. Однако уже вскоре у меня возникло ощущение, будто с меня спадает тяжесть. Это капитан и водитель Блумфилд (Bloomfield) начали разгребать обломки, засыпавшие меня. Помню первое, что сказал капитан: «Рация еще работает?» Она не работала, и я сказал ему об этом. Он без промедления решил возвращаться на огневую позицию, чтобы заменить ее. Я подумал, что меня тоже сменят. Мы проехали 6 миль обратно к пушкам, где нескольких артиллеристов отрядили для того, чтобы помочь мне выбраться из бронетранспортера и заменить рацию. Именно в тот момент, когда меняли батарейки, через него прошли две пули, оставив отверстия… В тот день мне

повезло дважды, удача улыбнулась мне. Я снова залез в бронетранспортер, проверил работу рации, и мы отправились на новый НП в том же составе.

Связь была восстановлена, наши пушки возобновили стрельбу и вели по врагу интенсивный огонь, пока я не получил сообщение: «Прекратить огонь». Я не мог понять, в чем тут дело, а затем получил сообщение с приказом снова вернуться на позиции. По пути назад мы видели, как много всего происходит вокруг: мы также проехали мимо отступавших от передовой бельгийских частей. На нашей позиции все были заняты выведением пушек и машин из строя, уничтожением боеприпасов, прорубанием дыр в топливных баках. То есть, уничтожением всего того, что могло пригодиться противнику… Затем наш командир батареи капитан Терри (Terry) собрал нас и сказал, что мы отправляемся к побережью, к городу под названием Дюнкерк. Карта была только у него, так что нам оставалось только держаться рядом с ним.

Мы тронулись в путь группами человек в двадцать каждая. Мы быстро вышли к дороге, где увидели другие части, марширующие в том же направлении. Уже вскоре мы набрели на брошенные машины, сваленные в кюветы. К этому времени некоторые из моей группы оказались на обочинах со стертыми ногами. У некоторых из них ноги были стерты до крови, и я поблагодарил Бога за то, что у меня с ногами все в порядке. К полудню я обнаружил, что шагаю один и приближаюсь к реке. Я спустился к руслу и стал искать самое узкое место, чтобы переправиться. Неожиданно позади меня раздался голос: «Помоги мне переправиться. Я не умею плавать.» Я всегда был хорошим пловцом, так что я сказал ему: «Цепляйся за мой ремень и держи голову повыше.» Мы переправились, но после я ни разу не видел этого парня.

Я продолжал свой путь, пока не увидел приближающуюся ко мне на полном скаку группу небольшую французских кавалеристов. Дорога была узкой с канавами по обе стороны. Слева от себя, на расстоянии я мог видеть церковную колокольню. Через несколько секунд я увидел шесть взрывов – снаряды разорвались прямо посреди этой группы кавалеристов. Лошади и люди взлетели в воздух. Кошмарное зрелище… Мне пришлось пройти через окровавленные останки изувеченных людей и лошадей. Кто-то был убит, кто-то просил помощи. Я не мог им помочь, это было не в чьих-то силах, так что я стиснул зубы и продолжил идти. На той колокольне, я думаю, был НП немцев…

Я шел дальше и увидел впереди себя городок. Он побывал под сильным обстрелом и бомбежкой и все еще дымился. Из развалин торчали трупы людей, до меня доносились стоны людей. И снова меня стало очевидно, что многие другие прошли мимо этого городка: повсюду были разбитые и брошенные машины. Я побрел через руины и обратил внимание на то, что из многих магазинчиков были выброшены разные товары. Один из них был магазином музыкальных инструментов, и я видел разбитые пианино, скрипки и аккордеон. Эти сцены остались у меня в памяти, это то, что я помню из того кошмарного путешествия… Было мне всего 19.

Ближе к вечеру я вышел к Дюнкерку. И снова передо мной было зрелище опустошения, разрушений от бомб и снарядов, разбитые здания, трупы, выглядывающие из-под обломков. В итоге я добрался до побережья. По пляжу были разбросаны группы людей, находившихся в ожидании, только вот чего? Тогда я ничего не знал. В прибрежной полосе моря были видны несколько затонувших небольших судов и двух или трех судов покрупнее, вокруг которых плавали обломки. Слева от себя я увидел столбы черного дыма и горящие нефтяные баки. Я спустился на пляж и едва я показался там, как услышал гул моторов приближающихся самолетов. Они пролетели низко над нами, сбрасывая бомбы и обстреливая пляж из пулеметов. Все стали нырять в песок, некоторые пытались зарыться в него. Это было ужасно. Когда самолеты улетели, я поднялся и огляделся. Я увидел множество раненых и убитых парней вокруг себя. Эти звуки рыданий и воплей раненых останутся со мной до конца жизни. Со мной, вроде, все было в порядке. Из больших зданий, стоявших рядом с пляжем, появились парни с носилками, они подобрали некоторых из раненых. Вспоминая эти события, я вижу все это снова. Никогда этого не забуду. Помню

молодого моряка с бутылкой в руке, бродившего в одиночку, что-то напевая и выкрикивая. Думаю, он украл эту бутылку в одном из приморских баров…

Некоторые офицеры старались организовать нас в группы человек по 50, готовых к погрузке на какое-либо судно, когда оно появится у пляжа. Некоторые части умудрились сохранить свой состав. Я не видел никого из своего полка. Пока я не заговорил с другими парнями, я не имел и понятия о том, что нас эвакуируют в Англию. У меня до этого было такое впечатление, что нас высадят на другом участке побережья, чтобы мы могли снова вступить в бой. Это было 30 мая, и я не знал, что к тому времени многие тысячи наших уже был в Англии.

Я не думал о том, что не ел и не пил ничего уже 48 часов или около того. Я и не спал, и не умывался, и не брился все это время, но все были в одинаковом положении, ну кто-то в худшем. Приоритетом сейчас было выживание. Воздушные налеты продолжались, и казалось, что каждый раз, когда улетают вражеские самолеты, над головой появляются наши – все это к огромному раздражению нас, тех, кто был на пляже. Немало отборной ругани неслось им вдогонку.

Ближе к сумеркам мы увидели небольшой пароходик, идущий по направлению к поврежденному причалу, затонувшему уже на три четверти. Я сумел присоединиться к группе, готовой к посадке. Мы вошли в воду, затем взобрались на поврежденный причал и, в итоге, оказались на пароходике. Моряки из команды помогали нам и подгоняли нас. Оказавшись на палубе, я тут же плюхнулся на что-то, лежавшее на ней, и тут где-то рядом с нами упала то ли бомба, то ли снаряд, после чего все нас перекинуло к противоположному борту, где мы свалились в кучу. Некоторых ранило, там же был один или два трупа. Кто-то рядом со мной сказал, что мы на борту парома с острова Мэн, но подтвердить я это не могу.

После плавания по бурному морю в полной темноте мы прибыли в Дувр. Там нас встретили замечательные женщины из *WRVS (Women Royal Voluntary Srevice/Королевская Служба Женщин-Добровольцев)*, боже, благослови их. Они напоили нас горячим чаем, дали нам сэндвичи и пироги со свининой. Они раздали нам открытки полевой почты, на которых мы могли написать своим семьям о том, что мы дома и в безопасности. Мы были грязными и оборванными. Измотанные, мы улеглись спать и проснулись, когда нас разбудили. На автобусах нас перевезли в лагерь Блэндфорд в графстве Дорсет, где нас отвели в казармы и дали выспаться… Через несколько дней нас рассеяли по своим частям – по тому, что от них осталось…

Хэрри Манн (Harry Munn), *артиллерист противотанкового расчета*

В ночь на 16 мая наша батарея переместилась ближе к Ватерлоо и расположилась неподалеку от места, где в 1815-м произошло сражение. На следующий день звено *Штук* атаковало наши позиции. В пушечный расчет *С4* Йорки Хома (Yorky Holme) входили Фил Плеви (Phil Plevey), Берт Тэннер (Bert Tanner), Джордж Брэдли (George Bradley) - все они погибли. Рон Бингэм (Ron Bingham) и Йорки получили множественные осколочные ранения. На позиции во время воздушной атаки также были Расс Хезефорд (Russ Heseford), сержант в расчете *С2*, который тоже был убит. Йорки и Рон Бингэм были эвакуированы в Англию и, уже позднее, Рон погиб, воюя в составе *RAF*. Майор Картлэнд (Cartland), г-н Хаттон-Сквайр (*Mr Hutton-Squire – по-видимому речь идет о командире батареи, лейтенанте по имени Боб Хаттон-Сквайр – ВК)*, бомбардир Чарли Ренни (Charlie Rennie), Дэн Гриффитс (Dan Griffiths) и водитель Джордж (George) помогли похоронить убитых. По традиции нашего полка погибших заворачивали в белые простыни. Годы спустя я посетил маленький церковный дворик неподалеку от шоссе на Брюссель, где были похоронены погибшие. Три могилы британских солдат находятся в центре первого ряда среди гораздо большего числа могил бельгийских солдат. На одной из них

можно прочесть имя *Phil Plevey*, на двух других – надписи - *Unknown Soldier of the Worcestershire Yeomanry (батарея относилась к полку Ворсестерширских Гусар – ВК)*.

В ту ночь Хаттон-Сквайр снял с позиции Батареи *С* три оставшихся пушки. По дороге пушка *С1* свалилась в канаву. Вытащили ее с большим трудом, повредив колесо. Когда проезжали через городок Турне, поврежденное колесо отвалилось. На каждой из машин, буксировавших пушки, были запасные колеса, но ни одно из них не подходило. Джордж Проссер (George Prosser) и Фрэнк Барбер (Frank Barber) нашли здоровенные гвозди в расположенном рядом заброшенном кафе и сумели с их помощью закрепить колесо. Благодаря этому пушка доехала до Франции. Потом нашли какую-то мастерскую, где колесо посадили на место должным образом.

Через несколько дней попыток установить связь с полком, мы наткнулись на штаб, который, я полагаю, относился ко 2-й Дивизии. Через три дня к нам заглянул Хаттон-Сквайр и приказал Хэрри *Смайлеру (Улыбашке)* Кларку, водителю расчета пушки *С1*, и мне немного поспать. *Улыбашка* был канадцем, который работал в Киддерминстере до войны и вступил в *Территориальную Армию* в 1938 году. Позднее он умудрился бежать из лагеря для военнопленных в Польше и был награжден *Медалью за Отличие в Службе*. Теперь мы передвигались по ночам, поскольку *Люфтваффе* полностью господствовало в воздухе. Водитель и я должны были, таким образом, бодрствовать, тогда как остальные парни из расчета могли поспать в кузове грузовика.

Непосредственно перед наступлением темноты начала формироваться наша колонна. Однако, пока мы дожидались выступления, пришли подполковник Медли (Medley), полковой командир, и майор Картлэнд. Я скомандовал *Смирно!*, и майор Картлэнд сказал: «Я несколько дней назад доложил о том, что вы пропали без вести.» Я ответил, что все мы были в составе колонны и что Хаттон-Сквайр находился дальше, ближе к ее голове.

Майор Картлэнд вновь собрал в единое целое свою батарею и после одного дня на позиции у бельгийской границы повел нас к Касселю. Городок стоял на холмах с крутыми склонами, и это было идеальным местом для того, чтобы держать здесь оборону. Бригадир Сомерсет (Somerset), командующий Бригадой, поставил майора Картлэнда командовать противотанковыми силами в созданной системе обороны города и боевыми группами *А*, *В* и *С*. Всего на позициях у города было расставлено 11 пушек. Остальная часть полка была переформирована в мобильную (flying) колонну под командованием подполковника Медли и брошена в бой, чтобы разобраться с *несколькими танками*, прорвавшимися через наши оборонительные линии. Группа *А* из состава 211-й Батареи была оставлена в Касселе, чтобы помочь 211-й Батарее оборонять город. Группа *В* под командованием лейтенанта Фрикера (Freeker) была отправлена из Касселя на сопровождение роты Валлийских Гвардейцев/Welsh Guards. Позднее мы услышали, что Валлийские Гвардейцы были личной охраной командующего *BEF* генерал-майора Горта (Gort). Группа *С* заняла позиции, оставленные группой *В*, и мы, продвигаясь туда, попали под интенсивный огонь немецких минометов. Мы быстро установили нашу пушку в неглубоком окопе, который и раньше использовался для двухфунтовки, и укрылись в двух небольших окопчиках. В нашем окопчике оказались Фрэнк Барбер, Билл Вокс (Bill Vaux) и я. В другом – пулеметчик с *Бреном*, Н. А. *Tiny* James (Х. А. *Тайни (Крошка)* Джеймс) и парень [с противотанковым ружьем] по имени W. Anthony (У. Энтони). Все еще находясь под сильным минометным огнем, мы смотрели на равнину, расположенную ниже нас, и уже вскоре разглядели 24 танка, наступавшие шеренгой в нашем направлении. Фрэнк сказал: «Как ты думаешь, это наши?», и я ответил: «Это чертовски сомнительно.» Когда танки подошли поближе, мы смогли явственно разглядеть свастики в их передней части. На позиции появился г-н Хаттон-Сквайр вместе с майором Картлэндом и сказал: «Танки в твоем секторе, бомбардир.» Я ответил: «Вижу их, сэр.» И с той минуты они больше не вмешивались в наши действия в той ситуации…

Британские артиллеристы у двухфунтовой пушки на позиции

Тем временем немецкие танки достигли небольшого перелеска у подножия возвышенности и остановились там вне нашего поля зрения. Прямо под нами был просвет в лесных зарослях, там, откуда мы ждали атаки, и, на самом деле, три танка вышли из этого просвета. Я приказал всем занять позиции, и мы встали у двухфунтовки. *Номер 1* расчета отдавал приказы, используя открытый прицел, что давало возможность *Номеру 3* Фрэнку Барберу удерживать танк в своем оптическом прицеле. Заряжающий, *Номер 2*, Билл Вокс, вложил снаряд в затвор, за чем последовала команда *Огонь!*. Снаряд двухфунтовки был с трассировкой, и это давало возможность отслеживать, куда он летит. Наш первый снаряд пошел точно в цель, но почти что в момент попадания танк нырнул в небольшое углубление, и снаряд проскочил перед башней. С нашей точки зрения, хуже ничего быть не могло. Наличие трассы дало командиру немецкого танкового экипажа понять, что он находится под огнем и с какого направления этот огонь ведут. Его башня повернулась в нашу сторону, и он открыл огонь – его снаряд не долетел до нас ярдов на 50. Наш следующий снаряд угодил в танк непосредственно ниже башни, но не сумел пробить броню и отскочил вверх, словно ракета. Мы продолжили нашу дуэль с танком. Мы стреляли, он двигался, останавливался и стрелял в нас. После того, как мы выпустили около 15 снарядов, Билл Вокс, заряжающий, который не мог видеть, что происходит, но понимал, зная об отсутствии движения у нашей пушки, что мы все еще боремся с первоначальной целью, спросил: «Когда вы собираетесь попасть в эту долбаную штуку?» Теперь танк был от нас менее чем в 100 ярдах, и мы все еще не могли пробить его броню. Единственное, о чем я мог думать в тот момент, это то, что колеса, крутившие гусеницы танка, были ничем не защищены, и я крикнул Фрэнку: «Шарахни ублюдка по гусеницам, Фрэнк!» Ствол слегка наклонился, и мы выстрелили, попав в ведущее колесо. Танк резко остановился, мотанувшись в сторону. Все еще не утратившие ничуть от своего боевого духа немцы повернули башню в нашем направлении и снова выстрелили, и их снаряд угодил в отсыпку перед пушкой. Наш следующий снаряд, должно быть, вывел из строя вращательный механизм башни, поскольку они открыли аварийный люк, выскочили и побежали в сторону своих позиций. Джордж Проссер и наш главный сержант залегли со своими винтовками, открыли стрельбу и зацепили последнего из немцев, выскочивших из танка.

Два других танка, вышедших из перелеска, оказались справа и слева от нашей позиции. Я решил открыть огонь по тому, который был слева – это была превосходная цель, хорошо просматривающаяся на фоне небольшого бугра. Я отдал необходимые команды – направление – расстояние – огонь. Фрэнк нажал на спусковую кнопку – на этот раз снаряд пробил броню и взорвался внутри танка, разнеся его в клочья, так как взлетел на воздух боезапас. Никто не выжил. Я навел пушку на третий танк и дал команду *Огонь!*. Фрэнк отследил танк, который вертелся то вправо, то влево, старясь отыскать нашу позицию, выдержал секундную паузу и выстрелил, уничтожив эту машину так же, как и предыдущую.

Вблизи от нас не было больше танков, и поскольку интенсивный минометный огонь сделал нашу позицию совсем некомфортной, мы уже собирались вернуться в окопчики, но тут прибежал сержант из 2-го Глостерского Полка. Он указал нам на пустой коттедж, стоявший ярдах в 300 слева от нас, и сказал, что еще один танк прячется за ним. Мы открыли огонь по коттеджу, и все здание взлетело на воздух с языками пламени. Мы ждали, но танк так и не появился. Позднее, когда мы уже маршировали в колонне военнопленных, я встретил того самого сержанта, и он сказал мне, что тот танк сгорел и остался за коттеджем…

Майор Картлэнд, который вместе с Хаттоном-Сквайром и г-ном Д. Вудвардом (D. Woodward) наблюдал за этим боем с весьма открытой позиции, расположенной позади нас, пришел к нам с новыми приказами. Однако поврежденное колесо по-прежнему доставляло хлопоты, и мне с Франком только с большим трудом удалось перетащить пушку. На следующий день я вернулся на старую позицию, которая подверглась интенсивному минометному обстрелу после того, как мы покинули ее. Билл Вокс, который был со мной, насчитал на месте 21 снарядную гильзу. Он счел, что это было слишком много для результатов того дня – на тот момент – три подтвержденных уничтоженных танка, и закопал 17 гильз в нашем окопчике. Потом он в течение следующих нескольких дней приводил всех, кого мог найти, на это место, чтобы показать три танка, уничтоженных нашими снарядами!

Пришло сообщение, что танки [противника] пытаются прорваться через заслон на дороге, на которой находимся и мы. Поскольку атака могла произойти в любой момент, было решено, что мы будем вести огонь с колес. Опять же, нас этому обучали, но мы никогда этого не делали и не видели, как это делается. Для этого был нужен четвертый человек в расчете, который … должен был следить за тем, чтобы пушка не перевернулась при отдаче. *Крошка* Джеймс – самый крупный малый в нашем расчете - был поставлен делать это, и мы отправились на позиции, подготовленные для ведения огня. Мы больше беспокоились о том, что может случиться пушкой после выстрела, чем об угрозе от приближающегося танка. Майор Картлэнд поставил рядом с нами 75-мм полевую французскую пушку с расчетом из французских офицеров. Хаттон-Сквайр, который, как всегда, не беспокоился о собственной безопасности, отправился к заслону на дороге, чтобы понять, что происходит. Напряжение нарастало, затем оно спало, когда из-за угла, оттуда, откуда ожидались танки, появился Дэн Лен Гриффитс (Dan Len Griffiths) из Группы *С* на своем мотоцикле. Как всегда, он был переполнен весенними радостными чувствами. Он поприветствовал нас, достал несколько пачек сигарет из своих переметных сум для всех нас. Собираясь бросить пачку человеку с *Бреном*, он только тут заметил, что это был майор. Лихо откозыряв, он извинился и сказал, что знал о том, что майор не курит, как и он сам, и дал ему большую горсть двухфунтовых плиток шоколада *Cadbury*…

Майор приказал ему отправляться в его штаб, забрать там батарейного старшего сержанта и его людей и ехать в полковой штаб. Это был последний раз, когда мы видели этого парня, потом это случилось только после войны…

Группа *А* майор Вудварда отлично поработала во время атаки противника на позиции, примыкающей к левому флангу Группы *С* бригадира *Кэга* Дэйвиса (Cag Davis), подбив два танка, стреляя в упор. Оба танковых экипажа погибли на месте. Где-то в это время французская 75-миллиметровка произвела выстрел по танкам, находившимся ниже, в долине. Французский полковник посмотрел на результаты стрельбы в бинокль и заявил, что они уничтожили шесть танков! Я знаю, что одна двухфунтовка, которая вела огонь на позиции, которую утром занимала пушка *С1* с одним-единственным артиллеристом, остававшимся на ногах, подбила пять танков. По-видимому, снайпер из *пятой колонны* перестрелял расчет, одного парня за другим. Последний остававшийся в живых увидел колонну танков, приближающуюся по дорожной выемке. Он подбил первый танк, затем выел из строя последний, и заблокировал остальные. Затем он уничтожил три остальных машины. Сожалею, что я не знаю его имени, но полагаю, что он был из 13-го полка Противотанковой Артиллерии. Всего после полудня в то воскресенье было уничтожено более 40 немецких танков!

На протяжении нескольких следующих дней мы наблюдали за тем. что происходит на простирающейся перед нами равнине. Немецкие войска проявляли активность, но были слишком далеко от нас, чтобы мы могли вступить с ними в бой. По ночам мы могли видеть, как горят города в нашем тылу… Это были Кале и Дюнкерк. Мы не знали о том, что были почти окружены и отрезаны от остальных войск *BEF*. Вечером 29 мая был отдан приказ вывести из строя наши пушки и машины, и мы с тяжелым сердцем отправились в штаб майора Картлэнда. Картлэнд произнес речь, в которой разъяснил нам то, в каком положении мы находимся, и сказал, что Бригада покинет Кассель в пешем строю и попытается добраться до своих. Он не сказал ни слова о том, что в Дюнкерке уже идет эвакуация. Он также сказал, что теперь *каждый сам за себя*, и каждый, кто пожелает идти своей дорогой, волен сделать это. Все решили идти с майором и тронулись в путь, вооружившись винтовками, *Бренами* и гранатами. Впереди и в арьергарде были остатки двух пехотных полков Бригады – Глостерцев и Оксфордширской и Букингемширской Легкой Пехоты/Oxfordshire and Buckinghamshire Light Infantry. Артиллеристы и саперы шли в средней части колонны.

На восходе мы оказались под интенсивным огнем пехоты и танков. Мы понесли тяжелые потери, и, чтобы избежать большего ущерба, майор Картлэнд приказал сдаваться. Сам майор вскоре был убит. Хаттон-Сквайр, Томми Банн (Tommy Bunn), который был водителем майора, оказались на некотором расстоянии от батареи. Хаттон-Сквайр сказал, что не собирается становиться военнопленным, и с криком *За мной, бомбардир!* выскочил из канавы, из которой мы вели огонь из нашего *Брена* по находившемуся недалеко танку, но был тут же убит. Томми Банн и я добежали до канавы на дальнем краю поля и снова попали под огонь из того же танка. Мы знали, что танкисты из экипажа этой машины не будут брать нас в плен, и поползли вдоль канавы в направлении калитки, ведущей на соседнее поле. Мы выпрыгнули из канавы и побежали к ней, но налетели прямо на немецкий патруль, который уже захватил нескольких ребят из нашей батареи. «Halt!»- прокричал их унтер-офицер, и так Томми и я стали военнопленными…

Джеймс Палмер

По дороге мы видели группы французских солдат, сидевших в [придорожных] канавах. Их прислали сюда для того, чтобы они взяли этот сектор фронта под контроль, так как мы уходили в тыл, чтобы переоснастить батальон. Добравшись до главной дороги, мы наткнулись на потоки беженцев, идущих на юг. Впервые в жизни я видел людей, покинувших свои дома и тащивших с собой свои пожитки. Позднее эти ручейки превратятся в половодье, и дороги станут непроходимыми…

Наступил рассвет, и мы увидели этих бедолаг, сидящих на своих мешках по обочинам дорог. Тут были маленькие дети с одеялами, наброшенными на плечи, и люди постарше, которые везли свои вещи на колясках. Автомобили с матрасами на крышах стояли, наполовину съехав в кюветы… Где-то в шесть утра конвой остановился, потому что на дороге случился затор. Через полчаса наша колонна съехала с дороги и двинулась дальше по идущей слева грунтовке. Какое-то время мы двигались вперед с ощутимым результатом.

Затем это случилось, и все, что мы могли сделать, — это наблюдать за происходящим. Из облаков донесся пронзительный вой, и четыре самолета пронеслись над забитым людьми перекрестком. Оттуда, где мы были, - со стороны находившейся в тени деревьев грунтовки, все выглядело, как театральная постановка. Длинные потоки беженцев растеклись по придорожным канавам, бросив свои пожитки на дороге. Некоторые остались стоять, глядя в небо. Какое-то время казалось, что мир замер в ожидании страшного мгновения, с которого начнется побоище. Донесся глухой звук взрыва, и облако дыма закрыло перекресток. Затем с ужасающим воем и треском самолеты обстреляли дорогу. Мужчины, женщины, дети гибли, автомобили горели. Даже на расстоянии мы слышали крики и стоны раненых. Наш ужас обратился в ненависть. Это уже была не война, это было чертово убийство! Теперь мы знали, что в этом холокосте правила соблюдаться не будут…

БРИТАНСКИЕ ТАНКИСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ О СВОЕЙ КОНТРАТАКЕ ПОД АРРАСОМ 21 МАЯ 1940 ГОДА

Британские танкисты к тому времени поняли, что война, к которой они готовились на равнине Солсбери в Англии, не имела ничего общего с той, на которой они оказались. Полные предосторожностей приказы и сложные мероприятия были бесполезными, когда танкистов неожиданно бросало в хаотичную атмосферу современных стремительных и мобильных боестолкновений.

Танкист **Уильямс (Williams)** вспоминал: «У нас не было карты местности, мы не имели понятия о цели операции, нам не разрешали связываться по радио, но нас это не беспокоило. Мы к этому привыкли. Большинству командиров экипажей, не имевших разведданных, лишенных времени на рекогносцировку или отработку взаимодействия с приданной им пехотой и артиллерией, говорили так: «Заводите двигатели и следуйте за нами!»»

Вспоминает капрал **Джордж Эндоу (George Andow)** из 4-го Полка: «Дело было вот в чем, и я много об этом думал. Когда бы ты ни проходил подготовку до войны, ты всегда выходил к цели, и во время обучения ни разу не было ситуации, в которой ты неожиданно сталкиваешься с массой бронетехники, уже занявшей позиции там, где находится цель твоего продвижения. Учения совершенно не походили на жестокие реалии войны, которая должна была начаться. Но, думаю, во Франции британская армия выучила некоторые уроки…» «Наше возбуждение в самом начале было исключительным, - вспоминал сержант **Стриклэнд (E. V. Strickland)** из 4-го Полка. – Это была наша первая демонстрация силы.» Но, когда танкист тронулся с места, его машина вдруг резко остановилась – это были обычные проблемы с коробкой передач…

Уильямс вспоминал, что было необходимо выбрать направление атаки, которого он толком не знал. Единственная подсказка пришла от солдат роты *Даремцев*, наступавших через распаханное поле. Над головой танкистов пронеслось несколько снарядов, и Уильямс понял: «Это наши, конечно же!» Тогда как 4-й Танковый Полк держался заданного направления атаки, колонна 7-го Полка продвигалась, практически смешавшись с подразделениями 4-го Полка. Тем не менее, масса наступавших танков и пехоты вклинилась в правый фланг немецкой 7-й Дивизии… «Неожиданно на высоте напротив нас мы увидели поток немецких грузовиков, машин и мотоциклистов, - вспоминал **Питер Вокс (Peter Vaux)**, находившийся в легком танке *M VI*. –… Они были так же изумлены, как и мы.» Британцы обрушили шквал огня на колонну противника. Грузовики начали гореть, группы пехотинцев бросились врассыпную, чтобы укрыться от перекрестного огня. «Не знаю сколько немцев мы убили, не знаю сколько грузовиков и машин сгорело – в самом деле, это был большой успех, и мы и правда не видели причины, по которой мы не могли бы дойти до Берлина с той скоростью, с которой продвигались [в тот момент] вперед.» Стриклэнд подвел свою машину к этой дороге и увидел, что она просто забита немецким транспортом всех видов: «Большинство машин горело после попаданий в них снарядов *Матильд*, я приступил к уничтожению остававшихся невредимыми.» Снова вспоминает Питер Вокс: «Прямо передо мной оказался немецкий мотоциклист. Он пытался завести свою машину, чтобы удрать. На его лбу вздулась вена, а мой стрелок так сильно покатывался от смеха, что не мог прицелиться и прикончить его…»

88-миллиметровеи Роммеля остановили продвижение противника к Аррасу, однако 88-миллиметровки, пробивавшие броню *Матильд*, продолжили бой, кроме того, до наступления темноты позиции британцев подверглись массированным атакам *Штук*…

Когда, не найдя тяжелый французский танк, Питер Вокс (на фото слева) вернулся в долину, откуда наступали британцы, он обнаружил, что немецкие тяжелые танки исчезли из поля зрения. В дне долины он увидел более двадцати танков из эскадронов *A* и *B* 4-го Танкового Полка британцев. Он узнал командирский танк по его хорошо заметному вымпелу, но не смог связаться с ним по радио. Через какое-то время адъютант *(полка ? - ВК)* вышел на связь и сообщил: «Подходите и присоединяйтесь ко мне.» Со стороны леса и гребня высоты в британца летели снаряды – это был огонь тяжелых полевых пушек. Вокс был удивлен отсутствием активности со стороны британских танкистов, но, подъехав поближе, он понял причину этого:

«Я подумал, что это странно – они [танки] не двигаются и не стреляют, а потом заметил, что происходило что-то еще более странное: их пушки были повернуты во все стороны, у многих башенные люки были открыты, из некоторых свешивались тела танкистов, раненых и погибших. Неожиданно я понял, и это был шок – все эти танки были подбиты…»

Немецкие пушки сделали свое дело. Раненые и выжившие ползали повсюду, их можно было разглядеть по их черным беретам. Вокс служил в этом батальоне с довоенной поры…

«Там были все те танки, которые я прекрасно знал, – танки со знакомыми названиями: Dreadnought, Dauntless, Demon, Devil… Там были парни, с которыми я играл в карты, купался, жил бок о бок годами – они были мертвы. Там же были и танки – теперь бесполезные. Редко кто из них горел, но большинство из них было уничтожено так или иначе.»

Так прекратил существование его батальон – лучшие экипажи, офицеры и машины… Вокс понял, что его танк находится в поле зрения вражеских артиллеристов, и приказал механику-водителю сдавать назад. Британцы оказались так близко к немцам, что он разглядел немецкого пехотинца, который положил свою винтовку на ранец и прицелился в него. Крэкрофт, находившийся в другом танке, увидел это, «вытащил свой револьвер и в мгновение ока застрелил этого парня, попав ему в горло,» - вспоминал позднее Вокс. – Должно быть, это был превосходный выстрел, и он спас мне жизнь.» Танк Вокса откатился назад – теперь у лейтенанта было достаточно времени подумать об оставшихся на поле боя погибших и о разбитых танках…

Горящий танк Матильда. Франция, 1940 год.

Тем временем Уильямс продолжал бороться со своим танком *Grimsby*: из-за неисправности двигателя он пока не вступал в бой. В конце концов, его машина выкатилась из леса на поле боя. Две *Матильды*, застывшие в стороне от дорог, очевидно, были выведены из строя. «Они выглядели брошенными, не было никаких признаков людей, которые вступили в них в бой. Неподалеку дымился немецкий бронетранспортер, его дверь была открыта нараспашку. Ни одной живой души на несколько миль, даже *Люфтваффе* отдыхало в послеполуденное время, словно не желая нарушать безмятежность этого солнечного дня в сельской Франции.» Танк Уильямса вступил в бой с одиночным немецким танком и подбил его. Затем танкисты прижали огнем к земле немецких пехотинцев в расположенной рядом деревне. Были взяты пленные, которых отправили в тыл. Экипаж Уильямса получил приказ собраться вместе с остальными уцелевшими в бою. Оказалось, что погибли оба батальонных командира из их полка. Наступила темнота, и, как вспоминал Уильямс, «где-то вдалеке, по направлению к Аррасу, мы увидели вспышки выстрелов и трассы пулеметных очередей над местностью…»

По всему полю боя произошло одно и то же: *Матильды*, первоначально добившиеся продвижения вперед и шокировавшие немецких артиллеристов, увидевших, что их снаряды отскакивают от британской брони, потерпели поражение, когда на них обрушились решительные контратаки немецких танкистов и огонь 88-миллиметровок. Без поддержки бронетехники британская пехота была вынуждена отступить.

Джефф Хауэрд (Jeff Haward, 1919-2022), *7-й Миддлсексский Полк, рассказывает о поражении и эвакуации из Дюнкерка*

Слева - Джефф Хауэрд в годы войны; справа – его портрет художника Глина Дэйвиса (Glyn Davis). На нем брюки в шотландскую клетку тартан, хотя он и лондонец

Джефф Хауэрд до войны сначала служил в Территориальной Армии, позднее, в 1937-м, записался в 1-й Батальон 7-го Миддлсексского Полка/Middlesex Regiment (Собственный Полк Герцога Кембриджского/Duke of Cambridge's Own). По его словам, он поступил так, потому что получал доступ к дешевому пиву и бесплатной еде и потому что, как тогда ему казалось, девушкам больше нравятся парни в военной форме. Кроме того, он знал, что это – механизированная часть, и ему не придется много ходить пешком, как рядовому пехотинцу.

Хауэрд: «В 1938-м все уже клонилось к войне, об этом говорили исходя из того, что делал Гитлер, но лично я не думал, что дело закончится боевыми действиями. Услышав по радио, что все резервисты должны явиться в свои части, я прибыл в наши казармы для исполнения служебных обязанностей 1 сентября 1939 года, когда Германия напала на Польшу, за три дня до того, как Британия объявила войну. Моя мать не была особенно

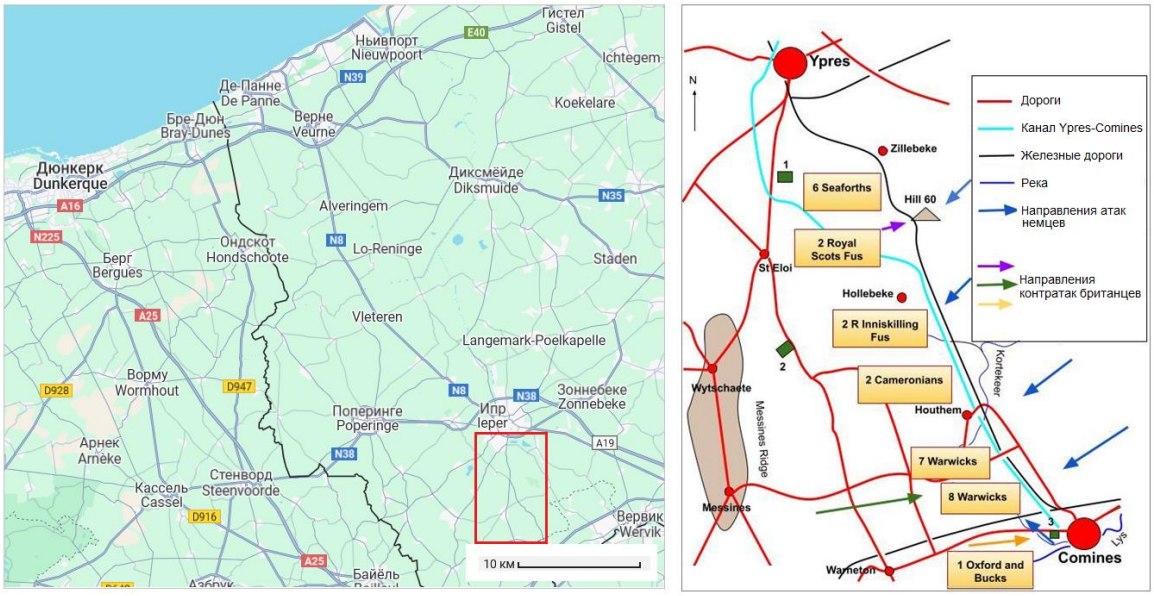
рада этому: мой отец потерял ногу на ПМВ и умер от осложнений, связанных с ранением, когда мене было всего четыре года.

Я служил в батальонах 1 и 1/7 Миддлсексского полка. В январе 1940 года мы отправились во Францию. Это была одна из самых холодных зим, которую когда-либо наблюдали. Спасли мы на чердаках фермерских домов, помню, один раз у меня даже зубная паста замерзла, и я не мог почистить зубы…

Когда мы находились в обороне, то французы, то бельгийцы, занимавшие позиции по обе стороны от нас, отходили, не предупреждая нас об этом, и нам тоже приходилось отступать. К 26 мая, когда бельгийцы капитулировали, мы находились на бельгийско-французской границе. Наш полковник отправил нас – группу из 9 человек - на разведку через реку Лис или Leie. Сначала, через пять минут, мы увидели немца, едущего на велосипеде. Мы застрелили его, а вскоре после этого увидели штабной автомобиль, едущий по дороге, и застрелили водителя и офицера, сидевшего на переднем сидении. Еще один офицер, сидевший на заднем сидении, выпрыгнул из машины и убежал, оставив в ней свою фуражку и портфель с документами германской 6-й Армии., наступавшей на Дюнкерк. К этому моменту в поле зрения появились еще немцы, и нам пришлось ретироваться. Благодаря полученной информации мой пулеметный батальон смогли разместить на стратегически важной позиции вдоль берега канала Ypres-Comines, и нам удалось задержать на несколько дней немев, продвигавшихся к Дюнкерку.

На пути назад, к штабу роты, часовой попытался остановить меня. Было темно, и он принял меня за немца. Я сказал ему, что не могу останавливаться, и он выстрелил в меня. По счастью, выстрел был так себе, и он попал мне в плечо, в мякоть. Того солдата звали Джонни Хант (Johnny Hunt), потом он говорил мне, что целился в голову. Мы тогда хорошо посмеялись над этим. Позднее он погиб, и мне пришлось хоронить его.

Тогда я думал, что немцы выиграют войну, настолько они были сильнее нас, и их вооружение было намного лучше нашего.»

Слева - схема расположения участка боев на берегах канала Ypres-Comines, справа – карта боевых действий 27-28 мая 1940 года

Солдаты 2-го Батальона Миддлсексского Полка в 1940 году были подчинены 3-й Пехотной Дивизии. На фото – идет обучение использованию пулемета Виккерс неподалеку от Лилля, Франция, март 1940 года…

Солдаты 51-й Дивизии на огневой позиции у реки Брель, 6-8 июня 1940 года

В конце отступления батальон Джеффа получил приказ вывести из строя все свои машины и пулеметы и уходить в Дюнкерк, чтобы дожидаться эвакуации. Батальоны, пришедшие с передовой, демонстрировали высокий уровень дисциплины на фоне массы деморализованных и сбитых с толку людей из частей поддержки, сидевших между дюнами. «Мы отступали в арьергарде, потому провели на пляже всего день, - вспоминал он. - Добрались до него, когда рассветало, часа в четыре утра. Каждая рота входила в воду цепочкой, мне было по пояс, а когда накатили волны, вода стала захлестывать меня по плечи.»

Когда стало очевидным, что за ними никто не придет, Батальон 1/7 получил приказ вернуться на берег. Через какое-то время Джефф и его товарищи нашли выброшенное на берег судно: «Мы увидели на отмели лежащее на боку судно. Оно горело и, казалось, оно выбросилось на берег, но на него поднимались люди. Мы подошли поближе и увидели, что моряки жгут тряпки в 50-галлонных бочках, чтобы сбить с толку немецких летчиков: издалека могло показаться, что судно брошено. Мои пулеметчики и я спустились по лестнице в трюм. Он был забит людьми, их были сотни. Оказавшись на борту, я неожиданно почувствовал, что страшно устал: я не спал два или три дня и терял кровь из

своей раны… Моряки ждали прилива. Я заснул и, когда проснулся, почувствовал, что судно покачивается – морякам удалось отойти от берега. Я снова уснул, и следующее, что я помню, это как кто-то трясет меня и говорит, что мы прибыли в Фолкстон. Было 8 утра 2 июня. Я слишком устал, чтобы шевелить мозгами. Нас посадили на поезд, старый поезд линии *Southern Railways* со старинными распашными дверями. Я снова уснул и проснулся на следующее утро уже в Уэльсе.»

***Джеймс Палмер** рассказывает об эвакуации из Бреста*

Около восьми [вечера] нам снова приказали рассесться по грузовикам. Мы снова тронулись в путь, на этот раз, сами не зная куда. По крайней мере, мы не собирались сидеть сложа руки и ждать последней поверки. Когда мы ехали той ночью, настроение у всех было такое: будь что будет. Наступил рассвет, а мы все ехали. День был ясным и солнечным, так что мы смогли немного расслабиться. Большинство поспало по нескольку часов, свернувшись на полу кузова… Колонна остановилась на узкой дороге, и нам приказали спрыгнуть на землю. То, что мы увидели вокруг, привело нас в ужас. По обочинам дороги были разбросаны сгоревшие машины. Прочее снаряжение было свалено в огромные кучи и все еще дымилось. Гусеничные машины валялись на боку, у грузовиков были разбиты радиаторы, шины были продырявлены. Из моторов было слито масло, потом их запустили, пока их не заклинило… Одежда, ранцы, спальные мешки, средства связи, планшеты, переломанные винтовки, патронные ящики, цистерны, носилки, каски, ящики с тушенкой, канистры для бензина, джипы, бронетранспортеры, минометы, санитарные фургоны – все было приведено в негодность и брошено...

Машины, брошенные британцами. Франция, 1940

Мы были всего в двух милях от Бреста, и нам сказали, что, возможно, будет судно, которое перебросит нас через пролив. Нам приказали лечь и немного поспать, но быть готовыми тронуться в путь сразу же по поступлении приказа. Свето- и шумомаскировка были обязательными. К этому моменту я попал в одну группу с отделением связистов, и вместе с ними нашел место посуше рядом с перевернутым трехтонником. Уставшие, мы сразу же уснули. Ночь была холодной, и проснулись мы довольно рано. Было темно, стояла тишина. Затем, к нашему ужасу, мы увидели, что все остальные ушли, бросив нас. Мы подобрали все необходимое и пошли дальше по дороге, усеянной следами разгрома и разрушения…

Улицы [Бреста] были пустынными, но, приблизившись к гавани, мы увидели небольшой пароходик, отходящий в море. У пирса стояло еще одно судно, поэтому мы бегом бросились к нему, в горячке выкрикивая: «Господи, не уходите без нас! Подождите, разве вы не видите, что мы бежим к вам?» До нас донесся гул налетевших самолетов, мы услышали спазматическую стрельбу по ним с крыши склада. Самолеты прошли над гаванью совсем низко и обстреляли ее. Мы слышали, как трещат очереди и как пули со звоном отскакивают от стен и пирсов. Все это мы слышали и видели, прижавшись к земле между двумя здоровенными бочками. На этот раз я не молил бога о спасении, я орал на него…

Стоявшее у причала судно было забито канадскими пехотинцами. Оно имело нехороший крен. Крупный мужик из числа Шотландских Гвардейцев/Scots Guards орал на них, призывая переместиться к другому борту, чтобы избавиться от крена. Мы стали взбегать по дощатому трапу тогда, когда его уже начали втягивать на борт. Судно медленно начало отходить от пирса. Тут я заметил надпись на одной из шлюпок: «The Lady of Mann». Это был один из паромов с острова Мэнн… Я лежал и истерически хохотал, потому что вспомнил, что это самое судно возило нас на каникулы в лагерь, когда я еще был в *Boys Brigade*. Судьба была благосклонна ко мне на этот раз. Я хохотал, но по щекам текли слезы…

Британские солдаты на пути в гавань Бреста. Июнь 1940 года.

Мы были всего лишь в сотне ярдов от берега, когда самолеты вернулись, чтобы расправиться с нами. На этот раз они сбросили бомбы, и одна из них или несколько упали довольно близко. Судно тряхнуло, оно качнулось, волна от взрыва нахлынула на палубу, и мы чуть не захлебнулись в этом потоке. Открыл огонь пулемет, затем еще один, который был ближе к носу, присоединился к нему. В то время все, кто был на палубе, начали пальбу из своих винтовок и *Бренов*. Наша стрельба и вынырнувший из облаков *Спитфайр/Spitfire* отогнали немцев.

Британские солдаты на борту судна, эвакуирующего их из Бреста. Июнь 1040 года

На верхней палубе лучше было не задерживаться, и я спустился по трапу на нижнюю. Она была забита солдатами, которые буквально лежали друг на друге… Спотыкаясь об них, я пробрался на другой конец палубы, где находился камбуз размером в четыре квадратных фута. В нем хозяйничал низенький толстый кок, обливавшийся потом и крывший матом всех и вся. Он сильно нервничал, что было понятно. На плите стояла сковорода, на которой готовилось жаркое. Когда я сказал коку, что я из Манчестера, он сунул мне в руки полную миску жаркого и сказал: «Глотай все это, парень, я разбужу тебя, когда мы дойдем до дома.» Тепло камбуза и жаркое разморили меня, и я уснул с миской на коленках, так и не очистив ее.

Когда я проснулся, судно опять накренилось на один борт. Все, кто был на нижней палубе, рвались к иллюминаторам, чтобы увидеть берег. «Это Портсмут! Это Плимут! Это Бриксхем!» Я не знал, где мы, или не придавал этому значения, поскольку мы были в Англии. Мы добрались до дома через 15 дней после того, как была завершена эвакуация с пляжей Дюнкерка!

НОРВЕГИЯ – 1940

Весной 1940 Великобритания и Франция высадили свои войска в Норвегии, чтобы отразить вторжение гитлеровцев. В скоротечной кампании германские войска взяли вверх… Вспоминают солдаты и офицеры, сражавшиеся против нацистов…

Сержант Абрахамс (Abrahams), *1-й Батальон Шотландских Гвардейцев/1st Battalion Scots Guards*

7 апреля 1940 года я видел, как 1-й Батальон Ирландских Гвардейцев/Irish Guards отправлялся из шотландского порта для участия в своей первой кампании ВМВ, кампании, о которой по сей день известно очень мало. В ее ходе люди не раз проявляли храбрость высшей пробы в тяжелейших условиях заснеженных гор Норвегии. Гвардейцы, известные под прозвищем *Micks,* приняли участие в сражении, которое войдет в анналы военной истории на одном уровне с Ватерлоо и т.п. – в сражении под Нарвиком.

Мне, бывшему солдату 1-го Батальона Шотландских Гвардейцев, которому посчастливилось служить бок о бок с Ирландскими Гвардейцами в той кампании, посоветовали написать об этом…

Ирландские гвардейцы тронулись в путь по морю из Харстада, расположенного на Лофонтенских островах. Они должны были поддержать Шотландских Гвардейцев, как и валлийцев из полка South Wales Borderers *(историческое название, связанное с набором рекрутов в приграничных с Англией районах Южного Уэльса - ВК)*, в предстоящем наступлении. Мы, шотландцы, высадились в районе городка Му-и-Рана в воскресенье 12 мая 1940 года, под бомбами пикирующих бомбардировщиков. В [польское] судно *Chrobry*, на котором находились ирландцы, угодила тяжелая бомба, которая убила большинство старших офицеров, включая командира батальона и его заместителя майора Денэма (Denham). Денэм был тяжело ранен и скончался в Харстаде через несколько дней…

Валлийцам повезло ненамного больше, так как [перевозивший их] тяжелый крейсер *Effingham* наскочил на камни в одном из фьордов на пути к Му-и-Рана. Тогда общее мнение было такое: поработал лоцман – человек немецко-норвежского происхождения. Корабли вернулись в Харстад для ремонта. Ирландцы, проявили исключительную дисциплину, когда их снимали с разбитого и горящего [лайнера] *Chrobry.* Мне об этом рассказал майор Джон Элвес (John Elwes), командир моей роты *B* вечером 17 мая 1940 года, когда мы готовились к марш-броску протяженностью в 14 миль, чтобы прийти на помощь нашим Левофланговой (Left Flank) и Правофланговой (Right Flank) ротам, отбивавшим яростную атаку немцев примерно в 10 милях от Му-и-Рана.

Я был ротным связным. Майор Элвес, говоря об ирландцах и о потоплении *Chrobry*, сказал: «Мораль этой истории такова: не клади все яйца в одну корзину,» имея в виду то, что все старшие офицеры находились рядом друг с другом в палубных каютах там, куда угодила бомба.

В истории Шотландских Гвардейцев остались бои в окрестностях Му, подрыв моста через реку Рана, в результате чего моя Рота *B* осталась отрезанной на занятой немцами стороне, чтобы удерживать городок любой ценой, эпический переход через горы и через немецкие позиции, переправа через глубокую реку на трех небольших лодках, *Военный Крест*, которым наградили майора Элвеса.

Если бы ирландцы и валлийцы были с нами в том сражении близ Му, атака немцев была бы отбита, и того трагического отхода с боями на север, за Полярный Круг, не случилось бы.

Вечером 24 мая мы перешли через мост в Потхусе, и ирландцы, находившиеся близ него и Ронана/Rognan получили нужные припасы и были направлены к Будё – портовому городу (позднее ставшему военно-морской базой немцев), который никто не оборонял. Через несколько дней этот город подвергся атакам идущих волна за волной пикирующих бомбардировщиков, которые превратили его в горящие развалины. Не пощадили ни госпиталь, ни находившихся в нем медсестер, вообще никого…

Я хорошо помню, как измотаны мы были, когда проходили через позиции ирландцев: неделя без сна, дневной свет 24 часа в сутки, грязные, уставшие от непрерывных переходов и боев. Ирландцы были шокированы нашим внешним видом и сердечно нас приветствовали, веря в то, что вместе с нашей ротой сумеют сдержать наступление немцев через район Салтдал – обширный, горный, залесенный, с проходящей через него всего лишь одной проселочной дорогой, ведущей к Арктическому шоссе.

О героизме, проявленном ирландцами, которые, как и шотландцы, безнадежно уступали противнику в численности и столь же безнадежно были обойдены с флангов горными стрелками противника, поддержанного авиацией (которой у нас не было), артиллерией и т.п., так и не стало известно широкой публике.

Будё, разрушенный немецкой авиацией

Мост в Потхусе пришлось взорвать, так как немцы быстро наступали и почти уже вышли к нему. Многим ирландцам пришлось постараться, чтобы оторваться от противника и попытаться переплыть реку, которая [в тот момент] сильно разлилась.

Когда я посетил эти края [в 1964-м], я отчетливо вспомнил, как главный полковой сержант *(RSM. – Regimental Sergeant Major)* Джонни Стэк (Johnny Stack) изо всех сил старался спасти многих из тех, кто не умел плавать… В 1964-м я провел два дня в пути между Эвенсдалем, Венсмоеном и Ронаном, беседуя с фермерами и местными жителями, которые помнили ирландцев, на время располагавшихся в их домах перед уходом на передовую. Во дворе церкви Ронана были похоронены некоторые погибшие в боях ирландцы, тогда как другие, утонувшие или застреленные немцами во время переправы через реку, так и не были найдены. Я записал некоторые из имен: Tierney – погиб 21 мая 1940 года, Rankin – погиб в возрасте 21 года, Donnoly, Jordan.

Один фермер также передал мне каску ирландца по фамилии Reardon (Reardon), который вместе со своим отделением попал под огонь, пытаясь переплыть через бурную реку. Он и другие были убиты или утонули в нескольких милях от этого места близ Сундбю.

Когда я посетил маленькую часовню в Салтдале, мне рассказали, что один из ирландцев с расстояния больше чем 600 ярдов снял немецкого снайпера, который засел под шпилем местной церкви. Пулевое отверстие к тому времени было все еще там, и тот превосходный выстрел стал местной легендой.

Разбомбленный причал в Ронане был отстроен заново. Многие ирландцы должно быть, помнят эвакуацию под огнем. Железную дорогу, проложенную при немцах рабским трудом в 1942 году от Трондхейма до Будё вдоль фьорда и пересекающую его по мосту в городке Хопен/Hopen, местные называют *Кровавой Дорогой*, потому что тысячи русских и славян-военнопленных погибли при ее строительстве.

Через мост в Хопене, где наша рота Шотландских Гвардейцев участвовала в своем последнем бою на земле Норвегии, проходило отступление ирландцев через наши позиции 5-6 дней после того, как мы прошли через их позиции в Потхусе и Ронане. В 1964-м я стоял на заново построенном мосту и вспоминал, как здесь проехала транспортная колонна с ирландцами, на многих из которых были старая гражданская одежда, какие-то шляпы с узкими полями, словно они потеряли свою одежду, переправляясь через реку в районе Потхуса. Тогда я узнал своего старого друга Пэдди Теллина (Paddy Tellin), который позднее погиб в бою. Он сидел на заднем борту грузовика, и, когда они проезжали мимо, я спросил, уж не были ли он демобилизован, намекая на его коротковатый гражданский костюм и довольно модную шляпу. Однако он держал в руках автомат, его ответ оказался довольно грубым, и я сообразил, что он сильно не в духе…

Интересно, что человек, который копал могилы во дворе церкви Ронана, все еще был сердит на ирландцев за то, что они взорвали мост в Потхусе в 1940-м. Он хотел знать, кто сделал эту ужасную вещь и никак это не компенсировал…

Подвал под одним из домов близ ронанской церкви был использован немцами для того, чтобы держать в нем ирландцев, взятых в плен в районе Салтдала и Потхуса. Немцев немало удивило задушевное пение, которое доносилось из подвала, и, когда они открыли дверь в него, они обнаружили, что пленные напились, найдя в подвале литров шесть *(1 stone)* домашнего вина. Хозяин дома сказал мне, что этим ирландцы сильнейшим образом поразили немцев, поскольку пели ирландские бунтарские песни и хохотали при этом. Позднее их переправили в Трондхейм…

К. Маколи (K. McAuley, 1919-2017)

9 апреля 1940 года немцы вторглись в Данию и Норвегию. Дания была захвачена, в Норвегии немцы установили контроль над основными аэродромами и портами.

В это время 1-й и 2-й батальоны Ирландских Гвардейцев находились в лондонских Веллингтонских казармах, и 10-го апреля 1-й Батальон, являясь частью 24-й Бригады Гвардейцев/Guards Brigade, состоявшей из 1-го Батальона Шотландских Гвардейцев, 1-го Батальона Ирландских Гвардейцев и 2-го Батальона валлийцев отплыли в Норвегию. Некоторый интерес представляет то, что мы тронулись в путь впервые в только что выданной нам униформе. На ней не было латунных пуговиц, которые полагалось полировать до блеска, не было необходимости тщательно накручивать обмотки, вместо которых мы получили новые гамаши. Прибыв в Норвегию, мы воспользовались услугами рыболовных суденышек, прозванных *puffers*/*пыхтелками*, и перебрались на берег в небольшом порту под названием Лиланд. Здесь я немного отвлекусь.

Есть такая книга, называющаяся *Обреченная Экспедиция, Кампания в Норвегии/The Doomed Expedition, The Campaign in Norway*, написанная Джеком Адамсом (Jack Adams). Уверен, он не стал бы возражать, если старый солдат, который принимал участие в этой кампании, привел бы цитату из его предисловия:

«Все было готово для первого значительного наземного сражения в этой войне. Его результат для союзников, вероятно, может быть резюмирован словами Дезмонда Фитцджералда, историка, который писал об Ирландских Гвардейцах. «… Надежды и планы окончились неудачами и депрессией. Кампания была трагедией, ставшей еще более тягостной из-за той стойкости, которую проявили те немногие части, которые сражались совершенно неадекватно оснащенными для этого. С начала мая предчувствие неотвратимого крах повисло над Норвегией.»

То, что было после Лиланда, смешалось в памяти. Я многое помню, но воспоминания скомкались. Поэтому я буду вспоминать те события без связи друг с другом, не в последовательности…

Помню, как я ехал в неизвестном для меня направлении, глядя сверху на фьорд, помню, как нас поселили в пустом деревянном доме, из которого мы могли видеть сквозь снежные заряды, как эсминцы качаются вверх-вниз на волнах. Помню, как мы взошли на борт большого военного корабля, думаю, это был крейсер, и еще то, что мы поняли, что нам предстоит наступать на Нарвик. Однако вскоре после посадки мы опять сошли на берег, и я вновь оказался на борту *пыхтелки*, где нас загнали в трюм, вонявший рыбой. Это помещение было кстати, потому что почти постоянно было светло, и *пыхтелки* с толпами солдат на палубах едва ли сошла бы для разбойничавших в небе немецких самолетов за невинную рыболовную флотилию, вышедшую в море по обычным своим делам.

Помню, как мы окопались на крутом, покрытом лесом склоне, где нас регулярно обстреливали немецкие самолеты. Я ни разу не видел какой-либо поддержки с воздуха,

оказываемой нам союзной авиацией на протяжении всей кампании. Со временем кто-то, должно быть, решил, что ту нашу позиция на склоне не удержать, и нам приказали покинуть ее. Спустившись по склону вниз, мы обнаружили пеструю колонну машин и поскорее убрались оттуда. Прибыв к причалу, мы взошли на борт эсминца.

Помню, что моряки эсминца угощали нас горячим сладким какао. Тем не менее, когда корабль направился в открытое море и стал пробивать себе путь поперек волны на всех парах, его стало раскачивать с глухими ударами о воду, и уже вскоре нижняя палуба была вся заблевана недавно выпитым какао…

Помню, что где-то в Норвегии был у нас долгий марш из одного места в другое. Колонной командовал какой-то капитан, не помню, как его звали, но помню, что с его бедер свисали два револьвера в стиле Джона Уэйна (John Wayne) . Очевидно, был он экстравагантной личностью.

Однако больше всего мне запомнился лайнер *Chrobry*. В начале войны два польских лайнера *Batory* и *Chrobry* ушли в Англию и стали войсковыми транспортами. 13 мая 1940 года наша батальон отправился в путь на борту *Chrobry*, чтобы усилить наши части, вытающиеся сдержать немецкое наступление через Норвегию. Была полночь, все еще было светло, и *Chrobry* атаковали бомбардировщики. Кроме судовой команды все спали, и бомбы взорвались рядом с каютами старших офицеров. Наш командир батальона был убит, командиры рот были ранены. Я в это время спал на нижней палубе.

Мы, 1-й батальон Ирландских Гвардейцев, обязаны своими жизнями храбрости и морской выучке командира эсминца *Wolverine* и его команды. Наш последний контакт с противником случился 8 июня, когда немецкий самолет разведчик появился в поле зрения, вызвав тревогу. Корабли эскорта открыли по нему огонь. По счастью, еще до того, как разведчик мог бы навести на нас бомбардировщики, конвой углубился в густой туман, и *Люфтваффе* осталось без какой-либо добычи…

Джордж Парсонс (George Parsons)

Мне стоило немалых трудов пробиться в Фузильерский полк, так как моя профессия относилась к числу необходимых в тылу. Я дважды прошел подготовку в военных лагерях с Королевскими Фузильерами/Royal Fusiliers, во втором из них я был в тыловом отряде, но во втором мы получили винтовки, противогазы и прочее снаряжение, дела стали приходить в порядок, потому что люди знали, к чему все идет.

Потом нас отправили обратно по рабочим местам, и, я думаю, дня через два началась всеобщая мобилизация, и нас опять собрали в Balham. Там мы провели две ночи, затем меня отправили в зону отдыха *Ice Rink* городка Стритэм/Streatham, где рядом была церковь, - там собирались разные подразделения, и мы провели там от 4 до 5 недель. Там я встретил мою жену Сильвию, и в той церкви рядом с катком мы обвенчались.

После этого мы отправились в Сассекс, в место под названием Натмир, где мы участвовали в учениях. Я стал сапером, помню еще, что был на курсах химзащиты. Затем мы вернулись и долгое время копали систему траншей, полноценную систему траншей, со всей облицовкой и настилами, и нам пришлось жить в этих траншеях целую неделю.

По субботам мы сидели в казармах. Увольнительных не было, тогда мы сбивались в отдельные группы. Мы не знали, куда нас отправят, и нам говорили, что шанс вернуться будет равным 1 из 10, что мы отправляемся туда, где не будет никаких сил поддержки и

нет планов на эвакуацию. Я вызвался отправиться туда добровольно, и одним воскресным утром мне сказали, что я оказался серди тех, кого выбрали для этого, так что нас, таких вот, усадили на грузовик. Наш полковник сказал: «Ну, Джордж, ты ищешь приключений, и, вероятно, ты их найдешь, где бы ты ни оказался.»

Мы отправились в [приморский городок] Сент-Мэри Бей и оказались в чем-то, напоминавшем лагерь для отдыха. Нас представили нашему новому командиру. Это был майор Педди (Peddy) из Манчестерского Полка. Утром нас кинули в 25-мильный марш-бросок вокруг болот Ромни Марш *(болотистая низина в графствах Сассекс и Кент – ВК)*. Любой из заработавших мозоль или что-то в этом роде или почувствовавший себя плохо отправлялся назад. Так нас рассортировали.

На следующий день нас усадили на грузовик и отвезли на станцию, где мы пересели на поезд, идущий в Гурок/Gourock в Шотландии. Там нас ждал транспорт *The Ulster Prince*. Нам пришлось хорошо потрудиться на загрузке судна, мы разглядели в грузах тропические шлемы и всякое такое, так что похоже было на то, что нас отправляют в какую-то жаркую страну. Мы загрузили судно и взяли курс на Пентланд-Фёрт *(пролив в Шотландии, между островом Великобритания и Оркнейским архипелагом – ВК)*, далее прошли через Скапа Флоу, и тогда нам сказали, что мы направляемся в Норвегию.

Мы оказались в 5-й Отдельной Роте/5th Independent Company, одной из 10 отдельных рот, из которых использовали только 5. Нам сказали, что немцы высадились в Норвегии. На север вела только одна дорога, но нашей целью было не удержание какого-то основного участка, а железная руда Нарвика – важнейший местный товар, который был так нужен немцам. Наша часть получила кодовое название *Ножницы Номер 5/Number Five Scissors*, и мы никому не должны были об этом говорить…

Нам сказали, что нас высадят как можно ближе к немецким позициям. Наше путешествие было весьма нелегким. Море было довольно бурным, и наш груз начал елозить (смещаться). Дошло до того, что нам пришлось собраться у одного из бортов, чтобы удержать судно на плаву. Волнение было таким сильным, что каждый, я думаю, заработал морскую болезнь, и я помню, что одним утром я встал с койки и сказал: «Пойду доложу, что я болен.» Еще несколько парней доложили об этом, и неожиданно нам сообщили, что «по этому поводу не будет никаких поблажек. Встаешь и идешь работать.» Ну, мы стали делать то, что нам полагалось: бегать к поручням, [блевать], бежать обратно и делать свое дело.

Так мы стали приближаться к Норвегии. Никому не было дано разрешение выходить на носовую бак, поскольку волны были такими, что захлестывали ее. Нам сказали, что нас высадят в месте под названием Мущён, непосредственно к югу от Полярного Круга. Нам выдали сухие пайки, спички и все такое прочее. Нас так швыряло, что я ударился о переборку и почувствовал себя настолько плохо, что уже ни о чем не беспокоился. Да пусть хоть вся немецкая армия там окажется … Я просто настолько отвратительно себя чувствовал.

Высадка оказалась большим приключением, полным нестыковок. Мы высадились в Му-и-Рана и, представьте себе, что мы почувствовали, когда увидели напротив себя возвышавшуюся над нами покрытую льдом гору высотой до 2 000 футов – мы, пацаны из Южного Лондона, которые раньше никогда не видели гор, а многие никогда раньше и в море-то не бывали. Мы высадились, на берегу оказалась довольно большая группа людей. Там был [Французский Иностранный Легион], и мы начали понемногу с ними переругиваться… Шкипер судна орал на нас, требуя, чтобы мы побыстрее все разгрузили, потому что боялся налета бомбардировщиков.

В итоге мы разобрались со своим грузом, после чего нам сказали начать восхождение на ту самую гору, так как немцы, по-видимому, находятся внизу на противоположном склоне, насколько это было известно по разведданным. Мы начали подъем, и, поднимаясь в гору,

я почувствовал, что меня одолевает *горная болезнь* – мне казалось, что гора падает на меня. Однако мы забрались на вершину, нашли старую ферму, вроде свинарника, и в нем расположились. Темнота не наступала. Мы видели сумерки, когда покидали Скапа Флоу, после этого темного времени дня мы не видели. Утром нас собрали, а потом послали разведывательные патрули на поиски норвежских частей в округе.

Мы несколько раз выходили на патрулирование. Те, с кем мы столкнулись, напоминали наше ополчение (Home Guard), но, по-видимому, у них не было офицеров. Помню, как мне приходилось тащить тяжелые ящики с боеприпасами три или четыре мили, а потом еще затаскивать их на вершину, где были наши позиции. Позиции были на высотах, с них просматривалась излучина дороги – довольно удобная точка для засады. На протяжении нескольких часов ничего не происходило. Было какое-то замешательство: что делать дальше. Мы не слышали никакой стрельбы. Затем появились мотоциклы с колясками, потом подошла основная колонна [противника], и тут началось. Они быстро развернулись, заняли позиции на буграх на противоположной стороне дороги, после чего на протяжении двадцати минут, может получаса, продолжался довольно ожесточенный огневой бой. Полагаю, что я вошел в эту половину часа молодым 19-летним пареньком, а вышел из нее мужчиной, хорошо обстрелянным, потому что тогда я впервые понял, насколько тут высоки ставки…

На той стороне на вершине бугра засели пулеметчики, и мы сконцентрировали огонь на них. Через несколько мгновений выстрел из противотанкового ружья попал в парня, который шел, и, должно быть, нес боеприпасы. Его просто разнесло в клочья одним-единственным выстрелом. Однако затем положение наше стало более тревожным, потому что опыта у нас не было, и мы не знали, что за первой линией немцев находятся лыжники, а нам противостоят опытные горные стрелки.

Тревожный момент наступил, когда оказалось, что, обойдя нас, они заходят нам в тыл. Ситуация была серьезной, потому что мы не знали, что нам делать. Но от нас вниз уходила узкая расселина, достаточно широкая для того, чтобы мы по одному стали спускаться по ней со всей выкладкой. Вражеские пули теперь летели у нас над головами. Мы отошли, укрылись за скальным выступом и собрались вместе. Теперь главной нашей задачей было добрать до Му-и-Рана, потому что нам раньше говорили, что саперы собираются взорвать мост, а это означало, что мы можем оказаться в ловушке. Что ж, впервые в жизни я несся с такой скоростью, словно в горячке. Мы просто спасали свои жизни. Потом мы остановились где-то, и я помню, что умирал от жажды, но воды под рукой не было. Я зачерпнул горсть снега и уже собирался отправить ее в рот, когда какой-то парень из Иностранного Легиона поделился со мной водой и объяснил, что есть снег вредно для горла. С нами было двое пленных немцев, и нам приказали отвести их на ферму и присмотреть за ними, пока не скажут, что делать с ними дальше. Так что мы отвели этих двух немцев туда, где на ферме было что-то вроде кухни. Мы все еще слышали, как где-то шел бой, но на каком-то расстоянии от нас. Я поговорил с напарником и сказал ему: «Знаешь, я думаю, они приближаются. Если не проявим предусмотрительность, сами окажемся в плену. Не знаю, что и делать…» Мы согласились на этом, потихоньку выбрались оттуда, оставив пленных. Набрели на кого-то из наших – эти парни тоже пытались убраться подальше. Майор Скофилд сказал: «Все идем в Му.»

Сформировали что-то вроде боевой группы, но так и не дошли до цели, потому что толком не знали, куда идти. У нас были только туристические карты, никаких военных топографических карт у нас не было. Мы знали, что немцы ищут нас. Мы бродили почти неделю и потеряли все, что у нас было, - мы побросали все снаряжение и припасы, и поэтому ходили голодными… Полагаю, нас осталось человек 15. Мы пришли к выводу, что не знаем, где находится Мо, так что нам остается идти к побережью. Дошли до побережья, раздобыли где-то еды, и тут кто-то заметил немецких солдат на другом конце причала. Майор Педди, который был с нами, приказал спрятаться на рыбацком судне, и мы надолго засели в трюме, в то время как Педди и другой офицер оставались наверху. И тут с неба начали спускаться парашютисты. В то время мы понятия не имели о парашютистах. Они

приземлялись совсем рядом, избавлялись от парашютов, и мы уже было решили, что попались. От этих причалов идти было некуда, и мы решили, что скажем капитану судна, чтобы он вывел его в море. Однако начался скандал - капитан стал спорить с нами, потому что рядом с побережьем проходило сильное течение, и в море выходить было опасно. Короче, капитан отказался. Мы подумали, что это, вероятно, просто отговорка. Помню, кто-то сказал: «Ткните ему винтовкой в спину и заставьте двигаться.» Так и случилось…

Мы ушли из этой бухты и сошли на берег близ Будё. Оттуда мы добрались до места под названием Фауске, где встретили остальных ребят из Отдельной Роты. Там оставались довольно долго. Мы ушли в горы, чтобы не подвергать опасности местных жителей. Норвежцы предупредили нас о том, что видели, как высаживаются парашютисты. Мы выслали разведку, но никого не нашли, однако наступил день, когда над фьордом появилась большая летающая лодка. Ее мотор захлебывался, было видно, что у них проблемы. Лодка села на воду и скрылась за небольшим мысом. Мы сели на рыбацкое судно и направились туда, но стоило нам обойти мыс, до нас донесся треск пулемета, мотор лодки взревел, и она поднялась в воздух. По счастью, никто не пострадал, но, очевидно, это была разведка. Вскоре после этого Фауске бомбили. Я помню, как рядом со школой взорвалась бомба. Мы загнали детей в какой-то зал, и я хорошо помню их визг… Позднее мы узнали, что в городе после бомбежек уцелел только один дом.

Для нас пришло время уходить, так как пришел приказ двигаться к шведской границе, чтобы дать там последний бой. Дальше мы отступать не собирались. Мы ушли и позднее встретились с нашими – я не помню, кто это был, Шотландские или Ирландские Гвардейцы. Мы заняли боевые позиции. Мое место оказалось рядом с кладбищенским памятником, оттуда открывался вид на фьорд. Немцы были на противоположном берегу на расстоянии выстрела. Прождали мы целую ночь (думаю, это была ночь), и тут поняли, что что-то происходит: офицеры собрались вместе. Пришло известие о том, что мы оставляем Норвегию.

Мы были в 9 милях от шведской границы и сами по себе. Решено было возвращаться тем путем, который был нам знаком, в Будё, где, как мы знали, находится штаб. Мы начали свой марш, но из-за обстрелов с воздуха стало понятно, что далеко мы не уйдем, поэтому пошли по горам, длинным путем. В итоге мы добрались до Будё, который был под бомбами. Мы спрятались в развалинах рядом с причалами. Пришел корабль, чтобы взять нас на борт. Нам сказали: «Когда вас позовут, бегите – у вас столько-то секунд на пробежку. Бросайте винтовку морякам и сразу же ныряйте вниз. Если будет налет, эсминец уйдет, но потом вернется.» Корабль был к тому времени сильно поврежден.

Мы забрались на корабль за свои сорок секунд. Потом был еще один переход по бурному морю. Мы были на нижней палубе, нам раздали горячий шоколад или какао, и почти всех вывернуло. Мы высадились где-то в районе Нарвика, когда думали, что были на пути домой. Оттуда мы совершили тяжелейший марш через горы, когда сильным пришлось помогать слабым. На мне было две пары носков, и позднее, когда я снял их, они слезли вместе с кожей… Потом мы сели на небольшой паром, который отвез нас в Харстад, где кого только не было: Иностранный Легион, французы, норвежцы. Казалось, там собрались все, кто хотел выбраться оттуда и продолжить сражаться. Мы пробыли там с неделю. Я еле-еле ходил после того марша. Затем нас посадили на транспортное судно, с которого в море пересели на большой лайнер *Lancastria*. После всех испытаний и мытарств под открытым небом мы были поражены, увидев койки, чистоту и красоту, ресторанные палубы…

Нас высадили в Гумроке. Я помню, что, когда я вернулся, на мне была женская блузка, которую я стащил с бельевой веревки в Норвегии, и пара старых брюк, да и остальные вещи были в том же духе. Я оброс бородой, и выглядели мы так дико, что местные в нас швыряли бутылки и всякую дрянь, потому что думали, что мы – немецкие военнопленные…

Том Кэррол (Tom Carroll) *родился в городе Дюкинфилд, графство Чешир. Он записался в Бригаду Гвардейцев/Brigade of Guards в 1939 году после смерти родителей, планируя поступить на службу в полицию после прохождения обучения*

В начале января 1940 года меня перевели во 2-й Батальон Ирландских Гвардейцев, которые располагались в Веллингтонских Казармах. В начале марта командование сочло, что 1-й Батальон пора отправлять за моря, и выдали солдатам тропическое снаряжение. Все ушли в отпуска на две недели до отправки за моря, а в последнюю минуту в батальон записали и меня. Мы загрузились на судно в Гриноке, и первое, что сказал полковой главный сержант, было следующим: «Так, всем построиться на палубе. Откройте свои ранцы и будьте готовы к тому, чтобы избавиться от всего этого.» После этого у нас все забрали, а потом вытащили другое снаряжение. Мы не поняли: «А это что за куча?» Нам выдали дополнительные тужурки, жилеты, толстые длинные брюки. Теперь каждому полагалось 12 пар носков, шерстяные были аж до колен. Балаклавы, свитера, перчатки, здоровенные шинели с большими кнопочными застежками, меховые шапки. Мы подумали: «Так, должно быть, мы направляемся туда, где температура ниже нуля.»

Мы вышли в открытое море и присоединились к конвою, который зигзагами ходил по Атлантике 12 дней, а потом вернулся, после чего переместился немного на север. Мы высадились в самой северной части Норвегии близ Полярного Круга. Место называлось Харстад – небольшой рыбацкий городок во фьорде. Когда мы высадились, нам сказали, что нам нужно акклиматизироваться, привыкнуть к крайне холодной погоде. Хотя было начало марта, погода была довольно морозной. Когда падал снег, вы могли пройти по нему в одну сторону ярдов 20, повернуться, вернуться назад, а еще через 5 минут пойти по тому же пути и не увидеть отпечатков своих ног, утопая в снегу.

Мы пробыли там около трех недель. Затем нам сказали, что мы отправляемся дальше, чтобы сменить Шотландских Гвардейцев, которые в тот момент ожесточенно сражались с немцами, наступающими на север, но не сумевшими выйти к Нарвику. Мы отплыли на лайнер *Shrewsberry*, здесь мы смогли раздеться и лечь на койки – до этого, прибыв в Норвегию, мы все время провели в одежде. В полночь прилетел *Хейнкель* и обстрелял судно, а потом сбросил несколько бомб, которые, к несчастью упали между мостиком и первой трубой. Взрывы разнесли моторное(машинное) отделение, на судне начался пожар. Погибли капитан судна и все наши старшие офицеры. Всех солдат собрали в носовой и кормовой частях судна, подошли два эсминца из эскорта, и мы стали перепрыгивать со второй палубы лайнера на палубу эсминца, которая была футов на 12 ниже. Военные моряки были довольно сноровистыми: они взяли один или два гамака и стали использовать их в качестве *сетки пожарного*, а мы стали спрыгивать на них. Один или двое парней подвернули лодыжки и что-то в этом роде, но таких было мало.

Затем мы вернулись в Харстад. Мы было подумали, что раз мы потеряли нашего командира, подполковника, двух майоров и всех четырех ротных командиров, мы теперь не сможем воевать. Однако через три или четыре дня к нам пришли новые офицеры, и мы вновь вышли в море и прибыли в место под названием Будё. Мы поднялись на вершину горы, заняли там позиции и окопались.

Через 24 часа мы начали перестрелку с немцами. У нас появились потери, затем мы получили приказ на отход. На берегу не оказалось каких-либо судов, готовых подобрать нас, так что нас ждало долгое отступление. Мы маршировали более суток без остановки и прошли около 60 километров. В той части Норвегии есть только горы с дорогами, огибающими их по подножиям или вдоль побережья. У нас был отряд саперов, которые взрывали каждый мост, по которому мы переходили, где-то около 18 мостов.

Добрались мы до какого-то порта, думаю, это был Будё, и там мы сели на судно. К тому моменту, когда судно выходило из гавани, появились немцы на мотоциклах с установленными на них пулеметами. Должно быть, у них были хорошие саперы с

мобильными мостами, которые они перебрасывали через всевозможные препятствия. Пули из немецких пулеметов стали осыпать наше судно…

Мы добрались до Харстада, откуда были эвакуированы на [лайнере] *Lancastria*…

Ernest Sampson (Эрнест Сэмпсон). *Родился в 1920 году в Лидсе. В апреле 1939 года записался в Местный Армейский Резерв/Territorial Army, зная, что скоро начнется война*

Я пошел служить, потому что хотел оказаться в *RASC* (*RASC - Royal Army Service Corps - Служебный корпус - представлял собой корпус британской армии, отвечающий за транспорт, администрирование казарм, пожарную службу армии, штабные подразделения штаба, снабжение продовольствием, водой, топливом и бытовыми материалами - ВК).* Отец мой в прошлом служил в пехоте, и после его рассказов меня не тянуло в этот род войск. Я тогда думал, что иметь под собой колеса будет лучше…

Меня призвали 1 сентября. Мы явились в гараж в Лидсе. Нашу роту разделили на несколько частей, и каждую прикрепили к самостоятельному военно-медицинскому подразделению. Я попал в 147-й Медсанбат, относившийся к шеффилдскому Армейскому Резерву. Мы находились в Боробридже/Boroughbridge, сразу за окраиной Лидса. Санитары жили в самой деревне, а мы в одном из зданий в миле от деревни. Я служил в транспортном подразделении медсанбата. Мы ждали прибытия армейских автомобилей, санитарных фургонов и всего такого – нас оснастят всем этим полностью уже в 1940-м. До этого мы пользовались реквизированными гражданскими машинами…

Думаю, у нас было пять трехтонников и, вероятно, шесть фургонов, три мотоцикла и 2 или 3 штабные машины. Было нескучно. Нам приходилось проходить кое-какую подготовку, но, на той стадии, без особого напряжения. Я исполнял обязанности связного, мы выезжали в составе специальных колонн, и трое из нас, связных, были ответственными за поддержания порядка в колонне и обеспечения того, чтобы никто не потерялся.

Мы получили новые армейские машины в Норталлертоне в марте 1940-го. 14 апреля 1940 года мы покинули Шотландию и 20-го высадились в Харстаде, находившемся примерно в 300 милях севернее Полярного Круга. До 10 мая мы не могли получить наши машины, которые должны были прийти на другом судне. Когда же мы получили наши машины – санитарные фургоны – дороги стали непроходимыми для них, так что эти машины так и не выехали из Харстада.

Там был полный хаос. Информации было очень мало. Никто не знал, кто и где находится и как все работает. Как я могу это охарактеризовать? Просто работаешь день за днем, не имея понятия о том, что происходит… Один из сержантов отрядил меня во Французский Иностранный Легион, дислоцированный в Бьерквике. Карт у нас не было, так что мне дали устные инструкции, как до них добраться, а было до них миль 60. Там я стал связным, поддерживал контакты между взводами и штабом. Французский язык мне был не нужен. Все было на английском. Удивительно, как много из них говорило по-английски. Я оставался с ними до 7 июня. У меня сложились хорошие, очень хорошие отношения с ними. Не было со мной такого, чтобы я куда-то прибыл и мне бы не дали здоровенную кружку кофе с добавкой рома.

Они постоянно были в соприкосновении с немцами. Я присоединился к ним в Бьервике, где они только-только высадились с боем. Оттуда мы двинулись вниз вдоль полуострова *(вдоль восточного берега фьорда – ВК)* и, в итоге, вышли к Нарвику после того, как его обстреляли наши корабли. Немцев оттеснили практические к шведской границе, когда мы получили приказ об отступлении, и так мы и сделали, вечером 6-го и рано утром 7-июня.

Мы покинули побережье на судах, которые прозвали *пыхтелками* – небольшими рыбацкими посудинами – а потом взошли на борт нескольких эсминцев. Дело было ближе к полуночи, после чего мы вышли в открытое море, где эсминцы пересадили нас на войсковые транспорты.

Настроение у всех было не бог весть какое, потому что немцев отогнали, практически к шведской границе, и мы уже были готовы пересечь ее, чтобы немцев задержать там до конца войны… А нас отвели, да еще просто приказали держать язык за зубами, потому что не хотели, чтобы норвежцы знали о том, что мы уходим. Я думаю, нам приказали уйти, в основном потому, что началась эвакуация из Франции. Я все еще был на одном судне с парнями из Французского Легиона, и ожидали, что отправимся во Францию, тогда как прочие британские войска направлялись в Шотландию. Однако к тому времени, когда мы пришли в Шотландию или были на полпути, Дюнкерк закончился, так что и мы высадились в Шотландии где-то 14 июня…

Томас Мэйсон (Thomas H. Mason – 1920-1998). *В 1938 году добровольно записался в полк Шотландских Гвардейцев. После Норвежской кампании в боевых действиях участия не принимал.*

Страницы из дневника – апрель – июнь 1940 года

15 апреля в 3 часа дня сошли на берег с эсминца в Харстаде после 8 дней в море. После одного спокойного дня всю вторую половину 16 апреля нас бомбили немцы. Помещение, в котором мы остановились, было небезопасным, и около 9 вечера мы собрали свои вещи, покинули его и ушли за холм через сугробы толщиной в 8 футов. Устроились в каких-то пустых домах, где провели следующие 15 дней. В этот период времени мы построили огневые точки со стенками из снега, и кто-то находился там днем и ночью. За это время нас много раз атаковали с воздуха. Потом, в следующий вторник [30 апреля], мы получили приказ оставить эту позицию.

Мы взошли на борт эсминца *Delight* около 8.30 и отплыли в 9.00, нашим пунктом назначения было место под названием Ханлин. Мы высадились там в четверг 2 мая. После четырехчасового марша по заснеженным и обледеневшим дорогам под ярким солнцем (там никогда не бывает темно в летние месяцы) мы прибыли к цели. В 2 часа ночи в пятницу 3 мая мы расставили часовых. Устроились мы в местной школе, но не забыли окопаться. Все шло более-менее, если не считать воздушных налетов, однако противник не сумел разглядеть наши позиции. Нас подняли по тревоге одной ночью: кто-то сидел за деревом на вершине холма за зданием, где мы жили. Два сержанта и трое солдат (включая меня) вышли разведать, в чем дело, но, когда мы добрались до макушки холма через сугробы толщиной около 7 футов, этого человека уже не было… мы пошли по проложенной им лыжне, но потом след резко оборвался на склоне горы.

Мы вернулись к себе. Много раз потом мы паковали и распаковывали свои рюкзаки, но в итоге, в субботу 11 мая, тронулись в путь. Мы вернулись в Ханлин, где взошли на борт [крейсера] *Enterprize* и отплыли, на этот раз в Му-и-Рана. Высадились 12-го в воскресенье в 5.30 утра. Мы потопили немецкий транспорт перед тем, как подойти к Му-и-Рана. Далее были на марше три часа, покрыли значительное расстояние и заняли позиции в рощице на склоне горы. В ту ночь пошел густой снег, мы залегли на этом склоне, промерзая до костей. Утром 13-го, в понедельник, погода улучшилась, вышло солнце и стало очень тепло. Снег начал таять, и мы использовали эту возможность для того, чтобы устроить себе укрытие для сна, пока вторая половина нашего отделения стал окапываться.

После полудня мост на противоположную сторону фьорда, рядом с которым мы были, был заминирован нашими саперами. Ближе к ночи мы увидели первых из норвежских солдат, отступающих через наши позиции. Они были разбиты в недавнем бою… Около 11 часов я почувствовал, что заболел и отвратительно чувствовал себя всю ночь. Во вторник 14-го

меня отнесли на *RAP (Regimental Aid Post – Полковой Медицинский Пункт - ВК)*, где пробыл пару дней…

… Утром над нашими позициями много раз появлялись самолеты-разведчики противника. В начале ночи военные корабли обстреляли позиции противника и нанесли ему большой ущерб. Ранним утром 15-го, в среду, вражеский истребитель понесся над крышами медицинского пункта и обстрелял отступавших норвежцев. Он вернулся в 6.30 вечера и был сбит нашими зенитчиками. Задний стрелок выбросился с парашютом до того, как самолет врезался в склон горы и взят в плен. Пилот застрял в кабине… Вскоре после этого я вернулся к своим.

Утром 16-го был замечен вражеский гидроплан, прилетевший искать истребитель, который мы сбили прошлым вечером. Позднее транспортный самолет противника был сбит зенитным огнем и упал во фьорд. Мост взорвали после полудня наши саперы. В пятницу 17-го в небе находилось большое количество самолетов противника. В тот день было очень жарко. Около 3.30 после полудня мы впервые увидели врага. Немцы попытались продвинуться вдоль дороги, переправились через фьорд, но вскоре мы угомонили их. Те, кто пытался переправиться через фьорд, увязли в грязи и стали легкими мишенями. Мы не видели их больше до 9 вечера, когда он начали новую атаку на нашем левом фланге. С того момента бой приобрел партизанский характер: они прятались между деревьев, так что могли подходить к нам на довольно близкое расстояние и использовать свое автоматическое оружие. Ожесточенная схватка продолжалась до 5 утра 18-го, после чего они отрезали нас с трех сторон. Мы получили приказ отступать…

Нас было две роты против двух дивизий противника. Наш единственный путь к отступлению простреливался пулеметным огнем [немцев], и нам было очень непросто прорываться сквозь него. Потом мы стали карабкаться на гору и выбили немцев из каких-то окопов. Мы попали под вражеский артиллерийский огонь, но обошлось без потерь. Вообще, из нас осталось только 20 человек, но позднее мы встретили большее количество своих. Отступив на значительное расстояние, мы заняли новые позиции, но с большим трудом боролись со сном: мы не спали несколько дней. Положение было безнадежным, нам противостояли превосходящие силы врага, и мы вновь стали отступать. После 14 миль непрерывного марша мы дошли до места, где было назначено место сбора. Мы оставили все свое снаряжение на первой позиции, так что нам не пришлось тащить на себе большой вес. Мы проспали на дорожной обочине всю ночь. В воскресенье утром, 19-го, после кружки горячего чая, мы снова тронулись в путь. Противник наступал нам на пятки. Я был близок к тому, чтобы свалиться, когда меня подобрал грузовик. 20-го в понедельник мы добрались до того места, где базировались раньше. После небольшой порции горячей пищи я проспал 12 часов…

Ночью пришло сообщение о том, что противник приближается. В 10 вечера мы сели на автобус, на котором поднялись выше снежной линии. В 4.30 утра 21-го мы заняли позиции близ водопада. Противник появился уже вскоре, и разгорелся еще один ожесточенный бой. 23-го мы еще удерживали позиции, но ночью нам опять пришлось отступить. Рано утром 24-го, в пятницу, примерно в 3.30 утра, несколько наших под командой сержанта Лэрда (Laird) оставили роту.

Мы задержали норвежский грузовик и на нем добрались до паромной переправы в Ронане. Там мы нашли пустой дом, и еще нам повезло: мы раздобыли хорошей еды. После полудня мы забрались в какой-то сарай, где хорошо отоспались. В ранние часы 25-го, в субботу, пришел весь батальон, мы воссоединились со своей ротой и на пароме переправились в Хопен. Там мы раздобыли транспортные средства, чтобы уйти на нем в горы и там передохнуть несколько, так как нас сменили Ирландские Гвардейцы.

В 8.30 утра 29-го, в среду, мы снова отправились в путь, чтобы сменить Ирландских Гвардейцев. В 3 часа дня мы заняли позиции примерно в 8 милях от Будё. Приказ был

продержаться там два дня. В четверг вечером Рота *B* вступила в бой, и противник отошел. В пятницу 31-го, в 7.45 вечера, мы оставили позиции, так и не увидев противника, и отправились в Будё, где в полночь нас должен был подобрать корабль. Пока мы были в горах, вражеская авиация сровняла Будё с землей.

В час ночи, в субботу, 1-го июня мы покинули гавань Будё на эсминце *Delight*. В 12.30 мы подошли к небольшой деревушке, расположенной в нескольких милях от нашего первого пристанища в Харстаде. Там было спокойно, еще прибыли французы и другие наши части. В 6.30 утра 6-го мы снова взошли на борт крейсера *Enerprise*, который выше в море, где мы пересели на войсковой транспорт *Franconia* в 10 утра. Вскоре мы тронулись в путь. В субботу 8-го в 11.15 утра нас бомбили, но ущерба никакого не было. 11-го утром мы высадились в Гумроке и сели на поезд, идущий в Коутбридж. Так закончилось это приключение, которое не должно было начинаться…

Лейтенант Пэтрик Дэлзел-Джоб (Patrik Dalzel-Job, 1913-2003), *один из немногих британских офицеров, владевших норвежским языком, прибыл в Норвегию на крейсере Southhampton вместе с двумя ротами Шотландских Гвардейцев*

Ни один из других офицеров, находившихся на борту, от генерала и ниже, не знал ничего о стране, где они собирались воевать, ничего не было подготовлено для высаживающихся войск, никто из офицеров или солдат не знал ничего о войне в зимних условиях… Когда я сказал, что в Северной Норвегии нас ждут глубокие снега в это время года, сначала мне никто не поверил. Сначала все штабные офицеры встревожились, поскольку *Экспедиционный Корпус* вез с собой автомобили и велосипеды, но при нем не было лыж или снегоступов, не было людей, обученных их использованию. Кроме того, не было белых маскхалатов. [Позднее] я ни разу не встретил ни одного французского или британского офицера, который мог бы произнести норвежского название для здешних мест, и ошибки, и задержки, связанные с неточностями в передаче сообщений, были постоянной проблемой.

Рядовой Джозеф Кайнок (Joseph Kynoch), *1-й Батальон Лестерского Полка*

Даже простые перемещения были затруднительны для британских войск, окруженных со всех сторон поросшими густым лесом горами, замерзшими озерами и бесконечными снегами… К полудню в апреле снег уже словно болото, к ночи он замерзает. [По ночам] мои руки покрывались рубцами от мороза, днем башмаки промокали, а ночью промерзали. Даже перчатки помогли бы в такой ситуации, но большинство из нас страдало от обморожения, из-за чего пальцы распухали, а кожа на них трескалась. Некоторые из наших парней ломались, и это было вполне понятно. Мы начали испытывать проблемы с недостаток продовольствия и отсутствия подходящей одежды. Оставшись без еды на целую неделю, мы сначала и не поняли, что у нас просто нет сил для продолжительного марша: наши батареи были разряжены…Люди начали бросать каски, шинели, даже винтовки, из колонны доносились рыдания. Ради Христа, остановитесь, этот человек *(видимо, речь идет о командире – ВК)* - просто долбаный маньяк – я уже не могу идти дальше, да никакой *джерри* не может быть хуже, чем этот ублюдок! Люди выпадали из строя, некоторые спокойно, без шума, некоторые с проклятиями и угрозами рассказать об этом и сделать что-то такое по возвращении домой…

У меня было такое ощущение, что у меня рот полон опилок. Мысли о еде не производили никакого положительного эффекта на мое слюноотделение. Ноги были настолько тяжелы, что казалось, на них одеты такие же свинцовые башмаки, какие носят водолазы.

Британцы повсеместно были под непрерывными атаками немецкой авиации.

Ложись! Это была единственная команда, которую мы услышали. Последовал вой падающих бомб, глухой удар и грохот взрывов, которые встряхнули и приподняли землю под нами. Затем на нас посыпались обломки камней и послышался свист летящих осколков. Нам осталось благодарить судьбу за то, что на нас были каски…

Я чувствовал, что мне очень повезло, бросая прощальные взгляды на то место, где мы высадились совсем недавно. Не осталось красивых домиков, были видны только трубы, похожие на пальцы, указывающие куда-то вверх и виня в [этом разрушении наши] эсминцы.

Фрагменты дневника младшего бомбардира/и.о. сержанта/lance bombardier/acting sergeant 193-й Зенитной Батареи Эссексского Полка ***У. Мэйсона (W. A. F. B. Mason).*** *Аэродром Бардуфосс, Нарвикский сектор боевых действий*

26 мая

Ну и день! *Джерри* наседал на нас и на *RAF* весь день. Всего их было 23 самолета, которые поливали нас свинцом и наделали кучу воронок. Наши парни весь день вели огонь и чертовски попотели. *RAF* гоняли свои грузовики на базу за боеприпасами для нас. Моя пушка произвела 132 выстрела за сегодняшний день, теперь мы будем начеку всю ночь – проведем техобслуживание пушки и снова будем ждать *джерри*.

В бой вступили в 6.10 утра. У многих царапины. У шестерых из моих парней легкие ранения, ангары *RAF* повреждены. 5 немецких самолетов сбито нами и *RAF*, 10 повреждено, и ожидается, что они не доберутся до аэродрома. Погода довольно жаркая, и определенно мы получаем то, что приходится ожидать и получаем от этого удовольствие. Из дома никаких вестей.

27 мая

Снова прекрасная погода. Снова начался бой, но длился он только час. В 9.45 утра прилетели три самолета *джерри*, двоих сбили, но они сбросили 8 бомб и хорошенько постреляли по нам. Одна бомба попала в ангар, погибли двое пулеметчиков *RAF* и трое ранено. 50 немецких парашютистов было убито в ходе их сброса норвежцами, но далеко от нас. Вот уже третья ночь подряд, когда я вижу полуночное солнце…

28 мая

Кажется, *джерри* знал, что мы хотели похоронить погибших ребят из *RAF*, потому что день был превосходным и спокойным. Мы похоронили их в 150 ярдах от позиции нашей пушки в маленьком перелеске в нижней части склона. Пятеро из нас – старших подофицеров - и еще трое подофицеров *RAF* построились, чтобы отсалютовать погибшим из винтовок. Один из погибших был 20 лет от роду, другой 25 – он женился за 17 месяцев до гибели, у него осталась маленькая дочь. Мы уже видели столько раненых или разорванных в клочья мальчишек, что все уже привыкли к этому… Флот и *RAF* разнесли Нарвик ко всем чертям в этот вечер, и мы могли наблюдать за этим издали. Здесь взаимодействие всех трех родов войск проявило себя великолепно. Пишу это и вижу полуночное солнце. Ужасно обеспокоен отсутствием вестей из дома.

29 мая

Мне сегодня очень повезло – меня миновал осколок бомбового стабилизатора. Немцы засыпали нас свинцом и бомбами, начиная с 5.20 утра, двоих моих парней зацепило: Р. Гринуэй (R. Greenway) домой уже не вернется, другого ранило в плечо, все не так страшно. Один самолет *RA*F был поврежден на земле. Всего за 5 последних дней *Джерри* потерял 21 самолет. Мы все еще находимся в Бардуфоссе … Вестей из дома нет.

30 мая

Ну и день. Мы сидели весь день в старом сарае, поскольку было зверски холодно и лил мелкий холодный дождь. Гор вокруг нас не было видно, видимость была 5-6 ярдов. Никакой опасности с воздуха, у нас появился день, чтобы отоспаться. Сообщили, что двое

Харрикейнов с нашего аэродрома были потеряны. Я страшно волнуюсь из-за отсутствия новостей из дома.

31 мая

Снова на похоронах, снова салютовал. Сегодня мы похоронили юного Гринуэя в 4 утра, рядом с теми двумя парнями из *RAF*. Погода все еще холодная, но ясно, и нет дождя. Последний день мая, и все еще нет новостей из дома.

1 июня

Это был трудный день. В 12.30 нам пришлось прекратить стрельбу, и в 1.15 мы были на пути в Нарвик, куда прибыли в 8.20 утра. Чертовски трудный переезд, много атак с воздуха, много раз нам очень повезло. Нам пришлось оставить свои вещи в Бардуфоссе. Не могу этого понять, но здесь мы определенно не в роли проигравших в войне. Когда я это пишу, мы находимся в боевой готовности, все еще холодно. Нет новостей из дома, и я не знаю, что принесет нам завтра.

2 июня

Приехал рассыльный с почтой, но мне писем нет. Бог ты мой, да получу я какие-нибудь новости от матери? Я расстроен. Мы постоянно были в бою после прибытия сюда вчера и не спали последние 48 часов. Да и следующей ночью, похоже, поспать не удастся. По эту пору нам зачитали 8 сбитых *джерри* и 16 поврежденных, которые, как считается, вряд ли долетели до баз. Неплохо, но это чудо, что нас миновали все бомбы и пули, которые *джерри* послал нам. На счету летчиков 56 подтвержденных побед и 63 вероятных при потере только 4 своих машин. Летчики и мы делаем свое дело неплохо, но, поверьте, в этом краю не до радостей: война остается войной, и мы ждем, что ночью *джерри* прилетит снова, и мои парни спят рядом с нашей пушкой.

3 июня

Погода сегодня опять поменялась – холодный мелкий дождь и одна атака *джерри* – 2 самолета. Сегодня видел такое, что не забудешь – бомба попала в грузовик, в котором было 15-20 норвежцев всего лишь ярдах в 100 от нас. Мы видели, как во все стороны летят куски грузовика и людей. Постояв, мы подошли, чтобы посмотреть, что там и как, и не могли вообще ничего разглядеть… Ждем ясной и спокойно ночи. Из дома вестей нет.

4 июня

Погода все еще плохая. Мы отправляемся обратно в Бардуфосс, но намечается какое-то крупное событие, поскольку треть наших ребят вечером покинула нас в большой спешке. Куда они уехали, никто не знает, но я думаю, что нас всех скоро отправят за ними, чтобы занять позиции у пушек, для которых не хватает людей в расчетах…

5 июня

Погода немного яснее, очень спокойный день, еще один наш парень уехал, и я остался в арьергардном отряде: 1 офицер, я, 20 человек. Все делается в большой спешке. 20 человек должны продолжать выполнять различные обязанности таким образом, чтобы при всех пушках были расчеты. Хотел бы я знать, к чему все это. Вестей из дома нет.

6 июня

Еще один спокойный день, но вечером, в 9.45, мы покинули свои позиции в грузовиках с покрытием. Перед этим мы вывели из строя наши пушки и привели в негодность все припасы. Прибыли на стоянку Сорейсса в 11.30 ночи. Рядом эсминец *Fame*. Похоже, мы в спешке покидаем Норвегию…

7 июня

За три часа эсминец перебросил нас на старый транспорт *Royal Ulsterman* в 3.50 утра. Мы теперь в составе конвоя, уходящего в Англию и Шотландию…

АФРИКА, БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ – 1941-1943

Алек Барторп (Alec James Barthorpe), *артиллерист*

К моменту начала ВМВ Барторп уже служил в одной из артиллерийских частей Территориальной Армии. После периода дальнейшего обучения в октябре 1940 года он отправился в восточную Африку, где ему предстояло принять участие в боевых действиях против итальянских войск, оккупировавших Абиссинию.

Абиссиния и Эритрея - 1940 - 1941

Мы сошли на берег в Порт-Судане, откуда на железнодорожных платформах были переброшены в Кассалу, чтобы присоединиться к 5-й Индийской Дивизии на Эритрейском фронте. Полк разделили: моя батарея - 389-я Сассекская/Sussex - отправилась дальше, в Гедареф, наша *сестра* – 390-я Саррейская/Surrey – осталась в Кассале и присоединилась к боевой группе (БГ) *Gazelle* – высокомобильному соединению, сформированному специально для преследования отступающего противника. Позднее она примет участие в отражении единственной за всю историю ВМВ кавалерийской атаки, когда 60 всадников из итальянской колониальной кавалерии, попавших в окружение во время ее быстрого продвижения вперед, неожиданно атакуют БГ *Gazelle* с тыла. Пушки были незамедлительно развернуты в сторону противника, после чего был открыт огонь прямой наводкой, при этом артиллеристам помогли все, кто мог вести ружейный огонь. Кавалеристы откатились, оставив на поле боя 24 убитых и 16 раненых.

По прибытии в Гедареф нас немедленно перебросили на передовую, чтобы мы сменили 25-й Полк Полевой Артиллерии, удерживавший полосу обороны в районе Галлабата, на тот момент единственного суданского города, оккупированного итальянцами. На вооружении 25-го Полка были старые, сильно изношенные пушки, которые было необходимо срочно сменить: это были древние 18-фунтовки 1912 года выпуска, использовавшиеся еще в годы ПМВ. У нас были новые 25-фунтовки, которые эти артиллеристы никогда не видели и о которых разве что читали, — это вызвало у них немалое возбуждение, и они просто страсть как хотели увидеть, как мы ведем из них огонь в бою. Эти парни сказали нам, что они окопались на двух позициях: одна была передовой, сразу за пехотой, и размещена так, чтобы цели в тылу противника попали в пределы досягаемости огня их изношенных стволов, а с той, на которой оказались мы – тыловой – они могли вести огонь непосредственно по противнику. Через полчаса после того, как мы сменили их, они были изумлены, увидев, что мы можем с их *тыловой* позиции накрывать цели, до которых они не могли достать со своей *передовой* позиции!

Местность здесь была очень сухой, (сезон дождей должен был вот-вот начаться), было полно кустарника и много деревьев, так что мы широко использовали свои маскировочные сети. У нас не было никакой поддержки с воздуха, так что бомбардировщики *Капрони/Caproni* частенько наносили нам визиты. Вскоре мы сообразили, что, хотя итальянцы и знали местность, на которой мы находились, точного расположении наших позиций они выявить не могли. Как-то раз несколько *Капрони* прилетели, чтобы, как мы думали, нанести нам обычный утренний визит, но они схитрили и сбросили бомбы на окружающие нас кустарники, после чего мы увидели, что рядом с нами заполыхали пожары: огонь разгорелся из-за того, что итальянцы сбросили зажигательные бомбы, и теперь ветер гнал пламя прямо на наши позиции. В центре нашего расположения и немного в сторону тыла находился наш хорошо замаскированный склад боеприпасов, и, если бы огонь добрался до него, взрывы нанесли бы такие людские и материальные потери, какие итальянская армия не смогла бы нанести за месяцы боев. Все, кто был под рукой, и я в том

числе, получили по лопате и были брошены на борьбу с огнем, который мы остановили через несколько часов. Слава богу, *Капрони* нас не беспокоили…

Через несколько недель, дело было в конце января 1941 года, наши пехотинцы сообщили, что в результате заметного отсутствия перемещений противника или его активности, вперед были высланы патрули, которые доложили, что итальянцы покинули Галлабат и, кажется, отступает в направлении озера Тана, в район, находившийся от нас в 60-80 милях. Была быстро сформирована мобильная боевая группа, в которую вошли рота пехоты и отделение *B* моей батареи. Группа получила приказ немедленно приступить к преследованию противника. Через какое-то время мы догнали их арьергард, пройдя на полной скорости около 15 миль, выставили пушки на огневые позиции, но после того, как мы выпустили несколько снарядов, противник отступил. Мы продолжали преследовать его, пройдя еще 5-10 миль, снова догнали, развернули пушки и, сделав лишь несколько выстрелов, получили приказ прекратить огонь и ждать. Вскоре после этого, в то время как уже становилось темно, мы стали готовиться к ночлегу на этой позиции, оставаясь в готовности вступить в бой в любое время,

На следующее утро нам сообщили, что противник и в самом деле убрался в направлении озера Тана и что нам придется вернуться на позицию нашей батареи в Галлабате, после чего на полной скорости переместиться в Керен, где итальянцы создают заслон, намереваясь заблокировать нам продвижение к единственному проходу через горный хребет на возвышающееся над ним плато и к столичному городу [Эритреи] Асмара. Все наши попытки прощупать оборону противника на этом направлении были отбиты.

Путь к Керену занял у нас несколько дней, поскольку нам пришлось добираться до него через Кассалу. По прибытии мы заняли позиции в песчанистой долине, достигавшей большой ширины в приустьевой части, до которой мы дошли. Она стала сужаться, когда мы приблизились к находившемуся впереди горному хребту и сошла на нет у подножия перевала. В то время мы не знали, что артиллерийские позиции, занятые нами в песчанистой долине, находились посреди участка местности, использовавшегося итальянцами до войны в качестве полигона для учебных стрельб! В полученной нами информации сообщалось о том, что 4-я Индийская Дивизия выдвинулась вперед за какое-то время до нас в ходе продвижения со стороны Кассалы, но была остановлена на этом участке. Несмотря на то, что на север и на юг от нашей позиции были высланы рекогносцировочные патрули, оказалось, что этот перевал был единственным проходом со стороны равнины к плато, расположенному в нескольких тысячах футов над нами. На нем находилась главная база снабжения итальянских войск – город Керен. Перевал был узким и извилистым, но по нему были проложены шоссейная и железная дороги. Над этим ущельем господствовал форт Дологородок. На высотах *Sanchil, Brigg's Peak* и некоторых других находились укрепленные позиции итальянцев. Прорвать эту мощную линию обороны противника должна была 5-я Индийская Дивизия при нашем участии…

Мы заняли позиции на довольно песчанистом участке местности, что, в определенной степени, давало нам преимущества, поскольку несмотря на частые вражеские артобстрелы, предотвращало сильный разлет осколков и потери от них, а в одном случае спасло мне жизнь. Мы ели и спали метрах в 10 от пушки, и в одном случае нас разбудили с первыми лучами солнца и попросили обстрелять ранее намеченную цель. Мы открыли огонь с обычной частотой в один снаряд в минуту. Очень быстро темп стрельбы вырос до двух снарядов в минуту, а потом почти сразу нас попросили вести огонь с максимально возможной скорострельностью. Это относилось ко всем нашим четырем пушкам. После примерно двух часов пушка *No 3*, находившаяся слева от нас (мы были *No 2*), прекратила стрельбу, и, поскольку приказа на это не было, и мы сами были под огнем во время этого боя, расчет пушки *No 1* спросил, что произошло. Оказалось, что в противооткатном устройстве началась утечка масла, что вывело пушку из строя. Поскольку у нас оставалось мало боеприпасов, сержант из расчета *No 2* предложил нам послать людей за снарядами из их припасов. Послали меня и еще троих. (Должен сказать, что я, хотя и был водителем, помогал расчету, когда мы вели огонь со статичной позиции). Мы сделали несколько

пробежек к пушке *No 2* и обратно, каждый при этом приносил ящик с четырьмя снарядами или с восемью дополнительными зарядами. Когда я тронулся в обратный путь, делая последнюю ходку, противник начал обстреливать нашу позицию. Я был на полпути назад, так что разворачиваться было так же опасно, как и продолжать двигаться в том же направлении, поэтому я пошел дальше. Я проходил через особенно песчанистый участок, где находилась низкая дюна, когда снаряд упал буквально не более чем в паре метров от меня, у подножия этой дюны. Вероятно, это спасло мне жизнь, поскольку меня осыпало песком и обрывками травы. Я крыл почем зря вражеских артиллеристов, но осколки меня не задели. Позднее мне сказали, что когда мои друзья увидели, как я исчез в облаке песка и пыли, они что-то крикнули мне, чтобы понять, в порядке я или нет, но, услышав мои проклятья, они уже знали, что меня не зацепило – и все благодаря песку!

Погода стояла жаркая, дождей не было, так что *Бедная Долбаная Пехота/Poor Bloody Infantry* мучилась от жажды, пытаясь штурмовать нависавшие над ними высоты. Система обороны итальянцев опиралась на Форт Дологородок, поэтому, чтобы пробиться через перевал, нам нужно было взять высоты. Поскольку противник взорвал полотно автомобильной и железной дорог в нескольких местах, индийским саперам приходилось ремонтировать их по мере нашего продвижения вперед, чтоб дать возможность нашим танкам зайти итальянцам в тыл. Форт был взят Батальоном Маратхов/Mahrattas 5-й Индийской Дивизии и Батальоном Западных Йоркширцев/Weat Yorkshire, поддержанных нашими 25-фунтовками, примерно на третий день боев, продолжавшихся десять дней, Мы (моя батарея) разместили НП (наблюдательный пункт) внутри этого форта, как только заняли его, и помогли отразить контратаку итальянцев. Все припасы для тех, кото удерживал форт, приходилось затаскивать вверх по склону горы пешим ходом. Я дважды принял участие в этих *прогулках* в условиях страшной летней жары и обнаружил, что жажду они вызывают неимоверную. Особенно это чувствовалось, когда я тащил на себе двухгалонную (9.1 л) канистру с водой на наш НП. К тому моменту, когда я добрался до них, я бы и сам мог выпить эти два галлона, однако в моей фляге было всего две пинты (0.95 л) воды! Со временем, само собой, танки прорвались через оборонительную полосу противника, и ему пришлось отступить в сторону Асмары. Была быстро сформирована боевая группа преследования из частей 5-й Индийской Дивизии, и наша батарея тоже получила приказ принять в этом участие. Мы без промедлений собрали свое снаряжение и тронулись в путь: впереди шло отделение *A*, за ним *B*, далее – *C*. Мы стали первым артполком, продвинувшимся в сторону Асмары через перевал, и у нас не было остановок, пока мы не прошли половину пути до столицы Эритреи и не получили приказ приготовиться к сражению, так как противник собирался дать последний и решительный бой. Мы так и сделали, но приказ был отменен: противник оставил свои позиции и поспешно отошел. Мы остались на позиции и устроились на ночлег. Рано утром следующего дня, еще до рассвета, мы продолжили преследование отступающих итальянцев. Незадолго до ланча мы вступили в Асмару, где расположились на территории радиостанции *Marina*, временно не работавшей. Я был немало удивлен, увидев, как местные жители свободно разгуливают по городу – и белые. и черные, и радостно приветствуют нас.

Асмара оказалась приятным и привлекательным городом, самым крупным из тех, через которые мы проходили после того, как покинули Египет. Он стоял на высоком плато, расположенном в центре Эритреи, примерно на такой же высоте, что и Йоханнесбург – 5 500 футов над уровнем моря, и погода здесь была очень похожей. Мы оставались в нем несколько дней и использовали эту возможность для того, чтобы почиститься и подготовить нашу технику к новым боям. Они начались довольно скоро, поскольку через неделю после нашего прибытия в этот пункт мы получили приказ утром выступать в сторону Массавы/Massawa. Это был морской порт, на подступах к которому противник окопался и готовился дать нам бой. Массава была единственным морским портом Эритреи и, по этой причине, имела для нас стратегическое значение, поскольку была связана автомобильной и железной дорогами и телеграфно-телефонной линией с Асмарой. Расстояние между ними по дороге было равно 67 милям, спуск составлял 5 000 футов, последние 5-мильный отрезок находился на уровне моря. У нас ушло 8 часов на то, чтобы дотащить до новой позиции наши пушки…

Сразу по прибытии на место мы подготовили пушки к бою. Нам предстояло поддержать *Свободных Французов*, входивших в *Brigg's Force* – сводную боевую группу, где были также британцы, индийцы и части Суданских Сил Обороны/Sudan Defense Force. Она продвинулась на юг вдоль побережья от Порт-Судана до Массавы, тесня противника, временами оказывавшего упорное сопротивление. На следующее утро мы открыли огонь по вражеским позициям в городе, и, когда мы прекратили обстрел, в город вступила пехота. Через несколько часов противник капитулировал, и город перешел под наш контроль. На следующий день я с несколькими приятелями получил разрешение одолжить легкий грузовик, чтобы прокатиться в город. Он был невелик по размеру, большая часть домов оказалась поврежденной артогнем, а гавань была забита затопленными судами и кораблями всех типов. Нам сказали, что их там 67. Становилось очень жарко, так что трое из нас разделись и славно искупались в море… Мы вернулись на наши позиции, а позднее и в Асмару. Обратный путь занял у нас два дня: пришлось буксировать пушки вверх по горным склонам по асфальтированному шоссе. Мы снова расположились рядом с радиостанцией *Marina* и простояли там около 10 дней, занимаясь чисткой и проверкой нашего снаряжения, а также сбором трофейных пушек в окрестностях Асмары.

Гавань Массавы, забитая затопленными итальянцами судами для предотвращения ее использования британцами…

Тем временем противник отступил в полном беспорядке в направлении Аддис-Абебы, но затем остановился и занял очень сильные оборонительные позиции в горах, в пункте Амба Алаги – это был последний рубеж, на котором закрепились войска Герцога Аостского (Duca d'Aosta), прежде чем их полностью окружили быстро наступавшие с юга южноафриканские войска. Наши войска уже заняли позиции севернее, и наш полк получил приказ переместиться на юг, чтобы усилить их. Оборонительные позиции итальянцев располагали платформами, врытыми в горные склоны. Пушки по соединяющим их тоннелям, пробитым под прямым углом к любым возможным направлениям атак, можно было выкатить на огневые позиции. Как только мы открывали ответный огонь, их просто закатывали обратно в тоннели. Поскольку эти пушки доставляли нам хлопоты, а их огонь наносил нам потери, полк пристрелялся к каждой из платформ, находившихся в пределах досягаемости наших снарядов.

Артиллеристы ведут огонь по позициям итальянцев в районе Амба Алаги

Должно быть, наши обстрелы нанес им кое-какой ущерб, потому что всего через несколько дней интенсивность их огня определенно поубавилась. Где-то в это время я почувствовал себя больным, словно меня скрутил грипп, и мне хотелось лишь прилечь где-нибудь. Офицер отправил меня в тыловой пункт первой помощи при штабе полка на медосмотр. Оказалось, что я заболел желтухой – к этому моменту моя кожа пожелтела, моча приобрела цвет *Старого Эля/Yellow Jaundice*, и меня постоянно мучили сильные головные боли. Меня отправили на лечение в госпиталь в Асмару, где я оставался и после того, как противник на рубеже Амба Алаги капитулировал. Я вернулся в полк все туда же, в окрестности радиостанции *Marina*. Мы пробыли там еще несколько недель и заняты были в основном сбором трофейного снаряжения. Примерно в июне 1941-го мы получили приказ возвращаться в Египет для участия в боевых действиях в *Западной Пустыне*.

В июне 1941-го наши войска разгромили итальянцев и дошли до Эль-Агейлы – пункта в крайней южной точке залива Сирт/Sirte. Итальянцы получили подкрепления и готовились дать отпор наступающим, были также получены сообщения о том, что в Ливию прибыли большие силы немцев под командованием генерала Эрвина Роммеля (Erwin Rommel). Это были плохие новости, так как наша численность значительно уменьшилась: нам пришлось отправить часть наших войск в Грецию и на Крит, и, кроме того, наша бронетанковая техника сильно поизносилась в ходе быстрого продвижения на запад [в ходе операции *Compass*] и нуждалась в ремонте и техобслуживании. Мы отчаянно нуждались в подкреплениях, и в это время на пути из Великобритании находилась британская 1-я Танковая Дивизия, которая считалась одной из лучших во всей армии с точки зрения подготовки и оснащения. В тот момент наступило затишье в боях, что дало обеим противоборствующим армиям возможность перегруппироваться и реорганизовать для будущих сражений все доступные силы.

Высадившись в порту Туфик, мы получили приказ проследовать в Александрию в обход Каира, после чего должны были повернуть на запад и двигаться по асфальтированной дороге к Мерса Матруху. У небольшой железнодорожной ветки неподалеку от этого поворота мы съехали с дороги, идущей на юг, в пустыню, на протяжении примерно 20-30 миль, и остановились. Наш командир батареи собрал нас и сказал, что был получен приказ обустроить в этом пункте оборонительную позицию, которая со временем станет частью полосы укреплений, проходящей от побережья Средиземного моря до занятой непроходимыми пеками Каттарской впадины. Железнодорожная ветка, рядом с которой мы свернули с дороги, носила название Эль-Аламейн…

По счастью, мы провели за рытьем окопов лишь пару недель или около того, когда пришел новый приказ из Каира. Мы получили директиву оставить всю нашу технику в этом пункте,

взять с собой только личные вещи и снаряжение, включая винтовки и боекомплект из 50 патронов, повесить на шею башмаки и отправляться на грузовиках в Александрию, где нам предстояло сесть на уходящие в море суда. Пункт назначения в приказе не упоминался. Вы можете себе представить, сколько было предположений и попыток угадать, когда каждый пытался переиграть в этом каждого. Все это было довольно забавным и помогало убить время…

АВСТРАЛИЙЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ О БОЯХ И ЖИЗНИ В ТЫЛУ – СЕВЕРНАЯ АФРИКА, 1941 ГОД

Бардия

Австралийские наземные войска активно участвовали в боевых действиях в северной Африке и на Средиземноморье около двух лет – с января 1941-го до конца 1942 года. Первым крупным сражением для них было взятие Бардии, удерживаемой итальянским гарнизоном. 16-я Бригада, а именно ее Батальон 2/1, прорвала оборону противника на рассвете 3 января 1941 года. Австралийцы заняли позиции на стартовом рубеже перед проволочными заграждениями и попытались вырыть для себя стрелковые ячейки, но уже на глубине 6 дюймов (15 см) наткнулись на скальный грунт. Они выкопали длинные борозды и залегли в них, вытянувшись во весь рост. Днем они изнемогали от жары, а по ночам страдали от холода. Правда, люди получили кожаные жилеты, которые они должны были носить под шинелями, и балаклавы, за что люди были очень признательны.

*Вспоминает **Боб Холт (Bob Holt)** из Пехотного Батальона 2/3*

«В ранние часы 3 января саперы развернулись в линию напротив итальянских проволочных заграждений. Если бы ослы были нагружены как мы [в тот момент], Королевское Общество Борьбы с Жестоким Обращением с Животными/Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals – RSCPA подало бы в суд на их погонщиков. На нас было нижнее белье, свитера, форменная одежда из шерстяной ткани, шинели, кожаные жилеты (см. фото слева), каски, боеприпасы, гранаты, средства связи, противогазы, а также кайла или лопаты. На наших спинах, к шинелям, были пришиты куски белой материи, чтобы ребята, следовавшие за нами, могли разглядеть нас в темноте.

Саперы взорвали просветы в проволочном заграждении своими бангалорскими торпедами и проследовали через него вслед за Батальоном 2/1. Мы прошли мимо группы пленных ливийцев, которые тряслись так, словно у них была Пляска Святого Вита – это был результат артиллерийской подготовки. Я до сих пор не знаю, были ли саперы, засыпающие противотанковый ров пьяны, но, судя по тому, как они переговаривались и как он выглядели со стороны, дело было именно так. Они рыли землю, словно бобры, покрывшись грязью и пылью, которые летели в воздух от разрывов итальянских снарядов, и были мокрыми от пота. В коротки моменты, когда стихал шум, было слышно, как они поют «Хо-хо-хо, мы роем, роем, роем», хрипят и кричат. Наша артподготовка продолжалась, итальянские пушки вели огонь по этому просвету в проволоке, и это был бедлам. Вы бы не услышали там свой собственный крик. Я был больше чем просто рад, когда мы прошли дальше и оставили позади заграждение. Мы подошли к первой позиции, которую занял Батальон 2/1. Наша артиллерия хорошо обработала итальянцев: их трупы были разбросаны повсюду, пока Чарли Джонсон (Charlie Johnson) и я продвигались вперед. Чарли сказал: «Боже мой, не смотри на них.» Само собой, я посмотрел и увидел одного из парней Муссо *(Musso – так австралийцы прозвали Муссолини – ВК)*, разорванного пополам, с грудью, рассеченной так, словно в мясной лавке. Я чуть в обморок не свалился, но в течение нескольких следующих дней нам предстояло увидеть гораздо более шокирующие сцены, и просто удивительно, как быстро человек становится равнодушным ко всему этому.»

Батальон 2/3, в котором служил Холт, участвовал во многих боестолкновениях в течение следующих трех дней … и из 700 человек под Бардией потерял лишь 5 офицеров и 56 прочих чинов. Дивизия вместе с британцами взяла в плен 40 000 итальянцев, и, как сказал

Холт, «я думаю, мы сослужили им хорошую службу, поскольку большая их часть оказалась в Австралии, где они обжирались так, что у них головы лопались.»

Итальянская артиллерия действовала наиболее активно в первый день. Пыль от разрывов была настолько густой, что, как рассказывал Холт, иногда не было видно людей, находившихся слева и справа от него. «Должно быть, у *итальяшек (Айти/Itie – так австралийцы называли итальянцев – ВК)* что-то было не так со снарядами, поскольку я видел парней, которых взрывы переворачивали вверх ногами, но потом они поднимались и шли, не по прямой, с помутненным сознанием, но без единой царапины.»

В одном случае Рота С атаковала каменную стену, пока Рота В прикрывала ее огнем. Итальянцы вели огонь, пока австралийцы не подошли ярдов на 40. Рота *С* сначала шла вперед с высоко поднятыми винтовками, но потом люди взяли их наперевес и рванулись вперед, рыча и крича. По словам Холта, «это нужно было видеть»:

«Рота добежала до стены, и вскоре после этого по всей линии появились белые флаги. Почти мгновенно [капитулировавший] батальон выстроился в колонну, готовый к отправке в лагерь для военнопленных – впереди офицеры были в своих импозантных мундирах, а за ними толпа низеньких, еле ползущих *даго/dago* (прозвище иммигрантов из южной Европы в Австралии – ВК) в своей тусклой, плохо подогнанной униформе. Иногда итальянцы упорно оборонялись, укрывшись в своих *сангарах (сложенные из камней укрепления – ВК)* и за каменными стенами, но, по большей части, когда мы сближались с ними на расстояние, достаточное для перехода в атаку, появлялись белые флаги, а потом и они сами со своими уже упакованными картонными чемоданами.»

На третий день боев Рота *С* потратила много времени, разделившись на взводы и отделения и обходя *вади* и овраги, чтобы выбить из них и собрать все еще рассеянных по ним итальянцев. Холт вспоминал, как они ходили по округе, крича «Руки вверх – бросайте оружие!» на ломаном итальянском, и уже вскоре почти каждое отделение собрало по десятку пленных или около того: «Мы надеялись, что эти люди покажут нам. Где засели другие.» Во время этой зачистки Холт увидел итальянца, сидевшего в проходе в блиндаж и, поскольку тот его не заметил, австралиец выстрелил немного в сторону от него, чтобы тот вышел и сдался. «Он не сдвинулся с места и даже не моргнул, вспоминал австралиец. - Он был мертв, словно дверной гвоздь, при этом на нем не было ни царапины или еще чего-то. Возможно, с ним случился инфаркт, или он умер от страха, услышав, как я кричу на своем итальянском.»

Затем батальон атаковал последнюю оборонительную позицию противника, расположенную на холме у побережья. Ее упорно обороняли чернорубашечники, располагавшие пулеметами и артиллерией. Холт огляделся: его батальон шел в бой с высоко поднятыми штыками: «Хранившие молчание парни казались гигантами в своих кожаных безрукавках с их штыками, блестевшими на солнце.» Никто не стрелял, и все это напоминало сцену из фильма о ПМВ. Должно быть, эта сцена заставила итальянцев дрогнуть. Холт оглянулся назад через плечо, чтобы увидеть следующую за ними линию атакующих, но там никого не было. Австралийцы приблизились примерно на 45 ярдов к передовой линии чернорубашечников, которые метались из стороны в сторону, возбужденно споря друг с другом. Кто-то из них, должно быть, принял решение дать бой, поскольку один из пулеметов открыл огонь. Он выпустил всего одну или две очереди, после чего батальонные 3-дюймовые минометы накрыли огнем эту точку – пулемет и его расчет взлетели в воздух. После этого желание сражаться покинуло чернорубашечников, и в воздухе появились белые флаги…

Рассказывает участник этих событий, связист ***Кен Клифт (Ken Clift****, 1916-2009, на фото справа его фотография на склоне лет), Батальон 2/3*

«Развернувшись на подходе к Бардии, мы хорошо видели из наших стрелковых ячеек, как позиции нашей бригады атаковали наши старые приятели – неуклюжие итальянские бипланы. Они сбросили свои яйца, и их строй сделал круг, чтобы взять курс на аэродром, когда в поле зрения появился *Харрикейн*. Он накинулся на идущий в хвосте бомбардировщик и выпустил по нему две или очереди, после чего тот рухнул на землю близ наших окопов объятый пламенем и дымом. Три летчика вывалились из другого самолета, но у двоих парашюты так и не раскрылись, потому что их шелк горел – эти люди упали на землю ярдах в 100 или около того от нашей позиции. Третий сработал, и штурман этой машины был взят в плен где-то в одной миле от нас. Еще один самолет с силой ударился о землю. Мы подошли к нему, чтобы посмотреть, что и как, но увидели лишь какую-то обгоревшую массу: пилот и его второй номер так и остались сидеть пристегнутыми ремнями к своим сиденьям, превратившись в золу…»

2 января часть, в которой служил Клифт, получила дополнительные боеприпасы и гранаты, проверила и перепроверила оружие и снаряжение. Вся бригада в полном составе под покровом темноты выдвинулась на помеченный белой лентой стартовый рубеж для атаки, проходивший параллельно противотанковому рву и проволочному заграждению итальянцев в 500-600 ярдах от них. Бригада вышла на этот рубеж около 9 часов вечера, люди выкопали себе стрелковые ячейки и стали дожидаться рассвета и момента намечаемой атаки. При этом людям было на что посмотреть.

Бесстрашные саперы тоже были тут со своими *бангалорскими торпедами*: они были готовы проскользнуть вперед, взорвать проходы для пехоты и дать возможность танкам и автомашинам последовать за ней. У них с собой были инструменты и снаряжение, необходимые для того, чтобы отсыпать из местного сланцевого щебня переходы через противотанковый ров для танков, бронетранспортеров и машин [повышенной проходимости] *blitz buggie (обычно так называли форды C11ADF канадского производства – ВК)*.

Наступила ночь, сопровождаемая взрывами, взлетающими в небо парашютными ракетами, стрельбой зениток по самолетам Королевских ВВС и огнем, который вели со своих позиций защитники Бардии. Клифт продолжает свой рассказ:

«Мы ждали рассвета и мерзли от жуткого холода, когда нам раздали небольшие порции рома. Непосредственно перед рассветом наша артиллерия вместе с британской – думаю. всего около 300 полевых пушек, что примерно было равно тому, что было у итальянцев в Бардии, но с хорошим дополнением в виде расставленных по позициям тяжелых морских орудий, - открыла огонь, и мы пошли вперед, сопровождаемые свистками и пением пехоты…»

Саперы к тому времени взорвали проходы в проволочном заграждении… Солдаты Батальона 2/1, высоко подняв винтовки с примкнутыми штыками, проскакивали через готовые проходы, перебегали по отсыпанным переходам через противотанковый ров и смещались левее, как было запланировано. Ядро персонала штаба бригады находилось среди атакующих. На линии пересечения заграждения артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь противника был особенно интенсивным. Капитан Билл Стюарт (Bill Stewart) был убит почти сразу же, когда находился в 20 ярдах за проволокой. Он был ранен в трех местах в левую руку пулеметной очередью, четвертая пуля попал ему в сердце. Когда Клифт перевернул его, он обнаружил еще и небольшое осколочное ранение у него на лбу. Сержант Хэнк Финдли (Hank Findlay) снял с него бинокль, планшет с картами и остальное снаряжение, которое полагалось носить офицеру. Капитан Стюарт был отличным офицером, которого уважали солдаты… Вспоминает Клифт:

«Артобстрел значительно усилился. Мой приятель Батта (Butta) и я пробежали около 300 ярдов в сектор Батальона 2/1, где среди тяжело раненых оказался капитан Диллэн (Dillan), известный под кличкой Диллэн-Мерзавец/Dillan the Villain. Позднее ему ампутировали ногу. Батальон 2/1 натолкнулся на упорное сопротивление противника, и его продвижение

временно было остановлено. Тем временем Батальон 2/2 продвинулся за проволочное заграждение на правом фланге, как и планировалось, и мы сумели наладить для него связь, но и они попали под сильный ружейно-пулеметный огонь, и нам приходилось все время ликвидировать обрывы кабеля. Мы решили сделать ответвление и наладить что-то вроде телефонной связи для Батальона 2/3. 2/3 продвинулся дальше штаба бригады и оказался в центре, между батальонами 2/1 и 2/2, которые шли вперед с большой скоростью…

Солдаты Батальона 2/2 в атаке под Бардией

Я наткнулся на ребят из Роты В, которые сказали, что подстрелили Тима Демпси (Tim Dempsey). Несмотря на ранение он все еще улыбался, когда его оттаскивали в тыл на носилках, но умер еще до того, как его доставили на место: пуля прошла через его позвоночник…»

Приземистый лейтенант из Батальона 2/3 – Лесли Кэлмэн (Leslie Calman) – оказался прямо перед головным итальянским танком, имея под рукой лишь противотанковое ружье *Бойз/Boys*. Он выстрелил в упор и угодил в танк, но тут же был убит наповал. Расследование, проведенное после боя, показало, что его пуля оставила лишь борозду глубиной в палец на броне танка, подтвердив, что это оружие в данных обстоятельствах является абсолютно бесполезным. Его героические усилия были потрачены впустую…

К верхней бровке борта *вади* подъехали два грузовичка с установленными на них противотанковым пушками *(в тексте – portee*, *см. фото слева).* Один из них был уничтожен снарядом головного итальянского танка, но другой умело развернулся, что дало наводчику, сержанту Дику Пиккетту по кличке *Снайпер/Dead Eye,* возможность разглядеть все пять вражеских танков. Будучи раненым, Пиккетт один за другим вывел из строя все пять вражеских машин, всадив в каждую из них по одному двухфунтовому снаряду. То, что увидели после боя те, кто решился заглянуть вовнутрь уничтоженных вражеских танков, привело в ужас даже самых крепких парней: пробившие броню снаряды начинали «скакать» внутри башни, превращая экипаж в фарш… Клифт был убежден в том, что, если кто-то и заслужил *Крест Виктории*, то это был Дик Пиккетт, однако меткий артиллерист был награжден лишь *Медалью за Отличие в Бою/Distinguished Conduct Medal*, а его товарищи по расчету – *Военные Медали/Military Medal*. Если бы вражеские танки прорвались к штабу бригады, это поставило бы под угрозу

успех всей атаки. Этот сухой ручей стал известен под названием *Шампанский/Champagne* благодаря тому, что австралийцы после боя обнаружили в захваченных на этом участке боя ДОТах большое количество спиртного…

11 января 1941 года. Австралийские солдаты в хорошем расположении духа. Бардия взята с минимальными потерями…

Батальон 2/3 завершил зачистку Шампанского ручья и продолжил продвижение вперед, захватывая сотни пленных… Ко времени наступления темноты все британские и австралийские батальоны вышли на запланированные рубежи и были готовы к финальной атаке на город, намеченной на следующее утро.

Отделение, в котором служил Клифт, проделало большую работу по налаживанию связи. Автофургоны с радиостанциями обеспечивали отличный контакт со штабом бригады. Его товарищи-связисты Том Браун (Tom Brown) и Блю (Blue) передавали туда информацию о всех текущих событиях, как и Отделение *B*, по телефонной линии, хотя продвижение вперед шло быстрее, чем ожидалось. Австралийцы использовали в большом количестве трофейные итальянские провода в дополнение к тем, что были у них под рукой, и связь работала удовлетворительно. Телефоны *D3* были небольшими по размеру и переносили их в небольших кожаных футлярах. Они работали с одним проводом. Провод подключали к терминалу, и, чтобы получить ток, короткий кусок провода подсоединяли к металлическому штырю, который втыкали в землю. В сухих условиях пустыни было необходимо смочить грунт там, куда вгоняли штырь, так что связистам приходилось импровизировать. «Вода была драгоценностью, поэтому каждого солдата, находившегося рядом с пунктом связи, просили помочиться там, где торчали эти железяки, чтобы связь работала стабильно,» - вспоминал Клифт.

На следующий день пехота пошла в решительную атаку, и Бардия пала. Было захвачено множество пленных и большое количество всевозможных трофеев. Город был в плачевном состоянии после артобстрелов с моря и воздушных бомбардировок. После этого, по словам Клифта, «бригада зализала раны, похоронила своих погибших и, собравшись в колонну, переместилась в Тобрук…, а британские танкисты сделали рывок на север, чтобы перерезать итальянцам путь к отступлению, ведущий от Тобрука к Дерне/Derna.»

Артиллерист Холт вспоминал, как его удивила готовность, с которой итальянцы сдавались в плен, особенно офицеры:

«К нашему изумлению, в воздухе появилось множество белых флагов, и появились офицеры, за которыми следовали их денщики, с большими усилиями тащившие их чемоданы и свертки с постельными принадлежностями. За ними шли 500 неумытых солдат в засаленной форме с уже привычными картонными ящиками и коробками, они были готовы отправиться в дальнюю дорогу. Мы построили их, приказали сесть на землю и

сказали, что после того, как они отправятся в путь, любой, у кого будет найдено какое-либо оружие, будет расстрелян на месте. Их в первый момент это как-то не потревожило, а когда начался марш, уже через пять минут земля вокруг них был просто усеяна их яркими, выкрашенными в красный цвет жестяными ручными гранатами *(см. фото слева – ВК)*. Вообще, это случалось столь часто, что, я полагаю, макаронники/macaronis до этого держали их при себе так долго, что уже и сами не помнили, что тащат их с собой.

Мой рюкзак был набит [трофейными] армейскими нашивками и пропагандистскими листовками, и, когда я находился в окопе, он цеплялся за все и за всех. Наш взводный сержант (позднее он попал в плен в Греции и провел остаток войны в лагере в Германии) заметил, что я собираю сувениры, и, в качестве наказания, приказал мне отвести к месту расположения «клетки» *(так называли места временного содержания пленных в загоне из колючей проволоки – ВК)* целую бригаду итальянцев. Я, как и все остальные, устал и резко запротестовал, пока не увидел итальянского бригадира, который спросил у одного из наших офицеров, где он может спрятать свою золотую авторучку…»

Холт построил пленных, прокричал *Вперед!/Avanti!* и повел их через какой-то холм, после чего колонна оказалась вне поля зрения сержанта. Холт отдал приказ *Стой!/Alto!* и начал обыскивать офицеров и их вещи. По его словам, «это было похоже на налет на ювелирный магазин. Первое, что я нашел, было золотой авторучкой в кармане итальянского бригадира, а потом я «освободил» офицеров от их часов и колец.» Колонна прошла несколько миль, пока не подошла к пункту, где людей поили водой и где Холт остановил ее на привал. В хвосте колонны шли ходячие раненые, в том числе, молоденький итальянец с ранением ноги, которого вез в тачке его товарищ. Вспоминает Холт: «Я вытащил раненого из колонны, потому что знал, что следующий за нами транспорт остановится возле пункта снабжения водой. *Айти*, сидевший в тачке, всхлипывал и рыдал, слезы стекали по его щекам. Думаю, он счел, что его собираются пристрелить за то, что он тормозит движение колонны.»

Пока колонна отдыхала, подошел денщик капитана Кэлмэна, Чарли Хьюз (Charlie Hughes). Холт был очень рад увидеть здесь этого парня. Он спросил Чарли, не согласится ли он довести итальянцев до *клетки*. «Да мамой клянусь (bloody oath), что отведу. Отконвоирую этих ублюдков в лучшем виде. А где *клетка*?» - спросил он. Боб Холт знал об этом не больше. чем Чарли, но сказал, что где-то недалеко. Колонна снова тронулась в путь в сопровождении Чарли, однако, если он думал, что сможет раздобыть какие-либо *сувениры*, то он глубоко ошибался: Холт хорошо поработал над этим. «Он бы и часов не нашел, - рассказывал Холт. – Я вернулся в часть и не стал рассказывать сержанту о том, что передал колонну под начало Чарли Хьюза.»

Один из солдат, служивших в одном взводе с Холтом, Тиздэйл (Teasdale), обшарил итальянский штаб и подобрал серебряный пояс в стиле *Сэма Брауна (Samuel J. Browne (1824–1901), британский офицер, изобретатель портупеи)* с гравировками на итальянском и золотыми ножнами для кинжала. Это было таким произведением искусства, что солдат счел его принадлежавшим ранее генералу [Аннибале] Бергонцоли (Annibale Bergonzoli), командующему гарнизоном Бардии. По словам Холта, этот пояс должен был стоить уйму денег.

После окончания боев за Бардию Рота *B* готовилась к тому. чтобы расположить свой лагерь рядом с итальянской пекарней, близ источника воды… Отделение Холта не собиралось уступать кому-либо в приверженности красивой жизни. Солдаты нашли мешок муки и банку оливкового масла с рядом с пекарней, а Чарли Джонсон раздобыл мешок кофейных зерен и кофемолку. Отделение жировало пару дней? наслаждаясь горячим кофе и оладьями, испеченными на оливковом масле. Они были восхитительными, но последствия были тяжелыми – всех замучил понос. Люди привыкли к армейским рационам - банке подогретой говяжьей тушенки на троих, а теперь у них появилась возможность разнообразить свой стол итальянскими продуктами с ближайшего захваченного склада. «Тунец был чем-то особенным, но итальянская говяжья тушенка была еще хуже нашей,» - вспоминал Холт. Кроме того, австралийцы побаловали себя кашей из толченых армейских галет, покрытых тонким слоем итальянского сгущенного молока.

Выпивка на окрестных складах была в изобилии, и уже на следующий день было решено провести взводное соревнование по винопитию. Бочку вина поставили в кузов грузовика и стали пить пинту за пинтой (0.57 л). Холт свалился одним из первых, после чего кто-то заботливо укрыл его одеялом. Вспоминает Холт:

«Привычные к выпивке парни вскоре потерли интерес к соревнованию… Когда я пришел в себя, было уже светло, и продолжали начатое двое: Чарли Бёрк (Charlie Burke) и взводный сержант. Лагерь погрузился в хаос: три четверти взвода валялись на земле в лужах рвоты. Некоторым было очень плохо, они явно сожалели о случившемся, мучаясь от головной боли. А тут еще поступил приказ идти и хоронить мертвых итальянцев, которые уже начали попанивать. Помню одного малого, которого мы хоронили, так нам пришлось цеплять его за ногу арканом и затаскивать в старую траншею. У него на руке были золотые часы, но он был в таком состоянии, что мы похоронили его вместе с этими часами. Вообще, зря мы так поступили – на более позднем этапе войны мы не были бы настолько брезгливыми и стали бы спорить, кому достанутся такие часы…»

Через несколько дней, к отвращению солдат, один из старших офицеров занялся их боевой подготовкой, репетируя атаки силами взвода и роты на старые итальянские позиции. Это шло вразрез с пожеланиями людей, которые уже считали себя непревзойденными бойцами. По словам Холта, люди ворчали, по большей части, между собой, так как [командир Батальона 2/3] полковник Вив Инглэнд (Vivian England, 1894-1951) разговаривал с людьми резко и грубо, если его что-то задевало. Однако солдаты восхищались его храбростью, потому что видели, что он находился среди них во время боя, пренебрегая собственной безопасностью. Его личный водитель был убит рядом с ним, и это отучило бы кого-угодно от привычки стоять в [универсальном] бронетранспортера под артиллерийским и ружейным огнем большинство офицеров, но только не самого полковника…

Тобрук

Когда 5 января 1941 года, через два дня после начала штурма города, итальянцы в Бардии капитулировали, австралийцы и британцы взяли в плен 40 000 солдат и офицеров противника. За этим быстро последовал новый успех – взятие Тобрука, где 21 января было захвачено 27 000 пленных. Боб Холт снова был в бою вместе со своими товарищами по Батальону 2/3: «Итальянцы были сильны в дорожном строительстве, и мы доехали до Тобрука на трофейных машинах с относительным комфортом, хотя к концу пути высохли, словно щепки, и покрылись дюймами пыли. Мы немедленно приступили к рытью стрелковых ячеек и столкнулись тем же, что и под Бардией – скальным грунтом на глубине примерно в один фут.»

Сразу после полуночи 18 января, очень холодной ночью, австралийцы совершили марш к пункту сбора войск перед атакой на Тобрук. Не считая редких пулеметных очередей и небольших артобстрелов со стороны итальянцев, ночь была спокойной и освещалась редкими ракетами. Точно в назначенное время раздался единичный пушечный выстрел – сигнал к наступлению, и из глубины британских позиций на противника обрушился огонь артиллерии… Вспоминает Холт:

«Наша рота уже была на стартовом рубеже, рядом с нами к нему выдвигался взвод Роты С, и тут раздалось несколько взрывов – это его солдаты зацепили проволочные растяжки мин. Мы видели, как люди подлетают в воздух, их стоны и вопли были ужасными, но потом появились санитары и унесли пострадавших. Этот взвод роты С потерял 20 человек убитыми и ранеными…»

Несмотря на случившееся Рота *С* стала первой австралийской частью, ворвавшейся в Тобрук. Люди из Полевой Роты/Field Company Батальона 2/3 и Пионерной Роты/Pioneers Батальона 2/1 понесли потери, а пятеро саперов были награждены за то, что сумели подорвать *бангалорскими торпедами* проволочные заграждения. Здесь имела место некоторая неразбериха, так как взорвались только четыре из пяти торпед, но три взвода пехоты проскочили через образовавшиеся проходы, после чего за ними проследовала рота *В*. Один из товарищей Холта, *Гарни* Крю (*Garney* Crew), запутался в проволоке и порвал свои брюки, после чего ему пришлось несколько часов воевать в подштанниках. В дальнейшем он *позаимствовал* брюки у итальянского офицера…

Когда рассвело, батальон захватил все намеченные цели. В утренних сумерках группа итальянцев вышла из укрепленного пункта, над которым был вывешен белый флаг. Их офицер все еще держал в руке пистолет, и было непонятно, то ли он собирался отдать его Неду по кличке *Glut (обжора? – ВК)*, то ли пребывал в растерянности. «Нед проткнул его штыком, вытер его о брюки итальянца, подобрал пистолет и оставил его испускать дух. Нед был одним из самых хладнокровных парней, которых я когда-либо знал, однако у него на лице всегда была широкая ухмылка, почти при любых обстоятельствах,» - вспоминал Холт.

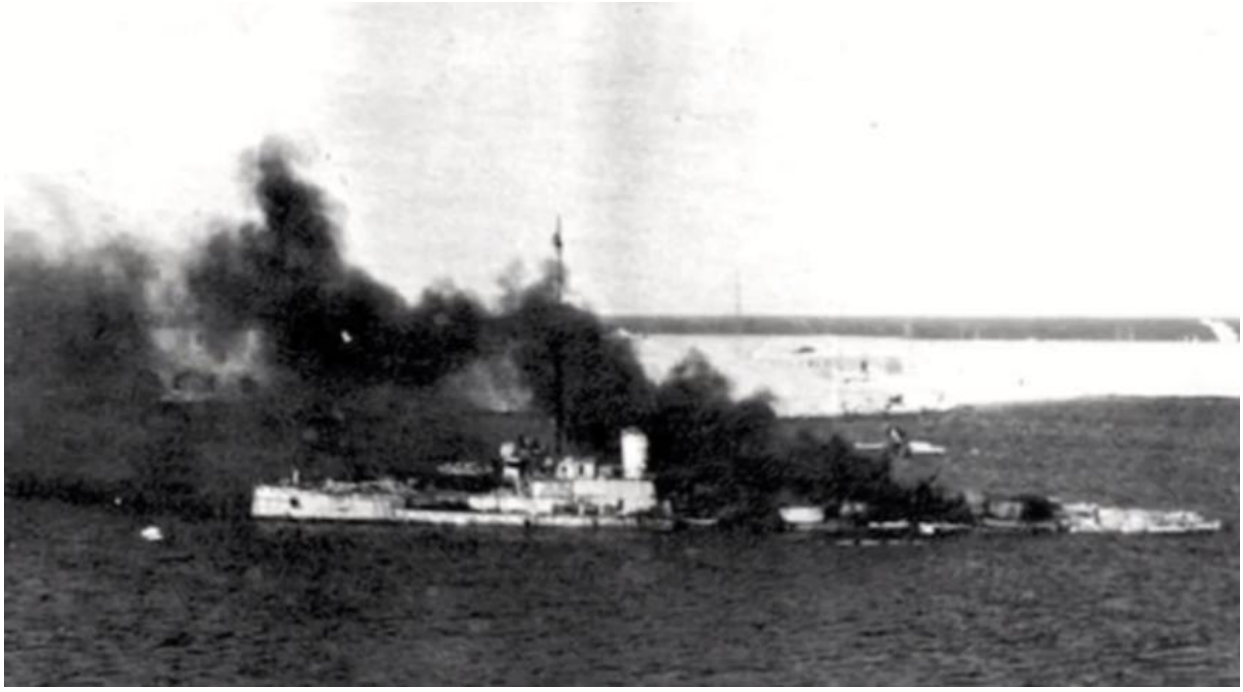
Батальон атаковал оборонительный периметр итальянцев. Австралийцы подавили множество бетонных ДОТов и укрытых под землей огневых точек. Как и под Бардией, полковник Вив Ингланд успевал всюду и везде, стоя в своем бронетранспортере даже под самым сильным огнем. Он совершенно не знал страха. По словам Холта, «просто видеть его от случая к случаю сохранявшим спокойствие, дающим людям советы и приветствующим их словам *добрый день*, вдохновляло даже самых трусоватых (chicken-hearted) из нас. Он был мужиком среди мужчин.» И здесь австралийцев ждали большие трофеи. Вспоминает Холт:

«Повсюду нам доставалось множество пленных, и я набрал себе часов на оба запястья и выше них плюс полный карман денег и колец, отобранных у офицеров. Мы стали прочесывать блиндажи в поисках отбившихся от своих одиночек. Во многих из них воздух был ароматизирован духами, а по полу обычно были разбросаны религиозные картинки и порнографические открытки. У многих офицеров были пистолеты калибров .22, .32 и .38, богато инкрустированные жемчугом – вот их-то мы и искали. Я набрал столько часов, что со временем расщедрился и разрешил макаронникам оставлять их при себе. Они хранили

их, вероятно, до той поры, пока не оказывались в лагере, где почти наверняка их должны были отобрать надзиратели.

Среди пленных оказался светловолосый офицер из числа альпийских стрелков ростом шесть футов, который сохранял достоинство и отказался отдать Джеку Келли (Jack Kelly) великолепное кольцо. Для него было крайне неприятным то, что он стоял навытяжку перед неумытым «диггером» *(землекоп - распространенное прозвище австралийских солдат – ВК)*, и он продолжал настаивать на том, что является офицером: «Je suis officier, Je suis officier.» Я оттеснил Джека и дал ему в зубы, после чего тот сорвал с пальца кольцо и швырнул его на землю. Я дал ему пинка под зад и заодно отобрал у него бумажник.»

Как-то раз батальон Холта оказалась на открытой местности под огнем итальянских бипланов, и, хотя австралийцы избежали потерь, он вспоминал: «Это был один из немногих случаев, когда у меня на самом деле перехватило дыхание.» После того, как итальянцы сделали пару заходов, Холт был несказанно рад, когда они улетели и переключились на другой батальон. В последний день боев его часть оказалась на высотах, доминировавших над Тобрукской гаванью, которая была забита множеством потопленных кораблей и судов. Среди них был крейсер *San Giorgio*, все еще горевший и испускающий клубы черного дыма, заволакивавшего гавань…

Горящий крейсер San Georgio

Австралийцы вышли к побережью и разбили временный лагерь, сделав себе укрытия из итальянских плащ-палаток и одеял. Группа солдат раздобыла итальянский грузовик и несколько дней собирала по округе бутылки с минеральной водой *Vichy*, вино и банки с консервированным тунцом. Грузовик у них через какое-то время отобрали, но к этому времени у них уже все необходимое для хорошей жизни, в том числе, четырехгалонная (около 16 л) алюминиевая канистра с *араком*. Этот крепкий бесцветный напиток становился мутным после добавления в него воды и был известен по всему Ближнему Востоку под разными названиями: *arrack* в Палестине, *zibib* в Египте, *ouzo* в Греции, а также *anise* и *anisette*. Местные его очень уважали, чего нельзя было сказать об австралийцах. Вспоминает Холт:

«Нашему отделению досталась пара порций из четырехгалонной канистры, после чего мы решили воздержаться от него. Тут к нам зашел хорошо образованный, эксцентричный малый по имени Фрэнки Ричардсон (Frankie Richardson), служивший в другом отделении 10-го Взвода. Своим хорошо поставленным голосом он вежливо спросил, «не будем ли мы так добры разрешить ему порадовать себя небольшим глотком этого замечательного

напитка.» Мы дали ему добро, он вытащил из кармана кусок резиновой трубки, лег рядом с канистрой, вставил один конец трубки в рот, другой – в отверстие в канистре, и накачался до бессознательного состояния…»

16-я Бригада была на острие атак на Бардию и Тобрук, и из-за нехватки транспорта ее людям дали возможность отдохнуть, пока две другие бригады сражались за Дерну – следующий город в 100 милях к западу. Тем временем батальону Холта нанес широко освещаемый в газетах визит премьер-министр Австралии Роберт Мензис (Robert Menzies). Он проинспектировал часть и сказал, что он и народ Австралии гордятся достижениями своих соотечественников. Ему принадлежат и следующие слова, сказанные солдатам: «Вы пришли сюда не для того, чтобы захватить эти пустынные земли, но вы приняли участие в разгроме Итальянской империи.» Правда, до окончательного разгрома итальянцев оставалось еще два года…

Батальон 2/3 построен для встречи с премьер-министром Мензисом. Тобрук, 8 февраля 1941 года

Мензис наносит визит сражающимся войскам в северной Африке (фото – Дэмиен Пэрер)

Связисты отвечали за коммуникации в боевых условиях, но им приходилось вступать в бой. Кен Клифт был повышен в звании до и. о. капрала, когда влился в Отделение *J*. Холодной ночью, предшествовавшей штурму Тобрука. Как и Боб Холт, он получил редкий в то время рацион рома, когда артиллерия британцев открыла огонь по позициям противника. Передовые роты австралийцев, продвинувшиеся через взорванные саперами проходы в проволочных заграждениях, первоначально встретили лишь незначительное сопротивление: итальянцы покинули оборонительные позиции, за исключением нескольких ДОТов, еще до начала атаки противника, но уже вскоре их артиллерия открыла точный артиллерийский огонь по наступающим. Вспоминает Клифт: «Все залегли, и некоторое время снаряды прощупывали передовую линию.»

Воздух наполнился пылью и летящим щебнем, австралийцы несли потери, но бригада продолжила продвижение вперед. Когда был захвачен подходящий ДОТ, в нем разместился ее штаб…

«В это время Табби Брюс (Tubby Bruce) был водителем грузовика связистов. Снаряд разорвался у его левого колеса, напичкав шину множеством осколков, но, каким-то чудом, колесо не сдулось. Макки (McKee) и я тянули провода. Я был старшим группы [из трех человек], хотя посторонний вряд ли бы поверил в это, услышав те слова, которые высказывали в мой адрес двое моих товарищей! Мы забрались на бугор, пробиваясь через стену пыли, рассчитывая на то, что там окажется штаб Батальона 2/3, как это должно было быть, если все пойдет по плану. Вместо этого мы увидели ярдах в 150 от себя вражеский пулемет, который вел огонь по наступающей пехоте. За ним, ярдах в 50, находилась батарея итальянских полевых пушек…»

Противник, очевидно, не заметил грузовик связистов, который Табби ловко загнал в овраг. У связистов были винтовки, большой запас ручных гранат и пистолет калибра .45. Используя *вади* ка укрытие, они подобрались к вражеской позиции, ведя винтовочный огонь и вынуждая пулеметчиков пригибать головы. Итальянский пулемет огрызался, но сектор его обстрела был ограниченным, что дало связистам возможность обойти ДОТ. Клифт подбежал к нему и забросил в него гранату, разрыв которой уничтожил расчет.

«Вражеские полевые пушки продолжали вести огонь по нашим. Мы обстреляли их расчеты из винтовок, и артиллеристы залегли в своих окопах, вырытых за огневой позицией, после чего выбросили белый флаг. Я подошел к ним с гранатой в руке, чека была выдернута, пока Батта и Табби держали их на прицеле. Их майор был ранен в руку, среди них было несколько тяжелораненых. Мы выгнали их из окопов – всего около 60 человек, заставили сложить в кучу винтовки, а потом уже подошла Рота *B*.»

С рассветом начались новые атаки австралийцев, и снова они захватили огромное количество пленных и большие трофеи, начиная с хирургических инструментов и заканчивая тяжелыми транспортными средствами, стоившими миллионы фунтов. Тобрук пал. Кену Клифту показалось, что этот город был больше Бардии, хотя сильно напоминал ее… С мачты на главной площади свисал спущенный итальянский флаг, и уже вскоре вместо него австралийцы повесили солдатскую шляпу.

«Эти дерзкие низкорослые итальянцы набрались наглости, поверили словам Муссолини (вероятно, пообещавшим своим солдатам легкую победу – ВК) и построили прямо для нашего удобства огромный лагерь за оградой, чтобы разместить в нем британских военнопленных, которые должны были быть захвачены в ходе атак на Тобрук. Поскольку имела место задержка с доставкой пленных из Бардии, бригада воспользовалась этим загоном и затолкала в него столько побежденных солдат противника и их вещей, сколько было возможно. Чемоданы, банджо, гитары и все такое осталось при них…»

Через пару дней акклиматизации итальянцы устроили импровизированный концерт для всех, кто находился за пределами загона. Один *диггер*, потерявший своего лучшего друга в атаке на укрепленный пункт обороны противника, был раздражен этим до такой степени, что бросил гранату через колючую проволоку в группу пленных, пригласив их *поделить ее на кусочки.* Несколько человек было убито и ранено. Австралиец был арестован и наказан…

Тыловые лагеря и Александрия

Клифт оказался в гарнизоне, занимавшем *Fort Pilastrino*, расположенный в центре Тобрука. Он и его товарищи разместили пункт связи в помещении, где раньше находился офицерский бордель, меблированный кроватями с шелковой драпировкой и прочими шикарными принадлежностями. Стоит отметить, что значительно более крупное по размеру заведение подобного рода было обнаружено в порту Тобрука. «Мы так и не узнали, что случилось с работавшими здесь дамами, но предполагали, что их эвакуировали в Триполи или еще дальше,» - вспоминал Клифт.

«На нашей кухне заправляли джентльмены скорее несолдатского вида, при этом все они очень любили выпить. Поскольку в Тобруке было навалом оставшейся от итальянцев выпивки, такой как кьянти и коньяк …, они хорошо провели время [в первый же день]. На следующее утро, когда мы пришли за своим обычным набором из говяжьей тушенки, галет и горячего чая, завтрака нам не дали. Все повара надрались до потери пульса и были не в состоянии что-либо приготовить: наполовину опустошенный бочонок с коньяком был свидетелем этой печальной истории…»

Командиры были вне себя от злости. Военнослужащие, участвовавшие в этом, получили приказ побриться и привести в порядок форму, а вся награбленная выпивка была уничтожена, что вызвало траур среди тех, кому она досталась. Потом поступило сообщение о том, что двое солдат умерли от отравления алкоголем, и на этом неподконтрольному пьянству пришел конец…

Батальон Холта прибыл в Мерса Матрух и был размещен в старых казармах. Люди помылись, стряхнули пыль со своей формы и начали марш в направлении британского военного лагеря, заполненного вновь прибывшими частями. По прибытии Холт спросил молодого парня с необветренным лицом: «Не покажешь ли ты мне, где у вас тут столовая, приятель *(mate – обычное австралийское обращение – ВК)*? … Это создание оглядело нас сверху вниз так. словно мы были жуками-скарабеями, и с таким акцентом, который модно было резать ножом, ответило, что не является моим приятелем. Это был офицер и джентльмен, и он хотел, чтобы с ним обращались соответственно. Я заметил, что он с гордостью носит на своем погоне лишь одну сверкающую пимпочку. Он предложил мне заново начать беседу, отдав ему честь и назвав его «сэр». Я сказал ему, чтобы он шел на … (go and get himself f…d) и оставил его брюзжать по поводу того, как непочтительно ведут себя эти колонисты. Потом мы нашли столовую и как следует попили пива.»

Находясь на взводе, Боб Холт и его друзья добрались до казармы около полуночи, распевая песни и ни о чем не беспокоясь. Однако лейтенант Джордж Гиббонс (George Gibbons) из роты Холта был раздражен тем, что его солдаты несколько часов подряд заваливаются в казарму в пьяном виде, и к моменту прибытия этой группы был сыт этим по горло. Он наорал на солдат, приказал им заткнуться и идти спать.

«Мы немного поговорили, и я послал его на … Но это был не тот британец с одной звездочкой, а наш австралийский пехотный офицер. Он шипел где-то с минуту, после чего крикнул, чтобы подошел караульный. Был бы глупо ошиваться там, так что я ретировался, одолжил одеяло у своего приятеля по имени Сноуи Паркинсон (Snowy Parkinson) и улегся спать…»

По счастью для Холта и его друзей, утром выяснилось, что лейтенант Гиббонс остыл и ограничился зачитыванием им *положения о бунтах/riot act.* Кроме того, австралийцев отправили по железной дороге в лагерь *Amiriya*. «Наш лейтенант был сам любил пиво, в тот день выпил несколько кружек сам и утром, возможно, решил, что составлять на нас бумагу будет лишним, - вспоминал Холт. - Мы знали, что отправляемся в путь и что в зависимости от того, во что ты хотел верить, конченым пунктом могли быть Англия, Кипр, Турция или Греция.»

На самом деле, австралийцев ждала однодневная увольнительная в Александрии. В карманах у каждого было содержание, выплаченное за три месяца, и они были готовы потратить его на то, чтобы весело провести свой свободный день. *Тич* Паркер (*Tich* Parker)

и Холт собирались в увольнение вдвоем, и Холт был назначен казначеем. Они располагали 50 фунтами *(очевидно, египетскими – ВК)* на каждого, и *Тич* засунул 10 фунтовую банкноту в один из своих носков, чтобы потратить ее на такси до лагеря.

«Мы начали свой день как два джентльмена. Сходили в турецкую баню, потом поели, прежде чем расслабиться одной-двумя кружками пива. Главной артерией района красных фонарей в Александрии была Rue de Souers/Улица Сестер. Тич и я решили пройтись по ней и осмотреться. Судя по толпам австралийских солдат, слонявшихся по ней, у большей части всей 6-й Дивизии были те же намерения. По обе стороны улицы Сестер стояли трех-четырехэтажные дома. В каждой двери стояли ночные бабочки (ladies of the evening) всех цветов и национальностей. По всей улице полным ходом шла игра в two-up, и было забавно смотреть, как дамы делают ставки…

Дощечка для игры в Two Up – разновидность игры Орел или Решка

Такса за сеанс была равна 40 пиастрам (4 шиллинга), и дамы почти всегда ставили на эту сумму. Если девушка побеждала, солдат бросал ей деньги. Если проигрывала, солдат обычно спешил с ней куда-то на верхние этажи. Тич и я поиграли в *two-up*, после чего отведали прелести этих дев (в тексте – *houries*), прежде чем переключиться на выпивку.»

Было еще довольно рано, и австралийцы поняли, что, если они ходят дожить до конца этого дня, то лучше будет использовать свои мозги, чтобы думать, а не для того, чтобы ввязаться в драку. Поэтому они решили сходить в кино, но и здесь все пошло не так, как хотелось. Не успели они усесться на свои места, как к ним подошел разносчик напитков и предложил им *Джон Коллинз* и другие изысканные коктейли.

Друзья покинули кинотеатр и закончили день в дальнем квартале города и снова в борделе. Там они заплатили всему контингенту заведения и потребовали, чтобы те станцевали свою версию канкана. Хозяин заведения стал выстукивать ритм на барабане, а его напарник начал дуть в какой-то мерзкий музыкальный инструмент – оба они были посреди круга, образованного танцующими девушками. «Девушки были разные: худенькие, пухленькие со всевозможными промежуточными вариантами. Возрастом они были от 15 до 50, и, сказать по-честному, среди них не было ни одной с приятной внешностью,» - вспоминал Холт. Друзья отметились с некоторыми из них, выпили *арака* и отправились обратно в центр города.

Уже темнело, и австралийская военная полиция разъезжала по городу на грузовиках с установленными на них громкоговорителями, через которые рекомендовала всем военнослужащим 6-й Дивизии немедленно возвращаться в лагерь *Amiriya*. Холт и Тич отправились назад на трамвае. Тич на гражданке был *трубадуром* – трамвайным кондуктором в Сиднее, и после того, как водителю трамвая один или два раза дали выпить, Тич приобрел уверенность в себе, произнеся длинную речь о международной солидарности персонала, обслуживающего трамваи, а потом и сам сел в кресло водителя…

«Будучи уверенным в том, что Тич является опытнейшим водителем трамвая из Сиднея, водитель дал ему поработать ручками управления. Тич успешно справился, но, по-

видимому, лимит скорости в Александрии был значительно ниже, чем в Сиднее. К моменту прибытия на конечную остановку водитель уже рвал на себе волосы и молился богу, изрыгая проклятия на арабском, английском и французском. Некоторые из пассажиров были уже в истерике, когда трамвай со страшным грохотом сошел с рельсов, дойдя до конца ветки. Инспектора и местный персонал убедили нас в том. что дальше нам лучше будет ехать на такси. Они вели себя грубо и довольно резко разговаривали с нами. Когда мы покидали место происшествия, водитель и пассажиры кидали в нас камни, пока мы не скрылись из виду… Потом мы вернулись в центр города и зашли в кабаре, где выпивка лилась рекой. Большая часть солдат к тому времени уже вернулась в лагерь, и здесь находились самые неуправляемые…»

В итоге у Холта кончились деньги, и пора было возвращаться в лагерь… К кабаре подъехала австралийская военная полиция и быстро начала забрасывать мертвецки пьяных солдат в кузов 3-хтонного грузовика. *Тич* и Холт сами забрались в одну из машин, но по дороге то ли сами вывалились из ее кузова, то ли были выброшены полицейскими. Друзья очнулись на пустынной дороге, но сумели добраться до лагеря. Там они получили приказ собираться в путь, потому что батальон отправлялся в Грецию. О самочувствии говорить не приходилось… Взвод Холта взошел на борт крейсера *Gloucester* в довольно подавленном состоянии, но, как он рассказывал, «мы определенно не грустили от того, что покидаем Египет.» Неизвестно кем написанный стишок отразил настроение австралийцев в тот момент:

Страна мух и пропотевшие носки

Сыпь на коже и сыпучие пески

Улицы, где правят стыд и срам

Я и названия им не дам

*Шлюхи, воры, всюду воги**

Жарища, от усталости ломит ноги

Пыль и вонь, всюду собаки-ублюдки

Ноющие цыгане и мясо верблюжье

Пыль, она ослепляет и мучает

Мозг выжигают мухи - их тучи

Рай для арабов, ад для солдат

Страна ублюдков, прощай навсегда

Примечание:

♣ Вог/Wog – аббревиатура слов Western Oriental Gentleman – обычная, в прошлом имевшая в Австралии презрительный оттенок кличка жителей Средиземноморья и Южной Европы

ФРАГМЕНТЫ ИНТЕРВЬЮ С АВСТРАЛИЙЦАМИ – УЧАСТНИКАМИ СИРИЙСКОЙ КАМПАНИИ

К началу Второй Мировой войны французы сконцентрировали в своих ближневосточных владениях значительные силы – около 120 000 солдат и офицеров, в основном, в качестве орудия подавления новых выступлений арабского населения.

Военное поражение Франции летом 1940 года усилило брожение среди арабов, которые после выхода Франции из Лиги Наций не видели легальных оснований для сохранения французского мандата на свои земли. В конце августа 1940 года после переговоров французских властей с итало-германская комиссией численность французских войск в Сирии по условиям перемирия была сокращена до 35 000 человек – количества, необходимого для поддержания порядка в колониях. Националистические элементы в Сирии вновь подняли голову, так как сочли, что настало время освобождения от французского господства. Великобритания благосклонно смотрела на этот процесс, рассчитывая, что освободительное движение сирийцев станет препятствием для распространения влияния держав Оси на регион.

В октябре 1940 года на Ближний Восток прибыл сподвижник де Голля генерал Катру (Georges Albert Julien Catroux), который начал пропагандистскую кампанию, имевшую целью склонить базировавшиеся в Сирии и Ливане французские войска к переходу на сторону Свободной Франции. Был достигнут эффект, противоположный ожидаемому: прибывший в Сирию новый глава французской администрации генерал Анри Денц (Henry Denz) был настроен явно прогермански, все больше и больше немцев стало появляться в Сирии, да и сами сирийцы, скорее, были раздражены пропагандистской кампанией голлистов. Следует отметить, что мало чем обоснованные большие надежды на движение голлистов возлагал лично Черчилль, в то время как британское военное командование на Ближнем Востоке трезво оценивало его боевой потенциал как незначительный. Однако, Де Голль и многие британские старшие офицеры предвкушали легкую прогулку и не понимали того, что французы, вовсе не пылая любовью к немцам, не испытывали особых симпатий и к британцам, считая, что те бросили их на произвол судьбы в 1940-м.

По мнению известного австралийского военного корреспондента Алана Мурхеда (Alan Moorehead), британское командование не отдавало себе отчет в том, насколько далеко зашло сотрудничество между немцами и вишистами, и насколько прогермански был настроен генерал Денц. Собственно говоря, для многих французов голлисты были лишь кучкой мятежников и предателей, вышедших из подчинения французскому правительству и ставивших под угрозу перспективы достижения более-менее приемлемых условий мирного соглашения со странами Оси.

Весной 1941 года активность нацистов в Сирии заметно возросла. Глава Восточного Отдела германского МИДа Хентиг начал работу по созданию нацистских организаций в рядах арабской молодежи в тесном контакте с местными националистами. В страну стало прибывать все больше «технических специалистов» и «туристов», и в итоге, когда в мае в Ираке произошли первые столкновения между британцами и мятежниками Рашида Али, его поддержала немецкая авиация, использовав для промежуточного базирования и дозаправки французские аэродромы в Сирии.

Акции адмирала Дарлана (Jean Louis Xavier François Darlan), министра иностранных дел Франции и второго человека после Петена (Henri Pétain), не оставили сомнений в том, что вишисты полностью поддерживают деятельность нацистов на Ближнем Востоке. Он подписал декларацию о поддержке нацистов в Сирии и Северной Африке, согласился продать иракским мятежникам три четверти военных материалов, складированных в Сирии, предоставить самолетам немецких и итальянских ВВС топливо для дозаправки и аэродром Алеппо в Сирии, а немецкому командованию - разведданные о дислокации и планах британских сил на Ближнем Востоке. В ответ на это 14 мая 1941 года самолеты британских и австралийских ВВС начали систематическую бомбардировку французских аэродромов в Сирии.

8 мая 1941 года началось вторжение войск Британского Содружества в Сирию, нацеленное на завоевание полного контроля над французскими владениями в этой части Ближнего Востока. Бои завершатся разгромом войск вишистов 14 июля… Вниманию читателей представлены фрагменты интервью с австралийскими солдатами – участниками кампании.

Питер Гибсон (Peter Gibson), *5-й Дивизион 2-го Полка Полевой Артиллерии, 7-я Дивизия*

В наш первый день боевых действий в Сирии наш командир орудийного расчёта, капитан, находился на своём наблюдательном пункте. Вместе с ним там было ещё человек пять. В них попал снаряд — их разорвало, все погибли. И мне пришлось взять с собой ещё двух или трёх парней, чтобы пойти туда, забрать их тела и всё такое. Ну, это был первый раз, когда я вообще увидел что-либо подобное, и это было просто ужасающее месиво. Я имею в виду, что их разорвало на куски и всё такое. Нам пришлось собрать всё, что можно было найти, завернуть в одеяло и принести обратно.

Но знаете, в двадцать лет очень быстро становишься взрослым.

Это был ваш первых день в бою?

Это было в первый же день.

Когда вам пришлось это делать, вы находились под огнём?

О да. Ну, нам пришлось подняться туда и забрать… сделать всё, что мы могли. Двое из них ещё оставались в живых, остальные были разорваны в клочья, но нам нужно было

снова сделать так, чтобы наблюдательный пункт действовал, понимаете. В этом и заключалась проблема: артиллерия ведёт огонь по противнику, но у противника тоже есть артиллерия, и когда вы стреляете первыми, они засекают место, где вы находитесь, и открывают огонь по вам, чтобы подавить вас, вывести из строя, чтобы вы не могли помогать своим. Так что то, что ты служишь в артиллерии, вовсе не означает, что тебе ничего не угрожает. По тебе не стреляют из винтовок или пулемётов, но на тебя летят снаряды и взрываются вокруг тебя. Вы достаточно мобильны — конечно, вы уходите оттуда, меняете позицию. Так и происходило практически каждую ночь.

Это было нелегко, но мы были довольно хорошо подготовлены. Мы были очень крепкими, физически хорошо подготовленными, понимаете, и могли сами о себе позаботиться. Я имею в виду, парни обычно умудрялись раздобыть кур, всякую всячину, яйца у местных жителей, добывали дыни.

После того, как вы собрали останки, вы потом похоронили их?

Мы принесли их обратно, мы просто должны были накрыть их, вот и всё. Позже приехали люди из службы военных захоронений. Сейчас у всех них есть могилы.

Не было времени сделать что-либо ещё?

Нет. А потом, конечно, самое тяжёлое — связаться с их семьями, но этим обычно занимался капеллан. Но в тот момент вы об этом не думали. Только потом, понимаете, когда всё закончилось, начинали думать о таких вещах: вот такого-то человека больше нет здесь. Но, м-м-м… понимаете, вы никогда бы не стали разговаривать о таких вещах. Да никто нас и не спрашивал.

Люди, парни в вашей части, пугались, когда происходило что-нибудь подобное?

Ну, нам всё время было страшно до чёртиков. Любой, кто скажет вам, что ему не было страшно, — лжец. Конечно, нам было страшно. Понимаете, ты не знали, когда придёт твоя очередь. Но в тот момент об этом не думалось. А потом… понимаете, вы делали такие вещи, я думаю, именно на пике страха, если можно так выразиться. Это, знаете ли, инстинкт выживания. Но вообще жизнь в артиллерии не шла ни в какое сравнение с тем, что выпадало на долю пехоты. Именно им доставалась вся самая тяжёлая работа, и знаете, я испытываю огромное уважение к тому факту, что настоящими людьми переднего края является пехота. Мы находились здесь, в артиллерии, в составе войск поддержки, и получали от пехотных командиров запрос на поддержку артиллерийским огнём.

А самый быстрый способ самому отправиться на тот свет — это быть лейтенантом, которого послали вперёд в качестве офицера-наблюдателя, чему я был свидетелем. Когда меня ранило, за два дня пострадали пять лейтенантов. Пять лейтенантов за два дня. Не все погибли — все выбыли из строя, один был убит. А в пехоте, конечно, все атаки, вообще всё, возглавляют лейтенанты, понимаете. Командиры отделений, лейтенанты — они первыми идут в бой. Вот почему среди офицеров уровень потерь такой высокий. Я имею в виду, чем выше вы поднимаетесь по служебной лестнице, тем дальше от передовой находитесь и тем больше руководите происходящим сзади. Вот и всё. Мы не сидели в окопах, как в Первую мировую. Это было совсем другое. Мы были мобильными, очень мобильными. Всё время находились в движении.

Возвращаясь к вашей роли в артиллерии и к поддержке пехоты, чувствовали ли вы, что для вас было честью иметь возможность этим заниматься, или это было…?

Когда пехотинцы возвращались через артиллерийские позиции, они говорили: «Господи, я не знаю, как вы, ребята из этой чёртовой артиллерии, выдерживаете, когда вас так долбит». А мы отвечали: «А как насчёт вас, ребята?» Так что мы просто считали, что нам повезло, понимаете.

Но да, я полагаю, что в некотором смысле это было честью. Потому что мы всегда говорили, что мы — джентльмены артиллерии. Знаете песню артиллеристов?

Что это за песня артиллеристов?

Знаете: «Toorali oorali adderty… We are the boys of artillery».

Все пехотинцы — славные ребята,
но, попав в переделку,
они всегда зовут на помощь пушки

Им [пехотинцам] эта песня не очень нравилась, сами понимаете.

Питер, я хотел бы, если вы не против, вернуться к самому началу событий в Сирии. Мне очень интересно услышать, какие у вас были первые впечатления, когда вы туда прибыли, после всей вашей подготовки, после морского путешествия. Какое было настроение на борту судна и среди солдат…

Мы довольно долго находились в пустыне в Египте, понимаете. Затем вернулись на поезде к Каналу, переправились через него и вступили в Палестину. Потом двинулись на север, к границе Палестины, как её тогда называли, и Сирии. Мы подошли к… там был таможенный переход, и именно там пересекли границу и вошли в Сирию. Мы ничего не знали о том, что происходит - нам вообще ничего не сказали. Мы даже не знали, зачем нас туда отправляют. То есть никакой информации не было вообще — знали только то, что мы отправляемся в Сирию. Мы не знали, какова была стратегия Черчилля, что именно он предполагал делать дальше. На самом деле мы узнали это только… ну, гораздо, гораздо позже — почему вообще нас туда отправили.

Действительно. То есть вам просто отдавали приказ, и вы отправлялись туда?

Туда и отправлялись, да. Я имею в виду, в пустыне Монтгомери обычно устраивал эти большие собрания, собирал всех — войска и так далее — и рассказывал, что происходит. Но у нас ничего такого не было, и мы отправились в Сирию. Когда мы туда прибыли, нам сказали, что мы будем воевать против *французов-вишистов*, понимаете. Половина парней вообще не знала, кто это такие. Понимаете, они даже никогда о них не слышали.

Очень скоро мы узнали, что и как. Наша первая огневая позиция находилась сразу за сирийской границей. Мы поддерживали атаку нашей пехоты в этом конкретном районе. Мы прибыли на место в темноте, как обычно и происходило при передвижении. А примерно в середине нашего первого дня мы впервые открыли по-настоящему интенсивный огонь, когда началась атака. Именно тогда наш командир орудийного расчёта, капитан, его помощник и два радиста — нет, три радиста — находились на этом НП, наверху, на вершине этого холма, и вдруг, в следующий момент, который мы помним, вся связь между орудиями и его позицией оборвалась. Мы выяснили, что снаряд угодил прямо в середину их позиции. Трое из них были убиты, а ещё двое получили очень тяжёлые ранения.

То есть вы потеряли связь с передовой, где они находились…

Мы знали по карте, где они находятся. Поэтому старший офицер нашей огневой позиции, лейтенант, сказал… Нет, он приказал мне взять пару артиллеристов и забрать их, понимаете, сделать всё, что в наших силах. Мы поднялись туда и нашли место, где они находились - зрелище было довольно жуткое. Пара человек были еще живы. Несколько парней схватили их и вытащили оттуда, но… остальные были буквально разорваны на части, понимаете. Мы, можно сказать, собирали куски их тел и складывали их в одеяло, а потом потащили всё вниз по склону. Местность была довольно каменистой. Ни деревьев, ни какого-либо укрытия. А снаряды в то время падали вокруг нас со всех сторон, но у нас была эта задача, которую нужно было выполнить. И, если говорить совершенно откровенно, конечно, нам было страшно. Если человек говорит, что ему не было страшно, он врёт. Нам всем было страшно. Но у нас была эта задача, и мы просто её выполнили. Когда мы вернулись с ними к орудиям, мы сели и подумали: «Боже мой… вот это было жутко».

То есть именно тогда вы впервые почувствовали, что на самом деле происходит?

Да. Ну, тогда уже шла настоящая война. Это был первый раз, когда мы действительно что-то сделали, действительно стреляли из наших орудий. Ну, мы, конечно, стреляли на учениях в пустыне, а здесь уже было настоящее дело, понимаете.

А вы чувствовали, что артиллерийский огонь помогает добиться какого-то продвижения?

Мы очистили этот район — точнее, пехота его очистила. А мы примерно так: снимали орудия с позиций и двигались вслед за ними. Мы были в движении практически каждый день, каждую ночь. Каждую ночь мы куда-нибудь перемещались.

Я читал, что эта кампания была довольно продолжительной, возможно, даже более продолжительной, чем она должна была быть.

Ну, есть очень хороший документальный фильм. Вы его видели?

Думаю, да.

Six Bloody Weeks/Шесть Кровавых Недель. Он рассказывает о политике, стоявшей за всей этой историей, гораздо больше, чем непосредственно о боевых действиях, но там показывают часть той местности, где мы находились: мы ведь были в центральном секторе. В Сирийской кампании было три направления: прибрежное, центральное и… восточное, в районе Дамаска, примерно там. Мы находились в горах, на Голанских высотах, и все наши перемещения проходили по очень узким дорогам — если их вообще можно было назвать дорогами. Многие из них проходили вдоль оврагов и ущелий и тому подобного, поэтому нам приходилось удержать наши орудия [от падения вниз по склону] … Всё происходило ночью, поэтому спать нам почти не удавалось, думаю, так продолжалось около пяти недель. Знаю точно, что после окончания всего этого мы проспали три дня.

Вероятно, это был первый случай, когда артиллерия оказалась в ситуации, когда приходилось постоянно находиться в движении: каждую ночь, каждый день мы перемещались на новую позицию. Один раз мы оставались на одном месте целый день, в укрытии, конечно, над нами были натянуты маскировочные сети. На следующий день ожидалась атака, поэтому ночью мы заняли свои позиции, а потом весь день лежали тихо, не высовываясь, и, конечно, вы не поверите, но у всех нас были примусы. Понимаете, у нас не было керосина, и метилированного спирта тоже не было, поэтому мы заливали в них бензин. Мы постоянно пили чай, и тут один из наших парней и говорит: «Чашку чая, приятель?» Он зажёг примус, начал его накачивать, и, конечно, тот взорвался. Дело было примерно в полдень. Пламя и дым прошли прямо через нашу маскировочную сеть, что сразу выдало местоположение нашей позиции. В следующий момент по нам с другой стороны уже начали долбить из всего, что стреляло. За это меня особо не похвалили, но чай мы пили постоянно.

Чай или что-нибудь ещё?

Нет, этого не было… Наши пушки тащили тягачи *Marmon-Herrington*, четырёхколёсные, с полным приводом. Такие, вроде грузовиков — у меня есть их фотографии. А ночью один из нас шёл впереди, обычно наш старшина батареи, и осматривал дорогу впереди нас. Потом давал нам сигнал пройти ещё метров пятьдесят или около того, пока мы не посмотрим, куда именно идём.

Были ли там мины?

Нет, нет. В нашем районе мин было не так уж много, потому что там не было… не было таких больших участков ровной местности, которые можно было бы перекрыть минами и тому подобным, чтобы защищать обширные территории.

На всех дорогах и вообще повсюду, возможно, это упоминалось в том фильме, были белые указатели. Везде стояли белые отметки. И мы выяснили, что все они были ориентирными точками для французской артиллерии, когда она проводила здесь учения. Они знали координаты каждой такой точки и могли вести по ним огонь, поэтому, если мы проходили

мимо одной из этих точек, они, конечно, всё время могли обрушить на нас огонь. У них были эти французские 75-мм артиллерийские орудия — очень, очень классные, ещё времён Первой мировой войны. К счастью, у нас были 25-фунтовые пушки, которые были гораздо современнее.

Всё это, по крайней мере для нас, представляло собой постоянное движение — вся Сирийская кампания. Когда там всё более или менее было очищено от противника, нас перебросили в прибрежный район и начали наступление на Бейрут. Это была уже совершенно другая война. Всё происходило на главной дороге, на прибрежной дороге.

Из этого документального фильма я узнал, что вишисты довольно хорошо закрепились на местности.

О да.

Вы сами когда-нибудь сталкивались с этим?

На самом деле нет. Именно пехота обнаруживала такие позиции, но мы знали, что они окопались и закрепились везде где только можно. Их оборона была очень хорошо организована, особенно вокруг Мерджаюна. Там произошло одно из крупных сражений. Именно там Катлер (Roden Cutler, 1916-2002) получил свой *Крест Виктории*, если не ошибаюсь. На мой взгляд, это сама по себе очень интересная история. Этот населённый пункт один раз был захвачен, потом потерян, затем снова захвачен и так далее. Там была французская артиллерийская школа… Это был форт, он назывался форт Кхиам. Наши связисты всегда были отличными добытчиками всякого добра, и они добрались туда первыми. Форт уже был эвакуирован, и они проникли в офицерскую столовую. Там все они нарядились в парадную форму французских офицеров — с головными уборами и всем остальным — а потом вернулись в лагерь, обратно к орудиям, с саблями и всякими другими вещами, таща награбленное, главным образом мешки с сахаром - именно этого нам больше всего и хотелось.

Расскажите тогда о вашем продвижении, о переходе в ходе кампании из гор к прибрежной дороге, об этом этапе кампании.

Ну, нам пришлось спуститься с гор по этой прибрежной дороге к реке Дамур. На французской стороне там были хорошо оборудованные укрепления, и это было очень крупное сражение. В ту ночь мы провели мощную артиллерийскую подготовку. На каждое орудие приходилось по 600 снарядов. Мы стреляли каждую минуту — всю ночь, поддерживая этот «ползущий огневой вал», пока пехота продвигалась вперёд. Мы, конечно, записывали каждый произведённый выстрел. Вели счёт, потому что нужно было знать, когда потребуется заменить ствол и всё такое. Так вот, именно тогда из моего орудия был выпущен 3000-й снаряд.

Когда 25-фунтовая пушка стреляет, она практически подпрыгивает над землёй. Почти. Конечно, почти каждый артиллерист в конце концов становился глухим. За почти три года службы — фактически почти за четыре года — во всём моём орудийном расчёте я был единственным, кто не оглох.

Как вам это удалось?

Не знаю. Я находился в самом худшем месте — сзади, у основания орудия, рядом с сержантом. Это было моё место, и каждый раз, когда пушка стреляла, она вот так — *ух!* — подскакивала вверх, но лафет всё равно оставался на земле, а ударная волна расходилась в стороны. Конечно, именно двое парней, находившихся по обе стороны от неё, каждый раз принимали на себя весь этот удар...

25-фунтовая пушка могла стрелять по настильной, средней или навесной траектории. Можно было послать снаряд по высокой дуге — примерно так, как стреляла небольшая гаубица. Они ведь стреляли навесным огнём. Так что 25-фунтовая пушка была фактически пушкой-гаубицей: она могла выполнять обе функции.

А последний заряд, который мы добавляли, назывался *supercharge* — усиленный заряд. Этот картуз можно было добавить к обычному комплекту при заряжании орудия, тогда снаряд летел практически параллельно земле, и именно этот заряд мы использовали при стрельбе бронебойными снарядами по танкам. Таким зарядом орудие могло стрелять на дальность до 12 000 ярдов. Снаряд летел практически параллельно земле. Но такое применяли только на открытой местности, понимаете. А вот третий заряд был тем, который мы обычно использовали. Потому что большая часть нашей стрельбы велась на дальности от четырёх до пяти тысяч ярдов.

На протяжении всей Сирийской кампании в основном этим вы и занимались?

Да, да.

А на побережье?

На побережье… На побережье было то же самое. Потому что мы наступали… Ну, после сражения у Дамура мы всё время вели обычный артиллерийский огонь впереди пехоты. Мы двигались по прибрежной дороге и собирались атаковать Бейрут — он находился где-то вдали. Там была радиовышка, по которой мы пытались попасть. И, бог знает как, но нам это удалось. Местность там, вдоль побережья была довольно открытой.

Вы встречали на этой дороге значительные силы противника?

Ну, однажды наш командир части проехал мимо нашей огневой позиции и сказал нам: «Собирайтесь. Сегодня вечером будем в Бейруте». Мы собрались, вышли на дорогу, завернули за следующий поворот — и тут же угодили прямо в самое пекло. Вся эта местность была накрыта их артиллерией — крупнокалиберными орудиями, которые стреляли непосредственно из Бейрута, и это очень быстро остановило наше продвижение.

Мы расположили наши орудия за двумя старыми каменными стенами, в которых были ворота, и просунули стволы орудий через эти ворота. Но тут прямо перед ним снаряд разорвался, и всё вокруг разлетелось. Самому орудию это не повредило, но всё остальное…

А как насчёт людей?

Ну, мой номер два, наводчик, бомбардир Бев Мейн (Bev Main), был управляющим банка. Он в жизни не держал лопату в руках, понимаете. И у нас был один работяга, такой землекоп, который обычно работал в городском совете. Бев всегда платил ему, чтобы тот вырыл для него индивидуальный окопчик. Он давал ему каждый раз один фунт за эту работу. Но когда мы оказались на этой позиции и нас начали долбить, я сказал Беву: «Я тебе сейчас приказываю — иди и выкопай свой чёртов окоп», ну, он и выкопал его рядом с орудием. И тут прилетел этот самый снаряд. Когда дым и вся эта грязь осели на землю, я посмотрел и подумал: «О Боже мой!» Заглянул в его окоп — а Бева там нет. Зато внутри лежал огромный кусок снаряда. Он говорит: «Видишь, сержант, вот почему я никогда не копаю окопы».

Мне осколок попал в спину — кусок чего-то угодил прямо в середину спины, и кровь хлестала довольно сильно. Вся моя рубашка была пропитана кровью. Парни говорят: «О господи, сержант, вас ранило! Давайте-ка вас отправим…» и повезли меня на медицинский пункт.

Вы сами не могли…?

Я вообще не чувствовал боли или чего-нибудь подобного, просто шла кровь. Я им: «Отправьте меня на полковой медицинский пункт». Ну, добрались туда, доктор взял большие ножницы и разрезал на мне рубашку, и тут обнаружился этот осколок — примерно вот такого размера, я бы сказал, а на нём был большой острый, как стилет, выступ. Он торчал прямо из позвоночника, при этом рану почти невозможно было разглядеть. Но осколок задел кровеносный сосуд, поэтому кровь так сильно и шла. Доктор вытащил эту чёртову штуку, наложил на рану повязку и сказал: «Возвращайтесь к своему орудию», так

что даже в списки раненых меня не внесли, а я-то было подумал: «Вот здорово! На этом я точно получу отправку домой»…

Если говорить о Сирийской кампании… Она продолжалась, сколько — пять, шесть недель?

Думаю, все это время мы вообще не спали. По-моему, за весь этот период мы ни разу нормально не выспались. Удивительно, как долго человек вообще способен продержаться, когда находится в такой ситуации. Конечно, иногда удавалось прикрыть глаза минут на десять или около того, но потом приходил приказ, и снова нужно было подниматься и приступать к работе. Но когда всё закончилось и наступило перемирие… В ту ночь было объявлено перемирие, и обстрел должен был прекратиться в полночь, но он не прекратился, потому что после полуночи они ещё выпустили несколько снарядов, и мы снова начали стрелять, но после этого всё действительно закончилось. Мы просто, можно сказать, рухнули возле этого орудия и несколько дней не просыпались.

Это невероятно.

Просто не просыпались. Потому что потом какое-то время вы все ходили как в тумане, совершенно разбитые. А потом, конечно, через некоторое время выпал снег, и тогда нас всех занесло снегом.

Где вы находились, когда было объявлено перемирие?

Мы находились в месте под названием Лата, неподалёку от Латакии. Латакия находится дальше на север по побережью от Бейрута — значительно дальше, примерно на полпути к Турции, к турецкой границе. Мы находились в горах, среди ливанских кедров. Это горы позади Бейрута. Там находится горнолыжный курорт — прекрасное место. Так вот, мы оказались там, в снегу. Нас буквально занесло снегом, и мы не могли двигаться

Все наши орудия, тягачи, вообще всё — даже наши палатки — всю ту Рождественскую пору 1941 года находилось под снегом. Снег лежал даже до самого побережья Средиземного моря.

Потом мы двинулись оттуда. Нам пришлось прочёсывать различные позиции по всей Сирии, где находились французские войска. Многие из них даже не знали, что боевые действия уже прекратились.

А, вот как…

Мы отправились в разведку: взяли с собой пару орудий и несколько пехотинцев и ездили по округе, разыскивая этих людей. Мы добрались почти до самой турецкой границы — туда, где турецкая граница встречается с сирийской на побережье Средиземного моря. Интересно, что пока мы там находились, местные жители довольно хорошо о нас заботились — снабжали нас курами, яйцами, едой и всем остальным.

Мне интересно, что вы делали с теми вишистами, которые не знали, что перемирие уже объявлено? Как вы с ними поступали?

Ну, вишистские французы, против которых мы воевали, были бойцами Французского Иностранного Легиона - их перебросили из Алжира. Это были профессиональные солдаты, им, в общем-то, было всё равно, за кого воевать, лишь бы с кем-нибудь воевать.

Однажды ночью один человек, один из них, приплёлся к нашей огневой позиции. Наш часовой остановил его, а тот сказал: «Не стреляйте, не стреляйте! Я австралиец». А он был французским солдатом, бойцом Иностранного Легиона. Так что мы взяли его в плен.

А, понятно. То есть он фактически сдался мирно.

Да. Он собирался сдаться, понимаете, когда узнал, что воюет против австралийцев. [До начала боев] ходили разговоры — по крайней мере, существовало такое мнение у некоторых старших офицеров, — что часть французов просто сдастся, что некоторые французы вообще не будут сражаться… Мы этого не обнаружили: они действительно были

очень, очень хорошими бойцами. В Сирии мы понесли тяжелые потери, очень тяжелые. Это была страна, буквально превращённая в систему укреплений. Мы воевали, можно сказать, против армии, которая находилась там уже много лет. У них были свои позиции, свои учебные и тренировочные полигоны, они знали всю эту местность вдоль и поперёк. И вот против них нам и пришлось сражаться…

Джон Мёрфи (John Murphy), *17-й Полк Легкой Кавалерии*

Что вам рассказывали о французах-вишистах до того, как вы отправились в Сирию?

Не думаю, что нам вообще что-нибудь рассказывали. По-моему, впервые о Виши мы услышали, когда прибыли в Фуэлу, на сирийскую границу. Наверное, это и было первое, что мы о них узнали. Многие из вишистов были сенегальцами — здоровенные, высокие парни.

Вы задавались вопросом, почему вы воюете с вишистами, то есть с французами?

Нет. Нет, не тогда. Только потом.

Расскажите нам о подготовке к операции в Сирии. Как вы к ней готовились?

Мы стояли лагерем в Фуэле, ожидая приказа перейти границу. Нам сказали, что серьёзного сопротивления мы не встретим. Но, как выяснилось, всё оказалось совсем наоборот. Одно небольшое происшествие случилось ещё до того, как мы вступили в бой. Однажды ночью мы спали прямо на земле, и вдруг рядом раздался сильный грохот. Это мотоциклист, сержант Дон Лилберн (Don Lilburn), врезался в грузовик. Я нашёл какие-то средства первой помощи, и мы оказали ему помощь. Морфий мы ему дать не могли, потому что у меня его не было. Его отправили обратно в Австралию.

Австралийцы продвигаются вперед по горной дороге

Там, в Фуэле, на сирийской границе, я присоединился к своему подразделению. Я не знал, чем именно буду там заниматься. Подготовки у меня было достаточно, но я не знал, какие должности там имеются. С меня сразу сняли нашивки сержанта, потому что позиции сержанта для меня там не было. Меня это не особенно беспокоило, но нескольких других сержантов это очень задело, потому что, по-видимому, они не слишком хорошо обращались с солдатами, а теперь солдаты собирались с ними поквитаться.

Мы разбили лагерь, замаскировались и стали готовиться к бою, и мне предоставили возможность послушать некоторые из первых приказов. Нас разделили на три группы. Я находился на прибрежной дороге, а была ещё внутренняя дорога. Там было две группы — внутренняя, или центральная… центральная и внутренняя. И в первые несколько дней мне поручили возить капитана на передовую, хотя передовая была, надо сказать, совсем недалеко. Он всё время говорил мне: «Езжай быстрее», а я отвечал: «Эта чёртова старая машина быстрее не может — на ней столько маскировочного материала». Нас шесть раз бомбили с воздуха. Однажды я ехал на грузовике по прибрежной дороге, и они разбомбили дорогу прямо перед нами, так что мы оказались в ловушке — пока сапёры не смогли прорубить выемку в склоне и проложить для нас дорогу. Вишисты французы могли захватить нас: мы оказались полностью отрезаны, у них была такая возможность, но я этого не понимал.

А потом, в тот день, когда я получил контузию, я отправился доставить какие-то запчасти к орудиям — к большим орудиям. По дороге снаряды французских военно-морских орудий — стационарных орудий — падали по обе стороны от нас, и мой уорент-офицер сказал мне: «Послушай, мы сидим слишком близко друг к другу. Давай-ка немного рассредоточимся». Ну, я попытался нырнуть под водопропускную трубу под дорогой, но там уже была куча пехотинцев. Они закричали: «Убирайся отсюда к чёрту! Здесь для тебя нет места!», поэтому я лёг рядом с террасой, [по которой проходила дорога]. У меня было около пяти секунд с момента, когда они производили выстрел из своих больших орудий, до момента разрыва снаряда, так что всё было нормально — я выбрался оттуда целым.

А в другой раз одно из наших орудий взорвалось примерно в десяти ярдах передо мной - ствол этого орудия просто вот так разорвало, и взрывная волна ударила мне в спину. Я находился всего примерно в десяти ярдах от него, сзади. Это было не самый приятный момент, думаю, именно в тот день погиб мой капитан, тот самый человек, которого я возил на этой машине. Я охранял его всю ту ночь, а на следующий день мы его похоронили. Мы просто сделали для него простую, наскоро устроенную могилу.

После этого нам назначили другого офицера, и он был тем самым человеком, который всё время говорил: «Езжай быстрее». А потом, в день, когда французы подписали капитуляцию, я стоял на обочине дороги, когда мимо проехали французские генералы. В тот день я вообще ничего не чувствовал, совершенно ничего. Думаю, это было отчасти следствием контузии, а отчасти — повреждения нервной системы, которое я получил. Рядом с нашей машиной у меня был окопчик, и каждое утро или каждый вечер я его углублял ещё немного, но каждое утро французский самолёт пролетал над нами и пытался нас обнаружить. Каждый раз углублял свой окоп ещё вот настолько. Если бы он сбросил бомбу, она бы, конечно, обрушила его прямо на меня.

Вы потеряли много друзей в Сирийской кампании?

Да. Из всех сражений, в которых мы участвовали к тому времени, в этом мы понесли самые большие потери. Думаю, около 1400 человек были убиты или ранены, включая моего капитана. Потерь было очень много, потому что эти чёртовы парни из Французского Иностранного Легиона были хорошими бойцами. Именно там [лейтенант Артур] Роден Катлер получил свой *Крест Виктории*. Он находился примерно в десяти милях от нас или даже ближе — не думаю, что расстояние было больше. Он совершенно точно заслужил эту награду.

Ещё был такой случай - однажды во время боя я решил искупаться в Средиземном море — немного помыться, освежиться, и тут прилетел французский самолёт и начал сбрасывать то, что называли «косилками» — *daisy cutters*. Когда они падают, они раскручиваются…, а я в это время был в воде. Скажу вам, я выскочил из воды довольно быстро и сразу высох. Это было мне уроком: нечего ходить плавать, когда идут бои.

Вам доводилось вступать с французами в ближний бой?

— Нет, нет. Думаю, никто из нас там не вступал в ближний бой, кроме, пожалуй, пехотинцев. Хотя мы находились от них совсем недалеко. В какой-то момент моя машина

стояла непосредственно вместе с пехотой, хотя по идее они должны были находиться на переднем крае.

Как вы справлялись с напряжением и опасностью боя?

Никаких проблем: я был подготовленным солдатом. Был только один случай, когда нам пришлось очень быстро перемещаться. Мы подумали, что противник приближается со стороны моря. Там было несколько небольших судов, и мы решили, что это противник. Нам пришлось быстро уходить.

Даже там, где приходилось гонять по участку, который мы называли «безумной милей», — когда я вёз грузовик, или эту самую машину, вверх к какой-то ферме, — мы слышали, как начинали падать снаряды, и знали, что у нас есть всего пять секунд, чтобы добраться туда… Понимаете, из-за траектории снарядов, которые летели в нашу сторону, мы могли успеть проскочить. Вот это и была наша «безумная миля».

Ещё кое-что я хотел сказать об этом. Когда британские коммандос высадились у реки Литани, они высадились не на той стороне реки. И снаряды с нашей стороны разрывались прямо вокруг них. Позже в тот день я пошёл посмотреть, что там произошло - там лежали все эти прекрасные молодые парни с белоснежными улыбками… Все мёртвые, все до одного. Думаю, я никогда не смогу этого забыть. Меня поразило то, какие у них были красивые зубы, но они были мертвы. Это были шотландцы. Они высадились не на той стороне реки, думаю, они, возможно, попали под огонь с обеих сторон.

То есть ваша собственная артиллерия тоже стреляла туда?

Да. Снаряды разрывались вокруг них со всех сторон. Там одновременно работала и французская артиллерия, и наша.

Их погибло много?

В своём дневнике я записал, что, по-моему, там было больше сотни погибших. Я вам скажу — это действительно сильно на меня подействовало. Наверное, именно тогда я очень, очень быстро повзрослел.

Хорошо. Я хотел ещё спросить: вы говорили, что, когда пересекали Суэцкий канал, попали под огонь противника?

Мы попали под бомбардировку с воздуха.

Можете рассказать об этом? Что вы тогда чувствовали?

Думаю, тут особо нечего рассказывать. Они сбрасывали бомбы, а мы переправлялись через Суэцкий канал на баржах. Не было никакой паники, никаких окопов, никаких укрытий или чего-нибудь подобного. Просто дело обстояло так: «Чёрт возьми, мы приехали на войну». Как я уже говорил раньше, у меня был *Advocaat*, чтобы промыть горло от пыли. Вот, пожалуй, и всё, что я об этом помню.

Lionel Smith (Лайонел Смит) - *Батальон 2/14*

Где вы впервые вступили в бой?

Первый настоящий бой был в Сирии. Мы перешли границу у Литани и вошли в Сирию. Это было примерно в мае–июне 1941 года. Сирийская кампания была довольно жестокой. Противостояли нам подразделения Французского Иностранного Легиона вишистской Франции. Именно они были нашим противником. В их составе было много немцев, голландцев, французов и людей из северной Африки. Был среди них и один англичанин. Однажды утром они атаковали нас, но мы отбили атаку.

Я нашёл журнал боевых действий этого взвода, и в нём было написано по-французски: «H. Oliver дезертировал» — то есть якобы дезертировал и перешёл на сторону противника. Наш офицер Билл Лэндейл (Bill Landale) свободно говорил по-французски, и я передал журнал ему. Этого Оливера застрелили — пуля прошла через затылок. На самом деле он вовсе не собирался дезертировать к нам. Но, думаю, в основном французские офицеры Иностранного Легиона решили, что он, возможно, решил перебежать к нам, и просто прикончили его. Довольно мрачная история, но что ж — это война.

Мы перешли границу. Первого человека мы потеряли прямо на границе. Мы вступили в место под названием Тир — упоминавшийся в Библии город на границе. Пока мы находились в Тире, над нами пролетел самолёт - британский бомбардировщик *Ланкастер/Lancaster*. Он находился всего в нескольких сотнях футов над нами и просто делал круги над нами снова и снова. Весь батальон на тот момент находился в небольшом районе Тира, где стояли дома из сырцового кирпича и какой-то очень древний храм, относящийся ещё ко временам Христа, и мы недоумевали, почему этот самолёт всё время кружит над нами. А на следующий день, когда именно этот бомбардировщик сбросил бомбы неподалёку от нас, мы поняли, что на самом деле он пытался бомбить тяжёлые артиллерийские орудия. Это были английские орудия. Они находились на обратном от нас склоне холма.

Австралийцы окапываются

Наше отделение было послано туда капитаном Ховардом (Howard). Он сказал: «Идите туда и проследите, чтобы никто не атаковал орудия. Вы должны защищать эти орудия в случае, если кто-нибудь появится со стороны гор и попытается к ним подобраться» … Эти орудия, когда стреляли, буквально отрывали тебя от земли. Землю встряхивало после выстрела невероятно сильно, потому что орудия находились прямо за холмом, рядом с нами. Потом мы поняли, что у того самолета … были подделаны опознавательные знаки на крыльях. Французские опознавательные знаки имели красный круг снаружи, белый цвет внутри и синий круг в центре. У британцев внешний круг был синим, а центральный круг — красным. Французы захватили этот самолёт во Франции, перегнали его в Сирию и использовали против нас. У них также был *Харрикейн*, который штурмовал наши позиции с бреющего полета.

На следующий день мы находились на открытой местности, и этот *Харрикейн* пронёсся над нами. К счастью, пули прошли по обе стороны от нас, буквально прочертив линии в земле. Это действительно очень сильно действует на тебя — когда тебя обстреливают с воздуха.

Этот самолёт возвращался ещё один или два раза и пытался уничтожить находившиеся в этом районе войска…

Там мы захватили около тридцати французов, и они стояли на дороге — по крайней мере, человек тридцать там было. Там находился Джон Хетерингтон (John Hetherington, 1907-1974), один из наших военных корреспондентов. Позже он рассказал нам вот о чем: этот самолёт вернулся снова и, разворачиваясь в воздухе, открыл огонь по этим французским военнопленным и расстрелял довольно много своих же людей — конечно, пилот даже не знал, что стреляет по своим. Уже вскоре этот пилот был сбит, когда летел в сторону Бейрута. Это была очень ровная местность, и там находилась пара наших станковых пулемётов. Они открыли огонь по самолёту после того, как тот обстрелял собственных солдат.

В общем, нам пришлось действовать на довольно сложном участке. Нас вывели из прибрежного района Сирии и направили в Джезин, а из Джезина — к горе Харат. Там была очень гористая местность. Гора Харат находилась в таком месте, что окружающие её вершины были выше ее самой. Поэтому фактически французские войска занимали господствующие высоты — они контролировали все высоты вокруг нашего расположения. Некоторые наши части сумели вытеснить их с восточного фланга полосы окружающих нас высот. В конце концов мы добрались до нижних склонов горы Харат. Билл Лэндей поднялся туда вместе с Рупертом Уайтом (Rupert White), который служил в нашей части в отделении разведки. Там Руперта и подстрелил французский снайпер. Это произошло совсем недалеко от того места, где находились мы. Билл стащил его вниз, к нам. На этом всё для Руперта Уайта закончилось. Мне было особенно тяжело, потому что я знал Руперта ещё молодым пареньком, когда мы оба жили в Айвенго/Ivanhoe.

Мы оказались в довольно неприятном положении: французы могли беспрепятственно вести по нам снайперский огонь. Так продолжалось первые два дня. Затем мы обошли их с тыла и обнаружили довольно много французов на обратном склоне — ещё до восхода солнца, ещё до того, как появился первый свет. Мы обошли их сзади и захватили довольно много французских солдат на склоне перед нами. Я выбрался на вершину горы Харат вместе с Бобом Робертсом (Bob Roberts) и Лу Уоллером (Lou Waller). Мы собрали довольно много камней и выложили из них укрытие. Справа от нас находился пулемёт *Брен*. Как только рассвело, французы определили расстояние до нас. У них было автоматическое оружие большой дальности, и каждые несколько минут они давали короткую очередь. Пули били по стенкам нашего укрытия, поэтому мы весь день не могли двигаться. Нам пришлось по большей части оставаться за ним, но время от времени мы высовывались, перекатывались наружу и сами давали несколько очередей.

Что из себя представляло ваше укрытие?

Это был такая каменная стенка — примерно два фута в толщину и по меньшей мере два фута в высоту, а в длину он был около шести футов. Робертс, Лу и я находились за ним, и, как я уже сказал, мы просто не могли двигаться. Потому что если мы двигались, то приходилось выкатиться наружу, дать несколько очередей из *Брена*, а потом снова забираться за укрытие. К тому времени, когда ты возвращался, пули уже били по этой стенке. В тот момент находиться там было, конечно, немного глупо. Мы могли бы перебежать куда-нибудь, но нам пришлось бы покрыть расстояние примерно в пятьдесят метров, чтобы добраться до места, где можно было бы залечь и оказаться вне зоны пулемётного огня. Но артиллерия тоже вела огонь по этому району, причём артиллеристы заранее установили все расстояния ещё до того, как начали стрелять. Они точно знали, куда будут падать снаряды. В основном они падали на городок Джезин, который находился в долине позади нас. Один из наших парней, Оливер Досситер (Oliver Dossiter), был из нашего взвода, и он погиб там от разрыва снаряда. Снаряды у французов были ещё времён Первой Мировой войны, и примерно каждый четвёртый снаряд вообще не взрывался. На самом деле довольно много снарядов попадало в вершину горы, где находились мы, а затем отскакивало в сторону. К счастью, они не долетали до нас, иначе нас просто разнесло бы на куски.

Но это был довольно насыщенный событиями день. Мы сидели там, и Робертс, просто чтобы убедиться, что мы всё ещё живы, время от времени бросал в кого-нибудь из нас камешек и попадал прямо в стальную каску. Просто ради собственного развлечения — и заодно чтобы проверить, что мы ещё живы. С горы Харат мы продолжили продвижение вперёд.

Как долго вы просидели за этой стенкой?

Весь день. Мы поднялись туда утром и провели там весь день. Просто не могли двигаться. На следующий день — или через два дня — мы уже продвинулись дальше. Французы тоже находились под огнём дивизионов полевой артиллерии 2/4 и 2/5. Они сумели подавить огонь французов, и пехота противника фактически отступила в сторону Бейрута. Мы двинулись вслед за ними, когда они начали отходить. Мы продвигались вперёд и оказались в одном районе, который был связан с римско-католической церковью — там находился монастырь. В тот день мы услышали, что немцы напали на русских и Россия объявила войну Германии. Тогда мы все ликовали, потому что до этого гадали, когда же наконец произойдёт что-нибудь хорошее для союзников. До этого немецкая армия просто прокатилась по всей Франции. Немцы высадились в северной Африке и там тоже добивались успехов, поэтому мы были очень рады услышать, что русские вступили в войну на нашей стороне.

В конце концов мы вышли к Бейруту. Там находилось около двадцати семи тысяч французов, которых мы окружили в окрестностях города. Мы находились в месте под названием Алей — это господствующая высота к востоку от Бейрута, и там находились все эти французские войска. Генерал Денц был бригадным генералом и командовал французскими войсками. Он заключил соглашение о перемирии [13 июля 1941 года] с нашим командующим, генералом Лавараком (John Dudley Lavarack - командующий 7-й Австралийской Дивизией]. По этому соглашению мы предоставляли им тридцать шесть грузовиков муки, соли и других продуктов, после чего объявлялось перемирие.

Французам также позволяли самим решить, хотят ли они быть отправлены обратно в Марсель. Ну, около двадцати тысяч французов погрузились на эти французские корабли, а примерно семь тысяч отправились в новый лагерь возле Дамаска, и именно они в то время стали ядром армии де Голля. Были и другие французы, которые отправились в Египет. Они тоже впоследствии вошли в состав сил *Свободной Франции*. Некоторые французы, которые хотели перейти к де Голлю или пытались это сделать, были расстреляны самими вишистами …

Рэймонд Болдуин (Raymond Baldwin), *Батальон 2/27 Battalion, 7-я Дивизия*

С кем вам предстояло воевать в Сирии?

Как вы теперь знаете, Франция была разделённой страной — разделённой между *Свободной Францией* и вишистской Францией. Сирия была оккупирована войсками вишистской Франции, которые были настроены прогермански, и в их составе находились подразделения *Французского Иностранного Легиона*. Когда я был мальчишкой, я всегда

читал о том, что они готовы воевать с кем угодно и где угодно, так что должно было быть довольно здорово с ними поквитаться.

То есть вы должны были выступить против них?

Да.

Что вы думали по этому поводу, уже имея какое-то представление о том, кто они такие и какими силами располагают?

Вам, возможно, будет трудно в это поверить, но ни тогда, ни на протяжении всей Сирийской кампании мне не было страшно. Это, конечно, немного преувеличение, но в целом я вообще не испытывал страха. Меня совершенно не беспокоило, что со мной может случиться. К тому же мы были уверены в собственных силах. Наш батальон был превосходной боевой частью.

Итак, вы залегли в оливковой роще, ожидая приказа, а что произошло, когда он наконец поступил?

На этом этапе я должен объяснить, что 21-я Австралийская Пехотная Бригада состояла из трёх батальонов. Во-первых, Батальон 2/4 — это были исключительно парни из Виктории. Батальон 2/6 состоял исключительно из парней из Западной Австралии. Наш батальон состоял из парней из Южной Австралии — за исключением одного человека. Затем была другая бригада 7-й Австралийской Дивизии. В неё входили Батальон 2/25 — квинслендцы, Батальон 2/31 — насколько я помню, ребята из Нового Южного Уэльса, и Батальон 2/33. Вместе они составляли 25-ю Бригаду 7-й Дивизии. Другая бригада — 18-я— всё ещё находилась в Тобруке.

Вторжение в Сирию осуществлялось по двум направлениям: одно проходило вдоль побережья, а второе — через центральную часть страны, в направлении Дамаска. Наша бригада двигалась вдоль побережья, и нашей целью было захватить Бейрут, что мы в конце концов и сделали.

Мы начали наступление вдоль побережья. Я находился в 13-м Взводе Роты *C*. Какое-то время всё происходило довольно спокойно. Мы передвигались на грузовиках там, где это было возможно, а войска, находившиеся впереди нас, шли пешком и зачищали позиции противника, на которыми наталкивались. В конце концов пришла наша очередь провести ночную атаку. Это было в месте под названием Адлун. В армии считалось, что ночная атака — одна из самых сложных операций, которые вообще можно проводить. Днём не так плохо: ты видишь, куда идёшь, и знаешь, где находится противник, потому что видишь всё то, что летит в твою сторону. Ночью всё гораздо сложнее. Нам несколько облегчало задачу то обстоятельство, что мы находились на побережье: море было нашим левым флангом, а горы — правым. Так что в целом всё было не так уж плохо.

Это был первый раз, когда я действительно почувствовал страх, но это продолжалось всего пару долей секунды. Когда мы двигались вперёд, мы бросили гранаты в несколько ДОТов, но в тот момент сопротивления не было. А потом вдруг, во время этой полуночной атаки, вся позиция противника разом открыла по нам огонь. Они здесь хорошо закрепились: у них было много пулемётов, и их трассы летели прямо в нашу сторону. Честно говоря, на пару секунд я был буквально парализован от страха, но затем здравый смысл взял верх. Я резко бросился на землю, и после этого начался настоящий бой. Он продолжался всю ночь. Парень, который находился рядом со мной, был нашим пулемётчиком - он погиб мгновенно в первые же несколько минут. Я видел, как трассы очередей летели прямо в него, и помню, как кричал ему: «Откатись! Откатись в сторону!», но он не успел этого сделать. К счастью, он не мучился. И тогда я взял пулемёт на себя. Бой продолжался всю ночь, в большинстве случаев противника вообще нельзя было увидеть — только вспышки выстрелов, поэтому оставалось надеяться, что ты попал в цель. У них было то же самое по отношению к нам.

Это было захватывающе?

Я бы не сказал, что захватывающе. Повторюсь: по какой-то причине мне не было страшно. Наверное, потому, что у каждого из нас была своя часть работы, которую нужно было выполнить. Думаю, самое тяжёлое в бою — это ожидание, ожидание момента, когда тебе предстоит идти в бой. А когда всё начинается, у тебя столько всего в голове, что, я думаю, у тебя просто нет времени по-настоящему бояться.

Если немного вернуться назад: вы двигались к Бейруту вдоль побережья?

Да.

Как передвигался батальон?

Сначала, как я уже говорил, мы перемещались на грузовиках. Потом, когда достигали определённого места, передовым подразделениям приходилось высаживаться и начинать тактическое продвижение вдоль прибрежной дороги или в горной местности. В основном мы двигались пешком. Не каждый участок местности был занят противником: они выбирали определённое место, где, по их мнению, могли нанести нам потери. А потом мы могли пройти ещё полмили, прежде чем столкнуться со следующим очагом сопротивления, или даже милю. Так что на таких участках вам иногда удавалось немного проехать на грузовике. Но в основном мы передвигались на своих двоих.

Сколько веса вы несли на себе?

Думаю, тогда нам не приходилось особенно беспокоиться о продовольствии, потому что его позже подвозили другие. Но оружие, боеприпасы, гранаты и всё остальное… В общей сложности, наверное, около тридцати пяти — сорока фунтов.

Вы помните, какой была местность?

Да. Вдоль побережья местность была довольно ровной. Поскольку расстояния были небольшими, потом она начинала становиться холмистой, а затем гористой. Сирия вообще, как известно, очень гористая страна.

Вы где-нибудь перегруппировывались перед боестолкновением?

После — это более подходящий вопрос. Мы находились в боевом порядке для этой полуночной атаки. Когда всё закончилось, после того как мы отдохнули, убрали погибших и эвакуировали раненых, нам дали немного еды. К этому времени другие войска уже прошли через наши позиции, чтобы продвигаться дальше и проводить свои атаки, разведку или выполнять любую другую задачу, которая требовалась.

Можете описать, как именно выглядел ваш боевой порядок перед атакой?

В данном конкретном случае моя рота, Рота *C*, находилась на левом фланге, непосредственно со стороны моря. Затем она уходила в глубину примерно на сто ярдов, а справа к нам примыкала Рота *B*. Таким образом, весь боевой порядок представлял собой примерно такую *губку/sponge* — два взвода впереди и один в резерве. То есть всего четыре взвода находились впереди и два в резерве. Примерно так.

А где находились вы во всём этом построении?

Довольно близко к морю и недалеко от самой дороги. Французы очень, очень хорошо окапывались. У них были превосходные укрепления. Они явно не собирались оттуда уходить, пока их оттуда не выбьют, но мы в конце концов и сделали.

Какое настроение было среди солдат, когда вы разворачивались для боя? Это была новая территория, вы ещё практически не видели настоящего боя. Что чувствовали парни, солдаты?

Если они чувствовали примерно то же, что и я, то это было чувство тревоги и беспокойства. Ты задавался вопросами: «Как всё это будет? Как я себя покажу? Чем всё закончится? Что будет, если меня ранят?» — и всякие подобные мысли. Именно такие мысли проходят в голове у солдата — по крайней мере у человека, который идёт в атаку.

Вам когда-нибудь хотелось повернуть и побежать в противоположную сторону?

Я надеюсь, что вы зададите мне этот вопрос позже.

Почему командование решило провести именно полуночную атаку?

Не знаю. И это хороший вопрос — мне его раньше никогда не задавали. Если подумать сейчас, наверное, лучше было бы провести атаку днём. Возможно, они рассчитывали, что это станет полной неожиданностью для противника. Возможно, французы раньше с таким не сталкивались. Мы были очень хорошо подготовлены, мы были готовы. Честно говоря, нам уже не терпелось вступить в бой и доказать, на что мы способны. Думаю, это могло сыграть свою роль. Возможно, с точки зрения разведки предполагалось, что противник не ожидает атаки в полночь.

Вы уже развернулись для боя. Вы сначала окапывались, а потом переходили в атаку?

Нет.

Как всё происходило?

По вам могут начать стрелять в любой момент. При этом первое, что вы делаете, — падаете на землю. Никакого специального окапывания на этом этапе нет. Вы используете любое укрытие, какое только можете найти. Даже совсем небольшая неровность местности может защитить вас от прямого огня. И только если вы собираетесь оставаться на этом месте довольно долго, вы вообще начинаете думать об окапывании. Но в ту ночь об этом даже речи не шло. Бой продолжался непрерывно. обе стороны стреляли без остановки, поэтому вы делаете всё, что можете, чтобы найти хоть какое-нибудь укрытие.

Они знали, что вы приближаетесь?

Не знаю. Чтобы полностью ответить на этот вопрос: когда мы почти подошли к исходной позиции, в воздух взвились осветительные ракеты. И по сей день я не знаю, кто их запустил — наши люди или французы. Если подумать сейчас, полагаю, они могли услышать наше приближение или ожидать, что мы вот-вот появимся, и тогда запустили эти ракеты. Они осветили всё вокруг почти как днём. Ракеты висели повсюду. Именно тогда все резко бросились на землю и открыли огонь из своего оружия.

В такой ситуации каков план? Вы обнаружены, все начинают стрелять — что вы делаете?

Вы должны отвечать огнём, иначе вы проиграете бой. Ночью хорошо маневрировать невозможно: вы находились под фронтальным огнём. Помните, Рота *B* была справа от нас, и они начали немного смещаться вправо, на фланг, вверх, в предгорья. Оттуда они могли смотреть вниз на французские позиции. Это могло дать хороший результат — они могли видеть больше, чем мы видели со своей плоскотины. Кстати, мы находились на ровной местности, в отличие от этого холмистого участка, где в основном находилась Рота *B*.

А французские позиции? Они тоже находились в долине или тоже на равнине?

Тоже на равнине. При этом их силы в определённой степени опирались на море. Не знаю, насколько далеко их позиции протягивались в сторону невысоких холмов этого конкретного района.

Вы представляли себе, сколько человек вам противостояло?

По интенсивности огня можно было понять, что сил у них довольно много. Это было совершенно очевидно, и довольно долго между нами шла настоящая «перестрелка» [*a bit of a ding-dong*].

Какие звуки вы слышите в такой ситуации?

Какие только можно представить. Всякие громкие звуки. Стрельбу из самых разных видов оружия: одиночные выстрелы из винтовок, пулеметные очереди, взрывы гранат.

Хаос?

Да, именно так.

Вот что я хотел у вас спросить. Я понимаю, что вы не можете знать точных цифр, но можете ли вы примерно представить, сколько союзных войск находилось в этом районе и, возможно, сколько было сил у противника?

Непосредственно в нашем секторе находился наш батальон: четыре стрелковые роты — две впереди и две в резерве. Позади нас находился так называемый тыловой эшелон. Эти люди занимались подвозом боеприпасов и продовольствия, а также эвакуацией раненых. Насколько мы знали, непосредственно перед нами находился как минимум один батальон *Французского Иностранного Легиона*, хорошо закрепившийся на той конкретной позиции. Что касается общей численности сил противника, то я тогда не знал, сколько их там было.

Французы пытались пробиваться на юг или вы пытались удерживать их там, где они находились?

Нет, мы пытались выбить их оттуда, чтобы получить возможность продвигаться дальше. Они вообще не собирались нас атаковать. Это мы атаковали их, а они находились на том, что называется оборонительной позицией.

Середина ночи, все стреляют. Кто-нибудь вообще понимал, по чему именно стреляет? Вы говорили, что стреляли по вспышкам. Как вы могли знать, что попадаете в цель?

Это хороший вопрос: вы никогда этого не знали. Стрельбы было так много, что невозможно было услышать отдельные голоса. Даже парень, находившийся рядом со мной, погиб совершенно беззвучно. Я кричал ему, чтобы он перевернулся на бок, но я не думаю, что он меня слышал, такой стоял оглушительный шум и грохот. Со стороны противника вообще не было слышно никаких человеческих голосов из-за непрерывной стрельбы. Это был довольно ожесточённый бой, и я не припоминаю, чтобы слышал какие-либо голоса.

На рассвете мы пошли в штыковую атаку, и это решило исход боя. Думаю, к тому времени противнику уже был сыт им по горло, потому что особого сопротивления они не оказали. Как только мы пошли вперёд со штыками наперевес — в общем, на этом всё и закончилось.

У вас был штык?

Да.

Вы вступили с противником в непосредственный контакт?

Да, довольно близко. Один из наших парней получил там *Военную Медаль* — фактически это был самый старший по возрасту человек в батальоне — именно за то, что атаковал противника со штыком. Я штык не использовал - мне не пришлось этого делать, и я был этому довольно рад.

На этом этапе противник отступил или сдался?

Нет, они просто сдались. Они подняли руки вверх. Думаю, мы нанесли им довольно большие потери, потому что всю ночь вообще не прекращали стрелять. В моём случае я израсходовал все патроны, которые были у меня при себе. Я, конечно, всего один человек, но с нашей стороны стрельба продолжалась непрерывно — и с их стороны тоже.

Как при таком уровне шума до вас вообще доходили приказы? Если в течение ночи тактика менялась, каким образом офицеры могли вам об этом сообщить?

Им пришлось бы подняться и буквально кричать, стараясь заставить людей подняться и идти за ними, но необходимости в этом не было. Это была одна из тех ситуаций, когда все оказались намертво скованы. Они были прижаты к земле нашим огнём, а мы были прижаты к земле их огнём. К тому же особо маневрировать было негде, потому что Рота *B*, как я уже говорил, находилась на склоне, и они вели огонь прямо сверху по их позиции. Для французов это, должно быть, было довольно неприятно, а для нас — в самый раз.

Когда взошло солнце, что вы увидели? После целой ночи в темноте — что открылось перед вами на рассвете?

Когда появился первый свет, мы увидели перед собой тела убитых, а также здания, находившиеся на этом участке. Мы увидели, что они были разрушены взрывами, а некоторые всё ещё горели. Мы увидели наших ребят на склоне, которые всё ещё вели огонь по позициям противника. Откуда-то — я не знаю, откуда именно — поступил приказ: «Вперёд, в штыковую!», и именно это и произошло. Мы просто поднялись и пошли на них.

Это ведь был ваш первый непосредственный опыт ближнего боя?

Лично для меня — да, это был первый непосредственный контакт. До этого батальон уже участвовал в столкновениях дальше вдоль побережья, до нашей полуночной атаки.

Вы видели лица солдат противника?

Да.

Что вы при этом чувствовали?

В первую очередь облегчение. Было облегчением сознавать, что мы пережили эту ночь и нас не убило и не ранило. Хотя мы сами тоже понесли довольно серьёзные потери — были и раненые, и убитые, но мы увидели их позже, когда начали продвигаться вперед. Первой нашей задачей было захватить эту позицию. Мы это сделали, и, как я уже сказал, они сдались. Это значительно всё упростило.

Наступил рассвет, вы пошли в атаку со штыками наперевес. В какой момент поступил приказ прекратить огонь?

Как только они начали поднимать руки вверх, а Рота *B* спустилась с предгорий и также обошла их с тыла. После этого уже не было необходимости отдавать какие-либо приказы. Всё более или менее само собой разрешилось, когда они сдались.

Что произошло потом с этими военнопленными?

Их отправили в тыл, ничего такого с ними не сделали. Их взяли под охрану и увели. Вы раньше спрашивали меня о частях, находившихся у нас за спиной. Батальоны 2/14 и 2/16 находились далеко позади нас в резерве. Так что, вероятно, французов провели через их позиции и отправили дальше в тыл, в места содержания военнопленных. Что с ними сделали в дальнейшем, я не знаю.

Вы представляете, сколько австралийских солдат погибло или было ранено?

Точно не помню, и никогда не пытался свести все цифры воедино. Но, думаю, что-то около двадцати погибших и чуть больше тридцати раненых. Для одной ночной атаки это не так уж много. Кроме того, когда стреляешь ночью, ты обычно ведёшь огонь выше голов людей, а не непосредственно по ним. Нужно было какое-то время, чтобы мы это поняли. А потом, когда до нас это дошло, огонь уже начал оказывать на противника ощутимое воздействие. Думаю, к тому времени, когда мы захватили эту позицию, они понесли довольно тяжёлые потери.

Когда вы смотрели на их лица, это были такие же восемнадцатилетние и девятнадцатилетние парни, как австралийцы?

Нет, большинство из них были уже зрелого возраста, и это было довольно характерно для всей той кампании. Я не помню, чтобы видел хотя бы одного солдата, который выглядел бы совсем молодым.

Не считая австралийцев?

Именно. Бойцы *Французского Иностранного Легиона* — это профессиональные солдаты, люди, выбравшие карьеру военного. А какими были французы-вишисты, я не знаю. Нет, за всю Сирийскую кампанию я вообще не видел ни одного человека, которого можно было бы назвать молодым — под «молодым» я имею в виду примерно двадцать пять лет или младше.

Наверное, рядом с ними вы выглядели совсем детьми?

Я был самым молодым подофицером - очень гордым младшим капралом. Но был ещё один парень, который сейчас живёт в Кингстоне, на реке Маррей. Мы с ним были практически ровесниками и соперничали за звание самого молодого. Мне тогда всё ещё было восемнадцать.

О чём вы думали, когда всё это закончилось — атака состоялась, французы сдались?

Было какое-то чувство облегчения, и, как ни странно, гордости. Мы их разбили. Вот это да — по-настоящему. А потом оглядываешься вокруг и видишь погибших солдат, и это уже несколько отрезвляет. Когда человек погибает, это тягостно, неважно, свой это солдат или противник.

Что вы видели?

Зависит от того, куда человек был ранен. Иногда на погибшем вообще невозможно было увидеть никаких повреждений, возможно, потому что пуля проникала через одежду и оставляла очень маленькое отверстие. Мы использовали много ручных гранат и тому подобного. Тут уже всё было достаточно очевидно: на телах оставались следы, повреждения и так далее. Но иногда вообще не было видно никаких внешних следов.

Раз уж вы задали мне этот вопрос, я расскажу вот что. Ещё до этой полуночной атаки я наткнулся на небольшую пещеру в районе побережья. Не знаю, что заставило меня заглянуть туда. Я был один. Там лежал офицер *Французского Иностранного Легиона* — в полной парадной форме, с довольно внушительным количеством медалей. Он был мёртв. И на нём не было ни единой видимой отметины, которую я мог бы разглядеть. Я доложил об этом командиру своего взвода, но что произошло потом, я не знаю. Как он умер — понятия не имею. На нём вообще не было никаких видимых ран или повреждений. Возможно, это была контузия или что-нибудь в этом роде. Позже, наверное, начинаешь внимательнее смотреть на тела погибших, и некоторые из них действительно довольно тяжело видеть.

А как всё это воспринимали солдаты? Вы видели, как погибших из вашей части выносили с поля боя?

Да. В том месте всё было не так уж плохо, потому что погибших и раненых довольно быстро эвакуировали. У нас был транспорт, чтобы как можно быстрее вывезти их оттуда, особенно, конечно, раненых.

Вы знали кого-нибудь из тех, кто был ранен или погиб?

Да. Я забыл упомянуть пулемётчика, который погиб сразу справа от меня. Как выяснилось, он учился в одной школе с моей сводной сестрой, и он был значительно старше большинства из нас. Его звали Дик Пезерик (Dick Petherick), думаю, ему тогда было около тридцати пяти. У меня был ещё один молодой друг. Он был ранен, а потом умер — это был мой близкий приятель. В конце концов ты очень хорошо узнаёшь людей, которые находятся рядом с тобой — в твоём отделении и взводе. Это примерно тридцать с лишним человек.

Потом ты знакомишься и с другими, но уже не так близко. Когда вы находитесь в одном взводе, это очень сплочённая семья. И да, некоторых из этих людей я потерял.

Когда вы настолько близки с несколькими людьми, потеря одного из них, должно быть, переживается очень тяжело?

Да. Ты знаешь, что это обязательно случится, и, конечно, надеешься, что это случится не с тобой. Это очень тяжёлое испытание.

Вы всё ещё были очень молоды и, вероятно, смотрели на мир глазами молодого человека?

Именно. Я уже говорил, что в Сирии я не испытывал страха, и тогда тоже. Всё это воспринималось скорее как большое приключение, наверное. Ты был частью этого огромного события — всего лишь маленькой его частью, но всё же частью.

Учитывая, что бой было таким продолжительным и это был ваш первый настоящий ближний бой, как вы потом отошли от этого вброса адреналина?

Я об этом особо не задумывался, но к тому времени, когда всё закончилось, мы, конечно, все были совершенно измучены. Потом нам подвезли продовольственные пайки, мы немного позавтракали, а затем начали разговаривать между собой. Сравнивали, сколько каждый израсходовал боеприпасов, обсуждали, кто что делал, что делал противник и как вообще всё это разворачивалось. Если честно, я особо об этом не задумывался.

Я бы предположил, что штыковой бой должен был быть довольно тяжёлым психологически?

Да. Когда я был мальчишкой и служил кадетом при полку, у меня на заднем дворе росла груша, и я тренировался, нанося по ней удары штыком. Представлял себе, что это настоящий противник.

Вы тогда не думали, что однажды вам действительно придётся сделать это по-настоящему?

Нет.

После этого сражения поле боя очистили от раненых и погибших, а военнопленных увели?

Да.

Вы сказали, что, насколько вам было известно, с военнопленными обращались хорошо?

Всё время. С военнопленными вообще никогда плохо не обращались.

Что произошло после этого?

Затем мы перешли в резерв. Думаю, Батальон 2/16 или какой-то другой батальон прошёл через наши позиции, чтобы продолжить наступление вдоль побережья. Мы остались на месте, немного привели себя в порядок, получили свежие боеприпасы, проверили оружие, почистили его и всё такое и подготовились к продвижению туда, где мы были нужны.

Но мы находились там недолго, потому что сражение было довольно динамичным. Мы вообще нигде долго не задерживались. Мы атаковали какую-либо позицию, а затем продолжали двигаться дальше. Как только противник начинает отходить, нужно продолжать давить на него, и тогда он всё время отступает. Наш командующий был хорош в этом. Мы часто применяли то, что называли обходными манёврами. То есть поднимались в горы, чтобы выйти противнику в тыл. Им это совершенно не нравилось, это действовало на них очень деморализующе.

А тем временем где находились сирийцы? Что они делали?

Насколько мне было известно, сирийцев в армии вообще не было. Там были либо вишистские французские войска из Франции, либо части Иностранного Легиона. Сирийских солдат там не было — во всяком случае, насколько мы знали. А если у них и была какая-то армия, то бог знает, что это была за армия.

То есть вы и французы воевали в Сирии, но сирийских солдат вообще нигде не было видно?

Именно, по крайней мере солдат. Но когда мы проезжали через деревни по прибрежной дороге, бывало, что где-нибудь наверху, на холме, по кому-то стреляли, а внизу, в небольших ложбинах, местные жители спокойно жали свои посевы вручную. Довольно необычная была кампания. После того как мы захватывали какой-нибудь населённый пункт, местные жители хорошо к нам относились. Мы могли купить у них приготовленную курицу или выпить чашку горячего чая. Они были готовы нам помогать. Я не думаю, что солдаты Иностранного Легиона плохо обращался с местными, но, возможно, они были рады, когда легионеры и вишисты начали уходить оттуда. Это единственное объяснение, которое я могу придумать. Они совершенно точно не были настроены против австралийцев.

Насколько далеко вы продвинулись вдоль побережья?

Мы продвигались поэтапно. Мне даже пришлось немного вернуться назад — от сирийской границы к месту под названием река Литани. Там была переправа, и перейти её было трудно из-за огня противника. Британское командование потеряло там нескольких человек. Но мы продолжали двигаться вперёд — к следующему намеченному рубежу. Как я уже говорил, были только определённые места, где противник мог организовать оборону. Мы называли такие места «убойными зонами» — *killing ground*.

А в какой момент вы остановились и повернули обратно? Насколько далеко вы дошли?

До самого Бейрута. Фактически последний бой произошел в месте под названием Дамур — сражение на реке Дамур. После того как мы захватили эту позицию, противник сдался, а затем Бейрут пал довольно легко. Сопротивления непосредственно в городе вообще не было.

Вы помните, каково было продвигаться к Бейруту?

Было интересно, потому что Сирия вообще прекрасная страна. Думаю, нам она казалась ещё прекраснее оттого, что мы всё время находились прямо на побережье. Очень живописная страна, хотя пробираться через холмы было тяжёлой работой. Мы были молодыми, физически крепкими и уверенными в себе, а батальон действовал как единая, великолепно слаженная команда. В этом нет никаких сомнений.

Вы присутствовали при взятии Бейрута?

Да, но непосредственно в Бейруте я не находился. Я был в Дамуре. Когда боевые действия прекратились и противник начал поднимать белые флаги, чтобы сдаться, мы в этом практически не участвовали. Наши командиры отправились в Бейрут под охраной, чтобы там обсудить условия капитуляции и всё остальное. Мы всё ещё находились в горах Ливана и оставались в состоянии боевой готовности — на случай, если вдруг возникнет какая-нибудь вспышка насилия и потребуется наше участие.

Когда вы говорите, что командование отправилось туда, это было австралийское или британское командование?

Австралийское и французское. Не знаю насчёт британцев. Там были британские войска, но, насколько я помню, это были только подразделения поддержки, а не боевые части.

Когда в этот период ваш батальон передвигался, с вами были медицинские сёстры? Были ли вообще женщины в составе этого контингента?

Нет. Медицинские сестры того времени — и я очень их уважаю — находились в тыловых госпиталях. Всех раненых доставляли туда транспортом. Никаких медсестёр непосредственно рядом с местом боёв не было.

Кто оказывал помощь раненым на поле боя или сразу после?

В батальонах обычно были люди, прошедшие подготовку по оказанию первой помощи, а также санитары-носильщики. Они могли прямо на месте сделать вам укол морфина, перевязать вас или сделать всё, что было необходимо, чтобы стабилизировать ваше состояние. После этого вас сопровождали на перевязочный пункт, а уже оттуда отправляли в базовый госпиталь, где проводили операцию или оказывали любую другую необходимую помощь.

Бейрут был захвачен, и хотя вы сами в городе не находились, как до вас дошла информация о том, что это произошло?

Думаю, информация должна была поступить через штаб нашего батальона или сверху — в штаб батальона, а оттуда сообщение постепенно передавалось по телефонным линиям. В те времена у нас не было радиостанций, только полевые телефоны. Постепенно эта информация доходила до самых передовых подразделений, которые непосредственно участвовали в бою.

Когда эта новость пришла, было какое-то чувство праздника?

Да. Было ощущение: «Мы сделали это. Мы захватили этот город». Это был интересный опыт. Есть несколько вещей, которые особенно запомнились мне, и здесь я говорю исключительно о личном опыте. Однажды ночью нас перевозили на грузовиках. Это была ночная переброска, которую осуществляла британская армейская транспортная служба. Молодой водитель уснул за рулём. Наш грузовик перевернулся на бок, и мы все оказались в куче в кузове. Я почувствовал, как по ноге течёт какая-то тёплая жидкость. И подумал: «О Боже, у меня кровь», но оказалось, что канистра с водой упал мне на ноги и из него вытекала тёплая вода. Я опустил руку, попробовал жидкость на вкус — это была вода. Между прочим, только один парень получил там травму, что совершенно невероятно. Мы подняли грузовик, поставили его обратно на колёса и снова отправились в путь.

Австралийские артиллеристы ведут огонь. Сирия, 1941

Ещё один эпизод, который мне запомнился, был связан с французскими эсминцами. Они подошли вдоль побережья и начали обстреливать наши позиции с моря. Я забрался на дерево и получил прекрасный обзор сверху на всё происходящее. Я был в безопасности,

потому что обстреливали позиции дальше позади нас. Затем австралийский Дивизион Полевой Артиллерийский 2/4 открыл огонь по эсминцу, и этот случай считается одним из немногих известных эпизодов, когда военный корабль был поражён огнём наземной артиллерии. Эсминец продолжал стрелять, а затем ушёл обратно в Бейрут, на свою военно-морскую базу.

Я как раз хотел спросить: была ли у вас какая-нибудь поддержка союзного флота вдоль побережья?

Были британские эсминцы, и, думаю, один австралийский эсминец тоже был, но я не могу сказать этого наверняка, потому что никогда специально не изучал этот вопрос…

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

Джеймс Палмер *рассказывает об участии в операциях Compass, Brevity и Battleaxe – 1941 год*

Днем было очень жарко, по ночам холодно до заморозков. За горизонтом нашим единственным приютом должны были стать наши машины. Нас предупредили об опасности малярии, о летающих кровососах, о неприятностях, которые могут приключиться с кишечником. Фляги для воды должны были всегда оставаться полными, и, там, где возможно, мы должны были пить воду только из цистерн. Каждому выдали обеззараживающие таблетки, которые мы были обязаны использовать. Москиты разносили малярию, поэтому нам предстояло воевать не только с итальянцами. Нас еще будут атаковать мухи, скорпионы, будут донимать пустынные язвы, обезвоживание организма и солнечные удары… Говорили, что, может быть, нам придется выживать без воды и сосать камешки. Все это звучало кошмарно, но все мы думали, что так плохо нам не будет, как нам про это рассказывают. Так они еще не упомянули ни разу горячие ветра и песчаные бури. Все, что нам был нужно сделать, это *анти-то*, *анти-это*, прививки и уколы.

В ожидании последних инструкций перед маршем в пустыню с нами провели вводные занятия по ориентировке на местности. Дорог не будет, но, может, удастся найти какие-нибудь древние верблюжьи тропы. Ориентирование базировалось на компасных измерениях. Все это будет как океанское плавание. Умение читать карту должно будет стать на один уровень с умением читать книгу. Система казалась сложной, пока мы не освоили технику ориентирования. По сути, мы должны были научиться делать следующее: точно определить на карте свое местоположение, затем сориентировать карту. Потом нужно было положить компас на карту и прочертить линию от своего местоположения до пункта назначения. Затем с помощью транспортира можно было узнать, по какому азимуту двигаться. Определив азимут, нужно было сориентировать вдоль него машину и ехать точно по прямой, постоянно сверяясь с компасом. Существенным моментом была сверка расстояния, пройденного по азимуту, с показаниями одометра машины. Так можно было рассчитывать на то, что доедешь до места назначения. На практике мы пришли к выводу о том, что будет лучше, если ориентирование на местности будет обязанностью тех, кто находится в головном танке или машине, а остальные будут просто следовать за ним...

Получив всю эту информацию, мы ждали приказа о выступлении. Мне дали знать, что я не отправлюсь в путь со всем батальоном. Меня посылали в Каир на курсы кодирования и шифрования. После этого я присоединюсь к своим. В чем-то я был немного разочарован, но перспектива пробыть месяц в Каире меня, определенно, привлекала. На следующий день я отбыл в Каир и явился в учебную часть в казармы Аббасия. Эти казармы находились в трех-четырех милях от Каира и использовались учебной частью, здесь же отдыхали находившиеся в отпусках, через них шел транзит военнослужащих. Жизнь тут просто кипела, приезжали и уезжали люди из разных частей. Все, кто жил в них, были тут проездом или обучались на курсах. Тут были пехотинцы, артиллеристы, связисты, танкисты, саперы. Большая часть этих парней прослужила в Египте значительное время и определенно знала, что тут и как… Когда учебный курс закончился, я был готов вернуться в свой эскадрон, но сделать это было не так просто. Меня должны были подобрать ребята из

RASC и отправить по маршруту на машинах колонн снабжения. То есть, меня должны были подхватывать, ссаживать, затем мне нужно было ждать попутную машину и т.д.

Я покинул Аббасию на трехтонном грузовике вместе с примерно пятнадцатью другими парнями, всем нам предстояло добираться до своих частей. Мы ехали весь день, иногда останавливались выпить чаю или дать двигателю возможность остыть. Мы видели пехоту, бронетранспортеры с пулеметами *Брен* – все это шло на запад. Иногда в поле зрения попадали группы танков, рассредоточенных и прикрытых маскировочными сетями. К вечеру мы подъехали к большому пункту снабжения к югу от Фуки/Fuka. Склады здесь были сильно разбросаны, и все это занимало большую площадь – так принимали меры безопасности на случай авианалета… Мы спрыгнули с грузовика, получили продовольственные пайки и небольшую бензиновую плитку. Затем нам сказали ждать до завтра, когда нас подберет другой грузовик… Становилось темно, так что мы свернулись в наших закопушках и попытались поспать. Это была наша первая ночь в пустыне под открытым небом, и было довольно холодно…

С неба доносился гул, который становился все громче и громче – он говорил нам о том, воздух патрулируют самолеты. Мы не знали, наши это или вражеские машины, так что просто задержали дыхание и вдавили головы в землю. Ночь была такой холодной, что, когда на востоке появились первые признаки рассвета, мы просто окоченели. Капрал приказал нам вставать и кипятить чай, и до чая мы еще разогрели банку соевых сосисок. Время суток было такое, что можно было ожидать визита итальянских бомбардировщиков, так что мы держались поближе к своим окопчикам. Я был рад тому, что мы переоделись в полевую форму из плотной материи перед отъездом из Каира, настолько было холодно.

… Утром нас подобрала машина и отвезла в штаб бригады где-то далеко на юг от Мерсы. Оттуда меня быстро довезли до моей части, где я присоединился к своим товарищам из разведывательного подразделения. Мне рассказали о том, что происходит. Оказывается, итальянцы заняли город Сиди Барани/Sidi Barani, и их небольшие группы просочились в район к югу от города Мерса Матрух. Боевые действия были малоактивными, поэтому наша часть была занята в основном рекогносцировками и редкими стычками с небольшими группами итальянских разведывательных танков и моторизованной пехоты. В последние несколько дней, однако, дела стали погорячей, и настроение было таким, что вскоре мы будем на марше.

Нашими новыми танками были машины *A13*, которые были куда лучше, чем старые легкие танки, которые были у нас на вооружении во Франции. Они были быстрее и гораздо маневреннее. Ребятам они нравились. Пушки этих танков стали намного лучше. Бронетехника находилась где-то в миле от штаба, машины были замаскированы сетками, в десяти ярдах от каждой были вырыты глубокие окопы. Окопы были разбросаны, и каждый экипаж готовил еду себе сам. Каждый день грузовики подвозили провиант, боеприпасы, горючее и воду из тыла. Ничего особенного пока не происходило.

Я подзабыл даты, но, должно быть, было начало сентября, когда мы получили боевой приказ. Нам предстояло атаковать. Грациани продвинулся слишком далеко, и его нужно было отбросить к Саллуму и Тобруку. Два дня мы трепали итальянские и ливийские войска, сбивая их небольшие оборонительные пункты в пустыне. Постепенно, при поддержке австралийцев и индийцев, Сиди Барани и Саллум были отбиты у противника. Мы продвигались по каменистым сухим ручьям и солончакам, вступая в бой с легкими итальянскими танками *M14*. Бои были куда более открытыми, чем во Франции, но пыль, запах бензина, загазованность в башне танка, визг снарядов, дым - все это было как раньше. Бои были простыми и прямолинейными – попади в него, или он попадет в тебя.

Британские танкисты осматривают недавно доставленный танк A13. Египет, ноябрь 1940 года

Итальянцы построили пункты обороны по всему району. Небольшие «форты» или огневые точки, сделанные из подручного камня, были серьезно насыщены артиллерией, тяжелыми пулеметами и противотанковыми пушками. Их танки обычно находились за оборонительными пунктами и выдвигались вперед только тогда, когда мы атаковали. Часто случалось так, что, атакуя, мы наталкивались на передовые патрули противника на легких бронетранспортерах или танках. Если мы атаковали их, то оказывались под огнем из оборонительных пунктов. Боевые действия ускорялись и становились более решительными. Быстрый рывок вперед, пара часов на стрельбу и сокрушение укреплений, потом дым рассеивался, и мы снова перегруппировывались и приводили себя в порядок.

Некоторые танки, само собой, выходили из строя. Некоторые теряли гусеницы, в некоторые попадали снаряды противотанковых пушек врага. В этих боях постоянно трещали пулеметы. Танки вели огонь из них еще до того, когда в атаку шла пехота и зачищала [позиции противника]. В этих боях мы узнали, что такое боль в ногах, что это такое, когда воспалены глаза, и что такое тошнота, которую чувствуешь постоянно. У один из наших штабных танков заклинило башню. Он шел в атаку на противотанковую пушку противника, находившуюся в орудийном окопе. Не сворачивая, водитель пошел на таран, и смял пушку со всем расчетом… Ливийцы и итальянцы не оказывали упорного сопротивления после того, как были подавлены их артиллерийские позиции и были обращены в бегство или уничтожены их танки. Сбор пленных был некоторой проблемой, потому что их было очень много! На захваченных позициях итальянцев чего только не было. Кроме пустых ящиков из-под боеприпасов и раздавленных пулеметов мы находили там тысячи пачек с сигаретами и маленьких бутылочек с минеральной водой *Vichy*. Иногда мы натыкались на склянки с духами и коробки с презервативами. Земля была часто усыпана порнографическими фотографиями. Единственным сувениром, который все жаждали заполучить, был маленький штык, который носили с собой итальянские пехотинцы. Этот штык был очень полезной вещью. Еще мы охотились за небольшими спальными мешками с камуфляжным чехлом. Из них можно было делать небольшие палатки. Сигареты, однако, были набиты ужасным темным табаком, назывались они, если я запомнил правильно, *Tres Stellas*.

С захватом Тобрука армия Грациани оказалась выбитой из Египта, и теперь мы были на земле Ливии, на пути у итальянцев между Газалой и Дерной. Мы понесли тяжелые потери, и у нас в строю осталось только 18 танков. Австралийцы, продвигаясь вдоль приморского шоссе, прошли Дерну на пути к Бенгази. Вместо того, чтобы двинуться к побережью и соединиться с австралийцами, мы ушли далеко в пустыню и вышли к Аджедабии,

расположенной где-то милях в 100 к югу от Бенгази. Это был форсированный 150-мильный марш через пустыню сильно потрепанной танковой группы. Остатки батальона свели в эскадрон численностью в 16 машин. Он был прикомандирован к командирской части, и путешествие началось. Только человек, который испытал долгий изматывающий марш через пустыню, может представить себе, насколько могут быть измотаны люди. Пыль и грязь прилипают к коже, глаза краснеют и наливаются кровью, голова трещит, суставы костенеют. Через какое-то время были мы превратились в зомби. Делаешь все автоматически, и сам не знаешь зачем. Думаю, наши мозги по дороге отключились. Останавливались мы только для того, чтобы удостовериться в правильно выбранном азимуте движения. Пустыня – это богом проклятое место! За нами шли грузовики с горючим и боеприпасами, и каждую ночь мы выбирались из танков, чтобы заправиться и дать двигателям остыть. Каким облегчением была возможность вдохнуть немного свежего воздуха. Через пару часов мы снова трогались в путь, чтобы продвинуться как можно дальше на юго-запад до первых лучей рассвета.

По радио мы узнали, что Бенгази взят австралийцами. В тот же день мы достигли пункта Беда Фомм. Я думал, это было 1-е февраля [1941 года], на самом деле, это было 7-е, но в последнюю неделю время для нас не имело значения. Дорога к югу от Бенгази шла вдоль побережья и далее на запад в направлении [портового городка] Марса Бреги и [населенного пункта] Эль Агейла, где-то миль 500 на запад от Триполи. Мы расположились за небольшим холмом, который прозвали *Прыщ/The Pimple*. Глядя на дорогу Бенгази-Триполи, мы не могли поверить своим глазам. Вся армия Грациани уходила из Бенгази. Насколько мог видеть глаз, всюду были колонны грузовиков, танков, автоцистерн, пушки, бронетранспортеры. Бог мой! Это была легкая добыча!

К этому времени у нас осталось всего 14 танков. Были вызваны грузовики с боеприпасами, и каждый танк загрузился ими настолько, насколько было возможно. Бензобаки были заполнены доверху, и мы были готовы атаковать. Итальянские легкие танки продвигались по обе стороны от колонны, словно эсминцы, эскортирующие конвой. Мы выехали из-за *Прыща*, рванулись к дороге и вышли прямо к колонне, ведя огонь на ходу с максимально возможной скоростью. Грузовики начали гореть, и через минуту дорога была заблокирована объятыми пламенем машинами. Итальянцев охватила паника. Люди соскакивали с грузовиков, паля во все стороны. Застучали пулеметы, и мы услышали звон пуль, ударяющихся о броню нашего танка. Все пространство внутри танка наполнилось дымом и газами. Наводить пушку нужды не было: каждый выстрел попадал в цель!

Из колонны выкатили противотанковые пушки, которые открыли по нам огонь в упор. Солдаты бросали в нас ручные гранаты, когда мы со скрежетом двигались вдоль дороги. Итальянские танки были рядом с нами там и тут, они стреляли, но в полной панике. Они попадали даже в свои грузовики, иногда даже в свои танки.

Пыль была такой плотной, что мы видели не больше чем на пару ярдов. Все горело, до нас доносились крики и стоны. Горели танки, в них взрывались боеприпасы. В некоторые из наших машин тоже угодили снаряды, и экипажи выбирались из пламени и бежали, чтобы укрыться между камней. Визжали пули и летящие осколки. Клубился дым, грохотали взрывы. Шум стоял невообразимый… Весь бой продолжался меньше, чем два часа, после чего стрелять уже было не во что. Конвой горел, все вражеские танки были подбиты или брошены. Уцелевшие итальянцы размахивали белыми флагами. Раненые рыдали, вопили и умирали. Смотреть на это было тошно. На протяжении двух часов мы сходили с ума от азарта, стреляя и убивая, а теперь мы были оглушены и сконфужены…

Разгромленная итальянская колонна. 1940 год

Мы медленно вернулись к *Прыщу*. Тем временем итальянские санитары пытались понять, что к чему и подобрать раненых. Наши потери были минимальными. Несколько осколочных и пулевых ранений, раны от осколков брони. Я знаю, что и по сей день в мозгах участвовавших в этом побоище танкистов остались шрамы.

На следующий день мы отправились на вывозку итальянских танков. В воздухе, среди тлеющих обломков, стоял запах сгоревшей плоти. Наполовину высунувшиеся трупы свисали из башен. Их ноги были сильно обгоревшими и отваливались, когда мы вытягивали тела. Внутри некоторых танков мы увидели кучи липкой сажи. Эти кучи были останками человеческих тел. Это был вид, который я никогда не забуду, и я знаю, что моя душа будет проклята за то, что я принял в этом участие! Уцелевшие итальянцы рыли могилы, но мало кто говорил о чем-то. По лицам людей текли слезы, и с обеих сторон парни говорили, что они сожалеют о случившемся.

Мы сидели посреди того, что осталось после побоища, и угощали итальянцев сигаретами. Для них война закончилась. Все, что им оставалось, это ждать, когда их увезут. Это была наша победа, но, если это было победой, я больше не хотел ничего подобного. Я был ошарашен жестокостью войны и случившимся кровопролитием.

Прибыли танкисты 6-го Танкового Полка/6th Royal Tank Regiment) чтобы занять наши позиции. Они вооружились уцелевшими итальянскими танками. Прибыла еще пехота, которая закрепилась на позициях к западу от Эль Агейлы. Мы покинули это место, чтобы «зализать раны». Хотя, в конечном итоге, мы разбили Грациани, у меня было такое чувство, что это *пиррова победа*. Психологически я был не в порядке и подавлен. Не было у меня никакого восторга, определенно, никакой гордости по поводу случившегося, только депрессия и чувство вины…

В Триполи прибыли немцы, и теперь всеми силами *Оси* в Северной Африке командовал Роммель. Итальянская армия почти полностью прекратила существование, и нашим противником теперь был не Грациани, а Роммель. Без подкреплений марш на запад, на Триполи, был невозможен. Уже через несколько недель немцы начали наступать на восток в направлении Эль Агейлы. До того, как появились проблемы, нас отвели и вернули в Египет на переформирование. Наша база находилась в четырех милях от Александрии в месте, носившем название Сиди Бишр. Через два дня после прибытия туда я заболел лихорадкой, связанной с укусом летающего насекомого, и чесоткой и был отправлен в полевой госпиталь близ Алекса (Александрии). Там я пробыл три недели…

Алекс был городом моряков, они были повсюду. Там был большой клуб моряков, носивший название *Fleet Club*. Он был нашим любимым местом времяпровождения. Там было полно дешевых сигарет и пива. Ну, мы еще завели себе хороших друзей среди военных моряков. Еще одним популярным местом была улица *Rue Des Soeurs*. Тамошние девочки предпочитали моряков. Однако одной ночью случился авианалет, и после прямого попадания бомбы в *веселый дом* погибло семеро парней из Полка Гусар Корролевы …

Наши дела в пустыне шли плохо. Роммель наступал от Эль Агейлы через Марса Брегу и Бенгази. Затем вдоль побережья он вышел к Тобруку. Тобрук удержали, но он окружил и осадил его. Роммель продолжил наступление в направлении Саллума и перевала Халфайя. Близ форта Капуццо его войска закрепились. Британцы готовились к наступлению, накапливая силы в районе Мерса Матрух и вдоль линии, проходившей к западу от Сиди Барани. Было начало мая, когда мы вернулись в пустыню. Это был период ветров, носивших название *Хамсин*. Жара стояла страшная, и броне танка можно было жарить яичницу… Мы заняли позиции к югу от Барани и стали ждать. Концентрация наших сил была потрясающей. Я до этого никогда не видел столько танков и бронемашин!

15 мая мы атаковали Саллум и Форт Капуццо *(речь идет о неудавшемся наступлении британцев – операциях Brevity и Battleaxe – май-июнь 1941-го – ВК)*, но продержались там только пару дней, прежде чем отступить назад к югу от Барани. Через неделю мы были готовы еще раз атаковать Капуццо. Атаковать предстояло со стороны побережья, и, если станет возможным, вынудить Роммеля оставить перевал Халфайя. Мы выступили на рассвете 15 июня. Со стороны Сивы налетела песчаная буря. Раньше танкисты во время маршей привязывали свои спальные мешки и камуфляжные сетки в задней части танка, но опыт показал, что горячие осколки легко поджигают их и танк может загореться безо всяких попаданий вражеских снарядов… Поэтому до начала марша части снабжения собрали наши спальные мешки и сетки. Еще какое-то время у нас не будет возможности поспать, и, определенно, не ожидалось достаточно продолжительных остановок, во время которых могут понадобиться маскировочные сетки.

Приближаясь к Капуццо с юго-востока, мы натолкнулись на интенсивный противотанковый огонь артиллерии, который прижал нас до того момента, пока наша мобильная артиллерия не подавила их огневые позиции. Атака развивалась медленно. Многие наши танки были подбиты, и какое-то время мы дрались вслепую в условиях песчаной бури. Было страшновато натыкаться на легкий немецкий танк прямо броня к броне, когда он выплывал из пыли и дыма. Удача сопутствовала тому, кто успевал выстрелить первым…

Целый день мы крутились, стреляя, продвигаясь вперед и вновь отходя, но так и не пробились к Капуццо. Дым был повсюду, все грохотало, лязгало, ревели моторов, визжали пули и снаряды. Внутри машин люди обивались потом, матерились и орали. Мы пока не вступали в бой с тяжелыми немецкими *панцерами*, но понимали, что их придерживают в резерве до той поры, когда мы сточимся в бою против легких машин и противотанковой артиллерии. Неожиданно мы увидели немецкие танки, перемещающиеся вдоль фронта в юго-восточном направлении к Сиди Омару. Мы оказались в ловушке! Поскольку продвижение на Саллум было остановлено Роммелем, мы получили приказ отвернуть от Капуццо и двинуться на юго-восток, чтобы остановить *панцеры*, устремившиеся к Сиди Омару. Но они оказались быстрее нас: появившись к югу от Сиди Омара, они повернули прямо на восток в направлении Сиди Сулеймана, отрезая нас [от нашего тыла]. Если мы не доберемся до Сиди Сулеймана первыми, мы потеряем контакт с нашими силами, пытающимися наступать на запад в направлении Тобрука и Саллума. Мы, как сумасшедшие, рванулись к Сиди Сулейману. Когда мы смяли проволочное заграждение, по нам отстрелялась наша авиация, которая приняла нас за *панцеры*… К этому времени сражение уже было нами проиграно. Роммель продолжал удерживать перевал Халфайя. Саллум и Тобрук остались в осаде. Мы отступили, чтобы зализать раны, в то время как Роммель привел в порядок свои оборонительные позиции на перевале и стал ожидать наших дальнейших действий…

От преследования нас спас сам Роммель из-за грандиозных событий, случившихся в Европе. Гитлер начал свое вторжение в Россию, так что Роммелю осталось только сидеть

и ждать без особой надежды на получение подкреплений на протяжении определенного периода времени. Ему не повезло, зато нам улыбнулась фортуна: мы получили возможность отступить и перегруппироваться к югу от Мерса Матруха в районе Баррини/Barrini.

ГРЕЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ АПРЕЛЬ - 1941 ГОДА

РАССКАЗЫВАЮТ АВСТРАЛИЙЦЫ

Греческая кампания, в которой австралийские, британские и новозеландские части под общим командованием британского генерала Хенри Уилсона (Henry Maitland Wilson) поддерживали греческую армию в ее противостоянии германскому вторжению, была плохо спланированной и окончившейся катастрофой кратковременной операцией. Она была вызвана политической необходимостью, связанной с гарантией, которые Великобритания предоставила Греции на случай неспровоцированной агрессии третьей стороны.

Схематическая карта германского вторжения в Югославию и Грецию

8 апреля Германия одновременно вторглась в Грецию и Югославию. Уже через неделю после начала боевых действий союзники были вынуждены отступать на юг…

Греческая Армия и Пятая Колонна

Опасения в связи с настроениями в греческой армии и, в целом, с ее боеспособностью стали посещать австралийских старших офицеров еще до начала кампании. Бригадир Рауэлл (Sydney Rowell, 1894-1975) позднее писал: «Греки своими собственными силами

побили итальянцев на своих западных границах с Албанией. Смогут ли они сделать то же самое с первоклассной армией, такой как немецкая? Только когда мы увидели ее солдат вблизи, мы поняли, что толку от них будет мало.» Австралийскому командованию было очевидно, что среди старших греческих офицеров преобладают пораженческие настроения и что германская пропаганда в этой стране была весьма эффективной в деле распространения мифа о немецкой непобедимости.

По прибытии в Грецию австралийские солдаты и офицеры заметили, что далеко не все греки с симпатией относятся к британцам. В письме, написанном матери, лейтенант **Макробби (A. F. MacRobbie)** отметил: «Греция и в самом деле красивая страна, но от нее так и прет деятельностью пятой колонны.» Эта ситуация вызывала сильное беспокойство у австралийцев. Например, молодчики из такой фашистской группы, как *Neolaia*, открыто «приветствовали» союзников нацистским салютом, и австралийцам даже пришлось приучать некоторых из них салютовать им поднятым вверх большим пальцем. Австралиец **Иэн Сэйби (Ian Sabey)** в своих воспоминаниях писал: «… события в Греции продемонстрировали, что только половина нации настроена пробритански, остальные, включая большинство политиков и генералов, были настроены открыто прогермански.»

В самом деле, в офицерской среде греческой армии имелись сильные политические различия, в особенности, между монархистами и республиканцами, и это сказывалось отрицательно на ее боеспособности. Однако за короткий период своего пребывания в этой стране австралийцы смогут убедиться в том, что рядовые греки, как солдаты, так и гражданские лица, в большинстве своем, прекрасно относятся к британцам и готовы поделиться с ними последним…

Австралийские артиллеристы на пути к позициям на севере Греции

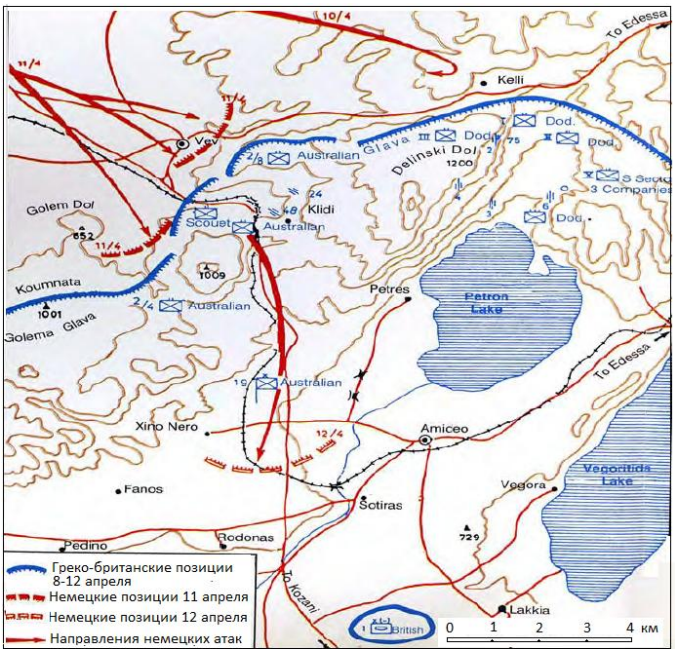
Веви и Сотир – 9-14 апреля 1941

Вечером 9 апреля 1941 года солдаты и офицеры Батальона 2/4 прибыли в район Веви (10 км от югославской границы) и начали окапываться к юго-западу от этого маленького городка. Бригадир **Джордж Вэйси** (**George Vasey**, 1895-1945), командир 19-й Бригады, сообщил по телефону подполковнику Айвену Доэрти (Ivan Dougherty, 1907-1998), командиру Батальона 2/4: «Мы находимся высоко, на перевале, здесь страшно холодно и идет дождь. Прошли четыре мили и окапываемся. Потом прошли еще пять и снова окапываемся… Пытаемся поспать, но дождевая вода превращается в мокрый снег и лед. Наши одеяла и одежда мокрые насквозь. Не везет: мы снова уходим, потом окапываемся в третий раз. Не спали уже две ночи.»

Австралийские солдаты под снегом…

Батальон 2/4 был частью был частью объединенных сил греков, британцев, новозеландцев и австралийцев, представленных артиллерией, танками, инженерами и пехотой – так называемой боевой группы *Mackay*, находившейся под началом генерал-майора Айвена Маккэя (Iven MacKay), командира 6-й Австралийской Дивизии. Перед боевой группой командующим экспедиционными силами в Греции, генералом Уилсоном, была поставлена задача остановить немцев в долине Флорина и продержаться там как можно дольше. К 9 апреля, после коллапса греческих сил, державших фронт в восточной Македонии, генерал Уилсон и главнокомандующий греческими вооруженными силами Папагос (Alexandros Papagos) отдали приказ греко-британским силам на отход к более пригодной для обороны линии, опирающейся на долину реки Алиакмон – Линии *Олимп-Алиакмон*. Боевая группа *Mackay* должна была прикрывать отступление.

Схематическая карта прорыва немцев через к югу от Вевви (район перевала Клиди)

10-11 апреля передовые немецкие части вышли к Вевви и начали прощупывать оборону британцев. Капитан **Гордон Лэйборн (Gordon Laybourne)** из Полка Полевой Артиллерии 2/3 был свидетелем того, как австралийские пехотинцы впервые вступили в бой с немцами на земле Европы:

«Преисполненные наглости, они подъехали по главной дороге на грузовиках на расстояние 3 000 ярдов от нашей пехоты и начали покидать машины. Сначала я не мог поверить, что это противник, настолько все было тихо и спокойно. Потом ситуация стала приобретать какой-то смысл. Я отдал приказы по телефону, и первые снаряды с воем рассекли воздух… Ожесточение нарастало, и гунны *(Huns - распространенная среди союзников кличка*

немцев – ВК) отошли, но пять грузовиков остались на дороге, словно немые свидетели того, что моя часть умеет стрелять.»

Когда над Веви 12 апреля взошло солнце, солдаты и офицеры боевой группы *Mackay* поняли, что немцы вот-вот пойдут в атаку. За прежние двое суток дождь перешел в снег, который лег на склоны ковром толщиной более фута. Австралийцы замерзли и были голодны, они начали страдать от обморожений и упадка сил. В 08.30 немцы обрушились позиции Батальона 2/8. Весь день одна атака сменяла другая, и ко времени наступления темноты стало ясно, что противник слишком силен, - поступил приказ на отход к рубежу, на котором оборонявшихся ждали грузовики.

По мере того, как 12 апреля атаки немцев становились все интенсивнее, бригадир Вэйси начал отдавать себе отчет в том, что его люди не сумеют отступить в организованном порядке. В 17.00 он позвонил командиру Батальона 2/4 Доэрти и произнес кодированную фразу, означавшую то, что отход нужно начинать немедленно: «Крыша течет/The roof is leaking.» Рядовой **Дикон (Deacon)** с двумя товарищами попытался отступить через гребень холма, который простреливался минометным и артиллерийским огнем противника. Он был ранен, после чего передвигался уже только с помощью одного из товарищей по имени Фитцджералд (Fitzgerald), когда «рядом появился бронетранспортер. В нем был подполковник Доэрти… Он сказал, что нам лучше двигаться побыстрее, и спросил, не подбросить ли нас. Видя, что кроме нас поблизости никого нет и что гунны дышат нам в спину, *Фитци* и я не стали слишком горячо совещаться о том, стоит ли нам принять предложение. Теперь, когда я вижу идущего пешком подполковника, я всегда подвожу его!»

Уцелевшие бойцы группы *Mackay* отступили на юг, к городу Сотир. Здесь Батальон 2/8 снова получил приказ вступить в арьергардный бой. Люди устали и ожидали, что их на грузовиках повезут дальше на юг, к Алиакмону, но, по воспоминаниям Доэрти, «никто не возроптал… Люди пошли на это твердо и решительно… Я почувствовал гордость за свой батальон.»

С первыми лучами солнца 13 апреля немцев можно было разглядеть в стрелковых ячейках примерно в 1 000 метров от австралийцев. Вэйси, одетый в белый макинтош, прибыл на передовую, чтобы осмотреться, попал под огонь и был вынужден уползти на четвереньках. Батальон 2/4 и британские части открыли ответный огонь, не зная о том, что за день до этого на распаханном участке местности между ними и противником немцы разместили пленных австралийцев, британцев и греков. Несколько пленных, в том числе лейтенант Джон де Мирик (John de Meyrick) из Батальона 2/4, были убиты перекрестным огнем, еще около тридцати были ранены. Видя, что вражеская артиллерия и танки еще не полностью заняли свои позиции, Вэйси приказал своим людям отступать постепенно. Это было непростой задачей. Многие из его батальона вспоминали, что их позиции находились под пулеметным огнем противника такой интенсивности, что казалось, воздух представлял из себя «сплошную насыщенную свинцом массу.» Вспоминает рядовой **Дик Пэрри (Dick Parry)**:

«В 07.30 от ячейки к ячейке пронесся приказ подготовиться к отходу, и мы почувствовали себя довольно неуверенно по отношению к тому, что придется бежать 300 ярдов через эту преисподнюю вверх по склону, где мы будем как на ладони. Первый же парень из нашего взвода, высунувший голову из окопа, получил пулю в лоб и свалился замертво. Плохо дело. Один за другим ребята начали выпрыгивать из ячеек и бежать, при этом интенсивность огня усилилась. Я увидел, как один малый из нашего отделения уже было на полпути назад. Он бежал, и земля вокруг него поднималась фонтанчиками: он пробежал весь путь до вершины и скрылся за бугром, на какое-то время оказавшись в безопасности. Наступила моя очередь…»

В тот день удача была с рядовым Пэрри: он прошел весь путь до вершины холма – он уже не мог бежать.

Австралийцы в окопах. Греция, 1941

В бой против наступавших немецких *панцеров* вступила 1-я Бронетанковая Бригада британцев. В одном из немногих танковых боев этой кампании противника удалось задержать и уничтожить значительное число его боевых машин. Продвижение немцев было остановлено до вечера 13 апреля, после чего 1-я Бригада отступила. Она понесла тяжелые потери. В книге *Australia in the War of 1939–1945. Greece, Crete and Syria (составитель – **Гэвин Лонг (Gavin Long**, 1901-1968)*, можно прочесть следующие строки: «Возможности восполнить потери не было. В двух ожесточенных стычках они задержали продвижение немцев к основной линии обороны британцев и сумели подбить большое число вражеских танков, но достигнуто это было ценой фактической потери единственной небольшой бронетанковой части, имевшейся в распоряжении союзников в Греции.»

На реке Алиакмон – 9-16 апреля 1941 года

Одной из первых австралийских частей, прибывших в Грецию и отправившихся на север страны, была 16-я Пехотная Бригада, включавшая батальоны 2/1, 2/2 и 2/3. 7 апреля бригада заняла позиции на перевале Верия, расположенном на высоте 1 000 м над уровнем моря с прилегающими к нему вершинами. Пехотинцы были так сильно разбросаны по горной местности, что от одного конца занимаемого Батальоном 2/2 сектора до другого нужно было карабкаться более трех часов. Боеприпасы и снаряжение могли быть доставлены к расположенным на высотах позициям или с использованием ослов в качестве вьючного транспорта, или усилиями самих солдат. Раздражение, вызванное плохой организацией и некомпетентностью командования, отразил в Журнале Боевых Действий (ЖБД) подполковник **Фредерик Чилтон** (**Frederick Chilton,** 1905-2007, на фото слева**)**, командир Батальона 2/2: «После многих задержек, связанных с отсутствием переводчиков, которых, думается, можно было без проблем организовать на более высоких уровнях обеих армий, пришлось одалживать (видимо, у местных – ВК) мулов для перевозки снаряжения на позиции в горах… Война в горах без первоклассного вьючного транспорта – это просто смешно.»

В книге, составленной Гэвином Лонгом, можно прочесть следующие строки:

«Греческий крестьянский ослик – это маленькое животное, способное перевозить 50-фунтовый или около того груз по горным тропам. Один человек из Батальона 2/2 вспоминал, что на перевале Верия капрал Дик Пауэлл (Dick Powell), обнаружив, что он и его люди, располагая одним одеялом каждый, не могут спать в снегу, прошел две мили до

штаба своей роты и в одиночку притащил на себе назад палатку – «предмет, с которым не управился бы ни один мул».

С перевала австралийцы могли видеть огни города Салоники и пожары, возникшие в результате немецкого наступления вниз по долине реки Аксиос. Погода была ужасной: ледяные дожди, часто превращающиеся в снегопады.

По счастью, по-гречески говорил военный юрист, подполковник Александер Шеппард (Alexander Sheppard, 1913-1997, выпускник Мельбурнского университета, на фото справа), да и среди австралийских солдат нашлись люди греческого происхождения, помнившие язык родителей. В прошлом они не афишировали свои небританские корни, поскольку в Австралии на таких людей часто смотрели косо, но теперь их знания пригодились. Вспоминает **Фрэнк Рид (Frank Reid)** из Батальона 2/3:

«Когда мы прибыли в порт Пирей, нас никто не встретил, потому что нас не ждали до 22.03.41… После короткой задержки прозвучал вопрос о том, говорит ли кто-нибудь по-гречески, чтобы сопроводить замкомбата (майора Эбботта) в поисках греческого штаба. Уоррент-офицер 2-го класса Эндрю Кристи (Andrew Christie) довольно неохотно вышел вперед и признался, что был крещен как Эндрю Кристопулос и говорит на языке предков, на самом деле, довольно хорошо. Это было для всех новостью: если и был среди нас типичный австралийский бушмен шотландского происхождения, то это был Эндрю Кристи.»

Связь между удаленными друг от друга британскими частями была плохой или отсутствовала, поэтому приходилось прибегать к помощи вестовых. Подполковник **Доналд Лэм** (**Donald Lamb**, 1903-1969) записал в ЖБД своего Батальона 2/3: «Немцы, находившиеся на болгарской границе, начали продвижение на юг, но информацию об их точном местонахождении было трудно получить.» Слухов было очень много, они распространялись или союзниками для того, чтобы приободрить свои войска, или врагом, который стремился запугать союзников, и это был единственный источник информации. Австралийский военный корреспондент Гэвин Лонг (на фото слева), находившийся на греческой границе, вспоминал, какие носились слухи: «Мы слышали, … что Югославия капитулировала, что Турция вступила в войну, что англичане высадились на побережье Франции…»

9 апреля 1941 года 16-я Бригада получила приказ на отход с перевала Верия на новые позиции, расположенные в 50 км на перевале Сервия. Им пришлось отходить через горы, потому что были опасения, что, если они отправятся в путь на грузовиках, неожиданный прорыв немцев через позиции арьергарда в районе Веви сможет перерезать им дорогу к отступлению. На марше каждый человек нес на себе боезапас из 100 патронов, пятидневный пищевой рацион, шинель, плащ-палатку и рюкзак. Единственным доступным транспортом были ослы, и они везли тяжелое оружие. Большая часть местности, через которую пришлось идти, была покрыта слоем грязи глубиной по щиколотку, при этом по-прежнему было очень холодно. Вспоминает **Рой Уотерс (Roy Waters)** из Батальона 2/2:

«Ну и сцена была - все мы, вытянувшиеся в длинную колонну, бредущую через горы. Бог ты мой, это было нелегкое путешествие, но мы шли, словно автоматы. Фляга с коньяком, которая у меня была при себе, помогала мне идти. У моего старенького осла было упорства на тонну, и с помощью моих галет и добрых слов он держался отлично. Когда мы добрались до вершины, взошла луна, и какой вид открылся! Но времени на то, что любоваться им, у нас не было…»

Рассказывает капитан **Джек Блэйми** (**Jack Blamey**, на фото слева, умрет от ран 26.11.1942 на Новой Гвинее в возрасте 28 лет): «Люди выпадали из строя то там, то тут, но их быстро затаскивали обратно… Один, который чувствовал себя больным несколько дней подряд, свалился просто от изнеможения за час до рассвета. Один парень взял его рюкзак, другой

– винтовку, третий – одеяло, и мы потащили его дальше, всю дорогу шлепая его по лицу, чтобы он не заснул…»

На реке Алиакмон семеро человек из Полевой Инженерной Роты 2/1 сколотили узкую длинную лодку, чтобы люди могли перебраться на другой берег. К 10.30 13 апреля последний взвод переправился через реку, и инженеры затопили лодку. Теперь измученным людям предстояло подниматься в гору на позиции в районе перевала Сервия…

Отступление. Возможно, переправа через Алиакмон

К 15 апреля австралийские и новозеландские части добрались до новых позиций на *Линии Олимп-Алиакмон*. Им не было суждено провести там много времени. События в Греции развивались быстро, и к 13 апреля генерал Уилсон уже решил, посовещавшись с Блэйми, что все силы Британского Содружества будет необходимо отвести еще на 180 км на юг, к *Фермопильской Линии*. Он считал, что там британцы сумеют удержаться без поддержки союзников (то есть, греков).

15 апреля штаб Корпуса *Anzac*, находившийся в городе Элассон, закончил составление плана отступления. В соответствии с ним, множеству сводных пехотно-артиллерийских боевых групп предстояло вести арьергардные бои на различных участках, в то время как инженерные части должны были разрушать дороги и мосты, чтобы максимально замедлить продвижение противника. Главная дорога, уходившая от реки Алиакмон на юг через Элассон, Лариссу, Фарсалу, Домокос и Ламию в направлении перевала Браллос, должна была оставаться открытой для похождения основных колонн.

За пару дней до выхода приказов об отступлении стало ясно, что части *Анзаков*, находящиеся к северу от реки Алиакмон, такие как батальоны 2/4 и 2/8 19-й Австралийской Бригады, не имеют мостовой переправы через бурную реку. После разведки 13 апреля, направленной на поиск бродов, отделение Полевой Роты 2/1 было послано на строительство моста и ведущей к нему подъездной дороги для грузовиков. Имея под рукой лишь веревки, кайла, лопаты и прочий ручной инструмент и скобы, австралийские инженеры с помощью британских коллег и новозеландских пехотинцев приступили к работе на рассвете 15 апреля, и к 22.00 мост был готов.

Ночная переправа была нелегким испытанием. Бригадир Вэйси был вынужден использовать свой личный запас туалетной бумаги, чтобы обозначить Батальону 2/4 спуск с гор к воде. Он также беспокоился, выдержит ли хлипкий 50-метровый мост, переброшенный через реку с ледяной водой, скорость течения которой достигала 9 миль в час. Однако все люди перебрались по нему на другой берег в целости и сохранности, если не считать одной роты, которой командовал капитан Джон Маккарти (John MacCarty). Вспоминает рядовой **Вик Хилл (Vic Hill)**:

«Мы шли и шли вниз, съезжая вниз по склону и спотыкаясь о неровности, едва избегая падений с обрывов. Каждый падал десятки раз и более того, но каким-то чудом только пара из нас растянула себе сухожилия в голени. Добравшись, наконец, до подножия горы, мы повернули влево, где должны были быть проводники. Но продвигаясь в этом направлении, мы шли туда, где находился противник. С каждым шагом нервное напряжение росло. К 03.45 мы прошли две или три мили в направлении противника, а проводников все не было… С первыми лучами света мы увидели глубоко врезанную бурную реку. Моста или чего-то похожего на брод там не было. Тем не менее, через какое-то время мы нашли весельную лодку и начался процесс медленной переброски сотни человек на другой берег группами по семь-восемь парней…»

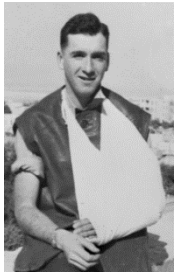
К утру 16 апреля 1941 года силы Британского Содружества в Греции отступали в организованном порядке в сторону Фермопил, опасаясь обходного маневра противника с запада. Но угроза пришла не с запада. 16-17 апреля части немецкой 3-й Танковой Дивизии и 6-й Горной Дивизии, наступавшие вдоль восточного побережья, начали марш через горные перевалы, проходившие ниже горы Олимп, и вдоль долины реки Пиньос (также Темпе).

Каньон Пиньос и отступление к перевалу Браллос. 15–19 апреля 1941 года

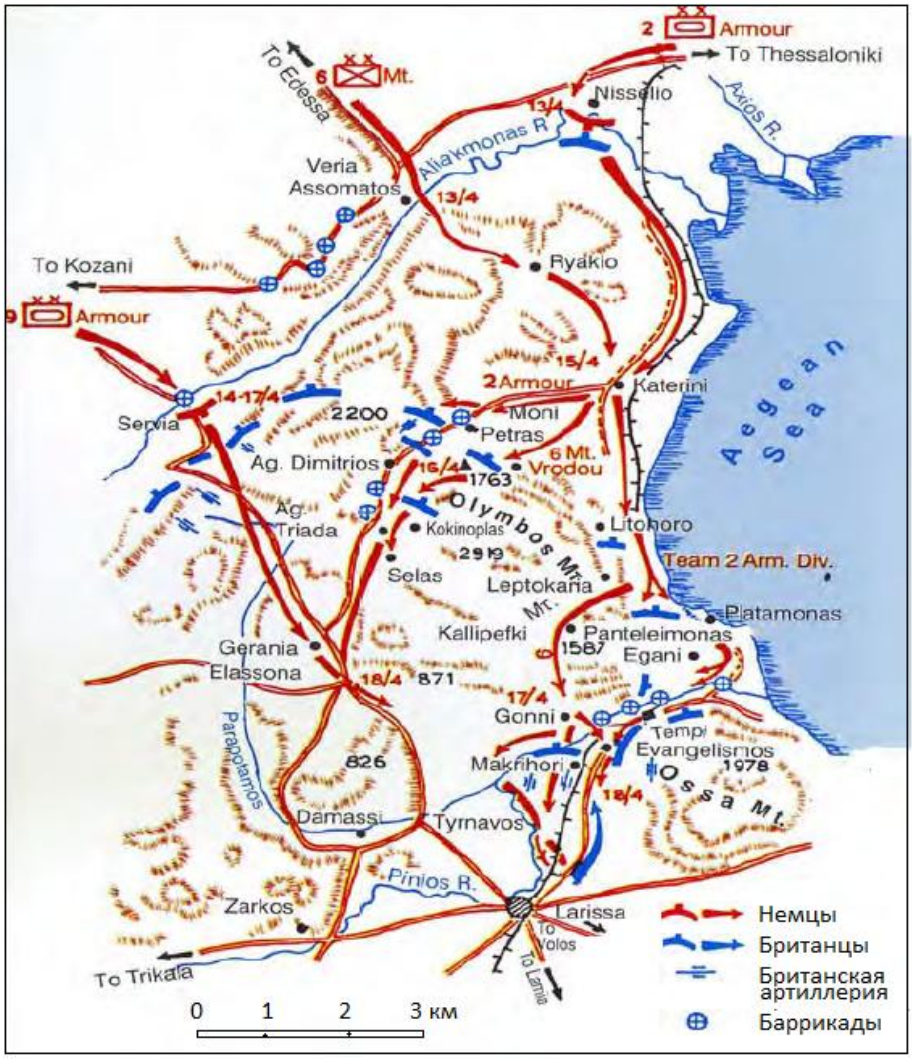
Наша колонна приближалась к окраине Лариссы, когда Штуки снова нанесли удар. Они атаковали город, и мы видели, как бомбы обрушили стены двух домов. По улице с криками бежала женщина. Немного дальше мы прошли мимо мертвого гражданского – из его головы текла кровь, которую с удовольствием подлизывала собака…

Чарлз Робинсон (1914-1989), санитар

16 апреля 21-й Новозеландский Батальон под атаками немцев оставил свои позиции в районе города Платамон, расположенного на восточном побережье Греции в районе устья реки Пиньос, образующей каньон, огибающий с юга гору Олимп. Покидая город, они получили сообщение о том, что помощь близка и что западный вход в каньон будет необходимо удерживать, по меньше мере, до 19 апреля, и сражаться до последнего человека.

Лейтенант **Норман Суинтон** (**Norman Swinton**, на фото слева**)**, офицер связи, прикомандированный к штабу 16-й Бригады, в своем рапорте написал в этой связи о поступающих от передовых частей тревожащих сообщениях, извещающих о том, что «прошлой ночью противник вступил в соприкосновение с нашими силами и, к сожалению, новозеландцы отошли со своих доминирующих [над местностью] позиций, контролирующих железнодорожный тоннель и дорогу, идущую вдоль каньона, и, что еще хуже, они не сумели взорвать тоннель или заблокировать дорогу в достаточной степени. Оказывается, противник атаковал значительными силами: подсчитано, что у него одна танковая дивизия, одна горная дивизия и две пехотные дивизии, и они немедленно приступили к использованию горных стрелков, чтобы попытаться окружить наши силы.»

Схематическая карта боевых действий в окрестностях горы Олимп

Командование Корпуса *Anzac*, тем временем, повернуло два батальона, отступавших на юг, к Фермопилам, туда же – к западному входу в каньон. Это были австралийские батальоны 2/2 и 2/3. 18 апреля австралийцы и новозеландцы вступят в бой против немцев, намеревавшихся прорваться в долину реки Пиньос. Этот день, по выражению историка Гэвина Лонга, «казалось, стал критическим для кампании.» Стоило немцам быстро осуществить прорыв и выйти к крупнейшему транспортному узлу – городу Ларисса/Larissa, они могли бы рассечь на две части всю британскую группировку, отступающую через центральную Грецию.

Лейтенант **Рекс Мур (Rex Moore)** из Батальона 2/2 вспоминает события 18 апреля:

«Гунны атаковали в 07.30 утра, и их численное преимущество было подавляющим. Людей охватила паника, и они бросились врассыпную. Немецкие танки произвели много шума, но новозеландские артиллеристы держались превосходно. В сумерках я отвел 8 вооруженных Бренами бронетранспортеров к штабу бригады, танки следовали за нами. Мы потеряли много грузовиков. Полковник Лэм из Батальона 2/3 собрал вместе оставшихся в строю людей, и начался отход.»

Солдаты из Батальона 2/2:

«Если бы мы смогли остановить танки, у нас был бы шанс, но их было просто слишком много. Они накатывали один за другим, и кто-то, не знаю, кто это был, сказал: Отходим!

Отходим! Это был драп, мы бежали толпой. Нет ничего хуже в этом мире, чем поворачиваться спиной к этим мерзавцам и бежать. Это мучительно, это разрывает тебе сердце, это то, что никому не пожелаешь испытать… Командиры могли организовать людей, … чтобы подобрать и вывезти раненых, но ничего сделано не было. Нас бросили, словно мы были лопнувшими автомобильными шинами.»

Тем не менее, понадобилось значительно большее количество немецкой пехоты, поддержанной танками и авиацией, чтобы сбить австралийцев и новозеландцев с позиций и отогнать их в горы. Были моменты, когда атакующие несли тяжелые потери.

Капитан **Джек Блэйми (Jack Blamey)**, Батальон 2/2:

«Справа от нас гунны перешли реку вброд – вода доставал им до подмышек – и, хотя мы поливали их огнем наших легких пулеметов и минометов, и они оставили болтаться в воде многих своих убитых и раненых, большое их число сумело переправиться через реку.»

Пока немцы атаковали союзников в каньоне Пиньос, части 2-й и 3-й *панцер*-дивизий пытались пробиться через удерживаемые преимущественно новозеландцами позиции, преграждающие атакующим путь через перевал Менексес к городу Элассон, расположенному примерно в 40 км к северо-западу от Лариссы. Новозеландцев поддерживал австралийский Полк Полевой Артиллерии 2/3. Расчеты пушек вели огонь по продвигающимся вперед *панцерам* с такой интенсивностью, что стала облезать краска с раскаленных стволов. Он постоянного грохота у некоторых австралийцев лопались барабанные переборки, и из ушей текла кровь. Составитель ЖБД полка так описал ведомый его частью бой в тот критический день:

«Захватывающий день, в течение которого полк израсходовал 6 500 снарядов. Танки появились ранним утром, противник развернул свои силы, но непрерывный огонь, ведомый полком, остановил его, и пехотинцы не вступали в бой…»

Историк **Лес Бишоп (Les Bishop)**:

«Первые выстрелы боя под Элассоном ознаменовали начало дня, в течение которого полк проявил себя самым наилучшим образом за всю войну. Потом было много сражений, в которых его люди проявили мужество, но больше ни разу ему не придется выстраивать пушки в одну линию, чтобы отразить полномасштабную вражескую атаку.»

Когда наступили сумерки, через реку Пиньос уже переправилось большое число танков, которые ожесточенно атаковали арьергард союзников. **Артур Эллен** (**Arthur Allen**, 1894-1959**)**, командир 16-й Австралийской Бригады, наблюдал за развернувшимся боем:

«Это было фантастическое сражение. Никто не окапывался: времени на это не было, и все были на передовой линии, включая артиллерию, вооруженные Бренами бронетранспортеры, пехота, различные штабные части с их транспортными средствами... Если бы вы увидели это в кино, вы бы подумали, что режиссер никогда не бывал в бою…»

Наступившая темнота вынудила немецких танкистов выйти из боя и дала уцелевшим австралийцам и новозеландцам возможность отступить. Участник этой и многих других кампаний (Крит, Северная Африка, Новая Гвинея) **Кен Клифт** (**Kenneth Clift**, 1916-2003, на фото слева), после ВМВ – историк и автор книг, писал:

«Командир передовой машины высунулся из башни по пояс, вглядываясь в темноту, и был изрешечен пулями, выпущенными пехотинцами… Донесся голос подполковника Лэма, заглушившего крики других: «Каждый выстрел должен быть точным; эти танки не могут воевать против нас в темноте.» Все немецкие танки остановились, ведя неприцельный огонь.» Хотя многие австралийцы и новозеландцы испытали в тот день горечь поражения, а некоторые попали в плен, боевая группа, в общем, выполнила поставленную задачу. К рассвету 19 апреля все британские войска успели отступить на юг от Лариссы.

18-19 апреля все 112 км дорога между Лариссой и Ламией были забиты единым бесконечным потоком британских машин, местами передвигавшимися, упершись носом в бампер или кормовую часть идущей впереди. Над ним висели бомбардировщики и пикировщики *Люфтваффе*, не встречавшие никакого сопротивления, так как к середине апреля немцы добились господства в воздухе. Как вспоминал Чарлз Робинсон, с наибольшей ненавистью люди относились к *Штукам – Ju-87*: «Ее дьявольский силуэт с закапотированными колесами неубирающихся шасси, которые напоминали лапы хищной птицы, а его странной формы крылья, снабженные воздушными тормозами, с помощью которых летчик контролировал пикирование, были похожи на маховые перья и какого-то монструозного создания из детских кошмаров. Вой ее сирены, когда она пикировала под прямым углом к земле, казалось, пронизывал твой мозг…»

Рядовой **Джек Дэниел (Jack Daniel)** из Батальона 2/6 вспоминает, казалось, бесконечную череду воздушных атак на транспортные колонны: «14.00 – Что ж, мы только что поднялись после лежания на пузе во время визита каких-то бомбардировщиков гуннов… Кажется, здесь мы находимся не в самом лучшем месте. Человек тут может натереть себе мозоли на брюхе от [постоянного] плюханья на землю в поисках укрытия.»

Сержант **Роберт Робертсон** (**Robert Robertson**) оставил мрачные воспоминания о том хаосе, который царил на дороге к югу от Лариссы и горных перевалах: «Никогда раньше я не видел такое количество самолетов и больше не захочу видеть это. Горные проходы между Лариссой и Ламией и Фермопильский перевал узкие, дорога была покрыта толстым слоем липкой грязи, по ее обочинам – горящие и перевернутые машины, мертвые лошади, мулы, овцы и коровы, греки, идущие пешком и едущие в фургонах, которые тащили за собой все виды механического транспорта и тяглового скота.»

Вспоминает рядовой **Невилл Бланделл** (**Neville Blundell**, на фото слева, участник боевых действий в Африке, Греции, Сирии и на Новой Гвинее), Батальон 2/3: «Мы передвигались на грузовиках … приходилось постоянно находиться в ожидании авианалета. Двое парней стояли за кабиной, [брезентовое] покрытие было откинуто назад, чтобы мы могли видеть, что происходит. Когда приближались самолеты, мы начинали колотить по крыше кабины, и водитель съезжал на обочину. Все спрыгивали и отбегали как можно дальше за тот отрезок времени, какой был доступен. Двоих парней ранило во время налета… Потом задача стала простой – не останавливаться. Мы ехали ночью и укрывались днем.»

В эти дни отступления и атак с воздуха старшие офицеры старались держать боевой настрой людей на высоте, находясь рядом с ними и разделяя все опасности с рядовыми солдатами. Люди видели, как генерал **Бернард Фрейберг** (правильно – Фрайберг, **Bernard Freyberg,** командир 2-й Новозеландской Дивизии), не обращая внимания на вражеский самолет, который вел по нему огонь, помогал разобраться с одной из транспортных пробок. Генерал Маккэй оставался на вне укрытий на виду у своих людей во время авианалетов. Как писал Гэвин Лонг, «каждый из них часто оказывался вместе с арьергардной бригадой в критические минуты.» Еще в одном случае, через пару дней, бригадир Вэйси (на фото слева) заметил нескольких

своих солдат, укрывавшихся от находившегося далеко немецких самолетов. Решительно настроенный на то, что атаки противника, атакующего без всякого противодействия, не должны подрывать у людей уверенность в себе, Вэйси подошел к ним и сказал: «Что вы здесь делаете?». Ему ответили: «*Штуки*, сэр.» - «Какие еще к черту *Штуки*? Все, что я вижу, это долбаные вороны!»

Действительно, атаки с воздуха оказывали деморализующее воздействие на австралийских солдат. В журнале боевых действий, который вел один из офицеров Военной Полиции можно прочесть следующее: «Дисциплина в частях 6-й Австралийской Дивизии существенно ухудшалась, когда проявляла активность вражеская авиация. Водители и пассажиры впадали в панику, когда в поле зрения были самолеты и бросали свои машины посреди дороги, а сами бежали в поисках укрытий … и оставались в них слишком долгое время без необходимости.»

Пока солдаты отступали под атаками немецкой авиации, жители окрестных городков и деревень погибали и теряли свои дома под бомбами. С самого начала кампании 6 апреля потоки беженцев устремились на юг, и вскоре ими были забиты такие города как Ларисса и Ламия. Вспоминает австралийский военный корреспондент **Кеннет Слессор** (**Kenneth Slessor**, 1901–1971, на фото слева):

«Некоторые шли пешком, некоторые ехали на истощавших лошадях и брели рядом с крохотными мулами, шатающимися под своим грузом. У каждого с собой было только то, что он мог завернуть в свое одеяло… Какая-то женщина со сморщенным лицом ехала верхом, придерживая двоих малышей, один из которых жевал печенье. Мужчина в потрепанной военной форме устало брел сбоку от нее. Рядом с ними два быка тащили за собой крытый фургон, в котором сидели две женщины в черных платках и с черными шалями, закрывавшими лицо. Это мог быть и похоронный фургон. Этим еще повезло, потому что многие женщины шли своим ходом, при этом на их покрытых синяками ногах были только мягкие войлочные шлепанцы.»

Ларисса после бомбежки…

18 апреля сержант **Лосон Юмен (Lawson Youman)** вел свою машину на юг. Проезжая через Ламию непосредственно перед авианалетом, он увидел сотни женщин и детей, стоявших вдоль обочин. Вскоре на город посыпались бомбы, и, как он вспоминал, могло показаться, что тот подлетает в воздух. Он знал, что многие мирные жители при этом гибнут или получают увечья. При этом гражданское население сохраняло хорошее отношение к британским солдатам. Юмен позднее оторвался от свой части и оказался в отчаянной ситуации: «Какие-то греки пустили меня к себе в дом, накормили яйцами и

постелили на полу, и я был счастлив тому, что у меня есть постель после такого дня и после того, как я едва уцелел. Я благодарю бога за то, что он оставил меня в целости и сохранности.»

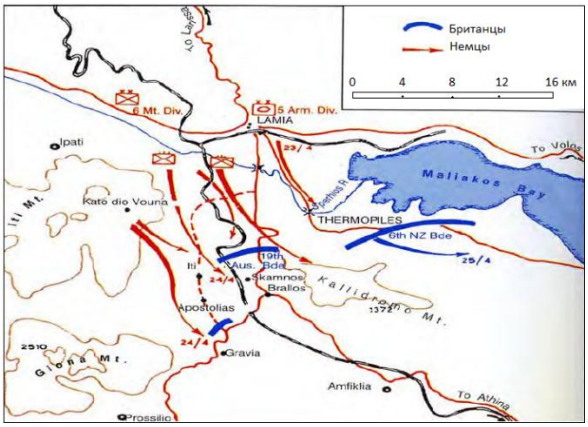
К концу дня 20 апреля 1041 года большинство британцев ужу было к югу от перевала Браллос и за новой, *Фермопильской Линией* обороны. Отступление прошло не без потерь в людях и технике. В ходе авианалета 19 апреля австралийские батальоны 2/6 и 2/11 потеряли 17 человек убитыми и 35 ранеными. Теперь, однако, перед немцами была труднопроходимая дорога, изрытая воронками.

Эвакуация. 20-29 апреля 1941 года

Мы были едва ли не последними британцами, которых они [греки] видели, и немцы, возможно, уже наступали нам на пятки, однако толпы приветствующих нас и аплодирующих нам людей стояли вдоль обочин вплотную к нашим машинам. Они бросали нам цветы, бежали рядом и кричали: Возвращайтесь – вы должны снова прийти сюда – до свидания, удачи!

Подполковник **Р. П. Уоллер (R. P. Waller)**, 1-я Бронетанковая Бригада

Между 20 и 22 апреля австралийцы, британцы и новозеландцы окапывались на *Фермопильской Линии* и ждали немецкого наступления через равнинную местность со стороны Ламии. Новозеландцы обороняли знаменитый Фермопильский проход, где спартанцы когда-то сражались с персами. К 1941 году этот участок местности уже не представлял из себя узкий коридор, как в древности. За почти 2 500 лет местная река вынесла на побережье большое количество отложений и отодвинула берег моря на 8 км от гор. Австралийцы заняли позиции на левом фланге оборонительной линии в районе перевала Браллос и на окрестных вершинах. На тот момент старшие офицеры, такие как генерал Маккэй, считали, что бой придется вести именно в районе Фермопильского прохода. Бригадир Вэйси в ответ на вопрос одного из его людей, что будет дальше, сказал просто: «Здесь, черт возьми, вы находитесь и здесь, черт возьми, стойте до конца! И если какой-нибудь долбаный немец проскочит между вашей точкой и следующей за вами, разверните свой долбаный *Брен* и стреляйте ему в задницу.»

Схематическая карта боевых действий на участке Браллос-Фермопилы 23-24 апреля 1941 года

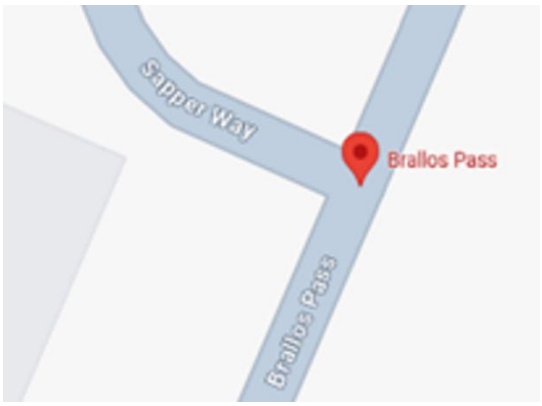
Эвакуация экспедиционных сил из Греции была сложным процессом. Прежде всего, в этот период времени постоянно шли арьергардные бои, в ходе которых силы прикрытия удерживали наступающих немцев, давая своим частям отходить в организованном порядке. Во-вторых, во время отступления к побережью имели место многочисленные драматические инциденты. В-третьих, сама погрузка на корабли и суда и последующие морские переходы были сопряжены со значительными опасностями.

Командующий британским Средиземноморским флотом, адмирал Каннингем (Andrew Cunningham), уже давно ждал эвакуацию и начал обдумывать ее тогда, когда было принято решение об отправке экспедиционных сил в Грецию. Между 24 и 29 апреля Средиземноморский флот и различные торговые суда вывезли 50 732 человека из приморских городов Рафина, Луца и Порто Рафти, расположенных к востоку от Афин, Мегара (к западу от Афин) и с пляжей в районе Нафплиона, Монемвассии и Каламаты полуострова Пелопоннес.

В ночь с 24 на 25 апреля эвакуация началась с вывоза более 12 000 британцев и новозеландцев из Порто Рафти и Нафплиона. Между 21 и 22 апреля арьергарды, сражавшиеся на перевале Браллос и *Фермопильской Линии* отразили атаку немцев со стороны Ламии. Вспоминает рядовой **Роналд Карри** (**Ronald Currie**, на фото слева), Батальон 2/7:

«Они [немцы] использовали Штуки, и было это преимущественно перед атакой. Где бы не имел место жесткий рейд Штук, ты уже знал: скоро будет атака… По мне так в то время немец был лучшим солдатом в мире, и он был вооружен лучше всех. Его артиллерия … я помню одну ночь на перевале Браллос, где мы держали оборону и были на вершине горы. Грунт вокруг был только скальный, и окопаться было невозможно, можно было только спрятаться за какой-нибудь глыбой. Это было наихудшим из того, что я когда-либо испытывал. Было слышно, как эти долбаные болванки [бомбы, снаряды] подлетали, как они свистели и как подрывались на этих чертовых голых камнях. Обломки летели во все стороны … просто чудо, что никого из нас не зацепило.»

В продолжавшихся четыре дня боях приняли участие две пушки Полка Полевой Артиллерии 2/2. Они были размещены на пологом участке обращенного на север склона и прикрывали ключевой мост через реку Сперхиос, дренирующую равнину между Ламией и Браллосом. В 18.00 21 апреля колонна немецких грузовиков появилась со стороны Ламии и стала приближаться к мосту. Австралийские артиллеристы открыли огонь и нанесли противнику ощутимые потери, вынудив его отступить обратно в Ламию. В ночь с 21 на 22 апреля с позиций австралийцев можно было разглядеть свет фар сотен немецких автомашин, спускающихся с гор в сторону Ламии, и утром 22-го артиллерия противника открыла огонь по обороняющимся. Весь день продолжалась артиллерийская дуэль, пока немецкие машины пересекали равнину. К 13.00 одна из пушек была выведена из строя. В это время лейтенант **Джон Эндерсон (John Anderson)**, командовавший артиллеристами, заметил, что вражеские пехотинцы выпрыгивают из грузовиков у подножия склона: противник нашел еще один путь на юг к перевалу Браллос, находившийся вне поля зрения австралийцев. Эндерсон и его люди подняли станины своей единственной пушки на край окопа и опустили ствол достаточно низко для того, чтобы иметь возможность вести огонь по немцам, находившимся под ними. В ходе перестрелок с немцами погибли шестеро артиллеристов и трое были тяжело ранены. Они продержались почти сутки. Историк Полка 2/2 писал: «Действия [артиллеристов], вне всякого сомнения, дали возможность Корпусу Anzac оперативно отступить. В адрес погибших артиллеристов можно повторить, перефразировав, слова царя Леонида: «Прохожий, иди и скажи жителям Мельбурна, что мы, лежащие здесь, пали с честью.»

Между 24-29 апреля экспедиционные силы постепенно перебрасывались на грузовиках к морю. Днем машины стояли, замаскированные камуфляжными сетями, в то время как люди укрывались в оливковых рощах. О том, каким был путь к морю, писала в своем письме

другу *сестра* Сильвия Дюк (**Sylvia Duke**, на фото слева), служившая в Австралийском Общем Госпитале/Australian General Hospital 2/6:

«Потом был кошмарный переезд через горы, сквозь черноту ночей с выключенными фарами… Парням приходилось расчищать дорогу от препятствий снова и снова, чтобы мы могли проехать. Мы объезжали на безумной скорости воронки от бомб на дорогах, круто скатывающихся к морю. По обе стороны были брошенные грузовики – это вызывало жуткое чувство повсеместного опустошения, и желанный свет дня не приносил никакого успокоения. Мы завтракали на обочинах консервированной говяжьей тушенкой и сухими галетами без вилок или ложек, а так, пальцами. Если в воздухе показывались вражеские самолеты, конвой останавливался, мы бросали грузовики и разбегались по засеянным ячменем полям в поисках укрытия, утыкаясь лицом в Матерь-Землю, обнимая ее и желая того, чтобы наши каски были побольше размером. Мы были в поле, там было рядом маленькое кладбище, и мы провели между надгробными камнями целый день. Софи, это был и вправду ужасный день, а впереди была ночь на то, чтобы закончить это кошмарное путешествие…»

Об эвакуации из Нафплиона **Лосон Юмен** сделал следующую запись в своем дневнике:

«Пройдя две мили, мы вышли на пляж – там была баржа, которая должна была перебросить нас на корабль, но опять наши надежды едва не улетучились. Баржа сидела на грунте у пляжа, и ее не могли сдвинуть с места… Около 03.30 (28 апреля) она снова была на плаву, и мы побрели к ней по пояс в воде. Когда она заполнилась людьми, мы отошли от берега в направлении корабля. Мы пересели на него – это был наш, австралийский крейсер *Perth*, и как нас встречали моряки! Каждому из нас дали по кружке горячего какао и галеты. Было видно, как менялись лица людей, когда они ступали на палубу, я чуть было не зарыдал от радости… думаю, моряки были столь же рады видеть нас, что и мы видеть их… Потом мы увидели Крит … и направились в залив Суда/Suda, где пересели на небольшой эсминец. Когда он отошел от борта крейсера, мы все запели «Потому что они – веселые и хорошие парни/For they are jolly good fellows», на всю гавань прогремело наше троекратное «ура» в их честь…»

В ходе эвакуации возникали непростые проблемы. Вспоминает подполковник **Элекс Шеппард (Alex Sheppard)**, руководивший эвакуацией с пляжа *D* в Порто Рафти:

«Толпы греческих солдат умоляли нас и шли на штурм, чтобы им тоже разрешили попасть на корабли, но для них просто не было места. В любом случае, был и риск, что среди них могут быть вражеские агенты. С момента прохождения через Афины нашим частям было необходимо оставаться начеку в связи с деятельностью пятой колонны. Военных полицейских для конвоя в ночь с 27 на 28 апреля не было, и пришлось полагаться на специальные дорожные знаки, указывающие на объезды и повороты. Стало известно, что между Афинами и побережьем практически каждый знак был повернут в неверном направлении. В других случаях самые настоящие греческие солдаты получили от своих офицеров приказы показывать нам неверные направления. Один греческий офицер стал рассказывать нам, что у него под началом 200 человек и что он хочет эвакуироваться с ними. При обыске у него нашли три пистолета и припрятанную огромную сумму денег, поэтому его тут же отправили на допрос. 29 апреля гражданский грек подошел к нам с просьбой сесть на каик вместе с грузившимися на него солдатами. Его также обыскали и обнаружили на нем большое количество аммонала… После этого мы его не видели. С ним приключился «несчастный случай» …»

Но и после выхода в море людей подстерегала опасность: в дневное время корабли и суда оказались под атаками пикирующих бомбардировщиков. Люди отбивались от них из всех

видов оружия, оказывавшихся под рукой, но иногда это не помогало. В 14.40 27 апреля две бомбы взорвались в воде по правому борту от голландского транспорта *Costa Rica* с 2 600 солдатами и офицерами, преимущественно австралийцами, на борту. К 16.10 судно ушло под воду, но моряки Королевского флота успели поднять на борт всех, кто оказался в воде.

В своем рапорте о том, как погибла *Costa Rica*, подполковник **Тео Уокер (Theo Walker**, 1900-1971**)**, командир Батальона 2/7, написал о том, как два британских эсминца - *Defender* и *Hereward* заняли позиции рядом с тонущим судном и приступили к спасению людей:

«На этой стадии … всех людей не могли разместить на палубах, и пришлось использовать проходы и каюты. Многие солдаты оказались на нижней палубе, стоя там в полной темноте, однако их поведение было образцовым: люди стояли молча… По правому борту корабли качало на волнах так, что они поднимались и опускались на 8-12 футов, и морякам приходилось сбрасывать вниз веревки, а потом людям приходилось спрыгивать на палубу… Моряки так работали, что их трудно перехвалить…»

Costa Rica кренится на правый борт после близкого разрыва авиабомб…

Ночью моряки перебрасывали воинские части на Крит. День 25 апреля – *День Анзаков* – не стал выходным для них. Вспоминает австралиец, старший матрос/able seaman **Пэтрик Бриджес (Patrick Bridges)**: «Отправились в залив Суда с другими кораблями, загруженными людьми. Немцы атаковали нас тяжелыми бомбами. Солдаты спали всюду и везде. Я не спал всю ночь. Встали у причала, чтобы выгрузить людей, снова прошли вдоль причала и отошли. Свалился и заснул как убитый.»

Вне всякого сомнения, австралийцы увезли с собой из Греции память о том, как греки встречали их и как провожали несмотря на то, что они потерпели поражение. После арьергардного боя, который отряд из состава Батальона 2/3 вел неподалеку от пляжей в районе Каламаты, солдаты проходили мимо дома, у двери которого стояла пожилая гречанка, с подносом, на котором был порезанный пирог и стаканы с *рециной* – местным вином. Вспоминает неизвестный австралийский солдат:

«Она предлагала все это проходившим мимо солдатам, и это глубоко тронуло нас. мы не могли понять то, что она говорила нам, когда она со слезами на глазах предлагала нам свои дары, но было ясно, что она имела в виду, и мы все говорили что-то вроде: «Не беспокойтесь, мамаша, мы вернемся и все будет как надо.»»

НОВОЗЕЛАНДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ О БОЯХ ЗА КРИТ

Сражение за Крит, получившее кодовое наименование операция Merkur, было крупнейшей за все годы ВМВ воздушно-десантной операцией, предпринятой германским командованием. Она началась 20 мая 1941 года с высадки немецких парашютистов на нескольких участках западной части острова Крит. Сомнения в том, что союзникам удастся отстоять Крит, присутствовали у командования силами Британского Содружества на острове еще до вторжения…

Перед вторжением

Генерал Бернард Фрейберг, командующий гарнизоном острова, вспоминал после войны:

«Людям нужно было дать понять, насколько напряженной является ситуация, в таком ключе, чтобы это подготовило их к битве, которая вот-вот должна была начаться. В то же время было важным не говорить того, чтоб могло бы раскрыть мои тягостные сомнения в отношении нашей способности удержать Крит. Всего пять человек на Крите в то время знали о том, насколько сложным было наше положение. Кроме меня это были генерал Вестон (Eric Weston, 1888-1950); мой начальник штаба, бригадир-генерал Стюарт (Stewart); мой личный помощник, капитан Джон Уйат (John White), который набирал мои радиограммы; и офицер-шифровальщик… Эти люди умели хранить секреты и держать свои сомнения при себе. Я надеюсь, что я вел себя по-солдатски и, внешне, выглядел как человек, который полностью уверен в себе в сложившейся ситуации.»

Схематическая карта боевых действий на Крите

***Джеффри Кокс (Geoffrey Cox)**, капитан, служивший в разведотделе Фрейберга, вспоминал:*

«Бригадир Харгест (James Hargest, 1891 – 12.08.1944, на фото справа, погиб в Нормандии) высказался накануне вторжения немцев: «Я не знаю, что ждет нас впереди. Я только знаю, что это вселяет в меня чувство, с которым я раньше на войне не сталкивался. Это не страх. Это что-то совсем другое, что-то, что я могу охарактеризовать как ужас.» Мне не нужно было спрашивать его, о чем он говорит. Я точно знал, что он имеет в виду. Это была реакция мыслящего человека, человека, храбрость которого была доказана [в прошлом], на экстраординарный феномен того периода войны, на мистику, на тайну, которые и в самом деле, казалось, окружали тот умопомрачительный успех немцев на полях сражений.

Мы стояли на пути военной машины, которая смела Польшу в считанные дни и разгромила Францию, находившийся в ней Британский Экспедиционный Корпус, Бельгию, Голландию

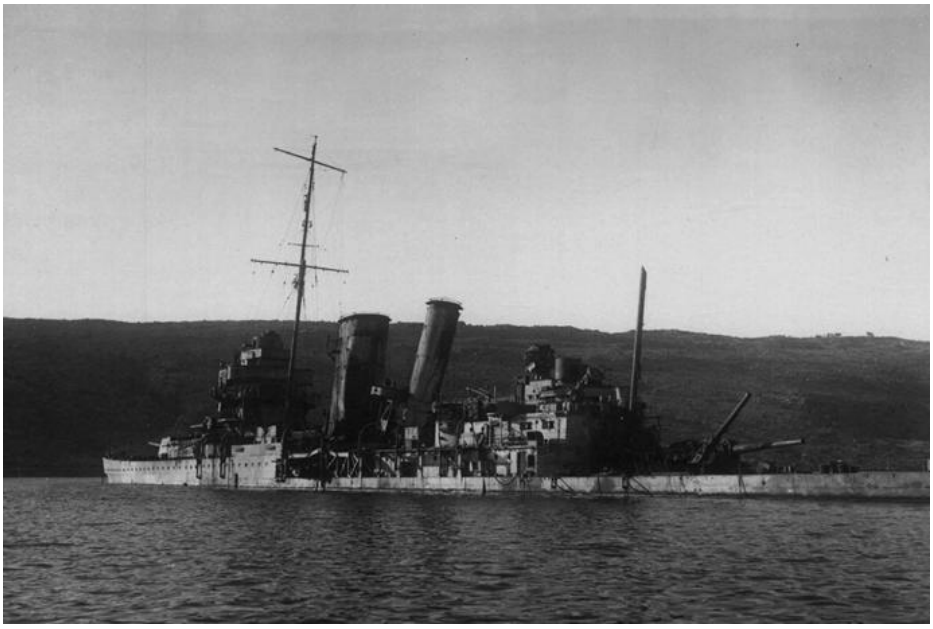
в считанные недели. Королевские ВВС и ВМФ остановили ее над водами Ла-Манша, но она повернула на юго-восток и пронеслась через Югославию и Грецию, словно лавина. В Западной Пустыне совсем немного немецких танков и ранее малоизвестный генерал по имени Эрвин Роммель понадобились для того, чтобы нанести поражение Британской Армии, которая за три месяца для этого разгромила итальянцев. Теперь, в этот вечер, за золотисто-голубым горизонтом эти же, казалось, неукротимые силы снова концентрировались, чтобы обрушиться на нас.»

***Джордж Артур Браун (George Arthur Brown)**, лейтенант из 20-го Батальона*

В конце апреля 1941 года он оказался в заливе Суда на борту эсминца *Kimberley*, когда остров начали прибывать части, эвакуированные из Греции. Первое, что он увидел, были…

«… мачта и труба крейсера *York*, потопленного немцами в заливе Суда. Полковник стоял на причале со своим адъютантом и полковым главным сержантом (Regimental Sergeant Major). Мы, офицеры, собрались вместе и позавтракали. Людям приказали собраться в определенном месте – туда вела единственная дорога. «Не торопитесь,» - сказал полковник. Это означало, что парням было разрешено заглянуть в бары. Я отправился в выбранный мною уголок, туда, где росли деревья и тек ручей, разделся, постирался, разложил свою форму для просушки, потом снова одел. У нас не было инструмента для рытья окопов, но мы сменяли батальон Валлийского/Welsh Полка, который провел на острове шесть месяцев и оставил незаконченные траншеи.

Крейсер York, потопленный в заливе Суда. Он был поврежден итальянскими подрывными катерами 26 марта 1941 года, а 18 мая получил тяжелые повреждения в результате атаки немецких бомбардировщиков. 22 мая его орудия главного калибра были взорваны британцами…

Мы стали окапываться дальше и рыли тем, что смогли найти. Из кормежки у нас были только консервированные мясо и овощи. Я как-то отобрал пару ребят и сказал им: «Мы отправимся в Ханью и посмотрим, нельзя ли там раздобыть какой-нибудь еды.» Пошли туда, купили, что было доступно, и один из парней сказал мне: «Сэр, вы не против того, чтобы отправиться назад без нас?» Я ответил: «Это почему?», и они сказали: «Ну, скоро начнутся бои, и мы хотели бы заглянуть в бордель.» Я отпустил их, один из них не вернулся: его убили...

Мы были в расположении штаба Дивизии, когда начался настоящий авианалет. На острове была всего пара *Харрикейнов*, которые иногда сбивали случайные немецкие самолеты, но

долго они не протянули. Немцы сконцентрировали свои усилия на береговых объектах в заливе Суда: в нем был единственный порт, через который к нам прибывали грузы. Небо затянул плотный черный дым от горящих нефтехранилищ…»

Рекс Томпсон (Rex Thompson), *водитель из Корпуса Армейского Обслуживания/Army Service Corps:*

«На Крите было какое-то количество автомашин, не очень много, и это было все. Они должны были снабжать аэродром Малеме и батальоны, окопавшиеся вокруг него. Немцы время от времени бомбили Ханью, главный город в окрестностях. Дело было, должно быть, 14 или 15 мая, когда они навалились по-настоящему и бомбили целый день. Они бомбили город и гавань, но несмотря на шум и пыль наши потери были незначительными.»

Брюс Смит (Bruce Smith), *25-я Артиллерийская Батарея*:

«В заливе Суда было много судов, которые немцы бомбили часто и, в реальности, неэффективно. Мы сошли на берег, и нам приказали отойти на какое-то расстояние от залива, туда, где было место приема [прибывающих войск]. Там нам дали какую-то простенькую еду, консервированную говядину и галеты, и сказали найти себе место для ночлега. Вещей у нас собой не было, было только то, что на нас. У некоторых имелись шинели, у других их не было, но, по счастью, погода не была настолько холодной.

Утром нас построили, и те из нас, у кого были винтовки, были отделены от остальных, собраны в группы по 8-12 человек, обычно с шестью винтовками на каждую группу. Командовать нами назначили бомбардира *(звание, эквивалентное званию младшего капрала, но находящегося в резерве – ВК)*, нам приказали маршировать дальше на юг, пока нас не нагонит вестовой или проводник, который отведет нас на участок, который мы должны будем оборонять. Мы шли весь день и часть ночи, после чего добрались до небольшого оврага, расположенного недалеко от моря, в котором нам сказали располагаться лагерем. 4-5 артиллеристов должны были стоять в карауле с винтовками под рукой, меняя друг друга каждые четыре часа. Предполагалось, что мы будем ждать вторжения с моря или с неба, и так продолжалось три или четыре дня. Ничего особенного не происходило, разве что кто-то приехал на раздолбанной машине и дал нам немного побольше продуктов и воды…»

Ричард Кин (Richard Kean), *сержант-артиллерист, также прибыл в залив Суда:*

«Нам приказали маршировать по дороге, и каждый раз, когда мы останавливались и спрашивали: «Как далеко нам еще идти?», нам говорили: «О, осталась лишь пара миль.» В итоге нам сказали, что лагеря еще 10 миль. Ну, прошли мы 10 миль и остановились. Было довольно холодно, но я сумел раздобыть одеяло, а еще один малый – плащ-палатку. Мы выкопали штыком окопчик, забрались в него, постелили плащ-палатку на землю, накрылись одеялом и заснули. Так мы жили какое-то время, потом дела пошли получше: нам стали давать побольше еды, потом нас рассортировали, и мы оказались вместе с вооруженными парнями, остающимися на острове, — это были ребята с винтовками, у меня был револьвер калибра .45, так что меня классифицировали как вооруженного военнослужащего.

Из нас сделали пехоту, и я стал старшим сержантом роты (Company Sergeant Major) с четырьмя отделениями под началом. В отделения входили пехотинцы, водители и артиллеристы, у которых нашлись винтовки, и парни из Корпуса Армейского Обслуживания. Мы перемещались туда-сюда, тянули провода, старались сделать что-нибудь полезное. Я подружился с владельцем гостиницы в деревне Галатас. Вставали мы в 5 утра, грелись стопками случайной выпивки.»

***Александер Роджерс (Alexander Rogers)**, сапер*:

«У нас не было боеприпасов, не было оружия, ничего вообще не было. Со временем мы умудрились подобрать себе случайные винтовки со случайными боеприпасами, кто-то нашел даже пулеметы. Артиллерийские позиции были недалеко от нас. Мы располагались в районе [аэродрома] Малеме.»

Кит Ньют (Keith Newth), капрал-связист, после долгого марша присоединился к 20-му Батальону, стоявшему лагерем:

«Я нашел оборудование для связи, мы окопались и разместились. Потом, с рассветом и еще час после него мы все были во внимании, ожидая парашютистов, которые, как мы знали, могли появиться в любую минуту. Полковник Киппенбергер (Howard Kippenberger, командир 20-го Батальона) послал кого-то в Египет, чтобы там побеспокоились о том, как нас развлечь, прислали игральные карты и т.д. Из Каира к нам отправили новозеландский оркестр. Эти парни как-то в воскресенье давали концерт после полудня, и тут неожиданно появилась группа самолетов. Мы подумали было, что это наши, но в следующую минуту они начали с воем пикировать на нас. Это была эскадрилья Штук. Можете себе представить: музыкальные инструменты полетели в одну сторону, а эти парни в другую.

Так мы в первый раз ощутили вкус того, что значит быть целью для этих Штук с сиренами на борту. Слышать этот вой было ужасно. Потом мы отправились в наш основной лагерь в Галатасе, который был довольно большой деревней. Там я разместил свою станцию связи, а Киппи занял самый большой дом в деревне. Это было большое белое здание, так что в нем он и разместил свой штаб. Помню, что в подвале этого здания стали 20 или 30 здоровенных винных бочек, в каждой литров по 600-700, по меньшей мере. Ну, некоторые парни испытывали повышенную тягу к вину, так что Киппи приказал все их пробить, чтобы из них все вытекло. С нашей точки зрения, это было кощунством, но, само собой, сделать это было необходимо.»

Ханья после немецких бомбардировок

Вторжение

Непосредственно перед вторжением немецкая авиация атаковала район аэродрома Малеме. Расчеты зениток Бофорс/Bofors, осмелившиеся открыть огонь, были загнаны в укрытия жесточайшей и непрерывной бомбежкой и обстрелами. Вспоминает майор ***Хауэлл*** *(squadron leader **Howell**):*

«Земля под нами ходила ходуном словно желе. Наши глаза и рты были забиты песком, нас трясло до такой степени, что стали шататься зубы, и мы уже едва могли что-то разглядеть. Вокруг нас падали комья земли, стенки траншей рушились. Мы потеряли счет времени…»

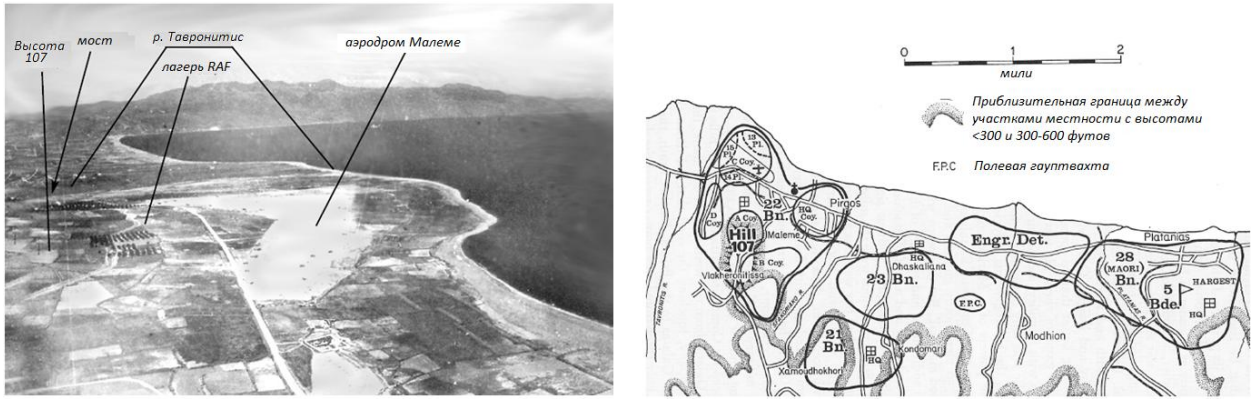
Лесли Эндрю *(**Leslie Andrew**, 1897-1969, подполковник командир 22-го Батальона) написал в своем рапорте*:

«Эта бомбардировка была наиболее интенсивной, а размер бомб был таким, что артобстрелы на Сомме в 1916 году, на [возвышенности] Мессин в 1917-м и при Пашендале были [по сравнению с этим] просто пикником. Я не хотел бы испытать что-то похожее еще раз…

На район аэродрома было сброшено около 3 000 бомб, которые уничтожили все линии связи. В рапорте 22-го Батальона говорилось следующее: «Люди были ослеплены и потеряли дар речи, кровь у них шла изо ртов и ушей.» 20 мая, после интенсивной бомбежки, немцы приступили к высадке воздушного десанта на парашютах и планерах близ Малеме.»

Вспоминает **Джордж Браун**:

«Утро вторжения. Мы только что закончили завтрак, думаю, я собирался побриться, когда появились первые бомбардировщики. Мы понесли кое-какие потери. Потом мы заняли позиции, но в нашем секторе не было парашютистов: они сконцентрировали свои усилия в районе аэродрома Малеме. На острове было три аэродрома. Дальше к востоку за еще двумя присматривали австралийцы, а наше задачей, главным образом, новозеландцев, была оборона Малеме. Вокруг аэродрома занимала позиции наша 5-я Бригада, но нужно помнить, что у нас не было трех полных бригад, - у нас их было только две, а остальные силы отправились прямиком из Греции в Египет. Генерал сформировал сводные батальоны из критян, греков, с бору по сосенке. Мы лишились нашего ротного командира и его заместителя. Ротный ушел командовать сводным батальоном греков и позднее погиб, а его зам стал командовать другой ротой нашего батальона.

Слева – вид на аэродром Малеме с востока на запад; справа – карта местности с участками размещения новозеландских частей

Наступило момент, когда нам приказали контратаковать аэродром Малеме. Там был такой участок - речная долина к западу от аэродрома, который, по сути дела, никто не оборонял, и немцы приземлили там планеры и сбросили на него парашютистов. Полагаю, там случилось жуткое побоище. Нас должны были заменить в дивизионном резерве батальоном австралийцев, но они, однако, прибыли с опозданием, при этом имелся приказ

генерала Фрейберга о том, что мы не должны сниматься с места, пока нас не заменят. В море мы видели вспышки орудийных выстрелов и лучи прожекторов и знали, что наш флот разбирается с морским десантом, присланным немцами, и что Фрейберг опасается его высадки и атаки на позиции Дивизии, так что мы должны были оставаться на месте.

Позднее, уже в лагере для военнопленных, я разговаривал с полковником об австралийском батальоне, и он утверждал, что тот попал под бомбежку на пути к нам (это при том, что ночью немцы не бомбили) и что по прибытии в Ханью австралийцы заблудились. Я не помню, когда они начали подходить нам на смену, но помню, что опоздание измерялось в часах. Наш полковник, Джим Барроуз (Jim Burrows), проигнорировал инструкции Фрейберга и отправил на стартовый рубеж для атаки две роты. Туда вела одна дорога, она была забита гражданскими лицами и возвращавшимися в тыл ранеными. В нашей роте было трое офицеров: Денвер Фаунтен (Denver Fountain) командовал взводом (он же исполнял обязанности комроты), я командовал взводом (и исполнял обязанности замкомроты), 3-м Взводом командовал Чарли Апэм (Charles Upham, 1908-1994, на фото слева, награжден Крестом Виктории за храбрость, проявленную на Крите и в северной Африке). Денвер пошел к бригадиру Харгесту, в штаб 5-й Бригады. Я подождал его, а когда он появился, спросил: «Что происходит?» Он ответил: «Джордж, ты знаешь столько же, сколько и я.»

Итак, мы заняли позиции на стартовом рубеже. Должно быть, немцы знали, что мы там: они вели по нам очень плотный пулеметный огонь, но с криками мы ринулись вперед, продвинулись далеко вперед и уничтожили их пулеметное гнездо. К этому времени рассвело, над головой были немецкие бомбардировщики, там же были их истребители, и они дали нам шороху. Думаю, мы вышли к краю аэродрома, и я был ранен и вышел из игры. Комья грязи летели во все стороны, а я лежал на земле. Думаю, я сам перевязал себе колено, тут появились Чарли Апэм и его водитель Паттерсон (Patterson). Я сказал им убираться куда подальше, опасаясь, что и их зацепит, но они ушли, а потом притащили дверь какого-то разрушенного здания и положили меня на нее. Потом пришли еще парни, и они оттащили меня в безопасное место. Я оказался на перевязочном пункте 23-го Батальона, там находились падре Гриффитс (Griffiths) и доктор, капитан Рон Стюарт (Ron Stewart).

Новозеландцы на Крите на оборонительной позиции

Там у них было несколько раненых немцев, способных ходить. Меня и еще одного парня разместили в русле сухого ручья глубиной 10-12 футов – медики вырыли в его бортах ниши, в которые положили меня и одного парня из Роты *B*, у которого было ранение в грудь. Утром уто-то пришел и заговорил с ним, он поднялся, и я спросил: «Что происходит?» Тот ответил: «Не имею права говорить вам.» Тут появился падре и сказал: «Что ж, идет эвакуация, мы отступаем, и ходячие раненые должны сами выбираться отсюда.» Ну, я сказал, чтобы мне дали трость, но тут же свалился.

Потом, когда наши части ушли, и мы попали под минометный огонь немцев, раненый немец, взобрался на верхнюю бровку долины и стал размахивать белым флагом. Минометный обстрел закончился, и нас взяли в плен. Я все еще лежал на двери – меня вытащили на солнце. Не думаю. что у нас оставались какая-нибудь еда или вода. Потом нас перетащили на полковой перевязочный пункт, находившийся на краю аэродрома… Там меня заново перевязали и вынесли из здания, все еще на той самой двери...

Британцы сдаются в плен. Крит, 1941

Не помню, сколько времени мы провели там. Потом прошел слух, что нас должны отвезти в аэропорт, чтобы оттуда доставить в Афины, и я сказал: «Оставьте меня здесь и заберите других.» Они на это согласились, и тут появилась пара бомбардировщиков Бленхейм/Blenheim, которые хорошо отбомбились по аэродрому. Через день или около того пришла моя очередь и тех, кто пока оставался здесь. Я все еще лежал на двери, на самой жаре, когда подошел немецкий офицер, увидел мои знаки различия, дал мне сигарету и зажег ее. Я выкурил половину, когда он приказал загрузить нас на борт самолета, отбывавшего в Афины…»

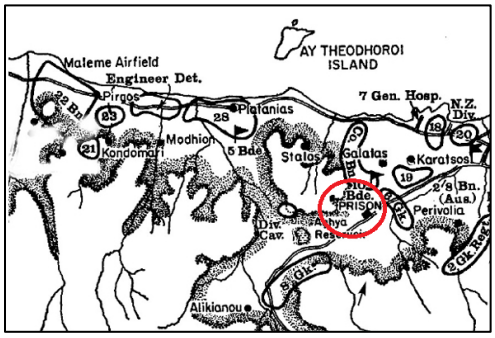
Кит Ньют

«Мы были в боевой готовности каждое утро, пока в небе не появились *Ju-52* со своими парашютистами. Многие из них тащили за собой один или два планера. Мы находились на склоне холма и наблюдали за ними, много немецких парней было убито тогда, когда они спускались на землю. Были планеры, которые грохнулись в оливковые рощи, немало людей при этом погибло, но очень многие из немцев выжили. Потом они заняли дно долины – участки, где приземлялись. В этой долине находилась тюрьма, и первым делом они открыли ее двери и выпустили заключенных на волю. Мы сделали все возможное, чтобы остановит немцев, но они превосходили нас в численности, и из-за этого они одолели нас в Галатасе, в результате чего нам пришлось оставить деревню. Затем мы стали отступать к Ханье – эти события я никогда не забуду. Мы оказались вместе с батальоном маори, командовал нами капитан Лав (Love). *Джерри* заняли позицию вдоль длинной полосы, а за оградой расположились их пулеметчики. Маори пошли в штыковую атаку со своими воинственными криками, смяли немцев и перебили их. Мы шли вслед за ними и набрели на одного паренька-маори. Его грудь была разворочена, было видно, как работают его

легкие. Его товарищи не хотели бросать его. У него не было шансов на выживание, но они не ушли, пока он не умер.»

Группы парашютистов приземлялись на участке, контролируемом 28-м Батальоном (Маори) в 2-3 милях восточнее Малеме. Капитан Турейа (Tureia) получил приказ атаковать их силами двух взводов из Роты *D*. Из истории батальона:

«К моменту, когда они подошли на 500-600 ярдов к цели, над участком плотно зависли несколько самолетов, которые делали круги и обстреливали [новозеландцев], но маори продолжали вести огонь и продвигаться так, как они практиковались в Англии. Немцы были разбиты на двойки и тройки, и после того, как семь или восемь из них были убиты, двое офицеров и восемь рядовых сдались в плен. Маори потеряли двоих легкораненными и были довольны тем, … что им удалось отомстить за своих, убитых в Греции.»

Десантники на парашютах и планерах высадились и в 4-5 милях восточнее Малеме, в *Тюремной Долине/Prison Valley* (см. карту на врезке слева). Из письма подполковника **Джона Грея** (**John Gray**, на фото справа, погиб 5 июля 1942 года в Ливии), командира 18-го Батальона:

«Я увидел парашютиста, повисшего на дереве, и заметил какое-то движение слева от него. Быстро выстрелил в него из своей винтовки: у каждого офицера в батальоне была винтовка. Потом, продвигаясь вперед очень тихо, но быстро к парашюту, я оглянулся, и увидел гунна, лежавшего на земле рядом с раскрашенным в веселые тона контейнером, прикрепленным к парашюту. Немец сдвинулся с места, и я сразу пристрелил его, после чего осторожно пошел вперед от укрытия к укрытию.

Я выстрелил в еще одного, прятавшегося за деревом, и ранил его. Он был сильно испуган, но я сказал ему, чтобы он лежал тихо и что за ним присмотрят. Забрал у него пистолет и отдал его Дику Филлипсу (Dick Phillips), который шел сразу правее меня. Как только я отдал его ему, ему прострелили колено. Двое гуннов ярдах в 30 от меня прятались за деревом и вели по нам обоим огонь. Два точных выстрела уложили их обоих. Вокруг свистело множество пуль, но времени на то, чтобы беспокоиться об этом. не было. Я увидел Джорджа Эндрюса (George Andrews), сидевшего на земле и целившегося в какие-то кактусовые заросли позади нас. «Осторожнее, Джордж, - сказал ему я, - ты так можешь попасть в одного из наших парней.» - «Ни черта, бояться нечего, это гунн, - сказал он и выстрелил. – Готово…»»

Согласно Журналу Боевых Действий батальона, к 10 утра его участок был зачищен от противника: «Убитые парашютисты были повсюду: некоторые все в ремнях, свисая в диковинных позах с оливковых деревьев…» Водитель **Билл Карсон (Bill Carson)** рассказывает о том, что отбирали у пленных:

«У нашего первого военнопленного был пистолет и три гранаты, когда он приземлился. Они выбирались из-под парашютов с молниеносной скоростью. В их флягах был очень крепкий кофе. У каждого из них были [пищевые] рационы на два дня, в них входила колбаса, хлеб в обертке, который был весьма свежим, сухофрукты и две плитки молочного шоколада. У каждого было по два кубика допинга, вероятно, что-то вроде витаминного концентрата, и, попробовав эту штуку, наши парни очень и очень взбодрились…»

***Стэн Джонсон (Stan Johnson)**, командир Роты С 22-го Батальона*:

«У нас было полно оружия в отличие от того, что вы можете иногда услышать. Мы располагали пулеметами, снятыми с крыльев самолетов и установленными на сошки вокруг аэродрома, и много, очень много боеприпасов. Именно поэтому новозеландцы убили столь много немцев. С нашими пистолетами мы бы этого не смогли сделать. Мы не были достаточно сильны по сравнению с немцами, когда отступали из Греции – они были очень мощными в то время, но и мы хорошо себя зарекомендовали. Мы не считали, что были проигравшей стороной. Малеме было превосходным шоу.»

***Стэнли Джервис (Stanley Jervis)**, лейтенант, Добровольческий Резерв Королевского Флота/Royal Naval Volunteer Reserve – RNVR. Проходил службу на эскортном корабле:*

«Мы были в патруле совсем недалеко от Ханьи и при дневном свете наблюдали за тем, как протекает вторжение. Это было довольно захватывающее зрелище, поскольку утро были тихим, и, казалось, все небо было заполнено разноцветными шарами – это были парашюты. Они раскрашивали всевозможными цветами парашюты, используемые для разных целей: различные цвета обозначали разные виды боеприпасов, провианта и всего прочего… Мы заняли боевые посты, потому поступило сообщение о приближении самолетов. Я стоял, управлял кораблем и спросил у моряка: «Сколько всего самолетов?» Он глянул через плечо и ответил: «Четыре.» Мы повернули в их сторону, чтобы открыть огонь, и тогда самолеты отвернули. В тот момент стало очевидно, что происходит что-то еще и мы им неинтересны. Затем ко мне подошел связист и сказал: «Сэр, я потерял им счет – дошел до 261.» Тогда мы продолжили свой патруль…»

Рекс Томпсон вспоминает, как после новых бомбежек небо заполнили самолеты, тянущие за собою планеры:

«Они [планеры] были на буксире, иногда по нескольку за каждым самолетом. Они спускались довольно бесшумно и приземлялись, но с ними разбирались довольно решительно, если только пилотам не удавалось увернуться [от огня] или сесть где-нибудь подальше. А потом появились парашютисты: они сидели в *Ju-52*, где-то по 30 человек в каждом самолете. Они выпрыгивали на очень, очень малой высоте, вероятно, до земли было 100-150 футов. У довольно многих из них парашюты запутывались в хвостовом оперении, после чего они зависали, а остальные оказывались под огнем и представляли из себя сидящих уток в течение тех 10-12 секунд, которые они находились в воздухе.

В районе аэродрома Малеме у наших парней были пушки Бофорс и другая артиллерия, и из-за их огня у немцев началась полная неразбериха. В итоге немецкие летчики стали сажать свои машины вдоль пляжа, сажать на брюхо, но со временем они высадили десант ценой потери около 200 самолетов. Далее одно следовало из другого, становилось все горячей, и нам пришлось отступить. Наши дела после шести дней боев пошли плохо. Не забывайте, мы были небоевой частью, и, пока шли бои, мы пытались подвозить грузы сражающимся, но, по сути дела, их почти не было. Нас отправили вверх по долине, на участок между аэродромом и Ханьей, думаю, нас было человек 60 и при себе всего пара штыков. По счастью, мы ни на кого не наткнулись…»

Брюс Смит

Когда начали приземляться парашютисты, Смит был не на посту:

«Оружия у меня не было, так что пятеро или шестеро таких как я или не входивших в пушечные расчеты получили приказ отправляться туда, откуда пришли, что мы и сделали. Думаю, у нас это заняло пару дней. Не имея провианта, мы сильно ослабли, и силы наши были на исходе. Так или иначе, мы добрались до залива Суда. Там мы проболтались еще пару дней, нас бомбили и обстреливали самолеты, а потом в поздние послеполуденные часы нам сказали подготовиться к посадке на судно, которое должно подойти к одному из

причалов. Так оно и случилось, и мы оказались на борту норвежского лесовоза, который назывался *Belray*. Мы все находились на палубе: на нем не было кают или каких-нибудь жилых помещений. Мы перешли на западную сторону залива Суда, и стоянка там оказалась спокойной. Все это время находившиеся там суда были под бомбами и обстрелом с воздуха, но нас никто не тронул, и мы так и не поняли почему… Нам сказали, что вечером атаки воздуха, вероятно, прекратятся: немцы не очень любили работать по ночам. Наступила темнота, наше судно подняло якорь, и мы взяли курс на Александрию…»

Британцы по прибытии с Крита в Александрию…

Ричард Кин

«Утром высадились парашютисты. Это было грандиозное, но при этом довольно жуткое зрелище. Оно напомнило мне сезон охоты на уток… Мы сумели перестрелять многих из них, пока они спускались на землю, но их было слишком много. Потом мы разбились на два отделения, и лейтенант Джон Дилл (John Dill), племянник генерала Джона Дилла и отличный парень, взяли под команду по одному из них и приступили к патрулированию местных оврагов и оливковых рощ, намереваясь отловить оказавшихся рядом парашютистов.

Позднее я перевел свое отделение через дорогу – тюремную дорогу, ведущую от находившейся в долине тюрьмы к деревне Галатас. По одну сторону дороги стояло множество пчелиных ульев, а подальше, напротив них, находился [вражеский] пулемет, который вел огонь и беспокоил пчел, что вызывало раздражение у части моих людей. Как-то вечером пришел Джон Дилл и сказал: «Мы разберемся с ним: у меня есть противотанковое ружье.» Мы знали примерное направление, котором находился этот пулемет, и он сказал мне: «Ты встань и зажги сигарету.» Я ему: «Вы шутите, дружище.» Однако я поднялся, закурил сигарету и тут же оперативно залег. К моменту, когда я припал к земле, надо мной пронеслись пулеметные очереди. Джон говорит: «Думаю, я засек его – сделайте это еще раз,» так что шоу повторилось, после чего он сказал: «Хорошо, теперь точно знаю», и выпустил в него пять патронов, после чего мы больше ни разу не слышали ничего оттуда.

Потом стало потяжелее, заговорил пулемет, стоявший где-то напротив нас, что немного давило на психику, так что я выбрался из окопа и заполз за оливковое дерево. При себе у меня была винтовка со штыком и два подсумка с патронами. Вокруг валялось множество винтовок. Я разглядел тень от стоявшего немецкого солдата, сделал по ему пять выстрелов, после чего он упал. Потом я рассчитал, где должен сидеть еще один немец за своим пулеметом и выпустил по нему пять патронов. Вместо того, чтобы сразу запрыгнуть обратно в окоп, я остался сидеть за деревом, ожидая, что появится кто-нибудь еще, чтобы занять место за пулеметом. Но, к сожалению, они тоже засекли мою позицию и обстреляли ее из минометов. На земле лежала шинель Джона Дилла, и одна из мин упала на нее, прямо мне под ноги. Меня осыпало землей, один парень был ранен и запаниковал, так что я отправил его на перевязочный пункт в сопровождении другого парня. И тут я сообразил,

что остался сам по себе. Я также понял, что сам ранен, и что в моих башмаках хлюпает, когда я пытаюсь встать. Посмотрел вниз, и увидел дыру ощутимого размера у себя в голени.

У меня под рукой было множество самодельных бомб, вмещавших от 4 до 16 динамитных шашек, и большая сигара. Я должен был, при приближении идущих по дороге немецких танков, зажечь сигару, раскурить ее и, зажигая ею [огнепроводные] шнуры, швырять в них бомбы. Но меня больше беспокоило то, как бы осколки не попали в бомбы и не подорвали их, пока они еще лежат рядом со мной. Так или иначе, я понял, что ранен, и ушел на перевязочный пункт, находившийся неподалеку, но он снялся с места. Правда, я набрел на Джона Дилла, лежавшего там: он был ранен разрывной пулей. Я был сильно не в себе к этому моменту: на меня подействовал разрыв мины, и я чувствовал себя так, будто выпил. Однако я помнил, что на нашей позиции осталась старая пушка, и возле нее должен был находиться расчет. У ней была поломка, потом она была отремонтирована, но никаких признаков расчета на месте не оказалось. Я немного побродил рядом с ней и увидел пару ног, торчавших их ствола оливкового дерева с пустой сердцевиной, поэтому просунул туда ствол своей винтовки и сказал: «Вылезай оттуда.» Это был артиллерист, англичанин, который, как оказалось, был крепко пьян. Потом нашелся раненый офицер, очень неплохой малый, но остальные нашли себе укрытия и вовсе не желали воевать. Я собрал их вместе, нашел среди них сержанта и сказал ему: «Там лежит офицер, снимите откуда-нибудь дверь или что-то в этом роде и отнесите его на полковой перевязочный пункт. Убедитесь в том, что это сделано. Если что не так, я буду искать вас столько, сколько вам осталось жить. Позднее я узнал, что парням перед этим пришлось очень тяжко, но это не было оправданием нежелания выполнять свой долг и неспособности держаться вместе нужным образом.

Потом я, наконец, добрался до перевязочного пункта и встретил парня, одного из пулеметчиков, которого знал еще по гражданке – он тоже был ранен осколками мины. Он мог ходить вполне прилично. Пришел санитар, дал нам чаю и сказал: «Здесь все сильно заняты, в четырех милях по дороге есть еще один перевязочный пункт, если хотите, идите туда.» Этот парень, Джим, и я выпили еще по чашке чаю, перекурили и тронулись в путь. Вместо четырех миль мы прошли 11, но дошли до места. Через час после того, как мы ушли с того перевязочного пункта, там появились немцы, и те, кто был там, попали в плен.»

Хэддон Доналд (**Haddon Donald,** 1917-2018) лейтенант, 22-й Батальон, один из защитников аэродрома Малеме, позднее участник боев в Северной Африке и Италии. В нижеприведенном интервью, взятом историком Меган Хатчинг (Megan Hutching), он рассказывает о событиях 20 мая и об обреченной на неудачу контратаке на позиции немцев в долине реки Тавронитис:

Что происходило на аэродроме на этой стадии боев?

У нас было несколько пулеметов, немного артиллерии. Я не думаю, что это были 25-фунтовки, полагаю, это были старые французские пушки, которые наши артиллеристы вернули в строй и из которых обстреливали аэродром, не давая гуннам приземляться. Самолеты гуннов делали круги над местностью все это время. Они не пытались приземлиться, поскольку это было опасно, поэтому они снова и снова уходили. Был уже довольно поздний вечер, когда стали подлетать первые немецкие самолеты, которые пытались приземлиться. Была моя очередь сидеть за пулеметом *Браунинг/Browning*, который мы сняли со сбитого Харрикейна и установили на какую-то левую треногу. Появился первый немецкий самолет, который, по всей видимости, собирался приземлиться, и я подбил его из этого *Браунинга* – он сел на брюхо на дальнем конце поля. Я был очень и очень этим доволен. Остальные отвернули и улетели. Так что в тот вечер ни один из них не приземлился, но они нахлынули на следующее утро, когда мы отступили.

Вы говорили, что приняли участие в контратаке – той бесплодной контратаке [20 мая], поддержанной парой танков…

В батальоне было два британских пехотных танка. Это были *Матильды* с довольно толстой броней. Они были немного неуклюжими и вооружены лишь маленькими двухфунтовыми пушками, но на них был хороший пулемет, а благодаря толстой броне его было довольно трудно подбить. Это были вполне приличные машины, но позднее выяснилось, что они были, на самом деле, неэффективными. Они подчинялись (под)полковнику Эндрю, а ситуация становилась отчаянной в поздние послеполуденные часы. Он не смог получить какую-либо помощь из бригады и решил самостоятельно предпринять мелкомасштабную контратаку силами моего взвода и двух танков. Она была обречена на провал до того, как началась. Так или иначе, Джонни Джонсон (Johnny Johnson, вероятно, комроты) отдал мне приказ. Когда он отдавал приказы – он только что закончил – по дороге, напротив нас, прогрохотали оба этих танка. Мой взвод, в котором было около 28 парней, должен был идти вперед с танками и прикрывать их, но мы с ними [танкистами] не переговорили и ничего не запланировали. Поэтому я собрал свой взвод, собрал подофицеров в небольшую группу, и мы побежали к этим танкам и рассказали экипажам, что будем делать. Одно отделение должно было наступать справа от дороги, другое слева, еще одно – по самой дороге. Мы должны были двигаться вперед вместе с танками, прикрывая их.

Все это было безнадежно, потому что происходило при свете дня. Это было так, как будто шла Первая Мировая война – через бруствер и вперед. Но мы должны были делать то, что нам приказали. Итак, первый танк тронулся вперед по дороге, под обстрелом со всех сторон, но, в любом случае, неуязвимый для ружейно-пулеметного огня. Танкисты добрались до моста на западном краю аэродрома. Мы могли разглядеть их машину на дне долины – они вели огонь из пулемета, но не из своей двухфунтовки, от которой, вообще-то, было мало толку. Через какое-то время они увязли, и мы увидели, как они выбрались из танка и сдались немцам. Мы насчитали там, в какой-то момент, 200 немцев, а у меня был взвод из 28 или около того человек, включая шестерых или восьмерых британцев, присоединившихся к нам, так что мы знали, что шансов у нас нет. Так сдался немцам первый танк.

Мы вообще не сумели догнать танки. Попытались, но оказались под огнем и понесли большие потери. Думаю, не получили ранения или не были убиты человек восемь из 28. На дороге появился второй танк. Нас учили так, что, если ты хочешь вступить в контакт с экипажем Матильды, нажми на звонок, который у нее был сзади. Я забрался на танк и нажал на него. Никакой реакции, так что я перебрался на его переднюю часть и стал махать руками напротив смотровой щели: у него была узкая застекленная смотровая щель. Башенный люк танка медленно открылся, командир экипажа высунул головы из башни и сказал, что в нее попал противотанковый снаряд и они не могут ее повернуть. Я разглядел, куда попал снаряд: погон башни был разорван, оттуда торчали рваные куски стали. По этой причине он решил выйти из боя. Я посадил на танк несколько моих раненых парней, остальные пошли рядом с ним, чтобы было какое-то укрытие, и сумели добраться до КП роты. Что случилось потом с танком, только бог знает, но я знаю, что атака была отозвана. Она была обречена с самого начала.

Ну а что случилось с теми, кто был в первом танке?

Они попали в плен… Мы пошли в атаку около 5 часов после полудня, и я полагаю, это заняло около двух часов. Мы вернулись на КП часов в 7, и потом произошло следующее: мы увидели и услышали, как к нам приближаются немцы, в основном. с запада и с юга тоже. Они просочились вокруг Высоты 107: к западу от нее было много растительности. К востоку от нас немцев тоже хватало. В итоге мы оказались в окружении, и на тот момент, думаю, от нас осталось 10-12 человек, способных сражаться: остальные были убиты или ранены. Некоторые из нас были связистами или санитарами и т.п., так что дело было

плохо. Какое-то время мы ждали, нас никто не атаковал, но мы слышали то, что немцы идут вперед…

Берт Дайсон (Bert Dyson), лейтенант, 4-й Полк Полевой Артиллерии/4th (NZ) Field Regiment, рассказывает Меган Хатчинг о том, как занимался подвозом боеприпасов для частей, готовившихся к контратаке на аэродром Малеме 22 мая 1941 года:

«Наихудшим заданием, полученным мной, была переброска троих грузовиков с боеприпасами к Малеме, на позиции артиллеристов, - должно быть, это случилось на третий день боев. Снаряды были погружены на три Матадора/Matador. Матадор был очень высокой и тяжелой машиной, спроектированной для того, чтобы тянуть на буксире 3.7-дюймовые пушки. Очень заметная машина, которую трудно было укрыть от наблюдения. Все трое водителей были британцами, и, как все водители военной поры - новозеландцы, австралийцы и прочие, – отличные парни. Я сказал им: «Мы поедем медленно. Не спешим. Мы не станем, если это возможно, поднимать пыль. Мы просто потащимся потихоньку. Мы будем останавливаться везде, где будем видеть какое-нибудь укрытие: мы съедем к какому-нибудь зданию, в рощицу, осмотримся, а потом тронемся дальше.» И мы так и сделали, и никто нам не помешал. Так могло случиться потому, что раз ты сбросил парашютистов, твоя авиация становится бесполезной, потому что линии фронта нет и определиться, кто и где находится, невозможно, и это могло стать причиной того, что мы пробились…»

То есть, когда парашютисты приземлились, бомбежки и обстрелы с воздуха прекратились?

«Им пришлось прекратить их, потому что под огонь могли попасть их люди.

Мы добрались до артиллерийских позиций, припарковали грузовики между деревьями. Вероятно, это была оливковая роща. Мы начали разгрузку вместе с людьми из расчетов. Снаряды были 75-миллиметровыми, итальянскими и французскими, и все это было по частям. Там могли быть ящики с детонаторами, ящик с зарядами, ящик с гильзами. Эти боеприпасы, прежде чем пустить их в дело, необходимо было собрать – закрепить взрыватель, вложить заряд в картуз, смотря что было нужно. Они были громоздкими, и поэтому было непросто затащить их вверх по склону к пушкам.

Аэродром был под сильным обстрелом с воздуха, потому что немецкие позиции и наши были вполне отличимыми друг от друга. Очередь с одного самолета ушла далеко, должно быть, пули были зажигательными и вроде того: она попала в одну из машин, загорелось брезентовое покрытие кузова, и грузовик охватило пламя. Мы быстро погасили его, но кто-то [из немцев] заметил дым, и они взялись обстреливать нас по-настоящему. Грузовик снова загорелся, и на этот раз пожар был столь сильным, что мы не смогли с ним управиться. Кроме того, начали рваться снаряды, и нам пришлось отступиться от него. Много снарядов пропало без толку, потому что они начали рваться и в соседних грузовиках, и положение стало безнадежным. Мы укрылись поблизости в какой-то канаве, я и трое водителей, а когда все улеглось, мы пошли в штаб бригады – мне приказали вступить с ними в контакт. Там доложил, что потерял часть боеприпасов…»

Александер Роджерс

«Некоторых из них [парашютистов] мы подстрелили сразу – потом нам удалось подобрать их оружие и использовать его. Их пулеметы были превосходными: легкими, словно автоматы *Стен/Sten*. По счастью, флот был неподалеку и атаковал конвой немецких судов в ранние утренние часы одного из дней, высветив этим небо. Моряки потопили многие из вражеских судов – они хорошо поработали.

Джерри через какое-то время захватили аэродром Малеме, и их самолеты продолжали прибывать. Многие из них были сбиты: они летели на небольшой высоте, обстреливали нас и бомбили, на них были сирены. Мы контратаковали Малеме и просто облажались. Само собой, никакой связи в те дни у нас не было, вообще никакой, и через какое-то время нас выбили с наших позиций. Потом нас отогнали к деревне под названием Сан Марино/San Marino, на холмы, а оттуда к Галатасу, где имел место ожесточенный бой. Когда мы отбили вражескую атаку, мы увидели следы совершенных [немцами] зверств и испытали шок. Я видел это собственными глазами: у некоторых женщин и детей было перерезано горло…

Ну а потом нас оттуда выбили, после чего мы заняли позиции в стороне от пляжей. Напротив нас был 6-й Госпиталь, но немцы захватили его, развесили там флаги Красного Креста и на крыше установили свои пулеметы. Мы занимали старое фермерское здание в низине – в нем находился наш пункт первой помощи. Вокруг были развешаны флаги Красного Креста, чтобы дать всем понять – это перевязочный пункт, а позади нас находился голый бугор высотой 12-15 футов. Мы заняли позиции на склоне этого бугра, там укрыться было негде, окапываться было нечем, а немцы были всего в 200-300 ярдах от нас со своим пулеметами … Нам не разрешили стрелять по участку, где раньше был госпиталь, ну а меня зацепило разрывной пулей, которая прошла через мышцы и все остальное, а остальных сильно покрошило пулеметным и минометным огнем – там мы потеряли многих парней. Меня спустили вниз, на перевязочный пункт, но неожиданно вокруг начали падать мины, а потом появились *джерри* и застрелили двоих или троих наших санитаров. Через пару дней немцы отвезли нас на аэродром Малеме, откуда переправили в Афины.»

***Эллан Робинсон (Allan Robinson)**, младший капрал, 6-я Полевая Амбулатория/6th (NZ) Field Ambulance, рассказывает о захвате немцами перевязочного пункта и о том, как они сделали из раненых и санитаров живой щит*

«Исходя из интенсивности активности противника в воздухе – самолеты обстреливали нас и иногда бомбили – мы знали, что он что-то готовит для нас. Наступило 20 мая. Мы завтракали, к нам пришел местный паренек, и он сел поесть с нами. В 8 утра они появились в небе. Они обстреливали наши позиции взад-вперед на протяжении двух часов, всюду и везде. Бомбежки не было – они стреляли. Мы немедленно разбежались по нашим окопчикам. Нет ничего хуже, чем сидеть в такой щели и слышать, как сквозь ветви оливковых деревьев летят пули, слышать, как на тебя падают ошметки коры и все остальное, видеть клубы пыли вокруг твоего окопчика, когда в землю ударяются пули. Сказать, что я был испуган, - это не сказать ничего…

Потом я услышал, как кто-то сказал: «Ups the hands,» и тут надо мной появился немецкий парашютист с пулеметом. Ну, я поднял руки. Я только-только выбрался из окопчика с руками над головой, когда я услышал трах-бах – это прогремел выстрел. Я поднял голову и увидел нашего полковника, Джона Плиммера (John Plimmer), который исполнял обязанности нашего командира... У всех офицеров были личные пистолеты, и, когда ему сказали выбираться наверх, он, должно быть, опустил руку далеко вниз, они [немцы] подумали, что он тянется за оружием, и выстрелили в него. Он просто свалился обратно в окоп, но сразу он не умер. Мы, как могли, пытались ему помочь, но нет – рана была смертельной…

Потом нам сказали: «Двигайте туда!» У них с собой был большой флаг Красного Креста, и они вывесили его. Все нам сказали сидеть рядом с ним с руками на голове. Мы, наверное, просидели там пару часов, или больше того, потому что уже перевалило за полдень, когда нас куда-то повели. Потом мы опять сидели, гадая, что с нами будет, и тут услышали шум. Огляделись и увидели тех, кто остался из пациентов 7-го Госпиталя/7th General Hospital, располагавшегося за дорогой. Он был захвачен немцами, и всех парней – санитаров, раненых, ходячих раненых - согнали в одну кучу рядом с нами. За пару дней до вторжения мы видели, как над заливом Суда был сбит немецкий самолет. По-видимому, летчик сумел

посадить его, при этом он ударился спиной и повредил ее, после чего был помещен в госпиталь. Когда рядом с нами появились раненые из этого госпиталя, с ними пришел, хромая, тот самый летчик, у которого в руках был автомат, - теперь он конвоировал раненых и парней, которые оказали ему помощь.

Робинсон (справа) и еще один новозеландец вместе с греческими детьми. Март-апрель 1941 года

Потом пришли немцы и накормили нас. Они раздали нам наши же армейские галеты (нужен был молоток, чтобы разбить их на куски) и открыли несколько банок аргентинской говяжьей тушенки. У них было мало консервированных фруктов, так что они жрали наши фруктовые консервы, словно ели их в последний раз в жизни. Ну а нам достались галеты, немного мяса и по глотку воды…

Позднее нам приказали подняться. Не знаю, что стало с Джоном Пламмером и где он был похоронен. Может, они его похоронили… Нам сказали, что пришло время двигаться. Они собирались использовать нас в качестве щита по пути к позициям, удерживаемым новозеландцами. Думаю, нас повели в направлении Даратсоса *(западный пригород Ханьи – ВК)* на позиции Роты Таранаки/Taranaki 19-го Батальона. Итак, тут 19-й Батальон, тут мы, а за нами немцы. Мы были посередине, а они вели огонь сквозь нашу линию. Они были на немалом расстоянии от нас, но видели, где мы. Мне снова повезло, потому что у меня на пути оказались оливковые деревья, вот почему я их так люблю. Я спрятался за одним из деревьев солидного размера и так нашел укрытие.

Некоторые из немецких парашютистов, которые гнали нас, использовали старые винтовки *Ли-Энфилд* и стреляли из них по нашим. У 19-го Батальона были пулеметы *Брен*, они поставили их на очереди с фиксированной длиной и так вели огонь.

Тот мальчик-критянин, который утром был у нас в лагере, был пленен вместе с нами, и, конечно, его гнали, как и остальных. Неожиданно я услышал, как он застонал. Говорю ему: «Что не так?» Задрал ему рубашку и увидел черную дыру - дыру с черным по краям: ему в живот попала пуля, и он стонал. Я меня не было с собой бинта, у меня ничего не было вообще. Этот бедный пацан умер рядом со мной… С другой стороны от меня был мой приятель из Дэнневёрка *(город в Новой Зеландии – ВК)* – ему пуля попала в голову: она прилетела от наших – он тоже был застрелен новозеландцами. Очень плохо, но так бывает, когда сильно не везет (в тексте - так крошится печенье/the way the cookie crumbles). Бедный старина Джек, он был убит. Слава богу, у меня было оливковое дерево. Вокруг разлетались куски коры – Дантов ад был бы ничем по сравнению с этим. Было страшно. Думаю, в тот момент мы преодолели страх, просто приняли его таким, каким он был…

Стэнли Джервис

«Мы снова занялись нашим рутинным патрулированием, рядом с Ираклионом/Heraklion. После полудня, в один из дней, на траверзе залива Суда, нас атаковал немецкий самолет-одиночка, он находился в хвосте строя, осуществлявшего массированный налет на залив, что они делали раз в день. Этот парень, очевидно, оторвался от других, чтобы всыпать нам, что он и сделал с высокой эффективностью. Мы попытались увернуться от него. Мой командир был на корме, я вахтенным офицером, и мы попытались предотвратить пулеметный обстрел корабля вдоль всего его корпуса, повернувшись к нему правым бортом, чтобы он побыстрее проскочил над нами, не нанеся большого ущерба. Однако ему удалось поймать меня на противоходе, и он прострочил корабль из пулеметов от кормы до носа, а до этого прошелся огнем поперек палубы. У нас в носовой части была 3-дюймовая пушка, и мы попали в него, потому что он взорвался и рассыпался на куски прямо у нас над мостиком, при этом он сбил нашу фок-мачту.

Несчастье приключилось с моим командиром: он был тяжело ранен. Еще был убит один пулеметчик, отличный парень из Южной Африки, который стоял рядом со мной на мостике и неожиданно упал на палубу. Я подумал, что это была хорошая идея и почему бы мне не сделать то же самое, так что я тоже залег. Потом я поднялся, чтобы оказать ему помощь, и снял с него каску, - к моему ужасу, вместе с ней отвалилась половина его головы. Многие из наших парней, находившиеся ближе к корме, тоже были ранены, думаю, их было девять. Гунны подстрелили еще одного хорошего малого, который вел огонь из *Эрликона/Oerlikon*, разрывные пули попали ему в обе ступни, в итоге, он лишился обеих… Мы дали ему рому, потом бренди или еще чего-то, пока делали ему перевязку. Я все еще хорошо помню вот что: я зажег сигарету и дал ему ее, потом придержал, пока он сделал пару затяжек, и я и в самом деле больше никогда не видел такой перемены в лице человека. На нем осталось выражение лишь умиротворения и комфорта, так что я с той поры всей душой верю в курение и дым сигарет…

Все раненых сгрузили на берег, и мы отправились в залив Суда. Всех их быстро эвакуировали морем в Александрию, потому что по ночам какие только корабли и суда не уходили с Крита и не возвращались, чтобы доставить боеприпасы, еще бог знает что и подкрепления. В заливе Суда мы попытались дозаправиться, но нам удалось добыть только часть необходимого, потому что случился еще один авианалет и нам нужно было убираться куда-нибудь. На какое-то время горючего было достаточно, и мы вышли в море. К этому времени я стал исполнять обязанности командира из-за понесенной потери: к тому времени мы уже потеряли двоих, и я был единственным, кто был под рукой. Потом мы снова занялись патрулированием, и нам пришлось доставить четыре малых десантных катера в Ираклион, потому что к этому времени армейские части оказались без лопат и кайл, боеприпасов и всего прочего *(очевидно, что-то из этого находилось на борту десантных катеров – ВК)*. Ираклион горел, так что нам не разрешили входить в его гавань, потому что местное командование не хотело, чтобы нас потопили внутри нее и наш корабль преградил бы, таким образом, дорогу другим. Мы оставили десантные катера у входа в гавань и ушли назад, в залив Суда.

Мы пришли в залив Суда сразу после наступления темноты и направились к причалу. На берегу интенсивно перемещались туда-сюда люди, и мы не обращали на это внимания, пока из здания на его конце не появился сержант морской пехоты. Мы тем временем подавали последний конец на берег, при этом нужно было соблюдать максимум осторожности, потому что в конце причала застряла неразорвавшаяся 500-фунтовая бомба, нам туда-то и нужно было бросить трос. Сержант подошел и сказал: «Какого черта вы здесь делаете?» Мы ответили, что обычно швартуемся в этом месте, и он сказал: «Вот там-то и там-то уже немцы,» - они были недалеко от конца причала, и мы не могли поверить ему!

Мы быстро и аккуратно сняли швартовные тросы с кнехтов, и тут он говорит: «Могу я уйти вместе с вами?» Мы сказали «да» и отошли от причала – никто нас не заметил. Немцы, должно быть, подумали, что это был один из их кораблей… Мы покинули залив и подошли к клифам мыса Драпанос, расположенного в районе северо-восточного входа в залив Суда. Находясь в тени клифов, мы решили: единственное, что мы можем сделать, имея 70 тонн горючего, это взять курс на Александрию, но мы не могли уйти в море в светлое время

суток, потому что могло показаться, что в воздухе над нами находятся вся германская авиация. Мы встали на якорь и придали кораблю максимально заброшенный вид со всеми тросами, свесившимися за борт и т.п. Мы находились недалеко от берега, большая часть команды расселась на пляже, но мы приказали всем найти себе укрытие. Каждые несколько часов главный механик и я возвращались на корабль, чтобы подбавить пару в котлах, и этого было достаточно… Мы наблюдали за самолетами, пролетавшими мимо нас на небольшой высоте, и надеялись на то, что они сочтут наш корабль брошенным командой…

Это работало вполне сносно до 7 часов вечера. Мы ждали сумерек, чтобы вернуться на борт и отправиться в путь, но немцы прислали 13 Ju-88, которые отбомбились по нам, один за другим. Мы наблюдали за этим и видели, как все они промахнулись. Потом они сделали еще один заход и снова отбомбились неточно все, кроме последнего. Одна бомба упала за кормой, другая попала прямо в корму, еще одна - в квартердек. Одна бомба, которая, насколько я помню, была не очень большой, взорвалась, и корабль сразу загорелся. Мы знали, что долго это продолжаться не может, потому что в кормовой части у нас были складированы 90 глубинных бомб. Уже не помню, сколько прошло времени, прежде чем они взорвались и корабль разлетелся на куски…

Дорога от залива вела к какой-то деревне, и мы пошли по ней. С нами был тот самый сержант морской пехоты, который раньше бывал в этой деревне. Он раньше служил на крейсере York, который был потоплен немецкой авиацией. Моряки сняли с крейсера часть своих 6-дюймовых зениток и разместили их на мысу Драпанос, так что он знал эти места и местных жителей довольно хорошо, потому что командовал этой батареей. Местные отнеслись к нам исключительно доброжелательно. Они усадили нас, принесли ведра воды, потому что в заливе у нас питьевой воды не было, сваренные крутую и выкрашенные красным яйца, что было частью их пасхальных обычаев. Так мы сидели на месте до наступления темноты, после чего грек-полицейский снял с себя форму, переоделся в гражданскую одежду и вывел нас тропами из деревни на проселочную дорогу, которая вела к Сфакии. Это была главная и единственная дорога [к южному берегу], и она была забита отступающими войсками. Полицейский, этот хороший малый, остановился, сказал, что ему пора назад и что он не хочет застрять в этом потоке, пожал всем руки и исчез в кустарнике…

У нас с собой были 19 винтовок *Ли-Энфилд* канадского производства, у меня был револьвер калибра .45, пара обойм к нему и 9 гранат *Миллза/Mills*. Тут из-за гребня гряды, протягивающейся вдоль побережья в сторону Ретимно, неожиданно появилась большая автомашина. У нее горели фары, и мы поэтому подумали, что это могла быть только немецкая машина. Мы находились на дороге, которая вела из деревни вдоль сложенного из камней забора, поэтому рассредоточили парней с винтовками, а я выдвинулся немного вперед. Мы хотели подпустить их поближе и посмотреть, выключат они фары или нет, - если нет, то это, вероятно, бронеавтомобиль или еще что-то немецкое. Я собирался сделать три выстрела: первый в качестве сигнала остановиться, и, если они этого не сделают, выстрелить еще дважды, целясь в фары. Это означало, что пули либо разобьют их, либо попадут в мотор… После моего третьего выстрела машина не остановилась, поэтому парни с винтовками открыли огонь: ничего другого нам не оставалось. Это было самое худшее их того, что могло случиться со мной. Это была очень большая машина, в которую могло поместиться человек двадцать, и она была забита беженцами из Ретимно. Эти люди направлялись из него в сторону той самой деревни..., и мы расстреляли их, что было ужасно. Машина сначала налетела на один из домиков, затем воткнулась в каменный забор и упала на бок. Мы побежали к ней, решив, что нужно что-то сделать со всем этим, тут появился полицейский и сказал нам: «Давайте-ка убирайтесь отсюда, пока вас не нашли немцы, да и местные будут искать этих людей.» Тогда мы видели их в последний раз…»

Отступление и эвакуация

Мик Риардон (Mick Reardon) вспоминает об эпизоде, когда части немецкого 141-го Горного Полка заблокировали часть дороги между Судой и Ханьей. Утром 27 мая новозеландский батальон (Маори) вместе с австралийскими батальонами 2/7 и 2/8 сбили немцев с дороги штыковой атакой:

«Мы разулись на какое-то время, когда появились немцы и закололи штыками нескольких из маори, разлегшихся на земле. Остальные рассвирепели и впали в бешенство: никто не имеет права убивать маори, когда тот просто лежит, и выйти сухим из воды. Воздух наполнили крики хаки и вопли немцев. К тому моменту, когда мы снова одели башмаки, солдаты-маори отогнали немцев, по меньшей мере, на сотню ярдов. Некоторые, те, кто был подальше, постреляли по нам, но потом бежали в панике. Думаю, это заставило немцев сбавить активность, что позволило нам отступить. Я всегда говорил потом, что попал бы в плен, если бы они [маори] не сделали этого. Не думаю, что они успели обуться перед этим…»

Немцы закрепились в районе аэродрома Малеме и быстро наращивали численность своих сил на Крите. Союзники отступали на юг, через горы, в сторону Сфакии, для дальнейшей эвакуации. Вспоминает **Ричард Кин**:

«Поступил приказ о том, что каждый, кто в состоянии пройти 16 миль, должен будет присоединиться к отступающим колоннам. Я отошел на обочину, и врач-австралиец сказал мне: «Ты не сможешь пройти так много, киви (самоназвание и обычная кличка новозеландцев – ВК), так что лучше оставайся здесь: ты всего лишь попадешь в плен. Я остаюсь, многие ребята остаются, я буду присматривать за вами.» Я ответил: «Нет, я выберусь отсюда, даже если мне придется ползти» и тронулся в путь. Я брел вместе с Медоу (Meadow) и еще одним приятелем, и, слава богу, у нас с собой была пачка галет и банка тушенки. Мы шли всю ночь, днем решили спрятаться. Остановились в каменном домике – это была пастушья хата, и там улеглись спать. Двое парней из Валлийского Полка присоединились к нам, и мне они определенно не понравились. Мы поделились с ними нашим провиантом, а когда мы проснулись, то увидели, что они доели остатки нашей провизии и теперь разбирают свои винтовки на части и разбрасывают их во все стороны, чтобы мы не смогли ими воспользоваться…

Мы продолжили свой путь и, в итоге. добрались до Сфакии. Погрузились на баржи, гребные шлюпки, китобойные суда, потом перебрались на транспорт Glengyle. Там, на борту, я выпил галлон горячего какао, которое давали военным морякам. Другое судно, такое же как наше, которое было с нами в конвое, атаковали самолеты. Бомба попала ему в трубу и потом взорвалась, превратив его в кучу железа. Но мы добрались до Алекса *(так союзники называли Александрию – ВК.)*»

Кит Ньют

«Потом нас построили, и мы начали свой марш через Крит, должно быть, мы провели в пути около трех дней. Мы спустились к заливу Сфакия и расположились на дне оврага, чтобы укрыться от Штук и вообще от самолетов, пытающихся обнаружить нас.

Оттуда мы добрались на весельных шлюпках до эсминца *Napier*, который должен был доставить нас в Египет. В первый же день *джерри* догнал нас – это были [бомбардировщики] *Дорнье/Dornier* – в этот момент мы перегружали 4.5-дюймовые снаряды. Их поднимали на элеваторах из недр корабля, а мы толкали их к орудиям. Командир корабля лежал на спине, следя за падающими бомбами и отдавал команды, говоря, как от них уклониться. Одна из них упала между палубой и привальным брусом и взрывом снесла правый винт.

Грохот и удар были страшными. Я помню, как один парень сказал: «Все в порядке, ребята, мы все еще на ходу,» и еще довольно долгое время не теряли ход. Затем, совершенно неожиданно, трубы машинного отделения лопнули, кочегаров выгнал оттуда поток пара, и мы остановились. Где-то часа через полтора машинное отделение остыло в достаточной степени для того, чтобы они могли туда вернуться и снова запустить двигатель. Слава богу,

Дорнье больше не возвращались… Так мы доковыляли до Александрии. На корабле вывесили сигнальный флаг, показывающий, что корабль неуправляем, и нам прислали буксир, который завел нас в гавань. Никогда не забуду, как мы проходили мимо авианосца *Illustrious*, у которого была чуть ли полностью оторвана носовая часть – все моряки, бывшие там, ушли на дно вместе с ней… Там было довольно много кораблей, и все они без исключения были повреждены. Помню [крейсер] *Orion* и, прямо напротив нас, его 6-дюймовые орудия - они были загнуты вверх, словно их смяло взрывом упавших рядом бомб.

Солдаты на палубе эсминца Napier на пути в Египет…

Это был захватывающий опыт во многих отношениях, но вряд ли вы бы пожелали пройти через это еще раз, хотя я бы не хотел, чтобы этого в моей жизни не было вообще. Это был превосходный опыт в том смысле, что я понял, какой кошмар представляет из себя война и как она доводит людей до того, что одни ведут себя как герои, а другие – как животные.»

Стэнли Джервис

«Мы присоединились к армейским частям, шагающим по щебнистой дороге. Раньше это был проселок, потом наши военные немного выпрямили его и отсыпали щебень. В поле зрения не было ничего, кроме огромных глыб, так что нам пришлось идти по обочинам, потому что немецкие самолеты обстреливали ее, и лучше было держаться подальше от середины и вообще от дороги, чтобы успеть укрыться под этими глыбами. Надо сказать, часто нам это делать не приходилось, поскольку в светлое время мы оставались на месте, а шли только ночью. Днем мы прятались за камнями. Воды и еды у нас не было.

Потом мы вышли на открытую местность, туда, где в стороне от берега моря стояла небольшая деревня. Думаю, где-то милях в семи. Там собирались и окапывались армейские части. Нам также объявили, что в этих местах высаживаются немецкие парашютисты, и их снайперы одеты в британскую униформу. Никто не двигался с места до наступления темноты, тогда в путь разрешали трогаться определенному количеству людей, которых должны были эвакуировать морем. В том месте собралась вся наша команда и очень много гражданских моряков. Среди них были азиаты и китайцы, всякого рода люди. Мы собрали всех в одной из огромных пещер, которые можно найти по всему Криту. Вода в ней был в изобилии, что было замечательно…

Армейские командиры ничего о нас не знали кроме того, что наш корабль был потоплен и мы сами перешли через Крит. Они не знали, что делать с нами. Приказов нам никто не отдавал, так что я нашел старшего офицера, полковника, который оказался отличным малым, которому я через какое-то время надоел, потому что он не знал, что делать с нами. Флотское командование не знало, что наш корабль потоплен, оно не знало, где мы, и я сказал: «Почему бы вам не найти кого-нибудь, кто мог бы сообщить флотским, где мы?» и он сказал: «Не могу, потому что связи между нами и Сфакией нет.»

Я нашел какого-то подофицера, просто отличного парня, и мы с ним осмотрели огромное количество брошенных машин, грузовиков и мотоциклов: этот малый был [заядлым] мотоциклистом. Он нашел исправный мотоцикл, но бензина у нас не было. Мы слили его с какого-то грузовика, завели его, я отправился к старшему офицеру и сказал ему, что и как и что нужно вступить в контакт с моряками. Он говорит: «Вы не можете этого сделать, это ничейная земля, никто не может передвигаться по ней в дневное время, вам придется дожидаться темноты.» Через какое-то время он сказал: «Хорошо, вы напишете мне расписку в том, что я не несу ответственности в случае, если вас убьют,» и мы отправились в путь на этом мотоцикле.

Мы потратили на дорогу 4 часа, потом начали спускаться под гору, а там, немного в стороне от дороги, оказались армейские ребята, которые выстрелили в воздух. Мы слезли с мотоцикла, и один из них сказал: «Поднять руки вверх и стоять тихо – и, черт возьми, не двигаться с места.» Мы так и сделали. Один из парней подошел ко мне и сказал: «Джервис, мерзавец, что ты здесь делаешь? Если бы я не узнал тебя, я бы тебя пристрелил, как какого-нибудь немца!» Так мы сумели проехать дальше. Они показали нам дорогу вниз, туда, где дорога оканчивалась и где было полно машин, автобусов и еще бог знает чего. Дальше вниз по клифу к его подножию, где собирались люди, вела только крутая тропа. Флотский и армейский народ, люди, занимавшиеся эвакуацией, собрались там. Дальше был пляж, спасительный пляж. Я нашел флотского капитана и рассказал ему о случившемся со мной и кораблем. Он сказал мне, что телефонная связь была восстановлена: «Оставайтесь здесь, и мы что-нибудь придумаем для вас и ваших людей, мы их оттуда вызволим.»

Немного позднее появился человек в звании коммандера и сказал, что он - старший по участку. Он сказал: «Здесь полно моряков всех видов, и мы собрали их вместе. Я собираюсь перебросить вас на пляж, мы будем собирать всех их там, вы должны следить за ними и удостовериться в том, что все они взошли на борт.» По дороге к пляжу была маленькая деревня всего в несколько рыбацких домиков, а рядом с ней был огромный валун почти шарообразной формы, расколотый пополам. Он лежал прямо на тропе, ведущей к ней, и пройти там мог только один человек.

По пути мы нашли новозеландского солдата, лежавшего в кустах – у него был сломана нога. Прошлой ночью он упал, сломал ногу, и никто не знал о том, что он находится здесь. Он крикнул нам, мы подхватили его, он положил руки нам на плечи, и мы потащили его в сторону деревни. Именно в это время противник опять начал долбить по нам, и я уже не помню, сколько в воздухе было самолетов, но они бросали бомбы снова и снова, везде и всюду. Думаю, они стремились к тому, чтобы вселить ужас в каждого, кто собирается спускаться к морю. Похоже, им это удалось, потому что в поле зрения никого уже не было. Мы - я, солдат и старший офицер участка - укрылись в расселине в том самом огромном валуне. Даже присесть там было невозможно: мы могли только опереться спиной о скалу. Мы удерживали парня, к этому времени он уже был без сознания. Не думаю, что в жизни мне пришлось держать что-то более тяжелое, чем этот парень. Мы сумели выбраться из расселины и дотащить его до пляжа, где находилась группа австралийцев. Дальше им занимались они…

Ближе к сумеркам мне выделили кусок пляжа: «Здесь будут твои люди, и ни один из них не должен двигаться с места: если кто-то ушел, значит, он потерялся.» Потом старший по участку спросил меня: «Вы что-нибудь ели?» Я ответил: «Нет, уже три дня,» и он сказал: «Дайте мне двоих-троих человек, и я попробую что-нибудь сделать для вас.» Он отвел людей на какой-то склад, и они вернулись с тремя ящиками, набитыми консервными банками с бобами, мясом и овощами. Еще в одном ящике оставалась всего одна банка без этикетки, я открыл ее, и это была фунтовая банка со сливовым вареньем. Я сел и съел больше половины, не думаю, что мне с тех пор доставалось что-то более вкусное…

Потом, после полуночи, мне сказали спускать людей на пляж и сажать на десантный катер. Тот доставил нас на крейсер Perth, на котором мы отправились в Александрию. Этот корабль шел в самом хвосте большого конвоя, состоявшего из крейсеров, эсминцев и транспортов, огромного конвоя, должно быть, в нем было около 40 кораблей и судов. В

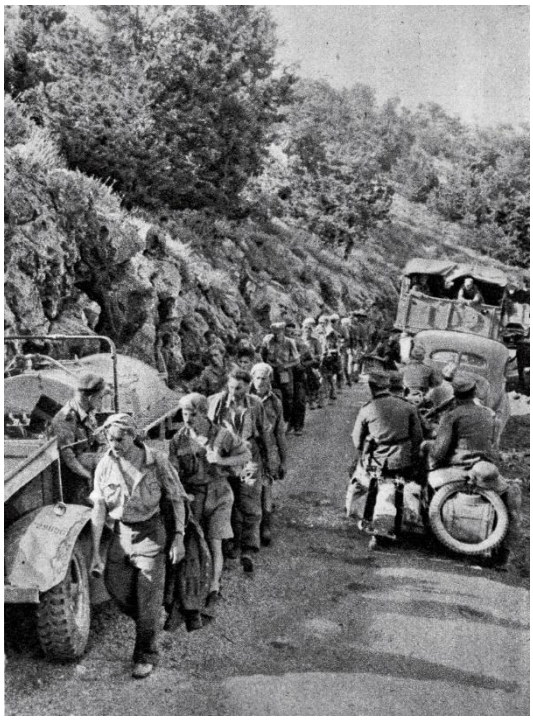
машинное отделение нашего крейсера попала 500-фунтовая бомба. Она убила около 40 человек, пробив палубу прямо перед командирским мостиком… Мы похоронили их после полудня, и, по счастью, *Perth* все еще был в состоянии идти со скоростью 16 узлов. Его поставили в середину конвоя, и общую скорость уменьшили до 16 узлов, пока мы не вышли из района действия вражеских самолетов…»

Питер Уайлди (Peter Wildey), 2-й лейтенант, 7-я Полевая Рота (Инженеров) рассказывает об одном из эпизодов, случившемся в последние дни пребывания новозеландцев на Крите:

«Когда мы спускались к морю, с высоты глядя на Сфакию, началась грандиозная неразбериха. На обочине дороги было много людей, значительная часть из них – австралийцы, они обсуждали вопрос о том, что кто-то двигается вниз по глубокому оврагу, прямо внизу. У меня с собой все еще был мой полевой бинокль, я посмотрел в него – это были немцы. Дело было нешуточным, раз они были там. Мы открыли по ним огонь из *Томпсона*. Они были немного дальше расстояния точной стрельбы, но вести огонь по ним было вполне возможно.

Я знал, что штаб находится немного ближе к побережью, так что я спустился вниз и нашел их пещеру. Зашел в нее, бригадир Харгест был там, он выглядел абсолютно измотанным и опустошенным… Я рассказал ему о сложившемся положении, и он сказал: «Возвращайтесь назад и удостоверьтесь в том, что они прижаты к земле. Остальное оставьте на меня. Я что-нибудь сделаю в связи с этим.» Он и правда сделал: позднее я увидел, как взвод солдат перешел на другую сторону оврага, и немцы были окружены. Потом я узнал, что ими командовал Чарли Апэм, кавалер *Креста Виктории*. Они спустились вниз, было им там непросто: у них были *Брены*, и им пришлось держать одного парня за лодыжки, чтобы он не свалился с бровки и мог вести огонь… Потом там насчитали 39 немецких трупов, но, я думаю, мы в начале тоже кого-то из них подстрелили, потому что они были как на ладони. Опасная была ситуация: если бы они проскользнули вниз по оврагу, они могли бы нарушить весь ход эвакуации.»

Пленные британцы на одной из горных дорог после капитуляции

Рекс Томпсон

«Мы начали отступление и шли в темное время суток по горной дороге в Сфакию. Мы добрались до нее на вторую ночь. Дорога заканчивалась в средней части горного склона – дальше был почти вертикальный обрыв, за которым был пляж. На этой стадии мы могли только идти пешком: грузовики были только для раненых и обессилевших. Потом нам пришлось карабкаться вниз по обрыву. Те из нас, кто держался вместе, укрылись в пещере рядом со Сфакией, но флот уже ушел. Он потерял, должно быть, шесть кораблей за последние дни отступления, так что мы остались на месте. Потом пришли сведения, думаю, 1 июня, о том, что остров капитулировал и теперь, по сути дела. являемся военнопленными…

Потом немцы спустились по склону и прокричали по-своему, чтобы мы вылезали. Нам их слова ничего не говорили, но мы поняли: они хотят, чтобы мы вышли из пещеры. Ну, мы выбрались из нее, и они отвели нас пешим ходом обратно в Ханью – заняло это два дня. В пещере мы три дня ничего не ели, нас там было шестеро, и на всех была одна пачка какао-порошка, который мы добавляли в воду. Немцы, по сути, нас ничем не кормили по дороге назад…»

Питер Косгрйэв (Peter Cosgrave), *дивизионный связист*

«Мы добрались до каких-то пещер в Сфакии и спрятались в них. Потом один из офицеров сказал нам свалить в кучу наше оружие и дожидаться прихода немцев – мы были ошарашены и проклинали при этом всех и вся. Потом появились немцы и погнали нас обратно через горы. Еды и воды нам не давали, при этом они отобрали у нас часы и кольца…»

Заключительное слово

F. W. O., *лейтенант-инженер, о кампании в целом и о командирах*:

«Уже в первый момент, когда я встретил бригадира [Харгеста], который командовал нашими силами на этом участке [Малеме], он, честно говоря, больше думал об отступлении, чем об атаках. Было очевидно, что вся наша тактика и стратегия сосредоточились к востоку от аэродрома. Это свело к нулю все наши шансы. Нет сомнений в том, что мы могли удержать Крит, но было уделено чрезмерное внимание ожиданию атаки с моря.»

Келли Форест-Браун (Kelly Forest-Brown), *лейтенант, получил назначение в 8-й Греческий Полк, попал в плен на несколько часов, но бежал*:

О Фрейберге: «Его общий план обороны острова был первоклассным, кроме одного момента: он не разместил людей на западной окраине аэродрома.»

О Харгесте: «Он был слишком стар. Он находился в пяти милях от передовой со своим штабом.»

О подполковнике Дагласе Лекки (Douglas Leckie, 1987 г.р.), командире 23-го Батальона: «Он действовал просто ужасно. Просто сидел на дне окопа, не давал приказов, не контратаковал, вообще ни черта не сделал… Большая часть старших офицеров служила в годы ПМВ, и им было уже под 50. Они не реагировали на происходящее достаточно быстро. У них у всех были фобии эпохи ПМВ – окапывайся и держи оборону, в то время как боевые действия против парашютистов требовали перехода в атаку тогда, когда они спускались на землю, и, начиная с этой минуты, нужно было не давать им спуску и продолжать контратаковать, пока они не будут полностью уничтожены.»

Ховард Киппенбергер *о Харгесте и 5-й Бригаде*:

«Его личные качества не дотягивали до уровня других бригадиров... Он никогда не держал свою бригаду под контролем… В других двух бригадах были невысокого мнения о дисциплине и боеспособности 5-й…»

*Рядовой **Леонард Даймонд** (**Leonard Diamond,** 1911 - 04.09.1942, умер от ран, полученных под Эль-Аламейном), 23-й Батальон, вскоре после окончания боев*:

«Я мечтаю о таком дне, когда мы сравняемся с немцами по силам в небе – «самолет на самолет.» Когда придет этот день, Германия будет побита. Мы знаем по опыту, что можем одолеть его наземные силы в любое время.»

ИРАН - 1941

О встречах с советскими людьми в иране рассказывает австралийский корреспондент ***Алан Мурхед***

Мы проезжали группы индийских солдат, расположившихся на привал вдоль дороги... на третье утро мы добрались до их наиболее отдаленного поста роты гуркхов. Их офицеры сказали нам, что британцы и русские встретились день назад, а теперь русские отошли к Касвину, расположенному около семидесяти километров дальше по дороге... Мы настойчиво продолжали путь, и тут кто-то сказал: Боже, что это?

Это был грузовик с солдатами, которые на первый взгляд, казалось, были нацистами. Они сидели по четыре человека в ряд в своих габардиновых гимнастерках и сапогах. На их головах были немецкие каски, и каждый человек, вытянувшись в струнку, сжимал в руках винтовку с примкнутым штыком. Где я видел это раньше? В новостях, показывавших вход нацистов в Вену? Мы проехали рядом с ними. Вглядываясь в их лица, мы увидели молодых светловолосых людей с голубыми глазами и круглыми коричневыми щеками. К их поясам были прикреплены ручные гранаты, через широченные плечи были перехлестнуты ремни с патронташами. Все винтовки были автоматическими. Они даже не повернулись, чтобы посмотреть на нас. Они смотрели прямо вперед, плотно усевшись на жесткие деревянные скамейки своего гусеничного грузовика. Я внимательно посмотрел на ближайшего парня, но его приятные крестьянские глаза были пустыми и жесткими, а его большая рука твердо сжимала ствол винтовки. Он был столь же прям, как березовый ствол...

В этот момент величайший красный блеф лопнул во мне раз и навсегда. Где же тот бедный анемичный русский пехотинец, оказавшийся в Финляндии без сапог? И где эти немые орды, разгромленные немцами в прошлой войне? И где эти кустарные фабрики, выпускающие любительские ружья и ржавые патроны? Где крестьяне, раздавленные ОГПУ?

Это был великолепный блеф, и он стабильно работал на протяжении двух десятилетий. Теперь, наконец, русские были вынуждены раскрыть карты. Их картами были эти молодые люди, каждый - настоящий атлет, с их железной дисциплиной, новеньким современным оружием и отличным здоровьем. У них было то, что редко можно увидеть на лицах молодых людей. Это была смесь юношеской силы и духовной решимости и что-то еще, может быть, гордость. Прежде я такого не видел.

По мере того, как мы подъезжали к Касвину, одна примечательная вещь за другой попадалась нам на глаза. Нам встречались многочисленные зенитки, которые были установлены на гусеничные платформы и были предназначены для защиты от низколетящих самолетов. Они продвигались вместе с конвоями пехоты на грузовиках... Их полевые орудия были слишком далеко от нас, чтобы разглядеть их, но, несомненно, они

были вполне современными. У них были броневики с двухфунтовыми орудиями и двухдюймовой броней на башнях..., стальные полевые кухни и автобусы с радиостанциями... самолеты быстрее наших *Спитфайров* (последние мы увидели позднее). У них было множество гусеничной техники и маленькие разведывательные танки. Все это вооружение было в безукоризненном состоянии. Все люди были в серо-зеленой униформе и легких черных сапогах. Нашивки на рукавах показывали, кто был электрикам, кто радистом, кто танкистом и так далее. Офицерские звания были показаны маленькими красными эмалевыми значками, прикрепленными к петлицам гимнастерок четыре значка у генерала. У всех были тяжелые стальные каски. Часовые дважды выскакивали из траншей и останавливали нас. У них были русские автоматы.

Рано после полудня мы прибыли в гостиницу в Касвине, в которой находился русский армейский штаб. У дверей были русские часовые и бронеавтомобили, а персидские слуги, заметно испуганные, подавали поздний ланч. Один за другим русские штабные офицеры и комиссары пришли на ланч. Их было около двадцати. Они были грубоватыми, жесткими, вспотевшими и радостными. Старший политкомиссар, круглый свиноподобный маленький человек пристально посмотрел на меня и сказал: Мы встречались в Валенсии во время Испанской войны. Я этого не помнил, но, казалось, это его еще больше убедило. Генерал пришел последним, это был небольшой человек с обманывающе мягкими манерами. Гражданский переводчик появился из ниоткуда и объяснил, что мы являемся группой британских и американских военных корреспондентов, направляющихся в Тегеран.

«Пригласи их пообедать, - сказал генерал. - Мы обсудим это потом.» Ланч продолжался до шести вечера. Была стадия, когда мы ели холодного цыпленка и вежливо болтали через переводчика. Стадия, на которой мы поднимали тосты за Сталина, Рузвельта и Черчилля. Стадия, на которой мы обменивались нашивками и вместе пели народные песни. Стадия, на которой мы грозили немцам и снимали друг друга на мою миниатюрную кинокамеру. И, в конце концов, стадия, на которой я отправился в свою комнату с раскалывающейся головой для того, чтобы напечатать послание. На протяжении всех этих тостов и пития жесточайшей персидской водки, генерал был обаятелен, но тверд. Тегеран, сказал он, еще не был оккупирован союзными войсками. Он, со своей стороны, был бы рад разрешить нам ехать дальше, но он только что достиг договоренности с британским генералом, согласно которой никто не может двигаться дальше. Покажите пропуск от британского генерала, он подпишет его и езжайте вперед.

Ничего не оставалось, как ехать назад в британский штаб. Манди и Патрик Кросс из агентства Рейтер... добровольно вызвались ехать, в то время как остальные лягут спать. Они ехали всю ночь, были дважды арестованы русскими патрулями и рано утром вернулись с пропуском. К десяти утра мы были вновь в пути.

Всем заправлял страх - страх перед русскими, не перед британцами. Русские побывали в этой стране во время предыдущей войны, захватывали Касвин, тот самый город, который оккупировали сейчас, и были тогда безжалостны и суровы. Каждый перс, с которым я разговаривал, казалось, смертельно боялся русских. Тегеранцы распространяли самые душераздирающие слухи о красных жестокостях, грабежах и изнасилованиях,.

Немцы и итальянцы также требовали, чтобы их передали под наш, а не русский контроль. Было любопытно наблюдать, как даже после бомбардировок Англии эти прихлебатели из стран Оси были убеждены, что у британцев до сих пор сохранились к ним добрые чувства. И для них был типичен соответствующий страх перед русскими. То же самое я наблюдал после падения Аддис-Абебы. Даже тогда, когда они попадали к нам в руки, итальянцы и немцы не расставались с убеждением, что британцы будут обращаться с ними хорошо...

Находясь в Тегеране в ожидании отъезда всех граждан стран Оси и отречения Шаха от престола в пользу сына, мы решили съездить на Каспийское море, где располагался Красный флот... Наконец мы спустились ниже уровня моря *(очевидно, автор имеет в виду,*

что поверхность Каспийского моря расположена ниже уровня океана - ВК). Шесть красных часовых преградили нам дорогу. Сэм помнил несколько русских фраз, а Клиффорд, казалось, мог заговорить на любом языке, который ему нравился, в течение десяти минут. Они представились [часовым - В.К.]. Позвякивая своим автоматом и ручными гранатами, русский «капрал» поклонился нам в пояс - изумительный жест - и сказал, что мы должны проехать несколько километров дальше на восток вдоль побережья и представиться его офицеру.

Наступил действительно приятный для нас момент. Каспий был сер и бескраен - прекрасное зрелище после пустыни. Из зеленых лесов через дорогу и песчаные пляжи текли небольшие горные ручьи. Два русских эсминца стояли на якоре, и снова появился неожиданный восторг по поводу русской мощи. На расстоянии эти корабли выглядели точно так же, как и наши новейшие эсминцы, разве что несколько более щеголевато и современно в своих очертаниях. Если серая краска годится для чего угодно, то они были в отличном состоянии... Еще два часовых-автоматчика преградили дорогу к причалам. Незнакомая униформа означала для них противника, и мы пошли им навстречу, предусмотрительно держа руки подальше от бедер. Затем появился лейтенант в голубой габардиновой гимнастерке и голубой фуражке с якорем на околыше. Он был невероятно симпатичен, а его зубы годились для американской рекламы зубной пасты.

Как только мы приблизились, часовые отдали честь и встали по стойке смирно, оставаясь в ней до конца наших переговоров. Когда офицер позвал морского пехотинца, тот подбежал к нему, отдал честь, вытянулся по стойке смирно, получил приказ, снова отдал честь и бегом помчался на свой пост. Эти людям была свойственна дисциплина, которую мне еще не приходилось видеть в нашей или любой другой армии. Может быть, все вместе они и товарищи друг другу, но подчинение красному офицеру является настолько незамедлительным и профессиональным, что это редко увидишь и на строевом плацу. В Касвине к двери моей комнаты был приставлен часовой. То, как он вставал по стойке смирно и отдавал честь, когда я только появлялся на расстоянии, даже действовало на нервы. Здесь, на Каспии, это был вовсе не отрепетированный парад для услаждения иностранцев. Мы прибыли неожиданно, были первыми визитерами и, вероятно, первыми иностранцами, которых увидели эти люди, не считая персов.

Лейтенант сразу же выписал нам пропуск... Весь оставшийся полдень мы ехали по южному побережью Каспия к Рамсару... Старший полицейский Рамсара - напоминающий луковицу потливый человек, увенчанный прусским шлемом, встретил нас и длинной речью предложил нам принять сдачу города. Мы позвали его в дом и сидели с ним до ночи, пили водку и лимонад и закусывали икрой. Нас пригласили съездить утром в лес поохотиться на кабанов, но мы отказались. Каждый раз, когда полицейский заговаривал, он щелкал каблуками, кланялся и поднимал свой бокал, произнося тост...

Вскоре оказалось, что истории о жесткостях русских были неправдой. Было правдой, что казаки сильно испугали людей, проскакав галопом по улицам. Правда, что они захватили какие-то запасы сахара и другой провизии, в которой они нуждались. Правда, их самолеты бомбили Пехлеви - город на побережье. Но их флот так и не открыл огонь. В Пехлеви все случилось потому, что персы в последний момент решили замаскировать свои военные корабли ветками деревьев и кустами, которые они привезли с гор. Но затем появился русский крейсер, и команды *(иранских кораблей - В.К.)* встали по стойке смирно. Бельгийский консул спас ситуацию, добравшись на гребной шлюпке до одного из персидских кораблей и подняв белый флаг до того, как русские предприняли атаку.

Несколько слов о русских комиссарах. Они носили такую же форму, как и солдаты и имели те же звания. Они подчинялись непосредственно Москве, а не армейскому командованию. Во всем, что не касалось военных операций, контроль принадлежал им. Они руководили администрацией оккупированных территорий, финансовыми и экономическими делами и вопросами пропаганды. Они осуществляли посредничество между солдатом и государством. Они управляли армией. Они надзирали за моралью и всеми нормальными

гражданскими аспектами жизни. Им принадлежала значительная власть. Так, когда один красный офицер, сапер, хотел показать мне медаль, которая была у него в кармане и фотографию жены и детей, я заметил, что он предварительно бросил взгляд через плечо на ближайшего комиссара - в этом случае, на моего толстого друга из Валенсии. Комиссар кивнул, и сапер показал свои сувениры.

Было очевидно, что подозрительность русских не знала границ. Они не доверяли иностранцам за исключением тех случаев, когда в этом была необходимость. Однако, когда я покидал Персию, британские и русские командиры действовали в согласии друг с другом, и все, казалось, шло достаточно гладко. Понемногу отношения налаживались. Магистральный путь для доставки грузов в Россию был проложен. С оккупацией Персии непрерывный фронт от Мурманска до Египта был создан. Русские ввели в Персию шесть дивизий, мы две. И десяти процентов тех сил не было нужно для осуществления операции.

Потери были незначительными - всего несколько сотен человек в общей сложности. Для самих персов оккупация оказалась добрым делом, так как их новый Шах, которого короновали в сентябре, разрушил королевские монополии, открыл двери тюрем для политзаключенных, расплатился с армией, уменьшил налоги и стал прислушиваться к советам. Было завезено продовольствие для того, чтобы накормить его изголодавшихся подданных. Стало казаться, что у страны будет нормальное будущее несмотря на войну.

АВСТРАЛИЙСКИЙ СОЛДАТ ДЖОУ МЭЙДЛИ (JOE MADELEY) РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОБОРОНЕ ТОБРУКА И ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОМ СРАЖЕНИИ

Джоу Мэйдли (1920-2016)

Расскажите о себе.

Меня зовут Джоу Мэйдли. У моего отца была ферма, которую ему продали на западе Нового Южного Уэльса рядом с городком Уитэли. Мы выращивали пшеницу, разводили овец. Мне было четыре года, когда мы переехали на ферму. С детства я был научен пасти лошадей, с лошадьми я был на «ты». В начальную школу я ходил пешком, в среднюю ездил верхом. В 15 лет я пошел работать, тоже на ферму. Возился с лошадьми, ну и с разной техникой, само собой. Было много занятий спортом. Все ребята в ней были фермеры и их сыновья. Мы даже выиграли местное первенство один раз. Еще я играл в регби в школьной команде. Скучать нам было некогда. Заикнись только, что тебе скучно, и отец говорил: «Вот тебе топор, вот тебе дерево! Не возвращайся домой, пока не свалишь его!»

Наша жизнь была счастливой. Хорошо мы жили, хотя время было крутое, часто были засухи, была *[Великая] Депрессия* и все с ней связанное, но у нас всегда было достаточно

еды. Поскольку у нас были овцы, у нас было свое мясо, были свои коровы, и было молоко, масло и все такое. Мы жили довольно неплохо… Еще мы выращивали картофель, ловили кроликов. Стреляли их, ловили в силки. Я в семье был главным ловцом кроликов.

Когда началась война, это было мой первый шанс уйти с фермы. До этого я никогда не бывал в большом городе, никогда не видел Сиднея, ничего подобного не видел. И так случилось, что тогда была сильная засуха, и на ферме не было работы… Какое-то время я работал на оловянном руднике, месяца два или три. Разрешение на уход в армию должен был подписал мой отец, потому что мне было только 19.

Были ли у вас какие-то сомнения в правильности такого выбора?

Нет. Мой отец был солдатом, который пришел с Первой [Мировой] войны. Когда-то я слушал его рассказы о войне и всегда хотел стать солдатом, как мой отец.

А не было ли у вас таких мыслей: «Бог ты мой! Это не наша война. Почему Австралия должна встревать в это?»

Нет, что вы. В те времена Англия была нашей матерью. Австралия принадлежала Англии. Мы приходили в школу, по утрам там поднимали флаг, и мы салютовали ему. Когда Англия вступила в войну, это означало, что и мы находимся в состоянии войны…

В итоге, я получил телеграмму о том, что мне нужно прибыть в город Уогга-Уогга в такой-то день на призывной пункт. Нас было семь или восемь парней, приехавших туда из Уитэли. Там, в военном лагере, мы проходили боевую подготовку. Жили в палатках. Для начала это была стройподготовка, потом марш-броски, стрельбы. Я всегда хорошо стрелял, как и все мы, сельские парни. У каждого из нас раньше было ружье, лет с шести-семи, - ружье, чтобы охотиться на лис, динго, кроликов.

Полагаю, вы отправлялись в путь за моря со всеми своими приятелями?

Точно, вся толпа. Кит Боулз (Keith Bowls) тоже был из Уитэли, мы вместе записались в армию, в школу ходили вместе. Еще были ребята из Уитэли: Бэкстер (Baxter), Боб Пэйджингтон (Bob Pagington), Фрэнк Ирвинг (Frank Irving). Еще был Кен Кратчет (Ken Crutchet) и другие ребята из Уайлона, что неподалеку от нас… Отплыли мы из Сиднея на *Queen Elizabeth*. Там меня сразу скрутила морская болезнь, прямо с первой минуты в море…

Потом мы остановились в гавани, уже в конце Суэцкого канала, недалеко от Порт-Саида. Там на шлюпках мы добрались до берега… Было это, вроде, в апреле 1941-го. Да, в апреле, потому что 13-й Батальон в то время был в Тобруке. Мы представляли собой подкрепления для 13-го Батальона. Нас на поезде перевезли в лагерь рядом с Газой, лагерь назывался *New Yardley*. Там мы на несколько дней возобновили подготовку, точнее, на две или три недели, и оттуда нас перебросили в Тобрук.

Мы прибыли туда ночью, само собой, и выгрузились. Суда могли находиться в гавани только очень короткое время. Если вы не успели выгрузиться, вы отправлялись назад, поскольку никто ждать не собирался. Суда должны были пройти на пути назад мимо Мерса Матруха до восхода луны, а в месяце были только определенные дни без луны, когда суда могли пройти в Тобрук. Так что все подкрепления вроде нас и материалы нужно было по-быстрому выгрузить, занести на борт раненых и сразу назад. Но эти ребята – английские военные моряки - были молодцами. Просто невероятно эффективно делали свое дело… В наши дни это заняло бы два-три дня – то, с чем они управлялись за два или три часа.

Вы чувствовали себя хорошо подготовленным к бою?

Ну, мы так думали. Мы никогда ни в чем таком не участвовали и были деревенскими ребятами, довольно крепкими физически. Хорошо помаршировали и все такое, но от стройподготовки и всего этого мало пользы, когда ты уже на фронте. Знаете, это учит вас действовать вместе, в одной команде. Начинаешь понимать, что можешь положиться на своих товарищей, и это самое главное.

Ваша рота полностью состояла из новичков, или в ней были парни постарше?

Почти все были новичками. 13-й Батальон побывал в боях под Бенгази, и их отогнали назад к Тобруку. Наше отделение, точнее, наш взвод, 8-й Взвод, уже повоевал против *джерри*, многие из него погибли, некоторые попали в плен. То есть, в тот момент отделения проходили реорганизацию, и я оказался в 4-м Отделении, капралом которого был человек еще из первоначального состава батальона, участвовавший в боях. Таких было еще несколько. Остальные были парнями из Уогги. Со мною был и Кит Боулз, о котором я вам говорил, Кен Кратчет, Джек Стюарт (Jack Stuart) и Джек Уайт (Jack White). Все мы были добрыми друзьями. Все прибыли со мной на одном судне.

Должно быть, вы были этому рады…

Да, очень был рад. Мы держались вместе. Кит Боулз был с нами, пока не получил тяжелое ранение под Эль-Аламейном – он так и не вернулся в наше отделение. Он пережил войну, но сейчас его уже нет. Я – единственный, кто еще жив из нас всех. У меня дома есть фотография, которую сняли, когда мы покидали Тобрук, - на ней все мы… Один я остался. Грустно, в самом деле. Может, живу слишком долго!

Когда мы прибыли на место, мы оказались сразу на передовой. На следующее утро мы оказались уже в непосредственной близости от немцев. Просто голову нельзя было поднять в дневное время: было слышно, как они переговариваются, настолько они были близко. Это было наихудшим местом в Тобруке, самым неприятным. В этом месте мы и влились в 13-й Батальон, который провел там всего две или три недели. Потом нас вывели оттуда. Не думаю, что к такой жизни можно было привыкнуть: мы жили в норах, по два человека в одной норе, и из норы в нору можно было только переползти по [неглубокой] траншее. Были мелкие траншеи, по которым ползали, а все остальное приходилось делать прямо в норе. Выбраться из них было невозможно, у многих парней развилась дизентерия. Просто приходилось пользоваться лопатой, когда появлялась возможность…

Тобрук, 1941. Австралийцы в окопчике рядом с одной из «нор». Видно, что они приспособили вентиляционные трубы, вероятно, с потопленных в гавани Тобрука судов, для своих нужд…

Нас мучили мухи, блохи и все тому подобное. Просто с ума можно было от них сойти. Когда ешь, пытаешься заткнуть ложку в рот молниеносно, а то они все облепят. Не знаю,

наверное, мы съели кучу мух. И у тебя нет шансов получить достаточно воды. Приходит момент, и ты понимаешь, что это все, на что ты можешь рассчитывать, и тебе уже любопытно, как такое существование возможно. Но… выживаешь… Так и сидишь с одним и тем же парнем целый день.

Должно быть, скука страшная?

Да, уж такая скука… Пытаешься спать, потому что ночью идти в патруль. В карты играли. Ну, вскипятишь кружку чаю, поговоришь о том, о сем, но, в основном, пытались спать. Теперь и сам не понимаю, как мы там жили. Вспоминаю и думаю: «Как мы умудрились выживать там на протяжении восьми месяцев?»

Что вы чувствовали во время ночного патрулирования? Было это большим испытанием для ваших нервов?

Ну, было немного такого, но к этому привыкаешь. Это было хоть каким-то делом, но нужно было оставаться осторожным – знаете, мины-ловушки и все такое… Вот еще одно – удивительно то, как ты привыкаешь к этим штукам. Самая малость – идешь и чувствуешь мельчайшую разницу в грунте под ногами: где-то чуть-чуть помягче, где-то пинаешь что-то. Просто сразу это ощущаешь. А еще они [немцы] были мастерами в пальбе осветительными ракетами. Слышишь щелчок, уже знаешь, что это выпалили ракету, и автоматически падаешь на землю. Все вокруг сразу становится освещенным, но, если ты лежишь на земле, они тебя не увидят.

Как-то раз мы наткнулись на немецкий патруль, и мы их отогнали. Было это раз или два. Были разные патрули: основные, разведывательные, вылазки, чтобы удостовериться в том, что они не переместили свое пулеметное гнездо ближе к нам, чтобы вывести из строя какие-то их артиллерийские позиции или что-то вроде того. Но наши потери при патрулировании были небольшими, мы больше теряли от ежедневных артобстрелов.

Рядом с вами мины падали?

Да, конечно, такое случалось. Один из моих приятелей был ранен осколком мины. Ты знаешь, что у них достаточно снарядов для того, чтобы положить один туда, где находишься ты. А потом еще вот что – их самолеты все время бомбили гавань, а когда они уходили домой, их задние стрелки проходились и по нам. Это было нечто… Но мало кого этим зацепило. Если ты остаешься под землей и у тебя каска на голове, с тобой все будет в порядке… Но ты все время должен быть начеку. Ни в коем случае не расслабляйся, пока тебя не отправили в тыл. Время от времени нас отводили с передовой. Все время там находиться невозможно.

И как это происходило? Три недели на линии, три недели в тылу?

Где-то так, да. Потом тебя могли перебросить на другой участок, который был поспокойнее. На некоторых участках можно было передвигаться выше бруствера… разве что нельзя передвигаться группами или типа того, по три-четыре человека. Могут и шарахнуть…

Должно быть, запах от вас был не очень?

Да, само собой. Но к этому привыкаешь и его не замечаешь. Все воняли. Шансов помыться не было…

В тылу мы играли в *Two Up*, в крикет и все такое, если было место где-нибудь в овраге. Всякое делали даже в патруле: пару раз привязывали к колючей проволоке какие-то тряпки прямо напротив их позиций ночью, чтобы дать понять – мы побывали здесь ночью. Просто чтобы позлить.

Как-то раз у нас было с ними перемирие. Ночью мы атаковали, это был не наш батальон, другой, но им крепко вломили по зубам, да и немцам досталось. Хотели их потеснить, атаковали с небольшого подъема. Ну, на следующий день смотрим – напротив нас валяются убитые и раненые, и кто-то вывесил белый флаг. Они сделали то же самое, так что мы вышли и похоронили убитых… Немцы делали то же самое. Они забрали своих раненых, подъехали санитарные машины и вывезли наших раненых.

Испытывали ли вы какое-то уважение к немцам?

О, да. Как-то раз – это случилось во время перемирия, когда снимали осаду – у нас оказались пленные, только на пару ночей, насколько я помню. Наш взвод отвечал за охрану военнопленных, которые поступали с поля боя. Мы сидели и болтали с ними. Все у них было то же, что и у нас, те же дела… Они все время жаловались на плохое питание и тому подобное, и мы сказали им, что у нас еда получше. Им понравилась наша консервированная говядина, а нам что-то из их еды…

Мы уважали немцев еще и потому, что они были хорошими солдатами, перевязывали наших раненых и ухаживали за ними, если кто-то попадал к ним в плен. Еще нам нравился их пулемет *Шпандау/Spandau (собирательное название трофейных немецких пулеметов, популярное серди британцев – ВК)* – самый лучший из всех. У него было питание лентой, и он стрелял в любых условиях, да еще в два раза дальше, чем наш. Так что это был призовой трофей, если он вам доставался.

Все австралийцы должны были покинуть Тобрук в октябре, так что мы уже ждали у причала, но судно, которое должно было забрать нас, было потоплено. Нам пришлось возвращаться. Другого шанса у нас не было: я говорил о том, что судно могло прийти или уйти только в безлунную ночь. Нам пришлось возвращаться на передовую, нашему 13-му Батальону. Там я попал под трибунал, потому что позарился на продуктовые пайки… Мы [перед уходом] раздали все наши продукты и боеприпасы, а нас расположили прямо продуктового штабеля англичан.

Нас поймали и отдали под суд. Британцы нас схватили: капитан, майор и лейтенант в красных английских беретах. Отвели нас к нашему старому полковнику прямо с ящиками с консервированной колбасой – четыре ящика у нас было, так и тащили их на плечах. Полковник, узнав обо всем, сказал: «Меня не волнует то, что вы стащили продукты, но четверо моих парней дали британцам арестовать себя!» Вот что его возмутило… Но как-то все обошлось: нас защищал один из наших офицеров.

Осада окончилась 7 декабря. 16 декабря мы вернулись в Тобрук, там было несколько торжественных маршей, сходили мы на кладбище, увиделись с теми, кто там лежал, а затем ушли. В первую ночь мы остановились на границе Египта и Ливии, где сели на поезд неподалеку от Сиди Барани. Доехали до Амареи *(пригород Каира – ВК)*, где в первый раз нормально поели. Ну а ехали мы в вагонах для скота. Никаких сидений, только солома на полу. Потом оказались в Палестине, где провели пару месяцев, вплоть до Рождества. Отдыхали, набирались сил. Вместо того, чтобы заниматься боевой подготовкой, мы отдыхали. Оттуда мы отправились в Сирию, где были заняты патрулированием побережья и границы с Турцией. Все это до того, как Роммель снова двинулся вперед. Сначала наши его отогнали до Бенгази или еще куда-то там, потом он снова погнал наших. Тогда-то нас и перебросили назад из Сирии. Мы-то думали, что отправляемся домой, поскольку другие [австралийские] дивизии отбыли назад, но не наша 9-я Дивизия. Когда нас сажали на поезд, мы думали, что едем домой, но вместо этого мы снова оказались в пустыне, в под Аламейном.

Были ли вы довольны этим?

Нет. Мы все хотели домой. В это время *джапы* начали свое наступление на юг, по островам [Тихого океана]. Мы хотели защищать свою страну, но, так или иначе, все это случилось, конечно, ничего хорошего, но ты не будешь спорить по этому поводу.

Когда вы узнали о падении Тобрука?

Когда мы были в Сирии. Мы пробыли там восемь месяцев и не могли поверить в то, что он сдался так быстро. Пару дней это заняло. Просто не верилось!

Вы злились?

Да, конечно… Мы были последним батальоном, который прибыл под Аламейн, все остальные уже были в боях до нашего 13-го… Мы пробыли там несколько месяцев до начала сражения. Так, патрули по дюнам, взад-вперед.

Вы – я имею в виду большинство людей - и правда сильно боялись того, что Роммель прорвется [к Нилу], правда ли, что все ожидали этого? Припоминаете ли вы что-то вроде тревоги, или Вы всегда были уверены, что остановите его?

Нет, мы никогда особо не беспокоились. Мы никогда и не думали о том, что они смогут это сделать. Особенно на фоне того, что к нам шли подкрепления и танки… А когда мы видели немецкие танки, тогда у нас были шестифунтовки и противотанковые пушки, и все прочее, мы чувствовали себя вполне уверенно.

Сложилось ли у вас какое-то мнение о генералах?

Да нет, они были где-то позади нас, и у нас с ними контактов не было. У нас не было контактов с ними [с высшим командованием], пока не пришел Монтгомери. Он дал возможность познакомиться с собой: он приезжал и осматривал войска. Вы не знали, когда он может появиться. Мы считали, что Монтгомери – это человек на своем месте, нам всегда нравилось, когда он снимал ту самую австралийскую шляпу: он толком не знал, как ее носить! В той шляпе он всегда выглядел ужасно. Время от времени он приезжал в войска, но других [старших офицеров] мы никогда не видели.

Северная Африка, 1942. Монтгомери с австралийской шляпой на голове…

Были ли вы в боях до октябрьского сражения под Эль-Аламейном?

Да, и довольно часто. Как-то ночью мы были в патруле. Пришлось пройти много ярдов в одну сторону, тысячу ярдов, а потом повернуть направо. Ни с чем таким не столкнулись. Мы знали, что там где-то есть пулеметное гнездо [немцев], поэтому повернули назад и вышли прямо в тыл этим пулеметчикам. С фронта у них было проволочное заграждение. Мы толком не знали, где они, пока не услышали, как кто-то сказал по-немецки: «Englander comment.» Они ждали, что мы приблизимся с другого направления, и стали бросать гранаты в сторону, противоположную от нас, но уже скоро они поняли свою ошибку, и нам пришлось удирать сломя голову. Постреляли, но на бегу, не останавливаясь. Помню, я подумал, что где-то рядом небольшой сухой ручей, и, если мы спустимся в него, пули будут пролетать над нашей головой. Вообще, показалось, что немцы запаниковали еще сильнее, чем мы.

Мы вернулись в штаб, ночь была с заморозком. Наши слышали весь этот шум, видели трассы очередей в небе и решили, что мы, наш патруль в беде. Мы, однако, вернувшись, непрерывно хохотали, и они сказали нам: «Какого черта вы все время ржете?», а мы не могли ничего объяснить. Это было нервное состояние, полагаю…

Мы устанавливали проволочные заграждения, рыли окопы, стоили укрепления на второй линии обороны, патрулировали, чтобы они [немцы] не подбирались слишком близко. Продолжали рыть окопы, а немецкая артиллерия нас обстреливала. Люди получали ранения, немало парней погибло, хотя, на самом деле, мы не были на передовой.

А в Каир вы ездили в увольнительные?

Один раз, непосредственно перед Аламейнским сражением. Там почти весь Каир был готов переметнуться к немцам. Меня ни с того ни с сего вызвали в штаб, и я получил увольнительную в Каир еще с несколькими парнями из разных рот… Поглазели на пирамиды, на сфинкса и так далее. Сходили в бары, там я впервые встретил ребят-янки.

И чем вы с ними занялись?

Пили так, что свалили их под стол.

Заносчивые?

О, да. Казалось, они думают, что все это [война] вроде как небольшой бизнес. Но, вообще, мы хорошо провели время в Каире.

Вы тогда были рядовым?

Нет. Рядовым я был в Тобруке. Перед Эль-Аламейнским сражением мы несколько недель подряд учились взаимодействию с танками, и подполковник сказал мне и Тому Данкену (Tom Duncan), что мы с ним примем под команду свои отделения. Я стал младшим капралом, а к началу сражения – капралом. То же случилось и с Томом Данкеном. Его поставили командовать 6-м Отделением, а меня – 5-м.

Значит, вы обучались воевать вместе с танками?

Да, идти рядом с ними с примкнутыми штыками. Потом выдвигаться вперед, занимать что-то, а потом давать возможность танкам подвинуться дальше, а нам вслед за ними. Вроде, знали, что нас ждет. Но, когда начинается бой, все пройденные уроки… Ты никогда не знаешь, с чем столкнешься: с минными полями, о которых ты не знал, с минами-ловушками, с противотанковыми пушками, с пулеметными гнездами, с тем, что людей начнут убивать… С тем, что на проволочное заграждение идешь с базукой в руках, что сейчас тебе придется

делать очень простые вещи, что продолжить наступление. Остановиться ты уже не можешь.

Итак, вы знали, что сражение вот-вот начнется, знали, что это будет большой бой. Осталось ли у Вас хорошее впечатление от Монтгомери?

О, да. Он был хорош. Он донес это до каждого, прямо до последнего человека, он удостоверился в том, что все об этом знают [о предстоящем сражении]. Он дал понять каждому, кто за что-то отвечал, даже офицерам, сидевшим в окопах и парням, которые подвозили питание к передовой, с чем им придется столкнуться.

Многое ли вы помните о самом сражении?

Артподготовка началась без двадцати десять. Никто из нас до этого не видел ничего подобного. Даже представить себе было трудно, что кто-то из *джерри* уцелеет. Над головой летят снаряды, в небе осветительные ракеты – когда мы пошли в атаку сразу после 10, мы думали, что это будет просто прогулка. Но поразительным было то, что они уже вскоре пришли в себя. Мы тогда потеряли некоторых своих ребят. Мы шли настолько вплотную за огневым валом, что мы потеряли их еще до того, как вышли на стартовую линию…

Там были минные поля на многие мили, и о них никто толком ничего не знал. Когда началось сражение, многое расчистили, но потом наткнулись еще на одно с милю в ширину, и они [танки] не могли через него пробиться. Нам пришлось продолжить продвижение вперед, потому что мы шли за огневым валом, и было необходимо держаться за ним вплотную, чтобы не дать *джерри* высунуть головы и снова вступить в бой.

Думаю, я прожил три жизни за 24 часа. В первую ночь мы были без танковой поддержки, потому что танки не могли пройти через минные поля. Так что мы стали наступать с винтовками и примкнутыми штыками. К тому времени они [немцы] уже вели по нам ответный огонь. Повсюду были огневые трассы, было видно, как летят снаряды. Они освещали местность, и было видно, как они летят над пустыней. Ты думаешь о том, какой из них снесет тебе голову. Думаешь о каждом: «Ну вот, это мой.» Но когда продвигаешься вперед, ты должен упрятать эту мысль на задворки мозга, даже когда рядом с тобой зацепило твоего приятеля…

С вами такое случалось?

Нас остановила пулеметная точка немцев. Парни, которые были перед нами, и старина Том Данкен, который стал капралом в один день со мной, вели огонь, и у него стали подходить к концу патроны. Джеки Лоу (Jacky Lowe) тащил боеприпасы, и я сказал ему: «Джеки, беги к Томми, у него патроны кончаются.» Он поднялся, и тут его прошило. Бедный парень лежал и рыдая, звал маму, когда я подобрался к нему, чтобы вынести его… Я заорал, чтобы подошли санитары с носилками, потому что не имел права останавливаться. Тут наш лейтенант поднялся, чтобы отдать приказ, но в него попали, и он свалился. После это зацепило командира роты, и он начал кататься по земле – парни падали там и тут, везде…

Рядом со стариной Томом лежал убитый малый, и я спросил: «Кто это, черт возьми?» Он был залит кровью, и узнать его было невозможно. Том сказал: «Это Локки. Старину Локки убили.» Хороший малый был, не пил, не курил, не сквернословил, все любили его. Он не знал страха, и мы не думали, что это может быть он. Он любил говорить: «Давайте-ка, парни, у нас работа, которую нужно сделать…»

Немцы сдаются в плен австралийцам

Все это было за пределами того, что можно было себе представить. Потом появился вестовой и сказал: «Быстренько, мы отходим назад на позицию, которую занимали ярдах в двухстах отсюда, там мы перегруппируемся.» Я сказал: «Пошли, Том», оглянулся, и увидел, что он все еще ведет огонь. Я утащил его оттуда, мы отошли и перегруппировались там, сзади, укрывшись в старых окопах, которые когда-то вырыли французы. Долго мы там не задержались, снова пошли вперед, и тут увидели *джерри*, которые бежали нам навстречу с поднятыми руками. Помню, много их было, пытавшихся спасти свои жизни. Кит Боулз был рядом со мной, и он сказал: «Вот как должно быть. Вот как нужно воевать – гляди-ка на них: бегут, долбаные черти.»

Так они и от вас бежали… Вы стреляли по ним?

Когда ты в бою, у тебя нет времени, чтобы остановиться и подумать. Стреляй, или тебя убьют. У тебя и доли секунды не остается…

Вы не думаете о том, что это – человек, что у него есть мать и отец…

Нет, пока не прошли годы, пока все не улеглось. Тогда у меня начались кошмары…

А что случилось с тем парнем, которого ранило в живот? Он выжил?

Нет, он умер. Я видел фотографию его могилы, когда в октябре побывал под Аламейном…

Потом они контратаковали еще раз, но все кончилось для нас хорошо: уже подошли наши танки. Потом один из них наскочил на мину и загорелся… Наши силуэты стали хорошо видны. Танк повернул назад и въехал в нашу линию, такое случается. Не знаешь, какого черта они это сделали и для чего! *Джерри* стреляли по нам, всюду были видны трассы очередей. Мы лежали на земле, и они выбивали нас одного за другим. Я уже думал, что буду следующим, но пытался отстреливаться.

Ваш *Томпсон* был с вами?

Нет, только винтовка. Это была уже вторая. Первой пуля попала в затвор, и я подобрал другую.

Крис был рядом со мной, у него был *Томпсон*, и он сказал мне: «Смотри, Джоу, как нам повезло.» Посмотрел, а у него несколько магазинов в подсумке. Говорю ему: «Тебе в голову что-нибудь влетит, если ты ее не прижмешь к земле.» Сам я старался укрыть голову за каской… И тут Кит заорал… Я забыл про стрельбу и вскочил на ноги. Сначала я перевязал Криса, его ранило в плечо и локоть… Он уже не вернется в батальон. Когда мы покидали Уитэли, мать Кита сказала мне: «Присматривай за Китом, он ведь совсем ребенок.»

А куда его ранило?

В ступню. Похоже, его ранили наши же. Я пытался перевязать его, а он крутился на земле от боли. Я попытался перенести его на плече, но он был крупным парнем. Мы упали, он запутался в колючей проволоке, и я запаниковал. Подумал: «Господи, это конец.» Кит продолжал орать. Я вспомнил, что говорил мне отец: «Будет туго, но в коем случае не паникуй. Запаникуешь – ты погиб.» Я вспомнил это, заставил себя успокоиться. Дал Киту пощечину, чтобы он заткнулся, и сказал ему: «Ради бога, не ори, ты нас обоих погубишь.» Потом мы избавились от колючей проволоки.

Похоже, нас на этой линии осталось всего двое. Рядом проходил танк, и я закричал что-то. Я знал, что нам нужно отойти ярдов на двести за невысокий бугор, и я сказал одному из танкистов, чтобы нас подвезли. Он отказался, тогда я взял гранату, вытащил чеку и залез на танк… В итоге, я уложил Кита за башней, сам укрылся там и сказал им: «На пару сотен ярдов назад.» Так они развернулись. Вместо того чтобы просто сдать назад!

Пули со звоном ударялись о башню, отскакивали от брони. Мы укрылись на не той стороне, на которой было нужно. Я перебрался на один борт, Кит на другой. Мы отъехали ярдов на сто, и я стащил Кита с танка. Он упал на раненую ногу, взвыл так, что у него чуть голова не слетела. Ну а танк поехал назад. Потом откуда-то появился грузовик, за рулем сидел парень, которого я знал раньше, - Мёрв Линеган (Merve Linegan). Он сказал: «Из тех, кто остался от роты, что-то формируют вон там.» Он помог мне поднять Кита и погрузить его в кузов. Мы поехали в то само место, но никого не нашли. Помню, какой там был смрад от порохового дыма – дышать было нечем… Тут я увидел, как из туч пыли кто-то идет по направлению ко мне.

Все еще было темно?

Нет, уже солнце всходило. Это был Том Данкен. Я говорю: «Том, я думал, что только мы с тобой и остались в живых,» а он мне: «Я думал, что я один остался в живых.» Мы прошли немного назад и залегли в чем-то вроде ямки. Говорю ему: «Том, ты голоден?» Он мне: «Да, конечно.» Я ему: «У меня есть галета и банка говядины в ранце. Вытащил все это, но оказалось, что пуля прошла через мой ранец, пробила банку с говядиной и пару чистых носков… Мы пролежали в той ямке минут десять, видели самолеты. Это были янки, и мы подумали: «Ну, вы - красавчики, ребята!» Мы радовались, ведь мы видели, как они сбрасывают бомбы. Потом я говорю Тому: «Они вряд ли отбомбятся на достаточном расстоянии от нас.» А он говорит: «Едва ли они промахнутся мимо нас!» Они сбросили бомбы чуть ли не на нас, мы подлетели в воздух фута на четыре и хлопнулись на наши носы и коленки.

Это было в первый раз, когда вы увидели американские бомбардировщики?

Не совсем так. Я видел какое-то их количество, когда они пролетали над нами перед сражением. За пару дней до этого мы видели, как они прошли над нами и вернулись. Но тогда я впервые оказался под их долбаными бомбами. В других наших взводах от них погибло немало парней, но мы были и там, и тут, и повсюду, так что их [американцев] не за что винить. Там не разберешь, кто и где…

Это было утро 24 октября. Ну так вот, я говорю: «Не лучше ли двинуться назад и поискать остатки роты.» Нашли их к ночи, к тому времени они слили остатки нашей роты и Роты *D*. Роты *A* и *D*, то есть. Мне дали троих или четверых из *D*, ну и своих у меня было, вроде, трое. Вестовой, тот, который появлялся в предыдущую ночь, передал мне, что мы приостанавливаем наступление, так что я приказал всем окапываться, потому что будет контратака [противника].

Вы, должно быть, были измотаны, ведь две ночи не спали?

Да, так и было. Потом мы снова собрались идти в атаку, в 10 утра, и я сказал: «Каким образом мы собираемся снова атаковать? Откуда взять силы?» Люди спали, некоторые с лопатами в руках, и я подумал: «Господи прости, как я смогу разбудить их и погнать в атаку?» Однако я начал трясти парней со словами о том, что *джерри* могут пойти в атаку в любую минуту. Дальше самым трудным было заставить людей вытрясти песок из мешков [уложенных на брустверы], которые были заполнены им с таким трудом – мы должны были взять эти мешки с собой. Это было самым тяжелым из того, что мне приходилось делать в жизни. Я знал, что люди просто обессилены. Так или иначе, мы вышли на стартовую линию, я посмотрел на часы – было ровно 10 утра. С начала наступления прошли всего сутки.

Эти парни, с которыми вы был вместе долгое время, знали их, как самого себя… Должно быть, трудно было сознавать, что они убиты или ранены?

Да, конечно. После войны думаешь об этом чаще. А на войне вспоминаешь, что был с ним недавно в увольнительной…

Вы выросли на ферме – не думаю, что вы были особенно брезгливы?

Да нет, хотя, когда я впервые увидел мертвого парня, меня вывернуло. Это был немец. Он пролежал на солнце целый день, почернел, распух и лопнул. Боже мой, вообще, это чудо, что ты вырабатываешь иммунитет к таким делам. Превращаешься в машину, так полагаю. Меня это больше не беспокоило…

AUSTRALIAN WAR MEMORIAL P09366.008

Австралийское военное кладбище под Эль-Аламейном

Тот парень, которого подстрелили в живот рядом с вами, который звал мать… Вас это не потрясло?

Ну как… Только на секунду или две. Там столько всего происходило, времени нет, чтобы задумываться о чем-то. Итак, мы снова пошли в атаку и хорошо продвинулись к ночи. Там шли танковые бои, танки горели, мы видели, как парни выскакивают из танков, объятые пламенем, чувствовали смрад горящей плоти… Человек бежит, его руки и ноги в огне, потом другой просто вываливается из танка, наполовину сгоревший, весь черный… Поразительно, как долго иногда горят танки – иногда целую неделю. Помню, на вторую или третью ночь я на таком танке вскипятил котелок. Это что-то из разряда смешного. Даже в такие моменты находишь возможность пошутить…

Думаю, что на третью ночь стало полегче?

Да. Немцы откатились, а танковое сражение продолжалось. Мы еще видели их, но все уже так перемешалось. Просто так стрелять не станешь, потому что сначала надо убедиться в том, что там враг, а не свои же ребята.

Слева от нас были *Горцы*, и я помню, как они шли вперед при свете дня, при этом играли их волынщики. Люди падали, но они шли вперед. Ничего подобного я никогда не видел: настоящие храбрецы. Когда слышишь волынки, хочется встать и идти за ними.

Волынщик развлекает солдат. Северная Африка, 1942 год

Было ли у вас понимание того, что происходит, или это был полный хаос?

Ну как, мы были в полной уверенности, что побеждаем. Мы об этом слышали, так все воспринимали… Так тяжко, как в первую ночь, больше не было ни разу. В какой-то вечер нас еще раз контратаковали, мы держались плечом к плечу, многих парней ранило, и мы не могли добраться до них – они остались где-то впереди… А вообще, иногда нам приходилось атаковать в том направлении, откуда мы пришли, или так казалось.

Были такие моменты, когда вы думали о том, что лимит удачи для вас близок к исчерпанию?

Нет. Так я никогда не думал. На самом деле, где-то в пятую ночь я записал в дневнике: «Я вполне уверен в том, что я выберусь отсюда в целости и сохранности.» Потом мы атаковали противника 29-го или 30-го и взяли его позиции сравнительно легко, хотя потеряли двоих или троих парней. Мы остановились там, откуда *джерри* отступили, и, само собой, они знали, где эти позиции находились. Поэтому они засыпали нас артиллерийскими снарядами, плюс к тому там была куча мин-ловушек. Там у нас было много пострадавших. Кёрли (Curly) находился на посту прослушивания на отшибе, где-то на минном поле, и еще зацепило одного моего старого приятеля - Дика Баррела (Dick Burrell). Он пытался укрыться в своей ячейке, так ему всю спину изранило…

Он выжил?

Да. Был еще один парень. Он сидел на краю ячейки, прилетел снаряд, - взрыв, и парень падает прямо на нас. Кто-то сказал: «Слушай, ради Христа, слезь с моей спины.» А ему говорят: «Бог ты мой, да он мертв, а на нем нет ни царапины.» Должно быть, его убило взрывной волной.

Когда ранило меня в икроножную мышцу, это тоже было неприятно. Зацепило меня, но боли не было. Скорее, нога онемела… Это случилось в ночь на 31-е. Осколок вошел в ногу и там остался. Когда его вынули, его отдали мне в качестве сувенира. Потерял его потом… Прилетел снаряд… и меня закинули в санитарный фургон, а рядом со мной – Тома Данкена. Его ранило осколком того же снаряда. Перед этим Том и я отошли, чтобы разжиться водой, и уже возвращались. Было около часа ночи.

На этом для вас война в северной Африке закончилась?

Да, в госпитале, он был сразу на отшибе от Александрии, там были еще Кит Боулз, Том Данкен и чуть ли не все мое отделение. Я был последним из него, кого зацепило, - все отделение выбыло из строя. Потом я выписался из госпиталя, вернулся в батальон, но боевые действия там уже закончились.

Шесть недель я провел в госпитале, потом транзитный лагерь, потом небольшой отпуск в Александрии. Домой мы вернулись на судне *Aquitania*, в Сидней прибыли 27 февраля [1943 года], прекрасный был момент – мы шли по заливу, когда восходило солнце…

Алек Барторп

От Тобрука до Аламейна – 1941-1942

Мы своевременно прибыли в Александрию и выгрузились у причалов в 17.00. У причала стоял австралийский эсминец *Nizam*, на который мы погрузились со всем своим личным снаряжением, получив приказ усаживаться на палубу, что мы и сделали. Дело было в июле, так что погода была жаркой, ночи были мягкими, хотя ветерок мог быть довольно холодным. Мы отплыли еще до наступления темноты, и австралийские моряки сказали нам, что путь наш лежит в Тобрук, где мы должны будем сменить австралийцев, которые находились там с апреля, когда началась осада, и которых отправляли на отдых по просьбе австралийского правительства. Нам предстояло получить их пушки и снаряжение, они

покидали позиции только с личной выкладкой. По плану мы должны были прибыть в Тобрук около полуночи, так что большую часть пути предстояло пройти в темноте, в то время как мы находились в поле досягаемости бомбардировщиков *Оси*, а в море были вражеские подводные лодки. Мы должны были высадиться или на причалы, или на одно из притопленных в гавани судов, после чего австралийские солдаты погрузятся на эсминец и уйдут в Александрию. В случае выгрузки на притопленном судне нас должны были подобрать баржи. Поскольку гавань была излюбленной целью вражеских бомбардировщиков, нас попросили покинуть эсминец как можно быстрее, чтобы он мог отправиться в путь с грузом *оззи (прозвище австралийцев – ВК)*. Само по себе наше путешествие было приятным и спокойным, обошлось без бомб и торпед, и мы выгрузились на руинах какого-то судна, где стали дожидаться прихода баржи, которая подошла, когда уже наступил рассвет, и отвезла нас на берег. Там нас подобрали грузовики и доставили на артиллерийские позиции австралийцев. Австралийцы оказались отличными парнями, они были настроены дружелюбно, помогали нам и засыпали нас историями о жизни в Тобруке, начиная с апреля. Подробностей не помню, но все они были из Мельбурна, и, хотя мы оставались вместе с ними всего неделю, нам было очень жаль расставаться с ними…

Сам по себе Тобрук был открыт всем ветрам и присыпан песком, я не припомню никакой зелени где бы то ни было близ наших позиций. Ключевым пунктом была гавань, и все сфокусировалось вокруг нее, в том числе, бомбежки. Казалось, недостатка в питьевой воде не было, но вся она имела происхождение из морской воды, которая просачивалась во что-то похожее на артезианские колодцы, так что на вкус была слегка солоноватой, что сказывалось на всех горячих напитках, таких как кофе и чай. Когда пробовали ее первый раз, плевались, но потом привыкли, а мне она так даже стала нравиться. Гавань была довольно большого размера и по форме напоминала яйцо, северный и южный ее фланги были защищены высокими клифами, на востоке находился узкий вход, на западе – выход в сторону Дерны и далее. На северной стороне, между клифами и гаванью, находился сам город, вытягивавшийся на запад вдоль воды до своей окраины, где пересекались дороги из Дерны и Бардии. В гавани на грунте сидело около 50 кораблей и судов, большая часть их надстроек торчала над водой. Крупнейшим из них был итальянский крейсер *San Georgio*, притопленный у входа в гавань. Армия претендовала на его потопление огнем своей артиллерии, ВВС заявляли, что это были их бомбы…

Пушки, которые мы получили от австралийцев, были произведены где-то в 1912-1916 годах и были похожи на те, которые использовались в Судане, когда мы впервые вступили в бой под Галлабатом. Они были сильно изношены, однако все еще были в боеготовом состоянии, так что мы стреляли из них, но на максимально возможное расстояние. Насколько я помню, все наши войска использовали разные виды пушек, многие из которых были итальянскими. Мы стреляли из 18-фунтовок. Отделение *A* использовало итальянские 105-миллиметровки, *C* – итальянские 75-миллиметровки. Мне говорили, что Отделение *E* стреляло также из итальянских 105-миллиметровок, а *D* – из однотипных с нашими 18-фунтовок. На ранней стадии нашего пребывания авианалеты были довольно маломасштабными, и почти всегда противник бомбил гавань и город. *Оззи (прозвище австралийцев – ВК)* оставили нам превосходно оборудованные огневые позиции и *сангары*, в которых мы жили. Они были вырыты примерно 5 футов в глубину и примерно 4 фута в ширину с, само собой, обложены брустверами из камней.

Вначале я был обособлен от моего расчета и получил назначение в специальное отделение в качестве водителя/запасного артиллериста, и моей работой, которая мне нравилась, стало поддержание коммуникаций между офицером НП, пехотной частью, которой мы оказывали огневую поддержку, и артиллерийской позицией нашего отделения. Офицера-наблюдателя и его помощника сменяли каждые три дня, и я должен был обеспечить их снабжение всем необходимым и собственно смену с точки зрения транспортировки. Время смены зависело от боевой ситуации, так как пушки должны были находиться в постоянной боевой готовности днем и ночью, и мой грузовик должен был быть постоянно припаркован рядом с НП, так что я, по сути дела, жил там. В моменты, когда можно было расслабиться, я помогал помощнику офицера, поскольку прошел курс

подготовки и теперь нуждался в практическом опыте и инструктаже. Тем временем пехотинцев сменили, и на их позиции заступила Польская Бригада. Я уверен, противник узнал об этом, или, возможно, поляки вели себя более агрессивно, чем *оззи*, потому что на какое-то время активность в этом секторе фронта возросла. Я всегда был на ногах рано, и одним утром, как обычно с осторожностью подходя к тому, в каком направлении перемещаться, я услышал гул самолета над нами и увидел *FW-109*, который, по-видимому, совершал разведывательный полет. Я видел, как он снизился до совсем небольшой высоты и преднамеренно пролетел всего лишь в нескольких футах над позицией пехотинцев. Поляки к этому времени зашевелились и открыли ружейно-пулеметный огонь по этому самолету, но их явно застали врасплох, и целились они плохо. Машина пролетела ярдах в 200 от меня над пехотой, и я отчетливо видел пилота, внимательно разглядывавшего наше расположение, в связи с чем *по-армейски* отсалютовал ему. Вскоре после этого противник подверг нашу позицию сильному обстрелу, и я остался весьма доволен тем, что у меня был такой надежный *сангар*.

Британские артиллерийские позиции. Тобрук, 1941

Так вот случилось, и я думаю, что сделано это было в отместку за мои поднятые вверх в виде буквы **V** пальцы *(этот жест в случае, если ладонь повернута вовнутрь, означает презрение и вызов – ВК)*. Вскоре после этого поляки, к которым прибыли их артиллеристы, сменили нас у наших пушек, в связи с чем мы перебрались на новое место в центральный сектор линии обороны. Мы оставили все наши пушки и все снаряжение полякам и разместились там, где их также оставили австралийцы. Наша новая позиция находилась примерно на дороге на Эль-Адам примерно в 6 км от ее пересечения с дорогой на Бардию и от места, где находился загон для пленных. Пехота, которую мы поддерживали, была представлена австралийским Батальоном 2/13, который вот-вот должен был погрузиться на суда последнего конвоя, уходившего в Александрию. Конвой [на пути в Тобрук] была атакован противником, одно судно было потоплено и еще одно сильно повреждено, так что он повернул назад, и австралийцы, поджидавшие его на причалах, вернулись на свои позиции, находившиеся напротив нас…

Австралийцы предупредили нас о том, что этот сектор обороны был излюбленным местом танковых атак *Африканского Корпуса*, и о необходимости постоянно быть в полной боевой готовности. Напротив позиции пехотинцев и левее ее находился старый НП, построенный в прошлом итальянцами – это было большое деревянное сиденье, закрепленное на высоком, врытом в землю столбе. С него хорошо просматривалась *ничья земля*, и это была

идеальная точка, с которой можно было разглядеть вражеский танк и связаться по полевому телефону с НП артиллеристов. Да, вы угадали, меня с одним из пехотинцев отправили туда, чтобы мы с ним по очереди вели с этого сиденья наблюдения. Никогда в жизни я не чувствовал себя столь уязвимым и одиноким, как там. У меня было такое чувство, будто каждый военнослужащий *Африканского Корпуса* смотрел на меня, и я ожидал прилета снаряда каждую секунду. Однако шли послеполуденные часы, подошло излюбленное противником время для атаки, потом наступил вечер, а атаки так и не случилось. Потом нас отозвали, и больше мне этого делать не пришлось – командиры обнаружили, что каждый раз, когда подходило мое время идти туда, я был чем-то занят. В итоге меня снова отправили в артиллерийский расчет, поскольку наш НП переместился на другое место, а от нас часто запрашивали огонь для поддержки пехоты. Мы, само собой, крепко подружились с пехотой: они считали, что всегда могут получить от нас быструю и эффективную поддержку, а мы, со своей стороны, чувствовали себя в полной безопасности, зная, что они занимают позиции перед нами и что мы можем спокойно спать ночью, и никто не сможет просочиться через их линию. В нескольких случаях противник обстрелял наше расположение, стараясь, если удастся, подавить наши пушки, поскольку мы были у него бельмом в глазу, но он так и смог точно выяснить наше расположение.

В моем расчете был парень, с которым у меня не заладились отношения, так как он продолжал нападать на меня из-за моих религиозных убеждений. Сам он был неверующим, смеялся над церковью, над верой в бога в целом и моей верой в частности, и так продолжалось довольно долго, но ни разу не переросло в мордобой, поскольку сержант пригрозил, что даст мне возможность расквитаться с ним на ринге, если он не остынет. Он это сделал, да и был и несколько меньшего размера, чем я. Так или иначе, в тот день, в тот момент мы не вели огонь, а все дружно отдыхали в нашем главном *сангаре*, который использовался, когда мы стояли в полной боевой готовности. Неожиданно на нас посыпались снаряды больших и не очень больших калибров, земля содрогнулась, и крышу *сангара* тряхнуло, после чего на нас посыпались камушки и песок. Мы все услышали, как очень близко к нам разорвался тяжелый снаряд, в результате чего на нас обрушилось облако пыли и камней. Потом я услышал еще один тяжелый глухой удар и увидел, как обвалился угол крыши *сангара*, но взрыва не последовало. Случилось так, что в этот момент я взглянул на своего антагониста, и в это же мгновение он посмотрел на меня. В эту секунду я уже знал, что он молится, и по его глазам я мог сказать: он знает, что я знаю, что он произносит молитву, и тут он улыбнулся мне. С того дня он прекратил наезды и насмешки, и наши отношения заметно улучшились. После того, как обстрел утих, я вышел из *сангара*, чтобы посмотреть, с чем был связан этот сильный удар, и обнаружил, что тяжелый 110-мм снаряд своим краем приземлился на крышу в ее углу, но не разорвался. И в самом деле, всемогущий господь в тот день позаботился о нас…

В другом случае, на той же позиции, я, как обычно, был в расчете пушки *No.1*, и мы только-только прекратили поддерживающий пехоту огонь, когда сами попали под артобстрел. Мы не могли оставить наши пушки, потому что приказа *перевести дух* от старшего офицера позиции не было, поэтому мы просто присели на колени за щитами наших пушек. Обстрел не был продолжительным, но один из последних снарядов разорвался между нами и пушкой *No.2* где-то в 20 ярдах слева от нас, подняв в воздух облако песка и камней. Я был ближе всех к их расчету, поэтому прокричал: «У вас все в порядке?», но ответа не последовало, так что, когда обстрел прекратился, я бросился к ним, и, когда приблизился, парни встали на ноги и стали сигналить и кричать, что все прекрасно и никто не пострадал. Я уже было собрался повернуть назад, когда обстрел возобновился, так что я быстро огляделся в поисках укрытия. Я увидел вход в *сангар* слева от себя, ярдах в пяти от орудийного окопа, поэтому, даже не раздумывая, нырнул в него (как ныряют в плавательный бассейн) и, по счастью, он оказался пустым. Когда обстрел утих, я попытался выбраться из него, но обнаружил, что не могу этого сделать, потому что мои плечи слишком широки для этого. Тот, кто строил его, использовал старую оконную раму в качестве дверного проема, и пролезть через нее я никак не мог. В итоге парням из расчета пушки *No.2* пришлось меня откапывать под смех и шутки окружающих…

Жизнь в Тобруке продолжалась со случавшимися время от времени авианалетами и артобстрелами, но без серьезных попыток противника взять город. До нас доходили сведения, что Клод Окинлек (Claude Auchinleck), бывший генерал Индийской армии, принял на себя командование и готовит новое наступление в ближайшем будущем. Изнуряющая летняя жара стала сменяться более прохладной осенней погодой, и, когда в ноябре официально началась зима, мы из прошлого опыта знали, что в это время начинаются наступления. И правда, в это время, в начале ноября, силами 8-й Армии началась операция *Crusader*. Она была нацелена на снятие осады с Тобрука и попутный разгром большей части сил противника. Однако с самого начала все пошло не совсем так, как было запланировано, и некоторые наши формирования понесли тяжелые потери. Основные узлы обороны противника были обойдены, чтобы позднее быть зачищенными. Несмотря на большую концентрацию наших танковых сил выяснилось, что наши вооруженные двухфунтовками боевые машины в огневой мощи по-прежнему уступают немецким *Pz.III* и *Pz.IV*, оснащенными 75-мм пушками. В этом плане мы смогли сравняться с ними только с прибытием на фронт танков *Грант/Grant* в 1942 году и, позднее, в том же году, танков *Шерман/Sherman*. Ну а тем временем нам приходилось обходиться тем, что было под рукой. Это было главной причиной тяжелых потерь, понесенных южноафриканцами под Сиди-Резегом, всего в 20 милях от оборонительного полукольца Тобрука. Наши войска, осажденные Тобруке, перешли в массированную атаку навстречу наступающей 8-й Армии, но с нашими ограниченными ресурсами их действия оказались не столь эффективными, как ожидалось, хотя сделали они все, на что были способны. Мое отделение располагало лишь двумя 1 - 1 ½-тонными грузовиками для буксировки пушек, которые были сильно изношены, так что мы были лишены возможности передвигаться куда-либо…

Осада с Тобрука была снята, и мы получили приказ вывезти все наши пушки с текущих позиций на парковку Корпуса Инженеров-Электриков и Механиков/Royal Electrical and Mechanical Engineers (REME) Тобрука для дальнейшей отправки в Каир. Мы должны были получить новые 25-фунтовки сразу после их доставки. В соответствии с этим, я, будучи старшим артиллеристом, при том, что под рукой не было подофицеров, получил приказ доставить пушки одну за другой на парковку *REME*. Мне дали в подчинение шестерых человек. Занятие это было довольно приятным, во всяком случае, более приятным, чем уборка территории на позиции. Наши австралийские пехотинцы тем временем получили приказ возвращаться в расположение своей дивизии, в дельту [Нила], и мы все с сожалением расставались с ними. Переброска пушек заняла примерно пару дней из-за того, в каком состоянии находился грузовик, который я использовал, и в последний день, на пути назад, имел место смешной случай. В период осады в плане снабжения мы полностью полагались на конвои и тихоходные лихтеры, так что шансов приобрести какие-то роскошности сверх нормы, такие как шоколад, сигареты, прохладительные напитки и т.п., у нас не было. Поэтому полнейшим сюрпризом для нас стало обнаружение на обочине дороги довольно большого грузовика с буквами *NAAFI.* на борту. Я немедленно остановил свою машину рядом с ним и вышел из кабины, чтобы посмотреть, кто тут у них старший. За мной последовали мои парни. Оказалось, что старшим был сержант, и я попросил его открыть кузов, потому что мы хотели купить себе кое-что. Он изумил нас, заявив, что не может открыть свою машину для нас, поскольку может продавать товары только *бойцам с передовой*, а не тыловикам. Мне пришлось приложить большие усилия, чтобы остановить своих ребят, готовых наброситься на него. После того, как я сказал ему, кто мы и чем занимались раньше, он нашел в себе силы извиниться и открыл нам доступ к товарам. Прошу отметить: я объяснил ему, что если он не сделает это, я снимаю с себя ответственность за поведение моих людей или за состояние его грузовика после того, как мы займемся им. Так что мы сделали покупки и поехали дальше, думаю, к большому его облегчению…

Со временем мы получили все полагающееся нам оборудование, после чего нам приказали как можно быстрее переместиться в Бенгази. К тому времени 8-я Армия оттеснила противника назад к Эль-Агейле, после чего ей пришлось остановиться, чтобы приступить к перегруппировке и ждать получения подкреплений. Это дало противнику время сделать то же самое, а их линии коммуникаций стали гораздо короче, чем наши, что

также давало ему преимущества, чем он не преминул воспользоваться в полной мере. И снова немцы под командованием Эрвина Роммеля оказались в боевой готовности первыми, снова атаковали и снова застали наши войска врасплох, вынудив их поспешно отступить по тем же дорогам, по которым мы недавно наступали. Генерал Окинлек назначил командующим 8-й Армией генерала Нила Ритчи (Neil Ritchie), и никто из тех, с кем я разговаривал, ранее не слышал об этом джентльмене, но вскоре нам предстояло узнать, что это был самый бесполезный генерал в Британской армии. Тем временем, едва мы тронулись путь в направлении Бенгази, прежний приказ был отменен, поскольку его должны были оставить, поэтому нам приказали немедленно проследовать в Барку – небольшой городок, расположенный на полпути к Бенгази, но все еще на плато, а не под его уступом близ побережья. Мы должны были занять оборону на южной дороге, идущей через Джебель Ахдар – платообразную возвышенность, вытянутую от Барки в направлении приморского города Дерна.

Прибыв в Барку, мы разместили артиллерийские позиции по обе стороны дороги. Мое отделение *B* оказалось к северу от нее вместе с отделением *A*, *C* и *D* – к югу. Я не помню, где разместились *E* и *F*. Мы поддерживали пехотную роту Камеронских Горцев/Cameron Highlanders, которые заняли позиции на гряде, на ощутимом расстоянии впереди нас. Перед ними была еще более высокая гряда, которая была хорошо видна с нашей позиции. Эта гряда приобретет большую значимость в предстоящем бою, поскольку *Камероницы*, понятное дело, окопались на обращенном в нашу сторону склоне своей менее высокой гряды.

Шум моторов обозначил приближение вражеского авангарда, и мы услышали треск ружейно-пулеметного огня, когда находившиеся на передовой линии *Камероницы* вступили в бой. От них мы получили сообщение о том, что немцы спрыгивают со своих машин, чтобы пойти в атаку, и где-то в это время мы открыли огонь по ним, застав их врасплох. Потом пришло сообщение, что противник немного отошел, чтобы перегруппироваться для атаки, так что мы несколько увеличили дальность стрельбы и накрыли их участок концентрации сил. Затем случилось невозможное: немцы, по какой-то неизвестной причине, пошли вперед вверх по склону, чтобы перевалить через гребень и перейти в штыковую атаку на позиции *Камеронцев*. Наши расчеты получили приказ стрелять прямой наводкой и целиться по полосе, расположенной ярдах в 20 за гребнем, что наши наводчики и сделали, когда немцы появились в поле зрения. Теперь снаряды 25-фунтовок стали рваться с разлетом осколков на 35 ярдов вперед и 10 ярдов назад, так что немцы понесли тяжелые потери еще до того, как приблизились к линии обороны, где их поджидали пулеметы и *Камероницы* с примкнутыми штыками. Что и говорить, все атаки противника были отбиты с большими для него потерями, пока он не прекратил их и не перешел к обороне на ночное время. Мы продолжали сдерживать немцев и на следующий день, но пришла информация о том, что они вызвали бронетехнику, которая обходит наши позиции с юга, где у нас не было людей, чтобы выйти нам в тыл – обычная их тактика – так что мы в темное время суток снялись с позиций. Затем мы всю ночь и часть следующего дня были в пути под прикрытием пехоты и вступали в бой, когда противник подходил слишком близко. Так мы добрались до Газалы, где присоединились к остальным нашим войскам. На этой линии мы попытались дать немцам бой, но эта так называемая *линия* существовала только на бумаге, а на самом деле представляла из себя серию так называемых *узлов обороны* с пустотами между ними. Они и в прошлом оказывались смертельными ловушками, и солдаты считали плодами тупости ввиду их уязвимости по отношению к ударам *панцеров*. По счастью, верховное командование наконец-то осознало это и решило создать улучшенную линию обороны, протягивающуюся на 50 миль от Тобрука на побережье до Бир-Хакейма на юге. Наш полк получил приказ окопаться на участке Бир-эль-Хамат, расположенном в 15 милях севернее Бир-Хакейма. Мы добрались до него и закрепились там. Тем временем немцы растянули свои линии транспортных коммуникаций до такой степени, что им пришлось остановиться и перегруппироваться, в связи с чем наступило временное затишье.

Все мы знали, что это затишье будет временным, и что раньше или позже одна из сторон окажется достаточно сильной, чтобы начать новое наступление. Нам сообщили, что на пути из Великобритании находятся значительные подкрепления, но до их прибытия и отправки на фронт большего количества техники и танков мы не сможем перейти в атаку, и нам придется просто беспокоить противника с максимально возможной интенсивностью и с помощью того, что есть под рукой. Было принято решение высылать вперед с этой целью рейдовые (Jock) колонны. Такая колонна состояла из артиллерийской батареи, пехотной роты, батареи зениток *Бофорс/Bofors*, противотанковой батареи, ремонтной и санитарной частей. Ударной силой, само собой, являлись 25-фунтовки. Концепция использования колонны заключалась в просачивании через линию фронта, что не представляло из себя трудности, дальнейшем повороте на север или на юг и поиске целей для уничтожения. В случае встречи с *панцерами* вступление в бой предполагалось только в том случае, если возникала прямая угроза, но планировался поиск более легких целей, таких как склады или транспортные колонны, после нанесения удара по которым предполагались выход из боя и исчезновение в пустыне.

Враг противодействовал этому виду активности атаками *Штук*. Наша батарея была отобрана для первого рейда такой колонны с *Камеронцами* в качестве пехотной составляющей. Это оказалось неплохой забавой, и мы нашли несколько целей, которые были атакованы с неоднозначными результатами. Несколько раз мимо нас пролетали *Штуки*, и я хорошо помню, как однажды я возвращался в наше расположение с грузом снарядов в кузове моего грузовика, когда увидел самолеты, летящие в группе для того, чтобы отбомбиться по позициям наших пушек, которые вели огонь по застигнутой нами врасплох немецкой колонне с грузами. Я остановил грузовик и стал смотреть, как проходит бомбежка, надеясь, что летчики не заметят мою машину. Все это сильно напомнило мне времена осады Тобрука, когда в нескольких случаях я был одной из их целей. В итоге *Штуки* завершили свой рейд и улетели, и я тронулся в путь к нашим позициям, где обнаружил, что ущерб был минимальным и попаданий в пушки не было, хотя людей слегка тряхануло. Несмотря на имеющуюся репутацию, *Штука* была самым неточным оружием…

Вскоре после этого нам сообщили, что нас в Бир-эль-Хамате сменит 50-я Нортумбрийская/Northumbrian Дивизия, а сами мы отправимся на отдых где-нибудь в районе *Дельты (так солдаты часто называли район Александрии-Каира – ВК)*. К тому моменту мы непрерывно были в боях около 9 месяцев и были настроены на отдых, так что в наших рядах царило возбуждение. Мы покинули линию фронта и тронулись в путь в направлении Палестины, перебрались через Суэцкий канал и получили приказ проследовать в Ирак, на авиабазу Хаббания, расположенную близ Багдада. Мы перебрались через реку Иордан между Галилейским озером и Мертвым морем, объехав Иерусалим с юга, а потом направились на восток, в сторону Иордании, после чего стали продвигаться вдоль нефтепровода, через песчаную пустыню к Багдаду. Дорога заняла несколько дней, но ночлеги не представляли сложностей, потому что мы просто съезжали с дороги и ложились спать на песок рядом с грузовиками.

Хаббания оказалась прекрасным местом, очаровательным оазисом посреди океана песков. Она была занята частями Королевских ВВС, которые провели там несколько лет и организовали проживание для семейных и офицеров, столовые и разнообразные закусочные, клубы и пр., и пр. Для не связанного с ВВС персонала была отведена большая площадь в стороне. Именно там мы расположились с превеликими удобствами в палатках! Мы должны были оставаться там не дольше трех недель, но за этом время я был послан в командировку из Багдада в Киркук, потом в Мосул, потом назад в Багдад. Это была скучная поездка, но мне было интересно увидеть основные нефтяные прииски Ирака. Мне также удалось с другими парнями провести день в Багдаде и осмотреть его. Я не помню многого из того, что увидел в городе, потому что времени было мало, но мы нашли *Bullshit Alley* – довольно узкую улицу, по обеим сторонам которой находились лавки жестянщиков, производивших пепельницы, подсвечники и т.д. Я взял в руку один кусочков металла, используемых для этого, и обнаружил, что это была часть канистры, в которых нам в пустыню доставляли горючее для грузовиков.

В период нашего пребывания в Хаббании мы следили за событиями в Западной Пустыне. Наши радисты все время настраивались на волну новостей, и мы понимали, что положение становится крайне сложным. Тобрук пал, наши потери в танках стремительно росли, и теперь дело выглядело так, что наши войска ведут ожесточенные арьергардные бои и медленно отступают к [ливийско-египетской] границе. Так что для нас не стало сюрпризом то, что мы получили приказ проследовать с максимальной скоростью назад, в Западную Пустыню, со всей техникой, готовой к бою. Во время обратного путешествия через Палестину и Египет конечный пункт назначения менялся несколько раз, последним стал Аламейн, где мы когда-то помогали строить оборонительные позиции, прежде чем 10 месяцев назад отбыть в Тобрук.

Мы продвигались быстро и останавливались лишь для того, чтобы поспать несколько часов и заправиться. Положение в тот момент показалось мне немного хаотичным, но мы надеялись на то, что утром все будет лучше. На следующий день пришел офицер из 149-го Противотанкового Полка, чтобы встретиться с нашими полковыми штабистами и попросить у них подкреплений, так как он потерял в Тобруке одну из батарей. Ожидаемые им подкрепления были в пути со складов, но должны были прибыть не раньше, чем через неделю или около того, а остатки 149-го Полка находились на позиции в юго-западном углу позиции, занимаемой южноафриканцами – остатками их 1-й и 2-й дивизий, находившимися в прибрежном секторе фронта. Положение у него было таковым, что у него были пушки, но было слишком мало людей, чтобы сформировать расчеты. Предполагалась, что переданные нами силы будет в его распоряжении до прибытия подкреплений, а потом наши люди вернутся в полк. Я переговорил с этим офицером и в результате вызвался на такое перемещение добровольно, в связи с чем покинул свой полк в тот же день, был повышен в звании до *бомбардира* и назначен старшим расчета одной из 6-фунтовок. Мой расчет состоял из молодых, но знающих дело парней. Они прибыли из Великобритании за несколько месяцев до этого, и только один из них пробыл в полку около года, так что я оказался среди них самым опытным. Офицер был где-то моих лет и провоевал в пустыне примерно столько же, сколько и я. Он побывал в составе той же рейдовой колонны, что и я, хотя там мы не пересекались, но это помогло нам наладить тесный контакт друг с другом. Итак, мы стали дожидаться атаки противника, которая, как мы знали, была не за горами.

Насколько я помню, дело было в середине июня 1942 года, когда немецко-итальянские войска под началом генерала Роммеля атаковали наши позиции под Аламейном, проведя сначала разведку боем, высматривая слабые места в нашей обороне. Он, должно быть, получил довольно *горячий прием* со стороны южноафриканцев в нашем секторе, потому что начал обходить нашу позицию и не стал атаковать в лоб, как ожидалось. Слева от нас (к югу) находился большой просвет в нашей линии, потому что новозеландцы, которые должны были занять в нем позиции, были задержаны и не прибыли на место вовремя, так что противник энергично ворвался в эту брешь, рассчитывая полностью окружить наши позиции. По счастью, прежде чем он сделал это, прибыли свежие части и остановили его продвижение на достаточно долгий срок, чтобы дать *киви (прозвище новозеландцев – ВК)* время на выдвижение к передовой и на то, чтобы отогнать противника и стабилизировать положение. Должен сказать, что весь мой расчет вздохнул с облегчением, потому что последние две-три ночи мы видели, что линия соприкосновения продвигается за наши спины, уходит в направлении моря, останавливается и потом снова откатывается на запад. Как только *киви* закрепились рядом с нами, мы почувствовали себя намного комфортнее. Оказалось, что противник чрезмерно растянул свои коммуникации, стал испытывать нехватку жизненно важных материалов, в особенности горючего, и был вынужден отступить и перегруппироваться. Было очень жаль, что мы не были в состоянии контратаковать большими силами в тот момент…

Первое сражение под Эль-Аламейном. Британские артиллеристы

В период затишья в боях командир моего отделения (его имени я не помню) говорил со мной много раз о возможности производства в офицеры, и, если бы меня это заинтересовало, он мог бы дать мне рекомендацию. Конечно, интерес у меня был и немалый, и я положился на него. Уже вскоре наш полк посетил командир *Корпуса Королевской Артиллерии* в ходе поездки на линию фронта. Он отвел меня в сторону и спросил мое мнение на предмет производства в офицеры, другими словами, проинтервьюировал меня и перед отъездом сказал, что посмотрит, что сможет для меня сделать, поскольку я был рекомендован командирами отделения и полка. Так случилось, что всего через несколько дней я получил тяжелую травму в результате несчастного случая: загорелась канистра с бензином, и я получил серьезные ожоги ног, особенно правой, обеих колен и кистей обеих рук. Наш фельдшер перевязал меня и отправил в тыловой госпиталь в Каир поездом *Красного Креста*. Я попал в британский армейский госпиталь, расположенный в окрестностях Каира. Он состоял из палаток, врытых в песок примерно на 3-4 фута. Полы были залиты бетоном, стены сложены из кирпича на высоту примерно 4 фута.

Медсестры были членами Палестинской Территориальной Армейской Службы/Palestinian Territorial Army Service - *ATS*, все они были белыми и преимущественно еврейками. Там я встретил весьма привлекательную французскую девушку, которая находилась здесь в отпуске, когда началась война. Ей пришлось остаться, и она записалась в *ATS*. Она не слишком хорошо говорила по-английски и проводила много времени в беседах со мной на французском языке. Мне это очень нравилось, поскольку это не только позволяло мне практиковаться во французском языке, но и ставило меня несколько выше остальных парней в нашей палатке. Ее имени я не помню. Она была поставлена присматривать за нашей палаткой, так что у нас была масса возможностей вести разговоры, и, само собой, мне приходилось выслушивать множество комментариев, особенно со стороны *оззи*, *киви* и, понятное дело, англичан, по поводу наших отношений. Как-то утром она не пришла на работу, так что все парни стали спрашивать меня, что такого я сделал с ней предыдущей ночью, из-за чего она не пришла на службу, и на это у меня, конечно, ответов не было. Когда пришла старшая сестра, они спросили уже ее, на что она ответила: «У нее не в порядке с животом.» Ну, это они и только и ждали, и посыпались куда более грубые комментарии…

Был еще случай, когда одного *киви* прооперировали на предмет геморройных шишек. Его койка была рядом с моей, так что его после этого принесли и положили на койку в бессознательном состоянии и под воздействием обезболивающих средств. Через какое-то время он пришел в сознание, все еще под влиянием последних, а старшая сестра находилась в палатке и была занята сменой бинтовых повязок. Парень начал ругаться и проклинать хирурга, приговаривая: «Мне чертовски больно – клянусь, этот долбаный ублюдок отрезал не ту хреновину», и так продолжалось, пока сестра не залилась краской и не ушла из палатки: она была здесь единственной женщиной, а мужики ржали что есть мочи, хотя и чувствовали себя неловко из-за этого. Мы были приятно удивлены, когда она

уже вскорости вернулась, и, когда парни стали извиняться за поведение того малого и его лексикон, она ответила, что, хотя все это выглядело в тот момент неловко, тот парень не отдавал себе отчет в том, что несет, а с ней такое случалось и раньше.

Через несколько дней после того этого я был выписан из госпиталя и вернулся на базу в пункте Алмаза/Almaza, чтобы потом отправиться к себе в часть. Однако по прибытии мне сообщили, что был получен приказ, согласно которому я пока остаюсь здесь, потому что в дальнейшем должен буду отбыть в офицерскую школу для прохождения курса подготовки (Officer Cadet Training Course), который начнется в сентябре в Акре/Akre *(ныне Акко, Израиль – ВК)* близ Хайфы. Шла середина августа, так что я оставался в административном штат базы, пока не отбыл в Акре с еще 30 кандидатами для прохождения двухмесячного обучения.

БРИТАНЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ ОБ ОПЕРАЦИИ *CRUSADER* – НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1941 ГОДА

*Рассказывает танкист **Джеймс Палмер***

«Следующие четыре месяца обе стороны консолидировали свои позиции. Тобрук все еще удерживали наши, и он был колючкой в глазу у Роммеля. Его линии снабжения были растянуты до предела до Бенгази и Триполи. Ему пришлось как следует закрепиться на перевале Халфайя и близ Саллума, и в то же время он пытался избавиться от этой колючки у себя в тылу. Тем временем Уэйвелл был освобожден от своей командной должности, и его сменил Окинлек.

Было подозрение, что Роммель планировал решительную атаку на Тобрук в середине ноября. Ходил слух, что у Окинлека были свои идеи и что он складирует большие объемы [бое- и других припасов] между Мерса Матрухом и Сиди Барани. В то же время он строил основательные оборонительные позиции к северу от Катарской впадины в районе Эль Аламейна на случай, если немцы прорвутся и большими силами устремятся к Александрии…

Июль, август, сентябрь и октябрь стали месяцами восстановления сил и переоснащения. Пустыня оставалась сама по себе главной проблемой для обеих сторон. Дующие целыми днями пыльные горячие ветры, миллионы мух, скука и *пустынная депрессия*. Как говорили бедуины: «Если *хамсин* дует десять дней кряду, у тебя есть право убить свою жену!» Временами мы чувствовали себя страшно одиноко. Люди становились нервными и раздражительными. Чтобы преодолеть монотонность, мы организовали охоту на газелей и стали выезжать в пустыню на джипах, чтобы поохотиться на этих выглядевших как *Бэмби* животных. Стейки из мяса газелей были великолепны! Некоторые парни организовывали бои между скорпионами и делали денежные ставки. Ловили двух скорпионов, с предосторожностями, затем делали круг на песке струйкой бензина. Скорпионов осторожно помещали в этот круг, поджигали бензин и заставляли драться не на жизнь, а на смерть. Еще мы охотились на тушканчиков, приручая этих маленьких пустынных крыс…

17 ноября мы перешли в наступление. Основные силы продвигались в сторону побережья от Барани к Саллуму и Халфайя. В районе Саллума противник оказал ожесточенное сопротивление. 7-я Бронетанковая Бригада наступала на юг в направлении пункта Сиди-Резег (к югу от Тобрука). Новозеландцы пробивались к Тобруку, обойдя Саллум и перевал Халфайя. На юге южноафриканцы атаковали итальянские дивизии *Ariete* и *Folgore.* Основной удар наносила 7-я Бронетанковая Бригада с расчетом на то, что гарнизон Тобрука нанесет удар на юг и продвинется в направлении [аэродрома] Эль Адем.

В ночь перед наступлением случился жесточайший ливень, который затопил аэродром в районе Фуки/Fuka, так что наша авиация не смогла подняться в воздух и поддержать нас. Продвигаясь в направлении пункта Сиди-Резег, мы попали под сильный обстрел немецких 88-миллиметровок и противотанковых пушек калибром поменьше. Всюду и везде рвались дымовые снаряды, вынуждая нас терять ориентировку. Навстречу нам двинулись легкие

танки противника, и вражеский огонь еще более усилился. Далеко справа от нас мы видели артиллерийские позиции немцев. Сначала там появлялось облачко дыма, затем до нас доносился вой, потом взрыв, за которым вздрагивала земля и следовал стук осколков о броню. Из танков слева и справа от нас валил дым, треск пулеметов был непрерывным. Каждый стрелял по всему, что двигалось перед ним. Мы останавливались, снова трогались вперед, бросали машину то вправо, то влево. Мы налетали на подбитые машины, а затем лезли дальше, туда, где горели танки. Отовсюду доносились вопли умирающих и отвратительный запах горящей человеческой плоти. Кому-то из танкистов удавалось выбраться из горящих машин до того, как они взлетали на воздух… Позднее этот участок боев получил название *Котел/The Cauldron*, и по праву...

Мы мало что видели: внутреннее пространство танка было загазовано и задымлено. Гремели пустые снарядные гильзы, затвор пушки раскалился докрасна. Казалось, что грохот разрывов сам по себе отправит нас в *Царствие Небесное*, но тут наступила мертвая тишина, так же быстро, как и все это началось. Затихли танковые моторы. Мы прошли через *Котел*. Теперь мы были на открытой местности с примерно двенадцатью уцелевшими танками. Слева от нас было небольшое *вади*, поэтому мы тронулись в путь, рассчитывая на какое-то продвижение вперед. Вскоре мы наткнулись на четыре легких итальянских танка. Увидев нас, итальянцы запаниковали. Они резко повернули вправо, прямо на немецкое минное поле. Мы наблюдали за тем, как до них дошло, куда их завела паника. Они начали метаться вправо-влево в поисках выезда с минного поля, но под грохот взрывов они один за другим канули в вечность…

Мы еще два дня бились с немецкими танками и артиллерией. Был один перерыв, когда нам пришлось отойти, чтобы заправиться и пополнить боезапас, но и тут все происходило под интенсивным артобстрелом. Все еще не было признаков того, что наши прорываются из Тобрука, а сражающиеся к северу от нас новозеландцы натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Южноафриканцы к югу от нас наконец вынудили итальянские дивизии отступить на северо-запад в сторону Газалы. Теперь основные бои шли на участках Сиди-Резег и Эль Адам. Немецкая пехота в районе Эль Адам дралась с фанатическим упорством, и их воля к сопротивлению была невероятной. Весь этот район напоминал кладбище наших сгоревших танков. Всюду и везде в небо поднимались столбы дыма от этих погребальных костров.

Участок Сиди-Резег после танкового сражения…

Мы были измотаны, но в нас больше не было страха. Ничто не могло быть хуже, чем то, через что мы прошли. Мы прошли через все ужасы танковых сражений, и не осталось ничего из того, что могло быть хуже увиденного нами. У нас теперь был иммунитет от всего этого - примерно, как у немецких пехотинцев, которые столь часто сражались в настоящем аду, отключив мозг таблетками *бензедрина*. У нас больше не было угрызений совести, когда мы выпускали снаряды и видели, как вражеские танки взрываются, объятые пламенем. Мы уже прошли через весь спектр эмоций и думали только о том, как выжить. В моем понимании осталось только две разновидности солдат: шустрые и мертвые! Когда нам удавалось уничтожить еще один вражеский танк, моей единственной мыслью была следующая: «Этот не будет по нам больше стрелять.»

Где-то через четыре дня, наконец, пришли новости. Новозеландцы вошли в Тобрук, дав возможность силам гарнизона вырваться и двинуться на юг в направлении Сиди-Резег. После это основные бронетанковые силы немцев, дислоцированные к западу от Тобрука, двинулись на юг в направлении Сиди Омара, а потом повернули на восток в направлении Сиди Сулеймана и *проволочного заграждения* [на границе Египта и Ливии]. Определенно, их целью было уничтожение 7-й Бронетанковой Бригады, которая перегруппировалась к югу от Капуццо.

Мы понесли тяжелые потери, но все еще могли сражаться. Отступая на восток, мы смяли *проволочное заграждение* непосредственно к югу от Саллума. Тем временем танки Роммеля прорвались непосредственно к северу от Форта Магдалена. Затем они повернули на север и попытались перерезать линии снабжения новозеландцев. Больше недели Роммель атаковал, но новозеландцы удержались. Тобрук остался в наших руках. Число оставшихся в строю *панцеров* к этому моменту упало до нескольких десятков. Британские танковые и броневые части тоже понесли тяжелые потери и были здорово потрепаны, но к нам подходили подкрепления, и наши линии снабжения были в безопасности. Этого нельзя было сказать про танкистов Роммеля. Он оторвался на 60 миль от своих основных сил и сильно углубился в нашу территорию. Подкреплений до него доходило мало и совсем мало необходимых материалов. Фактически, *Лис Пустыни* проиграл это сражение! В первую неделю декабря от отвел то, что осталось от его сил, откатился на юг и затем отошел к Газале. Немцы отошли от Тобрука и присоединились к итальянцам, чтобы создать оборонительную линию. Они остались на перевале Халфайя.

Мы расположились непосредственно к западу от *Проволоки (египетско-ливийской границы – ВК)*, в то время как британцы и новозеландцы перешли в наступление в направлении Газалы и далее – на Бенгази. К Рождеству 1941-го Бенгази снова был в руках союзников. Немцы отступили в район Агабедии/Agabedia и Беда Фомм.»

О боестолкновениях в районе аэродрома Сиди-Резег рассказывает британский танкист, южноафриканец **Роберт Крисп** (**Robert Crisp**, 1911–1994, на фото слева), 3-й Королевский Танковый Полк:

«В стремительной и хаотичной войне в пустыне распознавать своих и чужих было чрезвычайно трудно. Эту задачу ещё больше осложняли бои, которые очень часто происходили в неопределённом освещении рассвета или сумерек, а также крайне скудные сведения о передвижениях как собственных, так и вражеских войск.

Весь тот день представлял собой непрерывную череду беспорядочных стычек с противником, который, казалось, заполнил всю пустыню к северу от нас. Мне пришлось провести несколько танковых дуэлей. Я подбил два немецких танка и при этом многому научился. Я понял, с какими бронированными машинами противника *Милашки* способны успешно сражаться, а каких следует избегать до тех пор, пока не удастся создать для себя действительно выгодную обстановку. Например, мы были готовы без особых опасений вступать в бой с любым количеством итальянских танков, а также с немецкими *Pz.II* и бронеавтомобилями, а вот *Pz.III* и *Pz.IV* приходилось побеждать не столько превосходством в боевых качествах, сколько хитростью, удачным манёвром и Божьей

милостью. Именно в этот день я впервые в жизни увидел летящие в меня бронебойные снаряды ещё до того, как они ударили по моему танку. Я выбрал себе целью два немецких *Pz.II*, которые, как это обычно бывало при угрозе нападения, отделились от основной колонны. Используя каждую складку местности, я осторожно сокращал дистанцию. Я уже решил для себя, что 600 ярдов — это абсолютно предельная дальность, с которой моя 37-миллиметровая пушка ещё может вести действительно эффективный огонь. Конечно, они тоже меня видели, и прекрасно понимали, что я пытаюсь сделать. Вдруг один из танков окутался небольшим облачком дыма после выстрела. В то же самое мгновение я заметил тёмный предмет, со свистом летящий прямо в меня. Почти сразу выстрелил и второй танк - произошло то же самое. Я отчётливо видел, как оба снаряда ударились в песок примерно в десяти ярдах перед моим танком, затем рикошетом отскочили вверх и с оглушительным металлическим звоном ударились о броню. Этот случай оказался для меня бесценным уроком. Я успел заметить, насколько быстро снаряды теряли траекторию, и понял, что на таком расстоянии — не более тысячи ярдов — *Pz.II* уже не способны причинить мне серьёзного вреда. Но ещё более важным было другое открытие. Я понял, что в этих немецких танках сидят люди, которым страшно, причём, как мне тогда показалось, намного страшнее, чем мне самому.

Думаю, именно в тот день мы окончательно утратили свою прежнюю беспечность и восторженность. Из нашей жизни исчезло чувство приключения. На смену ему пришли суровая сосредоточенность, страх и непрерывно нарастающая усталость — не только физическая, но и душевная. Под вечер нам приказали занять позиции для атаки крупной колонны противника, замеченной к северо-западу. Усталые и уже без особого энтузиазма мы ожидали приказа начать идти в атаку, но он так и не последовал. Солнце окончательно зашло. Вместо атаки мы в темноте отошли обратно в ночной лагерь и начали подсчитывать всё возрастающую цену войны. События этого дня и последующий поворот всей кампании были предопределены ещё предыдущей ночью. Именно тогда Роммель приказал обеим своим танковым дивизиям — 15-й и 21-й — соединиться и «атаковать и уничтожить силы противника, выдвинувшиеся к Тобруку». В конце приказа было такие слова: «Целью является центральный аэродром у Сиди-Резега».

Среди ночи командиров взводов разбудили и вызвали к танку командира полка. Там, при свете тщательно прикрытого фонаря, нам показали план предстоящей атаки. На рассвете совместно с батареей Королевской Конной Артиллерии мы должны были атаковать немецкий ночной лагерь. Возвращаясь к своим танкам, мы вполголоса ворчали и ругались. Вообще-то, по очень простой причине, я давно считал, что лучший способ атаковать немецкий лагерь — это именно полномасштабное ночной удар. Я не мог придумать для немцев ничего страшнее, но именно в этой операции мне участвовать совершенно не хотелось хотя бы потому, что я был чертовски сонным. В четыре часа утра мы уже двигались в темноте. Не прошло и получаса, как все лёгкие артиллерийские тягачи Королевской Конной Артиллерии — так называемые *quads* — увязли в болотистой низине, сохранившейся после последних сильных дождей. Когда же мы наконец добрались до места предполагаемой атаки, от немецкого лагеря остались лишь следы гусениц и колёс на песке. Чтобы хоть как-то компенсировать это разочарование, мы яростно атаковали небольшую группу машин противника. Очень быстро выяснилось, что все они давно брошены - подобные случаи были вовсе не редкостью: ночные лагеря снимались с места ещё до рассвета, когда видимость была минимальной. В этот первый утренний час могло произойти буквально всё что угодно. То же самое происходило и в последний час перед заходом солнца, да и в течение дня особенности местности и атмосферы порождали самые невероятные зрительные обманы. Кусты превращались в танки, танки казались рядами деревьев, а мирно пасущееся вдали стадо верблюдов легко могло вызвать по радио срочное донесение о концентрации немецких танков. Такие сообщения переходили: от взвода — к эскадрону, от эскадрона — к полку, затем в штаб бригады, а иногда вызванная ими паника доходила даже до штаба армии. Лично мой танк за время кампании прошёл многие десятки миль, преследуя самые настоящие миражи.

День начался крайне неудачно, и таким же оставался всё утро. Мы трижды отправлялись на поиски противника, и все три раза это оказывалась бессмысленная погоня за

несуществующей целью. Мы столько времени бесцельно колесили по пустыне, что не успели даже приготовить традиционный чай. В 13 часов 30 минут весь полк получил приказ двигаться по азимуту 283. Впереди должен был идти Эскадрон *C*, то есть — и мой взвод. Я как раз размышлял, через сколько минут этот приказ отменят и заменят новым курсом, когда услышал голос командира полка: «Наши товарищи подверглись мощной атаке. Им нужна помощь. Мы должны двигаться как можно быстрее». К этому моменту боёв так много танков уже было потеряно или вышло из строя, что ни один эскадрон не имел полного состава. Организация подразделений стала весьма условной. В моём собственном взводе оставалось всего два танка. Во второй машине находился офицер Том Эйнон, временно исполнявший обязанности сержанта взвода. Я вывел свой танк точно на курс 283. Мы вдвоём двинулись вперёд хорошим ходом, прямо через пустыню на запад. Очень скоро мы оказались далеко впереди всего батальона. Я уже начинал думать, что и эта тревога окажется ложной, но вдруг впереди появились характерные столбы густого чёрного дыма. Они медленно поднимались к небу, густые и вязкие, словно патока. Обернувшись назад, я увидел далеко позади маленькие движущиеся точки остальных танков. Ещё дальше, как я знал, двигались два других танковых полка 4-й Танковой Бригады. Все вместе они насчитывали около ста танков вместо положенных ста шестидесяти. По радио мне удалось связаться с командиром полка. Голос его звучал слабо и очень далеко. Я попытался выяснить, куда именно мы идём и что нас ожидает впереди, но он не смог сообщить ничего, кроме уже известного курса. Тогда я решил не ждать подхода остальных сил. Лучше было как можно быстрее двигаться вперёд и добыть сведения, которые могли бы оказаться полезными командирам, следовавшим за мной. Я посмотрел на Тома. Он тоже слышал весь разговор. Высунувшись из башни, он лишь беспомощно развёл руками.

Я приказал механику-водителю увеличить скорость. Затем предупредил экипаж, чтобы все были готовы практически ко всему. Компас нам больше не требовался. Теперь дорогу указывал тот мрачный ориентир — густые столбы чёрного дыма впереди. Операция *Crusader* стремительно приближалась к своему страшному решающему моменту. Азимут 283 градуса был уже не просто линией, проведённой по карте через пустыню: он вёл прямо к аэродрому Сиди-Резег. Если кратко описать обстановку тем субботним утром, то она выглядела следующим образом. Лёгкие британские силы — пехота, артиллерия и танки 7-й Танковой Бригады и Группы Поддержки/Support Group — уже занимали аэродром и значительную часть уступов плато, господствовавших над ним с севера и юга. Их задачей было соединиться с войсками, прорвавшимися навстречу из осаждённого Тобрука. Эта операция уже началась. 22-я Танковая Бригада всё ещё находилась южнее. 4-я Танковая Бригада располагалась именно там, где я только что описал. Тем временем обе немецкие танковые дивизии уже начали наступление с юго-востока, выполняя приказ Роммеля: «Уничтожить силы противника в районе Сиди-Резега».

Я немного изменил курс, повернув севернее, так что нос моего танка оказался направлен прямо на высокие столбы чёрного дыма — предвестники беды. Далеко на западе на самой линии горизонта виднелись какие-то одинокие машины. По мере того, как мы стремительно приближались, я всё отчётливее различал длинные колонны и отдельные группы транспорта, разбросанные по всей пустыне слева от меня. Но ничто не могло подготовить меня к тому зрелищу, которое внезапно открылось, когда мой танк неожиданно оказался у самого края длинного уступа, круто уходившего вниз прямо под его гусеницами. Примерно в тридцати ярдах справа танк Тома резко остановился, и почти сразу в наушниках прозвучал его полный изумления голос: «Господи Иисусе, Боб! Что, чёрт возьми, здесь происходит?» Прямо перед нами, далеко внизу, лежал пустынный аэродром. Его правильная прямоугольная форма отчётливо выделялась среди песков. Границы взлётного поля были отмечены аккуратными рядами разбитых немецких и итальянских истребителей, в центре аэродрома беспорядочно лежали искорёженные британские танки. Из некоторых всё ещё поднимались густые чёрные столбы дыма. Слева пустыня была буквально усеяна небронированными машинами, но удивительным образом нигде не было заметно никакого движения людей. Справа же, между нашими двумя танками и аэродромом, весь склон уступа и его подножие были заполнены людьми. Одни рыли щели, другие устанавливали мины, третьи толпились возле противотанковых и полевых орудий. А некоторые... совершенно невероятно... спокойно готовили себе еду. На

противоположном уступе тоже находилось множество людей. Они были менее активны, чем те, что находились внизу. Время от времени там были видны вспышки выстрелов. Ни я, ни Том не могли определить, кому принадлежат все эти люди, машины и орудия. Единственное, что можно было сказать совершенно определённо, касалось танков на аэродроме: все горевшие машины были британскими *Крусейдерами*.

Позади меня не было видно никаких признаков приближения остального батальона. Тем не менее мне удалось установить очень слабую радиосвязь с командиром полка. Его голос звучал едва различимо, словно из бесконечной дали. Я приблизительно сообщил ему своё местонахождение и описал открывшуюся передо мной невероятную картину. В конце добавил: «Я не могу понять, кто они — свои или немцы. Вы можете сказать, что здесь вообще должно находиться?» Он ответил, что сначала свяжется со штабом бригады и через минуту-другую вновь вышел на связь. Ответ оказался совершенно неожиданным: «Считайте противником всё, что видите». Когда командир произносил эти слова, я смотрел в сторону Тома. Даже с расстояния в тридцать ярдов я отчётливо видел выражение полного изумления на его лице. Мы стояли на самом краю уступа. Внизу, примерно в шестистах ярдах, находилось огромное скопление людей. Я видел, что многие из них смотрят на нас, но никто не проявлял особого беспокойства. Я уже почти убедил себя, что это наши части, однако полной уверенности всё же не было, и последнее сообщение командира полка ничуть не помогло разобраться. При этом я совершенно не сомневался, что люди на противоположном уступе — немцы. Я даже собственными глазами наблюдал вспышки их выстрелов и разрывы снарядов среди войск, расположенных внизу. Как бы там ни было, происходящее совершенно не укладывалось в представление о нормальном сражении. Я уже буквально сходил с ума, пытаясь определить, где заканчиваются свои и начинаются чужие, постоянно запрашивал командира полка, но он сам ничего не знал. Наконец я сказал Тому: «Я почти уверен, что пехота, окопавшаяся примерно в двух тысячах ярдов севернее, — немцы. Сейчас открою по ним огонь из пулемёта». Я уже приказал своему наводчику: «*Браунинг*... вправо... две тысячи... пехота противника...», как вдруг услышал громкие крики и сильные удары по броне танка. Я посмотрел вниз. Возле машины остановился небольшой открытый легковой автомобиль, в нём, стоя на переднем сиденье, возвышался высокий худощавый бригадир. На его погонах отчётливо были видны корона и три звезды. Я снял наушники. Он спросил:

— Здесь вы командуете?

Я ещё раз взглянул на его погоны, чтобы убедиться в звании, и ответил:

— Я командую этим взводом, сэр.

— Из какой части?

— 3-й Королевский Танковый Полк. 4-я Танковая Бригада.

— Отлично.

Он говорил быстро и спокойно.

— С запада атакуют немецкие танки. Мы нуждаемся в вашей помощи. Следуйте за мной.

Я отчаянно возразил:

— Сэр, если вы подождёте десять минут, сюда подойдёт вся бригада.

Бригадир посмотрел на меня и коротко ответил:

— Если вы окажетесь там через десять минут — ещё успеете.

Потом добавил:

— Если через пятнадцать — будет уже слишком поздно. Следуйте за мной.

Он сел, что-то сказал светловолосому водителю, сидевшему рядом без фуражки. Автомобиль мгновенно сорвался с места и понёсся вниз по склону. Я приказал своему

механику-водителю следовать за ним. Танк тяжело запрыгал вслед. Через плечо я видел, как следом несётся танк Тома. На ходу я успел как можно точнее объяснить командиру полка происходящее. Сообщил, что сейчас мчусь к аэродрому, где находится множество подбитых танков. Передал слова бригадира: «Если вы будете здесь через десять минут — успеете. Если через пятнадцать — опоздаете». Я добавил, что, насколько могу судить, нахожусь немного восточнее *Пункта 176* на карте, и что всё, что находится между ним и аэродромом, следует считать относящимся к своим войскам. Большего я сделать не мог, поэтому испытал огромное облегчение, услышав в ответ подтверждение, что меня поняли. Тем временем мы уже спустились вниз и оказались среди собственной пехоты и артиллерии. Да, это действительно были наши. Грязные, измученные солдаты с надеждой поднимали головы, когда мы проносились мимо. Я видел, как они что-то кричали нам вслед и показывали поднятые вверх большие пальцы. Мы пролетели через их позиции, подняв огромное облако пыли. Двадцать... двадцать пять... тридцать миль в час. Танк тяжело подпрыгивал на буграх, кустах и траншеях, потом вдруг выскочил на совершенно ровную поверхность аэродрома, усеянную искорёженными самолётами. В каких-нибудь тридцати ярдах впереди мчался маленький автомобиль. Светлые волосы водителя сияли на солнце, словно украшенный перьями шлем легендарного Генриха Наваррского. Рядом стоял бригадир. Высоко подняв руку, он держал сине-белый флаг, который на бешеной скорости вытянулся почти горизонтально. Теперь становилось понятно, почему измученные солдаты приветствовали его такими восторженными криками. Картина, должно быть, действительно выглядела впечатляюще.

Мы стремительно пересекали аэродром по направлению к заходящему солнцу. Я понятия не имел, куда именно мы едем и зачем. Я просто следовал за тремя звёздами, короной и развевающимся сине-белым флагом. Сначала мы промчались среди ещё горевших британских *Крусейдеров* — тяжёлое и удручающее зрелище, потом оставили их позади и пронеслись мимо нескольких подбитых немецких танков. Это выглядело гораздо приятнее. После этого мы вновь вылетели на открытое пространство пустыни, и вдруг на нас обрушился настоящий дождь из снарядов. Ровная поверхность земли мгновенно превратилась в хаос огромных фонтанов красновато-жёлтой земли, летящих камней, осколков и свинца. Маленький автомобиль то исчезал в каскадах грязной, едко пахнущей дымом земли, то снова вырывался вперёд, ловко петляя между разрывами. Казалось невероятным, но он продолжал нестись дальше, и рука бригадира, державшая высоко поднятый флаг, ни разу не дрогнула. Наконец, на противоположном краю аэродрома, там, где снова начиналась полоса кустарника, автомобиль остановился, и мой механик-водитель нажал на тормоза. Высокий бригадир поднялся во весь рост, обернулся ко мне, а затем широким взмахом руки указал на запад. Этим же движением он дал знак водителю. Мотор автомобиля взревел, машина резко развернулась и, подобно зайцу, уходящему от борзых, зигзагами помчалась обратно через разрывы снарядов, быстро скрывшись из виду. Я перевёл взгляд туда, куда только что указал бригадир, и у меня буквально перевернулось всё внутри. Примерно в 1 200 ярдах передо мной широкой линией, плечом к плечу, двигалась сплошная цепь тёмно-бурых силуэтов: шестьдесят... а может быть, семьдесят чудовищ. Они неуклонно приближались к аэродрому, ко мне. Яркие вспышки выстрелов на концах их пушечных стволов казались особенно страшными на фоне тёмной маскировочной окраски машин. Небо за ними полыхало кроваво-красным закатом. Мне даже не понадобился бинокль, чтобы узнать немецкие *Pz.III* и *Pz.IV*. Между танками двигалась пехота. До меня доносился треск пулемётной стрельбы.

Я схватил микрофон и сказал наводчику: «Пушка, дистанция — тысяча двести. Видишь все эти штуки, что идут прямо на нас? Это немецкие танки. Выбирай один и стреляй по нему, пока не подобьёшь. Начинай». Почти сразу прозвучал первый выстрел. Я проследил взглядом за трассирующим снарядом, он полетел по длинной пологой дуге, ударился в один из тёмных силуэтов... и высоко отскочил вверх. Мы находились слишком далеко, чтобы причинить врагу серьёзный ущерб, но я должен был хоть что-нибудь делать, а вот они уже находились в пределах своей эффективной дальности. Я продолжал вести огонь скорее в надежде, чем в уверенности. Во всяком случае, это поддерживало боевой дух: мы ведь не могли просто сидеть и ждать. Меня не покидало мучительное ощущение того, что я стою словно на ладони. Во всей округе не было ни одного куста выше двух футов, который

хотя бы создавал иллюзию укрытия. Я лихорадочно искал глазами хоть какую-нибудь складку местности, хоть малейшую неровность, за которой можно было бы вообразить себя в безопасности, но на всей этой плоскотине единственными неровностями были лишь перепаханные гусеницами старые танковые следы. Как ни странно, скорее всего, именно то, что я оставался неподвижным, и спасло мне жизнь. Вдруг справа я увидел танк Тома - его *Милашка* на полной скорости неслась через аэродром. Он почти поравнялся со мной, до него оставалось около ста ярдов, и вдруг, не сбавляя скорости, танк резко вильнул в сторону. Подняв огромный фонтан песка, словно быстроходный катер брызги воды, он почти полностью развернулся и исчез где-то среди подбитых машин. Думаю, именно эти подбитые танки и спасли меня. Немецкие наводчики, вероятно, уже не могли различить, какие из машин были подбиты, а какие ещё вели бой, и уж совершенно невероятно было ожидать, что перед ними окажется одна-единственная *Милашка*.

Я быстро оглянулся назад, рассчитывая увидеть ложбину, заполненную наступающими машинами всей 4-й Танковой Бригады с развевающимися жёлтыми вымпелами, и настроение моё резко упало. На всём огромном аэродроме не двигалось ничего. Теперь вокруг меня непрерывно вздымались красноватые фонтаны взрывов. Рот был полон едкого вкуса пороховых газов, в нос бил тот страшный запах, который всегда сопровождает близкую смерть. Воздух был насыщен свинцом и грохотом. Немецкие танки медленно приближались, непрерывно стреляя. Среди разрывов фугасных снарядов и грохота собственной пушки я отчётливо различал страшный свист бронебойных снарядов. Иногда мне даже удавалось заметить на долю секунды пролетающий трассер. Он проносился так близко, что казалось, будто поток воздуха за ним буквально вырывает дыхание из лёгких. Время от времени мой танк резко вздрагивал — это означало очередное попадание. Вдруг я услышал радостный крик наводчика: «Попал, сэр!» Как приятно было слышать его восторг. Я увидел, как над одним из *Pz.III* медленно поднялся дым. Из танка начали выскакивать люди. Наводчик работал превосходно. Я лишь изредка подсказывал ему цель, наблюдая, как трассеры один за другим устремляются к противнику. «Продолжай бить по тому большому ублюдку, которого уже зацепил. Не отпускай его, пока совсем не остановишь». Заряжающий тоже действовал безупречно, да и времени бояться у него просто не было. Он выдёргивал очередной снаряд из укладки, опускал рычаг выбрасывателя стреляной гильзы, с силой загонял новый снаряд в казённик, чтобы затвор сам захлопнулся, наклонялся вперёд, похлопывал наводчика по плечу, подавая условный сигнал: «Орудие готово», и тут же начинал всё сначала, едва слышал выстрел и чувствовал рядом с собой откат пушки. К тому же он не видел того, что видел я, да и наводчик через свой прицел наблюдал лишь небольшой участок поля боя. Больше всего мне было жалко механика-водителя. Он сидел внизу, втиснувшись в своё тесное место, и инстинктивно старался отодвинуться как можно дальше от смотровой щели. Он ничего не мог сделать и лишь в смертельном страхе смотрел вперёд на медленно приближавшуюся линию немецких танков. Наверное, он с мучительным ужасом думал, когда же наконец прилетит тот самый снаряд, который разорвёт его тело на куски, и всё это время ощущал руками и ногами работающий двигатель.

Я тоже всё время слышал двигатель. Среди общего грохота особенно отчётливо выделялась ровная, почти музыкальная работа нашего авиационного мотора. Танк слегка покачивался. Иногда это означало попадание, иногда — всего лишь откат нашей собственной пушки. Всё это время я продолжал вызывать командира полка: «Алло, *JAGO*... *JAGO One* вызывает. Семьдесят танков противника приближаются к западной окраине аэродрома. Веду бой на дистанции тысяча ярдов. *JAGO One* — *JAGO*... Приём». Я буквально выкрикивал своё сообщение сквозь десятков отчаянных переговоров, полностью забивших полковую радиочастоту, и надеялся лишь на одно: что хоть кто-нибудь меня услышит. Ответа я так и не получил. В подобных обстоятельствах человеческое представление о времени полностью теряет смысл. До сих пор не могу сказать, сколько мы простояли на краю аэродрома Сиди-Резег. Пять минут? Двадцать? Не знаю, но наступил момент, когда я понял: хватит. Я в последний раз с отчаянием оглянулся назад, надеясь увидеть хоть какие-нибудь признаки помощи. Ничего. Передовая линия немецких танков находилась уже примерно в восьмистах ярдах, но я заметил, что впереди начали рваться снаряды наших 25-фунтовых орудий. Немецкое продвижение словно

замедлилось. Казалось, они сами не вполне понимали, что делать дальше, ожидая какого-то решающего приказа. Я решил, что наступил самый подходящий психологический момент для отхода. Как можно спокойнее сказал в микрофон: «Наводчик, прекратить огонь», потом: «Водитель... вперёд... разворот... и гони изо всех сил».

Именно команда «Водитель, вперёд!» всегда была самым страшным мгновением. Так происходило после любого тяжёлого боя. Это была та безумная секунда, когда ты ещё не знаешь, способен ли твой танк вообще двигаться. Даже если двигатель продолжает работать, ходовая часть может быть полностью разрушена. Одна или обе гусеницы могут уже лежать на песке искорёженной грудой металла. Любой из тех страшных ударов, которые ты только что ощущал, вполне мог означать конец последней надежды - подвижности. На краю аэродрома я невольно задержал дыхание. Почувствовал, как включилась передача, затем двигатель радостно взревел на повышенных оборотах. Танк сдвинулся с места, но был ещё один критический момент. Как только машина тронулась с места, я понял: теперь взгляды всех немецких наводчиков устремятся именно на меня. Если сейчас двигатель заглохнет — нам конец. Впрочем, шанс погибнуть оставался в любом случае, но я был уверен: если только удастся набрать скорость — мы уйдём. Разворот прошёл благополучно. Через несколько секунд мы уже мчались обратно через аэродром, резко меняя направление то вправо, то влево, поднимая собственную дымовую завесу из песка и ныряя в облака дыма от разрывов. Как я и ожидал, теперь казалось, что весь немецкий огонь сосредоточен исключительно на мне: «Водитель — вправо... держать... Теперь влево... держать... Снова вправо...» Так мы и прорывались обратно сквозь этот невероятный коридор смерти. Каждая прожитая секунда приближала нас к спасению. Когда мы достигли укрытия за подбитыми танками, я понял: от бронебойных снарядов они нас уже прикрывают. Мы выбрались…»

Так Роберт Крисп рассказал о своем последнем бое в этом сражении:

«Я уже собирался вызвать командиров взводов на короткое совещание у своего танка (оно должно было быть чертовски коротким), как один из них вышел в эфир: «Алло, *BOSCO, BOSCO* вызывает. Четыре танка противника движутся слева и выходят прямо передо мной». Пока он говорил, я уже различал *панцеры*, неторопливо пробиравшиеся сквозь кустарник. Они находились гораздо ближе, чем предыдущий танк, и все выглядели как *Pz.IV*, возможно, один из них был *Pz.III*. Было маловероятным, что они смогут пройти так близко и при этом не опознать нас. Мне пришлось мгновенно изменить свой план: «Алло, *BOSCO*. *BOSCO* вызывает. Четыре танка противника подходят слева. Атаковать их, когда они окажутся перед вашими позициями. Не дайте им уйти. *BOSCO* — конец связи». Через минуту-другую все *Милашки* эскадрона уже открыли огонь. На башнях немецких танков сразу поднялась дикая суматоха: люди бросались вниз в люки или прямо с башен на землю. Когда экипажи поняли, что происходит, они даже не попытались принять бой. Они бросились к противоположному краю своего расположения. Два танка остались позади — неподвижные и безмолвные. Разумеется, на этом спокойное утро закончилось. Переполох, поднявшийся в немецких рядах, был прекрасно виден невооружённым глазом. Люди побежали во все стороны, машины пришли в движение, орудия поспешно выкатывали на позиции и разворачивали в нашу сторону. Огромная штабная машина завелась и, тяжело подпрыгивая на неровностях, поползла на север, скрываясь за гребнем высоты.

Затем я увидел *панцеры*. Девять или десять танков *Pz.IV* спустились с гребня к югу от нас, и мы повернули им навстречу. Я надеялся, что бронеавтомобили займутся тем, что происходит у нас в тылу, но времени отвлекаться на это у меня уже не было. *Панцеры* не стали доводить атаку до конца. Они остановились на переднем склоне, за пределами эффективной дальности наших 37-мм пушек, и начали осыпать нас снарядами. Мы отвечали, как могли, но наши трассеры описывали красивые, совершенно безвредные дуги, поднимая фонтанчики песка или с визгом рикошетируя от броневых листов. Такое положение не могло продолжаться бесконечно. Я решил, что мы уже выполнили всё, что вообще можно было ожидать от этой «разведки боем». Насколько я видел, ни одна из *Милашек* ещё не получил повреждений, но я прекрасно понимал, что наводчики *Pz.IV*, в отличие от полевой артиллерии, стреляют непосредственно по нашим танкам осколочно-фугасными снарядами, и попадания неизбежны. Наше единственное спасение

заключалось в рассредоточении. Меня очень встревожило, когда я увидел две *Милашки*, стоявшие почти вплотную друг к другу и лихорадочно стрелявшие. Я уже успел отдать приказ отходить, как в наушниках раздалось: «Алло, *BOSCO*. *BOSCO Two* вызывает. Нас подбили. Двигаться не можем. Покидаем машину. *BOSCO Two* — приём». - «*BOSCO*. Понятно. Покиньте танк и перебирайтесь на соседнюю *Милашку*. Мы начинаем отход. *BOSCO* — конец связи». Я внимательно наблюдал за ними с расстояния около ста ярдов и с огромным облегчением увидел, как их танк медленно дал задний ход, затем двинулся вперёд и повернул.

Подобное случалось довольно часто. После прямого попадания водитель и командир сразу приходили к выводу, что танк потерял ход, хотя на самом деле это было не так, и тут я увидел взрыв прямо под носовой частью второй *Милашки*. Когда пыль и дым рассеялись, стала видна бессильно провисшая гусеница. Танк несколько раз беспомощно дёрнулся, пока сорванная гусеница бесполезно вращалась на ведущем колесе. После этого экипаж начал выбираться наружу: командир, радист, наводчик — через башню, водитель — через свой маленький люк впереди. К своему ужасу, я понял, что это Хэрри Мегрейт. Все четверо собрались за кормой своего танка, пригибаясь при каждом новом разрыве фугасных снарядов, густо ложившихся вокруг. Я заметил, что остальные взводы уже отходят на запад. Я замахал Хэрри и его экипажу рукой, одновременно приказав своему механику вести танк к ним. Когда они увидели, что я подъезжаю, то покинули укрытие за своим танком и бросились ко мне. Время от времени кто-нибудь из них внезапно падал на землю. Каждый раз я думал: «Всё, убило...», но человек тут же снова вскакивал и продолжал бежать, и я невольно улыбнулся, поняв, что валятся они вовсе не от пуль, а просто потому, что ноги стали ватными от страха. Все четверо каким-то чудом добежали совершенно невредимыми и забрались на корму моего танка. Я перегнулся назад, чтобы убедиться, что все успели забраться: «Всё в порядке, Хэрри?» — «Всё в порядке, Боб». Продолжая перегибаться через корму башни, я поднёс микрофон к губам и сказал: «Водитель, вперёд. Резко влево». Микрофон ещё был у меня возле рта, когда рядом с самой головой раздался чудовищный треск. В ту же долю секунды я почувствовал, как подо мной подогнулись колени, а вокруг начала сгущаться темнота. Боли не было, только какое-то оглушающее оцепенение и колоссальное изумление. Я сразу понял: меня ранили в голову. Я почувствовал, как соскальзываю на пол башни и пока падал, в голове была только одна мысль, я отчаянно боролся именно с ней: я успел приказать: «Водитель, вперёд. Резко влево», но не добавил последнего необходимого слова о том, что делать потом: «Прямо!» Если не сказать его, водитель так и будет продолжать поворачивать налево. Мы будем бесконечно кружить на одном месте. Эта мысль превратилась в настоящую навязчивую идею. Мне обязательно нужно было сказать: «Прямо!» Микрофон всё ещё оставался в моей руке. С невероятным усилием я поднёс его к губам. Слово уже было в голове, и я заставил язык произнести его. Я чувствовал его — твёрдое, готовое сорваться с губ, но не смог вытолкнуть наружу. Потом я почувствовал, как кто-то забрал у меня микрофон. Сквозь туман сознания я услышал голос радиста, который что-то говорил механику-водителю.

Ну и хорошо. Бороться больше не было нужды. Я лежал на полу башни, нелепо подогнув под себя ноги. Наводчик хлопотал возле моей головы, прикладывая перевязочные пакеты. Он только зря тратил время. Я чувствовал, как жизнь уходит из меня. У меня не было ни малейших сомнений: я умираю. Темнота, в которую я погружался, была темнотой могилы. Я ждал великого переживания: смерть — величайшее переживание человеческой жизни. Все это знали, никто не стремится к ней. Я боялся смерти, но вот теперь я действительно умирал и был готов испытать всё, что она принесёт: страх, растерянность, восторг, ужас. Я совершенно сознательно ожидал, что что-то должно произойти. Я не знал, будет ли это видение ада или сияющее бессмертие. Самое странное заключалось в том, что мне было совершенно всё равно. Но... ничего не произошло. Я ждал, и ничего не происходило. Чернота вокруг становилась всё глубже, по её краям мерцало тёмно-красное свечение. Это ощущение было совершенно отчётливым, и когда я уходил в вечную тьму, последней моей мыслью было: «Умирать легко», но я не умер. Через долгое время — сколько именно, я не знал, — до меня снова донёсся знакомый шум танка. Я открыл глаза, увидел лицо наводчика и облегчение на этом лице, когда он понял, что я пришёл в сознание. За его спиной я различал ноги людей в форме цвета хаки, уходившие вверх к яркому кругу света

открытого башенного люка, и тут пришла боль где-то возле левого уха, и ещё сильнее — в ногах. Я осторожно попытался произнести несколько слов, звук всё-таки вышел. Наводчик наклонил ухо совсем близко к моим губам.

— Что происходит?

— Всё в порядке, сэр. Мы возвращаемся назад. Мы уже запросили врача — его должны прислать нам навстречу.

— Мистер Мегрейт и остальные?

— С ними всё хорошо, сэр. Все едут на корме танка. Капитан Джоли принял командование эскадроном.

— Который час?

— Почти два часа.

— Где мы? Мы уже близко к бригаде?

— Мы возвращаемся. Противника больше не видно. Думаем, они отошли вдоль прибрежной дороги. Полковник говорит, что бригадир выслал врача на бронеавтомобиле. Они должны появиться с минуты на минуту, сэр. Не волнуйтесь. Всё будет хорошо.

Он держал мою голову у себя на руках. Время от времени он менял индивидуальный перевязочный пакет, и я чувствовал, как тёплая струйка крови снова стекает по плечу и вниз по спине. Время шло, танк продолжал двигаться. Где-то далеко я слышал голос радиста, короткими фразами переговаривавшегося по радио. Боль поднималась от ног вверх и спускалась от головы вниз, пока не поглотила всё моё тело. Я жаждал потерять сознание. Теперь, когда я уже знал, что не умираю — или, по крайней мере, что у меня есть шанс выжить, если мне достаточно быстро окажут настоящую медицинскую помощь, — жизнь снова стала бесценной, но я помнил ощущение смерти и той пустоты, которую она несла. Мысль о смерти больше не пугала меня и уже никогда не будет пугать. Лёжа, скорчившись на полу танка, я понимал только одно: реальна только боль. «Попробуйте немного меня передвинуть, — умолял я наводчика. — Ноги...» Я почувствовал, как он пытается меня приподнять, и сам мысленно старался помочь ему, но мышцы не отзывались. Даже иллюзии движения не возникло.

— Где же этот проклятый врач? Неужели нельзя поторопиться? Передайте полковнику, что я больше не выдержу.

Сообщение ушло наверх, к радисту, а затем — в эфир. Бедный наводчик. Я ощущал его сочувствие и отчаяние, пока тянулись бесконечные часы этого долгого дня. В какой-то момент танк остановился. Я услышал голоса снаружи и подумал: «Слава Богу. Наконец-то они приехали», но это оказался всего лишь бензовоз, подъехавший, чтобы заправить танк. Мы снова двинулись вперёд. Небо, которое я видел через открытый люк башни, стало сначала розовым, затем тёмным. Лёжа на полу танка, я изо всех сил старался не поддаться отчаянию, не жаловаться слишком жалобно. Левая сторона головы горела так, словно на живую плоть вылили расплавленный металл. От пояса и ниже я словно лежал в озере боли, которое, как мне казалось, исчезло бы, если бы я только смог выползти из него. Наконец я услышал, как радист крикнул вниз в башню: «Мы видим бригаду, сэр! Через две минуты будем на месте!»

Было чуть позже пяти часов. *Милашка* остановилась. Когда двигатель замолчал, я услышал голоса снаружи и узнал голос доктора Макмиллана. Уэйли обернулся из своего тесного водительского отделения и сказал: «Теперь с вами всё будет хорошо, сэр». Я увидел, как ноги радиста исчезли наверху, а вместо них над люком появилось румяное лицо доктора.

— Ради Бога, вытащи меня отсюда, Док.

Он некоторое время задумчиво смотрел на меня.

Промычал:

— Хммм...

Затем сказал кому-то снаружи:

— Придётся вытаскивать его через передний люк.

Каким-то образом они буквально выволокли меня через водительское отделение и передний люк прямо на приготовленные носилки. Когда они наконец осторожно распрямили мои ноги, облегчение оказалось таким мгновенным и таким сильным, что я почти забыл о ране на голове. Но стоило только голове коснуться подушки, как жгучая боль вспыхнула вновь, и я непроизвольно перевернулся на бок.

— Чёрт побери, Мак... Такое чувство, будто мне ухо оторвали.

Макмиллан приподнял перевязку, быстро взглянул на рану и коротко ответил:

— Это — самая незначительная из ваших проблем.

Меня перенесли в санитарную машину. Там мне предстояло пережить самую страшную ночь в моей жизни. После каждого посетителя, заходившего ко мне, у меня оставалось совершенно ясное впечатление, что пережить эту ночь мне не суждено. Полковник пришёл сообщить, что в дивизии пытаются организовать самолёт, который утром должен будет отправить меня обратно в *Дельту*. (Штаб дивизии действительно пытался это сделать, но безуспешно.) Он также рассказал, что была перехвачена радиограмма из штаба Африканского Корпуса. В ней говорилось, что они оставляют позиции у Газалы и что им необычайно повезло вырваться из «стальной ловушки». Это было хоть каким-то утешением. Я спросил доктора о Хэрри Мегрейте.

— С ним всё в порядке. Не беспокойся о нём.

Я понял, что он лжёт, но не стал расспрашивать дальше. Если бы Хэрри мог, он обязательно пришёл бы меня навестить. Я не хотел знать правду о том, что с ним случилось на самом деле. Лишь много лет спустя я узнал, что его похоронили на следующее утро в прохладном песке пустыни. Он погиб мгновенно — он был убит тем самым снарядом, который ранил и меня…»

БРИТАНЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ О КАТАСТРОФЕ НА ЛИНИИ ГАЗАЛА

*Рассказывает танкист **Билл Клоуз** (**Bill Close**, 1914-2006, на фото слева), 3-й Королевский Танковый Полк*

«Вид *Африканского Корпуса*, занимающегося своим делом, никогда не был приятным. В бинокль с дистанции 3 000 ярдов это выглядело воплощением зла, даже в погожее весеннее утро.

Беспокойство, терзавшее лагерь всю ночь, было вполне обоснованным. Большинство людей были на ногах в утренних сумерках уже с 03.30 утра. Необычно большое количество осветительных ракет медленно опускалось в направлении 3-й Индийской Моторизованной Бригады, занимавшей гряду примерно в девяти милях от нас на крайнем левом фланге позиции Газала. Мы хорошо знали это место, так как оно было разведано и выбрано в качестве одной из потенциальных боевых позиций. Все, что нужно было сделать штабу бригады — это дать кодовое слово, и мы бы выступили. Мы находились в состоянии боевой готовности до 6 утра и успели прилично позавтракать; затем в 07.30 пришло кодовое слово: «По местам — заводить!», и батальон, который к этому времени был собран и готов, двинулся в путь: Эскадрон *А* шел впереди, мой взвод — справа.

Милашки на скорости преодолели около двух миль, а затем остановились, чтобы поближе разглядеть непрерывное, но неясное движение впереди. Поскольку всей 4-й Танковой Бригаде было приказано собраться в заданной точке перед выходом на гряду, облако пыли могли поднять и свои, хотя 3-й КТП должен был идти во главе клина с 8-м Гусарским Полком слева и 5-м КТП справа. Таинственные тени в мареве не выглядели дружелюбными. Прежде чем мы смогли точно идентифицировать их, полковник вышел на связь по радио и сообщил Джиму Хаттону, моему командиру эскадрона, что ночью индийцы были смяты, и велел быть начеку. Нам не пришлось долго искать. Дымка, которая уже мешала наблюдению, не могла скрыть тот факт, что только танковая группа немцев могла двигаться столь расчетливо — развернувшись по широкому фронту и тщательно регулируя скорость для облегчения управления и экономии топлива.

Мы поехали вперед, чтобы рассмотреть их поближе. С 2 000 ярдов их расплывчатые контуры приобрели четкость и превратились в танки *Pz.III* и *IV*, выстроившиеся шеренгами. Их колонна уходила в непроглядную даль. Суть доклада Джима Хаттона заключалась во фразе: «...повторяю, 200 танков». Если это и было преувеличением, то не слишком большим. Я начал тщательно их считать — один, два, три, четыре — до двадцати в первом ряду, и они шли быстрее, чем мне сначала показалось. Дистанция сокращалась до 1500 ярдов. Остальная часть батальона была в 2000 ярдах позади нас. Теперь посчитаем количество их рядов — один, два, три, четыре... «Окей, *Додо* (позывной Эскадрона *B*) — уходите вправо СЕЙЧАС. Мы занимаем боевую позицию на гряде прямо в вашем тылу, цифрами: один пять ноль ноль ярдов — выделить один взвод для занятия позиции на левом фланге, где мы вскоре ожидаем друзей. Эскадрону *A* защищать наш левый фланг. Конец связи». Командир батальона продолжил отдавать приказы эскадронам, оснащенным *Грантами*, и мы поспешили уйти с линии огня.

Со стороны немецких танков полыхнули вспышки, и резкие хлопки над головой возвестили о пролете снарядов. Эскадроны *B* и *C* выстроились в длинную линию, используя для укрытия гряду настолько, насколько позволяло низкое расположение 75-мм орудия в спонсоне. Примерно на 1200 ярдах от противника полковник отдал приказ открыть огонь, и, говоря морскими терминами, началось общее сражение. [Немецкая] 15-я Танковая Дивизия (как они были опознаны позже), должно быть, испытала сильный шок. Они использовали свою обычную тактику с противотанковыми пушками калибром до 88 мм, развернутыми позади наступающих волн. Полагая, что перед ними танки, вооруженные только двухфунтовками — они могли даже предположить, увидев разведывательный эскадрон, что *Гранты* - это те же *Милашки*, они сбавили скорость на дистанции, которая в обычных обстоятельствах заставила бы нас сблизиться с ними и понести неизбежные потери. Вместо этого они встретили сосредоточенный и разрушительный огонь.

75-мм орудие М-2 в спонсоне *Гранта* стреляло 14-фунтовым снарядом, который мог нанести серьезный ущерб с дистанции 1 500 ярдов и пробить самую толстую броню *Pz. III* с расстояния 1 200 ярдов. Более того, *Гранты* обладали дополнительной огневой мощью своих 37-мм пушек в башнях, что в данном случае равнялось двум эскадронам *Милашек* или *Крусейдеров*. Вдоль линии танков из пушечных стволов вырвались языки пламени, и настоящий вихрь из прочной стали пронесся над землей. Попадания были зафиксированы обеими сторонами почти сразу. *Панцеры*, которые до этого медленно ползли вперед, замирали на месте, когда от них отлетали куски брони. Пара *Грантов* загорелась. Один танк взорвался. Сквозь расходящийся дым было видно, как экипажи, пошатываясь, уходят в тыл.

С тех пор как первый бронебойный снаряд просвистел мимо меня в Кале, я носил наушники на шее, веря, что так лучше смогу определить направление, с которого летят снаряды. В первой перестрелке на этой безликой гряде близ Бир-Хакейма звуки на мгновение слились в мучительный «боевой шум». Заботясь о том, чтобы не пропустить подход 5-го КТП на нашем фланге, я обшаривал местность биноклем и передал управление 37-мм пушкой Троттеру, моему наводчику. Взгляд внутрь башни открывал картину лихорадочной деятельности: заряжающий дергал рычаг, чтобы выбросить пустую гильзу, и досылал следующую. Каждые несколько минут я приказывал: «Водитель, вперед вправо на несколько ярдов» или «Водитель, назад влево». *Гранты* были достаточно большими

машинами, чтобы стоять на месте и обмениваться ударами, но *Милашка* должна была максимально усложнять задачу вражеским наводчикам.

Во время короткой паузы, чтобы сложить поближе боеукладку, мой заряжающий, рядовой Олвуд (Allwood), привлек мое внимание и показал на наушники. Я прислушался и понял из обрывочных фраз, что 8-й Гусарский Полк был застигнут врасплох и вынужден вступить в бой прямо в районе лагеря, прежде чем они успели развернуться должным образом. После тяжелых потерь, понесенных в ожесточенном ближнем бою, их численность сократилась до нескольких машин. Столб дыма далеко слева, вероятно, указывал место катастрофы.

Гранты 3-го КТП продолжали вести бой, но как только выбивали один *панцер* в первом ряду, вперед выкатывался другой, чтобы занять его место. Было ясно, что это не может продолжаться бесконечно. Темп стрельбы уже начал падать, хотя наши артиллеристы из батареи *Chestnut* 1-го Полка Королевской Конной Артиллерии быстро подключились к делу и осыпали снарядами дальние цели. По мере того, как все больше и больше немецких противотанковых орудий вступало в бой, *Грантам* становилось все труднее. Защищенные броней от большинства танковых пушек, они не могли устоять перед 75-мм и 88-мм орудиями. Я видел, как одна или две наши машины медленно выходили из боя задним ходом с пушками, задранными под нелепыми углами. Другие, застыв с перебитыми гусеницами, вели эпизодический огонь из того или иного орудия. Наличие пушек большего калибра означало, что огонь ведется снарядами большего размера, но с меньшей скорострельностью. Две пушки означали двух наводчиков, двух заряжающих. С экипажем в шесть человек места для боеприпасов оставалось не так много.

Эскадроны *B* и *C* остановились вдоль пологой гривы и с большим успехом вели бой с немецкими танками. Атакующие *панцеры* были буквально остановлены на месте: одни замирали, выбрасывая ошметки металла, другие вспыхивали, и танкисты выпрыгивали из них, спасая свои жизни.

Мне было приказано выдвинуться на правый фланг и высматривать 5-й КТП, шедший нам на помощь. Мои наводчик и заряжающий не нуждались в советах или приказах; они были заняты обстрелом вражеских танков, которые все еще продвигались вперед, хотя и медленно. Несмотря на то, что *Гранты* держались достойно, они несли потери, и я видел несколько наших машин, охваченных пламенем. В нас попадало всё подряд, и было трудно разобрать, что происходит. Воздух пропах густым пороховым дымом, глаза покраснели и слезились. Время от времени раздавался ужасающий удар, и внутренность танка заполнялась пылью и искрами, пока машина качалась на своих тележках. Несмотря на шум и дым, мы продолжали добиваться попаданий. Младший капрал Троттер, мой наводчик, восторженно сообщил мне, что добился прямых попаданий в два *панцера* почти в упор и видел, как их экипажи покинули машины. Я оказался немного изолирован от остального эскадрона, но получал по радио инструкции от Джима Хаттона пытаться поддерживать контакт с 5-м КТП.

Мы расходовали боеприпасы с огромной скоростью, и я испытал облегчение, когда командир полка вышел на связь и приказал нам медленно отходить, продолжая вести огонь. При отходе я наткнулся на подбитый *Грант*, рядом с которым понуро стоял экипаж. Это был танк Бада Харнеда - ему оторвало голову снарядом в самом начале боя. Вскоре после этого я почувствовал ужасающий удар по своему танку, за которым последовал крик снизу: «Покинуть машину!»: мы стали мишенью для нескольких вражеских танков, которые подобрались ближе, почти невидимые в мареве и пыли. Снаряд пробил передний броневой лист, легко ранив водителя, младшего капрала Колклафа. Когда я осмотрел танк после того, как мы его покинули, я был удивлен, обнаружив, что в нас попали пять раз без пробития брони.

Я принял под командование четвертый танк в моем взводе, к некоторому неудовольствию капрала — командира танка, которому было велено спешиться. Я оставил Троттера и Олвуда, которые не пострадали, но взял запасного водителя, рядового Эванса/Evans. Младший капрал Колклаф не был тяжело ранен, но нуждался в лечении; он вернулся в строй через три-четыре недели. К этому времени большинство *Грантов* вышли из строя,

оставшиеся собрал полковник Робертс, продолжая вести бой с наступающими танками. Сам Робертс с примерно семью *Грантами* вел тяжелый бой против вражеских танков и пары 88-мм противотанковых пушек, которые подошли для поддержки *панцеров*.

Эскадрон *А*, или то, что от него осталось, должен был попытаться обойти противника с фланга, но ситуация была настолько запутанной, а связь настолько плохой, что мы оставались на правом фланге, всё еще надеясь, что 5-й КТП придет нам на выручку. В этот момент танк полковника Пипа был подбит и выведен из строя: снаряд прошел сквозь носовую часть и вышел сзади, но весь экипаж остался невредим. Это означало, что командиру пришлось менять танк, что заняло некоторое время в такой критический момент боя.

Следующие несколько дней, казалось, состояли из серии приказов, контрприказов и, временами, полного беспорядка. Сильно поредевший 3-й КТП сначала двинулся на северо-восток, приданный 22-й Танковой Бригаде, затем на следующий день — к юго-востоку от Бир-Хармета. В батальоне осталось всего семь *Грантов* и двенадцать *Милашек*. Поскольку мой командир эскадрона Джим Хаттон был тяжело ранен и эвакуирован, а также были потеряны два командира взводов — один убит, а другой, Алек Дойг, ранен — наш офицерский состав сильно сократился. Что еще хуже, Джордж Уизеридж, единственный остававшийся в строю командир эскадрона, также был ранен осколками снаряда в глаза, и ему тоже пришлось отправиться в тыл.

Затем нам велели вернуться в район расположения 4-й Танковой Бригады, и здесь мы подобрали еще несколько батальонных танков, которые каким-то образом оказались изолированы. Теперь силы батальона составляли пятнадцать *Грантов* и четырнадцать *Милашек*, включая *Грант* полковника Робертса и две *Милашки* штаба полка. Из командиров взводов остались только я в 3-м Взводе и Джонни Данлоп (Johnny Dunlop) в 4-м.

Мы получили приказ от командира батальона — напрямую, в отсутствие Джима Хаттона — на полной скорости следовать к уступу, находившемуся примерно в двух милях впереди. К несчастью, примерно в это время поднялась песчаная буря, и видимость упала до десяти ярдов. Оставалось только остановиться, попытаться удержать танки вместе и надеяться на улучшение видимости. Действительно, погода улучшилась, и мы снова двинулись к уступу, взвод Джонни Данлопа шел слева от меня. Мы были в 2000 ярдах впереди *Грантов* и штаба батальона; нам следовало остановиться рядом с уступом и ждать дальнейших приказов. Достигнув его подножия, мы обнаружили только две тропы, ведущие наверх. Я доложил об этом полковнику и получил приказ подниматься и занять оборонительные позиции, пока тяжелые танки будут совершать подъем по очень крутым тропам. Выбравшись наверх, мы немедленно попали под огонь вражеских танков, занимавших отличные позиции в 1000 ярдах к западу. Мой танк снова был подбит, что вынудило меня покинуть машину; водитель и заряжающий/радист получили легкие ранения. Я видел, что два танка Данлопа также были подбиты, но, с верхней бровкой уступа за спиной, было трудно найти безопасное место. *Гранты* тем временем поднялись наверх и при поддержке батареи 25-фунтовок вступили в бой с противником на близкой дистанции, нанеся ему потери за считанные мгновения. Храбрые артиллеристы вели огонь прямой наводкой с расстояния от 600 до 800 ярдов и действовали весьма эффективно.

Гранты теперь находились под командованием капитана Грэнтона (Granton), офицера, который лишь недавно присоединился к нам, и, хотя они держались хорошо, несли потери. Мы были в бою всего около пятнадцати минут, но число *Грантов* уже сократилось до шести, а *Милашек* — до пяти. Я к тому времени пересел в другую машину своего взвода, и рядом со мной оставался только один танк. Затем нам был нанесен сокрушительный удар: танк полковника Робертса был подбит и вспыхнул. Командир батальона и его адъютант, находившиеся в одном танке, получили тяжелые ожоги, наводчик 75-мм орудия был убит, радист тяжело ранен, а наводчик 37-мм пушки также сильно обгорел. Нам удалось спустить раненых вниз с уступа туда, где доктор Макмиллан, наш врач, развернул свой медпункт. Полковника Робертса, Питера Бэрра (Peter Burr) и радиста погрузили в санитарную машину и отправили в госпиталь Тобрука.

Эта неудача ознаменовала конец сражения для 3-го КТП, и, хотя следующие два дня мы провели, получая приказы и контрприказы, заметных действий не было. Нас объединили с 5-м КТП, настолько поредели оба батальона, и неудивительно, что мы получили приказ вернуться в Дельту для отдыха и переформирования. Последовал период затишья и дальнейшей реорганизации. Подполковник Робертс покинул батальон по возвращении из госпиталя: он получил повышение и отправился командовать 22-й Танковой Бригадой. Боб Крисп, тяжело раненный под Сиди-Резегом, вернулся и принял командование Эскадроном *A*. Я, недавно получивший звание капитана, стал его заместителем, по-прежнему оставаясь командиром 3-го Взвода.

Нашим новым командиром батальона стал подполковник Пит Паймэн (Pete Pyman), который был штабным офицером в 7-й Танковой Дивизии в большинстве предыдущих сражений. Таким образом, он был чрезвычайно опытным человеком, но это была его первая командная должность на полковом уровне. Мы несколько опасались, как он будет выглядеть в сравнении с нашим любимым Пипом Робертсом. Беспокойство было напрасным. Он стал одним из наших лучших и надежных командиров, отличным тактиком и очень заботливым в отношении экипажей. Подтверждением этому служит тот факт, что к концу войны он стал генерал-майором, как и Пип Робертс.

Примерно в это время стали популярны *Колонны Джока/Jock Columns*. Это были рейдерские механизированные колонны, действовавшие независимо в тылу врага. Обычно они состояли из танкового эскадрона, батареи 25-фунтовок и роты моторизованной пехоты. Считалось, что их рейды были захватывающим занятием, но командиры батальонов их явно не любили, так как это лишало полк или батальон значительной части его сил. Тем не менее, это понравилось Бобу Криспу, и он немедленно вызвался сформировать колонну из Эскадрона *A*. Полковник Паймэн, хотя и с некоторой неохотой, согласился, и мы отправились в путь. Около восьми недель мы болтались по пустыне, мало чего достигнув. У нас была пара мелких стычек, мы захватили пару бронеавтомобилей и полугусеничных машин с 75-мм противотанковыми пушками. Также мы обстреляли вражеский аэродром неподалеку от Эль Адема/El Adem. Именно во время этой операции произошел первый, по крайней мере на моей памяти, инцидент с неповиновением. Я был на некотором расстоянии от танка Боба Криспа, когда увидел, что он остановился. Боб и его водитель явно вели яростный спор. Я подскочил туда, увидев, как Боб достал револьвер и собирался застрелить Гиллеспи (Gillespie), своего водителя. Боб был вне себя от ярости: «Вернись в танк, или я за себя не ручаюсь. Я серьезно». - «Делай что хочешь. Сам веди эту чертову штуку. С меня хватит». Я сказал Гиллеспи: «Давай, ты должен вернуться назад». Он просто покачал головой. Я отвел Боба в сторону и сказал: «Оставь его в покое. Мы разберемся с ним позже». Гиллеспи отправили назад с экипажем подбитого танка, и, насколько я понял, его судил трибунал, но я не знаю, что с ним стало потом. Это был необычный случай, по крайней мере в 3-м КТП, но понятный, если учесть, что Гиллеспи, хороший водитель, уже выбирался из трех или четырех подбитых танков, когда возил Боба Криспа. Рано или поздно запас мужества подходит к концу.

Во время этих довольно безрезультатных операций в составе рейдерской колонны мой собственный танк снова был подбит снарядом 75-мм противотанковой пушки. Танк загорелся, большая часть моего экипажа получила сильные ожоги и нуждалась в эвакуации. Моя нога тоже обгорела, но, как мне показалось, не слишком сильно, поэтому я наложил повязку и остался в строю. Через два-три дня нога была уже в довольно плохом состоянии, и меня пришлось отправить в тыл. Потребовалось пять дней, чтобы добраться до пункта сбора раненых, но оттуда меня отправили в прекрасный госпиталь под Каиром, где я провел четыре приятных недели под хорошим присмотром, после чего последовали две недели выздоровления в хосписе леди Лэмпсон (Lady Lampson) на берегу Нила. Это был завидный бонус после госпиталя — место только для офицеров, с отличной едой и размещением в великолепном доме леди Лэмпсон. Еженедельные специальные ужины-танцы, на которых присутствовали отборные египетские красавицы, были темой обсуждения во всем Каире.

Когда я вернулся в батальон, он готовился вернуться на линию фронта, которая теперь формировалась у Эль-Аламейна. Мы снова вошли в состав другого соединения — 8-й

Танковой Бригады 10-й Танковой Дивизии. Нашими «собратьями» по бригаде были два совершенно новых подразделения: Ноттингемширский Полк/Sherwood Rangers и Стаффордширский Йоменский Полк. Оба полка находились на Ближнем Востоке уже некоторое время, дислоцируясь в Палестине, все еще со своими лошадьми. Они были чрезвычайно хорошо обучены кавалерийским процедурам, рвались в бой, но еще не имели боевого опыта. Незадолго до того, как они должны были присоединиться к нам в пустыне, меня отправили в Палестину с группой сержантов, чтобы помочь им в обучении использованию новых танков.

Каждый полк, включая 3-й КТП, теперь включал в себя два тяжелых эскадрона танков *Шерман* и легкий эскадрон *Крусейдеров*. *Крусейдер*, хотя и был быстрым танком, все еще был оснащен лишь двухфунтовой пушкой. *Шерман* имел 75-мм пушку, еще не испытанную в бою, но нам нравился его вид, и выдвинувшись в район сосредоточения за *Эль-Аламейнской Линией*, мы ощущали уверенность в себе. Я не думаю, что кто-то из нас тогда понимал, что мы приближаемся к критическому этапу кампании в пустыне и что битва при Эль-Аламейне станет поворотной в судьбе 8-й Армии.

Рассказывает **Питер Уиллет (Peter Willet**, на фото слева, *1, 2, 3*), британский танкист, служивший во 2-м Полку Драгун-Гвардейцев, также известном как *Гнедые Королевы/Queen's Bays* и входившим во 2-ю Танковую Бригаду:

«Когда, наконец, мы получили приказ двигаться на юг, чтобы встретить немцев, мы въехали на гряду и с уступа разглядели на нашем западном фланге большую массу вражеской техники. Мы повернули вправо, что встретить их лицом к лицу. Видя перед собой немецкие танки, транспортные средства и артиллерию, я не переставал удивляться тому, как это могло случиться: как полоса местности за *Линией Газала* за предшествующий день превратилась в коридор длиной 30 миль и шириной 10 миль, занятый немцами в течение нескольких часов? А тот факт, что этот коридор так и не был ликвидирован несмотря на плохо скоординированные контратаки британцев, сначала танковые, а позднее пехотные, поддержанные бронетехникой, означал, что решающая победа немцев стала неизбежной. Если бы сообщения экипажей бронемашин 12-го Уланского Полка (Lancers) и южноафриканцев не были проигнорированы, все могло пойти по-другому, потому что 7-я Танковая Дивизия на южном фланге нашей линии не была бы застигнута врасплох и смята…

После паузы, во время которой противник попал под огонь нашей артиллерии, вся бригада атаковала развернутым строем. Мы продвигались вперед преднамеренно медленно, плотной фалангой боевых машин, которые, должно быть, выглядели угрожающе для защищающей свои позиции вражеской пехоты, которая, тем не менее, вела беглый огонь из противотанковых пушек и пулеметов. Немногочисленные немецкие танки, приданные вражеской колонне, исчезли из поля зрения: очевидно, их командиры предпочли не вступать в конфронтацию с противником, столь существенно превосходившим их в численности. В основном немецкие снаряды пролетали над нашими головами, в то время как мы поливали их из пулеметов. Вскоре мы уже были посреди их позиций, и немецкие солдаты повсеместно стали выскакивать из своих наскоро вырытых ячеек с поднятыми руками. Мы смяли батальон 110-го Полка Моторизованной Пехоты, взяв в плен более 250 человек. Это была единственная за всю войну возможность, представившаяся нашей бригаде для концентрированной атаки подобного рода. Победа в первом боестолкновении сражения на *Линии Газала* не обошлась без потерь: в Эскадроне *A* танк Гордона Энтони (Gordon Anthony) на открытом правом фланге нашего строя был подбит, а Гордон тяжело ранен, выбыв из строя до конца войны. В той атаке я чувствовал себя застрахованным от опасности, … но вечером, думая о ранении, полученном Гордоном, я осознал, что столь же уязвим, как и все остальные.

На следующее утро, под первыми лучами солнца, мы увидели на невысокой гряде к западу от нас скопление вражеских машин, по-видимому, брошенных противником. Меня послали

туда, чтобы прояснить ситуацию. Они и правда были брошены, но там оставался один человек, который оказался, [как позднее выяснилось], лейтенантом Гриммом (Grimm). Он стоял в кузове грузовика, разбираясь с бумагами, лежавшими в портфеле, и не уделил мне ни малейшего внимания. «Давай, иди сюда!» - крикнул я ему, угрожающе помахивая револьвером. Гримм подержал в руках еще какие-то бумаги, потом повернулся и с нахальным видом направился к моему танку. Это был крупный, хмурый малый ростом более 6 футов, по годам, вероятно, ближе к тридцати, - наиболее высокомерная разновидность нациста. Глядя на меня, он положил руку на бок моего танка и сказал агрессивным, гортанным голосом: «Вам не победить в этой войне.» Мгновение спустя на бронетранспортере подъехал лейтенант Сорболов (Sorbolov), из *белых* русских, служивший в Стрелковой Бригаде/Rifle Brigade, посадил Гримма в машину и увез в штаб бригады. Уже там, когда появился бригадир, стоя на подножке своей машины, Гримм, стоявший неподалеку, встал по стойке *смирно*, выбросил вперед руку в нацистском приветствии и прокричал *Heil Hitler!* Как только эти слова вылетели из его рта, Сорболов засветил ему кулаком в челюсть, после чего тот свалился как бревно. Так лейтенант Гримм стал военнопленным…

Я высоко оценил свою встречу с Гриммом. Хотя она продолжалась не более 10 минут, она подтвердила мое представление о немцах как о высокомерных нацистах, которых трудно описать словами. Был он исключением, каким-то монстром, не похожим на миллионы немцев, которые слепо и беззаветно пошли за Гитлером и Гиммлером по пути войны и геноцида? Правда заключалась, вероятно, в том, что Гримм был типичным, законченным нацистом…

Сражение продолжалось. В истории полка можно прочесть следующие строки о нашем участии в нем:

Сражение на Линии Газала, продолжавшееся с 27 мая по 14 июня, носило совершенно запутанный характер, в максимальной степени, для танковых полков. Гнедые постоянно находились в бою, не имея возможности отдохнуть, с первого дня до последнего. Сначала их бросали в одном направлении, потом в другом, они никогда толком на знали, что происходит, и не имели понятия о том, кто же выигрывает сражение, вплоть до финального дня.

Мои личные впечатления были, скорее, более определенными, потому что с первых дней боев я чувствовал, что мы проигрываем медленно, но верно. Падение Бир-Хакейма, бастиона на южном окончании линии, который храбро защищали *Свободные Французы*, и укрепленного периметра 150-й Бригады в главном секторе *Линии Газала*, который открывал немцам путь для переброски грузов и подкреплений их группировке, попавшей в так называемый *Котел/Cauldron,* сделали итоговую победу немцев неизбежной в условиях превосходства их бронетехники. Долго планировавшаяся, но постоянно откладывавшаяся контратака нашей пехоты, когда она, наконец, состоялась, стала катастрофическим провалом.

Хотя *Гнедые* перемещались множество раз за девятнадцать дней боев, они, вероятно, потратили неделю на стояние напротив немцев на восточном фланге *Котла*. Это были спокойные дни, но в поздние послеполуденные часы начинались ожесточенные артобстрелы, которые называли *вечерами ненависти* и которые иногда сопровождались атаками немецких танков. Одним утром, по какой-то непостижимой причине, Джон Небуорт решил покататься на своем танке вперед-назад и влево-вправо, поднимая демаскирующие клубы пыли тогда, когда мы должны были скрывать от противника наши позиции. В конце концов наш командир Том Дрэффен (Tom Draffen) потерял терпение и сказал ему по радио: «Ради Бога, остановите его, не давайте ему мотаться туда-сюда, и пусть он повернется фронтом на запад.

По сравнению с *вечерами ненависти* утренние часы были довольно спокойными. Одним утром мы увидели, как к нам со стороны *Котла* приближается открытый *Фольксваген*, в котором находилось двое человек. Очевидно, они заблудились и думали, что находятся на контролируемой немцами местности, и подъехали к нам ярдов на 200, после чего поняли,

что ошиблись, развернулись и рванули куда подальше на полной скорости. Шестеро наших пулеметов открыли огонь: их пули поднимали фонтанчики пули рядом с несущейся машиной, которая делала зигзаги вправо-влево и не дала нашим толком прицелиться. Так она и исчезла из поля зрения.

Позднее, в ходе сражения, мы оказались на северном фланге *Котла*, занимая позицию на гряде, с которой просматривалось поле боя. Одним ясным утром в сражении наступило затишье, все выглядело тихо и мирно. Позади нашей позиции остановилась штабная машина, из которой вышел какой-то человек. Это был генерал-майор Херберт Ламсден (Herbert Lumsden), командир 1-й Танковой Дивизии. Худощавый, с аккуратными усиками, он носил аккуратную тропическую униформу с бросающимися в глаза генеральскими знаками различия и берет с красной полосой. Он прошелся мимо танков, потом прополз последние несколько ярдов, чтобы улучшить обзор из-за верхней бровки склона гряды, и минуту-две разглядывал поле боя через бинокль. Проходя мимо танков на обратном пути, он сказал: «Вы поставили нас в трудное положение этим утром.» На самом деле, мы в то утро не были в деле, но его жизнерадостная манера вести себя и излучаемая им уверенность прибавили нам настроения.

Позднее нам пришлось сделать крюк, чтобы выйти к южному флангу *Котла*. В один из вечеров поступило сообщение о приближающейся со стороны Бир-Хакейма колонне, и меня отправили туда, что разведать, что к чему. Солнце уже село, и быстро темнело. Примерно через милю я уже видел колонну машин, пересекающих пространство напротив меня по диагонали справа налево. Я остановился, чтобы присмотреться и понять кто это, потому что немцы часто использовали трофейные грузовики, поэтому наличие британских машин не давало уверенности в том, что это свои. Наконец я увидел полугусеничную машину, в которой сидели люди с кепи *Африканского Корпуса* на головах, и я уже знал, что это та самая немецкая колонна, о которой поступило сообщение. «Переключись на передачу,» - сказал я Фостеру, намереваясь доложить об увиденном по радио. В этот самый момент немецкая болванка пробила дыру в передней части моей машины и прошла через тело Фостера, моментально убив его и разбив рацию. Это было абсолютно тихое убийство: ни один звук не вылетел из его рта, ни одного звука не издало его тело. Он просто бесшумно сложился вдвое, свалился на дно танка между рацией и затвором двухфунтовой пушки и превратился в неподвижную фигуру, практически невидимую в темноте. Трудно было представить, что жизнь могла покинуть человека более стремительно и ужасно, чем так, как это случилось. И, как и в случаях гибели других *Гнедых* в то время, крови не было. «Трогайся вперед, побыстрее,» - сказал я Неду Лорду, и когда танк пришел в движение, следующий выстрел вырвал кусок из ствола моей пушки. Тело Фостера, вероятно, спасло остальных членов экипажа, потому что благодаря ему танк не загорелся или болванка не стала рикошетить по всему внутреннему пространству машины, убивая нас. Танк продвигался вперед, и тут индийский солдат в голубом тюрбане с винтовкой в руках, выскочил из стрелковой ячейки почти из-под танка и исчез в темноте, - это стало ярким отражением того, в какой ужасной изоляции от товарищей может оказаться пехотинец-одиночка на поле боя… Мы набрали скорость, держа направление прямо на вражескую колонну, и тут я обнаружил, что танковое переговорное устройство вышло из строя и я больше не могу поддерживать связь с механиком-водителем. Столкновение было неизбежным, так как танк катился вперед вне моего контроля, прямо на немецкую полугусеничную машину, тащившую за собой противотанковую пушку. Мы врезались в нее, нас встряхнуло, борт транспортера вогнуло вовнутрь, и танк начал вползать на эту груду железа. Потом он замер, его вышедшая из строя пушка уперлась в небо, и машина зависла на несколько секунд. Я посмотрел вниз на сцену, которая напоминала картину Брейгеля, в которой человеческие фигуры молча застыли, ожидая, что что-то вот-вот произойдет: один человек свернулся в клубок в углу кузова транспортера, тогда как другой, оказавшийся прямо подо мной, одной рукой схватился за борт своей машины, а другую поднял, словно стараясь защититься от удара. Тут передок танка свалился вниз, подминая под себя все из металла и человеческой плоти, что оказалось под ним, прежде чем со скрежетом двинуться вперед, преодолев это препятствие. Вражеского огня не было: должно быть, от пушки, которая убила Фостера, нас заслонили другие машины немецкой колонны. Я выбрался из башни на передок танка и начал колотить по люку механика-водителя. Нед Лорд открыл

его, и у меня появилась возможность указывать ему направление движением рук. Мы описали, с разворотом влево, дугу вокруг передней части остановившейся колонны и укатили в направлении позиций своего полка. Я собирался доложить то, что собирался передать по радио, но все это уже было никому не нужным, потому что полк получил приказ двигаться. Времени на то, чтобы похоронить Фостера, у нас не было. Наступила ночь, но над нами повисла полная луна, излучающая достаточно света, чтобы танки в колонне могли поддерживать контакт друг с другом. Через короткий промежуток времени полк остановился. С большим трудом мы извлекли тело Фостера из танка и положили его на землю. Нед вырыл неглубокую могилу, и Джон Небуорт уже начал читать полагающуюся по случаю погребальную молитву, когда донесся крик: «Вперед, едем дальше!» Нам пришлось оставить труп Фостера на корпусе в задней части танка, но тут одна его нога соскользнула через край его кормы и стала как-то дико болтаться, пока кто-то не закинул ее обратно. Нам пришлось проделать эту мрачную процедуру дважды, пока мы, наконец, не сумели похоронить его. Он был прекрасным парнем и хорошим солдатом, обладающим всеми качествами, характерными для кадрового бойца.

Утром 12 июня, на семнадцатый день сражения, полк занимал позиции над бровкой склона вдоль обращенной на юг линии, в нескольких милях к востоку от узла обороны *Knightsbridge*. Напротив нас находилась сильная бронетанковая группа немцев, упорно пробивающаяся в направлении Тобрука, в то время как слева от нас наступали вражеские части, стремившиеся окружить нас. Я получил другой танк, в моем экипаже по-прежнему были Нед Лорд и Эдди Пэриш, а танкист Мэйдмент (Maidment) занял место погибшего Фостера. Он был хорошо образованным человеком и имел высокий уровень квалификации в делах, связанных с работой радиста. В боях под Мсусом он был в экипаже Элекса Баркли (Alex Barclay) и, будучи не самым атлетичным парнем, проявил во время пешего перехода решимость прошагать много миль, чтобы не попасть в плен.

Эскадрон *C*, находившийся в центре, принял на себя главный удар атакующих *панцеров*. Он был оснащен танками *Грант*, которые были гораздо мощнее *Стюартов*. 12 июня, тем не менее, они оказались в численном меньшинстве, и британские танковые части полагались на ненадежные *Крусейдеры*. С моей позиции на левом фланге я мог наблюдать за тем, как развиваются события. *Панцеры*, которые выглядели словно маленькие черные жучки на фоне тусклых красок пустыни, подползали все ближе, покрывая одну сотню ярдов за другой. Их пушки выплевывали пламя и вели огонь по *Грантам* Эскадрона *C*. Эскадрон был вынужден понемногу отступать, в то время как мы, на своем левом фланге, также были вынуждены откатываться назад, создавая изгиб в общей линии, чтобы противостоять угрозе окружения. К поздним послеполуденным часам мы все были уже оттеснены к северу склона, сжавшись в жалкую горстку машин – оставалось шесть *Грантов* и пять *Крусейдеров*. *Гранты* понесли тяжелейшие потери, при этом на машине Роберта Кросби-Досона (Robert Crosbie-Dawson) насчитали 19 отметок от прямых попаданий [вражеских снарядов], но ни один из них не пробил броню.

Вечером этого дня наступил конец моему участию в сражении на *Линии Газала*, тогда как остатки полка дрались еще два дня до самого конца. Я был отправлен в Эшелон *B*, вглубь Тобрукского периметра, туда, где 9-я Австралийская Дивизия и, позднее, 70-я Британская Дивизия продержались в осаде семь месяцев в 1941 году. Забитый отступающими войсками и транспортом в конце сражения периметр превратился в легкую цель для немецких пикирующих бомбардировщиков – *Штук…*

В течение нескольких следующих дней мы ехали по *Приморскому Шоссе/Via Balba* – прибрежной дороге, построенной итальянцами и ведущей через границу в Египет. Где-то там нам зачитали приказ командующего 8-й Армией, в котором говорилось о том, что хоть мы и потерпели поражение на *Линии Газала*, не все было потеряно. Границу защищала более сильная группировка, чем когда-либо ранее, а Тобрук обороняло больше войск, артиллерии и танков, чем когда-либо в период недавней осады. Поглядывая по сторонам из грузовика, в котором я ехал, я видел солдат 1-й Южноафриканской Дивизии, сидевших за выложенными из камней укрытиями. Скалистый грунт здесь был слишком твердым для того, чтобы рыть в нем траншеи. Эти укрытия выглядели, как что-то временное. Идея была таковой, что нет смысла снова вкладывать усилия в оборону Тобрука, так как его

снабжение в период осады было слишком большим бременем. Но эта крепость стала таким важным элементом британского престижа, что против его оставления в последний момент выступил сам Черчилль, и были осуществлены поспешные приготовления к его удержанию...

На этот раз под атаками пикирующих бомбардировщиков, под артобстрелами и под ударами *панцеров* оборона периметра рухнула, практически, безо всякой борьбы, и немецкие танки прорвались к гавани. Все было кончено через несколько часов… После того, как пал Тобрук, больше не было возможности удерживать неустойчивую линию обороны на границе или еще где-то посреди полосы плоской пустынной местности шириной 150 миль, протягивающейся от границы до крохотного порта Мерса Матрух. Не было шансов и на то, чтобы удержать сам Матрух, хотя он был расположен на высотах и защищен обширными минными полями…

Немцы без проблем прошли мимо Мерса Матруха и, казалось, с какой-то неотвратимостью, рассеивали и обходили одну за другой части [союзников], стоявшие у них на пути на протяжении всех 120 миль от Матруха до *Аламейнской Линии*. Не имея танка, я снова оказался в Эшелоне *B*. Потом меня вызвали к командиру эшелона *Фрути* Годболду, от которого я получил приказ возглавить конвой из шести цистерн для перевозки горючего и довезти его до расположения полка, машины которого остались почти с пустыми баками в 30 милях к западу. Я проложил маршрут по карте и тронулся в путь в голове конвоя, растянутого в цепочку. Проехав 10 миль, я разглядел какой-то ствол и человеческую голову над поросшем травой холмике прямо по курсу. Друг или враг? Я остановил конвой и тронулся вперед на своем грузовике, чтобы разобраться, что к чему. Когда я подъехал к этому бугру ярдов на 500, над головой у меня просвистела пуля. Вот и ответ, и я быстро развернулся и поехал обратно к своей колонне. Очевидно, передо мной стояла невыполнимая задача, и я потратил полчаса на то, чтобы связаться со штабом по рации. Наконец капитан Артур Ролэнд (Arthur Rowland) из полкового штаба вышел на связь и сообщил мне, к моему изумлению, что их позиции находятся не к западу, а к востоку от меня. Случилось вот что: Том Дрэффен, застрявший с полком далеко за передовой линией немцев, ночью решил проскочить через полосу фронта, рассчитав, что у него должно хватить горючего на 40 миль. Они проехали мимо несколько лагерей противника и прямо через них, вплотную объезжая спавших на земле солдат, и каким-то чудом выбрались на контролируемую британцами территорию…»

БРИТАНЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ ОБ ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОМ СРАЖЕНИИ

23 октября

Брайт (Bright), *танкист*

Помню, что я стоял на переднем сидении моего танка, когда услышал пушечный выстрел, и уже в следующую минуту меня просто подняло с сидения грохотом тысячи пушек, одновременно открывших огонь и начавших сражение.

А.Ф. Флэтоу (A.F. Flatow), *майор, 45-й Танковый Полк, 10-я Танковая Дивизия*

В 22.00 это началось с дьявольским грохотом! Все небо на западе осветилось красными, голубыми, зелеными и белыми сполохами. Даже далеко от всего этого, там, где были мы, земля немного тряслась … С расстояния это звучало как сотни литавр. Это длилось несколько часов. Через час пришел приказ трогаться вперед, и мы пошли на этот шум!

Пехотинец Полка Сифортских Горцев/Seaforth Highlanders (51-я Дивизия)

Шум стоял невообразимый… Небо выло… Пехотинец словно муха в барабане… Грохот то усиливается, то ослабевает, он оглушает и отключает мозг.

Хэролд Харпер (Harold Harper), сержант-майор

Blimey! Мама дорогая! Начинается тяжелая работа… Один паренек куда-то пропал: он спрятался за пулеметом в стрелковой ячейке. Ну, я вытащил его оттуда за шиворот… Пригрозил ему расстрелом, если он не будет готов к бою. Мне нужно действовать жестко,

потому что, если кто-то будет делать так уже в бою, это становится заразным. Я бы и пристрелил его, если бы понадобилось… Он снова встал за пулемет, но он никогда больше не был таким, как раньше.

В первой линии атакующих шли волынщики.

Чарлз Миллер (Charles Miller), *волынщик, Полк Арджиллцев и Сазерлендских Горцев/Argyll and Sutherland Highlanders (51-я Дивизия)*

У нас был приказ идти вперед и не обращать внимания на раненых. Их составляли тем, кто шел сзади. Нужно было не показывать своим товарищам, что ты испуган… Волынщики имели большое значение для шотландского полка. Нам нужно было настроить ребят нужным образом. Среди волынщиков были немалые потери…

Пехоту сопровождали инженеры. Вспоминает австралийский сапер:

«Приходилось сметать песок то там, тот здесь. Они были близко друг к другу (thick as thieves), эти мины, а между ними еще натянута проволока… Если ты наступал на детонатор мины Schu, было два взрыва. Первый подбрасывал мину в воздух, а второй разносил ее на уровне пояса, разбрасывая горизонтально сотни подшипниковых шариков. Я сочувствовал пехотинцам: им приходилось идти по минному полю и занимать оборонительные позиции, чтобы держать *джерри* на расстоянии, пока наши парни делали свое дело.»

Один из новозеландцев написал после боев домой о том, что перед атакой в его взводе было 25 человек, к моменту первого приказа остановиться их осталось 12.

Джордж Гринфилд (George Greenfield), *132-я Бригада, 44-я Дивизия*

Начало сражения, южный сектор

Помню врача – коренастого канадца русского происхождения по фамилии Шрагович (Israel Shragovitch, ?-1982), который крикнул мне, чтобы я помог ему. Осколок мины угодил одному парню в бедро и почти отсек ему ногу: она болталась на клочьях плоти. Доктор сказал мне крепко держать эту ногу, пока он ампутировал ее, чтобы потом наложить повязку. Когда эта операция закончилась, в результате чего жизнь человека была спасена, я остался сидеть на корточках, тупо держа эту ногу на своих коленках – на ней все еще был гольф…

Свободные Французы смело пошли в атаку на песчаный холм Химеймат/Himeimat, некоторые из них добрались до его вершины, но были сбиты оттуда быстрой вражеской контратакой…

В северном секторе

24 октября

На гряде Митейрия/Miteiriya Ridge

Перед переходом в наступление настроение у британских танкистов было тревожное. Многие из них помнили жестокие бои 1941-1942 годов, сопровождающиеся тяжелейшими потерями. Вспоминает один из них:

Большинство из нас промерзли до костей и не чувствовали особенного прилива храбрости. Первое возбуждение сменилось пониманием того, что через несколько часов мы снова сцепимся с вражеской бронетехникой и что снова начнется побоище.

Фрэнсис Де Гуингэн *(**Francis Wilfred de Guingand,** 1900-1979), бригадир, начальник разведотдела 8-й Армии*:

«Гряда Митейрия была довольно неприятным местом, там имели место самые ожесточенные бои.» Один из танкистов был более категоричен, описывая приближение танков к немецким позициям:

«Неожиданно разверзся ад. В нашу стороны понеслись трассы всех видов огня и со всех сторон. Экипажи, ждавшие сзади в забитых техникой проходах через минные поля, видели, как трассы бронебойных снарядов устремились в направлении танков Эскадрона А, увидели взрывающиеся боевые машины, столбы пламени, охватывающие их и окрашивающие в тусклый вишнево-красный цвет раскаленные башни танков…»

Капеллан, служивший в Королевском Восточно-Кентском Полку/Royal East Kent Regiment вспоминал свои ощущения:

«Ужасающий грохот стреляющих пушек и разрывающихся снарядов, мрачные виды с покалеченными людьми и скрюченными трупами, тошнотворный запах серы и гниющей человеческой плоти, психологическое напряжение от бессонницы и ответственности, страх перед тем, что с тобой случится срыв на глазах у людей…»

Вернон Скэннелл (Vernon Scannell), *капрал, Полк Арджиллцев и Сазерлендских Горцев (51-я Дивизия)*

«Голоса тех, кто был тяжело ранен… Они несли страх и боль. Я помню, как один сержант, который казался мне почти отцом… был тяжело ранен, и слышать его голос, слышать, как он рыдал и звал свою мать, казалось мне унизительным, уничтожающим и ужасным.»

Фрэнк Девэни (Frank Devaney), *рядовой*

«Люди в бою меняются. Они звереют. Человек упал – все, с ним кончено. Ты убиваешь – тебе так положено. Все это давит, это ты или он, и это все. Ты только что застрелил или проткнул штыком человека напротив тебя. Этот человек не дает тебе выполнить задачу. Ты разрешил ему выжить, а кто-то в стороне от него собрался отнять у тебя жизнь. Другими словами, ты не мог дать кому-то выжить. Ты должен был убивать. И потом, было темно. Он не просто парень, встающий в полный рост, выпрыгивая из окопа с криком Kamerad! (так обычно кричали немцы, сдаваясь – ВК) или что-то еще. Ты не можешь остановиться, чтобы подумать, потому что чем быстрее ты избавишься от него, тем лучше. У него мог быть и револьвер в руке, или что-то еще, – темно ведь. Ты просто видишь фигуру человека. Для тебя силуэт – это враг, которого нужно уничтожить. Там нет места раздумьям…»

После первой атаки

25 октября

На севере австралийцы и *Горцы* продолжали атаковать позиции *Оси*, нередко вступая в штыковой и даже рукопашный бой. **Капитан *Горцев* Хью Сэмвелл** (**Hugh Samwell,** 08.07.1911-13.01.1945, погиб в Бельгии) захватил оборонительную позицию итальянцев, при этом было взято несколько пленных, и здесь сказанное Фрэнком Девэни нашло подтверждение. Сэмвелл стоял на месте недавнего боя, когда до него донесся крик: «Берегись!» Прямо у него под ногами что-то разорвалось, и капитан, каким-то чудом избежавший ранений, огляделся и увидел своего сержанта, который лежал на спине и стонал: его нога была изуродована. Оказалось, что один из итальянцев, только что выбравшийся из окопа и сдавшийся в плен, бросил в Сэмвелла и его людей гранату. О случившемся после этого рассказывает сам британский офицер:

«Совершенно неподконтрольный [разуму] гнев нахлынул на меня. Я обругал итальянца, которые теперь сжался в углу окопа, потом выстрелил в упор – раз, второй, третий, после чего раздался щелчок! Я забыл перезарядить оружие. Отшвырнул подальше свой пистолет и схватил винтовку – думаю, винтовку сержанта, - и спрыгнул вниз. Полагаю, еще двое солдат противника лежали на земле, на дне квадратной траншеи. Я заколол их штыком, а потом выбрался наверх…»

На поле боя часто царила неразбериха, британские части нередко блуждали в лабиринтах минных полей, и *дружественный огонь* не был редкостью.

Джон Лонгстафф (John Longstaff), *сержант*

«Я думал, в тот вечер мы ляжем все (we'd have our chips). Я думаю, это был единственный для меня момент, когда я действительно чувствовал, что меня убьют… Думаю, это был настоящий провал (balls-up). Они (командование – ВК) решили, что Королевская артиллерия и орудия поддержки осуществят огневой налет на нашем левом и правом флангах … но мы пошли в атаку в полной тишине. Идем, и тут случилась еще одна мерзопакостная неприятность. Был дан приказ одному из наших взводов атаковать пулеметное гнездо. Они атаковали его, но это оказался наш пулемет! Половина моего долбаного взвода была убита в одном долбаном бою моими же товарищами…»

Слева – британцы залегли в ходе продвижения вперед, впереди левее – горящие немецкие машины. В африканской пустыне солдаты обычно не окапывались, а обкладывали себя камнями. Справа - немцы сдаются в плен австралийцам

26-27 октября

Майор ***Флэтоу***

Воспоминания майора Флэтоу дают возможность понять, что первая неделя наступления была не слишком успешной для 8-й Армии. Уже на второй день боев многие танкисты «валились с ног от усталости.» Флэтоу и другим танкистам приказали принять по полторы таблетки *амфетамина,* и они почувствовали себя «превосходно, готовыми к бою и ко всему остальному.» Однако уже после второй и третьей дозы у людей начинались галлюцинации. Флэтоу: «Я постоянно видел то, чего не существовало.» Это превращалось в [навязчивые] образы, которые он не хотел видеть. «Никогда не забуду эту картину с [солдатом] *Горцем*, лежавшем на спине с ногами, оторванными по колено.» Его мучили воспоминания о том, как погиб его товарищ Норман Раунс (Norman Rounce). Он выбрался с другим танкистом из пылающей машины, сильно обгорел и умер в госпитале… Бензедрин вызывал головокружения и замедлял реакцию. Флэтоу вспоминал, что Эллан Даггин (Allan Duggin), продвигаясь вперед на своем танке, «потратил 10 минут на то, чтобы разбудить человека, лежавшего на его пути, прежде чем он понял, что тот мертв.»

Флэтоу заметил, что танкисты 45-го Полка через три дня боев были уже сильно измотаны:

«Иногда я прохаживался и стал натыкаться на командиров экипажей, которые засыпали, стоя в башнях танков… Боже, до чего они были утомлены. Подполковник Паркс (Parkes) из 47-го Полка, с которым я поговорил, казался обеспокоенным и сильно взволнованным, и в то утро у него случился [нервный] срыв. Его отвезли на перевязочный пункт, где он был убит разрывом авиабомбы, попавшей в окоп… Обыватель не имеет понятия о том. насколько изматывающей может быть жизнь танкиста., особенно для командира, который постоянно стоит или все время выпрыгивает и запрыгивает обратно. Под конец сражения

можно было видеть, как болтает командира танка, когда он пытается забраться на танк и ему помогают залезть в башню, определенно, это происходило со мной…»

Первым в его батальоне был убит капрал Блэквелл (Blackwell). Он встал в полный рост, вскипятил котелок воды для чая возле своего танка, и был убит болванкой, срикошетившей под непредсказуемым углом от земли и оторвавшей ему ногу.

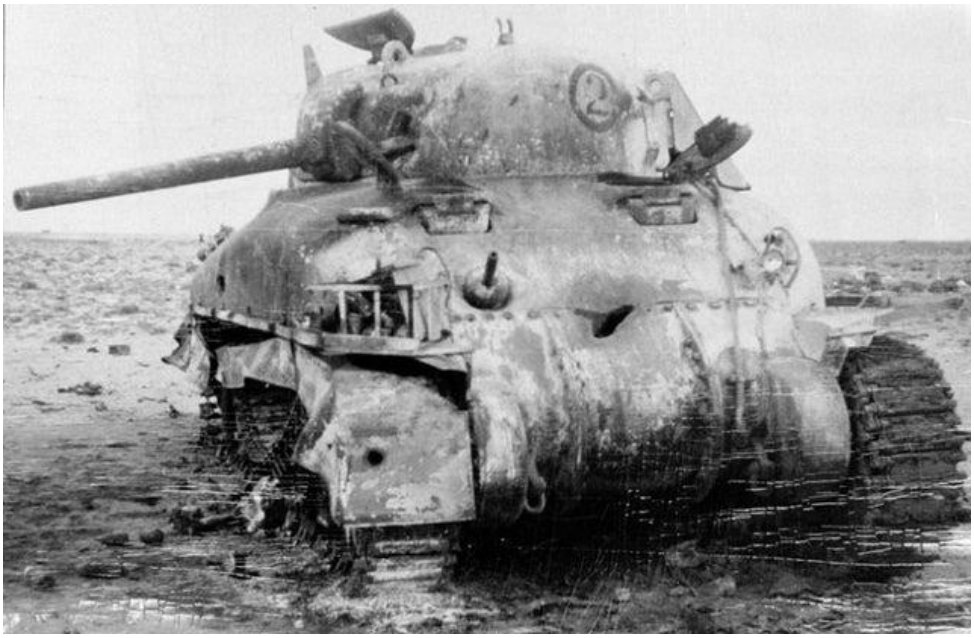
«Нас это немного встряхнуло, потому что мы стали как-то презрительно относиться к этим артобстрелам и к тому моменту сталкивались лишь с небольшими потерями от них.»

28-29 октября

В ожесточенных боях с контратакующим противником боевой дух британских танкистов пошатнулся.

*Майор **Флэтоу***

«Случилось так, что у нас у всех стиснуло кишки и пересохло во рту. Несколько Шерманов появились в поле зрения из-за гряды напротив нас, некоторые сдавали назад, некоторые повернули в нашу сторону, некоторые горели – это были танки из 41-го и 47-го батальонов, и они отступали. Некоторые остались с нами, другие прошли через наш строй и исчезли…»

Сгоревший Шерман. Эль Аламейн

Этот отход был вызван точным огнем немецких 88-миллиметровок. Один из танкистов сказал другому по радио, что услышали все: «Я не знаю, за что мы тут бьемся.» «Эфир был наполнен руганью, и, поверьте мне, это крайне плохо влияло на боевой настрой,» – вспоминал Флэтоу. Он выключил радио, чтобы его собственные товарищи по экипажу не слышали этого. – «У них и так нервы были расшатаны.» Все ждали атаки немецких танков. «Я, правда, чувствовал, что настает конец. Это было какое-то особенное чувство, и я не хочу пережить его снова.»

Ночь с 27 на 28 октября

Товарищи Флэтоу по экипажу были настолько измотаны, что уснули на земле и с большим трудом пробудились. Сам он не мог уснуть из-за ранее принятого *бензедрина*. «лунный

свет, пустыня, гряды – все вокруг крутилось и вертелось, - вспоминал Флэтоу. – Я не имел никакого представления, где я и в каком направлении двигаться дальше.»

Положение выглядело для танкистов удручающим, и они были разочарованы действиями командования. «К этому моменту генералы не проявили себя с лучшей стороны: танковые полки бросали в атаку без рекогносцировки на позиции хорошо закрепившегося, вооруженного противотанковыми средствами противника, - вспоминал Флэтоу, - и, похоже, все это должно было случиться снова.» 28-го от двух танковых полков мало что осталось.»

В то же время в первых танковых боях сражения у британских танкистов появилось чувство уверенности в своей технике и в своих силах.

***Энтони Уингфилд** (**Anthony Wingfield,** 1908-1996), майор, 10-й Полк Королевских Гусар, 1-я Танковая Дивизия*

«Несколько немецких танков появились напротив нас и остановились на расстоянии около 3 000 ярдов. Я заметил, по меньшей мере, одну из модернизированных машин Pz.IV с длинной 75-мм пушкой серди них. В этот момент … наши новые Шерманы продемонстрировали, на что они способны. Когда немецкие танки двинулись вперед, эскадроны A и C начали поражать их, и несколько немецких машин загорелись. Это и правда подняло наш боевой дух, и я почувствовал, что немцы были удивлены, поскольку повернули на север…, оставив несколько уничтоженных машин позади.»

26-28 октября - на гряде Кидни– пункт обороны *Snipe*

Наиболее ожесточенные бои развернулись вокруг позиции, которую британцы назвали *Snipe* (1.5 мили к юго-западу от гряды Кидни). Здесь танкисты *Оси* сконцентрировали свои контратаки. Оборонял позицию 2-й Батальон Стрелковой Бригады, пехотного подразделения 1-й Танковой Дивизии. Он был оснащен 33 легкими бронетранспортерами (Bren carriers), включал в себя пулеметные и минометный взвод. В него входила рота противотанковой артиллерии с 16 шестифунтовыми пушками и всего 90 пехотинцев…

***Майор Том Бёрд** (**Tom Bird**, 1919-2017), командир роты противотанковой артиллерии Стрелковой Бригады/Rifle Brigade*

27 октября

«… Весь день мы были под огнем со нашей стороны. Мы были в 2 000 ярдов впереди всех, там, где, как наши предполагали, не может быть своих. В дополнение к этому ночью наши танки пытались пройти через наши позиции, но были подбиты. Ведя наблюдение сквозь дымку с большого расстояния, артиллеристы могли разглядеть разве что джипы и несколько вражеских танков, так что они решили, что тут находится противник. Был момент, когда мы оказались под и правда очень сильным огнем со стороны наших, и наш офицер разведки Джекки Винтур (Jackie Wintour) запрыгнул в свой джип и помчался прямо к ним. Он подъехал, заставил передовые танки прекратить огонь, но остальные так и продолжали пальбу…

Наиболее запомнившийся момент, – это когда нас атаковали девять итальянских танков, но только одна из пушек могла вести огонь *(танки были только в ее секторе огня – ВК)*. В ее расчете были полковник Вик Тёрнер, командир взвода Джек Томс (Jack Toms) и сержант Чарлз Каллистэн (Charles Callistan). Они подбили шесть танков, но потом у них кончились снаряды. Джек Томс запрыгнул в джип и поехал к другим расчетам. Танки, которые все еще продолжали атаковать, стреляли, да и все остальные тоже палили по нам, так что он вел джип сквозь сильный огонь. Потом он загрузил боеприпасы с позиции одной

из пушек и поехал назад, но по пути в его джип был подбит и загорелся. Однако он сумел добраться до нужной пушки, вместе с полковником и капралом Фрэнсисом (Francis) они разгрузили боеприпасы, - при этом джип мог взлететь на воздух в любой момент. После этого Каллистэн подбил остальные танки, а Вик Тёрнер был ранен в голову в этом бою.»

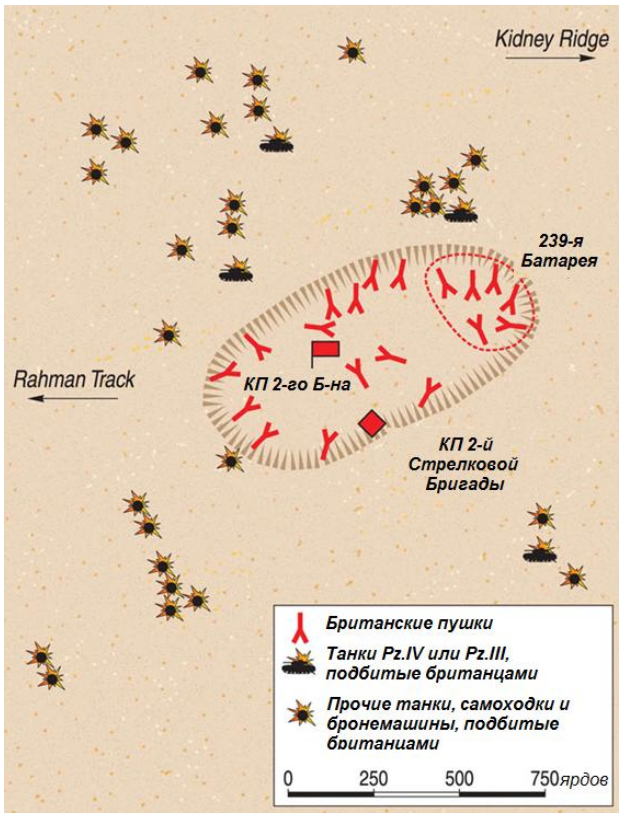

Схема позиции Snipe. Перед первой атакой танков Оси полковник, командир батальона Вик Тёрнер (Victor Turner, 1900-1972) сказал своим людям, что это будет бой «до последнего снаряда и до последнего человека. Командир 239-й Батареи лейтенант Элан Бэр (Alan Baer) от своих командиров услышал следующее: «Вполне вероятно, что вас ждет или смерть, или слава.»

***Чарлз Каллистэн** изложил немного другую версию событий…*

«Я произвел выстрел со 150 ярдов. С такого расстояния не промахнешься. Все наши пушки, казалось, вели стрельбу одновременно. Танк, по которому выстрелил я, охватило пламя, но он проехал еще 50 ярдов, прежде чем остановился. Неожиданно ночную тьму осветили горящие танки.»

Том Бёрд (посередине с повязкой на голове) и его боевые товарищи после боя. Эль-Аламейн

Том Бёрд

«Меня ранило в затылок, но голова осталась ясной... Я и Вик Тёрнер были в той или иной степени выведены из строя. Тем временем два немецких танка приблизились примерно на 100 ярдов. По ним могла вести огонь только одна пушка, но расчет засел в окопе немного в стороне и не мог добраться до нее, потому что стоило им шелохнуться, как по ним выпускали длинную пулеметную очередь. Взводный сержант Суонн (Swann) сумел подползти к пушке по мертвой полосе. Танки были так близко, что один [после попадания в него] просто взорвался. Помню, как все закричали от радости…

В этом бою было подбито 16 танков противника. Когда танкисты, выбравшиеся из горящих машин, пытались бежать, они были скошены огнем *Виккерсов*… Позиции британцев были под сильным огнем артиллерии и танков Оси. Вспоминает стрелок Кримп (Crimp): «Снаряды падали с воем в непрерывной последовательности, здесь и там раздавались взрывы. Несколько раз мою каску прихлопывало к голове ударной волной от ближайшего из них. Один раз мои легкие просто забило потоком песка… Все лежали, не шелохнувшись. Ты ничего сделать не можешь – что будет, то будет. Если снаряд упадет в окоп, что ж, никто об этом не узнает…»

В ходе последующих контратак противника британские артиллеристы нанесли танкистам *Оси* тяжелейшие потери, но в конце для 28-го оставили свои позиции, забрав с собой последнюю целую 6-тифунтовку. После этого барьером на пути немецко-итальянской бронетехники стал огонь полевой артиллерии. За мужество и умелое командование в обороне пункта *Snipe* полковник Тёрнер был награжден *Крестом Виктории/Victoria Cross*, к высшей награде был представлен и Чарлз Каллистэн, но получил *Медаль за Отличие в Службе/Distinguished Service Medal*. Он погибнет в Италии 30 июля 1944 года. Майор Бёрд был награжден *Орденом за Отличие в Службе/Distinguished Service Order*.

29-30 октября

Операция *Supercharge*

В 01.05 2 ноября, под прикрытием огня 360 орудий, британцы возобновили атаки. Первоначально в наступление пошли две пехотные бригады вслед за огневым валом.

На южном фланге после недельного ожидания в атаку пошла 132-я Бригада и *Свободные Французы.*

Джордж Гринфилд

«Французы на целом эскадроне [легких] бронетранспортеров пошли вперед по краю минного поля шеренгой с интервалом между машинами около 10 ярдов. [Казалось], можно было не беспокоиться, поскольку пространство было разминировано. Их командир дунул в свисток, и вся группа въехала на минное поле. Раздались взрывы, и бронетранспортеры один за другим взлетели на воздух: некоторые пройдя несколько ярдов, некоторые проехав до 50 и больше… Это было восхитительно и бесполезно – подходящая эпитафия славной битве…»

Рой Кук (Roy Cooke), *5-й Батальон Полка Сифортских Горцев (51-я Дивизия)*

«Насколько было видно глазу, слева и справа от нас, люди продвигались вперед с винтовками в положении на руку, штыки при этом поблескивали под бледным светом луны. Мы шли, и, безо всякого сомнения, ощущали гордость и были в возбужденном состоянии. Мы не осознавали опасность и не думали о ней, мы просто делали свою работу и были далеки от мысли о том, что тебя могут ранить или убить… Впереди нас были видны красноватые разрывы, и пули, трассирующие и обычные, летели в нашу сторону. Я помню,

что видел, как люди падали на землю, но приказ был идти вперед и не останавливаться, чтобы побеспокоиться о раненых или умирающих…»

Уильям Уотсон (Willam Watson), *полковник, командир 6-го Батальона Полка Дерхемской Легкой Пехоты/Durham Light Infantry (50-я Дивизия)*

«25-фунтовые снаряды, проносясь над твоей головой…, издают звук, похожий на удар кнута. Сначала наши нервы были в напряжении, но потом все стало похоже на песню. Снаряды неслись где-то сверху и разрывались впереди нас…»

Британцы шли вперед сквозь ядовитый дым, и навстречу им стали выходить люди с поднятыми вверх руками.

«Я раскопал в памяти свои школьные знания немецкого, говоря им, куда идти. Итальянцы были испуганы и продолжали орать Madre!/Мама!. Ночь была очень холодная, на нас были только наши KD (Khaki Drill) рубахи и шорты, однако мы все сильно вспотели…»

Однако далеко не все немцы и итальянцы собирались бежать в тыл или сдаваться в плен, и советы рядового Фрэнка Девэни вновь обретали смысл…

«В нашем стремлении пробиваться дальше мы, должно быть, проходили мимо притаившихся вражеских солдат, и кто-то из таких убил моего полкового сержант-майора и санитара, который пытался помочь ему, а также сержанта Фэйрли (Fairlie), который играл в батальонной крикетной команде, и юного 2-го лейтенанта Виккерса (Vickers), который лишь недавно присоединился к нам. Это были тяжелые удары для нас.»

К рассвету британцы вышли к передовой войск *Оси*. Британской пехоте предстояло закрепиться на плацдарме, с которого планировалось продолжить атаку силами 9-й Танковой Бригады с дальнейшим прорывом линии обороны врага. Однако наличие большого количества глыб на песчаной поверхности затруднило продвижение танков. Пока пехотинцы отчаянно пытались окопаться, артиллерия *Оси* открыла по ним интенсивный огонь. Один из младших офицеров вспоминал: «Следующие пять часов моя группа просто лежала, прижавшись к земле, пока на нас падали снаряды. Их пушки были отлично пристреляны. Все это время мы старались зарыться в землю. Это была наихудшая ситуация из всех, в которых нам пришлось побывать. Снаряды падали непрерывно ярдах в двенадцати от нас, а некоторые не дальше чем в четырех футах.»

Однако пехота удержалась на плацдарме…

Командовавший силами британцев в этом секторе новозеландский генерал Фрейберг, в преддверии танковой атаки, сказал: «Мы все знаем, что для бронетехники атака на стену из артиллерии звучит как новая Балаклава, - это, однозначно, работа для пехоты. Но у нас больше нет пехоты в резерве, это должны сделать танки.» Командир бригады Джон Карри (John Currie) предупредил, что, вероятно, будет потеряно 50% танков, а на тот момент у него было 133 боевые машины. Монтгомери ответил: «Это должно быть сделано. Если нужно, я готов смириться с потерей 100% в людях и танках.»

Стоддарт (C. B. Stoddart), *капитан 9-й Бригады*

«Я дал каждому из своих по глотку виски, и мы тронулись. Сначала очень медленно, в полусумерках. Ничего не происходило первые несколько минут, а потом разверзся ад … Я был первым из всего полка, чью машину зацепило …»

Один из танкистов эскадрона *Крусейдеров* рассказывал: «Здоровенные красные шары вылетали, казалось, прямо из песка и летели навстречу танкам. Некоторые летели мимо целей и прыгали по песку. Другие ударялись с тошнотворным лязгом о *Крусейдеры,* и их глухие разрывы вливались в какафонию, наполнявшую воздух.»

Вскоре в бой с британцами в дополнение к артиллерии вступили немецкие танкисты. Последовавшие события описывает рядовой Ноулз (Knowls): «*Шерманы* медленно выбивали, один за другим, и это было страшное зрелище. Если в танк попадал снаряд, его

охватывало пламя. Я не видел, чтобы кому-то удавалось выбраться. Некоторые снаряды рикошетили от брони, и можно было разглядеть, как снаряд вертится в воздух, издавая какой-то особенный звук… Я не мог ничего сделать – просто сидел и смотрел.» Капитан Иэн Инглиш (Ian English), командир роты *Даремцев*, был вне себя: «Это было шокирующим зрелищем… перед немцами были превосходные цели. На расстоянии в пределах двух или трех сотен ярдов от моей роты было подбито около 20 танков, и, кажется, мало кому из людей удалось выбраться…»

Один из старших офицеров 9-й Бригады вспоминал: «Насколько мог видеть глаз раскинулись следы произошедшего – танк за танком, сгоревший или разбитый, поднимающийся от них дым, смешивающийся с холодным туманом, пунцовые лучи, поднимающиеся над горизонтом на востоке и придающие всем предметам кровавый оттенок. Местами Карри мог разглядеть танки, несмотря ни на что ведущие огонь по расположенным где-то вдали танкам и артиллерийским позициям Африканского Корпуса. Он был рассержен, ему было горько.»

Лен Фрэнклин (Len Franklyn), *танкист 9-й Танковой Бригады*

«Мы вступили в бой против вкопанных в грунт танков и противотанковых пушек, среди которых были те самые мерзкие 88-миллиметровки. Каждый танк теперь сражался в одиночку, и я был слишком занят, чтобы что-то замечать. Башня наполнялась едким дымом после каждого выброса гильзы, и нужно было заталкивать в затвор новый снаряд. Первый вражеский снаряд, попавший в нас, сбил гусеницу, и из-за того, что мы лишились мобильности, наши шансы на выживание приблизились к нулю. Мы продолжали стрелять, зная, что наступит момент, когда мы поймаем один из этого потока летящих кусков металла. Когда это случилось, слава богу, нам попали куда-то в кормовую часть. Через внутреннюю связь донесся голос механика-водителя, сообщившего, что мы горим. Не думаю, что я слышал приказ покинуть машину. Я пробился вверх, протискиваясь между ногами командира, и был уже на земле, когда он все еще пытался содрать с себя наушники! Когда я оглянулся, ну и зрелище я увидел. Там, должно быть, было более сотни танков на разной стадии горения, тогда как другие, оставшиеся невредимыми, все еще вели бой или эвакуировали раненых с поля боя. Наш водитель и второй водитель выбрались через запасной люк в днище корпуса, но, к сожалению, второго водителя залило высокооктановым бензином, и он ничего не видел. Не считая этого, весь экипаж был цел и невредим, но мы не знали толком, куда сваливать, чтобы оказаться в безопасности.»

За час с небольшим 9-я Бригада потеряла 75 танков из 95, брошенных в атаку, из 400 членов экипажей 230 были убиты. Однако бригада нанесла бронетехнике *Оси* в этом секторе тяжелые потери. Последовавшие за этим атаки 2-й и 8-й танковых бригад также не принесли существенного продвижения вперед, но, когда в 11.00 остатки 15-й и 21-й танковых дивизий немцев и итальянской *Littorio* пошли в контратаку, их встретила стена противотанкового огня и дождь авиабомб, что привело к потере около 100 машин. Так временный тактический успех *Оси* сошел на нет.

Ожесточенные бомбардировки позиций немецко-итальянских войск наносили им такие потери, что Монтгомери даже высказался в том смысле, что «Они [BBC] выигрывают сражение за меня.» От воздействия артиллерии, танков и авиации британцев Роммель потерял к концу дня 2 ноября 117 танков, включая 77 немецких. В *Африканском Корпусе* оставалось всего 35 боевых машин…

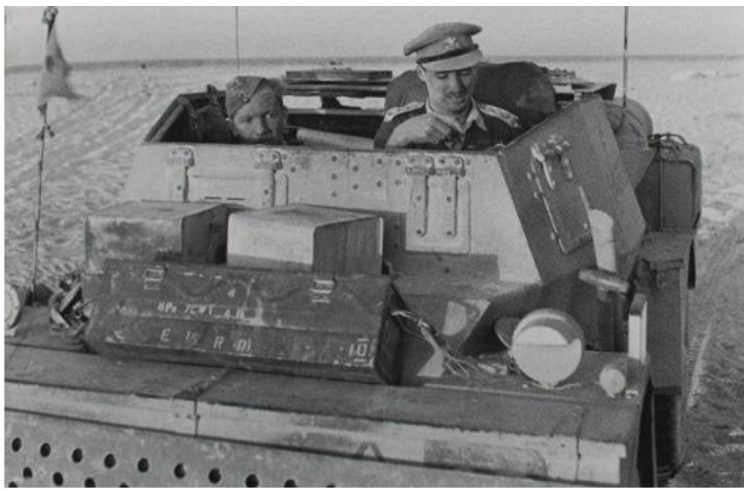
4 ноября попытка генерала фон Тома (Ritter von Thoma), командующего *Африканским Корпусом*, создать заслон из последних боеготовых машин и остатков боеспособной пехоты из состава немецкой 90-й Легкопехотной Дивизии и итальянских дивизий *Littorio* и *Trieste* провалилась: измотанным и разбитым частям *Оси* противостояло не менее 200 британских танков. В этот день попал в плен сам фон Тома.

Момент сдачи в плен генерала фон Тома. Художник Дэвид Шеперд (David Shepherd, 1931-2017)

Когда немецко-итальянские войска были, фактически, полностью разгромлены, генерал Байерляйн, штабной офицер Роммеля, запрыгнул в свою машину и поспешил к передовой, где нашел фон Тома стоявшим рядом с одним из горящих танков. Он попытался подъехать поближе, но попал под пулеметный огонь и приказал водителю срочно поворачивать назад. Примерно в этот момент к месту событий приблизился на своей разведывательной машине Грант Сингер (Grant Singer, 1915-1942), капитан 10-го Полка Королевских Гусар/10th Royal Hussars, пленивший генерала. Он успел рассказать, что увидел «заметного парня, который был сам по себе и появился из облака пыли. Он был в полевой форме и с военным снаряжением и не выглядел, как британский офицер верхнего эшелона.» Фон Тома отдал Сингеру свой пистолет, и оба офицера пожали друг другу руки… К сожалению, Сингер и его водитель погибли в тот же день, 4 ноября 1942 года, после прямого попадания 88-мм снаряда в их машину…

Слева – капитан Ричард Кин (Richard Keane, умер в 2011 году в возрасте 101 года), танк которого подбил боевую машину фон Тома. Справа - капитан Сингер (в фуражке) и его водитель Хайатт (Hyatt) сразу после того, как они доставили генерала фон Тома в штаб 2-й Танковой Бригады.

5 ноября

***Уэгнелл (Wagnell),** капрал, Служебный Корпус*

«Мы проезжали мимо разбитых машин и танков… Во многих местах убитые еще не были захоронены…, и однажды нам пришлось резко вильнуть, чтобы объехать пару трупов на дороге.»

Уэгнелл и его товарищи наткнулись на большой склад немецкого снаряжения.

«Люди всех званий собрались тут, чтобы найти что-то для себя. В немецком лагере, на пляже, было множество палаток, и там было видно, как поспешно противник оставил это место. Стояли накрытые столы, одежда и снаряжение было разбросано в великом беспорядке. Там были бутылки с вином и спиртным, бинокли и туалетные принадлежности. Мы видели и брошенный итальянский лагерь с большим количеством одежды и целыми бочками вина … Некоторые из наших тут же надели новые башмаки, многие утащили с собой новенькие рубашки, белье и пр.»

Пленные

2 ноября

Питер Льюис (Peter Lewis), *капитан*

«Много воронок, множество убитых немцев и итальянцев. Мы приступили к сбору военнопленных, некоторые из них были оглушены и находились в истерическом состоянии. Они бродили поблизости и, к сожалению, некоторых из них убивали, поскольку иногда трудно было понять, собираются они сдаться или просто выбираются из окопов.»

Однако Льюис остался под впечатлением от того, какие первоклассные солдаты им противостояли.

«Один немец выбрался из окопа, как будто его запустили из чего-то, и он ринулся в мою сторону с пистолетом в руке… Другой парень дождался, пока мы не зайдем за линию, на которой он находился, а потом бросил в нас гранату на длинной ручке. Один из моих ребят вернулся и обнаружил, что тот мертв, - он бросил гранату, умирая…»

3-4 ноября

Солдат 51-й Дивизии

«В первые четверть часа два эскадрона [бронемашин] уничтожили сорок грузовиков… Потом, когда наши собственные машины стали вязнуть в песке, экипажи стали выгонять немцев и итальянцев из их машин и заставлять их ложиться в находившиеся поблизости окопы… У нас не было времени на пленных. У них просто отбирали оружие и говорили им маршировать на восток. Тех, кто отказывался, расстреливали. Мало кто отказывался…»

Джервэйз Маркэм (Gervase Markham), *124-й Полк Полевой Артиллерии*

«Это был мой первый опыт продвижения по полю битвы, где разбитая армия оставила после себя все, что можно было бросить. Итальянские солдаты стояли и ждали, когда их возьмут в плен, потому что немцы забрали все транспортные средства и оставили итальянцев без еды, воды и машин заботиться о самих себе и молить о том, чтобы их увели под конвоем…»

Хенри Бёрн (Henry Byrne), *артиллерист 154-го Полка Полевой Артиллерии (Лестерширские Йомены/Leicestershire Yomenry)*

«На десятый день войска Оси были опрокинуты и был осуществлен наш прорыв. Мы преследовали противника, поддерживая огнем наступающих. Вскоре мы получили возможность впервые взглянуть на пленных. Австралийцы швыряли камни в группу итальянцев и орали им, чтобы они проваливали назад и сражались. Я счел это дурновкусием, хотя с виду все выглядело комично. Мы пошли дальше и на знаменитом участке *Knightsbridge (здесь в июне 1942 года, всего за несколько месяцев до Эль-Аламейна, британцы оказали упорное сопротивление наступавшим немцам в ходе окончившегося для первых разгромом сражения на Линии Газала - ВК)* в плен были взяты тысячи суперменов Гитлера, растрепанных, грязных, сильно удрученных, и, по-видимому, голодных. Их конвоировала горстка шотландских пехотинцев. Это было то, чего мы ждали, - победа для Британии, в итоге, навалявшей представителям высшей расы.

У меня не было к ним ненависти. Мы остановились и стали смотреть, как эти люди проходят мимо. Я подумал о том, какими героями были эти парни, выдерживая все эти бомбардировки с суши, с моря и с воздуха в течение десяти дней. Я хотел бы быть уверенным в том, что смог бы оказаться таким же храбрым. На мгновение я представил себе, что это британцы и что я – один из них. Подумал о своей семье, и не без гордости скажу, что в глазах у меня появились слезы. Мне предстояло увидеть большее число нацистов в Италии…»

Военнопленные. Эль Аламейн

4 ноября

***Кит Даглас** (**Keith Douglas**, 1920-1944), лейтенант, Полк Ноттингемширских Йоменов/Nottinghamshire Yomenry Regiment, 8-я Танковая Бригада*

««Вон они!» - неожиданно прокричал пехотинец. В нескольких ярдах слева от танка двое немецких солдат выбирались из окопа, застенчиво улыбаясь, словно их поймали в ходе игры в прятки. В их окопе лежал *Шпандау*. Я вздохнул с облегчением: пулеметным гнездом меньше. Но люди стали появляться вокруг нас всюду и везде.

Мы стояли посреди лабиринта окопов. Эван (Evan) опустил свой пулемет, Беса/Besa, сказал: «Дайте мне ваши пистолет, сэр» и спрыгнул танка. Он начал быстро ходить по участку с криками «Вылезайте, выбирайтесь из окопов, ублюдки!» и т.д. Пехотный офицер и я присоединились к нему и стали быстро перебегать от окопа к окопу. Я подобрал винтовку в одной из ячеек и стал угрожающе нацеливать ее [на немцев], потом, правда, обнаружил, что она была на предохранителе… Солдаты продолжали вырастать из-под земли, словно зубы дракона. Я попытался собрать их в колонну, указывая, что им делать, моей бесполезной винтовкой. Чтобы поторопить одного из них, я навел на него оружие, но он сжался в комок, припав к земле, словно щенок, которого ругали, очевидно, думая, что я собрался пристрелить его. Я сильно смутился и опустил винтовку, и он рванулся к своим товарищам, словно начался спортивный забег. Я начал кричать «Raus, raus!/Выходи,

выходи!» в адрес тех, кто все еще сидел в окопах, высунув из них головы в нерешительности: Эван напугал их, выпустив очередь из подобранного Шпандау…

Мы накидали на заднюю часть танка подобранные в кишащих мухами окопах *Шпандау*, винтовки, бинокли *Dienstglas* и размером поменьше, британские консервированные рационы (трофеи, которыми часто снабжали немцев – ВК), и плоские круглые банки с немецким шоколадом…

[После расставания с пехотинцами и пленными] мы были шокированы тем, что пехотинцы стащили все немецкие бинокли, пока катались на нашем танке. Мы сгрузили большое количество пулеметов и винтовок, но оставили себе три пистолета *Люгер/Luger (призовой трофей у союзников – ВК)*, - красивое оружие, правда, довольно деликатное для использования в песках. Еще мы набрали пищевых рационов, столовых приборов, боевых наград и блях, ножей и т.п., которые потом поделили с товарищами. Большую часть рационов мы съели, запив несколькими пинтами кофе…»

В этом сражении победила многонациональная 8-я Армия, в которую входили представители различных доминионов Великобритании и других стран. В ней были люди различных рас, в том числе, черные африканцы.

Петрус Дламини (Petrus Dlamini), *сержант 1-й Южноафриканской Дивизии*

«Был слух – командование заговорило о том, чтобы дать нам оружие. Сначала нам дали винтовки, которые отобрали у итальянцев в Кении. Раздали, показали, как перезаряжать, с ними мы обучались. С ними мы попали под Эль-Аламейн, и у нас их забрали, потому что они на что не годились, а нам дали винтовки *Lee-Enfield .303*. А потом 8-я Армия пошла вперед. Парни! Было жутко, убитые солдаты были тут и там, белые и черные, но немцы стали отступать, и мы преследовали их. Мы отбросили их. Говорят, мы прошли 300 миль… Немцы уже не вернулись. Они ушли вместе с итальянцами… На позициях нами командовали белые. Когда мы пошли в бой, все перемешались. Мы стали единым целым, мы сражались вместе: белые и черные солдаты.»

Монтгомери довольно быстро начал считать успех в этом сражении едва ли не исключительно своей заслугой. За два дня до приказа Роммеля отступать, он написал начальнику британского генштаба Элану Бруку (Alan Brook):

«По-настоящему тяжелая и довольно кровопролитная битва к настоящему моменту продолжается уже восемь дней. Это был восхитительный бал… Я справился с удержанием инициативы на всем ее протяжении, и все это время Роммель был вынужден танцевать под мою музыку. Его контратаки и удары были остановлены без больших усилий и вовремя. Думаю, он созрел для действительно сильного удара, который может скинуть его с постамента. Это произойдет сегодня ночью, и я бросаю на это все, чем располагаю… Если мы преуспеем, это будет концом армии Роммеля.»

Он быстро стал национальным героем. Участник событий, офицер 7-й Танковой Бригады и будущий командующий ВС Великобритании **Майкл Карвер** **(Michael Carver)**, позднее оценивал полководческие достижение Монтгомери в этом сражении более прохладно: «Это была битва на истощение … Может, она и обошлась дорого, и не была овеяна романтикой [боя], но сделала всех уверенными в победе, а уверенность в победе в то время значила все. 8-я Армия располагала ресурсами, чтобы выстоять в такой битве, тогда как *Panzerarmee* их не имела, и Монтгомери обладал решимостью, силой воли и безжалостностью, чтобы довести ее до конца.» Возможно, он недооценивал тактическое мастерство Монтгомери…

10 ноября Черчилль в обращении к британцам сказал следующие слова, вспомнив одну из своих исторических фраз и произнеся еще одну запомнившуюся: «Я никогда не обещал вам ничего, кроме крови, тяжелых трудов, слез и пота. Теперь, однако, мы приобрели

новый опыт. У нас есть победа – замечательная и однозначная… Это – не конец, это даже не начало конца, но это, возможно, конец начала.» Генерал Фрейберг в своем докладе по результатам сражения писал: «… Значимость хорошо обученной пехоты, способной атаковать ночью с примкнутым штыком любые виды оборонительных позиций, была полностью подтвердилась.»

Монтгомери, в итоге, сказал следующее: «Битва за Египет была выиграна за счет высоких боевых качеств солдат Империи. Из всех этих солдат никто не проявил себя лучше, чем бойцы из Новой Зеландии.» Впрочем, уже 2 ноября он писал командиру 9-й Австралийской Дивизии генералу Морсхеду (Lesly Morshead, 1889–1959, на фото слева): «Ваши люди были абсолютно восхитительны, и та роль, которую они сыграли в этом сражении, была выше всякой похвалы.»

Слева – Бернард Фрейберг, справа – Лесли Морсхед

Примечание

**Кит Даглас – офицер и поэт, который погиб 9 июня 1944 года в первые дни вторжения в Нормандию, оставив книгу воспоминаний Alamein to Zem Zem (1946).*

Интервью с офицером Новозеландской армии **Ллойдом Кроссом (Lloyd Cross)**

К началу ВМВ Ллойд Кросс прослужил в армии уже три года. В начале своей карьеры он был откомандирован в качестве кадета в Австралию, в Военный Колледж, находившийся в пригороде Канберры под названием Дантрун. После начала ВМВ Ллойд был возвращен в Новую Зеландию и стал ожидать отправки за океан, но у командования были другие соображения: он был назначен инструктором для недавно записавшихся в армию новичков, изъявивших желание воевать.

Офицеры-инструкторы рвались в бой, но, по счастью, многие из них остались дома на раннем этапе участия новозеландцев в боевых действиях в Европе – в Греции и на Крите, когда британские войска потерпели серьезные поражения и понесли большие потери. Только в 1941 г. Ллойд оказался в составе 2-й Новозеландской Дивизии, сражавшейся в Северной Африке.

Где вы родились и выросли?

Я родился в Данидине, в провинции Отаго, и провел детство на ферме Tupeka West. У моего отца была астма, и мы купили дом в горах на юге провинции Кантербери. Здесь я пошел в начальную школу. В то время не было школьных автобусов, поэтому приходилось ездить в школу на лошади – 4 мили туда, 4 обратно. В средней школе мне приходилось нелегко, так как мой самый старший брат был *Head Prefect* (*Главный Префект - старшее лицо/староста из числа школьников - ВК*), а мой кузен был *Head of the House* (*заведующий учебной частью – ВК*). В те времена префекты исполняли телесные наказания, и я получал их по полной, потом что мой брат и кузен не хотели, чтобы их заподозрили в фаворитизме. Так или иначе, я окончил среднюю школу, в которой был чемпионом в разных видах спорта.

Был ли у вас интерес к фермерству, когда вы учились в средней школе?

Да, мне нравилось фермерство, но мой старший брат побывал на войне (*ПМВ – ВК*), и я решил, что не вернусь на ферму, и записался в армию. Меня отправили в Военный Колледж, в Австралию. Каждый год в этот колледж принимали четырех новозеландцев. Я отбыл там положенное время в 1937-38 гг. - в это время тучи войны уже заволакивали небо. При этом у нас армия сокращалась, и не было обязательной военной подготовки, которая была отменена в 1931 г.

Колледж в Дантруне был основан в 1910 г., и при его создании были использованы лучшие идеи, заимствованные из Сандхерста в Англии, Сен-Сира во Франции и Вест-Пойнта в Штатах. Мы проходили подготовку для службы во всех родах войск: кавалерии, пехоте, артиллерии, инженерных частях, изучали языки, бухгалтерию, математику, прочие науки.

То есть, приходилось довольно нелегко?

Да. Мы называли это «чоканьем». Нам не разрешали употреблять алкоголь, хотя некоторым парням было уже больше 21 года. Курение разрешалось.

Война была объявлена в один из воскресных вечеров, когда я был в увольнительной. Я возвращался из Канберры после небольшой поддачи и не особенно хотел, чтобы меня видели опускающим свою увольнительную в соответствующий ящик. И тут зажглись все фонари и зазвучала оглушающая сирена. Я забросил свою увольнительную в ящик и прошмыгнул на территорию колледжа. У всех на устах было одно: «Прекрасные новости, объявлена война.» Ну, мы были кадровыми военными, нас этому учили и всё, что мы хотели, было войной. Вообще, если тебя тренируют для игры в регби, ты должен хотеть принять участие в соревнованиях.

То есть, пока сгущались тучи, в колледже надеялись на войну?

Чемберлен сказал, что привез мир на вечные времена, но это прозвучало слабовато. Было немного неожиданно, что войну объявили столь скоро, хотя мы знали, что это произойдет после того, как они [немцы] вторглись в Польшу. На следующий день по трансляции нам объявили о порядке выпуска из колледжа. Пришел комендант и сказал: «Итак, джентльмены, война объявлена, продолжаем работать в том же ключе, выпуск будет тогда, когда положено, никакого форс-мажора.» Мы закончили учебу 12 декабря 1939 г. и отправились в Сидней. Новозеландцам предстояло отправиться домой морем (пассажирских самолетов тогда еще не было), и мы вернулись в Новую Зеландию на небольших судах типа *E52*.

Вы успели пройти через все стадии базовой подготовки?

Да мы, прошли через все. Мы вернулись и встретились с *GOC,* генералом Дуайгэном (*John Duigan - General Officer Commanding – в странах Британского Содружества – командующий ВС доминиона – ВК*) и спросили его: «Когда мы попадем на войну?» Он ответил: «Война продлится лет 30, у вас будет полно времени, чтобы оказаться там.» Нам показалось, что, судя по такому уровню мышления, это не самый умный мужик. Однако мы получили назначения, а офицер никогда не получает место службы поблизости от дома. Меня отправили в Веллингтон, и моими первыми обязанностями стало обучение персонала, отправляющегося за океан.

Как вам нравилась эта работа?

Нас к этому целиком и полностью готовили. Никаких проблем. Мы знали ответы на все вопросы, а эти ребята были совсем новичками. Они пришли отовсюду: это были рабочие с мясохладобоен, стригали, пастухи, фермеры, юристы, бухгалтеры, учителя, дальше по списку. Первым моим заданием было обучение будущих офицеров.

А как в армии решали, кого из новичков обучать в качестве офицеров?

Хороший вопрос. В будущие офицеры брали добровольцев, пришедших из территориальных формирований, или тех, кто до армии был директорами школ. Вообще, выбирали почти наугад. Ну, например, этот парень – юрист из Уаипукурау, был капитаном школьной команды по регби, пошлем-ка его готовиться в офицеры. Парень заканчивает 6-

недельный курс обучения и получает звание 2-го лейтенанта. У 2-го лейтенанта испытательный срок – 12 месяцев, потом он автоматом получает две звезды (*звание лейтенанта – ВК*). Новички приходили к нам, мы давали им возможность пройти через определенные испытания, и, если они были спортивными парнями и выделялись из общей массы, мы начинали готовить их к офицерской службе, в противном случае они шли в сержантский состав и т.д.

Глядя в прошлое, как бы вы охарактеризовали себя как офицера? Была ли у вас тяжелая рука? Чувствовали ли вы, что нужно быть довольно жестким к людям?

Нет, не думаю, что это было так. Нельзя допускать никакой расхлябанности и, конечно, нужно опираться на строгий военный регламент во всем. Моей первой работой было обучение офицеров и сержантов для батальона, укомплектованного маори. Поскольку я прибыл из центра провинции Отаго, у меня не было в прошлом контактов с маори. И вот ко мне под начало попадает примерно 60 парней-маори, да я и имена-то их произнести не мог. Я быстро понял, что маори позволяют давить на себя только до определенного предела, но дисциплину уважают. Они ее признавали, они не возражали против того, чтобы выполнять приказы. Из многих из них получились первоклассные офицеры, одним из них был рядовой Джеймс Хенри, который дослужился до звания полковника в Батальоне Маори и получил звание Сэра – Sir James Henare. Я близко познакомился со многими из них, и мы остались друзьями на всю жизнь.

Итак, можете ли вы сравнить солдата Pakeha (белые новозеландцы – ВК) и Maori (маори) с точки зрения их восприятия военной службы?

Двое других парней из Дантруна имели в подчинении, в основном, белых. У нас были соревнования, и мои парни-маори побеждали буквально во всем. Они были прирожденными солдатами, уровень их подготовки - и боевой, и строевой - был великолепным. Они чувствовали себя на солдатской службе, как утки на воде! Они были исключительно хороши в полевых условиях. Я быстро обнаружил, что у них было сильно развито землячество. Например, Батальон Маори состоял из 4-х рот: рота А: парни *Nga Puhi* (из Окленда) – по кличке *gum diggers*, рота В: парни из племени *Waikato-Tainui*, по кличке *penny divers*, рота С – парни из племени *Ngati Porou* (восточное побережье) – по кличке *cowboys*, рота D – парни из небольших племен с севера, юга, из Таранаки, Веллингтона и Уаирарапы. Я обнаружил, что вы можете поставить офицером парня из племени *Ngati Porou* только в роту С, поскольку остальные в сильнейшей степени ненавидели это племя. Они подчинялись офицерам только из своего племени. Большинство офицеров пришло к нам в качестве потенциальных сержантов и были в родстве с *kaumatua* (старейшинами своего племени). В обществе маори иерархичность имеет огромное значение. То есть, если ты сын вождя/старейшины, у тебя есть некоторое преимущество перед парнем, который таковым не является. Это правило имело значение для всего Батальона Маори.

Можете ли вы подтвердить, что этих парней вам было обучать интереснее, чем белых, потому что их личностные качества были чем-то новым для вас?

Нет, мне было столь же интересно обучать своих соотечественников-киви, которые не имели отношения к маори. Просто так случилось, что я оказался там, где формировался Батальон Маори. Вообще, я был недоволен собой все это время: я хотел попасть на войну и ненавидел тот факт, что меня задержали здесь в качестве инструктора. Обучив три волны офицеров и сержантов, я получил назначение на должность Территориального Офицера (*Area Officer*) в место под названием Уангануи на западном побережье. Здесь в вербовочный пункт каждый день приходили добровольцы. Они проходили медицинское обследование и получали направление в город Трентэм для прохождения боевой подготовки.

То есть, работа инструктора был вам в тягость?

Да, когда я был выпущен из Дантруна, началась война, и на всю новозеландскую армию было 84 кадровых офицера и 300 военнослужащих прочих званий. Территориальные

подразделения были сокращены до минимума, и вместо предполагаемых 800 в них было только 200 человек. Многие парни вступали в территориальные подразделения только для того, чтобы получить винтовку и охотиться с нею на диких свиней. Армия просто распалась.

Можете ли припомнить какие-то моменты, когда парни вели себя слегка неподобающим образом?

Помню, пришла группа добровольцев из городков Хокс Бэй, Толага Бэй, Гисборн, Уаироа, Хастингс и Напиер. В 9 утра они сошли с поезда, хорошо отметив последние несколько дней вольной жизни. Некоторые были пьяны в стельку. Попытались построить их в три колонны для того, чтобы отвести в лагерь, но все было бесполезно. Я начал вести себя пожестче, но кто-то из парней вякнул: «А ты что еще за хрен с горы?» Я ответил: «Утром узнаешь.» Ну, разбудили их в 5 утра и дали хорошую пробежку.

Работая инструктором, посылали ли вы рапорты об отправке за океан?

Каждый раз, встречаясь с генералом Дуайганом, я спрашивал его об этом. В июле/августе 1941 г. я получил соответствующий приказ и отправился на судне *Aquitania* на Ближний Восток, чтобы присоединиться к 22-му Батальону Новозеландской Дивизии. К этому времени ребята из этой части успели повоевать в Греции и на Крите. Я оказался в 9-м Взводе веллингтонцев. Классные ребята там были …

Они все были ветеранами боев на Крите?

Нет, где-то 50 на 50. В дивизию пришло несколько волн подкреплений, затем был разрыв, потому что сформировали 3-ю Дивизию и послали на тихоокеанский театр, и мы перестали получать подкрепления. После падения Сингапура мы стали получать почту 3-4-хмесячной давности, и подкрепления перестали прибывать совсем.

Были письма из дома важны для поддержания должного настроя?

Да, некоторые из парней были женаты, имели детей, другие помолвлены и хотели знать, остаются ли эти отношение в силе.

Какими были ваши первые впечатления от Египта?

Когда мы дошли до южного окончания Суэцкого канала, первое, что сразило меня, это вонь. Это была смесь запахов от плохой гигиены, марихуаны и канализации. Там были миллионы людей, и многие из них пытались продать нам всякую дрянь и отвратительную еду.

Я полагал, что вы у вас должно было подняться настроение по прибытии в Египет после долгого ожидания и разочарования от того, что вы застряли в Новой Зеландии. Вы были готовы к боевым действиям?

Да, я был готов к бою. Я получил под начало 9-й взвод роты А и быстро понял, что стандарты, к которым привык в Дантруне, не соответствует стандартам, которые характерны для дисциплины и солдатской рутины, типичной для группы добровольцев. Мне также пришлось учиться у ребят, которые прошли через Крит. Я к ним прислушивался. Это было командным усилием: кем бы ты ни был, мы спали вместе, ели вместе, готовы были вместе умереть. В нашем взводе было такое правило: офицеры приходят есть последними, и, если ничего не останется, офицер уходит голодным. Если ты в увольнительной, то можешь поесть в офицерской столовой, в любом другом случае ты ешь со своим взводом или ротой.

Ваши рота и взвод были хорошими командами?

Да, и все было очень неформально, поскольку мы жили, воевали и умирали вместе. Офицера редко звали «сэр», обычно говорили «босс».

Вы можете рассказать о своем первом боестолкновении с немцами/итальянцами?

Нас послали к пункту Мерса-Матрух/Mersa Matruh, чтобы заблокировать порт. Немцы не знали, что мы перерезали дорогу. Наши взводы были по обе стороны дороги, когда появилось 8 немецких машин. Мы обстреляли их, перебив всех немцев.

В другой раз появились три танка. Два немецких танка открыли огонь. Наши снаряды отлетали от их брони, но мы подбили два из трех из наших двухфунтовок. Был еще один метод борьбы с танками: использование *липких бомб/sticky bombs*. Выдергиваешь чеку, прилепляешь бомбу к танку, и через 4 секунды он взрывается. Эти бомбы оказались бесполезными, поскольку было крайне трудно приблизиться к танку на нужное расстояние. В итоге мы все эти бомбы закопали. Вообще, мы были беззащитными против танков. В одно утро мы как-то потеряли 400 человек из нашего батальона, поскольку у нас не было поддержки танками.

А эти три танка какой-нибудь урон нанесли вашему взводу?

По счастью, нет. Это был короткий бой, который длился всего 15 минут.

Что вы чувствовали, в первый раз попав на линию огня? Возбуждение? Страх?

Да, почувствовал приток адреналина, но страха не было. Какие-то ситуации бывают хуже других, в некоторых ситуациях у меня сохло во рту. Чувствуешь страшную жажду, но у тебя есть работа, и ты должен ее делать.

На ранних стадиях Войны в Пустыне, казалось, Роммель побеждает нас снова и снова. Почему это происходило, как вы думаете? Можете ли вы припомнить бои, в которых вы уступали из-за некомпетентности руководства и плохой стратегии?

Мы не атаковали всей дивизией, нас дробили на части и передвигали туда-сюда. У Роммеля было две бронетанковые дивизии. Он мог бросить их в бой против бригады или части меньшего размера – справиться с такими для него не было проблемой. Такой успех сопутствовал ему потому, что он был мобилен и наносил более слабому оппоненту мощные удары.

Одна такая катастрофа случилась во время 2-й Ливийской Кампании. Мы продвигались без особых проблем, но неожиданно попали под обстрел. Залегли. Между нами рвались снаряды, но, оказалось, по нам стреляли свои же – 4-я Индийская Дивизия. Должно быть, немцы наблюдали за этим с большим интересом. С нами было подразделение 25-фунтовых гаубиц и 5-го Полевого Полка, они открыли встречный огонь. Индийцы проснулись, поскольку расслышали знакомый им грохот 25-фунтовок. И тут немцы атаковали нас со стороны Бардии. Мы запрыгнули в свои грузовики и дали деру изо всех сил, ну и потери понесли немалые. Добрались до форта Капуццо и встретились там с 28-м Батальоном Маори и 23-м Батальоном/23rd South Island Battalion. Наш полковник Эндрю (Andrew - 22-й Батальон) взял всю бригаду под свою команду, а его заместитель возглавил батальон.

Мы пробыли там какое-то время, и, казалось, попадали под обстрел каждый раз со стороны перевала *Hellfire Pass* (*англифицированное солдатское название перевала Halfaya, созвучное оригиналу – ВК*), когда садились есть. Потом, в один прекрасный день, немецкий бронеавтомобиль промчался мимо нас и обстрелял наши позиции из пулемета. Один из моих парней, вооруженных противотанковым ружьями *Boys*, был отличным стрелком, но в тот самый момент занимался чисткой и смазкой разобранного ружья. К моменту, когда он снова собрал ружье, немцы уже скрылись. Вообще, против танков *Boys* был совершенно бесполезным.

Вечером того же дня мы тронулись в путь. Мы толком не знали, куда идем: связь была очень плохая. Мы прошли мимо Тобрука и все еще не знали, куда двигаемся. Наш ротный командир приказал нам остановиться на ночлег около 5 утра. Дело было в середине зимы, было дьявольски холодно, и хотя на нас было все, что возможно: форма, кожаные крутки, шерстяные подштанники – все равно мы мерзли. Ротный сказал нам: «Идем на Газалу *(тогда это была всего лишь точка на карте – ВК)*, и, если там противник, мы атакуем

его, разгромим, а потом позавтракаем. Если пункт еще не занят никем, мы займем его и тогда позавтракаем.» Мы добрались до Газалы, и тут пули стали хлестать по нашему грузовику. Мы спрыгнули на землю и залегли. Я и другой взводный командир поползли в сторону ротного, который к тому моменту уже взял у своего старшего сержанта штык и начал окапываться, крича: «Прижмитесь к земле! К земле! Иначе вас убьют!» Мы сказали друг другу: «Забыли про него» и оставили его в покое.

Мы снялись с места со своими двумя взводами, двинулись вперед и вскоре увидели, что другая рота развернулась в боевой порядок и продвигается в том же направлении. Мы развернулись в одну линию с ними и стали продвигаться, пока не набрели в какое-то плато, которое переходило в большое понижение в рельефе. Мы увидели, что две остальные роты залегли, и мы тоже прижались к земле. Напротив нас были немцы – мы насчитали 16 вражеских полевых орудий. Залегли мы в небольшой низине, поэтому, когда противник начал стрелять по нам, его снаряды падали с недолетом. Так или иначе, мы остались без завтрака … потом без ланча … а потом и без ужина! Я послал своих парней назад по всем возможным направлениям, другой командир взвода сделал то же самое. Послали их искать нашего долбаного ротного командира, который оставил еще один взвод под командой капрала. Так или иначе, мы были страшно голодны! Ночь была настолько холодной, что мы не могли спать и вместо этого копали траншеи и укрепляли свои позиции.

Утром нам удалось вступить в контакт с заместителем командира роты, который спросил, куда мы пропали. Выяснилось, что командир роты даже не послал никого искать нас, хотя был всего лишь в 500 ярдах позади нашей передовой линии. В итоге, через три дня мы получили письменный приказ смещаться вправо и обойти с фланга укрепленную позицию немцев.

Артиллерия должна была открыть огонь в 6.30 утра. Пулемет должен был открыть огонь с левого фланга, за ним - минометы, - все непосредственно перед тем, как нам идти в атаку. Другой взводный сказал: «Я ему дам знать, чтобы катился к черту с такими приказами». - «Хорошо, - подумал я, - у меня приказ, поэтому я лучше буду ему следовать.» Подошло время начинать, стало светать, никаких признаков артподготовки не было и в помине. И вдруг раздался свист снарядов. Наши пушки выпустили по четыре снаряда – по одному на ствол - и замолчали. Я подумал: «Да пошло оно все к дьяволу!». Хотя я был вне себя от всего, что происходило, я был полон решимости пойти в бой и сказал своим парням: «Взвод, вперед!» Мы поднялись и пошли в атаку. Я насчитал восемь пулеметов, в секторе обстрела которых мы находились. Где-то через 100 ярдов я заорал «ЛОЖИСЬ!». Три раза мы поднимались в атаку, и три раза оказывались под убийственным онем противника. Нас прижали к земле, и я подумал: «Если я двинусь дальше, то потеряю весь взвод…» Нужно было предпринимать тактический отход. У меня было три отделения, отходили мы так: два отделения ведут прикрывающий огонь, третье отходит, и так далее, сменяя друг друга. Наш постоянный огонь не давал *гуннам* поднять голову, и мы не потеряли ни одного человека убитым, только двое были ранены. Слава Богу! Однако, я был разочарован. Позднее я узнал, что минометы открывали огонь, но выяснилось, что их дальность стрельбы была недостаточной для того, чтобы накрыть позиции противника. Связи толковой не было. Когда пулемет открыл стрельбу, выяснилось, что мы находимся как-раз вдоль траектории огня, поэтому они и прекратили стрельбу, а артиллеристы выпустили всего четыре снаряда!

Была ли эта ситуация обычным делом?

Ну, дела обычно идут не так, как хочется, но, в данном случае, все не должно было быть настолько неправильно. Все было следствием некомпетентности ротного командира, у которого вообще была кишка тонка. Мой сержант пошел к полковнику Эндрю и сказа следующее: «Избавьтесь от этого ротного, или мы сами от него избавимся.» Полковник знал о его некомпетентности и ответил так: «Я жду шанса, чтобы удалить его.» В итоге, этого парня просто отправили домой.

Он так ни разу не появился рядом с нашим взводом. Эту позиции, которую я пытался атаковать со своим взводом, на следующий день пытались взять поляки, и их просто

перестреляли. И нас бы перебили, если бы мы продолжили идти вперед. Еще бы, у нас было никакой броневой поддержки!

Какой этап боев был самым ожесточенным? Какое столкновение с немцами было самым трудным?

Эль-Аламейн. В боях за гряду Рувейсат я не участвовал, потому что меня укусил комар.

Каким было ваше участие в сражении за Эль-Аламейн?

Рота D (*Taranaki*) была переформирована, и с ней я пошел в бой. Началось наступление, и мне пришлось взять всю роту под свою команду. Мы достигли первой цели с существенными потерями. Бой был ожесточенным, и это была наша первая настоящая ночная атака. Тем не менее, можно было оставаться уверенным в том, что нас поддержат танки. Фрейберг добился того, чтобы под его начало была передана британская 9-я Бронетанковая Бригада. Эти парни были рады тому, что сражаются вместе с новозеландцами, и даже нарисовали лист папоротника на своих машинах.

Что вы можете рассказать о подготовке к сражению под Эль-Аламейном?

Поскольку это была наша первая ночная атака, мы серьезно готовились к ночному бою. Мы отработали ситуацию с потерей 10 офицеров и заменой их сержантами, затем – ситуацию, в которой выходят из строя сержанты и их меняют капралы и так далее. То есть, были ребята, готовые вести за собой других. Все должно было пойти, как по маслу, при условии, что все будет сделано вовремя. Артиллерия начинает стрельбу и создает огневой вал. Идея огневого вала заключается в том, что ты продвигаешься вслед за разрывающимися снарядами. Когда разрывается снаряд 25-фунтовой гаубицы, шрапнель летит, в основном, вперед. Ты можешь идти вслед за валом на расстоянии примерно в 40 ярдов. Предполагалось, что мы будем наступать таким образом и навалимся на гуннов до того момента, когда они придут в себя и поднимут головы. Мы практиковались в этом и точно знали, что делать.

Ну и как парни на это реагировали?

Им нравилось. Наконец-то мы были во всеоружии.

Была у нас и встреча с Монтгомери. Подъехал к нам джип: в нем сидел Фрайберг и с ним какой-то смешной маленький дядька в шортах до колен и гольфах до колен. На нем была австралийская шляпа, на шляпе – новозеландская кокарда. Одет он был в свитер из овечьей шерсти, что было необычным для новозеландцев. Так или иначе, он подошел к моему сержанту Перну (Pern) и спросил: «За что ты получил свою *DCM* (*Distinguished Conduct Medal/Медаль за Отличие – ВК*). Перн ответил: «За гряду Рувейсат» (*в июле 1942 г. в ходе ожесточенных боев союзные войска, преимущественно новозеландцы и индийцы, отбили у войск Оси позиции на гряде Рувейсат югу от станции Эль-Аламейн – ВК*). Далее разговор шел таким образом:

- А кем ты был на гражданке?

- Я фермер, сэр.

- А где твоя ферма?

- Таихапе, сэр.

- А где находится Таихапе?

- Ну, вы знаете *King Country* (*район к северу от Веллингтона – ВК*)?

- И где находится *King Country*?

- Не знаете? На север по *Main Trunk* (*магистральная железная дорога - ВК*)?

Монтгомери махнул рукой и ушел, а мой сержант повернулся ко мне и сказал: «Чё не так с этим тупым козлом/stupid bustard - даже не знает, где находится Таихапе?» Такой была моя

первая встреча с Монтгомери. Он бы шоуменом, который знал, как завоевать популярность. И при этом он даже пытался лишить нас ромового пайка! Это было шоком, но он так просто не отделался.

Каким был размер ромового рациона?

Ром прогревает тебя изнутри. Некоторые говорят, это придает тебе храбрости. Вообще, это очень крепкий напиток, при этом 100%-ный алкоголь разбавляют в пропорции 1 к 10. Нам выдавали по унции на человека. Один парень, который раньше вообще никогда не пил, перед наступлением проглотил сразу две нормы и совершенно опьянел. Он ходил кругами, вообще стоять не мог. Наверное, он прошел двойное расстояние, прежде чем добраться до линии начала атаки. И его оставили сзади по причине «физического истощения» - я не вовсе не шучу!

Солдаты Батальона Маори исполняют боевой танец хака в североафриканской пустыне

Что вы чувствовали за час до атаки?

Я был занят, мне нужно было дело делать. Все проверить, чтобы не было никаких проблем в бою. Самым худшим было само ожидание …

Какой была последовательность событий в сражении у Эль-Аламейна?

Сначала мы были полностью оглушены грохотом артиллерии. Каждое орудие 8-й Армии открыло огонь. К бою готовились 8-я и 9-я дивизии австралийцев, 2-я Дивизия новозеландцев, 1-я и 2-я дивизии южноафриканцев, 4-я Дивизия индийцев и 51-я Дивизия Горцев/51st Highland Division. Новозеландская дивизия оказалась единственной из всех, достигшей своей цели в первую же ночь. *Оззи* сделали потрясающий рывок вперед в следующую ночь, добравшись до своей цели, за ними последовали *Горцы*, потом южноафриканцы. До окончания артподготовки мы проходили 100 ярдов каждые 6 минут. Таким образом, 21-й Батальон прошел первые 100 ярдов, затем 22-й и 23-й прошли через их позиции и продолжили марш на гряду Митейрия. Парни из 23-го не рассчитывали выполнить свою задачу так быстро, но им это удалось. Они миновали нас, затем пару раз попали в зону огневого вала и понесли потери. В резерве был 28-й Батальон Маори, который тоже пошел в атаку. Наибольшее впечатление у меня оставил артобстрел. Орать приходилось так, что голова слетала с плеч. Испарялась роса, и вместе с дымом разрывающихся снарядов это создало смог. Трупный запах был повсюду. Фильмы, такие как *Спасти Рядового Райана*/*Saving Private Ryan (1998)*, не могут этого передать …

Сколько ярдов вы прошли в первую ночь наступления?

500.

В какой момент всего сражения вы испытали наибольший страх?

Когда добрались до цели.

Охарактеризуйте уровень сопротивления, который оказал противник.

У немцев оборона всегда была в несколько эшелонов. Ты никогда не знал, где у них передовая. У них мог быть укрепленная точка, затем еще одна, потом еще одна. Ты можешь зачистить передовую линию и понадеяться на то, что дело сделано, но нет – дальше будут еще оборонительные полосы. Было у немцев слабое место: их пулеметы выпускали 1 трассирующий патрон из 10, и это давало возможность точно определить, где находится огневая точка. Исходя из этого, мы заводили половину отделения им за спину и отстреливали пулеметчиков. У немцев в этом плане ничего не изменилось вплоть до конца войны.

Североафриканская пустыня. Новозеландцы в атаке.

Приходилось ли вам вступать в рукопашный бой, если вы натыкались на пулеметные гнезда?

Ну да, стрелял в них с пяти ярдов, потому что немцы не хотели поднимать руки. Стреляй сразу, другого шанса может и не быть.

Что вам более всего запомнилось в боях, в которых вы принимали участие?

То, что мне везло.

Опишите ситуации, в которых вам везло.

Ну, как-то на мину налетел. Непосредственно перед Эль-Аламейном, там, где немцы предприняли свою последнюю попытку контратаковать на юге Эль-Аламейнского периметра. Саперы укладывали минное поле, и нас послали прикрыть их огнем. На другое утро нам приказали окопаться и вступить в бой под командой Бригадира Киппенбергера. Мы потеряли целое отделение после того, как нас атаковали немецкие танки при поддержке пехоты. Я уже было подумал: «Вот и конец пришел.» Наша артиллерия вступила в бой, нащупала дистанцию, потом прилетели бомбардировщики *Бостон/Boston* и стали бомбить немцев. Их атака была остановлена, так мы были спасены. В ту же ночь нам приказали отступать, иначе у немцев был хороший шанс смять нас. Снялись, и тут наш грузовик увяз в песке. Откопались, двинулись дальше и наткнулись на проволочное заграждение на границе минного поля. Было очень темно, легкий туман висел. Я сказал: «Стой, тут проволока.» Вместо этого водитель дал газу, налетел на проволоку, и все, что я помню, это взрыв и пробуждение в раю. Слышу, как птички поют, и думаю: «Прекрасно, что я попал в рай.» Тут я почувствовал, что мои ноги на месте, а все что вижу – звезды над собой. Водитель был убит, всю переднюю часть грузовика разнесло. Мой взвод был в кузове, и только несколько парней были ранены. Ну что, пошли своим ходом туда, куда нам

нужно было вернуться. На следующее утро полковник Рассел (Russel) подъехал к нам, поблагодарил за вчерашние действия на передовой, угостил меня виски и уехал. Через час он погиб на том самом минном поле, где подорвались мы. Он попытался помочь кому-то на застрявшей британской машине, наступил на мину и был разорван в клочья …

Может ли вы охарактеризовать следующий этап Эль-Аламейнской битвы со своей точки зрения?

По ночам, на марше, мы были заняты тем, что пристально всматривались в темноту. Ждали пулеметных очередей, надеялись, что под ногами не окажется мины-лягушки. Наступишь на такую, она взорвется в трех футах над землей. Ее корпус был набит металлическими шариками – если ты находишься в радиусе 15 ярдов, тебя точно зацепит.

Вам приходилось видеть, как они взрываются?

Да, но, по счастью, я не был в числе пострадавших. Один из офицеров получил несколько шариков в ягодицы, но выжил. Однако в Италии он наступил еще на одну и погиб. Многих наших парней спас морфин. Я нес собой шесть бутылочек морфина, раненым делал уколы. Часто человека убивает шок, а не полученная рана …

Опишите ситуацию на поле боя после первой ночи сражения.

Пришел рассвет, мы были готовы к контратаке противника. По счастью, подошли наши танки. Предполагалось, что они подтянутся, но по пути их атаковали немецкие пикировщики. На следующий день полковник Том Кэмпбелл (Tom Campbell) приказал мне взять с собой роту, пройти через позиции Батальона Маори и выдвинуться вперед для того, чтобы прикрыть саперов, укладывавших напротив нас минное поле. Ну, мы выдвинулись, саперы начали минирование, и тут они увидели, что немцы тоже закладывают мины напротив нас. Вообще, минными полями покрыли весь Египет.

5 октября 1942 г. Похороны умерших от ран новозеландцев близ перевязочного пункта. В центре – католический священник Форсмэн (Forsman)

Были ли польза от этих минных полей?

Да, это было оборонительное препятствие. Итак, я прикрывал наших саперов, немцев прикрывали их танки. Мы слышали рев их моторов и грохот гусениц. Я хорошо видел немцев, укладывающих мины. Мы не открывали огонь, потому что в этом случае под огонь могли попасть наши саперы. Время шло, я подобрался к майору Скиннеру (Skinner), командовавшему саперами, и сказал, что мы не собираемся оставаться здесь при полном свете дня, и спросил, не нужна ли помощь. Помощь им была не нужна, поэтому мы отошли

назад, и, как только мы прошли через позиции Батальона Маори, наши пулеметы открыли огонь. Про саперов просто забыли …

Было ли Эль-Аламейнское сражение самым ожесточенным из тех, в которых вы участвовали во время войны?

Нет.

Каким он было по сравнению со сражением за Кассино?

Кассино было самым выдающимся по обилию грязи: было сыро, холодно и мерзко.

Эль-Аламейнское сражение продолжалось две недели. Какую долю из этого времени вы провели на передовой?

После того эпизода с прикрытием саперов нас на следующий день отвели от передовой. Мы задержались и приготовились к прорыву. То есть, за артобстрелом следует атака, следующая пара дней – собачий бой, прорыв – это когда ты пробиваешься через линию обороны противника. Итак, нас отвели. Мы были целиком и полностью в бою, когда шел прорыв. Итальянцы стали сдаваться тысячами, немцы стали отступать. Добрались до места под названием Дама/Dama и обошли с фланга 5-ю Бригаду немцев. Мы намеревались отрезать им путь к отступлению, но тут начался дождь. Мы не могли больше продвигаться дальше, и они ускользнули …

Вы можете описать сцену после битвы? Взорванные танки? Трупы?

Да, трупы … постепенно их захоронили. Представители Комиссии по Военным Захоронениям (*War Grave Commission*) присутствовали там, где предполагалось погребение убитых. Мы хоронили своих так: втыкали винтовку штыком в землю и вешали на приклад каску. Меня сопровождал солдат из Батальона Маори, когда мы нашли несколько убитых солдат противника. Я приказал ему похоронить этих троих. Он вырыл яму глубиной в фут. Вонь от человеческого трупа гораздо хуже, чем вонь от трупа любого убитого животного. Закопали, но все еще чувствовали запах. Тогда он нашел в одном из разбитых итальянских грузовиков одеколон и вылил его на могилу, чтобы заглушить вонь …

Что было вашим самым жутким опытом во время Войны в Пустыне?

Момент, когда я подумал, что попал в рай.

Интервью с британским солдатом **Томом Финни** (**Tom Finney** - 1922-2014)

Том Финни – участник ВМВ и звезда английского футбола, сыгравший 76 матчей за сборную страны и забивший в них 30 голов. Он начал футбольную карьеру еще до войны, но она оказалась прерванной в результате его призыва в армию. В 1945 году он принял участие в боевых действиях в Италии…

… В наше время большой сдачи с 50 фунтов ты не получишь, если тебе нужно купить билеты на футбол себе и двум детям.

Это то, что вам платили за игру в составе сборной Англии! У меня такое впечатление, что в детстве вас больше привлекал футбол, чем крикет…

Я всегда был так настроен. Я и в крикет играл, но футбол был моей первой любовью.

Меня заинтересовал тот факт, что хоть вы уже начали делать себе имя в футболе, это не имело значения – вы должны были идти на войну. Так ведут себя обычные

люди: твоя квалификация или талант в науке или спорте не имеют значения – ты идешь и выполняешь свой долг… Одно меня поразило, когда я беседовал с теми, кто вырос в межвоенные годы: я бы сказал, что около 50% из них потеряли одного из родителей до того, как им исполнилось 15. Это и правда был какой-то другой мир, не так ли?

О, да, и довольно невеселый мир во многих отношениях. Я работал учеником водопроводчика. Мне исполнилось 20 5 апреля 1942 года, и две недели спустя я был призван в армию – получил по почте предписание явиться в Престонские казармы. Я имел разговор с военным, который был там на дежурстве, и он спросил, в каком полку я хочу служить. Я хотел служить там, где был мой брат – он был в Бирме. Его тоже призвали, до этого он работал электриком и был на пять лет старше меня, но его призвали в довольно молодом возрасте, потому что он состоял в *Территориальной Армии*. Он уходил в лагеря раз в год на две недели. Нас в семье было 4 девочки и 2 парней, мать умерла довольно молодой, и отец остался с нами шестерыми. Он снова женился, завел еще двоих пацанов, нас стало 8. Ему и вправду приходилось выживать, особенно в военные годы, а когда сыновей призвали в армию… Ну, мы были добытчиками, хотя и не получали много денег в то время. Будучи учеником, много не заработаешь.

И все это шло в общий домашний котел?

Именно так.

Вашего брата сразу же призвали?

Да, по причине его опыта службы в *Территориальной Армии*.

Вы помните, в какой полк он попал?

В *Йомены*.

***Ланкаширские Йомены/Lancashire Yeomanry*?**

Да, что-то вроде этого. Он попал в части *REME*. Она часто говорил мне, когда вернулся, что большему научился в армии, чем за время ученичества.

Он сразу отбыл за моря?

Да, думаю, это произошло примерно через шесть месяцев или девять, самое большое.

А вы помните момент, когда сообщили об объявлении войны?

Да.

Было ли ощущение, что она приближается?

Думаю, человек отдает себе отчет в том, что его призовут в армию, потому что правительство объявило о том, что мужчины, достигшие 20-летнего возраста, будут призваны. Мой возраст приближался к этому рубежу, так что забрали меня очень быстро. Я попросился в тот полк, в котором служил мой брат, но я больше ни разу от них ничего не услышал, пока мне не сообщили о необходимости прибыть в казармы, которые были по пути в Лондон, на юг от нас. Я оказался в Кэттерике, который находился довольно далеко отсюда. Оттуда мы иногда выбирались на уикенд, если попадался попутный грузовик или что-то еще – так мы могли не тратиться на железнодорожные билеты. В Кэттерике я

проходил обучение. По большей части, это были танки, вождение танков. Раньше я никогда ничего не водил, но после этого курса я мог водить все подряд.

Вождение танка сильно отличается от вождения грузовика или легковой машины?

Так и есть, но это было делом несложным – все на рычагах – палках, как мы их называли.

Не было ли у вас приступов клаустрофобии, когда Вы сидели внутри танка?

Нет, на самом деле, нет. Пройдя подготовку в Кэттерике, я получил назначение за границу, и провел 18 месяцев в Египте, на военной базе. Думаю, что я оказался там, главным образом, потому что я был профессиональным футболистом.

Вы поступили на службу с кем-то из своих приятелей?

Нет, я был сам по себе. Но встретил там многих парней из Ланкашира и Йоркшира.

Я знаю, что вы дебютировали в военное время в (футбольном клубе) *Preston [North End]*, а не в профессиональной лиге. Знали ли в то время люди, кто вы?

Нет, на самом деле, нет.

Вы были просто рядовым Финни?

Да, и только когда я оказался в Египте, где мы очень много играли в футбол, быстро пошли разговоры о том, что я играл за *Preston North End*. Думаю, это помогло мне в том плане, что меня надолго задержали на базе, а потом понадобилось очень большое количество людей в Италии – нужны были подкрепления. В Италии, когда я оказался в 9-м Батальоне *Королевских Улан (Королевы)/Queen's Royal Lancers*, помню, меня опрашивал офицер, который спросил: «Вы уже были в бою?» Я ответил: «Нет», и он сказал: «Что ж, черт возьми, скоро побываете!»

Это было тогда, когда они вот-вот должны были прорываться через реку По, так ведь?

Да.

Что вы делали в Италии?

Мне не нравилось драться! Я был очень рад, когда все это кончилось, потому что вскоре после того, как это случилось на реке По, немцы капитулировали. Затем я оказался в команде 8-й Армии, команде, которая собиралась развлекать солдат, команде, в которой, в основном, были профессионалы.

Вы говорили о том, что покинули Англию на *Queen Mary*. Что вы помните об этом путешествии?

Только то, что мы не знали, куда держим путь.

Вообще понятия не имели?

Ни малейшего. Я знал, что это будут теплые края, потому что мы были в тропической форме.

Должно быть, вы были там упакованы как сардины в банке…

О, так и было. Судно было более-менее переделано в войсковой транспорт.

На чем вы спали?

Внизу, на нарах.

Были ли сожаления в связи с тем, что вы расстаетесь с Элзи (невеста – ВК), с семьей и так далее? Не было ли у вас чувства беспокойства?

Думаю, было. Думал о том, что отправляюсь в дальние края, на войну, задумывался о том, вернусь ли… Убьют ли или еще что-то… Все полностью изменилось, когда мы прибыли в Каир, и я оказался в казармах *(название неразборчиво – ВК)* на военной базе. Там было очень много занятий спортом: крикет, футбол, бег, гимнастика — все это сильно помогло. Меня еще отправили на поварской курс – думаю, чтобы задержать на базе.

Предполагаю, что если бы вы не были футболистом, Вас бы отправили в Тунис…

Совершенно верно, мог бы сразу оказаться на передовой.

Не помните ли Вы, когда прибыли в Египет?

Декабрь 1942-го. Помню, как мы обошли Южную Африку и встали на якорь далеко от берега, чтобы заправиться. Но, думаю, мы видели автобусы и все такое прочее на берегу.

То есть, дело было примерно на Рождество?

Да.

Если вернуться назад к моменту, когда вы впервые в жизни покидали Англию, вероятно, вы впервые оказались в море, не так ли?

Да, так и есть. Впервые я уезжал, если не считать поездок по Англии, на север и на Уэмбли. То было чудесное время, потому что мне тогда было всего 18, и я играл в финальном матче за кубок *Военного Времени/Wartime Cup* final против *Арсенала*, который был в то время великой командой… В нем играли такие люди как Пэт (Pat Book) и братья Комптон (Compton, *1*).

Должно быть, это было странное время, потому что, как я могу себе представить, сегодня вас было 11, а на следующей неделе одного из этих людей уже не было: он был призван в армию. Так ведь?

Да, примерно так и было. Когда я начинал играть за *Preston North End,* в нем было много гостевых игроков*, людей, которые оказывались неподалеку, вроде как, в военных лагерях. Клуб *Blackpool* имел очень хороший состав, в котором были такие игроки как Мэтьюз, в реальности, международный состав, потому что город был так расположен…

Футбольная команда из военнослужащих, Египет, период ВМВ

Футбол в Египте – весело было?

О, да. Поля были песчаными, никакой травы.

Полагаю, было легко получить травму…

Да, так, но это было хороший опыт, и ты учишься работать с мячом и играть на твердой поверхности.

Ка вы думаете, хорошо ли сколочена была ваша команда?

Наша команда называлась *Wanderers*, ее целью было развлекать военных, так что у нас было два или три турне по Палестине и Сирии, по местам такого типа, и, я думаю, это помогало. В ней были довольно профессиональные игроки.

Против кого вы играли?

Мы играли против таких команд как *King Farouk's 11*, сборной египетской армии, ну, такого типа, и для нас эти встречи были событиями. Один раз я играл против команды, в которой был Омар Шариф (Omar Sharif), но не знал об этом. *(Шариф родился в 1932 году и ему могло быть, самое больше 12 лет. Сам он рассказывал, что был запасным игроком – ВК)*.

Он играл за команду короля Фарука?

За нее или за армейскую команду.

А в Каире вы бывали в то время?

Да, мы ездили в Каир, ели там, катались на трамвае. Это было событием для нас.

К пирамидам ездили?

Да, на самом деле, наш лагерь был прямо рядом с ними. Не так далеко от Каира

Вероятно, Вам приходилось играть на страшной жаре?

К этому привыкаешь.

Наверное, нужно было соблюдать осторожность по отношению к воде, которую приходилось пить, проводя 90 минут на футбольном поле…

У нас с этим никогда не было проблем.

Никакой дизентерии?

Нет-нет, очень немногие из профессиональных футболистов, с которыми я играл, сталкивались с такими проблемами.

Кем были зрители на ваших матчах?

Зрителей было много, в частях люди обожали ходить на футбол и поддерживать команды, которые их представляли.

То есть, это было в основном военнослужащие, а не местные?

Местных тоже было немало. Но, главным образом, это были солдаты и офицеры.

Новозеландцы играют в регби. Александрия, 21 февраля 1943 года

Насколько я знаю, вы занимались и приготовлением пищи, ну а водить машины приходилось?

К тому времени, когда я оказался на кухне, я уже был в составе *Wanderers*, довольно профессиональной команды, и она была занята тем, что развлекала людей, приходивших поддержать ее.

ТУНИС – 1942-1943

В середине февраля силы союзников, удерживающие позиции на равнине Бу Арада/Bou Arada, сократились до минимума из-за переброски войск в район боевых действий у перевала Кассерин. Защитники сектора Бу Арада были переформированы в так называемую *Дивизию Y (Y Division)*, в которую входили *Ирландская Бригада*, Парашютная Бригада (Para Brigade), французский батальон и части артиллерийской и танковой поддержки. Бригадир Рассел был назначен командующим *Дивизией Y* и немедленно сформировал резерв из эскадрона танков *Churchill*, эскадрона танков из полка *Lothian and Border Horse* и 1-го Батальона Ирландских Фузильеров.

Немцы атаковали в секторе Бу Арада на рассвете 26 февраля 1943 г., при этом они сфокусировались на левом фланге в районе фермы, которую солдаты прозвали *Штука* и участка Джебель Рихане. Три батальона дивизии *Hermann Goering*, поддержанные десятью танками, атаковали сектор, удерживаемый 2-м Батальоном Лондонских Ирландских Стрелков. Ирландцы были сбиты с позиций, но к концу дня сумели вернуть их за исключением одного холма… Об этих боях рассказывает капитан **Строум Гэллоуэй (Strome Galloway)**. Он был канадцем, который в начале 1943 г. был переведен в батальон *Лондонских Стрелков* вместе с лейтенантами La Prairie и Curry. В этих боях он был заместителем командира Роты *F*. Книга его воспоминаний *With the Irish against Rommel*, основанная на дневниковых записях, была опубликована в 1984 г.:

«Пишу, сидя в окопе с клерком роты Томпсоном (Thompson). Противник предпринял яростную атаку утром, перед рассветом, и наше положение в настоящий момент не слишком завидное. Со мной остатки Роты F в зарослях кактусов за фермой Штука. Где находятся майор Колин Гиббс (Colin Gibbs), лейтенант Уилкокс (Willcocks) и бóльшая часть роты, мне неизвестно.

В 6.30 пришло телефонное сообщение из Роты G о том, что какие-то люди, вероятно, противник, перемещаются по узкой долине/nullah по направлению к нашим позициям. Это казалось невозможным, потому что у нас с этим участком была телефонная связь и с расположенного там поста никаких сообщений не поступало. Я в то время находился в штабном окопе роты, обойдя позиции роты заранее…

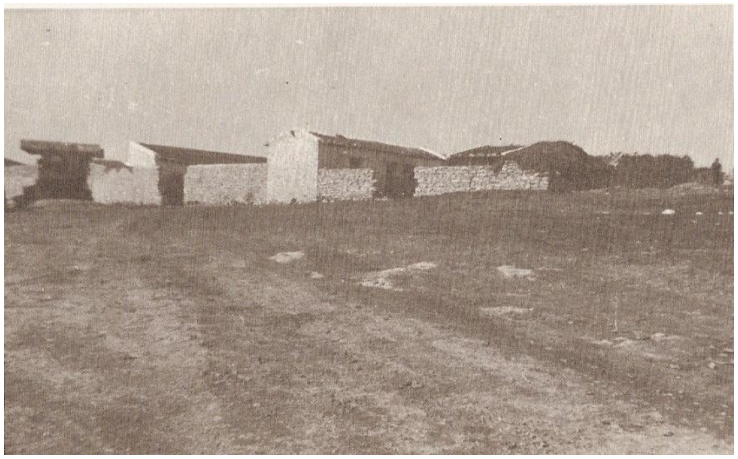

Капитан Гэллоуэй в укрытии на гряде Штука. 26 февраля 1943 г.

Гиббс обходил сторожевые посты и пулеметные точки, когда пришло это сообщение. Поздно прошлым вечером самолет, предположительно, немецкий, медленно пролетел над нашими позициями, и из батальонного штаба пришел приказ быть начеку на предмет возможной высадки противником воздушного десанта. Люди на передовых постах и позициях были предупреждены, но до прихода послания из Роты G ничего так и не случилось. Во время обхода позиций я спускался в эту долину и внимательно рассматривал все равнинное пространство, разговаривая с находившимися на посту солдатами.

Но было тихо, рассвет только начинался. Стоял туман, когда я покинул свой блиндаж для того, чтобы найти Гиббса и передать ему телефонное сообщение. Я едва отошел на 10 ярдов по тропинке, идущей по склону холма, когда увидел бегущего ко мне Гиббса. Задыхаясь, он прокричал, что в долине находятся около 30 бошей. У нас на этот случай было собрано легкое вооружение, и, поспешно подняв по тревоге минометчиков и объяснив им задачу, я стал забираться вверх по склону по направлению к наблюдательному пункту, где увидел Гиббса, организовывавшего контратаку. Со стороны долины, с расстояния в несколько сотен ярдов, по нам вели огонь из стрелкового оружия…

Гиббс приказал сержанту Норту (North) обойти холм с 12-м Взводом, продвинуться за ферму Штука и отрезать противника в том случае, если он доберется до фермы. Он планировал повести два других взвода в контратаку. Часть 11-го Взвода уже была включена в план контратаки, в концептуальном ключе полный отваги, но слишком отчаянный и малообоснованный. Он означал, что все наши оборудованные окопами позиции будут оставлены, за чем последует близкий бой с противником, у которого будет возможность залечь и скосить наступающих ирландцев. Я сказал Гиббсу, что возьму на себя командование взводом Норта, и поспешил назад, на позиции правого фланга в то время как Гиббс уже вел своих полусонных парней в долину.

Ферма, получившая название Штука (явно «в честь» бомбардировщика Ju-87)

Мы развернули 12-й Взвод и начали взбираться на гряду, чтобы обойти ферму и соединиться с парнями Гиббса уже в долине. Только мы взошли на вершину гряды, как огонь из тяжелого пулемета прошелся по нашей атакующей линии – его вели с высоты, расположенной между ротами F и G, где ранее находилось отделение нашего взвода [легких] бронетранспортеров (Carrier Platoon). Очевидно, их выбили оттуда, потому что пулемет был определенно немецким. Мы залегли – над головой проносились красные трассы очередей пулемета бошей. Я приказал расчету 2-дюймового миномета установить дымовую завесу на нашем левом фланге, чтобы дать нам возможность перебежать через плато и найти укрытие на ферме Штука. Оттуда я надеялся атаковать холм. Но у второго номера минометного расчета не оказалось боеприпасов! Тогда я отрядил капрала Джонсона с людьми на то, чтобы он осмотрелся на участке с раскиданными по нему стогами сена и нашел себе какое-нибудь укрытие, откуда он смог бы поддержать нас огнем, когда мы рванемся к ферме.

Джонсон ушел, и боши начали обстреливать нас из минометов. Четверо наших были убиты, двое ранены. Двоих парней, между которыми залег я, зацепило – у меня над головой просвистели осколки. Пулеметный огонь со стороны противника не прекращался. Парни Джонсона открыли огонь, и я приказал атаковать ферму, которая, как я считал в тот момент, была занята врагом.

Наши теперешние позиции, находившиеся непосредственно под верхней бровкой склона гряды, было невозможно удержать. Было необходимо либо отступать к нашим ночным позициям, а что происходило там, знал только Бог, или набраться храбрости и броситься в штыковую атаку. Я прокричал приказ тем, кто еще был в строю, подняться и идти вперед, но они мешкали. Я понял: они ждут, что я поведу их, вскочил на ноги, заорал, чтобы они примкнули штыки и следовали за мной. На этот дикий призыв откликнулось только 12 человек. Я прокричал, чтобы они растянулись в линию, и мы рванули вперед туда, где, как мы были уверены, противник держит оборону на ферме Штука. Когда мы бежали по открытому плоскому пространству, отделение Джонсона тоже выскочило из укрытий и рвануло вперед слева от нас, ворвавшись на ферму до того, как это сделали мы.

На ферме Штука не было немцев, но там были трое или четверо людей из штаба нашей роты, которые обычно там ночевали. Они вздохнули с облегчением, когда увидели, что ферму штурмуют свои, а не немцы, как они было подумали! Я расставил своих оставшихся парней – всего около 20 – у дверей, окон и дыр в стенах и решил оставаться здесь, пока мы не убедимся в том, что противник все еще находится на холме, и не найдем наилучший способ атаковать его. Но как только боши поняли, что мы заняли ферму, они открыли пулеметный огонь по окнам здания и кинули несколько мин во двор фермы. Мы все здорово нервничали… Сержант Норт и я ходили от человека к человеку, шутили с парнями и поддерживали их в состоянии готовности к бою. Об атаках на холм вопрос не стоял,

поэтому я решил, что единственным разумным планом будет превращение фермы в крепость и удержание ее. Поскольку противник был на высотах и поскольку, насколько мы знали, два других взвода погибли, любая попытка сбить противника с позиций будет самоубийственной. Я решил, что решение о контратаке – проблема командира батальона, который запросит в штабе Бригады подкрепления для осуществления такой атаки, подкрепления, которое всегда было в резерве под рукой у штаба.

Несмотря на огонь противника, санитары с носилками, которые находились на ферме, добрались до гребня гряды и сумели вытащить одного парня, который был тяжело ранен в плечо осколком мины. Его перевязали, я нашел бутылку виски и дал ему глотнуть, чтобы немного облегчить ему жизнь. Потом я отправился к грузовику с радиостанцией, в котором младший капрал Стрэттон (Stratton) пытался связаться со штабом батальона,

Непосредственно перед полуднем, после продолжительных дуэлей между пулеметчиками и стрелками, боши пошли в атаку на ферму. Основную атаку мы отбили, но несколько немцев прорвались на окраину двора фермы, захватили в плен троих санитаров и увели их с собой, швыряя при этом гранаты на нашу сторону двора… Во время атаки на ферму *джерри перекликались друг с другом, но толком мы их не видели.* В одной из комнат мои люди занимали позицию у открытого окна. У них был пулемет Брен, из которого обстреливали холм. Я вполз в эту комнату, прижался к стене рядом с пулеметчиком, когда в окно влетело несколько пуль и одна из них зацепила парня по фамилии Джейнс (Janes) – пулеметчика, угодив точно в переднюю часть его каски. Он отлетел назад, его Брен упал на пол. По счастью пуля не пробила его каску. Он встал на ноги, снял каску, в которой появилась здоровенная вмятина, снова одел ее задом наперед, поднял пулемет и открыл огонь по своему оппоненту. А пули продолжали стучать по камням и с визгом полетать рядом с его головой…

Утром старшина роты и младший капрал Стрэттон обошли всех парней, раздали всем шоколадки, галеты и апельсины. Это подняло настроение оголодавших солдат. В 11:30 утра я вступил в контакт со штабом батальона по радио, уведомив их о том, что мы держимся, и передал небольшой объем информации, которой мы располагали. Я отправил небольшой патруль с сержантом Юдоллом (Udall) в разведку, чтобы они по [сухому] ручью дошли до холма и выяснили, что происходит, так как противник полностью прекратил огонь.

После полудня взвод Королевских Ирландских Фузильеров и 6 танков *Черчилль* полка Lothian and Border Horse атаковали холм, но снова отступили, не знаю, по какой причине. По-видимому, эта атака сама по себе вынудила бошей оставить холм, тем самым ослабив давление на удерживавших ферму Штука. Позднее наши контратакующие силы потеряли ориентацию из-за отсутствия достоверной информации и командира – они подумали, что ферма Штука все еще была в руках противника. Они запросили дальнейшие распоряжения у штаба батальона, получили приказ атаковать ферму и выдвинулись на позиции для атаки.

К этому времени противник вновь активизировался, и сержант Юдолл, патрульная группа которого все еще находилась в окопчиках, расположенных за пределами нашей «крепости», передала нам, что начинается контратака наших, несмотря на то, что ферма в наших руках, и что от старшего офицера атакующих пришло сообщение о том, что уже слишком поздно отменять артподготовку. Казалось, все окончательно перепуталось и смешалось… В итоге я вышел на связь со штабом Бригады по рации и сообщил, что оставляю ферму и передислоцируюсь в заросли кактуса, расположенные позади нее, – не потому, что нас выбивает противник, а потому что собственная артиллерия вот-вот начнет меня обстреливать, чтобы поддержать огнем контратаку. Затем мы с парнями рванули через плато в сторону пологого обратного ската, где были заросли кактуса, и как раз в это время *Фузильеры* пошли в атаку. Атакующие не столкнулись с сопротивлением противника и «восстановили положение.» Противник откатился в сухие ручьи, расчленяющие равнину. Наши 3-хдюймовые минометы хорошо поработали по врагу.

Утром того же дня капрал Хоган (Hogan), при попытке сбить противника, позиции которого были расположены рядом с его хорошо скрытым наблюдательным постом, вызвал огонь на себя. Посылая эту просьбу по полевому телефону, он говорил шепотом, чтобы боши не услышали об этом. В результате острие атаки противника было сметено именно тогда, когда он готовился к атаке на ферму Штука, которая должна была произойти в то же время, в которое мы отбивали атаку врага на ферму с другого направления. Попав в клещи двух атак, мы бы, вероятно, потеряли ее. К вечеру собрали наших раненых и привели нескольких пленных немцев, один из которых был сержантом (унтер-офицером – ВК) в форме и со снаряжением парашютиста. «Soldat? Unteroffizier?» - спросил я его. «Nein, Feldwebel,» - высокомерно ответил немец, стянув вниз с плеча свой комбинезон и показав расшитый серебром погон… Некоторые из *джерри* говорили по-английски и рассказали нам, что их перебросили из Германии через Италию на поезде, а затем по воздуху в Тунис. Парашютистов использовали для «усиления» атакующей мощи. Сам фельдфебель сдался нашим, побежав навстречу атакующим с поднятыми над головой руками, в которых держал свой *Шмайссер/Schmeisser*. Он заявил, что видел достаточно боевых действий во время войны и решил, что пришло время сдаваться…

Наступила темнота. Майор Мак-Кэнн, заместитель командира Иннискиллингских Фузильеров, пришел на ферму, чтобы услышать доклад обо всем происшедшем. Он привел с собой два взвода Ирландских Фузильеров, которые заняли позиции перед фермой, но не так далеко вниз по склону, как это сделали Лондонские Ирландцы. К 7.30 припрыгал Гиббс со своей раненой ногой, Уилкокса принесли на носилках с тяжелой раной в колено. Многие парни из Роты F, которые угодили в плен во время контратаки в 7 утра, были освобождены в результате контратаки. Также были освобождены лейтенант Уэйд (Wade) и 10 человек из Взвода Бронетранспортеров после того, как вторая контратака очистила холм. К 11.30 две санитарные машины прибыли на место и эвакуировали раненых.

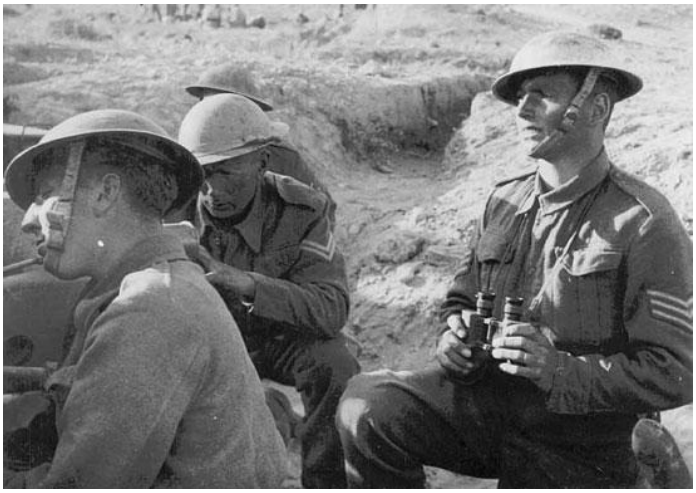
В тот день я много раз был рядом со смертью и пленом, особенно тогда, когда зацепило двоих парней, готовившихся со мной к штыковой атаке по обе стороны от меня, и тогда, когда пулеметный огонь прошелся по нам. Промежуток времени между этими моментами был совсем небольшим…»

*Вспоминает капитан **Сэндис (E.G. Sandys)**, командир противотанкового взвода Батальона 1/7 131-й Бригады [Королевский Западно-Саррейский Полк/Royal West Surrey (Queens)]. Он принял участие в отражении контрнаступления Роммеля под Меденином 6 марта 1943 года:*

«Прямо напротив нашей позиции немецкие танки, похоже, разделились на две колонны – одна шла в направлении позиций 7-го Взвода Роты А Батальона 1/7, другая – позиций Батальона 1/5 вместе со своими панцергренадерами. Именно в этот момент вражеские танки оказались в поле зрения расчета противотанковой пушки No 5 сержанта Эндрюса/Andrews. Зная, что пушки расставлены так. что могут поддерживать своим огнем друг друга и, слава богу, помня порядок действий, он дал возможность первым четырем немецким танкам продвинуться вперед по дороге и открыл огонь по пятой машине (Pz III). Он попал с первого выстрела и обездвижил его. Затем он всадил в него еще четыре снаряда и вынудил экипаж покинуть танк. После этого он переключился на следующую машину (Pz IV) и подбил его – экипаж также выскочил наружу. Сержант Эндрюс быстро перенацелился на головной танк, экипаж которого к тому времени не вполне понимал, что происходит, и добился прямого попадания, остановившего машину, что означало следующее: все остальные идущие за ним машины оказались в ловушке. После этого он один за другим уничтожил остальные танки, так что за очень короткий промежуток времени он записал на свой счет шесть машин… Увидев то, какая катастрофа постигла продвигающиеся впереди машины, около десятка остальных экипажей повернули на юг, некоторые из них заняли позицию «танк в окопе» напротив фланга Роты *А* и теперь могли простреливать из пушек и пулеметов все расположение батальона, при этом оставаясь

частично укрытыми от наших снарядов. Их огонь был весьма интенсивным, и с учетом того, что к нему присоединилась немецкая артиллерия, наше положение было довольно малоприятным, и наши перемещения были в максимальной степени ограниченными. На самом деле, я помню, что ни одна неразумная голова не высунулась выше бруствера во время этого обстрела!

Однако сержант Эндрюс разглядел, откуда вели огонь танки, и решил ответить на тот вызов. Заняв позиции «танк в окопе», боевые машины превратились в действительно мелкие цели, и в ходе перестрелки с ними бруствер его собственного окопа был разрушен. Сержант Эндрюс приказал своему расчету укрыться, а сам продолжил заряжать пушку и вести стрельбу. Он вывел из строя еще два танка, которые на тот момент представляли из себя смертельную угрозу Роте *А*, и не дал немцам возможность въехать в вади Негеб/Negueb.

Справа – сержант Эндрюс, в центре – капрал Брентон (Brenton) в бою

В это время [вражеская] пехота продолжала продвигаться вперед по всему сектору роты, но, когда завязался бой, немцы залегли примерно в 1 000 ярдов от нашей позиции и оказались под огнем артиллерии и минометов, который выкашивал их ряды. Они больше не предпринимали попыток продвинуться вперед в организованном порядке в секторе Батальона 1/7. Артиллеристы также отлично отстрелялись по точкам, где пехотинцы спрыгивали со своих грузовиков.

Тем временем немецкая бронетехника, отогнанная на юг эффективным огнем пушки сержанта Эндрюса, перегруппировалась и приступила к пробным атакам. Немцы въехали в вади Халлуф, в котором находилась пушка No 7 сержанта Крэнглса (Crangles). По танкам немедленно открыли огонь его расчет, пушка No 8 сержанта Винсента (Vincent) и крайняя правая пушка Батальона 1/6. Один танк был немедленно подбит сержантом Винсентом, еще один – Крэнглсом, но в этот момент еще один, оказавшийся выше по долине вади, открыл огонь и вывел из строя пушку сержанта Винсента и пушку Батальона 1/6.

В вади Халлуф вкатились другие немецкие танки, и сержант Крэнглс вступил с ними в бой, исключительно быстро выпуская один снаряд за другим с расстояния более 200 ярдов. Одновременно с этим пулеметчики *Бренов* продолжали вести огонь по немцам, не давая командирам экипажей высунуться из люков, чтобы осмотреться по сторонам. Где-то за полчаса Крэнглс подбил 14 танков с очень близкого расстояния. В ходе этого боя он израсходовал 40 бронебойных снарядов, пока его пушка не была выведена из строя прямым попаданием в накатник. Крэнглс приказал своим людям примкнуть штыки, а сам взял в руки *Брен*. Однако еще три немецких танка просочились в вади, и, поскольку здесь не осталось исправных пушек, чтобы остановить их, они сумели смять 10-й Взвод Батальона 1/6 на противоположном берегу. Немцы также окружили и взяли в плен расчеты

Крэнглса и Винсента, которые сдались, потому что поняли, что дальнейшее сопротивление стало невозможным. Я видел, как их увели панцергренадеры, и не было возможности стрелять по ним из-за риска попасть в своих. Однако немецкая бронетехника понесла тяжелые потери, и нет сомнений в том, что отвага, с которой сражались сержант Крэнглс и его расчет, стала определяющим фактором в том. что был остановлен прорыв противника на этом участке…»

Вспоминают участники марша через горы в обход *Линии Марет* 19-21 марта 1943 года:

Питер Уиллет

«На протяжении многих миль этот марш был тяжелейшим испытанием, наихудшим из тех, которые выпали на нашу долю в пустыне. Наш путь проходил через, казалось, бесконечную полосу дюн, разделенных зарослями колючей травы, и темп нашего продвижения упал до скорости пешего хода. Мы потратили 13 часов на то, чтобы пройти 43 мили, прежде чем разбили лагерь на ночь. Оставалось еще 30 миль до участка развертывания перед атакой, но дальше дело пошло намного лучше…»

*Рассказывает новозеландец **Кеннет Фрэйтер** (**Kenneth Frater**, на фото справа):*

«Корпус двинулся вперед 16 марта. На этот раз с нами за компанию была танковая дивизия. Танки истирали песок в тонкую пыль, что создавало неразбериху. Мы были в пути всю ночь и укрывались весь следующий день. После второй ночи, когда мы рассчитывали остановиться на рассвете, марш продолжился. Очевидно, Фрейберг думал, что Роммель уже знает о нашем маневре, и мы шли весь день. Утром несмотря на то, что каждая машина имела на крыше 6-футовый круг красного, белого и синего цвета – опознавательный знак наших ВВС, мы были атакованы американскими истребителями из 1-й Армии. Американцы были весьма непопулярны среди нас, ну и к тому же они оказались никудышными стрелками.»

*Бои в районе Эль-Хаммы - вспоминает **Питер Уиллет***

«[В 17.30 26 марта] наступила очередь 2-й Бригады входить в прорыв и развивать успех. Наступали сумерки, землю заливали красноватые отсветы заходящего солнца. Сначала сопротивление противника было хаотичным. Прошло немного времен, и в ответвлении узкой долины мы разглядели ярдах в 100 от нас пушки полевой артиллерийской батареи с кучами нерасстрелянных снарядов, сложенными рядом с ними, и стоявшие поблизости расчеты с непокрытыми головами. Наше появление застало их врасплох. Они, по-видимому, не имели понятия о том, как глубоко прорвались новозеландцы, и сдались, не оказав и малейшего сопротивления. Двести пятьдесят пленных немцев были отправлены в тыл. Мы остановились, когда наступила темнота, и прождали два часа, пока не взошла луна. Потом наступление продолжилось: 9-й Уланский Батальон продвигался справа, *Гнедые* – слева от вытянутой с юга на север дороги, идущей к стоявшей в оазисе деревне Эль-Хамма, являвшейся нашей целью и отстоявшей от стартового рубежа атаки на 10 миль. В рядах немцев царила неразбериха. Время от времени одиночные машины противника проносились мимо нас, трясясь и подпрыгивая на пересеченной местности в слабом свете луны, пытаясь убежать. Один из командиров взводов Эскадрона А, Питер Джилл, сумел перехватить и захватить огромную 210-мм пушку. По мере нашего продвижения к Эль-Хамме сопротивление противника усилилось. Несколько танков и 88-миллиметровок преградили нам дорогу, и, пытаясь найти укрытие от огня, один из танков Эскадрона В слетел с дороги и сполз в кювет, после чего на него немедленно обрушился вражеский огонь. Я был в передовом танке Эскадрона А на левом фланге полка, на каком-то странном участке, когда какой-то бешеный немецкий грузовик прогрохотал где-то рядом со мной, объезжая эти бугры так быстро, что исчез из поля зрения до того, как я успел

навести на него свой пулемет. В пятистах ярдах впереди меня я увидел тусклый контур окружающей деревню каменной стены и полосу деревьев за ней. Шквальный огонь артиллерии и танков сделал дальнейшее продвижение полка невозможным. В 04.30 утра мы получили приказ остановиться и ждать рассвета.

Новозеландцы из 24-го (Оклендского) Батальона рядом с захваченной с 75-мм немецкой пушкой

Рассказывает новозеландский артиллерист ***Брюс Смит***

«Мы подошли к Тебагскому проходу, где имело место ожесточенное сражение, в котором было уничтожено большое количество немецкой техники. Именно в этот момент *Харрикейны*, конвертированные в машины, которые стали называть *Hurri-bombers*, вступили в бой и показали высокую эффективность. В это время, понятное дело, Королевские ВВС явно доминировали в небе, и наша жизнь стала намного легче, потому что не приходилось беспокоиться о том, что на тебя все время сыплются бомбы.»

Об этих боях вспоминает ***Билл Клоуз***

«В течение … сорока восьми часов новозеландская пехота при поддержке танков бригады осуществила серию ночных атак. Одна такая атака ночью 24 марта была проведена при ярком лунном свете батальоном маори при поддержке Эскадрона *С* 3-го КТП и эскадрона Ноттингемширского Йоменского Полка. Она была особенно успешной и привела к захвату двадцати артиллерийских и противотанковых орудий, а также еще 1 000 итальянских пленных. Хотя захват Высоты *201* обеспечил дивизии безопасное прохождение через линию обороны противника, он всё еще удерживал некоторые ключевые позиции на флангах перевала. Их артиллерия была особенно активна и наносила многочисленные потери новозеландской пехоте. Даже экипажам танков пришлось постоянно оставаться внутри своих машин.

26 марта Алек и я присутствовали на совещании у командира полка. Нам сказали, что позже в тот же день будет предпринята согласованная атака силами всей дивизии. Танки должны были возглавить атаку всеми тремя полками. Мы должны были выстроиться в линию: *Ноттингемширцы* справа, мы в центре и *Стаффордширцы* слева. Легкие эскадроны должны были идти впереди с новозеландскими пехотинцами, сидящими на броне танков, а за ними — эскадроны *Шерманов*. Мы должны были наступать, как под Балаклавой *(имеется в виду знаменитая атака британской легкой кавалерии под Балаклавой в 1854 году - ВК)* под прикрытием массированного артиллерийского огня, а также при поддержке штурмовой авиации, которая должна была поддерживать радиосвязь с танковыми эскадронами. Всё это звучало потрясающе, но, когда я вернулся в эскадрон и

проинструктировал экипажи, это вызвало немало язвительных замечаний, причем Бак Кайт и Джорджи Ри были особенно едки.

Атака должна была начаться в 16.00, и как раз тогда, когда мы начали выстраиваться, внезапно, как это часто бывает, поднялась песчаная буря, из-за чего видимость стала затруднительной. Нашей первой целью была линия обороны примерно в 1 000 ярдов от исходного рубежа. Мы достигли её без особого труда: немецкие артиллеристы, всё еще потрясенные и ошеломленные канонадой, не предпринимали попыток вступить с нами в бой. Продвигаясь, мы подавляли орудийные расчеты пулеметным огнем, а в некоторых случаях давили пушки гусеницами. Однако вскоре после того, как мы миновали первые рубежи обороны, немецкие противотанковые расчеты ожили, подбив несколько *Шерманов*, которые загорелись. Треск 88-мм орудий и стук пушек из спонсонов добавились к общему шуму и хаосу.

Два *Крусейдера* слева от меня были подбиты, затем я увидел, как подбили танк Джорди Рэя справа. Он завалился на бок в открытый бетонный капонир. Экипаж Джорди, похоже, благополучно выбрался и укрылся в нем, несомненно, чувствуя облегчение от того, что на время вышел из боя. Я почувствовал удар по передней части своего танка, но ободряющий крик одного из членов экипажа подтвердил, что броня не пробита. Выглядывая из башни, я был так занят поиском целей, что не заметил немецкого пехотинца, вставшего в своем окопе и целящегося в меня из пулемета. Моя удача всё еще была со мной: должно быть, он стрелял одиночными, так как первая пуля попала в радиоантенну моего танка и провизжала мимо моей головы. С немцем быстро разобрался один из новозеландцев, сидевших на корме моего танка. Когда мы проходили через оборону врага, немало итальянцев выходили из своих окопов с поднятыми руками. Некоторые новозеландцы спрыгивали с танков и вступали в ближний бой, действуя винтовками и штыками.

Алек Дойг был несколько правее меня и, казалось, оказался в самом центре линии вражеских противотанковых пушек, расчеты которых ожили и начали занимать свои места. Я видел, как в его танк попали, некоторые члены экипажа выбрались, но вскоре я получил сообщение по радио, что Алек тяжело ранен. Наконец-то я командовал эскадроном, хотя и не при тех обстоятельствах, которых желал. Мы находились в середине оборонительной позиции противника. Я видел перепуганных пехотинцев, забившихся в свои окопы, и артиллеристов, лежавших рядом со своими пушками. Я вошел в азарт и решил бросить несколько ручных гранат — у нас в башне внезапно оказался ящик с шестью штуками. Не имея практики метания гранат из башни движущегося танка, я забыл, что мой наводчик развернул орудие. Моя первая граната упала среди новозеландских пехотинцев на корме моего танка и отскочила в сторону. Никто не пострадал, но один из новозеландцев наставил на меня свой *Стен*, показывая, что произойдет, если я попробую сделать это снова. После этого я сосредоточился на командовании танком.

Вражеские противотанковые пушки становились всё большей проблемой. Несколько *Шерманов* были подбиты и горели. Некоторым экипажам удалось выбраться, но не всем. Мы надеялись вызвать *Харрикейны* и *Киттихоки* Королевских ВВС, но наш авианаводчик, который был в танке Алека, когда в него попали, также выбыл из строя. Тем не менее, они пролетали над нами волнами и атаковали цели прямо перед нами. Я только надеялся, что они хорошо умеют распознавать танки.

Около 18.00 через наши позиции начали проходить подразделения 1-й Танковой Дивизии, и мы почувствовали, что можем немного расслабиться. Ситуация всё еще была очень запутанной, и, хотя мы были рады тому, что 1-я Дивизия принимает на себя атаку, 8-я Танковая Бригада имела приказ оставаться на поле боя развернутой в боевой порядок. Я ждал приказа встать лагерем, чтобы можно было сварить приличную еду и дать танкистам эскадрона поспать. Наши потери были весьма значительными: легкий эскадрон потерял семь танков, тяжелые машины — еще больше. Но приказа не последовало, и мы оставались на боевых позициях всю ночь. На рассвете меня вызвали к танку полковника Паймэна: «Билл, тыловые части 1-й Танковой Дивизии докладывают, что их атакуют *панцеры*. Выводи свой эскадрон на фланг и выясни, что происходит.»

Я выдвинулся с двумя взводами и довольно осторожно направился к предгорьям, где увидел яркие вспышки выстрелов вражеских танков — примерно шесть или семь машин на хороших позициях *танк в окопе*. Я доложил об этом командиру полка и предложил, чтобы взвод *Шерманов* разобрался с ними. Мы продолжали вести с ними бой, пока не подошли тяжелые танки, чтобы поддержать нас. Пока мы пытались пристроиться на какой-нибудь позиции, чтобы над землей врагу были видны только башни (мы всё еще были на виду), танк моего капрала из взвода был подбит и вспыхнул. Двум членам экипажа удалось спастись. Я испытал огромное облегчение, когда подошли два взвода *Шерманов* из Эскадрона *B* и очень быстро разобрались с танками противника, хотя и потеряли при этом три своих машины. Хотя мы практически окружили противника, группы решительно настроенных немцев продолжали сражаться в течение всего дня, пока их не заставил сложить оружие батальон маори. В этом бою один из лейтенантов-маори был посмертно награжден *Крестом Виктории*.»

Заняв Тунис и Бизерту союзники рассекли занимаемую силами Оси территорию на несколько котлов, после чего организованное сопротивление немцев и итальянцев практически прекратилось. 13 мая 1943 года они окончательно капитулировали…

*Из письма лейтенанта **Фрэнсиса Эмблера (Francis Ambler)**, офицера-пулеметчика Полка Бедфордширцев и Хертфордширцев/Bedfordshire and Hertfordshire Regiment:*

*«*Наступление началось 6 мая. Днем раньше мы получили боевые приказы, и я оглядел местность перед собой с замаскированного наблюдательного пункта. Наш удар должен был стать сокрушительным. Мы атаковали в секторе двух дивизий шириной около двух миль. Мощь огневой поддержки была умопомрачительной. Нам предстояло продвигаться за огневым валом, создаваемым не менее чем 700 орудий. Пехоты должна было пробить брешь в обороне врага, после чего две танковые дивизии должны были ворваться в нее и совершить рывок на максимально дальнее расстояние. Мы думали, что прорыв займет около трех дней… В дополнение ко всему на нашей стороне были тучи бомбардировщиков и истребителей, готовых накрыть *бошей (Boche – одно из прозвищ немцев, более типичное для ПМВ – ВК)*, как только станет достаточно светло. Моей бригаде была предоставлена честь быть на острие атаки. Нашей задачей был захват трех высот, доминировавших над осью наступления. Начало операции было назначено на 03.00.

Мы выступили вечером и заняли позиции на стартовом рубеже. Я с пулеметчиками должен был помочь стрелкам добраться до высот, подавить вражеские пулеметы и противотанковые пушки. Я построил свои транспортеры с *Бренами* с наступлением сумерек, и мы стали ждать 03.00. Определенно, я вовсе не герой, но скажу честно, ничего такого под ложечкой я не чувствовал, - того, что по рассказам накатывает на солдата непосредственно перед боем. Все выглядело как обычные учения где-то дома, и, я думаю, большинство из нас чувствовало примерно то же. Наверное, это было связано с тем чувством уверенности в себе, которое нас охватило, и мысль о том, что у нас за спиной стоят 700 орудий. Стояла мертвая тишина, и можно было лишь услышать, как кто-то случайно кашлянул. Наши старые приятели из дивизии *Hermann Göring* немного нервничали в ту ночь, так как постреливали осветительными ракетами, стараясь разглядеть, что мы делаем.

Ровно в три заговорили орудия. Я ни разу в жизни не видел и не слышал ничего подобного, такой это был ад, и, вероятно, не увижу такого больше никогда. Грохот стоял страшный, холмы у нас за спиной выглядели темными силуэтами на фоне ослепительных дульных вспышек… Я пошел вперед на своих двоих, чтобы направлять мои транспортеры по ухабистой дороге. Боши открыли по нам артиллерийский и минометный огонь, но их стрельба была беспорядочной, и мало кто пострадал. Где-то мили через полторы наш авангард вышел на рубеж для начала атаки на первую цель. Теперь мы были под пулеметным огнем. Парень справа от меня упал: его грудь изрешетило пулями. Мы открыли огонь из наших пулеметов [*Виккерс*], когда наши парни пошли в атаку вверх по склону. Сразу после этого стало светать. Через невероятно короткое время они были уже

на вершине, и мы прекратили огонь. Нам навстречу вышли около шестидесяти сдавшихся в плен *бошей (немцев – ВК)* с поднятыми руками, но мы проскочили мимо них, выкатились на вершину и нацелили свои пулеметы на следующую высоту. Боши теперь повели огонь по нам справа, но именно в этот момент подкатили наши танки *Черчилль/Churchill* и пошли в атаку. Вскоре они заставили замолчать бошей справа от нас, и наши парни атаковали вторую цель. Неожиданно мы попали под перекрестный огонь с двух пулеметных гнезд, и ребятам пришлось залечь. Я разглядел их [пулеметчиков] в своей бинокль, и мы открыли огонь, не дойдя до верхней бровки склона. Здесь мы были хорошо укрыты от их огня, и, расстреляв где-то четыре ленты, один из моих капралов вывел строя пулеметные расчеты бошей. Это дало возможность пехотинцам взять штурмом вторую высоту, где была захвачена большая часть пленных. Здесь мы привели себя в порядок и развернулись для атаки на последнюю цель.

На этот раз мы атаковали вместе с танками. Когда передовая машина выкатила на вершину последнего холма, до нас донесся напоминающий стон звук, за которым последовал взрыв, и танк охватил огонь. В него попал снаряд 88-мм орудия, которые мы не заметили. Оно вело огонь через долину с позиции справа от центра. У нас не было времени на использование дальномера, но я задал одному из пулеметов расстояние 1 300 ярдов и приказал выпустить очередь. Мы увидели, как она прошлась по земле за орудием, поэтому я уменьшил дальность на 200 ярдов и приказал выпустить длинную очередь. На этот раз боши повыскакивали из своего окопа словно блохи, и следующая очередь скосила их. Так мы отомстили за *Черчилль*, а 88-миллиметровка была захвачена целой и невредимой. Мы стреляли по всем бошам, которые попадали нам в поле зрения, пока наши парни атаковали, и через очень короткий промежуток времени мы заняли высоту, так что к 07.00 все цели, поставленные перед нашей бригадой, были достигнуты. Брешь в обороне врага была создана. Через нее в прорыв пошли танки, пробиваясь к Тунису...

… Во второй половине дня, после атаки, боши еще немного постреляли из минометов и пушек, немного поработали их пикирующие бомбардировщики, и у нас были еще потери. Они были на редкость небольшими в ходе всей операции, но я был сильно опечален, когда один из моих приятелей был убит нашим же снарядом, упавшим с недолетом…»

Капитуляция войск *Оси*

О падении столицы Туниса рассказывает, ***Алан Мурхед****, оставивший книгу воспоминаний The War In Africa (1943). Ряд ее страниц был посвящен последним дням Тунисской кампании. Вот что он увидел 7 мая 1943 года по дороге к столице Туниса:*

«… Кто-то, вероятно, отступающие немцы обложили бунгало хворостом, и оно было охвачено огнем. Отовсюду были видны пожары, время от времени слышались взрывы. Было очевидно, что противник уничтожает свои склады… В поле зрения стало попадаться все больше домов. Один танковый экипаж съехал в сторону и кипятил чай, вокруг на корточках сидели любопытствующие арабы…

… Нас остановил британский офицер. «Дальше нельзя, - сказал он. – на этой улице засели немецкие снайперы. Подождите, пока ее не зачистят.» Мы сидели под дождем и ждали, но никакой стрельбы слышно не было, и пара бронемашин тронулась с места. Мой шофер попытался объехать их, но я придержал его… Мы подождали, пока вперед не выедут два танка и бронетранспортер с *Бреном*, и тронулись в путь.

Неожиданно авеню de Bardo ожило. Толпы французов хлынули на улицу, их восторг граничил с истерией. Некоторые из них побежали прямо к нам, бросаясь плашмя на капоты машин. Одна девушка обняла моего водителя. Старик вытащил из кармана пачку сигарет и кинул ее нам. Кто-то еще размахивал бутылкой с вином. У всех женщин в руках были цветы… Букет роз влетел мне прямо в лицо, капот нашей машины был весь усеян цветами. Все кричали, выскакивали на дорогу перед машинами, не беспокоясь о том, что могут попасть под колеса. Молодой француз с автоматом *Стен* в руках … запрыгнул на крышу

нашей машины. Он кричал, что бежал из плена и что-то еще, что я не смог разобрать, мне пришлось сталкивать его с машины, поскольку я не был уверен в том, враг он или друг. Повсюду бродили немцы. Они стояли на тротуарах, просто смотрели на происходящее, за спиной у них висели винтовки. Мимо нас проскочил бронетранспортер, он был полон немцев, которых подобрали *томми (Tommy – обычное прозвище британских солдат - ВК)*, и возбужденные люди из толпы решили, что эти люди в британской машине были британцами и забросали их цветами. Немцы ловили цветы, но сидели он тихо, каждый при этом сжимал в руке маленький букетик…

… Мы поехали дальше. Слева от нас был виден древний каменный виадук, рядом с его опорами горели кучи боеприпасов. Мимо проходила железная дорога, справа от нас стояло четырехэтажное красное здание – пивоварня. Мы проезжали мимо него, когда поднялась стрельба. Она началась с очереди, прошедшей поперек дороги на уровне плеча между моей машиной и идущим впереди нас бронеавтомобилем. Мы остановились... Толпа быстро разбежалась, радостные приветствия стихли… После первой очереди прилетела еще одна. Потом еще одна, и вскоре, должно быть, огонь вели уже с полдесятка пулеметов с очень близкого расстояния. Проблема была в том, что сначала никто не мог понять, откуда ведется стрельба. Это был мой первый опыт уличного боя… В нашей машине нас было пятеро: Остен (Austen), Бакли (Buckley), водитель и Сидни Бернстайн (Sydney Bernstein), оружия ни у кого не было, и мы стали уходить в сторону вдоль одной из стен пивоварни.

Стрельба приобрела уже непрерывный характер. Трое парней неожиданно выпрыгнули из ближайшей бронемашины, в руках у одного из них был Брен. Они перебежали через дорогу, залегли у железнодорожного пути и открыли огонь. Немцы, сидевшие в бронетранспортере, тоже запрыгнули в канаву, идущую вдоль железной дороги, они лежали на спинах, каждый по-прежнему держал в руке букетик.

Глянув вверх, я увидел, как очередь хлестнула по стене пивоварни над нами. Пули, попадая в нее, высекали желтые язычки пламени и осыпали нас кусками штукатурки. В этот момент мой водитель показал рукой вверх. Прямо напротив нас двое немецких стрелков вели огонь из пивоварни, и мы могли разглядеть стволы их винтовок, которые торчали из окна второго этажа. Эти немцы пока нас не видели… Мы поползли обратно, в сторону главной улицы. Потом, прижимаясь к стене, мы стали пробираться от одного подъезда до другого, пока не вышли к зданию, в котором раньше держали британских военнопленных… Минут через десять стрельба ослабла. Один из танков выпустил пару снарядов и этим утихомирил снайперов. Мы стали пробираться назад к пивоварне в надежде на то, что наша машина еще не загорелась под пулеметными очередями.

Из подъезда, находившегося напротив меня, вышел немец и сдался в плен – из его ноги текла кровь... Еще два немцы вышли из здания с поднятыми руками, но мы уже хотели добраться побыстрее до нашей машины и не стали уделять им внимания. На углу пивоварни два сержанта, американец и британец, оба штатные фотографы, перебежали через улицу к своей машине, схватили свои автоматы и открыли огонь… Американец хладнокровно выбирал себе цели и тщательно целился. Появился тот самый молодой француз со *Стеном* в руках, и я сообразил, что он хотел предупредить нас о том, что [на нашем пути] засели эти снайперы. Он повел за собой к пивоварне обоих сержантов, вышиб ногой дверь и стал стрелять от бедра… Потом все трое вышли на улицу с двумя немецкими снайперами – теми, которые стреляли поверх наших голов. Один из них был ранен…

Клиффорд *(британский офицер - ВК)* остановил на перекрестке машину с двумя немецкими офицерами. Они показали на свои нарукавные повязки с красными крестами, но он обнаружил в машине кучу оружия и высадил их. В этот момент двое снайперов побежали к одному из стоявших на углу домов. Какой-то *томми* точной очередью уложил их на бегу. Продолжали происходить невообразимые вещи. Двое итальянских офицеров подошли и потребовали посреди всей этой неразберихи, чтобы им предоставили машину и дали возможность вернуться в казармы, где они оставили свои непромокаемые плащи.

Тем временем еще один патруль из бронемашин свернул в правое ответвление, на улицу (Rue) de Londres, в направлении центра города. Они обнаружили, что там никто толком ничего не знает [о происходящем]. Сотни немцев прогуливались по улицам, некоторые со своими подругами. Другие сотнями сидели в открытых кафе и пили аперитивы. Никто не предупредил их о том, что британцы поблизости. Атака была настолько быстрой, что здесь, в городе, никто не знал о том, что оборона *Оси* прорвана. И тут, неожиданно для всех, словно призрак с неба, появились эти три британских бронемашины. Немцы повскакали со своих стульев и уставились на них. *Томми* сделали то же самое. Они мало что могли сделать. Экипажи трех бронемашин не смогли бы управиться с таким количеством пленных. В парикмахерской, находившейся поблизости, несколько немцев повылезали из своих кресел с салфетками вокруг шеи и пеной на щеках, и тоже стояли, разинув рот. Бронемашины повернули назад за подкреплениями.

Вечером Тунис пал посреди этой неразберихи. То там, то тут какой-нибудь отчаянно храбрый немец открывал стрельбу или швырял гранату или две. Однако по большей части люди из тыловых частей были застигнуты врасплох, и их были тысячи. Всю ночь царил безнадежный хаос, немцы и британцы бродили по городу, смешавшись друг с другом, итальянцы, переодевшись в гражданское, прятались в подвалах, саботажники занимались поджогами, кто-то пытался уйти в море на гребных шлюпках, другие на велосипедах и повозках бежали на полуостров Кап Бон. Кто-то в растерянности и страхе просто шел куда-то, пока не находил кого-то, кому можно было сдаться в плен. Всю ночь пылали пожары, они продолжались и утром, когда в город начала входить в больших количествах британская пехота.

Невероятная сцена хаоса и неразберихи открылась, когда наступило утро. Сам город пострадал мало, но прибрежная полоса была сильно разрушена бомбардировками всех видов. Шестиэтажные здания лежали в руинах, сложившись в блин. В течение четырех дней никто не решался подойти к портовым сооружениям. Порт Ла Гулетт, находившийся в стороне от города … был разрушен еще в большей степени. Суда или их обломки взрывами были выброшены из воды и теперь лежали, навалившись на другие суда. Бетонные причалы были разбиты, на них зияли воронки колоссального размера. На двух аэродромах лежали под дождем в большом количестве разбитые самолеты…»

*Вспоминает **Питер Уиллет***

«Немецкие и итальянские военнопленные, некоторые в забитых людьми грузовиках, некоторые на своих двоих, сдавались толпами. Со своего танка, припаркованного на обочине дороги…, я следил за тем, как их людской поток уходил в тыл. Наиболее удивительно выглядел батальон элитной дивизии *Herman Göring*. Восхитительно выглядевшие крепкие парни, каждый ростом выше шести футов, побросали свои каски, и теперь их светлые волосы поблескивали в лучах солнца. С выпяченной грудью и высоко поднятой головой они маршировали в идеальном строю. Их гордость осталась непоколебленной, когда они шеренга за шеренгой уходили в плен…»

Военнопленные. 7 мая 1943 года

*Вспоминает **Билл Клоуз***

«90-я [Дивизия Легкой Пехоты] промаршировала со своими офицерами и унтер-офицерами, уставшая и ободранная, держа в руках то, что должно быть, было эквивалентно нашим спальным мешкам. С нашей стороны не было злорадства, было лишь чувство того, что мы добились успеха, победив тех, кто, по моему мнению, сражался умело и с отличием, даже по-честному, если это слово применимо к происходящему на поле боя.»

*Вспоминает лейтенант **Фрэнсис Эмблер***

Отступающие *гунны* отошли на полуостров Кап Бон, откуда попытались эвакуироваться. Здесь их поджидал ВМФ, так что все они капитулировали. Боши, казалось, были потрясены тем, что делала наша артиллерия. Я пообщался с одним светловолосым пареньком из дивизии Herman Göring – он был настолько ошеломлен, что не мог говорить. Он дрожал, как листок на ветке. Все, что могли выговорить остальные, было *Artillerie! Artillerie!* Мы отнеслись к ним очень доброжелательно, собрали их раненых, угостили их сигаретами. Странное дело, но мы едва ли умеем ненавидеть. Они, с другой стороны, вели себя с величайшим достоинством и были благодарны за все, что мы делали для них. Их офицеры были корректны до мелочей, и их дисциплина даже в условиях поражения была великолепной. Они сдавались тысячами. Один немецкий бригадир и его штаб сдались лично мне. Когда я спросил его из какого он полка и из какой дивизии, он сурово посмотрел на меня и сказал: «Das weiß ich nicht/Я не знаю». Я ответил: «Wir sind auch Soldaten, und wir verstehen/Мы тоже солдаты, мы понимаем». Ему было настолько приятно это слышать, что он вскочил на ноги в своей машине, щелкнул каблуками и сказал: «Danke sehr Herr Leutnant/Благодарю, господин лейтенант».

Итальянцы были настолько же неорганизованны, насколько немцы были дисциплинированны. Они представляли из себя не большее, чем грязноватый сброд, и были неисправимыми трусами до мозга костей. Немцы от всей души не переваривали их и даже не дали им грузовик. На другой день я усаживал в грузовик пленных. Сначала я загрузил немцев, и один из их офицеров спросил меня, можно ли трогаться в путь. Я ответил, что сначала должен усадить в него группу их друзей-[итальянцев]. Он был в крайней степени возмущен [этими словами] и стал отрицать, что это его друзья или друзья кого-либо из немцев… Еще нам достались большие склады различных материалов…

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФРОНТ

САЛЕРНО

К концу третьего дня боев союзники расширили плацдарм и заняли порт Салерно. Однако портовые сооружения и техника оказались столь существенно разрушенными, что их немедленное использование оказалось невозможным. В американском секторе плацдарм были расширен до 10 миль вглубь суши, в то время как в британском передовая осталась на расстоянии одной мили от берега. Кларк оставался настроенным оптимистично относительно перспектив скорого очищения полуострова Сорренто от немцев. После этого путь на Неаполь должен был стать открытым… 12 сентября немцы предприняли ожесточенные атаки на весь плацдарм по мере прибытия новых подкреплений, хотя и небольшими группами, как с юга, так и с севера.

Рассказывает солдат британского отряда коммандос No. 2:

«Вечером 12 сентября мы вошли в деревню Драгоне и заняли позиции на склонах холма за ней. Нас было 150-160 человек. Звуки, которые доносились до нас всю ночь, было невозможно спутать ни с чем: машины, танки, были слышны даже голоса немецких десантников. Последовавший за этим бой начался с интенсивного обстрела из *небельверферов* в 6 утра. Последовавший за этим бой был описан подполковником Черчиллем одним предложением: «Страшная битва за Драгоне.» Эти слова Бешеного Джека/Mad Jack могут дать представление об ожесточенности этого боя. Даже наш командир – «храбрейших из храбрых» - был потрясен ужасом происшедшего утром 13 сентября… (коммандос потеряли в этом бою 24 человека убитыми и умершими от ран, включая 6 офицеров, и 57 ранеными).»

В этом бою британцы в одном случае проявили рыцарское отношение к противнику:

«Это случилось во время одной из контратак. Группа из четырех парней, включая двух ходячих раненых, оказалась посреди узкой, мощеной булыжником аллеи… и увидела двух немецких парашютистов с оружием за спиной, которые пытались оттащить раненого товарища в безопасное место. Коммандос знали, что это были десантники, потому что на них были характерные брюки и каски. Десантники обернулись и увидели нас, стоявших с нацеленных на них оружием. Наш сержант сказал: «Не стрелять, парни!» и махнул немцам рукой, показывая, чтобы они уходили со своим раненым. Один из десантников поднял руку в знак признательности, и они исчезли за углом….»

Британские коммандос отряда No. 2 14 сентября получили разрешение отдохнуть в Салерно, после чего вместе с отрядом No. 41 были вновь брошены в бой в район Меркателло – окраины Салерно в трех милях к востоку от города. Они получили приказ зачистить местность в районе деревни Пиголетти. Вспоминает один из коммандос:

«Наши парни спустились в долину в темноте, выкрикивая слово «commando» изо всех сил. [Бешеный] Джек вел нас вперед, сильно оторвавшись от нас, и взял, практически, в одиночку, 42 пленных. Неподалеку от него капитан Том Хемминг (Tom Hemming) и рядовой Билл Дэвидсон (Bill Davidson) захватили еще 40 немцев. Закончив зачистку, коммандос вернулись примерно со 150 пленными.»

МОНТЕ КАССИНО

Дуглас Лэйн (Douglas Lane), *артиллерист, 2-й номер на наблюдательном посту (Observation Post Assistant) 57-го Полка (10-й Корпус). Для этого парня разрушение монастыря Кассино имело особое значение: он был прямым потомком Отца Игнациуса из Лэнтони, основавшего бенедиктинский монастырь в Уэльсе.*

«Стоит упомянуть, что к концу января-началу февраля в операции по захвату Кассино не было никакого прогресса. Без захвата монастыря не шло и речи о продвижении к Риму. Примерно в это время наш артиллерийский полк был переброшен на этот участок фронта, чтобы поддержать 201-ю Бригаду Гвардейцев/Guards Brigade. Монастырь находился на высоте 1500 футов, нам же пришлось вскарабкаться на наблюдательный пункт, расположенный на высоте 2500 футов. С наблюдательного пункта мы, когда позволяла погода, видели монастырь, расположенный на противоположной от нас стороне долины. Он выглядел, я должен сказать, грозно и странновато, поскольку к тому времени это был единственный неразрушенный объект во всей округе. Такое же ощущение вызвал бы Букингемский дворец посреди Пашендальской равнины.

К 15 февраля мы пробыли на наблюдательном пункте около недели и чувствовали себя совершенно отвратительно, настолько мерзкой была погода. В редкие моменты, когда в облаках образовывались разрывы, мы не отрывали глаз от монастыря, и, честно говоря, он действовал нам на нервы. Он превратился из живописной достопримечательности в чудовище, в какой-то нарост, по какому-то стечению обстоятельств, сковавший наши жизни

и остановивший наш путь домой. Он стал каким-то умопомрачительным олицетворением того, что мы все ненавидели...

Я пробыл на фронте уже два года, в непрерывных боях, что сильно притупило мою чувствительность ... Неожиданно из тумана, с южной стороны, в одно довольно приятное утро, сразу же после завтрака около 9.30 утра в небе появилась армада бомбардировщиков, в основном, *Летающих Крепостей*, всего около 250. Мы гадали, куда летит эта армада, когда ни с того, ни с сего из них посыпались бомбы на монастырь Святого Бенедикта, расположенного на расстоянии в 10 миль от нас через долину... Мы обрадовались, крича и обнимая друг друга. Мы просто сходили с ума от восторга, но рядом со мной был замечательный валлиец, Том Робертс, который всегда был моим наставником, философом и другом, начиная с того дня, когда мы обогнули Мыс Доброй Надежды на пути к Суэцкому каналу. Он был человеком большой духовности и знал о моей связи с Отцом Игнациусом. Когда я перестал трястись, когда стихли смех и истерическое веселье, он присел рядом со мной и сказал: «Успокойся, Даг. Я имею в виду, что все это хорошо, но на самом ли деле мы пришли на эту войну, чтобы бомбить монастыри? Что бы Отец Игнациус подумал об этом?» Неожиданно мне будто кровь хлынула в голову: «Что же мы делаем на этой долбаной горе, когда вокруг все рушится и превращается в прах? Мы сражаемся за что-то и против чего-то? Мы здесь радуемся разрушению одного из величайших памятников христианства.» И мое настроение стало меняться от восторга к ужасу, к вопросам, задаваемым самому себе ...»

Аббатство под бомбами. 15 февраля 1944 года.

Атака в рамках 3-го сражения за Кассино должна были последовать за бомбардировкой города, для чего требовались три дня летной погоды. Подходящая погода установилась только 15 марта, и этот день стал днем начала 3-го этапа сражения за Кассино. Авианалет на город продолжался три с половиной часа, в нем приняли участие 775 бомбардировщиков, которые сбросили 1 000 тонн взрывчатых веществ на участок площадью в одну квадратную милю – ненамного меньше, чем на монастырь месяц назад. Это произвело ощутимый психологический эффект на немцев, которым потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя. Один из них вспоминал: «На этот раз все свалилось прямо на нас. Воздух вибрировал, все было так, словно чья-то могучая рука трясла город.» Другой немец сделал в своем дневнике такую запись: «Сегодня ад обрушился на Кассино.» По воспоминаниям одного из британских солдат, ему «уже через несколько минут хотелось закричать «Достаточно!», но все это продолжалось, пока не начали лопаться наши барабанные перепонки, а сознание помутилось…» Союзники верили, что на этот раз город падет им в руки, так один американский офицер сказал после бомбардировки: «Мы дезинфицировали Кассино», находясь в твердой уверенности, что никто не мог выжить в этом аду. Однако немцы продолжали удерживать позиции в городе, а из-за разрушений его улицы оказались заваленными обломками задний, что сильно затруднило продвижение по

ним новозеландских танков. Реализация нового плана командования замедлилась с самого начала…

*Вспоминает **Эдвар Карр (Edward Carr),** Полк Сомерсетской Легкой Пехоты*

«На следующее утро мы узнали, что монастырь будут бомбить. Мы не могли в это поверить. Немецкие позиции, казалось, находились не в самом монастыре, а вокруг него, на склонах холмов. На следующий день временами выглядывало солнце. Мокрые носки и рубашки появлялись в самых неожиданных укромных местах: люди пытались их просушить. Однако продвижение к станции остановили, и мы закрепились на достигнутом рубеже. Передвигались мы только с крайней осторожностью: немецкие снайперы были очень *хороши*! Однажды я попробовал пострелять из их винтовки — она была невероятно точной. С 300 ярдов, используя специальный прицел, можно было различить черты лица человека! Правда, отдача у неё была как у мула.

Мы заняли небольшой фермерский дом. Когда мы пришли, хозяева поспешно удалились. На плите даже осталась большая кастрюля спагетти, которые всё ещё варились. Прежде чем мы успели что-то сказать, двое наших уже попробовали и заявили, что вкусно! Мы подождали час, чтобы убедиться, что еда не отравлена, и, раз ребята чувствовали себя нормально, мы все набросились на неё. Потом мы заняли позиции, выставили наблюдателей и часовых. Наступило утро, и вот что мы увидели: дверь, ведущая в подвал, распахнулась, и в комнату вошли немецкие солдаты с поднятыми руками, крича: «Kamerad! Kamerad!» Они, должно быть, думали, что здесь стоит целый батальон, раз решились вот так сдаться. Было видно, как они удивились, когда поняли, что перед ними всего лишь небольшой взвод. Мы обыскали их на предмет оружия и заперли в одной из комнат, поставив часового у двери. Связались со штабом — там обрадовались, услышав, что у нас 27 пленных. Мы не стали рассказывать, как именно мы их захватили. За ними прислали два трёхтонных грузовика. Нам повезло. На их месте могли быть мы. Этот урок мы не забыли: не устраивайся в доме как у себя, пока не проверишь подвал.

Утро этого дня *(15 февраля 1944 года - ВК)* было прекрасным, солнечным. Мы слышали самолёты очень высоко в небе и видели множество белых следов от конденсата. Один офицер, глядя в бинокль, сказал: «Это *Летающие Крепости*», и они, должно быть, были на высоте не ниже двадцати тысяч футов! Даже оттуда, где мы находились, было видно, как падают бомбы, и как при взрывах над монастырём поднимаются огромные облака пыли. Довольно много бомб легло мимо цели и упало рядом с монастырём на гряду *Змеиная голова/Snake's Head*, которую занимали американцы. За первой волной последовала вторая, затем третья. Некоторые бомбы падали и на сам город Кассино, часть которого занимали наши и *Шропширцы (солдаты Шропширского/Shropshire Полка – ВК)*. Следующая волна состояла из самолетов *Митчелл/Mitchell* — это были средние бомбардировщики, и они шли достаточно низко, чтобы я мог узнать их. Бомбардировка продолжалась большую часть дня, и к сумеркам монастырь и сам город превратились в огромные груды развалин.

Я видел, что из завалов осталась торчать часть здания почты, а также гостиница. Мы смотрели на монастырь — он был почти неузнаваем. Его форма изменилась: квадратные стены исчезли, а в центре выросла огромная куча обломков. Некоторые стены ещё сохранялись примерно на две трети высоты. На следующий день прилетели несколько истребителей-бомбардировщиков — думаю, они делали фотографии, — но кроме этого никакой активности в небе не было. Монастырь, или по-другому аббатство, превратился просто в одну огромную груду камней.

Ни одно событие войны не вызвало столь ожесточённых споров, как бомбардировка аббатства. После войны генерал Марк Кларк (Mark Clark) в своих мемуарах написал: «Я считаю, что бомбардировка аббатства была ошибкой». Это было больше, чем ошибка: она сделала задачу [взять город] сложнее и стоила дороже — людьми, техникой и временем.

Он отказался от ответственности за приказ, который сам же отдал, и переложил вину на своего подчинённого — генерала Фрейберга. Позже было довольно точно установлено, что в момент бомбардировки аббатство не было занято немцами. Однако тогда это знать было невозможно, и в конечном итоге это считалось несущественным.»

Начало Второго сражения за Кассино для сомерсетцев началось с неудачи:

«Утро наступления *(17 февраля – ВК)* для 4-й Индийской и 4-й Британской дивизий не было похожим ни на что из того, что мы переживали раньше. Теперь только зубчатые руины, прежде известные как город Кассино, отделяли наши передовые позиции от немцев. На этот раз слева от нас находились новозеландцы. На мой взгляд, это были одни из лучших солдат, с которыми только можно было воевать бок о бок. Наш полковник Хант (Hunt) сказал офицеру, командовавшему *киви (kiwi – самоназвание новозеландцев и их распространенное прозвище – ВК)*: «Ваши люди не очень-то отдают честь, не так ли?» Тот ответил: «Попробуйте махнуть им рукой — они всегда машут в ответ!»

К тому времени, как мы покинули район отдыха, зимняя погода становилась всё хуже: дождь, мокрый снег, снег и даже немного града сменяли друг друга. Земля на равнине превратилась в сплошное море грязи, болот и разливов. Атаку приказали начать в 23.00, но мулы, которые должны были подвести боеприпасы, не прибыли. Человеку, который не воевал в горах, использование мулов может показаться странным, но под Кассино нельзя было пускать грузовики по дорогам: их бы заметили и разнесли в щепки. Все наши припасы — от патронов и воды до бензина — приходилось везти на мулах семь миль через долину, а последние ярды тащить вручную до передовых позиций. На преодоление маршрута уходило пять часов, и почти на всём протяжении его обстреливали, так что до цели добиралась лишь часть мулов. По ночам раненым часто приходилось преодолевать тот же долгий путь в обратном направлении.

В итоге атака началась далеко за полночь. Боеприпасы мы получили, их уже раздали. Помню, сержант-майор сказал: «Старайтесь дождаться, пока враг не встанет прямо перед вами. Тогда одним выстрелом уложите двоих!» [Он говорил так] потому, что большая часть наших боеприпасов всё ещё лежала на дне гавани Бари. Он всегда умел вызвать улыбку у ребят.

Британский солдат пытается поднять упавшего в снег мула с грузом для передовой. Кассино, зима 1943/1944 годов

Наша задача заключалась в том, чтобы переправиться через реку к востоку от Кассино, где после бомбёжки уровень воды упал на два-три фута, и её можно было перейти вброд. 4-я Индийская Дивизия и поляки атаковали на более высоком участке местности справа от нас. Когда мы подошли к реке, она показалась мне другой, чем несколько дней назад, когда я проходил здесь в патруле. На противоположном берегу, примерно в 50 ярдах от воды, появилась полоса кустарника, которую я не помнил. Я сказал об этом нашему командиру взвода, лейтенанту Бэшли (Bashley). Он ответил: «Ты, наверное, ошибаешься. Может, это было другое место, которое ты запомнил?» Мы переправились, не встретив никакого сопротивления, что было странно. Но как только передовое отделение подошло к этому «кустарнику», загрохотали взрывы один за другим. Это был вовсе не кустарник, а плотная полоса колючего терновника, которую *джерри* специально натаскали сюда. Она была усилена колючей проволокой и противопехотными минами.

Те, кого не зацепило, бросились искать укрытие. С другой стороны заграждения в нас полетели гранаты, а затем открыли огонь *шпандау*. Кто-то вызвал огонь дымовыми снарядами, и когда они начали падать, мы отошли обратно за реку. Раненых мы унесли с собой — среди них был и лейтенант Бэшли. Он был в очень тяжёлом состоянии, но каким-то образом ещё был жив. Я так и не узнал, выжил он или нет. Позже наша артиллерия принялась молотить по этому месту, пока оно не превратилось в сплошную кучу грязи. Роты *A* и *D* прошли вперёд и закрепились. Произошедшее можно было назвать скорее стычкой…

Немцы скрытно усиливали свои позиции. На местности было столько вражеских пулемётов, что передвигаться становилось почти невозможно. Начальство решило дать «парням из Королевских ВВС» попробовать подавить часть этих огневых точек. Мы отошли на заранее намеченные позиции и надеялись, что бомбардировщики будут точны. Мы услышали их задолго до того, как увидели. Казалось, их были десятки. Зенитного огня не было, вражеских истребителей тоже. Для лётчиков это, должно быть, было как учебный вылет. Мы видели, как падают бомбы, и затем поднялся шум. Это был непрерывный рёв и грохот; тот странный звук, который издаёт бомба, взрываясь в здании. Это была убийственная бомбардировка — точная, «научная». Ударные волны расходились, и оставались только огромные облака пыли и языки пламени, взмывающие в воздух.

Поступил приказ: мы идём на зачистку того, что осталось. Мы двинулись вперёд, и немцы начали вылезать из каждого камня и кирпича — некоторые выползали из дыр в завалах, всё ещё стреляя. Они пытались контратаковать, но бомбёжка стала для них потрясением, и они действовали неорганизованно, хотя дрались отчаянно. Один за другим очаги сопротивления были уничтожены. Пленных не было: эти дрались до последнего. Был один немец - оружия у него уже не осталось — он просто стоял и ждал смерти. Один из гуркхов сказал ему: «Убирайся отсюда к чёрту, быстро!» Немец повернулся к нам и закричал: «SIEG HEIL! SIEG HEIL!» Больше он не сказал ни слова. Затем раздалась очередь из пулемёта, и немец рухнул рядом со своими товарищами. Одной очереди хватило. Ещё один «хороший немец».

Однажды ночью мы были в разведывательном патруле, когда услышали крик и мужской голос из темноты. Мы завернули за угол и увидели сикха из 4-й Индийской Дивизии, который боролся с девушкой. По виду её одежды было понятно: он пытался её изнасиловать. Наши ребята оттащили его и были готовы наказать прямо на месте, но мы решили отвести его обратно к своим и дать им разобраться с ним по их правилам. Тогда я не представлял, каким будет наказание, но на следующий день мы услышали, что его казнили. Таков был их закон.

Между выходами на патрулирование нормально поесть, обсохнуть и согреться было почти невозможно. Дождь, казалось, не прекращался никогда, и условия, в которых мы находились, становились всё хуже. Весь наш небольшой сектор фронта просматривался с трёх сторон с высот, занятых противником, и при наличии более чем сотни незахороненных и недоступных тел, разбросанных по прилегающей местности, это было место, откуда мы

больше всего хотели уйти. Думаю, больше всего мы боялись ранений от мин. Противотанковые мины типа *Теллер/Tellermine 35 Stahl* были не так страшны: они были большими, предназначенными для подрыва танков и машин. Они убивали сразу. Мы боялись маленьких мин. *S-Мина* сидела в земле, и из неё торчали три стальных усика. Если наступить на один из них, срабатывал взрыватель. Секундный запал хлопал, затем мина взрывалась и подпрыгивала на три-пять футов вверх, после чего взрывалась снова. Эти мины были начинены шариками от подшипников, которые могли сдирать плоть с костей. Если тебе везло, и ты слышал щелчок, наступив на неё, ты мог упасть плашмя лицом вниз — и тогда мина взрывалась у тебя над спиной. Если повезёт…

В городе в последнее время было довольно тихо, так что, думаю, кто-то в штабе решил «оживить обстановку». Как бы там ни было, именно нас выбрали для патруля. А поскольку у нас было три новых капрала без боевого опыта, решили, что лучше всего мне пойти вместе с ними. В последнее время было много активности вокруг Замковой Горы, так что это и была наша цель: осмотреться. Мы были на окраине Кассино, когда начался артиллерийский налёт. Казалось, что все орудия в округе нацелены именно на нас. Огонь вели миномёты и 88-миллиметровки, и взрывы ложились всё ближе. Двух ребят впереди меня взрывом подкинуло в воздух, а меня ударной волной отбросило назад в огромную воронку от снаряда, в которой было воды по колено. Передо мной пробежала большая коричневая крыса — я аж вздрогнул. Я попытался подняться, но поскользнулся в грязи. Начал выбираться на четвереньках. Добравшись до края, я осторожно выглянул и нос к носу столкнулся с немцем. Мы оба опешили. Я чуть сполз назад, а немец выпрямился. Я не мог в него выстрелить: дульная часть моего *Брена* была сплошным комком грязи. Если бы я попытался нажать на курок, пулемёт бы разорвало. Немец вдруг перехватил винтовку по-другому. Я понял почему: его винтовка была искривлена и сломана. Он собирался убить меня прикладом. Когда он замахнулся, я каким-то образом увернулся, схватился за винтовку, и началась борьба, словно перетягивание каната. Вдруг он перестал тянуть, и я поднял глаза: у него была только половина лица. Там, где должны были быть нос и подбородок, было сплошное кровавое месиво, кровь била струёй. И тут раздался крик: «Ты что, всю ночь там стоять будешь, сержант? Я хочу вернуться и выпить чаю!» Это был Дэппер (Dapper), один из *старичков*, с которым я познакомился ещё в Клэктоне. Он увидел, что происходит, и дал несколько очередей из своего *Томпсона/Thompson*, убил немца и спас мне жизнь. Больше об этом никогда не говорили. Из десяти человек, вышедших в тот патруль, обратно вернулись только пятеро. Капрал Уайэтт получил несколько осколков в спину и зад, и теперь он только и делал что стонал, что теперь не может сидеть. Он был выведен из строя, по крайней мере, на несколько недель. Мы все почувствовали себя лучше после горячего чая и появившихся откуда-то бутербродов с сосиской. На следующий день мы сменили *Хэмпширцев*.

Очень неприятное чувство появлялось где-то внизу живота, когда ты слышал, как по другую сторону холма проходят танки, и никто не знал, не появятся ли они вдруг прямо перед тобой. С танками мы еще как-то могли справиться. Но чего мы не переносили — так это вражеских огнемётов. Они были хуже всего из того, чего я боялся. Они могли выбрасывать струю огня на 200 ярдов. Горящая жидкость была похожа на густое желе, и, если тебя задевало даже немного — она прилипала и обжигала просто адски.

Во время затишья майор пришёл к нам и сказал, чтобы мы вынесли всех раненых, кого сможем. До затишья был сильный миномётный обстрел, и много ребят лежали там ранеными. Санитары ушли, но ещё не вернулись, так что работа досталась нам. Ребята притащили одного раненого. Он был в ужасном состоянии, и когда его положили на носилки, он умер. Его карманы были набиты вещами, снятыми с трупов: кольцами, часами, немецкими медалями и всякой всячиной. Когда-то такой человек вызвал бы отвращение, но теперь мы не чувствовали этого. Он был просто курьезным случаем. Он был мёртв. Эти трупы, [которые он обчистил], были не его рук делом – это было наших рук дело. Это день был для меня черным. Одним из раненых, которых принесли, оказался Дэппер — человек, с которым я служил ещё с первых дней в Клэктоне-он-Си, солдат, который всего два дня назад спас мне жизнь. Он умирал очень быстро. Он звал мать и плакал, а я держал его за

руку, пытаясь утешить, но он ушёл в небытие. Больше ему уже не о чем было беспокоиться.»

Эдвард Карр рассказывает о Третьем Сражении:

«Ровно в 08.30 над городом появилась первая *Летающая Крепость (B-17)*. Над городом стали один за другим пониматься столбы чёрного дыма. Снова и снова мы наблюдали, как взрываются бомбы. Сначала была слабая, вялая зенитная стрельба, а потом всё стихло. Одна авиационная группа сбросила бомбы на деревню Венафру в пятнадцати милях отсюда. Позже мы узнали, что там погибло 140 мирных жителей. Одна бомба попала в марокканский госпиталь — погибло ещё 40 человек. Ещё около 40 человек было потеряно на артиллерийских позициях союзников, кроме того, бомбы накрыли штаб 8-й Армии. По счастливой случайности, всё высшее начальство там отсутствовало. Ротный сержант-майор процитировал герцога Веллингтона (Wellington), вспомнив слова, которые он произнес после смотра своих войск: «Не знаю, какое впечатление они произведут на врага, но меня они пугают до смерти». Эта фраза превосходно охарактеризовала этот налёт.

Пока продолжалась бомбардировка, 7-я Бригада из состава Индийской Дивизии всё ещё оставалась застрявшей на гряде Змеиная Голова. Они не могли спуститься, и никто не мог подняться к ним. У них не было ни еды, ни боеприпасов, и, находясь под постоянным снайперским огнём, они не могли выбраться из укрытий, чтобы убрать погибших после предыдущего боя. Из-за этого воздух вокруг их позиций стал почти невыносимым.

Мы все завидовали экипажам британских бомбардировщиков, которые прилетели из Англии, сбросили бомбы, затем перелетели через Средиземное море в северную Африку дозаправиться, а потом отправились обратно на базы в Англию. Если их не сбивали по дороге, они успевали домой к позднему чаю и в сухую постель. В полдень бомбёжка прекратилась, и новозеландцы первыми двинулись в Кассино по дороге: танки впереди, пехота следом. Перед ними ложился *ползущий огневой вал,* и именно за ним шли *киви*.

К 13.00 стало настолько темно, что у нас остался единственный способ двигаться вперёд — держаться за ножны штыка человека впереди. Дождь к этому времени превратился в настоящий ливень, заполняя воронки и превращая их в маленькие озёра, а между завалами образовывалась грязная, вонючая каша. Наши сапоги, носки и форма промокли насквозь. Мне приходилось постоянно ходить вдоль отделений, чтобы убедиться, что они ещё на месте. Для половины людей это был первый настоящий бой, и, будучи мокрыми до нитки, они были не в восторге. Нам бы хоть немного сухой погоды, чтобы поднять настроение. Город, когда мы в него вошли, был кошмарным зрелищем. Дорог и троп не осталось — ничего, что можно было бы узнать. Только горы камня, кое-где торчащие стены и повсюду воронки, из которых приходилось выбираться на карачках. Если ты соскальзывал в такую воронку со всем снаряжением, ты даже мог утонуть. Все наши схемы и абрисы, сделанные до бомбёжки, теперь стали бесполезными. Противник занял позиции на развалинах отеля *Continental Plaza*, на площади, которую называли *Baron's Place*, и также на развалинах отеля *De Roses*. Мы обнаружили, что наши радиостанции работают плохо, потому что их постоянно окунали в воду и вытаскивали обратно.

Но была и хорошая новость. Ранее мы заметили движущиеся фигуры и выяснили, что это полк гуркхов, который продолжал двигаться вперед даже во время бомбёжки: они прошли через немецкие позиции и сумели пробиться к индийцам, которые были изолированы наверху. Наша цель снова была та же — железнодорожная станция. Я участвовал в атаках на нее там столько раз, что она стала мне как старый знакомый.

Теперь был пятничный день. Сражение началась в среду. Сегодня справа от нас был Эссекский/Essex Полк, а слева — новозеландцы. Пробираясь через завалы, мы увидели, как из-за стены показался немецкий патруль. Капрал Райт (Wright) открыл огонь одновременно со мной. Трое упали, остальные залегли в укрытии. Лейтенант Янг крикнул:

«Гранаты! Кидайте их туда!» Один или двое парней бросили гранаты в сторону немцев. Нам повезло: на этом с остатками [вражеского] патруля было покончено. Мы подошли и внимательно их осмотрели. Для некоторых ребят это был первый раз, когда они видели немцев так близко. Обычно они видели их только в 50-100 ярдах через прицел винтовки. Проверив знаки различия, мы выяснили, что это были солдаты 1-го Парашютного Полка — одного из элитных формирований Гитлера. Ребят это приободрило: приятно было думать, что они снова вышли победителями в схватке с отборными войсками.

Именно в это время *джерри* решили сами перейти в атаку. Они вышли из укрытий и стали спускаться с Монастырского холма. От первого крутого серпантина, где было достаточно укрытий, примерно с батальон немцев побежал вниз по склону, а танки на дороге выше них открыли прикрывающий огонь. Но до станции они не добрались: с нашей стороны по ним открыли сокрушительный огонь сразу три части, их поддержали новозеландские танки. Атака захлебнулась. Остатки откатились обратно к позиции на повороте серпантина, оставив много убитых. Позже они попробовали еще раз и снова были отброшены. Один раненый немец сказал, что в первой атаке они потеряли около 200 человек. Они не знали, что наши части здесь настолько сильны. Новозеландцы заняли станцию, а мы отошли назад к отелю *Continental* (не знаю, почему мы называли его так - настоящее его название было *Excelsior*. Мы закрепились там. Кто-то принёс нам чай и бутерброды с тушёнкой. Мы уже удерживали большую часть города: Замковую Гору и, на данный момент, железнодорожную станцию.

На следующее утро одна рота попала под огонь из старого здания, которое, как считалось, было у нас в руках. Полковой сержант-майор сказал: «Прикройте меня, я пойду посмотрю, что там и как.» Он пробрался прямо к зданию и, используя свой отработанный на плацу командный голос, начал корректировать огонь. Через некоторое время из здания вышла горстка немцев и сдалась ему. Он поговорил с пленными, как это умеют делать старшие подофицеры: пригрозил им, они что-то прокричали своим товарищам — так, чтобы слышали все вокруг, кто наблюдал. Мы были поражены, когда увидели, как из здания вышло ещё около сорока человек с поднятыми руками и сдались ему. Среди них были и итальянцы: хотя Италия официально капитулировала перед союзниками, некоторые из них всё ещё воевали вместе с немцами.

Тем, кто находился в городе, было легче, чем тем, кто закрепился на высотах: там они могли получить еду и боеприпасы только в перерывах между обстрелами и при подходящей погоде. В конце концов гуркхов и индийцев пришлось вывести с Виселичного Холма: их невозможно было снабжать, а их численность постоянно уменьшалась. Это сделали под прикрытием новозеландцев. Сразу после 20.00 восемь офицеров и 177 солдат (из четырёхсот, которые поднялись туда семь дней назад) спустились с горы между двумя стенами артиллерийского огня. Когда они прошли, за ними вниз спустились и новозеландцы. Я никогда не видел людей, которые выглядели бы настолько изможднными, хотя те, кто был там, отмечали их удивительную бодрость. Нужно сказать добрые слова о гуркхах, которые провели 7–8 ночей на Виселичном Холме — открытом скальном выступе, на участке примерно 200 ярдов на 200 ярдов. Они жили в неглубоких окопах, вырытых прямо в воронках, или за плохими каменными брустверами, которые индийцы называли *сангарами*. Они шли налегке: боеприпасы были важнее всего, шинели они оставили… Ледяной ветер, ливни, ночная температура значительно ниже нуля и единственный источник воды — воронка, наполненная дождевой водой. Когда она закончилась, они нашли колодец в разрушенном доме, который помог им некоторое время, но, когда уровень воды упал примерно до четырёх футов, на дне они обнаружили мёртвого мула. Хуже всего было с едой. Они выживали на американских *K*-рационах - маленьких аварийных сухпайках, рассчитанных на один приём пищи одним человеком, что позволяло продержаться день-другой. Лучшее из того, что доставалось гуркхам, — это две порции на четырёх человек на сутки.

Для меня самым трогательным зрелищем на этих горах, заваленных трупами, осталось гуркхское кладбище. Могилы казались слишком маленькими — гуркхи сами по себе были

парнями невысокими. У одного конца могилы всегда стояли ботинки, у другого — каска. Ряды маленьких ботинок всегда производили на меня впечатление, будто это детское кладбище…

Эвард Карр рассказывает о Четвертом сражении:

В 23.00 [11 мая] артиллерия разорвала ночную тишину на куски. Позже я узнал, что было задействовано 1 600 орудий. Если оглянуться назад, холмы казались мерцающей линией. Впереди долины и овраги эхом отражали грохот разрывов: в воздухе стояли непрерывный грохот и визг снарядов, пролетающих над головой. Мы были рады, что не оказались на той стороне, куда всё это падало. Дым был повсюду. Разные командиры приказывали ставить дымовые завесы, не согласовывая друг с другом. В результате дыма стало столько, что никто ничего не видел. Мы переправились через реку вместе с индийцами и создали нечто вроде плацдарма. Нас прижали к земле, и мы держались буквально на честном слове. Враг постоянно атаковал, и нам нужна была поддержка. И тут, к изумлению солдат, к берегу реки позади нас медленно подъехал танк, неся на себе мост *Bailey/Бейли*. За ним шёл второй танк, передней частью сцепленный с концом моста. Первый танк вошёл в реку и медленно дошёл до середины, после чего затонул — экипаж покинул машину. Тогда второй танк медленно протолкнул мост на наш берег, где его быстро закрепили. Канадские танкисты и инженеры проделали колоссальную работу: через считанные минуты по мосту уже шли танки и били по вражеским позициям. Мы закрепились на плацдарме.

Пока всё это происходило, поляки начали пробираться между глыб через заросли, прокладывая себе путь вперед по земле, усеянной трупами, оставшимися после прошлых боев. Пулемёты, будто выросшие из-под камней, косили их как кегли. Но они просто продолжали идти вперед. Рукопашный бой — и наконец они достигли своей цели. Но к рассвету от них осталась лишь горстка людей, и когда солнце поднялось, враг начал уничтожать их одного за другим, потому что укрытий почти не было. Им невозможно было прислать подкрепления и необходимые припасы. Они были одни. Приказ на отход они получили только поздно днём. Они сделали очень большое дело ценой огромных потерь, но дали британцам, индийцам и французам то дополнительное время, которое позволило выполнить поставленную перед ними задачу…

Плацдарм за Рапидо постепенно расширялся. Идея была продолжить наступление, окружить Кассино, атаковать день и ночь, смириться с тем, что твои потери тяжелее, чем у врага, пока у него не останется сил, чтобы держать оборону дальше. В 10.30 утра 18 мая польский отряд прошёл по склону от Пункта *593* и занял то, что осталось от аббатства. Немцы ушли ночью, в темноте, они сумели ускользнуть. Они оставили после себя нескольких тяжелораненых и двух подростков из *Гитлерюгенда*, которых эсэсовцы прибили гвоздями к большим дверям, которые ещё стояли. Это был урок от СС за то, что эти ребята «недостаточно хорошо дрались». Им было примерно 14 или 15 лет, и оба были мертвы…»

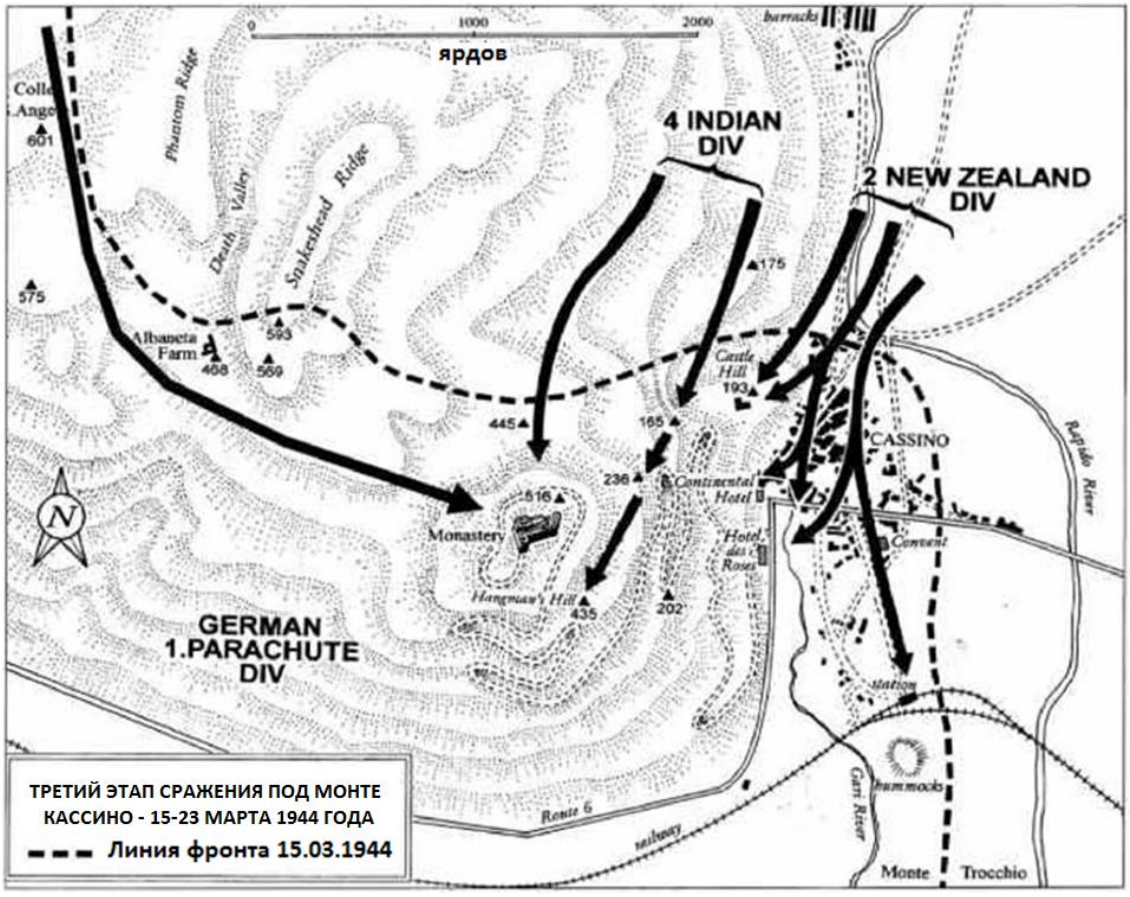
Британцы вспоминают бои у Замковой Горы – середина марта 1944 года

Рядовой **Том Стрингер (Tom Stringer)** вспоминал, что батальон *эссексцев*, в котором он служил, получив приказ об атаке, не преисполнился энтузиазма: «Когда мы увидели, то, что стояло перед нами, мы все подумали – это безнадежное дело. Нам рассказали о том, что нам предстоит. Помню, как майор Бизли *(Jack E. Beazley, командир Роты B - ВК)* сказал, что это будет лобовая атака. Я засмеялся и подумал, что он шутит. Так он сказал, что никто не ожидает фронтальной атаки, и этим мы застанем противника врасплох.»

Вид на высоты с востока на запад

Первым шагом на пути к монастырю должно было стать занятие средневекового замка, на вершине изолированной высоты, находившейся на подступах к монастырю. Она получила у союзников прозвище *Замковая Гора/Castle Hill)*. Она была взята под контроль Ротой *D* 25-го Батальона новозеландцев в поздние послеполуденные часы 15 марта после бомбардировки города.

Схематическая карта атак союзников на Замковую Гору и высоту Hangman

Батальон 1/4, возглавив атаку 5-й Индийской Бригады, должен был сменить новозеландцев, вместе с *гуркхами* и *раджпутанцами* подняться на склон горы Кассино и занять высоту *Hangman/Вешатель*, расположенную в всего 300 ярдах от монастыря. Эта высота получила такое название, потому что на ее вершине просматривался пилон, издалека напоминавший виселицу.

Собравшись на высоте *Hangman,* индийцы и британцы из 5-й Бригады должны были атаковать монастырь и оседлать *Шоссе 6,* ведущее в сторону Рима. Это был простой и прямолинейный план из числа тех, про которые говорят, что он был *гладким на бумаге*. Батальон1/4 начал подъем в гору около 19.00 17 марта, уже в полной темноте. При этом обстрелы с немецкой стороны продолжались и после ее наступления. *Эссексцы* продвигались вдоль белых лент, оставленных на местности новозеландцами. Вспоминает сержант **Билл Хокинс (Bill Hawkins)**: «Новозеландские саперы протянули белые ленты, вдоль которых мы должны были продвигаться. Их разрывало [осколками и пулями] на куски. Идешь вдоль ленты и неожиданно упираешься в пустоту, там, где ленты больше нет, и ты не знаешь, в правильном ли направлении ты двигаешься.»

Британцы на склонах горы Кассино

Вероятно, было бы лучше, если бы впереди шли *гуркхи*. Горы были их привычной природной средой, тогда как выросших на равнинах британцев крутые склоны быстро изматывали. Это станет очевидно командованию союзников позднее, а сейчас подъем на *Замковую Гору* возглавила Рота *А Эссексцев*, за которой следовала Рота *С*. Ее командир, майор **Деннис Беккетт** (**Dennis Beckett,** 1917-2016, на фото слева**)**, шел впереди своих солдат. У входа в замок его приветствовал новозеландец следующими словами: «Почему это заняло у вас столько времени, приятель?»

К полуночи Батальон 1/4 полностью сменил своих предшественников. К этому моменту две последние роты *Раджпутанцев*, следовавшие за *Эссексцами*, понесли

тяжелейшие потери от артогня противника - в будущем они не примут заметного участия в боях в этом секторе. Рота *С Эссексцев*, все еще в полной темноте, отбила у немцев *Пункт 165* – одну из важнейших дорожных извилин [на пути к высоте *Hangman*], и две роты – *А* и *В* – 1-го Батальона *Раджпутанцев* прошли через нее, рассчитывая в дальнейшем взять *Пункт 236* – важную укрепленную позицию немцев и наблюдательный пункт. На часах было уже 04.30. Немцы увидели, что они готовятся к атаке, и обрушившийся на индийцев артиллерийский и пулеметный огонь заставил их отступить к замку.

Третий батальон бригады – 1/9 *гуркхов*, получил приказ быстро проскочить позиции *Раджпутанцев* после того, как они займут *Пункт 236*, и проследовать к высоте *Hangman*. Его командир, подполковник **Джордж Нэнгл (George Nangle)**, оказавшись в сложной ситуации, в итоге, решил развернуть роты *А* и *В* рядом с замком и послать вперед роты *С* и *D*, чтобы они продвинулись вперед как можно дальше. Ведущая к высоте *Hangman* дорога оказалась забитой людьми. Роты *С* и *D* стали продвигаться вперед в стороне от нее, и их пути разошлись. Рота *D* попала под шквальный огонь немецких пулеметов, потеряв в течение минуты 15 человек. Контакт с Ротой *С* был потерян, и в штабе бригады могли только предполагать, что с ней случилось то же самое.

На следующий день *Раджпутанцы* еще несколько раз атаковали *Пункт 236*, то занимая его, то снова отступая после немецких контратак. Около 14.00 пришли первые обнадеживающие новости. Пропавшая ночью рота *гуркхов* добралась до высоты *Hangman*, выбила оттуда немцев и заняла позиции в 300 ярдах от ворот монастыря. Эти люди вышли к цели в стороне от существующей дороги и застали противника врасплох.

Теперь все усилия британских командиров были сосредоточены на том, чтобы перебросить к этой высоте остальных *гуркхов*. Подъем вверх по склону начался в 20.00. Закрепившиеся к раннему утру 18-го на высоте *Hangman гуркхи* не собирались оставаться там слишком долго, и, оставив при себе достаточное количество боеприпасов, избавились от своих пищевых рационов, чтобы облегчить последний рывок вверх по склону. Теперь немцы понимали, что им необходимо сделать все возможное, чтобы удержать под своим контролем *Пункт 236* и что значительные силы союзников находятся на выгодном рубеже для решающей атаки на монастырь. Стоило им изолировать *гуркхов,* это могло бы привести к срыву наступления союзников в целом.

В Журнале Боевых Действий (ЖБД) *Эссексцев*, занимающих замок, тем временем, появились записи, указывающие на серьезные проблемы, вызванные огнем немецких снайперов, в связи с чем штаб батальона призвал на помощь новозеландцев. Однако уже вскоре *Эссексцы* получили приказ оставить замок: перед ними была поставлена новая боевая задача. Командование приняло решение перебросить весь Батальон 1/4 на высоту *Hangman* на усиление *гуркхов*, готовившихся к штурму монастыря. Теперь ротам *В* и *D* предстояло осуществить ночной подъем по склону горы Кассино под проливным дождем. *Эссексцев* должен был сменить Батальон 4/6 *Раджпутанцев*.

Вспоминает рядовой **Кевин Бонд (Kevin Bond)**: «Мы поднимались в гору, темно было, хоть глаз коли. Мы были под огнем артиллерии и пулеметов, мы скользили и сползали вниз. Это было кошмаром. Люди падали куда-то вниз, и больше мы их не видели. Терять нам было нечего, только и оставалось, что падать на камни и припадать к ним. Так мы и делали снова и снова.» За ротами *В* и *D* должны были проследовать роты *А* и *С* сразу после прибытия *Раджпутанцев* на *Замковую Гору*.

Немцы срывают планы британцев

Затем случилось то, что остановило продвижение людей вверх по склону. Незадолго до 6 часов утра шесть человек из Роты *В* неожиданно вернулись к входу в замок и сообщили о том, что видели большую группу немцев, направляющихся к замку со стороны монастыря.

Офицерам и солдатам рот *B* и *D*, столкнувшимся с вероятной контратакой противника, предстояло решить, продвигаться дальше к высоте *Hangman* или отступить к замку: в итоге, лишь около 70 из них доберутся до позиций *гуркхов*. Многие их них были убиты и ранены по дороге и в первой же стычке с немцами. Среди раненых был **Том Стрингер**: «Итак, мы тронулись в путь. Прошло, думаю, где-то с полчаса, и мы услышали чьи-то голоса… Кто-то выпустил осветительную ракету, и мы увидели множество людей на склоне монастырской горы. Мы открыли огонь, и я помню, как мою винтовку заклинило после трех выстрелов… Я подумал: надо убраться куда-нибудь отсюда. Было все еще очень темно, и, как только я сдвинулся с места, прилетела граната. Так для меня все и кончилось… Начало светать. Мне размозжило левую руку, кровь стекала с голени и с подбородка, и я чувствовал, что теряю сознание. Тут я увидел солдат, продвигающихся к замку, и подумал: лучше я не буду двигаться, пусть я буду выглядеть трупом. Мне показалось, что я пролежал там бесконечное количество времени… Я знал, что мне нужна срочная медицинская помощь. Тут я увидел двух немцев с носилками и попросил о помощи. Один из них наложил турникет на мою руку и шину на мне на ногу, сделал повязку на подбородок. В общем, они хорошо поработали…»

Немцы вынесли Тома Стрингера с поля боя, после чего он остаток войны провел в плену.

Первая атака немцев

Вспоминает майор **Беккетт**: «Я закончил сменную процедуру в *Пункте 165* вместе с [Батальоном] 1/6 [Раджпутанских Стрелков] и в 03.30 и собрал свою роту в замке. Фрэнку [майор Фрэнк Кеттели (Frank Ketteley), командир Роты *A*] и мне пришлось тронуться в путь на два часа позднее рот *B* и *D*… В 04.00 Роты *B* и *D* покинули замок… Незадолго до 05.00 сержант-майор Кокс (Cox) и примерно шесть человек из Роты *B* прибежали назад, чтобы сообщить, что в направлении замка продвигается очень большая группа немцев, которых они сначала приняли за индийцев-носильщиков, пока не разглядели их каски. Мы были [на тот момент] в крайнем беспорядке. Предполагалось, что 1/6 займет оборонительные позиции, но, на самом деле, большая часть наших людей все еще подготавливала их. Мы попытались раздать провиант и боеприпасы и привести в порядок оружие, которое за день до этого, под обстрелом, было засыпанным камнями и пылью.

Стрелки из Роты В Эссексцев позируют фотографу на оборонительной позиции в минуты затишья. 16 марта 1944 года

Майор Фрэнк Кеттели, на тот момент старший офицер на *Замковой Горе*, которая уже была под хорошо скорректированным артиллерийским и пулеметным огнем немцев, быстро рассредоточил *Эссексцев* по оборонительным позициям. Немцы повели обстрел со стороны монастыря, города и огневых точек между ними, прижав британцев к камням. По словам Беккетта, «ситуация была следующей: 1/6 занимал *Пункт 165*, 1/4 и части 1/6 – *Пункт 193*. Контратака противника началась с интенсивного пулеметного обстрела, накрывшего двор замка… Ничего подобного я раньше не видел – они вели огонь со всех сторон. Это продолжалось примерно 10 минут, после чего они пошли вперед. Фрэнк отдал приказ *к бою*, и все побежали на свои огневые точки. Индийцы, само собой, толком не знали, что им делать, и постепенно столпились в тыловой части замка, хотя некоторые из них храбро сражались, обороняя внутренний двор. Я не стану их критиковать, поскольку деваться им было особо некуда, ведь мы уже заняли все укрепленные позиции, и на оборонительном периметре оставалось слишком мало места для кого-либо еще…

Мы не могли использовать артиллерию, потому что не знали, что происходит с *Раджпутанцами* и нашими, все еще находившимися перед замком. Наши минометы не были пристреляны. Оставалось вести ружейно-пулеметный огонь… Люди немного дрогнули от интенсивности вражеского огня, поэтому, в большей степени, чтобы приободрить их, чем добиться чего-либо еще, я … выпустил с десяток 2-дюймовых мин по волне атакующих. Их первая атака была близка к успеху. Один или двое немцев попытались проникнуть во внутренний двор, многие были остановлены в нескольких ярдах от стен замка. Мы сорвали их атаку гранатами *Миллза*, автоматами и *Бренами*.»

В этой атаке участвовали 200 немецких парашютистов, продвигавшиеся со стороны *Пункта 236*. Они смяли по пути позиции его защитников и начали забрасывать замок гранатами, бросая их поверх стен. Майор Беккетт, взяв на себя руководство обороной, пока Кеттели держал связь со штабом батальона, мог рассчитывать только на гранаты и ружейно-пулеметный огонь своих людей, поскольку вызов артиллерийского огня мог привести к потерям среди британцев, все еще находившихся на соседних склонах. Вот что он рассказывал: «Фрэнк теперь был полон желания принять более активное участие в схватке и пополз вперед, чтобы разобраться с пулеметчиком, который доставил нам много проблем. Это был тот самый парень, который немногим ранее дважды несильно ранил меня в руку и шею. К сожалению, этот *бош* опередил Фрэнка: пуля попала ему в голову, и он вскоре скончался. Мы швырнули множество гранат *Миллса* в направлении этого пулеметчика, и после этого он уже не досаждал нам, так что, полагаю, мы с ним покончили. Вскоре после этого мы увидели, как в небо поднялась белая ракета, и ружейно-пулеметный огонь сменился артиллерийским и минометным, так что, как мы поняли, первая контратака была отбита.»

Между первой и второй атакой Беккетт увидел раненого солдата за пределами замка, и с белым флагом, в сопровождении одного из своих людей, вышел на открытое пространство. Пока они выносили раненого, по ним не было сделано ни одного выстрела. Беккетт, прежде чем закрыть ворота замка, повернулся и, по его словам, «сделав в чем-то театральный жест, отсалютовал тем, кто был там, выше по склону: так я отблагодарил их.»

Следующие несколько часов стали определяющими. Вспоминает Беккетт: «Я приступил к оценке нашего положения. Все было не то, чтобы замечательно. У нас под рукой осталось восемь 2-дюймовых фугасных мин, 12 гранат, большое число *Томпсонов* и, по счастью, полно [винтовочных] патронов калибра *.303*. Мы потеряли немало хороших ребят под первым пулеметным обстрелом, … многие были ранены, пытаясь занять огневые позиции на стенах…

Вторая атака немцев

…Затишье продолжалось недолго. Противник воспользовался преимуществами, полученными в ходе своего первого броска вперед, чтобы занять очень удобные позиции, и на этот раз начал с того, что забросал нас градом ручных гранат. Но и мы теперь были лучше подготовлены: я связался со штабом батальона, чтобы организовать мощный пулеметный обстрел западной окраины замка. Хорошо проявили себя и 3-дюймовые минометы, хотя было трудно найти точку, чтобы наблюдать за противником [и корректировать их огонь]. В итоге я забрался на вершину стены, выставив голову и плечи, и поступил как полный дурак, сделав это. Все, чему меня учили в офицерской школе, должно было вбить мне в голову, что это недопустимо, но у меня не было другого выбора. Короче, какой-то *бош*-коротышка кинул в меня гранату, и, вот удача, она не попала мне в голову.

По счастью, наш огонь был скорректирован до того, как это произошло, так что было приятно услышать, как стучат *Виккерсы*. Думаю, они слегка прижали *бошей*, потому что нам удалось немного перегруппироваться. Сразу после этого я получил сообщение от Робина Освальда (Robin Oswald), командира 52-й Батареи (1-й Полевой Дивизион), в котором говорилось, что во дворе замка нас осталось совсем мало и на исходе боеприпасы. Они [артиллеристы] понесли большие потери от гранат *бошей* и были в трудном положении. Был организован небольшой отряд под командованием Дага Бича (Doug Beech), в который вошел Ронни Алф (Ronnie Ulph) и еще 12 человек из Роты *C*, занявшиеся подносом боеприпасов. Чтобы прикрыть их, мы разместили *Брены* в линию вдоль стены с внутренней ее стороны и повели огонь через дыры, в то время как идущие впереди парни из этого отряда пробивались к нашим, ведя огонь из *Томпсонов*. Они сделали свое дело без потерь, насколько я помню. Двор замка стал ареной самого ожесточенного боя. Трижды *боши* пробивались вовнутрь, несколько раз забирались на стены, но каждый раз были отброшены.

Со стороны, обращенной к Кассино, капрал Паркер (Parker), ведя огонь со своей точки с вдохновляющим всех спокойствием, остановил атаковавших своим огнем в нескольких ярдах перед собой, а потом забросал их гранатами.

По окружности башни были бойницы для лучников. Их использовали пулеметчики с *Бренами*, и *боши* быстро разглядели, какую опасность они представляют. Я видел, как трое парней были убиты один за другим – они были поражены выстрелами в голову, и один паренек из Роты *B*, взяв винтовку, сказал: «Я разберусь с ним, сэр.» Он выжидал какое-то время, пока над стеной не появился силуэт этого стрелка, и убил его. Привели взятого в плен раненого немца, который рассказал, что около 200 из них были собраны для первой контратаки, а для второй – всего 40. Он сказал, что они [для этого] вышли из монастыря.»

Бой часто переходил в рукопашные схватки, но британцы взяли вверх, и эта атака была отбита. В 07.50 в ЖБД батальона появилась следующая запись: «Штаб бригады передал сообщение ротам *A* and *C*: вы проделали отличную работу.»

Трупы британских и немецких солдат после очередной схватки…

После того, как была отбита вторая атака, немцы также появились перед замком с белым флагом. Беккетт связался со штабом, сообщил, что немцы просят перемирия для сбора раненых, и попросил разрешения на это. Ему дали 30 минут, после чего британцы выпустили 25-фунтовый снаряд, вынудив всех, находившихся перед замком, уйти в укрытия или занять боевые позиции. В эти полчаса солдаты противоборствующих сторон помогали друг другу, обменивались сигаретами и даже присаживались вместе, чтобы покурить. Рассказывает **Билл Хокинс**: «Напротив наших позиций было очень много раненых, и они [немцы] хотели вынести их…Там были наши, были новозеландцы, индийцы, немцы. Мы не разбирались, мы оттаскивали всех их в замок, и немцы на своей стороне делали то же самое.» Ему вторит капрал **Джон Тидер (Jogn Teeder)**: «Они были очень хорошими парнями. Один *джерри* очень помог мне. Он говорил по-английски и помогал укладывать раненых на носилки и оттаскивать их в замок…»

Вслед за этим Беккетт получил сообщение о том, что в окрестностях *Замковой Горы* находится Батальон 2/7 *гуркхов*, готовый к продвижению в направлении высоты *Hangman* на усиление своих соотечественников, удерживающих ее вместе с теми *Эссексцами* из рот *B* и *D*, которые успели присоединиться к *гуркхам* ночью и не попасть под контратаку немцев. Казалось, вскоре у британцев будет достаточно сил, чтобы осуществить решительную атаку на монастырь, но Беккетт решил по-другому. Он счел, что удержание замка является на тот момент приоритетом и Батальон 2/7 должен оказать ему поддержку в этом. Марш к высоте *Hangman* в дневное время под огнем противника грозил тяжелыми потерями и потерей боеспособности Батальоном 2/7.

Последняя атака немцев

Вспоминает майор **Беккетт**: «Из штаба батальона сообщили, что следует ожидать третью контратаку, и спросили, точно ли то, что в *Пункте 165* нет никого из наших. Капитан Дженкинс (Jenkins) из Батальона 1/6 сказал, что уже два часа не имеет контакта со своими людьми и предполагает, что их позиции смяты. После этого наши начали интенсивный обстрел этого пункта, а как только немцы пошли в атаку, на них обрушился шквал артиллерийского, минометного и ружейно-пулеметного огня. Больше немцы не контратаковали».

В ходе третьей и последней атаки небольшая группа немцев подползла к стене замка о подорвала взрывной заряд, в результате чего в ней образовался большой просвет. Взрыв похоронил под обломками около 20 *эссексцев*, включая капитана Бича. Немцы ворвались в просвет, но были скошены градом пуль, часть их была взята в плен.

На высоте *Hangman*

Из 70 солдат и офицеров рот *B* и *D*, сумевших добраться до Высоты *Hangman*, 30 были ранеными. Рядовой Тедди Хэззл (Teddy Hazzle) оказался единственным санитаром среди этих 70 и оперативно развернул перевязочный пункт, чтобы оказать помощь раненым. Намечавшаяся на 16.30 атака на монастырь была отложена, и командование отдало приказ сменить роты *A* и *C*, находившиеся в замке, и остатки рот *B* и *D*, занимающие позиции на высоте *Hangman*. Людей, оборонявших замок, сменили части британской 78-й Дивизии. Люди отступили в сухой овраг *Wadi Villa (британцы для своей временной топонимики явно использовали арабское слово вади, которое подчерпнули в северной Африке – ВК),* откуда они начали свой марш в гору четыре с половиной дня назад. Из Роты *A* назад вернулся 21 человек, из Роты *C* - 13. Из рот *B* и *D* вернулось большее число людей, а утром 20 марта из Батальона 1/9 *гуркхов* пришло сообщение о том, что вместе с ними на позициях все еще находятся 25 *Эссексцев*, которые получили приказ оставаться на месте. Также в ранние часы 20-го командир Роты *D* появился на КП Батальона 1/4. Из 38 человек, отправившихся с ним на высоту *Hangman*, назад вернулись четверо.

Сержан Херберт Паркин (Herbert Parkin), *2-й Батальон Лондонских Ирландских Стрелков/2nd Battalion London Irish Rifles. Он находился на передовой с монастырем Кассино в поле зрения. Его рота полностью зависела от доставки боеприпасов и провианта на мулах.*

Мы высадились в Таранто ближе к концу 1943 года и перегруппировались для продвижения вглубь Италии. Местность была непростой для наступления – чередование хребтов и долин. Мы вышли на передовую линию в месте, носившем название долина Инферно – это был погрузочный пункт для мулов. Оказались мы в зоне обстрела. Немцы были на горе и отлично видели все окрестности. Мы не могли сделать и шага вне поля зрения противника. Саперы устанавливали дымовые завесы, но все это было временно, пока ветер не сдувал дым. Немцы давали возможность санитарным фургонам въезжать в сектор обстрела, но по всему остальному вели огонь. Они использовали воющее оружие, которое мы называли *Moaning Minnies/Стонущие Минни (шестиствольный реактивный миномет Nebelwerfer)*. Они стреляли сразу из шести стволов и выли как звери. Немцы стреляли из них довольно точно и наносили нам большой ущерб. Наши минометы в это время придавались разным ротам, и я оказался, вроде как, в пехоте, на передовой позиции, на случай, если немцы пойдут в атаку.

Доставка грузов на передовую на мулах

Хотя немцы закрепились в монастыре, у них были позиции и вокруг него. Мы не имели понятия, где они прятались. Хуже всего приходилось по ночам, поскольку разглядеть что-либо было невозможно. Мы прислушивались к каждому звуку, пытаясь понять, что это было. И стрелять на звук было нельзя, так как ты мог попасть и в своих парней, находившихся в патруле... Нам все доставляли на мулах: воду, еду, медикаменты – все. С нашей точки мы ясно видели мулов, бредущих по долине. Если они попадали под обстрел или начинали беситься, груз слетал на землю.

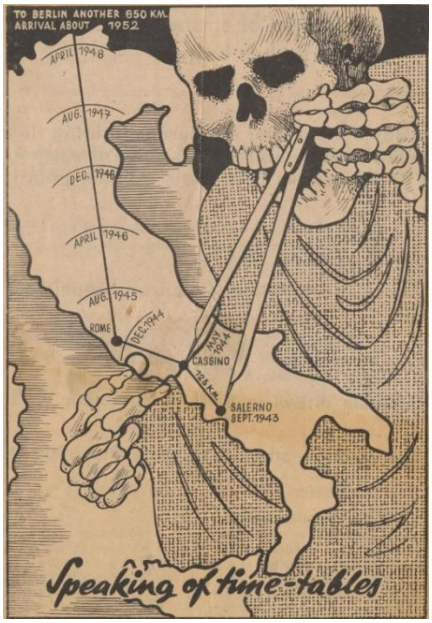
Находиться на горке было не очень комфортно, но еду мы получали всегда. Наши повара делали свое дело отлично. Они присылали нам горячую еду в контейнерах и вообще заботились о нас. Мы не могли глубоко зарыться в землю, потому что грунт был скальным, а поверхность густо заросла кустарником. Вместо этого мы складывали брустверы из глыб.

Хоть было и не очень комфортно, мы привыкли к этому и спали неплохо. У каждого было одеяло, плащ-палатка, под голову клали вещмешок, голову прикрывали каской. Так и спали...

На других участках

*Британский армейский санитар **Фред Джордан (Fred Jordan)** переболел малярией в конце операции по захвату Сицилии, затем вернулся в свой 14-й Полевой Санитарный Батальон/Field Ambulance), который находился в составе 6-й Бронетанковой Дивизии, окопавшейся у подножия горы Кассино.*

«Все, кто побывал там, не забудут монастырь, расположенный на горе Монте Кассино. Мы пробыли на позиции около двух недель, пока нам на смену не пришли поляки. Немцы засели в монастыре, стреляя в каждого, кто появлялся на склонах. Они хорошо просматривали окрестности, что затрудняло наше продвижение куда-либо. Наша передовая находилась на склоне на полпути к вершине. Санитары располагались у подножия горы, занимаясь эвакуацией раненых, по мере их поступления, в тыловые госпитали. Мы окопались настолько хорошо, насколько могли. Укрытий не было – каждый рыл себе окопчик и ждал, пока не позовут санитаров-носильщиков.

Немецкая листовка периода Итальянской кампании. Немцы изобразили ироническое расписание продвижения союзников…

Итальянская кампания должна была закончиться быстрее, но начались дожди. Лило все время. Орудия и танки не могли перемещаться, поскольку сразу же застревали в грязи. Мы использовали механиков-водителей в качестве носильщиков, поскольку у нас не хватало людей. Припоминаю, как один парень сказал: «Я хотел бы снова оказаться в моем танке.»

Дожди сильно задержали нас. Мы несли потери и от оползней. Иной раз видишь, как глина начинает ползти вниз по склону, а затем, совершенно неожиданно, она соскальзывает, как лавина. Людей затапливало этой грязью, и они задыхались в ней. Самым странным было то, что, когда их находили, на трупах не было брюк и башмаков.

Окопы заполнялись водой, и из них приходилось выбираться на поверхность. Спали там, где придется. Со временем выматываешься настолько, что уже приучаешься спать в любом месте. Нас атаковали *Штуки*. Они наводили страх, с воем пикируя на нас. Наш боевой дух был невысоким. Это можно было видеть на лицах парней – страх и спокойствие. Это было что-то, такое, что невозможно объяснить ...»

*Рядовой **Хэрри Курча (Harry Courcha),** Рота А, 1-й Батальон Королевских Стрелков/Royal Fusiliers. Прибыл на фронт в составе подкреплений в момент переправы*

наступающих через реку Рапидо в районе Сант Анджело/Sant'Angelo. Это был его первый бой...

«Меня призвали в апреле 1943 г., когда мне было 18 лет. Сначала отправили в *Центр Физической Подготовки/Physical Development Center*, так как сочли недостаточно крепким. Вероятно, это было связано с недоеданием в детстве. После этого меня послали в лагерь боевой подготовки на острове Уайт/Wight, после чего нашу группу отправили на войну в марте 1944 г. Тогда не разрешали отправлять солдата «за моря», пока ему не исполнится 18 лет. Мне исполнилось 19 лет на борту перевозившего нас судна. Плавание заняло две недели, так как мы старались избежать атак подводных лодок. Прибыли мы в Неаполь – Везувий незадолго до этого извергался, и над ним все еще висел дымок. Это было грандиозное зрелище для того, кто еще недавно рассматривал сто́ящую одно пенни поездку в Хэмпстед Хит *(достопримечательность в центре Лондона – ВК)* в качестве большого события в жизни.

Нас на две недели послали в тренировочный лагерь, где понюхавшие пороху солдаты рассказали нам просто ужасные истории о делах на фронте. Мы были в составе подкреплений, а *Королевские Стрелки* в тот период времени несли тяжелые потери. По ротам нас распределили в соответствии с инициалами, и я попал в Роту *A*. У всех моих приятелей инициалы стояли ниже в алфавите, и почти все они попали в Роту *B*. Нам предстояло переправляться через реку Рапидо.

Американцы потеряли тысячи человек при попытках совершить нечто похожее. Мы выдвинулись вперед под покровом ночи и, когда добрались до определенной точки, нам приказали подхватить брезентовые лодки. По оговоренному сигналу вся наша артиллерия открыла огонь – все орудия, насколько мог видеть глаз. Затем была поставлена дымовая завеса ...

Мы выяснили, что немцы стреляют вдоль определенных направлений – это означало, что они заблаговременно определили сектора обстрела. Над нашими головами начали посвистывать пули, и мы, спотыкаясь, двинулись вперед на шум реки. Некоторые из нас были убиты уже тогда. Мы слышали шум реки вдалеке, в кромешной тьме, и старались бежать очень быстро. Многие парни в темноте свалились с берегового откоса в реку и утонули, поскольку бежали с полной выкладкой. Откуда-то снизу я услышал голос, но не мог разглядеть лодку. Я уселся над откосом и стал пытаться что-нибудь нащупать ногой, когда кто-то стащил меня в лодку. Лодка тронулась к противоположному берегу. Много лодок снесло вниз по течению, но мы добрались до берега и почувствовали, что вражеский огонь здесь еще сильнее, чем раньше. По счастью, на берегу нашлась какая-то канава, и оказалось, что в ней спрятался едва ли не весь наш батальон. Ситуация была нелегкой. Немецкая артиллерия вела по нам огонь, но канава дала нам хорошее укрытие. Над нами проносились пулеметные очереди. Какой-то герой выставил голову и сразу же получил пулю. Нас прижало к земле на целых 24 часа, пока саперы не установили переправу (сборный мост *Бэйли*) в месте под названием Сант-Анджело, дав дорогу танкам.

Нашей следующей целью была хорошо укрепленная ферма, находившаяся на вершине горы с крутыми склонами. Вверх по склону вела расселина с крутыми бортами, при этом все пространство с флангов простреливалось немецкими пулеметами. Мы этого со своей позиции разглядеть не могли. Первой попыталась прорваться к ферме Рота *B*, но, как мы потом узнали, понесла тяжелые потери, не дождавшись прибытия танков поддержки. Я думаю, это была бессмысленная храбрость со стороны каких-то офицеров. В итоге на место прибыли танки, которые утихомирили немецких пулеметчиков. Я был автоматчиком, мне полагалось идти вперед в числе первых. Во мне было всего 5 футов и 4 дюйма, я бросился в атаку вверх по склону с тяжелым американским *Томпсоном*, который был размером чуть ли не с меня. Я ожидал, что буду убит через секунду-другую, однако мы добрались до вершины, где оставшиеся в живых немцы сдались нам. По пути к вершине мы то и дело спотыкались о тела погибших ребят из Роты *B*. Все они были нашими друзьями.

Когда бой утих, нам приказали похоронить погибших товарищей. Полагалось снимать с них солдатские жетоны и забирать личные вещи, затем укладывать на носилки и спускать вниз. Все это были мои знакомые ребята. Они были моими ровесниками, которым тоже раньше хотелось хорошо прожить свою жизнь. С ними я был в учебных лагерях. С ними я переправлялся через реку в одной лодке. Теперь они были мертвы, и мне нужно было обыскать их и стащить вниз по склону. Я был опустошен: я потерял всех своих друзей и остался один ...»

Джордж Роудс (George Rhodes), *сержант 70-го Полка Королевской Артиллерии. Прошел через бои в районе города Салерно и оказался под Монте Кассино.*

«Четверг, 11 мая 1944 г. Генерал Александер издал приказ: «Мы планируем разгромить немецкие армии в Италии. В прошлом никакие армии в мире, идущие в бой, не имели более важной и праведной цели.» Ровно в 11 вечера 16 000 орудий открыли огонь. Мы перешли в наступление на отрезке фронта протяженностью в 20 миль. Слева от нас были две американские дивизии – 85-я и 88-я, они сразу же пошли в атаку на высоту под названием *Damian Hill*. Через 40 минут две французские дивизии захватили вершину *Monte Faito* высотой 3000 футов. Они были на правом фланге американцев, но слева от нас. Через 5 минут после французов 8-я Индийская и 4-я Британская дивизии, находившиеся справа от французов, бросились в реку Рапидо под интенсивным огнем немецких пулеметов. В час ночи обе дивизии Польского Корпуса начали подниматься на склоны горы Монте Кассино. Через два часа после начала наступления все войска вступили в бой. Находившиеся справа от нас поляки сначала успешно продвинулись вперед. Их командующий, Генерал Андерс, изучил обстоятельства наших трех предшествующих неудачных атак и пришел к выводу о необходимости одновременной атаки всех пунктов обороны, находящихся на его пути. Тем не менее, наступил рассвет, и немцы прижали поляков к земле, вынудив отойти к исходному рубежу.

3000 самолетов совершили в тот день 2750 боевых вылетов. На земле творился настоящий ад, но немцы, даже при этих обстоятельствах, перешли в яростную контратаку вдоль всей линии Густава. Ну и денек был – мое орудие раскалилось докрасна!

Воскресенье, 14 мая. Французы прорвались на участке Аурунчи. 8-я Индийская, 4-я Британская, наша 1-я Пехотная, 5-я Канадская Бронетанковая и 78-я Британская дивизии вновь вступили в бой. Генерал Жуэн бросил в бой своих марокканских гумьеров. Им предстояло взобраться вверх по склонам и ударить по немцам с тыла. Они не использовали винтовки – только ножи. Много немецких ушей было отрезано в тот день...

Вторник, 16 мая. В то утро имела место великолепная, классическая атака. 78-я, 6-я Бронетанковая и 1-я Канадские дивизии прорвали фронт. Все, что нам нужно было сейчас, - дождаться, когда поляки нанесут завершающий удар. Все шло по плану. Каждые полчаса нам сообщают о том, куда и сколько стрелять. За пять лет наше Военное Министерство пришло к выводу, что *блицкриг* Гитлера – наилучший способ наступательных действий. Теперь офицеры *RAF* находятся на наших наблюдательных постах, и, когда пехота вызывает авиацию, она наносит удар уже через несколько минут.

Среда, 24 мая. Поляки атакуют Пьемонте. Они добились успехов, хотя потеряли 281 офицера, 3 503 солдата и сержанта, 102 человека пропали без вести. Все они были похоронены на склонах горы, которую мы знаем, как *Высоту 593*.»

Тео Дэйвис (Theo Davies), *британский солдат*

«Мы высадились в южной части Италии и отправились на восточное побережье. К декабрю 1943 года мы продвинулись до долины реки Сангро/Sangro. Что касается боя… ты просто должен приять это как есть. Ты обязан это сделать, и ты к этому привыкаешь. Это твой долг, и ты здесь для этого. По сути дела, это «работа».

Начиная с сентября [1943 года], погода ухудшилась. На нас вылилось какое-то огромное количество осадков, люди не могли поверить в то, как все раскисло. Условия были тяжелейшими. Нас вывели из долины Сангро и дали отдохнуть.

Затем мы были переброшены на участок Кампобассо/Campobasso, где я с несколькими ребятами из роты попал в отряд, охранявший склад боеприпасов. Когда я был там в карауле, какие-то итальянские фермеры стреляли в сержанта и в меня, потому что, я думаю. они решили, что мы хотим обшарить их дом. В том районе было много краж. Тогда меня ранило в первый раз – получил в руку множество дробинок. Не самое лучшее начало…

Затем мы вернулись на передовую, высоко над долиной реки Сангро, где горы были в снегу. Там мы пробыли около двух месяцев, январь и февраль 1944 года. Я свалился с малярией. Подумали, что это случилось из-за того, что мы спали, зарывшись в сено, в котором были жучки. Я быстро поправился, со мной ничего серьезного не случилось.

В марте нас начали готовить к бою, и к концу месяца, как-то ночью, начали перебрасывать в составе конвоя, который привез нас к Кассино. Никто не говорил нам, куда мы отправляемся. Сначала нас держали в резерве. Всех отвели, потому что началась бомбардировка. Однако нам тоже досталось! Нашу часть особо не задело, но на многие другие бомбы падали. Там были, в основном, американские самолеты, но и британцы тоже отметились.

Какое-то время после бомбежки мы оставались в резерве в долинах двух рек поблизости от Кассино, но в сам город не входили. Однажды ночью нам сказали, что мы идем в наступление. Мы выступили в полной темноте, поднимаясь на какую-то высоту. Насколько я помню, эту высоту *(речь идет о Замковой Горе – ВК)* взял Эссексский Полк, мы пришли, чтобы сменить их.

Мы карабкались вверх по склону этой горы, с собой у нас было столько боеприпасов, сколько мы могли унести. У нас были носильщики, которые тащили все это на себе. Подъем на эту скалистую вершину занял около двух часов, разумеется, немцы следили за нами, поэтому мы старались оставаться в тени и не попадаться им на глаза. По местности была проложена белая линия, показывающая нам путь наверх по проходу, расчищенному от мин. Сойти с этой линии на один шаг означало подвергнуть себя риску взлететь на воздух.

Солдаты из полка, в котором служил Дэйвис. 26 марта 1944 года

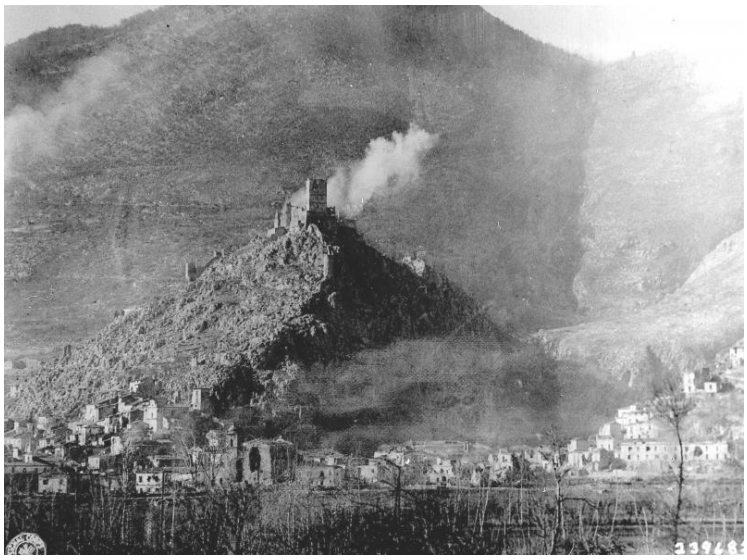
Когда мы поднялись на высоту, нам показали наши позиции, но при этом сказали, что ночью мы пойдем в атаку. Мы должны были атаковать, потому что, насколько я знаю, на высоте *Hangman* оказались отрезанными 10 солдат-гуркхов, и нашей задачей было вызволить их оттуда. Мы сразу же пошли в атаку вниз по склону. От замка во время сражения осталась только одна стена. Две стены были разрушены, позади осталась стоять часть еще одной стены. Спустившись по склону, мы оказались на какой-то дороге. Было темно, хоть глаз коли.

В этот момент прозвучали взрывы: справа, слева, в центре – мы были посреди минного поля. Дорога была густо заминирована, и атака была остановлена. Нужно было помочь раненым, и нам приказали отходить назад, карабкаться вверх, назад в замок. Меня самого ранило. Не то чтобы особенная рана, но мне посекло все лицо. Вы должны помнить, что там всюду были скалы, то есть, на нас сыпались не столько осколки от снарядов, сколько камни, разлетающиеся после взрывов.

Мой приятель, Клифф Ллойд из Порт-Толбота, был тяжело ранен. Вернувшись в замок, мы ждали контратаки. Раненых эвакуировали на следующее утро, мы спускались под флагом с красным крестом, и огонь прекратился. Клиффа отправили в Неаполь, потому что его состояние было критическим. Ну а мне заклеили царапины пластырем и отправили назад. Лицо зажило уже через десять дней.

Через день после того, как я ушел с ранеными, немцы контратаковали, но наши парни отбились. Больше контратак не было на протяжении шести недель. В этот отрезок времени мы проводили на передовой от четырех до восьми дней в зависимости от того, как шли дела и как справлялись те, кто сменял нас. Мы были там примерно до конца апреля, потом нас отвели, и мы приступили к боевой подготовке вместе с канадскими танкистами.

Несколько недель шло обучение, потом нас перебросили назад, так как погода улучшалась. Дожди все еще шли, было сыро, земля была вязкой, но становилось теплее. Вернувшись к Кассино, мы расположились в долине, за пределами города. Мы были готовы наступать вслед за канадцами. Дело было в мае, танки прорвались примерно 18-го.

Дым над Замковой Горой. 6 февраля 1944 года

Немцы, против которых мы сражались, все были десантниками. Это были, вне всякого сомнения, крепкие бойцы. И дело не только в этом, ведь они были обстрелянными солдатами, которых перебросили с Русского фронта. Так же, как и мы, думаю, они получали подкрепления, потому что, как и мы, несли потери. Им было легче, чем нам, потому что они были на заранее подготовленных позициях. Они знали, что делать, когда отступили от Салерно, и потом продолжали укреплять свои позиции. Немцы в точности знали, на что мы нацеливаемся. Они были безжалостны, и заставляли итальянцев укреплять для них линию обороны. Они хорошо знали, что им нужно, и, если вы представляете себе характер местности в Италии, то знаете, что там легко обороняться: куда ни пойдешь, везде горы. Превосходная местность для [обороняющихся] немцев, и мы сражались с полной отдачей всю дорогу. Многие пехотинцы потом говорили: «Я знаю Италию, я прошел ее всю пешком!»

На вершинах мы видели красивые деревни, но все их приходилось зачищать. Итальянцы… относились к нам превосходно. Я пришел к выводу, что, если ты обращаешься с людьми должным образом, то и они будут так же к тебе относиться. Они были добры к нам…

Наше положение на занятой высоте было таким трудным, что днем вообще невозможно было куда-либо двинуться. Мы постоянно держали монастырь в поле зрения, но никакого движения там не было видно, и обзор нам закрывала задняя стена. Наблюдение вели наши офицеры, и кроме них никто не мог видеть, что происходит на горе. Мы сидели в своих *сангарах*. *Сангарами* мы называли наши окопчики, но, на самом деле, вырыть что-то было невозможно, потому чту грунт повсюду был скальным. Мы строили что-то наподобие укрытия, а сверху набрасывали бревна или брусья и все, что попадалось под руки и могло защитить…

Оборонительные позиции британцев на горном склоне

Каждый день нужно было держать все под наблюдением, тем временем *джерри* все время держал тебя под минометным огнем. Нужно было гарантировать то, что любая атака противника будет отбита. Мы всегда с облегчением смотрели на то, как в ясную погоду в небе появлялся самолет-разведчик, высматривающий артиллерийские позиции немцев, потому что на это время его пушки и минометы замолкали. Если они продолжали вести стрельбу, и самолет-разведчик замечал их, авиация совершала налет на их позиции, что давало нам передышку минут на двадцать. Самолет-разведчик был небольшим старым бипланом…

Британский солдат с пулеметом Брен. Окрестности Монте Кассино, май 1944 года

Настоящих боев было немного, потому что не в кого было стрелять, но минометы работали все время. Припоминаю случай, когда в *сангаре* кроме меня было еще двое парней. В дневное время ротация происходила так: один человек сменял другого. Когда я, согнувшись, забирался в *сангар*, за моей спиной раздался взрыв, и я почувствовал сильный удар по спине. В меня действительно угодил осколок, но он даже не порвал мои брюки. Он вообще никак меня не ранил. Думаю, случилось это потому, что я согнулся в три погибели, чтобы забраться в окопчик. Вообще, я долго потом ходил в синяках…

На завершающей стадии сражения (операция *Diadem*) мы продвигались за канадцами, зачищая местность от немцев. Сопротивление, с которым мы столкнулись, было обычным делом – пулеметным и ружейным огнем пехотинцев. Нужно просто постоянно продвигаться вперед. Иногда они пытаются свалить тебя очередью, и нужно прижиматься к земле, но затем ты сам открываешь огонь и оттесняешь их. Единственный путь к достижению успеха – идти вперед, оставляя за собой немецкие трупы.

Подбитый танк Шерман и сборный мост Бэйли после сражения за Монте Кассино

Мы продвигались вверх по долине реки Лири какое-то время вместе с канадцами, потом нас вывели из боя. Нам дали передохнуть, и мы больше не вступали в бой вплоть до освобождения Рима. Американцы вошли в Рим, но мы такой чести не удостоились… Мы продвинулись к северу от Рима, и 19 июня я был ранен снова в бою у Тразименского озера/Trasimeno и надолго угодил в госпиталь. Это было третье ранение. Я вернулся в дивизию, но в январе 1945 года покинул ее близ Болоньи после контузии.

Я лично думаю о Монте Кассино как о страшном месте. Жаль, что его невозможно было обойти. По моему мнению, это не прорыв поляков к монастырю решил дело. Это был прорыв марокканских *гумьеров* и 5-й Армии американцев с другой стороны долины (на левом фланге – ВК), где немцы не ожидали этого. Немцы испугались того, что могут быть полностью отрезаны, и, думаю, это повлияло на их решение уйти. Это облегчило полякам прорыв со стороны *Высоты 593*.

Я не думаю, что заслуги тех, кто сражался под Монте Кассино, оценили достойно. Это было жесточайшее сражение. Я бы не сказал, что оно было столь же масштабным, как высадка в Нормандии, но это сражение оказалось забытым, вне всякого сомнения. Это было ужасным, и, с моей точки зрения, самым ожесточенным сражением на Средиземноморье. Во всех других боях, через которые я прошел, я думал, что выживу, но при Монте Кассино

уже в это не верил. Постоянные обстрелы, не шелохнешься, все время под наблюдением противника… Большие потери. Мы были просто *сидячими утками*, и нам приходилось держаться на каждом рубеж, который оказывался в наших руках. Если бы не это, мы бы не продвинулись на север так далеко.

После сражения про Итальянский фронт так мало писали в домашней прессе, что появилась песня *D-Day Dodgers (см. один из вариантов текста и перевод в конце статьи – ВК)*. Она не могла не появиться, потому что, уж не знаю, правда это или нет, но Леди Эстор сказала в *Палате Общин (возможно, это легенда или просто кто-то слышал это от нее – ВК)* что-то о парнях, которые служат в Италии, чтобы отсидеться от участия в высадке в Нормандии. Не думаю, что это правда, подозреваю, что это было запущено немецкой пропагандой, но, само собой, настроение у солдат в Италии было настолько неважным, что им хотелось верить в это….

О солдатах других национальностей… Остается только восхищаться ими, потому что мы знали, как они сражаются. Я восхищался индийцами. Американцы были крепкими бойцами, единственное что – они были слегка недисциплинированными. Когда дело подходило к замене их [на передовой], они могли оставить на позициях пару часовых и свалить в один момент. Мы же стояли на месте до того момента, пока сменяющие не прибудут на место в полном составе.

Вклад в победу в войне тех, кто сражался в итальянской кампании, был огромным, потому что связал большое количество немецких войск. Американцы не особенно хотели идти в Италию, но я думаю, что это было одним из самых разумных шагов. Закрепившись на полуострове в таких местах как Фоджа/Foggia, американские и британские бомбардировщики среднего размера получили возможность снабжать партизан в Югославии и Греции прямо из Италии и наносить большой ущерб противнику на Балканах. Это было большим вкладом в военные усилия. Лично я думаю, что итальянская кампания была большим успехом также и потому, что мы получили возможность посылать рыбацкие суда в Югославию и Грецию и снабжать партизан.

Мы стачивали немцев понемногу. Не будь нас в Италии, вероятно, на Русском фронте оказалось бы еще 20 немецких дивизий, и война не закончилась бы столь скоро. Да и в *День Д/D-Day* у немцев было бы побольше войск [на побережье]. Теперь все мы можем сформировать свое мнение более обоснованно, после всех этих событий, тогда как в то время, когда я был на передовой, я понятия ни о чем не имел и больше думал о том, как выжить…»

Фред Мэджделэни (Fred Majdalany), *майор полк Ланкаширских Стрелков/Lancashire Fusiliers*

«… Как только командный пункт был оборудован в месте расположения резервной роты, Джон ушел вперед, туда, где находилась рота Кевина. Он взял меня с собой. Они превратили свой сектор в компактный укрепленный участок. Их оставалось менее пятидесяти человек из девяноста – тех, кто пошел в атаку утром. Местность была покрыта такими густыми зарослями деревьев, что просматривалась не более чем на пятьдесят ярдов. Парни заняли превосходные немецкие траншеи. Некоторые из них просматривали ярко иллюстрированные журналы, оставшиеся от *бошей******. Они были заполнены живописными картинками – представлениями художников о боевых действиях в районе Кассино. Там были такие подписи как «Наши десантники, супервоины, отражают атаки англо-американских орд в пекле Кассино.» Все было на этом уровне. Был там и журнал мод, казавшийся немного не в струе: по нему можно было предположить, что рейнские девицы вовсе не были теми тусклыми *синими чулками*, в которых их старались превратить нацисты. На участке был новый стальной ДОТ знаменитой конструкции – врытый в землю, с тремя комнатами и набитой всякой всячиной кладовкой. Над землей возвышалась небольшая округлая башня, отлично замаскированная.

В нескольких ярдах все еще горел танк Джефферсона (Francis Arthur Jefferson, 1921 –1982, на фото слева). Все только и говорили об этом парне. Все говорили, что он спас роту. Танк смел целое отделение с дистанции в 60 ярдов и продолжал укладывать остальных по одному или парами, пока их не осталось меньше полусотни. Потом Джефферсон, безо всякого приказа, схватил *PIAT/ПИАТ (Projector, Infantry, Anti-Tank, буквально «гранатомёт, пехотный, противотанковый» — британский ручной противотанковый гранатомёт)* и подобрался к танку на расстояние в несколько ярдов. Не имея возможности выстрелить из укрытия, он встал и выпустил заряд, при этом обратная волна повалила его на спину. Он сумел подняться на ноги и нацелился на второй танк, но тот поспешно откатился назад, и с ним отступила пехота *бошей*. Джефферсон был типичным ланкаширцем из числа лучших – спокойный, твердый и, скорее, скромный, однако при необходимости способный действовать быстро, но без спешки…

Ночью мы получили приказ продолжить продвижение вперед в 6 утра и закрепиться на следующем рубеже – *Bluebell*. Это было нужно, чтобы синхронизировать наши действия с действиями поляков, которым предстояло осуществить финальную атаку, обойти немцев к северо-востоку от Кассино, начав с нашей старой позиции, и перерезать шоссе. Было уже заметно позже трех утра, к тому моменту, когда все были накормлены и запаслись боеприпасами, когда пришел этот приказ о возобновлении наступления. Перед тем, как вздремнуть, Джон сказал: «Я собираюсь представить Джефферсона к *Кресту Виктории*.»

Без четверти шесть земля задрожала, и вновь над головами понеслись снаряды, так густо, что возникало желание разглядеть их. В то же время другая артиллерийская группа начал поливать огнем Монастырскую Гору, чтобы поддержать поляков. Чуть ли не сразу пыль, дым и пламя окутали монастырь, так что, когда наши роты *Dog* и *Baker* продвигались мимо позиций роты *Charlie*, монастырь уже не был виден. Пришло время прикончить их. Мы пришли за этим. Поляки обходили монастырь справа, мы были в двух с половиной милях от них, в долине. Конец был близок. Мы сразу перерезали шоссе – то, что на протяжении столь долгого времени делало монастырь неприступной крепостью, теперь превратило ее в ловушку…

По сравнению с предыдущим днем мы продвигались без особых трудностей. Были снайперы, одно или два изолированных пулеметных гнезда, но, казалось, немцы не были настроены упорно сопротивляться, и к тому времени *Baker* и *Dog*, поддержанные танками из прибывшего подкрепления, плотно закрепились на рубеже *Bluebell*, продвинувшись еще на тысячу ярдов вперед. Мы получили приказ наступать как можно быстрее. Так *Baker* и *Dog* снова пошли вперед в направлении окончательного рубежа для наступления – *Tulip*, находившегося в 1 200 ярдах дальше. Роты *Able (сленг для A), Charlie (сленг для C)* и командный пункт продвинулись на рубеж, который только что зачистили роты *Baker (сленг для B)* и *Dog (сленг для D)*. К четырем часам дня *Baker* и *Dog* передали, что они вышли на рубеж *Tulip* – обе роты установили наблюдательные посты, с которых просматривалось *Шоссе 6 (шоссе, протягивающееся параллельно побережью к ЮЗ от Монте Кассино – ВК)*. Обе роты запросили разрешения на дальнейшее продвижение, чтобы пересечь шоссе и разведать пространство за ним. Нам приказали оставаться на месте, поскольку точное местонахождение поляков оставалось неизвестным, и могли случиться ошибки в том случае, если и мы, и они начали бы крутиться в одном и том же месте близ дороги… Мы были на господствующей позиции над ней – мы сделали то, что от нас требовалось, и должны были дожидаться дальнейших приказаний.

Baker и *Dog* получили приказ в ночное время патрулировать местность, не переходя на другую сторону дороги. Нам не разрешали посылать патрули на ту сторону до самого утра. Теперь это была уже формальность. Джон послал специальный патруль из трех капралов, всех с *Военными Медалями*. Они пересекли шоссе, осторожно осмотрели овраги и развалины, но все немцы, на которых они натыкались, были мертвы. Парни не теряли времени. Каждый вернулся со *Шмайссером*, фотокамерой, часами и биноклем

бесподобного немецкого качества. Еще через час поляки вошли в монастырь. Это был четверг 18 мая. Сражение длилось неделю.»

N. Arthur Helps, *Полк Черный Дозор/Black Watch, 3-й Батальон, Royal Regiment of Scotland*

«Я особенно хорошо помню, как *гуркхи* – храбрейшие из солдат, которых я когда-либо видел – пошли в атаку на вершину Монте Кассино… Они были в 20 метрах от нее, когда им пришлось повернуть назад. У них кончились патроны и все припасы, а доставить их им было невозможно. В их глазах были слезы, когда они отступали через наши позиции.

Когда мой батальон численностью 1001 человек пошел в атаку на город Кассино, через три дня боев от него осталось 97 человек. Представьте себе, что я чувствовал: только что я говорил с товарищем, повернулся к нему и увидел, что он ранен или того хуже. Или когда после немецкого артобстрела из девяти человек, между которыми всего по 2-3 метра, с места могут сдвинуться всего трое. Мне повезло: меня зацепил лишь один осколок, попавший мне в левую лопатку. И во всех боестолкновениях я мог положиться на дисциплинированных и хорошо обученных парней, находившихся по обе стороны от меня…»

D-DAY DODGERS - О ТЕХ, КТО ОТСИДЕЛСЯ В СОЛНЕЧНОЙ ИТАЛИИ

Эта ироническая песня британских солдат, якобы избежавших участия в высадке в Нормандии и прохлаждавшихся на Итальянском фронте, где не было боев, а были прогулки, вино и женщины, была написана на мотив знаменитой песни Lili Marleen

We're the D-Day Dodgers, here in Italy Drinking all the vino, always on a spree We didn't land with Eisenhower And so they think we're just a shower For we're the D-Day Dodgers Out here in Italy	Ди-Дэй мы прогуляли вот тут, в Италии Мы пьем вино, гуляем и прожигаем дни Мы не были в Нормандии, ведь нам не до того – Считают, что война здесь - сплошное баловство Ведь мы пересидели Ди-Дэй в Италии
We're the D-Day dodgers, out here in Italy Always drinking vino, always on a spree Eighth Army scroungers and their tanks We go to war in ties, like swanks We are the D-Day Dodgers Way out in Italy	Мы от войны откосим вот тут, в Италии Бухаем и гуляем, и прожигаем дни Мы классно отсиделись в тихой армии восьмой А пушки, ружья, танки – чтоб не спешить домой Мы от войны далёко вот тут, в Италии
We landed at Salerno, a holiday with pay, Jerry brought the band down to cheer us on our way Showed us the sights and gave us tea, We all sang songs, the beer was free. We are the D-Day Dodgers, way out in Italy.[	Мы прибыли в Салерно – оплачен отдых наш, И фрицы притащили оркестр на променаж, Кино нам показали и накормили нас Мы пели песни хором: настал наш день и час! Вот так пересидели мы Ди-Дэй в Италии
The Volturno and Cassino were taken in our stride We didn't have to fight there. We just went for the ride. Anzio and Sangro were all forlorn. We did not do a thing from dusk to dawn For we are the D-Day Dodgers, over here in Italy.	В Кассино и Вольтурно ходили мы гулять, Ведь драться мы не любим, уж вам ли нас не знать, А в Анцио, на Сангро – тоскливая пора, Мы мучились бездельем от ночи до утра Мы от войны далёко вот тут, в Италии
On our way to Florence we had a lovely time.	Дорога во Флоренцию – прогулка на пикник

We ran a bus to Rimini right through the Gothic Line. On to Bologna we did go. Then we went bathing in the Po. For we are the D-Day Dodgers, over here in Italy.	Что Готская нам Линия! - промчались напрямик Добрались до Болоньи, Купались в речке По Вот так пересидели мы Ди-Дэй в Италии
Once we had a blue light that we were going home Back to dear old Blighty, never more to roam. Then somebody said in France you'll fight. We said never mind, we'll just sit tight, The windy D-Day Dodgers, out in Sunny Italy.	Однажды шепоток прошел, что едем мы домой, В любимую Британию, оттуда – ни ногой, Потом другие сведенья – во Францию, на бой, Да нет уж, нам тут лучше, зачем нам край другой? Мы лучше отсидимся вот тут, в Италии
Now Lady Astor, get a load of this. Don't stand up on a platform and talk a load of piss. You're the nation's sweetheart, the nation's pride We think your mouth's too bloody wide. We are the D-Day Dodgers, in Sunny Italy.	Вы Леди наша Эстор, позвольте вам сказать Довольно вам с трибуны языком болтать, Хотя вы - наша гордость и слава и краса, Но рот не разевали б, не гневили небеса, А мы пока откосим от войны в Италии
When you look 'round the mountains, through the mud and rain You'll find the crosses, some which bear no name. Heartbreak, and toil and suffering gone The boys beneath them slumber on They were the D-Day Dodgers, who'll stay in Italy.[4]	Когда на горы бросишь взгляд, сквозь слякоть и дожди, Кресты без имени стоят, над каждым тот лежит, Кто смерть свою нашел вот здесь, пройдя свой славный путь, И тут останется навек от тягот отдохнуть, Вот так пересидел он Ди-Дэй в Италии
So listen all you people, over land and foam Even though we've parted, our hearts are close to home. When we return we hope you'll say "You did your little bit, though far away All of the D-Day Dodgers, way out there in Italy.	Так вот, друзья вы наши, за морем, за горами Хоть мы вдали от Англии, наш дом всегда был с нами Надеемся вернуться, и скажете вы нам: Вас не было в Нормандии, но вы свой долг исполнили в бою, в Италии

Ллойд Кросс

Какова была ваша роль в боях за Кассино?

Мы находились в составе Бронетанковой Бригады, и я командовал Ротой Поддержки (*Support Company*), на вооружении которой были пулеметы, минометы и тягачи с противотанковыми пушками. Танки не могли принимать участия в боях из-за распутицы и из-за непрерывных бомбежек города. Когда улучшилась погода, мы смогли переправится через реку Рапидо и пойти в наступление. Кассино был превращен в щебень. Стояла вонь, потому что о захоронении трупов никто не побеспокоился. Вообще, 22-й Батальон не участвовал в атаках на Кассино, мы просто заняли его и потом удерживали.

Вы можете описать самый ожесточенный бой в Италии?

В Италии нам все время приходилось атаковать. Река за рекой, река за рекой. Бои были более ожесточенными, чем в Египте.

Может ли вы сравнить немцев, против которых вы сражались в Египте и в Италии?

Разные немцы. Немцы в пустыне были уверенными в себе, ими хорошо командовали. В Италии враг казался более фанатичным, а нацисты – не такие уж и хорошие парни …

Эпизод боев при Монте Кассино. Январь 1944 г. Новозеландские солдаты прочесывают развалины в поисках немецких снайперов

А их тактика сильно изменилась?

Первые 12 месяцев в Италии немцы держались крепко. Последние 6 они продолжали сражаться, но, я думаю, они знали, что война проиграна. Некоторые сдавались быстрее, чем в предыдущие 12 месяцев.

Расскажите, как вы приняли капитуляцию у генерала (ошибка в звании, см. ниже – ВК) Ригеле (Rigele)?

Дойдя до Триеста, мы вышли на городскую площадь. Полковник приказал мне продвинуться вперед и захватить замок *San Quisto*, но путь к замку обстреливали со всех сторон, добром бы это не кончилось. Немцы не стали бы сдаваться югославам, они их не признавали за *армию*. Мы одолжили броневичок, добрались до замка и вступили в контакт с немецким командующим. Он сказал, что ни за что не опустит мост. Я взял свою роту, несколько танков, они приблизились к замку. Тут немцы и опустили мост. Мы и югославы вошли в замок, они принялись добивать раненых немцев … Короче, полная капитуляция. Немцы сложили оружие, мне достался *Люгер*, но я потом продал его какому-то американцу, потому что им всегда хотелось раздобыть это оружие.

У немецкого командующего были звучное звание и имя: вице-адмирал Ригеле (*новозеландец переоценил звание Херманна Ригеле (Hermann Rigele - 1891-1982), который был человеком в возрасте, выглядел солидно и на тот момент был комендантом порта Триест в звании Fregattenkapitän – ВК*). Поговорили с ним, и он сказал, что уже во второй раз в жизни ему приходится капитулировать. Он отдал мне свои часы, автомобиль и радиоприемник. В прошлом он бывал в Новой Зеландии 4 или 5 раз во время службы в немецком флоте. Говорил, что ему понравилась Новая Зеландия, а американцам он ни за что не сдался бы. Вообще, отличный был парень. Потом наступил вечер, мы не могли раздобыть себе никакой еды, и пришлось просить немцев накормить мою роту.

CURITY
ER

AGE AT
CISCO

AT WORK
Correspondent
CISCO, MAY 3
w, Mr. Stettinius,
her consultations
with a view to
ork of the United
ch passed to the
ning.
the conference has
hase—the practical
is and 12 technical
preparing an actual
. The first phase
ther series of state-
hairmen of delega-
itements reiterated
on Oaks proposals
ard in the Opera
size the importance
ights in whatever
red; insistence that
be given to the
; and, as was ably
e, the Norwegian
e of the idea that
conflict of interests
untries."
peeches, that made
Minister of Syria,
oral level which it
ancisco. He main-
g fought to uphold
find mentioned or

FALL OF TRIESTE

SURRENDER TO NEW ZEALANDERS

An official report from headquarters of 15th Army Group in Italy yesterday stated:—

Fighting has ceased in northern Italy west of the Isonzo river with the unconditional surrender of all enemy troops under command of German Army Group "C." There remain only the multitudinous administrative details of assembly and disarming the scattered and disorganized remnants of the once proud *Wehrmacht*.

In north-east Italy the New Zealand Division has occupied the important port of Trieste. General Freyberg accepted the surrender of the German garrison to the allied forces at 4.30 p.m. on Wednesday. Elements of the New Zealand Division have also occupied Gorizia.

The total number of German prisoners taken by the 15th Army Group before the cessation of hostilities was in excess of 230,000.

RETURN OF S. AFRICAN TROOPS

CAPETOWN, May 3.—Men of the 6th South African Armoured Division now in Italy are to return home as soon as transport is available, the South African Defence Department announced to-day.

According to an official statement the allies will not require the division for garrison duties, and it has been agreed that South African troops shall be repatriated.

"Some South African units will continue to be used for maintaining lines of communication through the Mediterranean to the Far East and for similar duties," it was stated. "For these purposes 12 South African Air Force squadrons and some 40 engineer, signal, transport, workshop, and security units will be retained in the north during the second phase of the war."—*Reuter*.

BRITI
RANG

RAPID A

JAPANES
TRA

The following s
was issued by South
yesterday:—"Troo
entered Rangoon th

ADVANCED H.Q.,
fate of the Japanese
Burma has been sea
day of allied land
and with the captur
from Rangoon.

A few stragglers ma
line running down the
way, but most of the

Статья в британской газете, оповещающая читателей о капитуляции гарнизона Триеста

Ну а ваши парни как общались с немцами?

Конечно, по-хорошему, их ведь немцы накормили. Мой сержант подошел ко мне и сказал: «Некоторые немцы надрались.» Я передал это адмиралу, он наорал на своих, и все угомонились. На меня произвела глубокое впечатление немецкая дисциплина, даже после капитуляции. Я как-то сидел за столом с немцами, у нас было что-вроде дискуссии, и я спросил: «Для чего вы, немцы, начали войну?» Они ответили: «Не мы ее начали, а вы.» Технически они были правы, поскольку они вторглись в Польшу, а Англия объявила им войну. Вообще, это был вопрос о том, что имеется в виду и как это воспринимать …

Новозеландцы общаются югославскими партизанами. Триест, 4 мая 1945 г.

Что было самым страшным в Италии?

Таких моментов было много. Самым трудным был бой в Каса Эльто 14 декабря 1944 г. Была ночная атака, я взял свой резервный взвод, и мы наткнулись на минное поле. Мины были размером с кирпич и отрывали людям ступни и ноги. Справа от меня был сержант Фаук (Fowke), он наступил на мину и погиб, слева от меня еще один парень подорвался и был убит. Казалось, стоило нам сделать шаг вперед, и кто-то подрывался на мине и погибал. Где-то над нами проносились пулеметные очереди. Я расслышал, как немцы переговариваются друг с другом. Шел снег, видимость была неважная. По какой-то канаве мы незаметно проползли вперед на нужное расстояние, перегруппировались, и перебили немцев, оставленных за спиной.

Когда идешь в атаку ночью, один из четырех попадает в разряд убитых и раненых. Поведешь 120 человек, 30 из них не будет к завтраку.

У вас есть ранения?

Только царапины, ни одного ранения. Как-то оглушило на целую неделю, еще неделю мучили головные боли, но остался в строю.

А что-нибудь еще можете вспомнить из трудных ситуаций? Типа того, как вы застряли на минном поле?

Ха-ха. Вспоминаю смешную историю. Каждую ночь мы ходили в атаку, и у нас был парень, который куда-то исчезал, а потом всегда появлялся у полевой кухни. И дезертирство ему невозможно было пришить, потому что доказать это было невозможно. Он всегда говорил, что заблудился в темноте. Ну мы говорили ему: «Попытаешься удрать, мы тебя пристрелим.» Так или иначе, но однажды ночью он был ранен в ногу. Санитары положили его на носилки, но тут появились двое немцев. Санитары показали на свои повязки с красным крестом, но немцы открыли огонь, и санитары бросились наутек. И тут этот раненый обогнал их! Вот такая рана …

Как вы можете охарактеризовать солдата-киви, с которым вы служили бок об бок?

В основном, у нас служили добровольцы, это был дисциплинированный народ, более дисциплинированный, чем *оззи*. Мои ребята были инициативными. Новозеландцы гордились собой. Австралийцы вели себя так, будто все здесь принадлежит им, а новозеландцы так, будто им до фени, кому что принадлежит.

АНЦИО

В 21.00 7 февраля немцы возобновили наступление на Камполеонский выступ. Им удалось вбить клин между 5-м Батальоном Гренадеров-Гвардейцев/Grenadier Guards 24-й Бригады и 2-м Батальоном Северо-Стаффордширского Полка/North Staffordshire Regiment 2-й Бригады, при этом они почти сумели окружить оба батальона. За героизм, проявленный в контратаках, сорвавших планы немцев, был награжден *Крестом Виктории* командир роты, майор Сидней [William Sydney, 1909-1991, он же 1-й Виконт Де Лил/1st Viscount De L'Isle *(в 1961-1965 гг. – генерал-губернатор Австралии)*]. Однако к 10 февраля британцы были вытеснены из выступа. 11 февраля поступил приказ перейти в контрнаступление и вернуть потерянные участки, но немцы перехватили радиосообщение об этом и отбили плохо организованную контратаку…

*Об этих боях вспоминает британский сержант **Уильям Хёрд (William Ernest Heard)**:*

«Батальон выдвинулся на новую позицию в вади (британцы, как и в Северной Африке, использовали этот термин для сухих ручьев – ВК). На рассвете противник начал полномасштабное наступление. Мы сильно уступали ему в численности. [Вражеские]

пулеметы смели с позиций Роту А, минометы, ведущие непрерывный огонь, наносили нам тяжелые потери. Однако и немцы несли потери…

Неожиданно мы поняли, что треск пулеметов стал доноситься до нас также и со стороны тыла: рота была окружена. Несмотря на все наши усилия численное превосходство немцев давало себя знать. Радист сообщил в штаб батальона: «Мы окружены прямо напротив вади.» Потом наступила тишина. Через 10 минут другие роты сообщили о том, что появились признаки ослабления атакующего напора [противника]. Мы сдержали первую волну, но стоило это нам дорого и в людях, и в боеприпасах. Следующие 5 часов мы были под постоянным артиллерийским и минометным обстрелом, и в этих трагических и жестких обстоятельствах мы должны были готовиться к новой атаке [противника]. Многим раненым приходилось самим перевязывать себя, и, хотя наиболее сильно пострадавших подготовили к эвакуации, большинство тех, кого зацепило, решили остаться на передовой. Такими были боевой дух и чувство товарищества, которые проявят себя в течение последующих пяти дней и ночей, когда мы окажемся в окружении.

Британцы в обороне

В начале второй половины первого дня заместитель командира батальона был убит (комбат был убит днем ранее во время рекогносцировки). Майор Норкок (Norcock), таким образом, принял на себя команду над сильно поредевшей частью. Вскоре после этого началась атака, которую мы ждали, и на этот раз основной удар пришелся по правому флангу. Несмотря на понесенные ранее тяжелые потери, мы отказывались отступать. Мы знали, что здесь речь идет о главном для немцев шансе прорвать оборону всего плацдарма. Следующие три часа мы расходовали боеприпасы очень бережно и считали каждый патрон. Тем не менее, две наши передовые позиции были смяты. В итоге, атака остановилась, и у нас появилась возможность пополнить припасы и немного отдохнуть.

Около полуночи немцы возобновили атаку, получив подкрепления, и окружили еще две наши роты. Штаб батальона больше не получал от нас радиосообщений, но уже долгое время они могли слышать шум боя, который, как там боялись, мог стать последним. Однако по мере того, как у нас становилось все меньше боеприпасов, свист пуль и треск пулеметных очередей стих.

Но и это был не конец! В 04.30 следующего дня мы сумели отправить в штаб бригады сообщение: «Мама и дитё в полном порядке.» Это означало, что батальонный штаб и последняя рота все еще сражаются… На рассвете мы решились на неожиданную атаку и пошли вперед на группу домов, занятых противником, откуда по нам постоянно постреливали снайперы. Рядом с этими зданиями майор Норкок был ранен, и капитан Клоузбрукс (Closebrooks) принял на себя команду над небольшой группой уставших, но становившихся все более агрессивными солдат. Мы заняли позиции на новом участке, и после боя, который и дальше продолжался всю день и всю ночь, немцы опять пошли в

атаку на рассвете. Капитан Клоузбрукс услышал, как связист из штаба батальона передал: «Нас зажали. Боши (одна из кличек немцев – ВК) засыпают нас гранатами!» …

Те немногие из нас, кто остался от всего батальона, окопались в сухом ручье и установили проволочные заграждения. Дела были плохи. Батареи нашей рации почти полностью сели, и мы не включали ее, чтобы иметь хоть какую-то связь на случай, если понадобится вызвать огонь артиллерии для отражения новых атак. Боеприпасов оставалось мало, каждый патрон должен был расходоваться с максимальной пользой. Мы отчаянно нуждались в провианте, и теперь нам приходилось подбирать корки и объедки, которые мы побросали за прошедшие дни. В дневное время мы не могли передвигаться, поскольку даже минимальное перемещение притягивало шквал пуль. Мы были загнаны в небольшие ячейки, которые мы укрепили и обложили камнями. Эти окопчики были забиты людьми, и в них быстро установилась полная антисанитария, поскольку нам приходилось оправляться прямо в них.

В четвертую ночь боевой эшелон «В», состоявший из клерков, поваров, водителей, механиков и прочего административного народа попытался прийти к нам на помощь и доставить припасы, но их отбросили интенсивным перекрестным огнем пулеметов, минометов и артиллерии. После этого немцы попытались воспользоваться ситуацией и атаковали нас с фронта и с тыла. Только огонь поддерживающей нас артиллерии, стреляющей прямо по нашей позиции и вокруг нее, помог нам отбить эту атаку…

Противник отступил, его потери были велики, убитые и раненые [немцы] лежали повсюду. Однако он снова перегруппировался и продолжил свое дело. Время от времени на прилегающую дорогу выкатывался немецкий танк, буквально в нескольких ярдах от нашей позиции. Оттуда он обстреливал наш тыл: он был так близко, что было слышно, как перекликаются члены его экипажа и как каждая снарядная гильза падает на пол башни танка. Каждый из нас не мог не думать о том, что следующий снаряд упадет среди нас. Эти изнуряющие атаки продолжались всю ночь и весь следующий, уже пятый день боев через определенные интервалы времени… Нас оставалось менее 100 человек. В пятую ночь наш одинокий танк пробился к нам и подвез боеприпасы, пищевые рационы, сигареты и батареи для рации. Со всем этим мы продержались еще день, после чего нас сменили. Нас уцелело 60 из первоначальной численности батальона в 1 000 человек…»

16-20 февраля, немцы потеряли в атаках в стиле ПМВ, по меньшей мере, 5 389 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести (в плен в эти дни попали 609 немецких солдат и офицеров). Например, 21 февраля, после серии отбитых атак противника, солдаты 179-го Пехотного Полка американцев насчитали напротив своих окопов около 500 трупов. Бежавший из плена американец рассказал, что во время марша в колонне пленных он видел штабеля со 150 трупами немцев в каждом и всего насчитал около 1 500 тел погибших. Потери союзников составили 3 496 убитых, раненых и пропавших без вести, включая 1 304 пленных. К 22 февраля в строю в 508-м батальоне осталось менее десятка боеготовых *Тигров*.

Вспоминает британский военный корреспондент ***Уинфорд Вон Томас*** *(****Wynford Vaugn Thomas****, 1908-1987):*

«По сей день я не понимаю, в чем заключалась тактика немцев, ведь они вернулись к [установкам] Первой Мировой войны, бросая в бой одну часть за другой, и наступил момент, когда вы видели, как они поднимаются из своих окопов, как в старых фильмах о сражении на Сомме, и падают, скошенные нашими пулеметами… Снова и снова они шли по лунному ландшафту, усеянному подбитыми танками, брошенными джипами и болтающимися обрывками колючей проволоки…»

О жизни на плацдарме в период статичного положения линии фронта рассказывает британский сапер **Джеймс Глю (James Glew)**, 1-я Дивизия:

«Условия под Анцио напоминали траншейную войну на Западном фронте времен ПМВ. При дневном свете, за исключением моментов, когда какое-то движение по ту или другую сторону фронта провоцировало выстрел снайпера, пулеметную очередь или огонь пушек и минометов, все было тихо и спокойно. Опускалась темнота, и плацдарм оживал. Патрули уходили в поиск, потом откатывались назад. Эвакуировали раненых и хоронили убитых. Время от времени начинался беспокоящий обстрел, взлетали осветительные ракеты, после чего сразу прекращалось всякое движение. У *джерри* были многоствольные минометы, которые могли одновременно выпускать несколько снарядов. Их батареи наводили страх, а залпы производили безошибочно узнаваемый вой, поэтому мы звали их *Стонущие Минни/Moaning Minnies*. В отличие от Западного фронта ПМВ у нас не было тыла, и никто не был в безопасности. Весь плацдарм был в пределах досягаемости артиллерии, и большая часть потерь в тот период времени была вызвана огнем пушек и авиабомбами… Были дни, когда наш сектор поливала огнем с воздуха пара Мессершмиттов 109. Они проносились над нами очень низко и стреляли по всему, что видели. Мы прозвали их Герт и Дэйзи *(женские персонажи британской комедии* Gert and Daisy*'s Weekend 1942 года - ВК)*… Бомбардировщики *джерри* потопили госпитальное судно, вроде, оно называлось St. David. Оно стояло на якоре у берега, и на нем были хорошо видны красные кресты.

Как-то я видел, как британский конвой из шести или семи грузовиков свернул не туда, куда нужно, и выехал на ничейную полосу. *Джерри* занимали здание фермы и держали дорогу под наблюдением. Они разнесли первый грузовик, а потом скосили из пулеметов водителей остальных, которые пытались бежать. Их тела лежали там довольно долго… Вся равнина была усеяна подбитыми американскими *Шерманами* и немецкими танками, а еще всюду и везде валялись убитые коровы... Мой сосед по палатке был убит, когда мы укладывали минное поле. Мы даже не знали, что с ним случилось: просто его разнесло в клочья. Ужас…»

Британцы и американцы использовали любую возможность для того, чтобы найти убежища от бомб и снарядов. Под укрытия оборудовали подвалы разрушенных зданий, тоннели, водостоки. Для штабов создавали подземные укрытия в скальных выступах. Британцы даже выкопали себе подземный кинотеатр. Впрочем, и немцам приходилось несладко под артогнем союзников. По кадрам кинохроники можно оценить количество выпущенных союзниками снарядов по завалам из гильз рядом с батареями: они были ничуть не меньше, чем во времена ПМВ…

Близость передовых немцев и союзников иногда обуславливала возникновение комичных ситуаций. Иной раз окопы противоборствующих сторон оказывались столь близко друг к другу, что союзные и немецкие солдаты хором пели *Lili Marlene* – немецкую солдатскую песню, ставшую популярной по обе стороны фронта. Об одном из других курьезных случаев рассказывал британский сержант **Билл Беккетт (Bill Beckett)**:

«Сидя в окопах, мы посылали парней подобрать и принести воду и провиант, которые нам подвозили в условленные места. Поскольку это делалось в темноте, они протягивали белую ленту от места размещения нашей части до точки, куда подбрасывали припасы. Ну а немецкий патруль взял и передвинул эту ленту поближе к своей позиции (там они подобрали полагающиеся британцам рационы – ВК). На следующее утро мы услышали, как они орут нам с другой стороны бугра: «Ты получил свою воду, *Томми*? А рационы тебе привезли?»»

ПРОРЫВ ГОТСКОЙ ЛИНИИ

13 сентября 1944 года - поддерживаемые с моря и с воздуха, 5-й Британский и 1-й Канадский корпуса возобновили наступление на высоты гряды Кориано. Немцы упорно сопротивлялись. Вспоминает британский танкист **Том Кэннинг (Tom Canning)**:

«Поздним вечером 15-го мы снова были на пути к нашим позициям, готовые вступить в следующую стадию боев за городок Сан Мартина, оказавшийся крепким орешком – главным узлом обороны на гряде Кориана. Вместе с [позициями врага] под Сан Фортунато он дал немцам возможность хорошо потренироваться на отстреле танков из 88-миллиметровок… Рано утром 16-го проблема с 88-миллиметровками еще не была устранена, так что мы просто стояли и ждали, пока артиллеристы не накроют их. Очевидно, им не удалось подавить их, поэтому два эсминца Королевского Флота молотили по немцам еще полчаса. Затем была очередь Королевских ВВС, которые обстреляли все, что попалось им под руку. Они пообещали вернуться, чтобы покончить с немцами… Свое слово они сдержали, и три Спитфайра появились и обстреляли нас, когда мы завтракали. Настроения это не улучшило. Однако потом они разобрались что к чему и накрыли 88-миллиметровки, убедив нас в том, что мы можем начинать атаку ни о чем не беспокоясь…

В 13.30 пехота пошла в атаку вверх по склону, мы уже вскоре двинулись за ней и были на вершине к 14.00. Уже в 14.05 мы поняли, что нас видно, как на ладони, и немцы разносят пехоту в клочья. Я пытался прикрыть их дымовой завесой, но это оказалось неэффективным, потому что ветер с Адриатики сносил дым…»

О последнем этапе осенних боев на Готской Линии вспоминает новозеландец, сержант ***Артур Глэдстоун (Arthur Gladstone)****, пулеметчик:*

«Мы переправились через реку Мареккьо в районе Римини и тронулись дальше, но потом пошли дожди – они лили и лили. Машины начали увязать в грязи, танки соскальзывать в придорожные канавы, и даже полноприводные машины не могли сдвинуться с места. Наступление превратилось в продвижение ползком, все еле двигалось от дома к дому, от реки к реке, от канавы к канаве, и все это под дождем. Через месяц или около того нас отвели на отдых…»

Суровые климатические условия продолжали оказывать негативное воздействие на физическое и психологическое состояние войск союзников. Впереди их ждали горы, распутица, не желающие капитулировать немцы и наступление без ясной и определенной цели, такой, какой был Рим в прошлом году. Об этом ожидании вспоминает британский танкист **Джеймс Палмер**:

«После падения Рима мы обошли город с севера и встали. Тем временем существенная часть сил генерала Кларка была снята с фронта для участия во вторжении в Южную Францию и отвлечения сил противника от Нормандии…

В конце июля мы переместились в район, расположенный непосредственно к северу от Рима, для короткого отдыха. Место называлось Лидо де Рома/Lido de Roma. Было жарко и не было житья от мух, но мы несколько дней отдыхали и наведывались в Рим. Въехав в город, мы поняли, что недавние бои не нанесли ущерба городу… Он производил впечатление, которое портили разложение и коммерциализация. Продуктов не хватало, на улицах было жарко и пыльно. Восхитительные дворцы и храмы с красивыми фонтанами и садами затмевали грязь и нищету задворков и бедных кварталов. Попрошайки, сутенеры, проститутки, ворье и спекулянты были везде и всюду. Никто никогда не хотел иметь Муссолини [у власти], или так теперь все говорили. И определенно никто никогда не был фашистом! Я тогда думал, что итальянцы – скользкий народ, и лично я не хотел ничего от Рима с его тлением и аморальностью. Я считаю, что мы должны были оставить их с их германскими хозяевами.

В конце июля мы двинулись на восток в направлении Адриатического побережья. Здесь начиналась трудная кампания, продолжившаяся зимой. Наша следующая операция имела место в глубине Апеннин, в районе городов Спулетто и Перуджа. Это была отвратительная местность, совершенно не подходившая для использования танков…

У немцев было преимущество, поскольку их линии снабжения на севере были в безопасности, а располагая позициями на горных вершинах, они могли наблюдать за всеми

нашими перемещениями. Несколько 88-миллиметровок, расположенных на вершине горы, и хороший пункт наблюдения, корректирующий стрельбу, могли задержать целую дивизию на несколько дней. Стоило одному нашему танку сдвинуться с места, как на него обрушивался шквал снарядов… Пехоте приходилось биться за каждый дюйм, продвигаясь вверх по горным тропам, но стоило ей взять один узел обороны, как выяснялось, что противник отошел и обосновался на другом, расположенном на следующей горной гряде.

Само собой, немцы оставляли за собой взорванные мосты и разбросанные по горным дорогам мины. Они начали использовать мины нового типа в деревянном корпусе, которые было крайне трудно обнаружить с помощью обычного миноискателя. Это были противопехотные мины, взрывавшиеся где-то в одном над землей. Пострадавшему почти гарантированно отрывало ноги ниже коленей.

Их артиллерия была также весьма эффективной. Их 88-миллиметровки намного превосходили наши пушки, и еще у них были многоствольные минометы под названием *Nebelwerfer*, выпускающие шесть снарядов сразу. Характерной особенностью Итальянской кампании был постоянный беспокоящий огонь противника. Смотришь на другую сторону долины, видишь вспышку, затем слышишь ужасающий свист летящего над головой снаряда. Затем видишь облако дыма там, где он упал, за чем следует грохот взрыва. Наихудшим вариантом было падение снаряда неподалеку от тебя, после чего воздух наполнялся раскаленной шрапнелью, которая с шипением осыпала нас белым металлическим дождем. Не думаю, что между июнем и ноябрем 1944 года был день, когда бы не было артобстрела. Мы были в радиусе действия артиллерии противника постоянно. В предыдущих кампаниях мы всегда могли убраться из обстреливаемого пространства, перегруппироваться и подготовиться к следующему встречному бою. Здесь встречных боев просто не было: было постоянное прощупывание [обороны противника] со скоротечными боями, которые продолжались пару часов. Наши концентрированные атаки натыкались на ожесточенное сопротивление фанатично настроенных немецких юнцов, которые считали, что умереть, стреляя по врагу из пулемета, - прямой путь в *Вальхаллу*…

Один такой бой случился близ Перуджи на восточных склонах Апеннин. Мы очень медленно продвигались на север, по нескольку миль в день. Лил дождь, горные ручьи превратились в бурные потоки. Пехотинцы перемещались от одной воронки к другой, в то время как мы поддерживали их огнем, когда они натыкались на огневые точки врага. Дважды нас просили выдвинуться вперед и подавить пулеметные гнезда. Стоило нам выкатиться впереди пехоты, как на нас обрушился жесточайший огонь артиллерии и минометов. Огонь вели с окружающих высот, нам он большого ущерба не нанес, но у пехотинцев защиты не было. Они стали орать на нас, требуя, чтобы мы убрались, так как наша попытка помочь только ухудшила их положение. Вот так бывало: пехоте была нужна наша поддержка, но когда мы двинулись вперед, бедных парней в их воронках и закопушках начало перемалывать, поскольку танки стали целью противника…

Был день, когда мы атаковали невысокую гору близ города Урбино. В конце, когда местную деревню штурмовали пехотинцы, противник отступил к кладбищу на северных склонах горы за деревню. Немецкая пехота засела за гранитными памятниками с пулеметами. Сцена боя была мрачной. Обе стороны вели огонь из-за памятников, расположенных всего в 25 ярдах друг от друга. С обеих сторон стреляли минометы, а мы, танкисты, могли только наблюдать за этим со стороны, опасаясь открывать огонь, потому что могли попасть по своим. Все было так, будто мы смотрели кино. Все казалось нереальным. Могилы раскрывались от прямых попаданий, в воздух взлетали кости и целые скелеты. Раненые оставались лежать среди останков давно умерших людей. Мы просто стояли, смотрели на это, остолбенев, и просто не верили в то, что это действительно происходит. Я помню то, о чем думал тогда, - я думал, что схожу с ума. Когда же это кончится? Уже больше четырех лет я участвовал в преднамеренном уничтожении части человечества. Мне казалось, что с каждым днем я все глубже погружаюсь в бездну людского безумия. Это когда-нибудь закончится? Закончится ли это тем, что я стану одной из жертв этой истерии?

После этого боя мы оказались в независимом государстве Сан-Марино с его замком на вершине горы. У Сан-Марино была собственная маленькая армия. Ее военнослужащие

были одеты как оловянные солдатики из итальянских опер. Когда мы прибыли на место, все гражданское население укрылось в железнодорожном тоннеле. Немцы ушли. Наша танковая колонна съехала с горной дороги. Справа от нас находился обрывистый склон речной долины. Уже четыре дня постоянно шел дождь, и дорога шириной всего в 20 футов утопала в грязи. Вниз по склону стекали потоки воды, они скатывались с дороги словно водопад. Танки прижались к склону и оставались там до рассвета. Затем мы обошли гору, чтобы присоединиться к нашей пехоте, которая продвинулась вперед в направлении города Каррара/Carrara. Наша колонна снабжения расположилась в долине в нескольких милях от фронта. Нам разрешили поспать, и мы улеглись под машинами, укрывшись плащ-палатками… Где-то в два часа ночи мы проснулись от грохота, доносившегося со стороны тыла. Грохот усилился. В свете луны мы увидели, как склон горы сползает к дороге. Пока мы смотрели на это, последний танк в колонне, казалось, перевернулся и утонул в грязи. Затем вся дорожная выемка соскользнула сползла в реку с оглушительным грохотом. Танкисты, спавшие под своей машиной, утонули. Поднялась паника, и мы умчались со склона горы, словно *летучие мыши из ада (like bats out of hell).*

Союзники взяли город Римини, расположенный на восточном побережье, и Готская Линия была прорвана. Мы были на пути к долине реки По, и гористая местность стала сменяться волнистыми равнинами. Нам было приятно снова оказаться на открытом пространстве… Когда мы подошли к городу Модена/Modena, нас отправили на патрулирование. Наступил момент, когда нам пришлось вернуться, чтобы дозаправить машину. Мы укрылись за небольшим зданием фермы, и вошли в дом. Там мы наткнулись на небольшую группу пехотинцев, которые отдыхали и ждали, чтобы их подбросили в тыл. Пришла их очередь отдыхать, и их сменщики только что прибыли на передовую. Они растянулись на полу и кипятили чай. Дымились сигареты… Помещение было довольно большим, и двое парней установили пулемет в одном из окон, на всякий случай. В другом конце комнаты была здоровенная печь. На полке над ней стояли красивые часы с мраморным корпусом и позолотой. Это было превосходной добычей, и я пошел туда, чтобы прихватить их. Я не сделал и двух шагов, как пехотинцы завалили меня на пол регбийным захватом. «Ты – долбаный придурок! Это заминированная ловушка!» - орали они. Я тут же понял, какую глупость собирался совершить… Чай уже был почти готов, когда из дверей донесся шум. Рыча и хохоча, в комнату завалились пятеро гуркхов. Эти гуркхи были отличными ребятами, они всегда улыбались, и, по моему мнению, были лучшими в мире солдатами. Их всюду и всегда приветствовали. Один из них глянул на часы, и, прежде чем мы сумели остановить его, он приблизился к часам и взял их в руки. Оказалось, что никакой ловушки там не было, так что он уложил часы в свой ранец. Мы покатились со смеху, обозвали его нахалом, но никто из нас не испытывал зависти…

Флоренция была взята, пал и город Римини. Готской Линии больше не было, и немцы отошли к реке По. Наступил зима, полетели снежинки, вершины гор стали белыми. Стало холодно, сыро и мерзко. Всюду была грязь, артобстрелы продолжались днем и ночью. Мы были измотаны, настроение становилось все более подавленным. Конца всему этому не было видно. Каждый раз перед нами оказывалась еще одна река, которую нужно было форсировать, или еще одна гора, на которую предстояло взобраться. Погода ухудшалась. Радости от того, что мы теснили противника к Альпам, на самом деле, было мало. Нам казалось, что надежды на то, чтобы закончить бои с этими бесчувственными немецкими пехотинцами, просто нет. Они и сами не знают, побиты они или нет. А правда заключалась в том, что мы были измотаны до предела…

Офицер сообщил мне действительно радостную новость. Пришел приказ о том, что солдаты, прослужившие три года заграницей, будут отправлены домой, в Англию! … Путешествие в Неаполь был долгим и утомительным. Утешало то, что мы едем в правильном направлении. Мы проехали вдоль Адриатического побережья до города Фоджа, затем повернули на запад, пересекли Апеннины и приблизились к Неаполю на небольшом расстоянии пешего хода от подножия Везувия и древнего города Помпеи. Мы быстро глянули на руины, а затем съехали вниз к окраине города и большому транзитному военному лагерю посреди большого поместья.

Это было мерзкое место, забитое военнослужащими, перебрасываемыми с места на место. В основном это были подкрепления, направляющиеся к линии фронта. Здесь были тысячи людей с изрядной долей тех, кто дезертировал с передовой. Никто не знал, кто есть кто, всюду был просто полный хаос. Чтобы тебя накормили, нужно было получить купон в лагерной комендатуре. Очередь на завтрак начинала выстраиваться в 6 утра и стояла, пока не кончалась еда. В иные дни приходилось стоять в очереди до 9 утра, чтобы узнать о том, что тебе ничего не осталось. Чтобы получить ланч, нужно было становиться в очередь в 10 утра, и тебе везло, если ты получал еду до 2 часов дня. Что касается ужина, никто о нем и не беспокоился, предпочитая получить увольнительную в Неаполь еще до того, как заканчивался ланч.

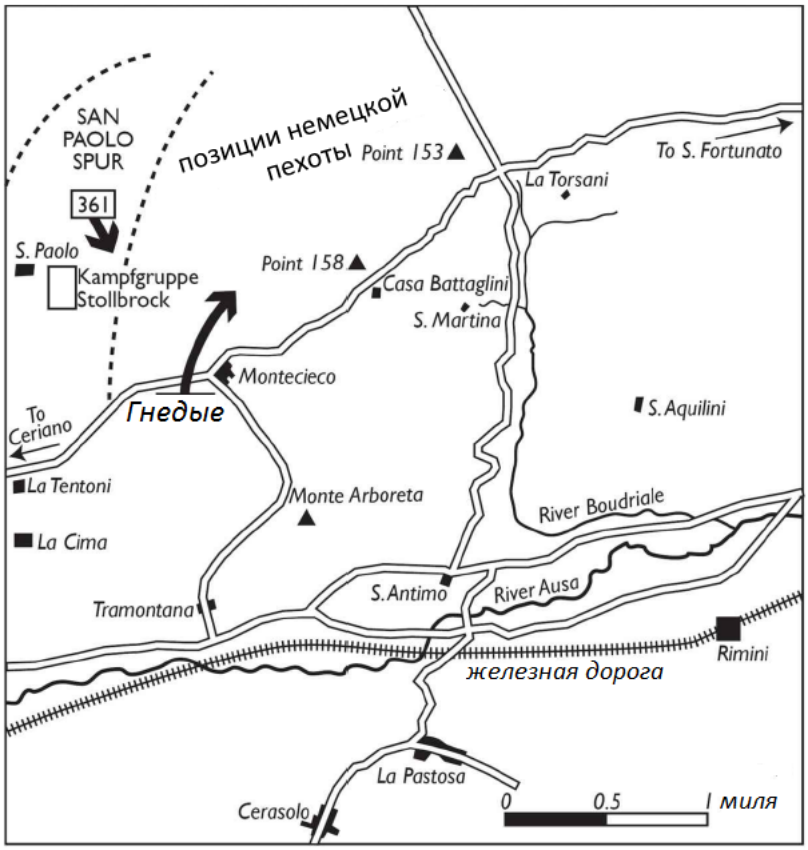
Мы жили в палатках, но наши вещи не были в безопасности, если мы не оставляли рядом с ними кого-то в качестве охраны. Мы с приятелями по очереди дежурили, чтобы палатка никогда не оставалась без присмотра. Половина людей в лагере были либо дезертирами, либо находились в нем неофициально. Никаких проверок не было, если не считать редких рейдов Военной Полиции. В нашей группе все получили справки о том, что мы находимся тут легально и ожидаем репатриации.

Я уже упоминал разложение, с которым мы столкнулись в Риме, но Рим был *воскресным школьным пикником* по сравнению с Неаполем. Город был забит дезертирами как из британской, так и американской армий. Эти две группы людей контролировали все: кафе, магазины, проституцию, сутенеров, даже снабжение бензином. Черный рынок процветал. Было трудно поверить в то, что творилось. Иногда между двумя группами происходили боестолкновения, и открыто объявлялись границы зон, контролируемых каждой из групп.

Никто не был в безопасности, и нам приходилось ходить по городу небольшими группами. Неаполитанцы растеряли все свое достоинство, предлагая все что угодно за еду или деньги, чтобы эту еду купить. Даже десятилетних детей предлагали купить за несколько лир. Существовала система рационирования еды, но продуктовые карточки, которые были у гражданского населения, были совершенно бесполезными. Все контролировалось спекулянтами. Несмотря на нехватку продуктов, в магазинах получше продавали деликатесы, и неаполитанцы позажиточнее, казалось, жили совсем неплохо. В недавнем прошлом в городе случилась эпидемия тифа. Что тут удивляться: весь город был грязным, замусоренным, вонючим, а водоснабжение было строго ограниченным.»

Об осенних боях на Готской Линии рассказывает ***Питер Уиллет***:

«После нескольких изматывающих маршей *Гнедые* 4 сентября включились в боевые действия на реке Конка, где столкновения шли уже девятый день. Река Конка и дорога, протягивающаяся вдоль нее, были довольно извилистыми. Конка стекала с гор на равнину, поворачивала направо под прямым углом, потом пару миль текла прямо, после чего поворачивала влево и устремлялась к морю, в которое впадала в районе города Каттолика *(примерно 10 миль к северо-западу от Пезаро – ВК)*. Мы форсировали ее в нижнем течении. Нам сообщили, что немцы беспорядочно отступают, и мы получили приказ немедленно вступить в бой без какой-либо паузы на отдых и техобслуживание танков. Передовые части нашей 46-й Пехотной Дивизии, как сообщалось, были уже на гряде впереди нас, и там должен был находиться стартовый рубеж для атаки. Максимальная скорость была важнейшим фактором. Времени на то, чтобы передать какую-либо информацию командирам экипажей, не было. Командиры эскадронов, которых проинструктировал полковник, должны были вести за собой своих людей к стартовому рубежу. Все поступавшие сообщения были переполнены ложной информацией. Патрули 46-й Дивизии, если даже они когда-то и выходили к гряде Кориано (а эти сведения, вероятно, было результатом неправильного чтения карт), были сброшены с нее, а немцы, которые вовсе не собирались драпать, занимали большими силами подготовленные позиции на гряде.

Атака Гнедых на Высоту 153 20 сентября 1944 года

Полк начал продвижение к стартовому рубежу двумя эскадронами: Эскадрон *C* слева от дороги у реки, Эскадрон *A* справа, немного выше по рельефу. Пройдя примерно половину расстояния, Эскадрон *C*, которым командовал майор Хибберт по кличке Уоши (*Washy* Hibbert), попал под сильный противотанковый огонь с вершины расположенного на южном берегу реки холма, на котором стояла деревня Сан-Джеммано, - этот холм господствовал над речной долиной. Зажатый между руслом реки с одной стороны и глубокой канавой с другой эскадрон не мог занять оборонительную позицию для ответного огня, и, когда один из танков был подбит и заблокировал обратный путь остальным, у танкистов не осталось других вариантов, кроме того, как продвигаться дальше к стартовому рубежу. То, что приключилось с ними потом, стало предметом рапорта замкомандира эскадрона Джона Маквэйла, написанного сразу после этого события:

«Продвигаясь вперед, мы поливали из пулеметов все - изгороди, канавы, дома, стога сена, фактически, все, где мог бы скрываться враг, а выйдя к деревне, мы стали стрелять фугасными снарядами по углам домов, в то время как наши пулеметчики вели огонь по дверям и нижнему ярусу окон. Командир эскадрона тем временем вел огонь из своего автомата по верхнему ярусу окон. Сначала эта тактика показала себя успешной, и, должно быть, шум и неразбериха напугали противника, так как несколько человек повыскакивали из канав и стрелковых ячеек и попытались бежать, однако многие попали под наш огонь.

Сразу к югу от Сан-Савино (небольшая деревня на гряде) произошло первое заметное событие, когда человек с базукой *(вероятно, это был панцершрек – ВК)* выпрыгнул из канавы позади танка майора Хибберта и попытался подбить его. Майор Хибберт застрелил его из своего пистолета. Севернее Сан-Савино мы проехали в нескольких футах мимо танка *Pz.IV* с его 75-мм пушкой, нацеленной на дорогу. Мы проскочили так быстро, что никто так и не выстрелил по нам. Затем мы поняли, что отрезаны и находимся в отчаянном положении, и каждый раз, когда мы останавливались, чтобы спланировать дальнейшие действия, по нам открывали огонь со всех направлений, и нам приходилось продолжать движение. Со временем мы вышли к точке К.13 (каменному дорожному знаку, расположенному не доходя 3-х км до Кориано) в [деревне] Сан-Мария, и, когда танк

капитана Маквэйла завернул за угол и улеглась пыль, он натолкнулся на танк Pz.IV, откатывающийся задним ходом настолько быстро, насколько это было возможно. Оба танка остановились, между ними было 15 ярдов, их пушки были нацелены друг на друга. Танкисты Корбетт (Corbett) и Джампс (Jumps), заряжающий и наводчик, выпустили четыре снаряда до того, как немец смог ответить огнем. *Pz.IV* задымился, и один из членов его экипажа выскочил из машины. Он попытался бежать, но был убит пулеметным огнем. В этот момент в танк майора Хибберта попал снаряд, он был обездвижен, и его экипаж выбрался из машины. Теперь дорога была заблокирована в обоих направлениях. Танк капитана Маквэйла съехал с нее влево в сторону дома, за которым укрылись майор Хибберт и его экипаж, после чего они начали совещаться, [что делать дальше.]

Противник продолжал вести огонь со всех сторон, и не прошло много времени, когда снаряд попал во второй танк. Мы побежали в укрытие как раз тогда, когда открыла огонь наша артиллерия и когда, после прямого попадания, загорелся наш танк. Мы залегли, потом кто-то заметил блиндаж, и мы, один за другим, побежали к нему. Блиндаж оказался большим в размере и был построен с большой заботой. Он был врыт в крутой уступ, его кровля была укреплена [распорками]. Там были стул, подушка, полбутылки кьянти и еще четыре пустые бутылки, корзина и много соломы. Мы посовещались и решили остаться в нем на ночь, надеясь на то, что наши займут деревню или той же ночью, или на следующее утро.»

Этим надеждам не суждено было сбыться, и через 48 часов отряд из состава Эскадрона *C*, прихватив по дороге пятерых пленных немцев, сумел вернуться к своим. Когда Эскадрон *C* попал под огонь со стороны деревни Сан-Джеммано, Эскадрон *A* получил приказ повернуть влево и поддержать его. Это был плохо продуманный маневр. Мы пересекали глубоко вспаханное поле, на котором несколько танков при повороте потеряли гусеницы, и мы уже не могли ничем помочь Эскадрону *C*. Когда мы развернулись, чтобы продолжить движение по прежнему курсу, было потеряно еще несколько гусениц, и тут мы попали под концентрированный огонь артиллерии с гребня гряды, что сделало дальнейшее продвижение невозможным. Так первый день нашего участия в итальянской кампании оказался совершенно неудачным.

Гряда Кориано была занята только через неделю, и, чтобы сделать это, потребовались усилия войск, эквивалентных по силам трем с половиной дивизиям. Сан-Савино, деревня, которую Эскадрон *C* объехал в первый день сражения, была занята двумя батальонами гуркхов при поддержке эскадронов *B* и *C Гнедых*, прикрывавших их от возможной контратаки. Эскадрон *A* оставался в резерве и прямого участия в боях не принимал. Эта гряда была намечена как стартовый рубеж для наступления на бегущего в панике противника, а на самом деле ее удерживали три ударные и обстрелянные в боях немецкие дивизии. Разведка сработала хуже некуда.

Всю следующую неделю мы преследовали немцев, продвигаясь по сильно пересеченной местности, пока не вышли к достигающему 10 миль в ширину проходу между Римини и крошечной горной республикой Сан-Марино с населением 25 000 человек… Единственный имевшийся в тех местах мост в городке Роверетта был взорван немцами, и альтернативный участок, - брод в районе города Бенефицио, по которому реку можно было форсировать, не справлялся с потоком машин, идущих на север. С этого момента и до конца сражения я не мог преодолеть клаустрофобию, которая возникала у меня, когда нескольким дивизиям приходилось бороться за место на узких дорогах, ограниченных глубокими канавами, из которых было невозможно вытащить сползший в них танк. К такой неразберихе добавлялись и артобстрелы… В то время как остальная часть полка застряла на южном берегу Аузы, Эскадрон *A* получил приказ продвигаться дальше, чтобы поддержать батальон мотопехоты полка Йоркширских Драгун/Yorkshire Dragoon, входивший во 2-ю Танковую Бригаду. Батальон атаковал высоту Монте Арборетта – изолированный холм в миле от Сан-Мартино на гряде Венти, господствовавший на дорогой, ведущей от реки к гряде. *Драгуны* вступили в ожесточенный бой, взяли высоту Монте Арборетта, но были сбиты с нее немецкой контратакой. Они вновь заняли ее, но понесли тяжелые потери. Эскадрон обошелся без потерь, но израсходовал большую часть боеприпасов и сжег большую часть своего горючего, маневрируя в окрестностях высоты.

Из-за сохранявшейся пробки в районе брода Бенефицио грузовики с необходимыми материалами не могли пробиться к нам, и это было то, что спасло нас в смертельно опасной ситуации 20 сентября.

В итоге, *Гнедые* переправились через реку во второй половине дня 19 сентября и начали продвижение в направлении деревни Монте Чеко – группы домов со школой среди них, расположенной на гряде Венти. План действий 5-го Корпуса включал в себя атаку *Гнедых* на *Высоту 153* в тот же вечер, но задержка на переправе оказалась столь продолжительной, что Дэниэл Эсквит, наш комполка, решил, что уже поздно, и отложил атаку на утро. Полк встал лагерем к западу от дороги, где к нему вновь присоединился Эскадрон *A*. Утром 20 сентября события стали развиваться стремительно. Полк покинул лагерную стоянку до первых лучей солнца и выдвинулся на позицию в 100 ярдах к западу от дорожного перекрестка, у которого находилась деревня Монте-Чеко. Танки встали на позицию на краю огромного, заросшего травой понижения в рельефе, над землей были видны только башни. Верхний *(западный – ВК)* край понижения находился в районе Чериано, и построек деревень Каса Чима и Каса Тентони. Когда рассвело, я увидел три или четыре наших танка *Черчилль*, разбросанных по понижению. Люки их башен были закрыты, и рядом с ними не было никаких признаков жизни. Я предположил, что они или были подбиты, или оказались неисправными, но после полудня они неожиданно тронулись с места и ушли вниз в направлении Аузы. Цель их временного присутствия осталась неизвестной. *Высота 153*, которую предстояло атаковать полку, находилась в одной миле к северо-востоку от Монте-Чеко. Она господствовала над дорожным перекрестком, находившемся на гряде, и над расположенной ниже и дальше к северо-востоку местностью в районе Сан-Фортунато, - там позиции немцев атаковали канадцы. Пока полк перегруппировывался, он находился под огнем снайперов из дома, находившегося где-то близ Монте-Чеко. С тыла, со стороны Чериано, немцы вели по нему ружейно-пулеметный огонь, стреляла и противотанковая артиллерия. Эсквит решил, что атака невозможна, пока не будет устранена угроза с тыла, и приказал Эскадрону *B* отправить туда танки, чтобы решить проблему. Два танка этого эскадрона были быстро выведены из строя, и машина сержанта Бёрли продолжила атаку в одиночку. То выскакивая из танка, то снова запрыгивая в него, Дон Бёрли (Don Burley) вел бой против немецких пехотинцев, пока не был ранен осколком гранаты. Потом он вернулся в свой эскадрон, чтобы принять участие в атаке на *Высоту 153*.

В 09.50 пришел приказ о начале атаке на *Высоту 153* в 10.15. Эсквит тщетно возражал против этого, говоря, что высоты в его тылу все еще удерживаются противником, что путь к цели простреливается противотанковыми пушками, расположенными севернее, что он уже потерял несколько машин и что его резервный эскадрон остался почти без горючего и без боеприпасов. Бригадир Ричард Гудбоди (Richard Goodbody, 1903-1981) отвечал, что все это хорошо известно, но атака является важной составной частью плана боевых действий корпуса, нацеленных на ослабление давления на канадцев, и поэтому ее необходимо осуществить. Так эта самоубийственная атака силами эскадронов *B* и *C* была начата в назначенное время. Покинув свои позиции, на которых над землей просматривались только башни, танки немедленно попали под шквал огня 75-мм самоходок и 88-миллиметровок Боевой Группы (Kampfgruppe) *Stollbrock*, занимавших позиции в районе усадьбы Сан Паоло и Пяно деи Венти. Эта местность была почти лишена деревьев, и ничто не мешало артиллеристам вести прицельный огонь. Расстояние до немцев составляло около 600 ярдов, - для немцев то же самое, что стрелять в упор, и танки двух эскадронов начали выходить из строя один за другим без какой-либо надежды на ответный огонь. Под прикрытием дымовой завесы три танка из Эскадрона *B* сумели вернуться в целости и сохранности на стартовый рубеж, но ни один танк Эскадрона C не вернулся из боя. Танкисты лишились какой-либо возможности получить помощь от поддерживающей нас артиллерии (из состава Полка *Honorable Artillery Compa*ny), когда танк нашего офицера-артиллерийского наблюдателя Квентина Дрейджа (Quentin Drage) был подбит, а сам он был убит, когда сопровождал передовые танки Эскадрона *C*.

В это время я был на тыловой связи от Эскадрона *A*, - это означало, что моя рация была включена с настройкой на ту же частоту, что и рации заднего эшелона других эскадронов

и рация комполка и что я был связующим звеном между ним и моим командиром эскадрона, Джекки Хармэном, рация которого была настроена на ту же частоту, что и рации остальных танков эскадрона. Очевидно, на Эсквита давили, чтобы он возобновил атаку силами Эскадрона *А*, потому что он вызвал меня и сказал: «У тебя хватит бензина на несколько миль?» Я ответил совершенно однозначно, что не хватит. Потом он сказал: «Недостаточно, чтобы сделать небольшой рывок галопом?» Я снова ответил: «Нет.» Думаю, я спас эскадрон от самоубийственного шага. Потом наступил полдень. Вскоре после этого эскадрон 9-го Уланского под командованием Дерека Элхусена (Derek Alhusen) был переведен в подчинение *Гнедых* для еще одной атаки на *Высоту 153*. Их полковник, Джек Прайс (Jack Price), прибыл вместе с ними и, посовещавшись с Эсквитом, переговорил с бригадиром, сказав тому, что 9-й Уланский готов к атаке и что каждый танкист готов исполнить свой солдатский долг, но британцы потеряют еще один танковый полк, если не будет принят другой план атаки. Бригадир Гудбоди взял на себя ответственность за приостановку атаки и приказал Прайсу просто закрепиться на достигнутом рубеже. После сражения он был снят с должности…

Панорамный снимок местности, по которой Гнедые пытались прорваться к Высоте 153

Изначальный план командующего 5-м Корпусом Кейтли страдал двумя фундаментальными изъянами. Во-первых, цель атаки не была видна со стартовой линии, потому что ее заслоняла *Высота 158* с ее фермерскими постройками. Во-вторых, она подразумевала продвижение вдоль удерживаемых противником сильных позиций, из-за чего танки попадали под огонь противотанковой артиллерии с близкого расстояния как с тыла, так и с левого фланга, - такой маневр просто не мог привести к успеху. Было ясно, что подходящим направлением для атаки на *Высоту 153* было северное, от высоты Монте Арборетта в сторону Сан-Мартино, на северо-восток от *Высоты 158* и дальше вдоль идущей по гряде дороге к перекрестку, рядом с которым находилась *Высота 153*. К осуществлению этого плана приступили вечером того же дня, и это привело к тому, что немцы оставили свои позиции к югу от реки Мареккья в ту же ночь. Атака *Гнедых* в то утро была бесполезной и обошлась дорого…

Позднее на том месте, откуда начиналась эта атака, был установлен памятник. Им стала простая белая плита в кирпичной раме. На ней были высечены имена павших. 64 человека убитыми и ранеными всего за несколько минут – эти потери сделали 20 сентября 1944 года черным днем войны для *Королевских Гнедых*…

Вечером 20 сентября 1944 года, проведя большую часть дня в резерве, Эскадрон *А* снова спустился в долину реки Ауза вместе с остальными танкистами своего полка. Там мы узнали, что верховное командование, молча признав, что Италия с ее горами и сотнями бурных рек в целом не годится для тактического применения бронетанковых дивизий, и решило расформировать 1-ю Танковую Дивизию. Тем не менее, 2-я Танковая Бригада, состоявшая из *Гнедых*, 9-го Уланского Полка и 10-го Гусарского Полка, стрелкового батальона и 11-го Артиллерийского Полка, останется отдельным формированием, единственным назначением которого будет поддержка пехоты… Сильные дожди, с перерывами, продолжались следующие три месяца, в связи с чем местные потом говорили, что это была самая сырая осень на их памяти…

2-я Танковая Бригада была подчинена 46-й Пехотной Дивизии. План кампании на последний период войны заключался в продвижении по шоссе *Via Emilia*, протягивающемуся, как стрела, вдоль северо-восточной окраины Апеннин от Римини до Болоньи – города, на который американская 5-я Армия наступала через горы севернее Флоренции. Ось наступления 46-й Дивизии пролегала через предгорья, состоявшие из ограниченных крутыми склонами отрогов гор, разделенных через каждые несколько миль реками, вспухшими от непрерывных проливных дождей. Реки часто выходили из берегов, заливая окрестные поля и делая их непроходимыми для танков. Для танков эта территория была далека от идеала… Поскольку местность, по которой мы продвигались, часто была заболоченной, мы были вынуждены оставаться на дорогах и останавливаться у ферм, где все было забито машинами из разных воинских частей…

Дивизионные разведсводки приходили к нам регулярно. Помимо последних рапортов о перемещениях противника и потерях они иногда включали выдержки из писем, найденных у военнопленных. При чтении некоторых из них создавалось ощущение, что немецкий солдат – это одомашненное животное. В одном из них, написанном пехотинцем, который не успел его отправить, были следующие слова: «Когда мы покинули этот дом, чтобы продолжить отступление, мы не забыли оставить нашу коричневую визитную карточку в посудном шкафу.»

Последним сражением 1944 года для Эскадрона *A* и последним сражением для 8-й Армии в той осенней кампании были бои на реке Ламоне, протекавшей через восточные окраины города Фаенца … Атака через реку Ламоне началась вечером 3 декабря и продолжалась без особого результата четыре дня, пока *Линкольнцы* пытались продвинуться по дороге к перекрестку, расположенному в двух милях от Фаенцы. Их поддерживали взводы Эскадрона *A* под командой лейтенантов Леветта (Levett) и Манро (Munro). Танкисты оказались полностью изолированными от пехоты. Сильные ночные дожди сделали продвижение вне дорог невозможным, да и по самим дорогам перемещаться было трудно из-за мин и воронок. Нахождение в танках в ночное время тоже было небезопасным, так как неподалеку бродили немецкие патрули. Вооруженные базуками солдаты противника пытались подстеречь танки, и один из таких был застрелен всего в шести ярдах от машины Колина Манро. Людям приходилось спать в крайней тесноте внутри машин, по очереди заступая в караул.

Немцы перебросили в этот сектор фронта 508-й Батальон Тяжелых Танков и 90-ю Панцергренадерскую Дивизию для усиления обороны Фаенцы и контратак. В составе этого батальона было несколько *Тигров*, а панцергренадерская дивизия была наследником знаменитой 90-й Дивизии Легкой Пехоты, входившей в *Африканский Корпус*. На рассвете 8 декабря на передовые позиции 46-й Дивизии обрушился сильный артиллерийский огонь, за чем последовала атака пехоты. Немцы быстро смяли позиции одной из передовых рот *Линкольнцев*, а танки взвода Колина Манро были подбиты, хотя успели оказать врагу упорное сопротивление. В штабе эскадрона мы торопливо свернули лагерь, завели моторы и изготовились к тому, чтобы выдвинуться вперед и занять оборонительную позицию на гряде за домом зубного врача. Тем временем расположенный неподалеку штаб *Линкольнцев* охватила паника. Когда Джекки и я забирались в свои машины, полковник Белл (Bell), комполка *Линкольнцев*, появился поблизости, уверенный в том, что мы собираемся покинуть его в беде. «Вы бросаете нас,» - заорал он тоном, в котором страх и упрек смешались в равной пропорции. Мы уверили его в том, что наши намерения были как раз противоположными. Через несколько минут мы были уже на позиции, с которой перед нами открывалась обширная открытая местность с полосами деревьев слева и справа. Если бы немцы попытались атаковать по чистому полю, у нас была бы идеальная возможность хорошо пострелять по ним, но, если бы они пошли вперед через рощи, у нас были бы большие проблемы. Не случилось ни того, ни другого. Огонь наших батарей вскоре заставил замолчать немецкую артиллерию и нанес тяжелые потери их пехоте. К полудню наступательный пыл немцев иссяк…»

ПОСЛЕДНИЕ СРАЖЕНИЯ НА ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТЕ

*О позиционном зимнем стоянии вспоминает **Питер Уиллет***

«Зима 1944-1945 годов в северной Италии была холодной. Мы поддерживали настроение джином, производимым на фабрике в Бари, и восхитительным мягким вермутом с фабрики в Форли. Дороги обмерзали на целые недели, и ездить по ним было можно. Когда же в начале февраля наступила оттепель, их интенсивное использование большим количеством транспортных средств размолотило твердое покрытие, и без того ослабленное артиллерийскими снарядами. Дороги превратились в трясину, в которой грузовики тонули и вязли. Дорожные условия стали такими, что смену войск на передовой нередко приходилось отменять, так как машины, включая танки, просто застревали на них. Транспортировка [людей и грузов] стала возможной только после того, как тепло ранней весны подсушило дороги…

Суровая зима 1944–1945 годов сменилась ранней, теплой и сухой весной. Уже вскоре на деревьях появились листья. Откуда-то чудесным образом появились биты и мячи, и мы несколько дней, казалось, готовились к крикетному сезону, но этот спортивный антракт не продлился долго. Через несколько дней мы уже были на марше, чтобы принять участие в наступлении, которое должно было завершить войну в Италии. Первой важной целью был Арджентский горный проход – плоская полоса земли с виноградниками и садами, рассеченная во всех направлениях ирригационными и дренажными каналами, протягивающимися от реки Рено/Reno к лагуне Комаккьо. Город Арджента находился в центре этой местности. За Арджентой находилась река По, которая могла стать для нас крупнейшей водной преградой на территории Италии, если у немцев окажутся воля и силы, чтобы эффективно оборонять ее…

Мы поддерживали 38-ю (Ирландскую) Бригаду 78-й Дивизии и 11-ю Бригаду той же дивизии в восточной части сектора наступления через Арджентский проход. В Британской армии не было лучше пехотной части, чем Ирландская Бригада. Ирландцы считали целью сражения не только избиение немцев, но и отбор у пленных *трофеев*. После одного боя, в котором мы оказывали поддержку Королевским Ирландским Фузильерам/Royal Irish Fusiliers, находившимся под командой полковника Мёрфи Палмера (Murphy Palmer), ирландский акцент которого был неподражаем, они просто положили на землю кусок брезента и вывалили на него всю свою добычу: большей частью, часы, но также зажигалки и прочие серебряные побрякушки. Как эта добыча была поделена между ними, осталось для меня загадкой.

То, как сражалась 56-я (Лондонская) Дивизия, стало откровением. К концу осенних боев они выглядели измотанными и потерявшими боевой дух. Казалось, несколько месяцев боевой подготовки и прибытие пополнений вдохнули в них жизнь.

Я должен сказать, что губительный синдром осени 1944 года был характерен для людей не только 56-й Пехотной Дивизии. Он также охватил и 46-ю Дивизию. Командир одного из ее взводов, вместе с которым мы действовали, признался нам, что он считал удачей, если после атаки, когда, несмотря ни на что, цель была достигнута, с ним было с полдюжины его людей. Другие подходили потом, по двое или трое… Постоянные дожди и повторяющиеся из раза в раз бои на речных рубежах свели боевой дух пехотинца к минимуму. Боевому настрою не помогало и то, что, когда солдат покидал свой полк из-за ранения, болезни или по другой причине, он терял всякую связь со своей частью и превращался просто в резервную единицу, теряя *корпоративный дух*, гордость за свой полк и чувство локтя по отношению к товарищам. Как-то раз на марше к передовой мы остановились в фермерской постройке и нашли в подвале солдата с нашивкой Линкольнширского Полка. Мы передали его *Военной Полиции.* Через три дня, остановившись на обочине дороги, мы увидели колонну *Линкольнцев*, марширующих к линии фронта, и разглядели среди них нашего дезертира!

Ирландцы из 38-й Бригады были другими. Они отслеживали местонахождение любого из своих, кто оказывался раненым или больным, и делали все возможное, чтобы он вернулся в свой полковой *дом* после поправки. Это был один из секретов их высокого боевого духа.»

Об одном из последних боев Ирландской Бригады на окраине города Арджента в апреле 1945 года рассказывает лейтенант ***Колин Ганнер (Colin Gunner)****:*

«С Сантерно проблем не было. Две роты подошли к нему ночью, затем, к утру, роты B и D, чтобы пойти в атаку, но до этого осколок 105-миллиметрового снаряда угодил Джеку Филэну (Jack Phelan) под глаз, а мне поцарапал горло. Дело шло к концу, но, вполне разумно, новостям об этом не дали дойти до нашего уровня. Если люди об этом узнают, кого обвинишь в том, что он сидит сложа руки и отказывается двигаться куда-то? Но и в этом случае все молились днем и ночью: «Молю тебя, Боже, не теперь. Только не в самом конце – прошу тебя.» Я был в этом хоре, стоявшем у Врат Рая, и чувствовал это еще острее, когда *Skins* (Иннискиллингские Фузильеры – ВК) взяли деревню, и Норман Плаймен (Norman Plymen), которого прислали, чтобы заменить Джека на должности командира роты, приказал мне на следующее утро наступать в сторону долины реки По. Вместе с Норманом я влез на колокольню, чтобы осмотреться, но, забравшись на самый верх, я услышал, как позади меня зазвонил колокол. Это был не Норман, решивший поиграть с колоколом – это пуля звякнула об него. В итоге мы спустились пониже, на более безопасный уровень…

Танкисты, которых отрядили, чтобы поддержать нас, лучше понимали ситуацию, поэтому после чего-то вроде шоу с грохотом гусениц и вращением башен, они остались за полосой садовых деревьев, в то время как мы начали продвигаться вперед через кукурузное поле. Они так и простояли там весь день. Немецкие танки тоже не вступали в бой. Когда произошло первое боестолкновение, мы захватили какую-то ферму и четверых пленных. Наскоро обыскивая их на кухне, я вытащил у капрала пачку немецких сигарет, сделанных из дубовых листьев. Сказав «дерьмо/shit», я швырнул эту пачку в лужу и посмотрел ему в глаза, когда он провожал взглядом свою последний запас курева. Затем, произнеся «курево от англичанина/smoke from Englander», я вручил ему жестяную банку с пятьюдесятью сигаретами *Payers*.

Ирландские стрелки готовятся к бою

Капрал Нэнсен (Nansen) позвал меня (он был на правом фланге, рядом с пулеметом Брен). Я увидел немецкий танк за мостом через канал – его пушка была нацелена на ферму. Будучи уверенным в правильности своего предсказания, я заметил: «Все в порядке, он подбит,» но услышал толковый комментарий от Нэнсена: «Я и раньше слышал такое.» Я взял с собой четверых парней, чтобы разобраться с этим танком. Пока я не увидел серые фигурки, запрыгивающие в башню, я верил, что он подбит, а когда они открыли огонь из пулемета, ситуация прояснилась окончательно. Нас спасло то, что мы были уже очень близко к нему, и немец не мог опустить ствол пулемета достаточно низко, чтобы попасть в нас. Нам удалось отползти по канаве к мосту, но немцы разнесли его фугасными снарядами, и нам ничего не оставалось, как прыгнуть в канал и плыть назад… На следующее утро мы форсировали канал, оставили позади горящий танк, захватили еще

одну ферму и, пока обыскивали стога сены и постройки, Норман и я последний раз увидели руку смерти в действии. Хозяин фермы, который до это прятался в каком-то подвале, вышел, жестикулируя и аплодируя своим освободителям. Он лепетал слова благодарности, когда одна-единственная пуля угодила ему в грудь и он упал замертво у двери собственного дома…»

*Рассказывает **Питер Уиллет***

«Мы поддерживали 38-ю (Ирландскую) Бригаду 78-й Дивизии на западном фланге и 11-ю Бригаду той же дивизии на восточном фланге горного прохода Аджента. В Британской Армии не было лучше пехоты, чем в Ирландской Бригаде. Ирландцы рассматривали как цель боя не только уничтожение немцев, но и сбор отнятого у военнопленных. После одного боя, в котором мы поддерживали Королевских Ирландских Фузильеров под командованием полковника Мёрфи Палмера, обладателя неподражаемого ирландского акцента, на земле была расстелена плащ-палатка, на которую свалили всю добычу: в основном, часы, но также зажигалки и прочие серебряные побрякушки. Для меня так и осталось тайной, как все это было поделено…»

*Рассказывает **Сесил Модсли (Cecil Maudsley)**, связист Южноафриканской 6-й Танковой Дивизии. На последнем этапе кампании был прикомандирован к индийскому 4-му Батальону 13-го Полка Приграничных Стрелков/The 4th/13th Frontier Force Rifles*:

«Все эти парни пришли из мест, прилегающих к афганской границе. Настоящие горцы. Их собрали [в одну часть] потому, что мы дрались, по большей части, в горах… Я был в Роте С. Вперед послали разведгруппу, чтобы осмотреться. Мы были в штабной роте, поддерживали связь передовой со штабом бригады. Напротив нас были две массивные вершины, которые удерживали немцы. Разведгруппа ушла, и тут появились танки, которые проехались по всем проводам и порубили их, а потом оказались на минном поле… Так вот и получилось, что парни на передовой не знали, что делать дальше, потому что связи [с разведкой] не стало, поэтому я и мой друг решили двинуться вперед и восстановить связь. Танки все оказались вышедшими из строя из-за мин. Мы ходили и собирали куски проводов, в конце концов, связь заработала, и мы вернулись. Офицеры смогли отдать нужные приказы. За это я получил *Военную Медаль/Military Medal*, хотя обычно их давали людям со званием от сержанта и выше…

Когда мы продвигались вперед и знали, что напротив могут оказаться позиции противника, мы вызывали минометный огонь, вал которого продвигался впереди нас. Его называли «ползущий огонь». А так, дальше перед нами все были чисто, мы, на самом деле, и близко немцев не видели: они все время были довольно далеко от нас…»

56-я Дивизия заняла Венецию, а 2-я Новозеландская 29 апреля – Падую. Тремя днями позднее новозеландцы вошли в Триест, встретившись с югославскими партизанами в нескольких милях перед городом.

После капитуляции

*Рассказывает **Джеффри Кокс (Geoffrey Sanford Cox)**, новозеландский офицер разведки при штабе Фрейберга, район Триеста:*

«… Группа [итальянских] партизан с красными шарфами была в ожидании. Их остановили наши солдаты как подозрительный элемент. Они с энтузиазмом объяснили, что им нужна помощь. Им сообщили, что где-то здесь скрываются несколько немцев, и один из них – точно офицер. Могут они продолжить поиск? Через пять минут документы были проверены, и они были отпущены. Одновременно с этим мы отправили на поиск штабной взвод. «Любой захваченный пленный будет представлять ценность,» - сказал я бородатому командиру партизан. Он усмехнулся: «Да, да, пленный/Si,si. Prigionieri.»

Через полчаса мы услышали со стороны реки выстрелы. Через час вернулись партизаны. Они нашли немцев, троих. Один определенно был офицером. «Где он?» - «Он пытался бежать. Очень глупый малый. Molto stupido, molto stupido. Но вот его документы,» - и он передал мне всю пачку… Я открыл лежавшее сверху удостоверение офицера. Гауптман, офицер противотанковой артиллерии… Из удостоверения выпали две паспортные фотографии… Глубоко посаженные глаза, этот тонкогубый рот, дуэльные шрамы на щеках, угловатая голова идеально нацистского типа. Среди бумаг – *Железный Крест* на побуревшей от крови бело-красной ленте.

Новозеландцы общаются югославскими партизанами. Триест, 4 мая 1945 г.

В удостоверении было полно фотографий людей в форме штурмовиков и солдат, сестер в белых блузках, других молодых офицеров с такими же безжалостными лицами. Это вот таких Гитлер спустил с поводка на Европу: храбрых, безрассудных, умеющих воевать… И вот немец нашел свой конец на одном из полей Италии, убитый итальянским деревенским парнем со Стеном в руках… Там он и останется, в безымянной, ничем не обозначенной могиле. В тот вечер я чувствовал, что он заслужил там остаться…»

В ходе последнего наступления союзники взяли в плен 150 000 немцев и итальянских фашистов. Немцы сдавались в плен, по большей части, весьма охотно. Вспоминает **Колин Ганнер**:

«По пустынному полю в нашу сторону бежал немец, выскочивший откуда-то как черт из табакерки. Мчась в нашу сторону, он размахивал одной из листовок, которые от лица учтивых союзников гарантировали военнопленным долгую и счастливую жизнь. Когда он пробегал мимо парня по фамилии Сивер (Siever), то поприветствовал его: «Что продаешь, приятель: Mirror или Mail *(названия газет – ВК)*?» После этого был последний патруль, посланный на пустое поле, было еще несколько выстрелов, угодивших в деревья рядом с нами, а на следующее утро Джон Бимиш (John Beamish) вошел со своей Ротой *C* в город Руина, стоявший на берегу реки По. Никто не стрелял по нам, когда мы смотрели на бурные коричневые воды реки, стоя на берегу, никто не стрелял, когда выкатили шестифунтовки, чтобы снести шпиль церкви, стоявшей на противоположном берегу, никто не стрелял, когда после ланча с коньяком я уснул на своем одеяле в штабе Роты B.

Я спал, когда дверь с грохотом распахнулась, и я увидел старшего сержанта роты с охапкой винтовок. Он швырнул их в угол, заметив: «Все кончилось. Лучше отобрать у них винтовки, пока они не перестреляли друг друга.» Я поднялся и налил коньяк в две кружки. Мы пожали друг другу руки и выпили. Он ушел разоружать роту, а я остался сидеть за столом… Допил коньяк и вышел, чтобы присоединиться к остальным, позвонить в колокол, прокатиться

верхом в штаб батальона, чтобы полностью понять происшедшее и то, что утром не будет артиллерийской стрельбы, сигнала к атаке, немцев и смерти…»

Том Финни

Когда вас отправили в Италию, предполагали ли вы, что вам придется участвовать в боях?

Ну, это было сюрпризом – сам факт, что они неожиданно решили добавить огневой мощи вооруженным силам, в то время как немцы были на грани капитуляции. Нас собрали в Египте, приземлились мы рядом с Фоджей, откуда отправились вдоль восточного побережья на север на грузовиках.

Когда вы оказались в составе *Улан*, вы попали в какой-то конкретный эскадрон или остались при штабе батальона?

Я попал в Эскадрон *C*. Там были эскадроны *A, B* и *C*, я раньше водил танки и легкие разведывательные боевые машины, и тут я попал в экипаж *Шермана.*

А легкие танки были *Стюартами*?

Это были очень и очень быстрые машины. Немцы делали вот что: они давали нам продвинуться далеко вперед, после чего мы возвращались и докладывали, что на пути ничего такого не встретили, а потом войска наступали и сталкивались с кое-каким сопротивлением.

Были ли случаи, когда вам угрожала реальная опасность?

Было раз или два. Худшим из всего было принять участие в бою, вернуться, а потом опять идти на передовую, чтобы эвакуировать подбитые танки.

То есть, вы уже думали, что все кончилось, и тут…

Да, было довольно страшно…

Все это под артиллерийским и минометным огнем…

Да, верно, но я ни разу не оказывался в танке, в который попадали снаряды или что-то вроде этого…

Но, наверное, вы слышали разрывы рядом с вашей машиной?

О, да.

Ну а близкий контакт с немцами был у вас?

Только с пленными, которые шли навстречу. Они сдавались в плен сотнями и брели мимо танков с поднятыми руками. Ты чувствовал, что они были просто такими же людьми, как и ты, парнями, которых призвали в армию и у которых не было возможности сказать, хотят они идти на войну или нет.

Какой был атмосфера в батальоне?

Очень хорошая.

Куча отличных ребят?

Да.

Вас хорошо приняли?

О, да, ты становился одним из них.

Вы все время были в одном и том же экипаже?

Да, в том, в котором оказался в самом начале…

Хорошие парни?

Да, отличные парни.

Какой была еда? Говяжья тушенка и тому подобное?

Да, именно так.

У Вас это возражений не вызывало?

Нет, воспринимал как есть.

Можно ли сказать, что Вы довольны тем, что у вас был такой опыт, или вы вполне обошлись бы без этого?

Я бы обошелся без этого. Думаю, ты просто принимаешь все как есть, и каждый делал то же, что и ты.

Война сильно уравнивает людей. Когда думаешь о том, как высоко заносит наших спортивных звезд в наши дни… Вы вряд ли можете представить себе Бекхэма, который встал на одну доску с другими и стал солдатом в танковом полку, не так ли?

Хм, не думаю, что такое можно себе представить. Но, если говорить о нынешних звездах, то я не думаю, что они попадут в армию, не думаю, что эти люди согласятся на это.

Том Финни в годы войны

Вы помните день, когда сообщили о победе?

Да, помню, у нас были небольшие торжества на реке По. Стреляли в воздух, там всякое было, когда сообщили, что война окончилась. Нас интересовало, когда нас отпустят по домам, и мне повезло в том смысле, что я числился как строитель и уехал на 3 или 4 месяца раньше, чем положено, потому что дома строителей не хватало.

Меня поразил тот факт, что вы сыграли свой первый матч за сборную в Швейцарии еще до того, как сыграли свой первый матч за *Preston North End* в первом дивизионе. Это было совершенно необычно.

Это было необычно, и я помню, как недоволен был офицер, когда в 2 или 3 часа ночи пришла телеграмма, в которой говорилось, что меня отобрали для матча за Англию против Швейцарии. Оказалось, что он был нашим солиситором-адвокатом, его звали Клиффорд Торнтон (Clifford Thornton), и он не был рад этому, потому что мы находились в Австрии и ему нужно было найти транспорт до Неаполя, чтобы я мог там сесть на самолет и добраться на нем до Англии. Потом. Само собой, когда я прибыл в Англию, нам не разрешили ехать в Швейцарию в военной форме, так что мне организовали костюм. Стэнли Роуз (Stanley Rous), который был секретарем *Футбольной Ассоциации* взял меня с собою в Лондон и достал мне костюм.

И потом вы отправились в Швейцарию вместе со все командой?

Да, полетели на самолете. Там было две игры: одну мы выиграли, одну проиграли.

Италия была сильно опустошена к концу войны, припоминаете ли вы, что были шокированы этим?

Повсюду прошли бои. Я подружился с одним или двумя итальянцами и с их семьями. Знаете, это было тогда, когда мы входили в деревни и становились там на постой. Они очень хорошо принимали нас, но для них явно было некоторым шоком то, что только-только они видели рядом немцев, а тут пришли мы.

Вас всегда тепло встречали, когда вы освобождали город или что-то еще?

Да, именно так и было.

Были ли у вас такое впечатление, что они были рады видеть спины уходивших немцев?

Да, было такое впечатление.

Вступали ли вы в контакт с итальянскими партизанами?

Нет. Мы читали о них, но ни разу не слышали о них еще что-то. На самом деле, я узнал о них больше, когда недавно совершил поездку [в Италию] вместе с *Би-би-си/BBC*. Они назвали ее *Война Тома/Tom's War*, во время нее я побывал в местах, в которые попадал во время войны, и, само собой, все полностью изменилось по сравнению с тем, что было 50 или 60 лет назад. Я ездил туда с моим сыном, потому что он никогда не бывал в Италии, и путешествие было очень интересным. Мы, главным образом, останавливались там, где я бывал на постое во время войны, но я не узнавал эти места, потому что они теперь выглядят совершенно по-другому.

Вы служил в Эскадроне *C*, так?

Да.

Что вы скажете о немецких танках?

Мы не встречали немецкие танки в большом количестве, разве что в бою, и там не было времени думать о том, что это за машины. Мы их видели, ни водить их мне не приходилось…

То есть, в вашем полку были только американские танки?

Легкими разведывательными машинами были *Милашки*. Они были быстрыми и легкими в управлении. Я считал, что и *Шерманами* было легко управлять.

Когда их впервые применили в северной Африке, они получили прозвище *Ronson (марка американской зажигалки – ВК)* из-за того, что они имели тенденцию загораться после попадания в них снарядов…

Нам очень повезло, потому что в наш танк ни разу не попали. Как я уже говорил, наихудшим опытом для меня было то, что мне приходилось идти в бой, возвращаться из него, а потом снова идти под огонь…

Были ли у вас нервные срывы или что-то вроде того?

Нет-нет, я думаю. что я воспринимал это как часть работы, которую нужно было выполнять. Грустным было то, что ты видел кого-то утром живым, потом он погибал, и вечером ты его уже не видел…

Были ли у вас особенно близкие приятели на фронте?

Да нет, были люди, с которыми часто был вместе.

Ну а друзей на всю жизнь вы не завели за время пребывания с *Уланами*?

Там были один или двое англичан … Ну, там все были или англичанами, или шотландцами. Вилли Редпат (Willie Redpath, 1922–1989), он играл в юниорской команде, а когда вернулся, играл за Шотландию. Вилли Хартнесс (Willie Hartness), он играл за команду *Queen of the South*. Был еще Вилли Торнтон (Willie Thornton, 1920-1991, участник боев в Сицилии, за которые был награжден *Военной Медалью*, и на плацдарме Анцио, также играл за сборную 8-й Армии), он играл за *Glasgow Rangers*. С ним случилось немного забавно, потому что в 1946-м я играл свою первую игру против Шотландии, и Вилли играл за нее. Монтгомери, наш командующий, тогда прислал мне свое фото с подписью «С наилучшими пожеланиями, Монтгомери/Best wishes Montgomery» Приятно было.

Вы видели кого-нибудь из командующих, когда находились в Италии?

Они посещали нас, но все это происходило очень быстро. Мы перед этим все чистили и драили, чтобы обеспечить им теплый прием и чтобы все было в ажуре (apple pie order).

Должно быть, вы вздохнули с большим облегчением, когда вернулись в Престон и снова начали играть в футбол…

Да, было такое. Я женился. У меня не было отпуска на протяжении трех лет, и, если ты прослужил три года за границей, ты получал отпуск автоматически. Я приехал домой, перед этим в письмах я договорился о том, что мы поженимся, пока я буду находиться дома. Так что в 45-м я женился, а домой вернулся в 46-м.

А чем вы занимались, когда вернулись в Италию?

Ничем. Война окончилась, и, я думаю, мы просто убивали время. Деревня, в которой мы стояли, называлась Виньона – очень маленькая деревня, в которой было футбольное поле. Капрал выводил парней на тренировки, прогулки и пробежки, а потом мы играли в футбол в разные дни.

Вы немного тренировали их, так ведь?

Да, пытался. Я получал от этого удовольствие, если не считать того, что хотелось домой, раз война уже окончена.

Как Вы добирались домой после всего?

Морем. Мы стояли в Австрии, а потом перебрались в место, которое называлось Ассиньяна. Там я играл в футбол, потом вернулся и на трехтонном грузовике добрался до Франции, откуда вернулся домой морем. А потом на поезде.

Ваша жена и семья ждали вас?

Я написал им, что приезжаю, но точной даты указать не мог. Вступил с ними в контакт, когда сошел на берег в Англии, сказал, что приеду на таком-то поезде, но, понятное дело, в то время поезда часто опаздывали на 2–3 часа.

Но добрались до дома вовремя, чтобы сыграть первую игру в послевоенной лиге…

Да, именно так, сыграл первую игру в конце августа, насколько я помню, против *Leeds United*. Мы выиграли в той игре, и я забил гол, после чего очень скоро, в сентябре, попал в сборную.

Как Вы думаете, то, что вы попали в сборную, было связано с вашей игрой за *Preston* или также с тем, что вы делали на войне и с игрой против Швейцарии?

Да, верно, со всем этим.

Должно быть, это был великий момент…

Был, конечно, был. Я помню, как мои отец и брат приехали в Ирландию, потому что мы отправились туда. Нил Фрэнклин (Neil Franklin, 1922–1996), парень моих лет, был одним из тех, кто сыграл за сборную, там был Билли Райт (Billy Wright, 1924-1994) – он до сих пор держит рекорд по числу выступлений за Англию

Вы, наверное, занимаете высокое место в этом списке?

Да, полагаю.

Когда я читал между строк вашу книгу, у меня сложилось впечатление, что в то время как война вычеркнула из Вашей жизни несколько лет международного футбола, ваше футбольное мастерство было отточено в тех играх, которые вы провели на Ближнем Востоке, и что вы научились там очень многому, приобрели опыт, который увезли с собой в *Preston North End*…

Совершенно верно.

И, вероятно, как игрок вы стали лучше…

Да, думаю, так и было: я играл на разных полях, и все это мне во многом помогло.

То есть, у вас не горьких сожалений о том, что пришлось все бросить и отслужить свое?

Это было тем, что ты должен был взять на себя. Было так, как было. Ты ничего не мог сказать по этому поводу. Ты знал, что тебя призовут в 20-летнем возрасте, и ты не знал, куда тебя отправят.

Были ли у вас патриотические чувства, считали ли вы за честь воинскую службу своей стране, или такие мысли вас никогда не посещали?

Я никогда об этом не думал. Просто в то время ты знал, что тебя призовут. Ты не знал, куда отправишься и в какой полк попадешь, ты просто воспринимал все как данность.

Интервью с британским солдатом **Регом Хэррисом (Reg Harris)**

Где вы родились и выросли?

Я родился в Хиндоне, переехал в Фонтхилл, когда мне было 4 года, а потом в Бервик-Сент-Леонард, где и вырос. У меня была прекрасная юность, потому что там было всего 9 домов и 20 неженатых молодых парней в этих 9 домах, так что там было полно ребят для крикета, футбола и всего остального. В парке было 4 теннисных корта, и, чтобы играть там, нужно было платить всего полкроны (1/8 фунта стерлингов) в год. Мой отец и мой дед работали на земле. У меня была одна сестра и четверо братьев. Мой прадед утонул в Фонтхилле в 1841 году, когда было наводнение. Я ходил в деревенскую школу, а потом получил стипендию от школы *Bishop Wordsworth*, но, поскольку мой отец был фермерским рабочим с 6 детьми, я не имел возможности отправиться туда, но, думаю, я по-любому получил самообразование. Во время войны я служил в гвардии.

Как вы попали в Полк Коулдстримских Гвардейцев/Coldstream Guards?

У нас был выбор: идти служить в артиллерию – двое моих братьев пошли туда – или в гвардейцы. Я решил пойти в гвардейцы и пожалел об этом в Катерхэме, где все было отвратительно.

Вас призвали или вы были добровольцем?

Меня призвали.

А до этого вы работали на ферме?

Да, так что я попал к *Коулдстримцам*, которые были дислоцированы в Катерхэме, где в то время служил 11-й Герцог Девонширский/Duke of Devonshire (Эндрю Роберт Бакстон

Кавендиш/Andrew Robert Buxton Cavendish, 1920-2004), и позднее я с ним познакомился: он окажется в Италии вместе со мной. Потом он рассказывал, что *Сандхерст* был пустым времяпровождением. В 1941-м мы служили в Пёрбрайте, в Хэрроу оказались в еще одном батальоне, в 6-м, который отправился в северную Африку в качестве пополнения. Мы высадились в Алжире, приняли участие в боевых действиях, а потом высаживались на остров Лампедуза/Lampedusa.

Вы тогда были в том же 6-м Батальоне?

Нет, в Африке это был 2-й. 6-й был в той или иной степени домашней частью. Высадка на Лампедузу была весьма забавным приключением, потому что, отправляясь туда, мы находились в окружении 8 или 9 боевых кораблей, которые засыпали остров снарядами. В итоге в гавани появились белые флаги, мы высадились и заняли его. После этого я вернулся в Африку. 3-й Батальон воевал в Италии, и ему приходилось нелегко. У них были большие потери, так что любой из 2-го, кого могли выделить им в помощь, должен был отправляться туда, и я оказался среди последних. Тогда я был в связистах. Но, когда я добрался до того места, связистов было достаточно, так что мы занялись обычными делами.

Вы в то время были сержантом?

Нет, все еще гвардейцем, и я хотел вернуться в связисты.

Вы помните, когда оказались в Италии?

Январь 1944-го… Мне постоянно предлагали должность капрала, но я отказывался... Как-то раз я отправился на патрулирование. Это было ночью на реке Неро, мы пошли в сторону деревни, находившейся в паре миль от нас, на холмах посреди ничейной полосы. Люди были из разных отделений, командовал сержант Каули (Cowley), я был 2-м после него. Сержанта и меня в послеполуденные часы отвели на точку с хорошим обзором и показали наилучший путь, чтобы добраться туда – он вел вниз по долине, по которой протекал небольшой ручей. После сильных дождей он превратился в сильный поток. Русло глубоко врезалось [в дно долины], и к югу от него проходила тропа, по которой мы должны были продвигаться вперед, пока не уткнемся в полосу кустарника, которая выглядела как остатки старой живой изгороди. Дальше мы должны были идти вдоль нее и выйти к деревне. Наша задача была следующей – выяснить, используют ли этот пункт немцы или посылают туда патрули, и, если будет возможность, поймать их в засаду.

Когда стало темнеть, мы тронулись в путь: впереди сержант, шестеро других парней и я в качестве замыкающего. Пошли вниз по долине, прошли мимо фермерского дома, и его семья пожелала нам довольно нервозно *Buena Note*, пока, в то время как с каждой минутой становилось все темнее, мы не добрались до полосы кустарника. К моему удивлению, наша колонна пошла прямо через нее. Я послал по цепочке сообщение о том, что мы идем в неправильном направлении, и через какое-то время группа остановилась, сержант вернулся ко мне и сказал: «Гляди, Хэррис, я командую этим долбаным патрулем, и, когда мне понадобится твой совет, я спрошу тебя об этом.» Я ответил: «Тогда по мне все ОК, сержант», и мы пошли дальше. Когда мы прошли больше полумили, я начал подумывать о том, что скоро мы окажемся на подконтрольной немцам территории, и уже был доволен тем, что иду в конце колонны, а не в ее голове. Тут мы стали замедлять ход и вскоре начали наталкиваться друг на друга, так как идущий впереди остановился. Потом я услышал, как сержант идет назад и шепотом спрашивает: «Хэррис? Где Хэррис?». Я сказал: «Здесь я, сержант!» тут он и говорит: «Я заблудился!», на что я ответил: «Хрен знает сколько времени прошло с тех пор, как вы заблудились, сержант!» Тогда он спросил меня, знаю ли я, где мы, и я сказал, что да, знаю. Он спросил, могу ли я довести нас до деревни, и я снова сказал «да». Он предложил всем развернуться назад, чтобы я был впереди, а он стал замыкающим. Так мы и сделали, я прошел обратный путь вверх по долине, пока не уперся

в полосу кустарника и не повернул влево. Дальше я прошел вдоль этой полосы больше мили, пока не услышал лай деревенской собаки – теперь мы знали, что находимся на подходе к цели.

Сержант снова стал во главе колонны, и мы вступили в деревню, которая, насколько было видно, состояла из примерно 40 домов, по 20 по обеим сторонам узкой улочки. Я сказал *улица*? Скорее, это была каменистая дорога, неровная и неасфальтированная, как в большинстве деревень. Тут сержант постучал в дверь первого дома, к которому мы подошли, и ее открыл выглядевший испуганным человек – кто станет винить его в этом? Он спросил, немцы мы (*Tedesco*) или нет, и, когда мы сказали: «No, Inglesi» он притворился, что рад этому, хотя, насколько я понимаю, ему было без разницы, немцы мы или англичане: и мы, и они были иностранцами, дерущимися на земле его страны. Мы спросили у него, есть ли в деревне немцы, и он сказал *нет*, но они присылали сюда патрули в более позднее ночное время. Узнав это, мы покинули его и прошли дальше по улице, которая через четверть мили или около того превратилась в тропу, которая свернула влево, прошла по плоскому участку, который мог быть футбольным полем, а потом потянулась дальше, вниз по обратной стороне холма.

Было еще довольно светло, когда мы шли к деревне, но, когда мы вышли из зарослей кустарника на открытое пространство, стало очень темно, поэтому мы залегли, образовав круговую позицию, на футбольном поле, и стали ждать, что будет дальше. Долго ждать не пришлось. Неожиданно раздался хлопок, и в небо взлетела осветительная ракета. Мы прижались к земле, укрыв лица, так как белое лицо обычно хорошо видно в подобной ситуации, и стали ждать, когда исчезнет этот свет, ожидая, что по нам откроет огонь немецкий патруль, который, услышав нас, вот-вот должен был нас «поприветствовать». Ракета светит около полминуты, где-то так, но, поверьте мне, в момент, когда ты ожидаешь худшего, кажется, что она зависла на полчаса. Когда она погасла, на несколько минут установилась мертвая тишина. Никто по нам не стрелял, и я был в замешательстве от происходящего, пока мне не сказали, что, должно быть, ракету выпустил один из наших же парней. По-видимому, парню дали ракетницу с красными патронами и сказали, что стрелять из нее можно только в случае смертельной опасности, чтобы вызвать помощь, если мы окажемся в очень тяжелом положении. Как могло случиться в той ситуации, когда мы тихо лежали на земле, поджидая немцев, что человек ни с того ни с сего нацелил ракетницу в небо и нажал курок? Я не мог себе этого представить. Кто это был и почему он это сделал, я так никогда и не узнал, и момент для того, чтобы винить кого-то, был неподходящим. Мы все были из разных отделений, и ночной патруль – не самое лучшее место для новых знакомств.

¾ часа после эпизода с ракетой мы пролежали на земле, прислушиваясь. Становилось все темнее. Потом я услышал шорох камней где-то в стороне, и, хотя больше никто не расслышал это, я был уверен, что не ошибся, знаете, у деревенских слух лучше, чему городских. Через несколько минут шорох повторился, и на этот раз его услышали все. К тому моменту наступила полная темнота, и после разговора шепотом мы пришли к выводу, что возможности разглядеть кого-то нет и что лучше будет лежать и дать им пройти. С моей позиции, находясь не более чем в 10 футах от тропы, я видел, что она поднимается над плоскотиной примерно на фут. Я до сих пор помню это напряженное ожидание приближающегося [вражеского] патруля, когда я думал о том, нет ли у этого придурка, который выпустил ракету, еще каких-то идей в загашнике. Немцы были экипированы для патрулирования лучше, чем мы, так как у них были башмаки с резиновыми подошвами, и они могли передвигаться с меньшим шумом, чем мы с нашими подкованными гвоздями подошвами. Люди, двигавшиеся по направлению к нам, не были новичками в этой местности, поскольку шли довольно ходко, не замедляя шаг и не спотыкаясь. Тропа была посветлее, чем трава, и это должно быть, тоже помогало им. Эти была дисциплинированная группа людей, потому что их шаги были едва слышны. Наибольший шум производило их оружие, ударяясь о бока. Это был какой-то патруль-призрак, но не было никаких признаков того, что они догадываются о нашем присутствии, что, в чем-то, было большой удачей для обеих сторон, так как если бы кто-то открыл стрельбу или начал

бы кидать гранаты, было бы невозможно разобрать, кто с кем сражается. Могло оказаться так, что мы убиваем и своих, и немцев. Вскоре залаяли собаки в деревне, и мы понимали, что, опрашивая ее жителей, они вскоре узнают о том, что где-то неподалеку находится английский патруль.

Посовещавшись, мы решили рассредоточиться – половина по одну сторону дороги, половина по другую, фронтом в сторону деревни, чтобы иметь возможность встретить немцев огнем, если они пойдут в нашу сторону. Хотя все еще было пасмурно, взошла луна, и стало намного светлее. У сержанта и у меня были автоматы *Томпсон*, у одного парня был [пулемет] *Брен*, у остальных были винтовки, так что мы рассчитывали, что сумеем уничтожить немцев, прежде чем они поймут, кто в них стреляет. Сержант приказал не стрелять, пока он сам не откроет огонь. Так мы продолжали лежать на земле, пока тянулась ночь. Стало очевидно, что немцы были слишком толковыми ребятами, чтобы попасть в нашу ловушку, и, когда стал приближаться рассвет, мы подумали, что пора собирать манатки и идти домой. Когда мы выстроились в колонну, собираясь уходить по дороге, я с удивлением обнаружил, что сержант повел нас в сторону деревни, и, спросив его, за каким чертом он это делает, я добавил: «Как вы думаете, где могут быть немцы, если они все еще где-то поблизости? Они залягут где-нибудь у дороги, поджидая нас так же, как м поджидали их. Мы должны сделать хороший крюк в обход деревни.» Он согласился с этим, мы пошли в обход и вернулись в лагерь безо всяких проблем, где узнали, что никто не видел нашу красную ракету, а если и видели, то не придали этому значения.

Через пару дней меня вызвали к майору Крейтону (Creighton), нашему ротному командиру, и он снова предложил мне стать капралом. Я снова отказался, повторив, что говорил ему о своем желании вернуться во взвод связи и что, если я приму эту должность, мои шансы на возвращение понизятся. Он сказал, что этого не случится, что смогу вернуться уже в звании капрала так же, как и простым гвардейцем. Затем, наклонившись ко мне, он сказал, что, если собираюсь командовать патрулями, лучше будет, если мне будут за это платить, и, в любом случае, не лучше ли будет вести отделение самому, а не подчиняться какому-то долбаному придурку, который понятия не имеет, что делает, и может угробить отделение из-за своей тупости! Очевидно, кто-то настучал на сержанта, и майору пришлось принять это во внимание, так как вряд ли сам сержант написал обо всем происшедшем в своем рапорте. Взвесив слова майора, я пришел к выводу, что они имеют смысл, и вечером того же дня пришил шевроны к моему рукаву… Через шесть недель я уже был сержантом, потому что были потери и все такое…

А под Кассино вы были?

На краю этого сектора, под Кассино был 2-й Батальон. Мы были в районе Туфо, совсем рядом. Мы видели, как бомбили монастырь.

Вы помните последнее наступление на Кассино?

Нас на передовой в тот момент не было. Мы находились в небольшой деревне на холмах, близ женского монастыря. Мы услышали о том, что они [немцы] ушли и что нам нужно их преследовать. Мы прошли через Кассино после того, как он был занят, после чего вели бои почти все время, пока я находился на фронте.

Вы помните все эти разрушенные города?

О, да, они были в ужасном состоянии. Командование согласилось на то, чтобы не бомбить и не обстреливать Рим, что было хорошим делом. Думаю, мы были в Кастельяни, когда пришел приказ о том, что мы будем наступать прямо на Флоренцию. Никаких остановок, раненых мы должны были оставлять у дороги, чтобы потом их кто-нибудь подобрал. Я подумал, что все это глупость, и так и оказалось. Каждую дорогу, каждую гору немцы удерживали без особых затруднений. Реки, холмы, горы – все эти рубежи легко оборонять

и нелегко брать. У нас были танки, но там было много мест, через которые они не могли пройти. Мне не нравилось, когда танки были чересчур близко ко мне, потому что они притягивали огонь и очень часто, так что ты попадал под снаряды, которые предназначались им.

Какое расстояние от танка является безопасным с вашей точки зрения?

Где-то ярдов 30-40, думаю так.

Как вы думаете, мне вот было очень интересно услышать от вас о том, что у деревенских слух лучше, чему городских. Будучи мальчишкой, Вы проводили много времени на природе и в ночное время. Вы когда-нибудь…

Что, охотился или рыбачил я на чужой земле?

Да я не собирался говорить именно это! Ну, ловили ли вы кроликов и тому подобное?

Конечно, у нас мог быть фонарик, но это все, что у нас было. Мы уходили из дома ночью, и твои глаза к этому привыкают? Совсем редко бывает так, что хоть глаз коли. Когда нет облачности, звезды сияют достаточно ярко, чтобы было сравнительно светло.

Как вы считаете, помогала ли вам близость к природе [в юности] стать хорошим солдатом?

Да, определенно.

Вы были хорошим стрелком?

Я был отличным стрелком. Когда я был пацаном, у меня было пневматическое ружье, из которого я отстреливал крыс и всякое такое. В Пёрбрайте каждую неделю около 200 человек ходили на полигон, где стреляли из винтовок и *Бренов*. На следующей неделе те, кто отличился, могли увидеть свои имена на установленной на плацу меловой доске, и мое имя было на ней. Не пойди я в связисты, я бы пошел на курсы снайперов. Зрение у меня был очень хорошим. Когда я пошел в армию, врачи протестировали мое зрение, и один из них сказал, что у меня необычно зоркие глаза. Когда я покидал армию 6 лет спустя, еще один малый сказал то же самое.

Как вы попали в связисты?

У вас был выбор. Это были связисты *Коулдстримских Гвардейцев*, а не просто связисты. Ты мог пойти в пулеметчики, чтобы носить *Брен*, мог пойти в минометчики или в связисты. Всё по желанию. Связисты, как считалось, были батальонной *интеллигенцией.*

Когда вы получили повестку о призыве, было ли в ней указано, куда вы должны были прибыть?

Да, в Катерхэм. Мне дали железнодорожный литер, и я тронулся в путь.

Итак, прежде чем вы попали в армию, кто-то уже выбрал за вас, пойдете вы в артиллерию или в *Коулдстримские Гвардейцы*?

Ты мог выбирать. Я хотел попасть в *RAF*, это было мое предпочтение. Мой брат попал туда, потому что он был на 4 года младше меня, насколько я себе это представляю. После моего пребывания в Катерхэме и Пёрбрайте, я добровольно отправился на интервью в

Лондон, и, им, прежде всего, были нужны задние стрелки. Потом, если ты пробыл в армии уже какое-то определенное время, ты мог стать наблюдателем/штурманом. Я пошел [тестирование], там была пара офицеров *RAF*. Один из них сказал: «Вы нас ошарашили. У вас 85%-ный уровень интеллекта, 90% уровень общих знаний, но ваши математические знания ужасающие! Вы не можете решить простое уравнение! Вы что, математикой не владеете?» Я говорю: «Меня никогда этому не учили. Я ходил только в деревенскую школу.» - «Разве Вы не прошли на стипендию?» Я говорю: «Да, прошел, но мой отец был всего лишь рабочим на ферме, и он не мог позволить себе отправить меня [учиться дальше].» - «Черт возьми, зря! - сказал он. – Идите, купите себе книгу *Учитесь Математике Сами/Teach Yourself Mathematics*, и вы увидите, что это достаточно просто. Возвращайтесь через два месяца, и, я думаю, мы примем вас.» Однако к тому времени в Пёрбрайте я обзавелся большим количеством хороших приятелей, и потом, когда был сформирован 6-й Батальон, я был в его списках, но зачеркнут. Я спросил, почему так, и мне сказали: «Вы оправляетесь в *RAF*, если только сами не откажетесь.» Я отказался.

Итак, в Катерхэме вы прошли базовую подготовку?

Да… Потом у меня в декабре 1940-го был Рождественский отпуск

Вы помните *Битву за Британию*, и то, как она подействовала на людей?

Да, конечно.

Видели самолеты, пролетающие над головой?

Их были тучи – огромные группы немцев, летевших в сторону Бристоля и дальше.

Очевидно, какие-то немецкие самолеты и пара *Харрикейнов* упали близ Шафтсбери …

Хейнкель упал рядом с Седжхиллом, и мы ходили смотреть на него. Думаю, его сбил *Спитфайр*. Находясь в Катерхэме, я наблюдал за воздушными боями над ним. Сразу напротив нас, в Хенли/Henley, был аэродром

Должно быть, вашей небольшой деревне пришлось нелегко: вы говорили, что в ней жили 20 парней Вашего возраста, и, предположительно, большая их часть ушла на войну?

12 из 20 пошли служить, из 5 домов, а всего их было 9. Жизнь – суровая штука: единственный погибший был единственным сыном. Билли Бёрк (Billy Burke) не вернулся с войны, и его отец так и смог свыкнуться с этим…

У Вашего отца работали *Девушки-Крестьянки/Land Girls (женщины, добровольно работавшие на британских фермах вместо ушедших на войну мужчин – ВК)*?

Да, конечно, они появились там еще до того, как я ушел в армию. Из 20 ушедших на войну парней сейчас в живых осталось только трое, один из них женился на такой девушке.

Сколько Вам было лет в 1940-м?

Я родился 8 августа 1916-го, так что мне было 24.

Вы когда-нибудь рассчитывали дожить до 90?

Нет, такого не было.

Вы с американцами часто сталкивались?

Нет, немного. Когда янки брали итальянцев в плен в Оране, они пинали их и орали на них, и это было неприемлемо…

Что вы думаете об Александере (Harold Alexander)?

Я считал его хорошим малым.

Вы сами его когда-нибудь видели?

Да, у меня есть фото – мы стоим в его почетном карауле в Триесте.

Будучи сельским парнем, вы, наверное, сочувствовали итальянцам, когда видели их разрушенные деревни?

Да, конечно, и у нас были хорошие отношения с итальянцами.

То есть, продукты у них особо не отбирали?

Нет, хотя картошку понемногу копали. Была одна женщина-фашист, так она появилась рядом и сказала «Не трогайте мою картошку!/No – my potatoes!»

Вы припоминаете что-нибудь о боях в районе озер Больсена и Тразимено?

Ну, не забывайте, мы прошли через такое количество небольших деревень. Мы прошли через Сиену, через Падую.

Вы были подчинены американской 5-й Армии, не так ли?

Да.

Вы вышли в центральную часть Италии. Побывали в Кастельяни?

Да, мы были там вместе с южноафриканцами.

Ну и как у вас с ними дела шли?

Да все было хорошо. Помню, у них были сигареты, которые назывались *Springbok*, но сам я не курил. Просто подхватываешь слова у тех, с кем ты рядом находишься. Когда мы были рядом с индийцами, мы ели их *чапати*, они были хороши после прожарки на оливковом масле.

Представляю себе. Армейские рационы приедались через какое-то время…

Конечно - *M & V* – мясо (meat) да овощи (veg).

Вам всегда хватало еды?

Нет, когда мы стояли близ Кассино, было чертовски голодно. Это меня поражало, потому что когда-ты находишься в тылу, еды навалом, но до передовой она не доходила. Помню как-то раз нам прислали по паре столовых ложек муки! Что, черт возьми, ты с ней будешь делать? Я смешал ее с водой и попытался съесть. Это было то же самое, чем ты клеишь обои. В одном патруле – это был статичный патруль, там был блиндаж, мы ходили туда на

24 часа, а когда ты возвращался, тебя отправляли в тыл, где хорошо кормили. На другой день уже думаешь: как потом выживать на передовой…

Погода в Италии была ужасная, не так ли?

Да я не помню, чтобы она была совсем уж плохая. Мы находились под открытым небом, палаток или чего-то еще у нас не было, но, чтобы она совсем была ужасной, я не помню. Мы одевали свои плащи химзащиты и так выживали.

Что Вы помните о [резне] в Монте Соле?

О, Монте Соле – это была жуть. Вот журнал *Guards*, в нем опубликована пара писем об этом.

Прочту, если сумею *(интервьюер Джеймс Холланд читает письмо Хэрриса - ВК)*:

Сэр, прочтение в летнем номере за 2002 год некролога, посвященного уходу из жизни бригадира Мэйса (C. M. A. Mayes), и комментариев о его службе в Апеннинах во время ВМВ, напомнило мне о том, как я служил во 2-й Роте 3-го Батальона Коулдстримских Гвардейцев в этом районе в 1944 году, где моим ротным командиром был майор Ричард Крейтон. Мы находились на Высоте 501 – на гряде, расположенной напротив и ниже Монте Соле (абс. высота 1 291 м- ВК), но на существенном удалении от той проклятой горы. Мы постоянно были в снегу, наши блиндажи были врыты склон горы сразу ниже его верхней бровки. Вход в них был под навесом из брезента, и это было не самое комфортабельное жилье. Нам выдали спальные мешки, которые в обычной жизни были штукой хорошей, но нам не разрешали снимать одежду и обувь, так что можете себе представить, во что они вскоре превратились…

Почему вам не разрешали снимать одежду и обувь?

На случай, если немцы атакуют. Мы были на передовой.

… поскольку наши башмаки никогда не были сухими, были опасения, что будут жалобы на то, от чего сильно страдали солдаты во время ПМВ – на траншейную стопу, тем более что ходили слухи, что в соседнем с нами секторе были такие случае среди канадцев. Чтобы предотвратить ее распространение, у нас каждое утро имела место такая процедура: каждый командир отделения заставлял своих людей садиться на плащи, снимать башмаки и носки и посыпать ступни тальковой пудрой, чтобы высушить их, а потом энергично растирать их в течение 10 минут, чтобы восстановить кровообращение. Потом, после еще одного посыпания тальком, нужно было надеть чистую пару носков. Пудра и носки доставлялись нам с нашей базы в La Cuerca (?) четко каждую ночь. Эта процедура делала свое дело, со ступнями у нас проблем не было. Наши ротным сержант-майором был Герти Картсайд (Gertie Gartside), который, когда я поступил на службу в Катерхэме, был старшим сержантом по боевой подготовке и терроризировал всю базу. Но, когда приток новых рекрутов иссяк, большая часть персонала базы была отправлена за моря, чтобы присоединиться к батальону, и он оказался среди нас в 1944-м. Должен сказать, что для человека, попавшего [на фронт] после сравнительно спокойной службы на базе, он, в самом деле, изменился в лучшую сторону, вел себя спокойно под огнем, был хорошим организатором, и я начал восхищаться им в полной мере. Немцы располагались на господствующей над нами горе Соле, начиная с октября, пока в феврале нас не сменили, и было нам там очень нелегко. Находясь гораздо выше нас, противник мог видеть все наши дневные перемещения, так что все приходилось делать в темноте.

Одним из самых тягостных заданий, которое мы получали, было следующее: мы надевали все наши теплые вещи, потом белый камуфляж, после чего уходили и ложились на наши химзащитные плащи в 50 ярдах от передовой, чтобы своевременно предупреждать своих

о появлении немецких патрулей. Было холодно, и так всю ночь до рассвета. В феврале 1945-го нас сменили американцы, и мы ушли в Сполето/Spoleto, где 2-й и 3-й батальоны слили в один. Для майора Крейтона и меня, хотя мы еще не знали об этом, на этом война окончилась: те из состава 3-го Батальона, кто прослужил дольше всех, отправлялись в Англию, и я оказался в верхней части списка под названием, вроде как, LIPA, что означало Leave Italian Army Personnel/Отпускники Итальянского Фронта…

Так или иначе, я провел апрель 1945 года в Англии, наслаждаясь прекрасной весной, пока в Италии происходило финальное наступление, и война там окончилась за два дня до того, как окончился мой отпуск. Я обнаружил, что в новом батальоне все стало по-другому. Во время боев я командовал отделением большую часть времени в Италии. Ни в какой другой ситуации семеро человек не начнут доверять друг другу и не узнают друг друга лучше, чем после месяцев, проведенных в бою. Мы все знали, что можем положиться друг на друга, и этот дух товарищества был тем, что я всегда буду ценить превыше всего. Однако то, что в составе рот произошли сильные изменения, то, что нас часто так сильно разбрасывало вдоль югославской границы и то, что я прослужил сержантом-инструктором несколько месяцев в военной школе в северной Италии, привело к тому, что мне больше не довелось увидеть свое отделение. Просматривая список пострадавших во время последнего наступления, я не нашел в нем таких имен как Wilkie, Sanderson, Goddard или Pilgrim (?), из чего заключил, что они остались живы. Начав получать журнал Guards лишь недавно, я должен сказать, что он стоит заплаченных за него денег и содержит много интересных статей, а имена офицеров, которых я знаю, присутствуют в некрологах…

Письмо, присланное одним из читателей журнала:

Сэр, в этом интересном рассказе о жизни на передовой в Италии зимой 1944 года Рег Хэррис, ранее служивший в Полку Коулдстримских Гвардейцев, говорит о своих сомнениях в том. что кого-то заинтересуют его воспоминания. Что ж, меня они заинтересовали. Он с точностью описал жизнь тех, кто находился на Высоте 501, с которой были видны немецкие позиции на Монте Соле, являвшиеся частью Готской Линии, которая преградила нам путь на к Болонье и к долине По. Мой взвод и 5-й Батальон Гренадеров занимал эту позицию за поворотом от 3-го Батальона Коулдстримцев. Фотография, которую Вы поместили, была сделана армейской фоточастью 31 декабря 1941 года прямо у штабного блиндажа моего взвода. Солдат, который сидит на канистре – мой ординарец, гвардеец Уилкинсон. Американцы сменили нас 15 февраля 1945 года. Они прибыли, большая их часть курила сигары, было их примерно в три раза больше, чем нас, и они были очень обеспокоены тем, что им придется окапываться в твердом грунте. В итоге, Рег Хэррис пишет, что он отправился домой из Сполето по списку LIPA, на самом деле, он назывался LIAP (Leave In Advance – отбывающие в отпуск раньше других (?) - ВК), что указывало на возвращение в батальон после отпуска – это было для тех, кто прослужил за морями более четырех лет. Они не вернулись на ТВД и получили должности дома…

Потом вы получили еще одно письмо?

Да.

Воспоминания об Италии, журнал *Guards*, весенний выпуск 2006 года:

Сэр,

В последнее время вы стали публиковать воспоминания разных людей о ВМВ, и я надеюсь, что это письмо будет в чем-то Вам интересным. [Гора] Домини была, наверное, была самой высокой из всех, расположенных на пути к Флоренции и Арно, и два взвода 2-й Роты Коулдстримских Гвардейцев, в одном из которых служил я, были отправлены вперед прощупать вражескую оборону. Мы попали под сильный пулеметный

огонь еще до того, как тронулись в путь, и Найджел Гарднер (Nigel Gardner), один из взводных командиров, был убит. Склоны горы были крутыми и террасированными, и, приближаясь к вершине, мы оказались под интенсивным огнем противника и понесли ощутимые потери, что вынудило нас отступить. В каждом взводе есть люди с какими-то недомоганиями: боли в спине, проблемы с кишечником. В моем взводе был парень по имени Куинни (Quinney), который мучился с ногами, особенно в жаркую погоду. Когда мы подошли к вершине, Куинни очень повезло: он попал под пулеметный огонь, и одна пуля вырвала куски плоти из его левой руки и груди, а еще одна вырвала кусок из его правой руки. Спустившись с горы, мы оказались на дороге, врезанной в склон горы с откосом с одной стороны и обрывом с другой. Куинни прислонился к откосу и выглядел довольно побитым. К этому моменту раны на его руках уже были перевязаны, но до этого кровь успела залить его шорты и верхнюю часть гольфов, из-за чего он смотрелся просто ужасно. Подошел майор Крейтон, ротный командир, и спросил Куинни, как у него дела. Он сказал, что все не так плохо. «Ну, теперь с тобой все будет в порядке, - сказал майор – подъехала санитарная машина, и тебя доставят к ней на носилках.» Куинни воспрял духом. «Благодарю всевышнего за это сэр, - сказал он. – мои ноги убивают меня!» Потом Куинни поправился и вернулся в батальон, но удача покинула его, и он был убит за несколько дней до окончания войны.

После Монте Домини, на следующий день, 1-я, 2-я и 3-я роты осуществили фронтальную атаку при поддержке танкового эскадрона и дивизионной артиллерии, и это также превратилось в кровавую баню. Они взяли высоту, но потери были большими, и этой стало одной из причин, по которой весной 2-й и 3-й батальоны были слиты в один. И еще одно: на следующее утро после боя мы попали под самый сильный артобстрел на моей памяти, когда, ка писала наша армейская газета, Union Jack, 600 снарядов упали на участок в несколько акров (1 акр ~ 4 000 кв. м - ВК) в течение 10 минут, однако благодаря тому, что мы были рассредоточены и располагали временем, чтобы окопаться, потери были совсем небольшими. Вероятно, немцы использовали свой излишек снарядов…

Что для вас было хуже всего, артиллерия или минометы?

Минометы.

Потому что ты не слышишь, что мина на подлете?

Да, и, если снова говорить про Карильяно, для меня оно было наихудшим из всех мест за всю войну, потому что у них там были *небельверферы* - многоствольные *Стонущие Минни*. Если ты окажешься где-нибудь поблизости от них, считай, что тебе повезло, если ты остался цел, но, по крайней мере, ты слышишь, когда их снаряды в воздухе. Что касается обычных минометов, то они падают на тебя до того, как ты узнаёшь, что они на подлете.

Должно быть, окапываться было трудно, и это занимало много времени?

Да, большую часть времени. Часто мы просто не могли этого сделать, и приходилось строить *сангары*. Собираешь камни, глыбы побольше, и выкладываешь вокруг себя стенку, которая должна остановить пули.

Тот эпизод с патрулированием, когда вы стали капралом, а потом сержантом – можете примерно припомнить, когда это было?

Начало 1944-го, наверное.

То есть, большую часть боевых действий в Италии вы были сержантом? Старшим в отделении (section leader)?

Да.

Как вы думаете, в чем секрет лидерства в группе людей?

Ну, или это есть в тебе, или нет. Когда я был замкомандира, со мной служил паренек, капрал Сессфорд (Cessford). Полагаю, ему было всего 19, и он мог бы стать превосходным солдатом для мирного времени. Ему нравилось смотреть нас всех свысока и орать, но для войны он был абсолютно бесполезен. Я зачастую, в той или иной степени, брал старшинство в отделении на себя, и он говорил: «Не думаешь ли ты, что это должно быть у меня в руках?» Я отвечал: «Это должно быть у тебя в заднице!» Офицеры дразнили его, потому что от ни черта не было толку на войне. Я навсегда запомнил, как он как-то раз сказал мне: «Ты станешь сержантом до того, как им стану я.» Я ответил: «Как это возможно? Ты пробыл в капралах 12 месяцев, а я еще гвардеец.» Ничто не могло изменить его [в лучшую сторону], и он оказался прав. Он был убит до того, как стал сержантом. На одной из высот были пулеметные гнезда, и мы должны были пойти и уничтожить их. Каждое отделение – во взводе их было три – шло впереди по очереди. Наш офицер был убит, сержант Томас (Thomas) принял на себя командование взводом и крикнул Сессфорду, чтобы он подошел, и, как только он оказался рядом со мной, ударили *шпандау*. Он лежал на земле, и я разглядел, что он в страшно разобранном состоянии. Он был бледным, как простыня, и трясся, словно осиновый лист. Я спросил его: «Ты в порядке, Сесс?». Он ответил: «Само собой, в порядке», но это было не так: я видел, как он был испуган. Я пошел вперед и услышал, как снова ударили *шпандау*, и мы применили наши 2-хдюймовые минометы и *Брен*, чтобы сбить их с высоты. Минометный огонь напугал их до смерти, и они бежали. Потом Томас говорит мне: «Ты знаешь, что Сесс убит?» Я говорю ему: «Нет», а он мне: «Вместо того, чтобы остановиться под уступом, он вскочил и заорал: «Прикончим ублюдков!», и они его почти разрезали его на две части из *шпандау*.» Парню было страшно, знаете, он думал, что покажет другим, что это не так… Он лишился жизни по глупости.

Откуда он был?

С севера, думаю. Из Ньюкасла. Один парень из моего отделения погиб, его звали Джошуа Раддок (Joshua Ruddock), он был и в самом деле отличным малым. Он помогал мне во всем. Обычно в армии каждое пятое или шестое слово – это *f…k*, но я ни разу не слышал, чтобы он матерился. Это был прекрасный, достойный парень, и, когда он погиб, я написал его матери, и там были слова о том, как он мне нравился и все такое. Она написала в ответ и сказала, чтобы я зашел к ней, если окажусь [в их местах]. Я никогда не думал о том, что когда-нибудь сделаю это, но Тони и я побывали в тех краях, но я потерял адрес, право слово, стыдно было.

Как это с ним случилось?

Мы возвращались из патруля, прилетал шальная мина и убила его наповал, просто не повезло ему.

Предполагаю, один из способов иметь успешное отделение – быть впереди него, подавать пример…

Да, и еще быть одним из своих людей. Я имею в виду то, что ты вливаешься в него и делаешь то же, что и они, и в карауле стоишь, и все остальное.

Обычно в отделении было 10 человек, не так ли?

Не знаю, у нас было семеро. Может, просто людей не хватало.

Не припоминаете ли вы – было ли такое ощущение, что людские ресурсы иссякают?

Да, было, новички из тыла поступать перестали.

Знали ли вы о том, что Италия стала вторичным ТВД после начала боевых действий на севере Франции?

Нет, я не знал об этом. Когда мы услышали о том, что открылся Второй фронт, мы сказали: «Черт, они сделали что-то как раз вовремя!»

Вы ведь даже не были в составе 8-й Армии?

Нет, хотя это и забавно, потому что я получил *Звезду за Африку/Africa Star*, и все решили, что я воевал в составе 3-го Батальона в пустыне, чего, на самом деле, не было. Если я был в группе людей, и появлялся офицер, старший сержант должен был дать команду *смирно*, отдать честь и попросить разрешения продолжать. Поскольку у меня была эта награда – а ведь я был самым младшим по званию – они все смотрели в мою сторону, чтобы я скомандовал *смирно* и отсалютовал офицеру просто потому, что у меня была *Звезда за Африку*!

Какие у вас еще были медали?

Всего их 5: *Звезда за 1939-1945*, *Звезда за Африку, Звезда за Италию/Italy Star, Звезда за Оборону/Defense Star*, *(с еще одной наградой ясности нет: Хэррис упоминает Тунис и дворец бея Мухаммеда VII аль-Мунсифа в Хаммам-Лифе – ВК)*… Мы его [дворец] размолотили к черту из пушек, взяли, а потом какой-то парень подошел ко мне и отдал что-то из фарфоровой посуды – он вынес ее из дворца. Я не знал, что с этим делать, потому замотал кое-как и отправил домой. Почти все раздавило, но осталась пара чашек, я Вам их покажу.

Почту регулярно получали из дома?

Да, моя жена писала мне.

Вы женились до ухода в армию?

Да, прямо перед этим.

Тяжело было уходить из дома и оставлять жену?

Конечно, но все были в одной лодке… А потом и мать писала, и разные люди.

Это помогало?

Да, конечно.

Вам доводилось разговаривать с кем-нибудь из итальянцев, с которыми вы сталкивались?

Да, мы говорили с ними, мы понемножку освоили итальянский, в достаточной степени для того, чтобы немного пообщаться.

Вы, должно быть, прошли через множество сельхозугодий…

Да, конечно. Помню, как-то летом мы вышли из боя с *Томпсоном* в одной руке и гроздью винограда в другой…

Можете ли вы сказать, что испытывали глубокое уважение к немецким солдатам?

Определенно, они были хорошими солдатами. Эсэсовцы, однако, были ублюдками. Был один инцидент, когда мы как-то вечером остановились на краю леса и окопались напротив белого фермерского дома, который был в ¼ мили от нас. Мне приказали пойти и посмотреть, нет ли в нем немцев, когда стемнеет. Пришлось идти сразу после того, как стемнело, потому что позднее должна была взойти полная луна. Мы в доме ничего не нашли, а рядом с дверью в конюшню лежали в рядок ящики. Один из моих парней махнул рукой, чтобы мы заглянули туда. Там мы увидели, что из-под одеяла торчит пара ног... Я навел на спящего свой *Томпсон*, и парни сдернули одеяло. Там оказалась голая женщина, убитая двумя выстрелами в сердце. Не припомню, чтобы у меня возникло чувство отвращения: ведь ты видишь столько мертвецов… На следующий день мы снова пошли туда. Открылась дверь, и оттуда выбежал женщина. Я спросил ее, была ли она тут прошедшей ночью, и она сказала, что сидела в подвале. Я сказал, что ей повезло, потому что обычно, если мы видим, что в подвале кто-то есть, мы поднимаем крышку и кидаем туда гранату, что должно упокоить всех, кто сидит там, внизу. Спросил ее о мертвой женщине, и она ответила, что какие-то эсэсовцы захватили ее с собой из Рима. Мы были в 40 или 50 милях к северу от Рима. Она сказала этим эсэсовским парням, что собирается уходить, они ответили, что она не может этого сделать. Когда она стала настаивать, офицер застрелил ее. Потом пришли люди из деревни, принесли гроб и похоронили ее в дворе местной церкви…

Вы сами были свидетелем других зверств по отношению к гражданскому населению?

Немного… В Монте Соле они расстреляли множество людей.

Вы говорили, что как-то наткнулись на партизан. Это было в той же местности?

Это было где-то в центре Италии, не в Монте Соле, после него. Их было трое или четверо. Один из них лежал рядом с местом, где я вырыл себе окоп.

То есть, вы только-только вышли на этот рубеж, и там набрели на троих партизан, и все они были мертвые?

Да, во дворе церкви. Подошел паренек и сказал, что это его брат, тот, что лежал рядом. Он стал помогать мне оттащить труп, так тот переломился пополам, и оттуда поперли тысячи червей. Паренек пустился наутек. А может это было и до Монте Соле…

Вы мало имели дел с партизанами?

Немного. Помню наше первое патрулирование в районе Монте Катини. Когда мы вступили в эту местность, немцы отошли, и это был первый патруль в той округе. Местные бросали мне бутылки с бренди, и я сказал им: «Мне не нужен ваш бренди!» Когда ты в патруле, напиваться не стоит. Ты предпочитаешь держать мозги в ясности. Мы поднялись вверх по фуникулерной колее, и потом кто-то наступил на мину и был убит. Шел дождь, лило как из ведра. Когда мы поднимались, русло реки было сухим, но, когда мы вернулись, по нему уже неслась вода. Мы перебрались через него по поваленному дереву, но наш пулеметчик уронил свой *Брен*, и на следующий день ему пришлось возвращаться, чтобы подобрать его.

Были ли мины и всякие ловушки большой проблемой?

Я не помню, чтобы с этим приходилось бороться в больших масштабах…

Вы осознавали то, что союзники господствуют в воздухе?

Нет, не думаю. Помню, в Тунисе я видел, как янки бомбят свои собственные танки. Этим янки доверять было нельзя. Когда они появлялись в воздухе, все пригибались.

Что вы можете сказать о том, какими они были солдатами?

Ну, на Востоке они себя проявили хорошо, разве не так? Однако в Африке они были слабоваты. Они были зелеными, у них не было опыта.

Вы когда-нибудь видели [генерала] Марка Кларка?

Нет.

Ничем особенным он себя не проявил, не так ли?

Ну да, немного его критиковали.

Были ли у вас ближние бои с немцами, или вы по большей части вступали в артиллерийские дуэли, патрулировали и так далее?

В первом патруле в районе Арно, ночью, мы убили девятерых немцев.

Это было до падения Флоренции?

Да, и у них было много трофейных вещей. Наше отделение было очень сильно огорчено тем, что это были наши вещи *(видимо, речь идет о том. что это были британские вещи – ВК)*! Часы, всякое барахло. Меня это особо не волновало. У меня самого были кое-какие трофеи: бинокль, фотоаппарат – все это потом у меня забрали, но я не огорчался по этому поводу.

Как вы переправились через Арно?

Вброд: шел август, вода была низкой, и мы несли свое оружие над головой. Перебирались два взвода – сначала прошел один, за ним должен был следовать второй. Мы стояли и ждали своей очереди, и тот взвод, который переправился первым, попал под огонь, после чего на носилках принесли притащили раненых. Я подумал: «Боже, и нам тоже достанется.» Но, когда мы перебрались на другой берег, мы никого так и не увидели. Я думаю, наши зачистили его. Мы подошли к первому дому, и он оказался пустым. Ну, я пошел вверх по дороге – я вел людей за собой, за мной шел наш командир, Дэвид Куилтер (David Quilter). Он подошел поближе, и здесь мне повезло, потому что он знал немецкий. Меня спросили что-то по-немецки, и он смог ответить, после чего нам хватило времени на то, чтобы залечь и открыть огонь. Мы уложили пятерых, а сами в ту ночь потеряли только одного парня – он был убит своей же долбаной гранатой. Он стоял на коленях рядом со мной и швырнул гранату, но бросил ее недостаточно далеко: она покатилась назад. Я помню, как осколки просвистели рядом с моим ухом, но остальные убили его. Он только-только влился в батальон, появился у нас в 12 часов дня, а к полуночи уже был мертв. Он поступил к нам. У меня под началом был паренек, который все время драпал, и я слышал, как он сказал: «Как только мы наткнемся на противника, я удеру.» Я ему: «Далеко ты не убежишь: я пристрелю тебя к чертовой матери. Если ты собираешься это сделать, проваливай вечером, и я найду кого-нибудь достойного тебе на замену.» Он ушел, и я получил взамен этого паренька, который погиб. Если бы я не сказал это тому малому, *(который дезертировал – ВК)*, он, может быть, был бы еще жив. Но ведь это война, не так ли?

Часто ли вы думаете о войне теперь?

У меня никогда не было кошмаров или чего-то такого, связанного с войной. Я знал парня, его звали Стюарт Кокс (Stuart Cox), он был офицером в танковых войсках, и после войны его мучали жуткие кошмары…

Когда вы вернулись домой?

В 1946-м. Я служил в школе боевой подготовки в Италии на должности сержанта-инструктора, и как-то раз мне сказали, что отправляют меня обратно в батальон. Я спросил: «Почему?» Мне говорят: «Ты скоро покинешь армию. Ты не можешь уехать прямо отсюда, тебе придется сначала вернуться в батальон.» Так что я вернулся в Англию из Италии через Францию – оттуда морем в Дувр, потом домой.

Вы припоминаете какие-нибудь забавные эпизоды на войне?

Да, конечно. Помню, что на Лампедузе был здоровенный склад итальянских бомб, гранат и гелигнита, и мы решили попробовать порыбачить с его помощью. Мой сержант нашел лодку, мы сели за весла, с нами был капрал, который, как предполагалось, был экспертом по взрывчатке. У него были гелигнитовые шашки в виде таких сосисок, он заталкивал в них детонатор, потом поджигал огнепроводный шнур и кидал эту штуку в воду. Она тонула, а потом взрывалась, сержант подгребал поближе, и мы сетью вылавливали мертвую рыбу. Так продолжалось какое-то время, пока как-то раз, по какой-то причине, капрал не поджег шнур и не забросил эту шашку на корму лодки. Сержант, чертов придурок, яростно погреб куда-то, не обращая внимание на то, что эта штука все еще в лодке. Когда лодка рванулась в сторону, капрал чуть было не выпал из нее, но он сумел схватить шашку и выкинуть ее – она взорвалась, едва коснувшись воды. После этого все мы были мокрыми по уши!

У вас были увольнительные во время нахождения в Италии?

Иногда. Как-то я попал в Рио-Неро, отгуда вел патрулирование, а потом вернулся в Бари на несколько дней. Парень, который отвечал за отдых, был футболистом, он раньше играл за Англию – отвратительный тип. Попросишь у него мяч, чтобы поиграть – не дает. Говорит, что, если будет две команды, чтобы сыграть, будет и мяч. Он не хотел, чтобы его беспокоили. Как его звали? Вроде, Кёртис (Curtis). У него на складе было множество мячей, а он не дал нам ни одного! А у нас-то было всего несколько дней на отдых…

Что вы скажете о майоре Крейтоне?

Он был хорошим парнем, мы с ним были в контакте и после войны. Он приезжал ко мне в гости.

Вы помните капитана Ховарда?

Так просто не припомню, у меня с ним особых контактов не было.

Были ли Монте Соле трудным эпизодом для вас?

Да, мы застряли напротив него. Они нас видели, и мы не могли сдвинуться с места в дневное время.

Вы атаковали их?

Нет, собирались накануне Рождества, но пошел снег, слава Богу. Я перед этим попал в госпиталь, потому что медики решили, что у меня малярия, но этого не было – был просто озноб. Пока я там торчал, у меня с пальца слезла кожа, думаю, это было то, что называют траншейной язвой – потом в этом месте кожа сильно облезает. Однако поступил приказ собрать на передовой всех, кого можно, из-за этой атаки. Тогда медики вымочили кусок

ворса в соляном растворе, мне в зубы заткнули носовой платок, чтобы я крепко прикусил его, заставили взяться за перила двумя руками, и примотали этот ворс к моему пальцу. Это помогло, и кожа снова наросла. Было очень больно. После этого я вернулся к своим, чтобы подготовиться к атаке, и прямо перед ней пошел снег…

Теперь люди покинули эти горы. Там была резня: 985 человек было убито, деревни Сан Мартино и Вердико сожжены…

Там погиб один офицер. Мы были в патруле одной ночью, и ожидалось, что мы попытаемся найти его, но этого не произошло.

Вы гордились тем, что служите в гвардии?

Да, конечно.

Гвардейцев всегда считали элитой?

Да.

Вы после войны встречались со своими сослуживцами по отделению?

Нет, иногда я ездил в *Старый Сарум/Old Sarum*: там ежемесячно собирались гвардейцы, но я встретил только одного, который служил в гвардии на войне. Остальные служили уже после нее. Однако я до сих пор в переписке с подполковником. Он живет в Кэмберли.

Вы, по большей части, находили общий язык с людьми?

Да. Многие офицеры грешили снобизмом, но они знали свое дело. Ничего плохого про них не могу сказать, я с ними контактировал нормально. Моим взводным одно время был Кэзнов (Casenove), и мы с ним были словно братья.

Уважали его?

Да, еще был один по фамилии Джоунс (Jones). Ему было всего лишь где-то 20, но он был лучшим из офицеров, которых я знал, просто отличный офицер.

Что в нем было отличного?

У него были мозги, и он знал свое дело. Мы как-то ночью были в патруле, вышли в него после полудня. Просматривали карту, и для него она была словно фотография: он отлично читал ее. Прошли пару миль, потом повернули влево, тут я слышу, как что-то стукнуло рядом со мной. Иду, и тут он кладет мне руку на плечо и говорит: «Ты слышал это?» - «Да.» Он говорит: «Это немецкий патруль, мы пойдем назад другим путем.» Прошли еще немного, и он говорит: «Там, впереди, что-то происходит, я хочу глянуть, что это. оставайтесь здесь и ждите, пока я не приду.» Он отсутствовал где-то четверть часа, потом вернулся, и мы пошли другим путем. Потом он сказал: «Там была мастерская по ремонту танков и орудий, скажем об этом артиллеристам» Вскоре после того, как мы вернулись к своим, я услышал, как открыли огонь [наши] пушки и разнесли все это к черту. Так что он был прав. А погиб он по-глупому. Штаб роты находился в красивой вилле, крепкое было здание. Немцы начали обстреливать его, а капрал Джермин (Jermyn) стоял в дверном проеме. Он [офицер] сказал ему выйти, потом вышел сам и встал в дверях, когда прилетел снаряд и уложил его наповал. Глупо, честное слово. Пришел майор Крейтон и сказал: «У меня плохие новости: мистер Джоунс убит.» Я сказал: «Бог ты мой, у нас второго такого не будет.» Мы его звали *Джек-Чудик/Whacky Jones*. Он был молоденьким парнем, но дело свое знал. Советов он не просил. Часто взводный просит у тебя совета, но он знал, что делать и без этого.

Как вы думаете, он действовал инстинктивно?

Предполагаю, что так.

Испытывали Вы чувство беспокойства перед выходом в такие патрули?

Нет, я не волновался, не было такого.

И не думали о своей безопасности?

На самом деле, нет. Ты знал: есть шанс. что тебя убьют. Помню, после того, как мы взяли Монте Катини, мы отошли на несколько дней на отдых, и в ночь перед тем, как возвращаться обратно, я пошел прогуляться с сержантом Ролингсом (Rawlings). Он ругался из-за того, что нужно возвращаться на передовую, и сказал: «Тебе-то хорошо, ты не против того, чтобы возвращаться в окопы.» Я говорю: «Почему ты так думаешь?» Он мне: «Ну, так со стороны кажется.» Так что, нет, я не думаю, что меня это волновало. Не знаю почему…

Отсутствие страха…

Может, это была простая глупость!

Я вовсе не хотел это сказать! Должно быть, это была уверенность в людях из Вашего отделения. Это то, что я склонен думать…

Наверное.

Как вы думаете, война сделал Вас тверже?

Да, конечно, никаких сомнений в этом, но через какое-то время ты становишься помягче.

Алекс Барторп

Я услышал, что мой прежний 149-й Противотанковый Полк все еще находится в составе 4-й Индийской Дивизии, сражается под Монте Кассино и участвует в осаде монастыря. Я подал заявление на возвращение в свой полк в качестве офицера, что было утверждено. Я прибыл под Кассино ближе к концу февраля 1944-го и обнаружил, что полк стоит на позиции к северу от монастыря и теперь стал частью недавно сформированного Новозеландского Корпуса, в который входят пехотная дивизия и танковая бригада…

… Местность здесь была гористая, и противотанковые пушки были тут практически бесполезными, так что полк был на время оснащен вместо них 4.5-дюймовыми минометами и приступил к обстрелу защитников монастыря, когда это требовалось. Меня благожелательно приняли обратно в полковые ряды и поставили командовать Отделением *C*, в обычное время имевшим на вооружении 17-фунтовки, а теперь, понятное дело, - минометы. Отделение было размещено между скал, в узкой расселине, и было хорошо защищено, поскольку минометы могли вести огонь под большим углом возвышения в отличие от полевых и противотанковых пушек. У меня в подчинении были один сержант – мой заместитель – и 26 прочих чинов. Мой КП находился на дальнем конце этой расселины, здесь же была радиостанция и место, где я спал. Мои парни хорошо обустроили эту позицию за время пребывания на ней и сумели сделать для нее крышу, которая не только прикрывала от камней и осколков, залетавших к нам во время обстрелов, но также защищала от дождя благодаря наброшенным на нее старым плащ-палаткам. Я провел на ней всего несколько часов, пока не начался первый минометный обстрел со стороны монастыря, малоприятный, но неточный, так как они хоть и знали местоположение участка, на котором мы находимся, точных данной о нашей позиции не имели. Дело было в марте,

погода стояла холодная и самая что ни на есть дрянная, но противнику, вероятно, приходилось еще хуже, чем нам. Из-за холодной и ветреной погоды и понесенных в результате собственной бомбардировки и последующей неудачной атаки потерь, хоть и достигнув некоторого успеха в боях за город Кассино, Новозеландский Корпус уменьшился в численности до соединения, способного лишь удерживать позиции. Это, по сути, вынудило отложить запланированное наступление на монастырь и привело к переброске в наш сектор резервов – 78-й Дивизии. Атака задержалась на три недели, пока становилось все более холодно, сыро и ветрено, но, оставаясь на открытых позициях, войска несли необоснованные потери, которые росли с каждым днем.

Британские минометчики под Кассино

Таким было положение, когда я прибыл на место, и несмотря на потери людей на передовой нужно было снабжать и кормить, и делать это нужно было в темное время суток. Позднее мы узнали, что немецкие части, находившиеся напротив нас, были парашютистами – самыми стойкими бойцами во всей германской армии. Для того, чтобы помочь в переноске припасов тем, кто занимал позиции на Высоте *Hangman's Hill* и других открытых участках, в то время как большая часть мулов была убита непрерывным огнем артиллерии и минометов противника, я, с одобрения командира батареи, вызвался участвовать в нескольких походах подобного рода в перерывах между пребыванием на огневой позиции и НП. Время от времени нас обстреливали, но ничего серьезного не происходило, а видеть благодарность на лицах людей, когда мы прибывали на их рубеж с пищевыми рационами, лично для меня было достаточным основанием для того, чтобы предпринимать эти усилия. Тем временем парашютисты предприняли несколько атак, нанеся нашим людям большие потери, но раз за разом откатывались под сильным огнем наших пушек и минометов. Со временем весь [Новозеландский] корпус был отведен с передовой, и его место заняли части 78-й Дивизии. Мы тоже оставили свою позицию и вернулись туда, где оставили наши пушки, в район города Беневенто. По пути мы заночевали на берегу вспухшей и стремительно несущей свои воды реки Вольтурно. Там, где мы остановились, река разлилась вширь из-за сильных дождей, изолировав в 5-6 метрах от берега небольшой островок длиной метров 20 с большим деревом на нем. Мы не обращали на него внимания, пока не услышали шум самолета, быстро приближающегося к нам вниз по долине реки, потом я услышал треск пулеметов и грохот разрыва небольшой бомбы. Я понял, что это был враг, атаковавший именно нас. Я увидел группу из четырех парней за собой и закричал им, чтобы они залегли. Грузовиков рядом не было, так что единственное, что можно было сделать, — это плюхнуться на землю и замереть. Летчик, сбросив бомбу выше по долине, пролетел над нами и сбросил еще одну ниже по течению, но все еще достаточно близко, чтобы осыпать нас камнями и комками грязи. После того, как самолет исчез, я услышал крик, оглянулся и увидел, что один из

парней, который до этого стоял за мной, теперь стоит на том самом островке рядом с деревом. Другие парни кричали ему, чтобы он возвращался к ним, но как он ни пытался это сделать, течение было слишком сильным, и там было слишком глубоко. Как он там оказался, оставалось неясным… В конце концов мы вытащили его оттуда, спустив по воде веревку. Он так и не сумел объяснить, как это с ним случилось.

Получив обратно нашу технику, мы проследовали на позицию на восточном фланге линии фронта между Кассино и Адриатическим морем, в горах. Это была сдерживающая позиция, так как мы сильно нуждались в отдыхе, а основные силы концентрировались близ Кассино для финального наступления, которое должно было вот-вот начаться. Другим словами, стояло затишье, поскольку ни одна из стороны не имела достаточных сил для атаки. Погода, все еще дрянная, должна была улучшиться… Командир батареи воспользовался этим затишьем, чтобы дать нам возможность получить увольнение на несколько дней «вахтовым» методом, так что у всех у нас были на это одинаковые шансы. Я решил свои несколько дней использовать в Бари/Bari, что на восточном побережье, и получил от этого удовольствие. Находясь там, я встретил нескольких парней из *RAF*, служивших в бомбардировочных частях, действовавших с соседнего аэродрома в Фодже. Я спросил у них, нет ли какой-нибудь возможности для меня совершить полет в ходе одного из их бомбардировочных рейдов: ведь я раньше ни разу не летал. Они сказали мне, что вот-вот, через пару дней, должны протестировать один из своих бомбардировщиков, который только что прошел капремонт, и что они возьмут меня собой в качестве запасного/проходящего обучение бортстрелка при условии, что на *RAF* не будет никакой ответственности, если что-то случится или я получу травму. Я с огласился, все было обговорено, но сделать мне это не удалось, потому что я получил срочный вызов из полка с приказом немедленно прибыть в его расположение, так что все пришлось отменить. Все это оказалось к лучшему, так как позднее я узнал, что их планы в последний момент поменялись и их отправили в рейд на нефтяные промыслы Плоешти, из которого большинство самолетов не вернулось…

Причиной моего срочного отзыва было то, что полк перебрасывали на новую позицию, так как противник отступил из сектора напротив нас из-за высадки союзников на плацдарме Анцио. Командир батареи взял меня с собой, чтобы показать новые позиции, после чего он оставил меня на месте наметить точное расположение пушек. Затем я вернулся на свой КП и решил лично сопроводить каждую пушку на выбранное мною место в тот же вечер, после наступления темноты. Стемнело, и я отправился в путь с пушкой *No.1*. Я шел впереди нее в 15 ярдах, рядом со мной шел сержант-командир расчета. Я держал зажженную сигарету с ее светящимся огоньком у себя за спиной, чтобы ее мог видеть водитель машины. Дорога, которую я выбрал, была асфальтированной, новая позиция была всего в пяти футах от нее. Поскольку под нами был асфальт, я не счел вероятным наличие на ней мин, да и покрытие выглядело ненарушенным. Я прошел около 50 ярдов и был уже готов повернуть, когда за мной грохнул мощный взрыв. Я немедленно упал на колени, зная, что грузовик налетел на мину. Меня не зацепило, но сержант упал лицом на дорогу со стенаниями, давая понять, что ранен, но сказал мне оставить его и посмотреть, что случилось с теми, кто был в грузовике, что я и сделал. Я обнаружил, что одно переднее колесо отбросило взрывом в сторону, а водителя выкинуло из машины: он лежал с головой, опущенной в яму, ноги его оставались на асфальте, из разорванной артерии на его шее струилась кровь. Я спрыгнул в яму, положил голову водителя себе на колени, достал свой носовой платок и прижал его к ране, чтобы остановить кровотечение или замедлить его. Тем временем машины, буксирующие пушки *2, 3* и *4* остановились, так как люди услышали грохот взрыва. Парни побежали вперед, чтобы помочь пострадавшим. С их помощью раненых быстро доставили на полковой перевязочный пункт, а оттуда сержанта и водителя отправили в госпиталь, после чего я их больше никогда не видел. Пушку отцепили от буксира и убрали, расчетам остальных троих я сказал, чтобы они вернулись на старую позицию и что их разместят на новой позиции следующей ночью. Поврежденный грузовик разгрузили, и его убрали с дороги механики, а я вернулся к командиру батареи. Я так и не понял, как мне удалось избежать даже царапин, тогда как идущего рядом со мной сержанта

засыпало осколками, но я и в самом деле чувствовал, что всемогущий господь приложил к этому руку…

Хотя погода улучшилась, финальное наступление на монастырь было отложено до мая…, и 18-го поляки вступили в руины монастыря… Рим пал незадолго до *Дня Д* во Франции, о чем я думал тогда с большим сожалением, потому что это грандиозное достижение было задвинуто в тень британскими и американскими газетами в свете открытия *Второго Фронта* на земле Франции…

… Наш сектор фронта оставался статичным до падения монастыря, после чего противник начал отступать на север, и события стали развиваться с большой скоростью. Мы преследовали немцев, приостанавливались время от времени там, где враг оказывал сопротивление, а потом снова снимались с места и шли вперед до следующего рубежа его обороны. Мне нравилось, как шли дела в тот период боев, и я пользовался любой возможностью проехаться на моем джипе впереди своего отделения якобы для того, чтобы разведать новую позицию для наших пушек, но, на самом деле, чтобы поглядеть на сельскую местность Италии. В нескольких случаях я оказывался первым военнослужащим союзников, въезжавшим в какую-нибудь горную деревушку, и везде радостные местные жители встречали нас цветами и вином, настаивая при этом, чтобы мы выпили его вместе с ними. Определенно я был в одном из первых джипов, вкатившихся на территорию крохотного независимого государства Сан-Марино, которое никто не оборонял…

Помню один случай на пути на север, но точно не помню, где это произошло. Меня вызвал к себе командир батареи, и мы выехали с ним вперед на его джипе. Он сказал мне, что ему сообщили следующее: противник собирается дать нам бой на оборонительном рубеже и, возможно, контратаковать, в связи с чем полковой командир получил приказ прикрыть левый фланг, который упирался в небольшую речную долину. Вверх по ней противник и собирался нанести основной удар с участием танков, и мне нужно было перебросить туда мое отделение 17-фунтовок, чтобы выполнить поставленную задачу. Затем он отвез меня на позицию, на которой он хотел разместить мое отделение, и сказал мне провести на этом участке рекогносцировку и выбрать подходящие точки для пушек. Сам он должен был вернуться в назначенное время. Он уехал, и я своим ходом отправился на осмотр местности. Изучил позицию с того места, где находился, и примерно решив, где будет стоять каждая из пушек, снова на своих двоих пошел вперед, чтобы получше разглядеть каждую из огневых точек. Выбранная позиция находилась у виноградника, гроздья были усеяны великолепными ягодами, готовыми для сбора, так что, поскольку дело было в теплые летние послеполуденные часы, я хорошо приложился к ним. В стороне стояли два дома, предположительно относившиеся к местной ферме, которая временно была заброшена. Я решил посмотреть, что это за постройки, и не стоит ли воспользоваться ими, если понадобится. Я подошел к первой из них – это оказался сарай для скота. Входить в него было довольно страшновато, потому что стояла тишина, и, имея при себе револьвер, я вытащил его из кобуры и вошел в сарай, будучи готовым ко всему, даже к появлению вражеского солдата или потерявшегося домашнего животного. Однако он оказался пустым, поэтому, осмотрев его, я пошел ко второй постройке. По пути я заметил лежавший на земле кусок проволоки длиной всего 4-5 дюймов – это означало. что тут закопана противопехотная мина. Немцы использовали особенно мерзкую мину *shoe* (Schü-mine 42/Schützenmine 42), которая могла оторвать ступню, так что я стал продвигаться с превеликой осторожностью, и, само собой, набрел на табличку *MINEN*. Теперь я был начеку, высматривая, не виден ли где-нибудь нарушенный почвенный покров. Я обошел стороной несколько мин, после чего вошел в здание. которое оказалось брошенным фермерским двухэтажным домом. Было очень тихо, и несмотря на то, что в руке у меня был револьвер, я чувствовал, что на затылке у меня шевелятся волосы, и у меня было такое жуткое чувство, что кто-то следит за мной и поджидает меня. Это было наводившее страх ощущение, и чувствовал я себя далеко не комфортно. Однако дом оказался пустым, так что я вернулся, сделав полукруг через виноградники, на позиции пехотинцев, по-прежнему тщательно осматриваясь. Я не ушел далеко, когда услышал: «Стой, кто идет!», ответил на вопрос, после чего мне сказали пройти вперед и дать себя опознать. Потом ко

мне подошли двое британских солдат, которые спросили меня, кто я и что делаю здесь в это время суток. Я сказал им, но они не хотели мне верить. «Мы находимся на переднем крае обороны,» - сказали они мне, другими словами, они были ближе всего к противнику, а я подошел со стороны его позиций. Они вызвали своего командира отделения, и он отнесся ко мне с подозрением, потому что две постройки, об осмотре которых я рассказал ему, по его мнению, были вражескими пулеметными гнездами, и его часть понесла большие потери от огня этих *шпанду*. Потом он отвел меня к своему командиру роты. По пути он продолжал говорить мне, чтобы я пригнулся, чтобы держал голову пониже, поскольку он не хотел, чтобы я выдал их позицию, хотя я возражал, говоря, что только что пришел оттуда и что там никого нет. Командир роты также подверг меня расспросам и тоже отнесся к моим словам с недоверием, подтвердив озабоченность командира отделения потерями, понесенными от огня *шпанду*. Однако я сумел удостоверить свою личность, чем он остался удовлетворен. Я уже собирался уходить, когда на нас обрушился огонь минометов и пулеметов, который, как утверждали эти парни, вели по нам со стороны этих двух домов! Командир отделения прокричал мне: «Я говорил вам держать вашу чертову башку пониже!» Мы так и не переместились на ту намеченную позицию, потому что противник на следующий день покинул свою и отступил…

К середине августа 1944 года союзники пробивались к *Готской Линии*, которая со временем была прорвана после шести недель ожесточенных боев в горной местности в нашем секторе фронта и в секторе 5-й Армии, где было пониже и поровнее. Пошли дожди, дороги раскисли, стали скользкими, опасными и временами непроходимыми. Мой полк вышел на позицию в горах, с которой просматривалась долина реки По. Дело было уже в конце сентября, и нам сказали, что мы останемся на этом рубеже, пока нас не сменит 10-я Индийская Дивизия. Становилось холодно, было сыро, грунт стал топким, и мы буквально увязли на этой позиции.

Слева от нас были американцы – черная 92-я Дивизия. В то время пошел снег… Как-то утром мы получили сообщение о том, что наш левый фланг обнажился [в результате атаки противника]. Оказалось, что по какой-то неизвестной причине черные американцы ночью бросили свои позиции и бежали в южном направлении. По счастью, наше верховное командование очень быстро на это среагировало и бросило в образовавшуюся брешь бригаду 8-й Индийской Дивизии, находившейся в резерве. Одновременно с этим дивизионная артиллерия получила приказ начать обстрел передовых частей противника с такой интенсивностью, будто мы вот-вот пойдем в наступление. Трюк сработал, и я не думаю, что находившийся напротив нас противник догадывался, что происходит на самом деле. В итоге черные американцы остановились и повернули назад, не отступив слишком далеко…

О первом бое южноафриканских танкистов 10 июня 1944 года под городом Селлено рассказывает ***Арнолд Коленбрэндер*** *(****A.B. Colenbrander*** *по кличке Коули/Coley, на фото слева), командир взвода, Эскадрон А Гвардейцев Принца Альфреда:*

Наш эскадрон (А) оставался на месте до 9-10 часов утра, хотя мы слышали и видели, что слева от нас и напротив нас на высотах идет бой. Где-то в это время до нас дошло известие о том, майор Либенберг (E. Liebenberg) – думаю, он командовал Эскадроном А - был убит снайпером, когда его плечи и голова торчали из башни во время атаки… Неожиданно мы получили приказ сместиться на правый фланг сектора наступления, чтобы поддержать атаку БСН (Батальон Спецназа), который увяз в ожесточенном бою. Мы должны были обойти противника с фланга, который, как считалось, был слабо защищен. Тревожило то, что нас не поддерживала пехота, хотя было очевидно, что перед нами местность, трудная для танковой атаки. Достаточно было взглянуть на карту, чтобы увидеть, что перед нами река, за которой находятся крутые склоны, поднимающиеся к заметным высотам.

Я помню, что на острие атаки был 1-й Взвод нашего эскадрона, командиром которого был лейтенант Джиггс Иннес (Jiggs Innes), а взводным сержантом – Крис Опперман (Chris Opperman). Мой 2-й Взвод должен был следовать за ними. Сначала мы должны были преодолеть залесенную речную долину, потом подняться по крутому склону на волнистое плато с его пшеничными полями, а затем вступить в бой… После нескольких лет ожиданий Гвардейцы Принца Альфреда были полны желания сцепиться с противником. Почти сразу 1-й Взвод столкнулся с трудностями при преодолении речной долины. Форсировав реку, они увязли по брюхо в топком грунте близ русла. Позднее я услышал о том, что танк Джиггса перевернулся и что снимая с него пулемет, танкист де Ланги (de Lange), получил смертельную травму.

Увидев, что 1-й Взвод попал в передрягу, я сместился еще дальше вправо, пересек речную долину и стал пробиваться через полосу топкого грунта. Двумя моими остальными танками командовали сержант Буллер Ли (Buller Lee) и капрал Макклилэнд (McCleland, солист танцевальной группы в Порт-Элизабет). Казалось, они успешно продвигались вперед, так что я проехал через полосу леса, после чего потерял их из виду. Выехав на открытую местность, я оказался в устье оврага, который уходил дальше вправо и вверх на плато. Я притормозил, чтобы другие танки могли догнать меня, но тут же оказался под ружейно-пулеметным огнем – пули застучали по танку. Я сразу же спрятал голову в башне. По-видимому, огонь вели с плато. Я рассудил так, что, если останусь на месте, рано или поздно меня подстрелят из противотанковой пушки или базуки, поэтому начал втягиваться в овраг, ожидая, что остальные машины эскадрона последуют за мной. У меня просто не было других вариантов, поскольку продвижение вверх по склону было невозможным, настолько он был крутым. Мы нашли проселочную дорогу и стали продвигаться по ней. В нескольких местах дорога осыпалась под нами, и только благодаря мастерству нашего водителя, Дю Павильона (du Pavilion) танк не скатился вниз по склону. К сожалению, этому парню, французу с Маврикия, который очень слабо говорил по-английски, но пользовался огромной популярностью [в нашей части], жить оставалось совсем немного…

Все наше внимание было сосредоточено на том, как бы поскорее выбраться из этого опасного оврага в целости и сохранности. Поглядывая назад и вниз, я не видел другие танки моего взвода и вообще другие танки эскадрона. Я попытался связаться по радио с двумя другими моими танками, но, по какой-то причине, связи не было. Затем я вышел в сеть эскадрона, передал свое положение на местности и сообщил, что намереваюсь продвигаться по оврагу в одиночку. Я также призвал другие экипажи продвигаться вперед и поддержать меня. Получение этого сообщения было подтверждено.

Где-то в этот момент мои люди заметили перемещения противника дальше по оврагу и по обе стороны от него. Через бинокль я отчетливо разглядел немецкие каски и людей в серо-зеленой форме, исчезавших в чем-то, напоминавшем вход в пещеру. Мне не оставалось ничего другого, кроме как продвигаться дальше, приказав радисту Дикасону (Dickason), по непонятной причине прозванному товарищами *Мускулистым Червем/Muscle-bound Worm*, наводчику, младшему капралу Винсенту (Vincent) и второму водителю Дугалу (Dougal) быть готовыми вступить в бой при появлении противника в поле зрения. Пока мы двигались вперед, наводчик всадил три фугасных снаряда во вход в пещеру. Позднее я услышал о том. что эти снаряды перевернули все вверх дном в пещере, в которой обустраивали перевязочный пункт, в результате чего было убито и ранено несколько человек.

Неожиданно мы выехали на высоту и вскоре оказались на убранном кукурузном поле, оставшаяся на котором стерня была не выше пары дюймов. Мы были как на ладони, но то же относилось и к противнику. Вдоль уступа в рельефе, вытянутого напротив нас не дальше, чем в 200 ярдах, были хорошо видны пехотинцы противника, которые, вроде как, спешили занять позиции над этим уступом, с которых в долине были видны остальные машины эскадрона. Казалось, они были совершенно не готовы к танковой атаке. Предположительно, они не верили в то, что какие-либо танки смогут подняться вверх по склону. Оба наших *Браунинга/Browning* открыли огонь, и уже вскоре пехотинцы были рассеяны или лежали на земле. Я продолжал двигать танк вперед, гадая, что случится, и

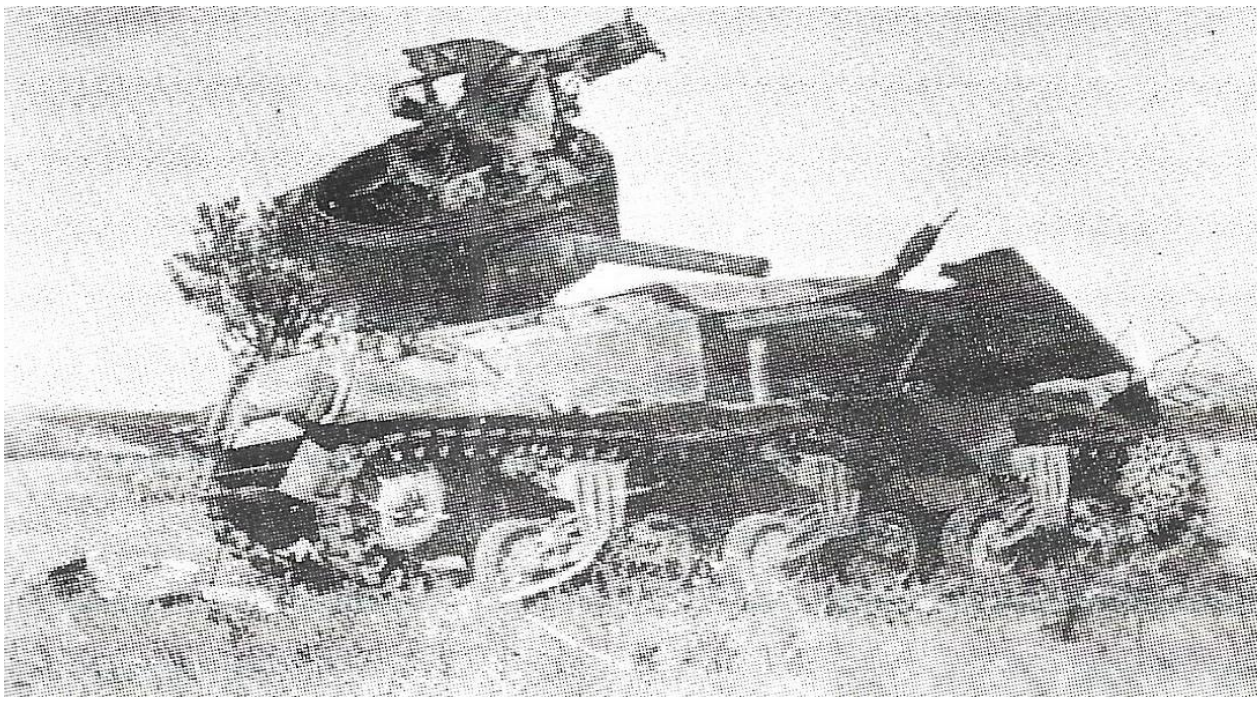
боясь того, что расчет *панцершрека* подползет к нам и уничтожит танк. Я знал, что пехотные части противника имели на вооружении их и *панцерфаусты*. В то же время я продолжал выходить на связь на частоте эскадрона, призывая другие экипажи подтянуться и присоединиться ко мне, говорил, где нахожусь и пытался объяснить им, по какому пути двигаться.

Из радиосообщений, которые я мог услышать, было очевидно, что танки эскадрона испытывают большие трудности, продвигаясь вслед за мной. Позднее я узнал, что один из моих танков скатился вниз по склону, а остальные увязли в топком грунте. Однако у нас было мало времени на размышления о том, что делать дальше. Был момент, когда мы разглядели группу солдат противника, входивших в какой-то сарай посреди поля. Мы подъехали и влепили в его дверь два 75-мм снаряда, установив их на взрыв через сотую долю секунды после удара о что-то. Эффект от этого был драматическим: вражеские солдаты рванули наружу через все окна или выходы из постройки и побежали в разные стороны. Некоторые из них подошли к танку с поднятыми руками. Перед мной встала дилемма: как взять людей плен в тех обстоятельствах? На мгновение я подумал о том, не стоит ли их перестрелять, но потом приказал Дугалу взять автомат *Томпсон* и отвести их вниз к подножию склона. Это спасло ему жизнь…

Еще был момент, когда мы увидели группу солдат, несущих что-то, похожее на *панцершрек*. В них был выпущен 75-мм снаряд, которые, казалось, взорвался посреди этой группы. Уцелевшие бросили то, что тащили, и бежали. Пока все это происходило, я вновь послал призыв о помощи. К моему облегчению я увидел один из танков нашего эскадрона, показавшийся из-за бровки склона. Думаю, это был танк *No.1* 1-го Взвода. Я откатился назад, поближе к этому танку, к которому вскоре присоединились еще несколько машин. Думаю, нас стало шестеро из Эскадрона *A*. Не мешкая, мы развернулись в шеренгу и пошли в атаку, полные решимости воспользоваться благоприятной ситуацией, пока наш противник дезорганизован. Я снова занял место на крайнем правом фланге в ходе этого рывка вперед…

К моему изумлению, я увидел ствол, который мог принадлежать только 88-миллиметровке. Немцы толкали его вперед, стараясь опрокинуть живую изгородь, чтобы нацелить пушку на мой танк. Мы были так близко к ним, что я до сих пор отчетливо помню каждую деталь. Я приказал водителю повернуть правее, чтобы встать фронтом к пушке, и мой наводчик немедленно выпустил по ним снаряд, который взорвался справа от цели. Ствол 88-миллиметровки задрало вверх! Я был в восторге и, вместо того чтобы остаться на позиции, с которой враг мог видеть только мою башню, сдуру покатил прямо на 88-миллиметровку, продолжая вести огонь, чтобы покончить с ней. Позднее я узнал, что этим я подставил бок своей машины под огонь другой пушки – 75-миллиметровки – которая влепила несколько бронебойных снарядов в мой танк. Все, что я запомнил, это страшный взрыв и обжигающий жар. Будучи командиром танка, я стоял в башне, над которой торчали мои голова и плечи. Должно быть, этот взрыв подбросил меня в воздух, и я приземлился где-то в стороне от танка. Вероятно, я приземлился на голову, так как позднее выяснилось, что мускулы в основании моей шеи были надорваны.

Первый снаряд, должно быть, прошел через 56-галонные баки в задней части танка, поджег бензин, а потом пролетел через боеукладку 75-мм снарядов. Взрывчатое вещество в них, вероятно, также загорелось, и это вызвало взрыв, выкинувший меня из башни, которую снесло с погона. Я пришел в себя, лежа на земле. Танк горел, окутанный черным дымом. Потом я услышал вопли моих людей, доносившиеся изнутри. Я был ближе всего к той его части, где находился механик-водитель и откуда доносились вопли. Я забрался на танк и попытался открыть водительский люк. Должно быть, люк был защелкнут изнутри, потому он не поддавался. Неожиданно я увидел, как рядом со мной по броне танка постукивают пули. Я кинул взгляд в направлении живой изгороди, которая была от меня всего лишь в сорока ярдах, и увидел немца за пулеметом *Шпандау*, целившегося в меня и ведущего огонь.

Шерман Коленбрэндера. Сорванная и подброшенная в воздух башня упала на корпус танка…

Сработал мой инстинкт выживания, я рванулся сквозь огонь и дым, забежал за танк, отделивший меня от пулеметчика, и побежал прочь через поле убранной кукурузы. Еще один пулемет открыл огонь по мне под другим углом, и я мог даже разглядеть огневые трассы, пролетавшие мимо меня. Я подпрыгивал и вилял, стараясь удрать от них. Где-то в этот момент я понял, что подходит один из наших танков, ведущий огонь из всех стволов. Позднее я узнал, что это был танк нашего командира батальона Бэрри Джардина (Barry Jardine).

Пробежав, вероятно, около сотни ярдов, я почувствовал, что вот-вот потеряю сознание, и упал на землю в одну-единственную борозду, оставленную плугом. Хотя я мог укрыть в борозде голову и плечи, моя задница возвышалась над ней. Я оглянулся и увидел вражеского пехотинца, стоявшего рядом с дубом. Он целился в меня! Я зарылся в землю. Он выстрелил из своей винтовки, но пуля не долетела до меня, осыпав меня комьями земли. По странному стечению обстоятельств, мой страх сменился гневом, и я помню, что подумал вот что: если он попадет мне по ягодицам, ему придется подойти поближе, чтобы прикончить меня, а у меня все еще был на поясе револьвер калибра .38. И тут снаряд, выпущенный танком Джардина, разорвался рядом с дубом, где находился немец. Он бросил винтовку и убежал: наверное, его ранило.

В этот момент в танк Джардина угодил снаряд. Машина загорелась и задымилась. Полагая, что это отвлечет от меня внимание противника, который переключится на пытающихся покинуть машину танкистах, я поднялся и побежал дальше назад так быстро, как только мог. Здесь мои воспоминания становятся довольно туманными. Помню, что сильно ослаб и укрылся в неглубокой канаве неподалеку от наших танков. Мне было очень больно, мне обожгло лицо и руки. Комбинезон спас остальную часть моего тела от ожогов. Казалось, мне было трудно держать голову прямо, которая беспорядочно моталась, так что мне пришлось поддерживать ее руками. У всех командиров экипажей были небольшой флакончик с морфием в верхнем левом кармане, и я всадил всю дозу себе в левую руку…

Мне больше не довелось увидеть кого-либо из парней из моего экипажа. Дю Павильон погиб прямо в танке, Винсент и Дикасон умерли от ран. Однако позднее я услышал, что Винсент, все-таки, выжил. Кроме моего танка и танка Джардина я разглядел еще один танк,

дымившийся слева от нас. Потом я узнал, что это был танк сержанта Оппермана. Добравшись до своих пешим ходом, я встретил майора Кокрэна (Cochrane) и рассказал ему все, что знал о сложившейся на передовой ситуации, и пошел дальше. Потом кто-то посадил меня в джип, который вывез меня в тыл. Контузия и морфий сделали свое дело, и я помню только то, что пришел в себя в машине, которая оказалась санитарным фургоном. У меня была осколочная рана в бедре, но я не помню, как получил это ранение. В фургоне было еще три человека, двоих из которых я узнал: они были из нашего полка. Оба были ранены и получили ожоги. У третьего голова была обернута одеялом, и он всю ночь лежал так тихо, что я решил, что он умер. Наша троица говорила друг с другом на африкаанс. Двое парней были ранены и травмированы столь тяжело, что мне приходилось придерживать зажженные сигареты, когда они пытались затянуться. На следующее утро мы приехали в какое-то место рядом с Римом, и там я увидел, что третий парень все еще жив…

ЕВРОПА – 1942-1945

БРИТАНЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЬЕППСКОЙ КАТАСТРОФЕ – АВГУСТ 1942 ГОДА

К началу 1942 года британский премьер-министр Уинстон Черчилль не мог похвастаться победами над нацистами в сухопутных сражениях. Находясь под давлением как на домашнем фронте, так и на внешнеполитической арене, он надеялся, что запланированный крупномасштабный рейд через Ла-Манш покажет всему миру, что Великобритания сражается в полную силу. Попытка протестировать силы немцев на побережье Нормандии 19 августа 1942 года окончилась катастрофой…

*Вспоминает британский коммандо **Джек Брюин (Jack Bruin):***

«Во второй половине дня 18 августа дела завертелись. Думаю, наша часть покинула Ньюхэйвен около 1 часа ночи. Помню, что ночь была очень темной, море волновалось, никаких огне видно не было. Мы получили строгий приказ не открывать огня даже по очень подозрительным объектам. Несколько раз [вышедшие в море] корабли едва не столкнулись друг с другом, и мы сами едва не налетели на танкодесантный корабль…

Само собой, мы были на боевых постах, я был наводчиком на зенитной пушке №2. Теперь я вспоминаю, что чувствовал себя очень одиноко. Я не боялся наступающих событий и не думаю, что кто-то из нас испытывал страх, но у нас было время, чтобы подумать и представить себе, что нас ждет. Наш средний возраст был 19-20 лет, и никто из нас прежде не участвовал в боевых действиях. Мне самому тогда было 19 ½ лет.

Где-то около 3-х часов небо внезапно пересекли огневые трассы, и стало очевидно, что начался бой. Мы незамедлительно изменили курс, взяв правее, и, в итоге, бой остался где-то позади нас. Теперь я знаю, что бой случился из-за непредвиденной встречи с небольшим немецким конвоем. Мы не приняли в нем никакого участия, и я понимаю, что это столкновение способствовало той страшной неудаче, которая постигла операцию.

Наступил рассвет, и мы смогли впервые взглянуть на вражеский берег. Как ни странно, он показался вполне обычным и не таким, как я ожидал его увидеть. Я увидел белые клифы и город, и, кроме далеких глухих ударов, ничего не указывало на что-то необычное. Тем не менее, когда наступило утро, я ощутил масштаб операции: линию берега не было видно за множеством [десантных] катеров, вокруг нас в море всюду и везде были корабли…»

4-й Отряд коммандос высадился без происшествий на крайнем правом фланге. Действуя, словно по учебнику, солдаты взорвали шесть 6-дюймовых пушек варанжевилльской батареи и к 7.30 утра уже были на пути в Англию. Это станет единственным достижением в ходе всей операции…

*Вспоминает командир взвода Королевских Гамильтонцев **Денис Уитекер (Denis Whiteker):***

«6 июля мы были готовы к десанту, но, к сожалению, очень сильно ухудшилась погода, и мы проторчали на корабле четыре или пять дней. А потом ушло время, когда ситуация с приливом была благоприятной для операции, так что она была отложена.

Все говорили о том, где были и к чему их готовили. Если где-то поблизости были вражеские агенты, они точно знали бы то, что мы планируем высадку у Дьеппа. Затем наступил день, когда нам сказали, что отправляемся в путь, и вот мы уже в Саутгемптоне. Наступило 18 августа. Мы погрузились на корабли, и нам сообщили, что «дело пошло – вы идете на Дьепп.» Мы снова оказались на большом корабле, который нес десантные катера. Мы должны были пройти большую часть пути на нем, затем пересесть на катера и проследовать к Дьеппу.

Вместо некоторых людей пришли другие, и, соответственно, они не прошли [соответствующей] подготовки к операции. Кроме того, когда операция была отложена, у нас забрали специальное оружие, которое нам выдали в прошлом и к использованию которого нас готовили. Уже на борту нам раздали новое оружие, которое еще было в смазке. Нам пришлось чистить его, и у нас не осталось возможности его протестировать…

На подходе к берегу мы попали под огонь. Аппарели были опущены, и мы проследовали к пляжу, а затем побежали вперед и натолкнулись на проволочные заграждения. У моего взвода была торпеда Бангалор – длинная труба, заполненная взрывчаткой. Подсовываешь ее под проволоку, зажигаешь детонирующий шнур, и она взрывается. Первый парень, который заткнул ее под заграждение, был убит пулей, попавшей ему в голову…

Мы были под таким плотным огнем, что вся операция утратила какую-либо организованность почти немедленно. К этому моменту немцы начали обстреливать пляж из минометов. По обе стороны от пляжа были мысы, и немцы засели на их вершинах. Еще у них были пулеметные гнезда в береговых клифах. Я решил, что мы все погибнем, если не выберемся с пляжа. Многие и правда так и остались на том пляже. Я повел своих людей в направлении казино, которое находилось чуть правее прямо напротив нас. Мы пробились через колючую проволоку напротив казино и заставили замолчать ДОТ, находившийся на пляже. Само собой, в казино засели немцы, и нам пришлось зачищать здание, прежде чем продолжить продвижение вперед. К этому времени мы уже потеряли множество людей…

За казино были какие-то траншеи, в которых находились немцы. Мы зачистили траншеи, после чего нам пришлось пересечь широкую эспланаду, расположенную между пляжем и отелями. Мы перебежали через нее и укрылись под невысокой стеной. Где-то дальше был пулемет, который открыл огонь. Мне очень повезло, потому что пули пролетели где-то у меня под животом и рядом с головой и не задели меня.

Канадцы, которые так и не сумели ступить на французский берег

Нам удалось ворваться в одно из зданий на окраине города, а затем, через него, приблизиться к собору. Там планировалось расположить наш штаб. Однако люди, которые должны были уже быть в нем, еще не подошли. Все это звучит так, как будто все происходило очень быстро, но заняло это несколько часов. Нас оставалось всего пять или шесть человек, а первоначально было более тридцати…»

Майор Эллен Гленн (Allen Glenn) из Калгарийского Танкового Полка/Calgary Tank Regiment вспоминал: «Трудно было найти худший грунт для гусеничной техники. Стоило чуть-чуть повернуть машину, как в гусеницы начинали забиваться камни, и, если их набиралось слишком много, гусеница сразу рвалась.»

*Вспоминает танкист - лейтенант **Беннет (E. Bennet):***

«Было около 6 утра, когда наш *LCT* попал под огонь при приближении к берегу. Мы были на передовом корабле во второй волне. Я находился в его носовой части. Когда я вернулся к своему танку и уже собирался взобраться на него, когда прилетевшим снарядом разорвало цилиндры с водородом-наполнителем аэростата. Мне обожгло руки и лицо, осколками поранило правый глаз. Экипаж не пострадал, и, собравшись с силами, мы вместе с ними погасили пожар в задней части танка, где загорелся брезент. Я получил первую помощь, но продолжал нуждаться в помощи и с нетерпением ждал ее, так как мы уже приближались к берегу. Первым, кого мы увидели на берегу, был сапер с рюкзаком, полным взрывчатки. Он застрял в проволочном заграждении и отчаянно пытался высвободиться…

Немецкие солдаты осматривают подбитый канадский танк после того, как десант был сброшен в море…

Мы сместились левее, в сторону Красного Пляжа, но дальше продвинуться не смогли. Ров перед волноприбойным уступом оказался непреодолимым препятствием. Мы проехали вдоль всего пляжа вплоть до казино. На нашем пути всюду и везде было разбросано множество тел. Прилив к тому времени отступил, и мы сумели пробраться между ними.»

Беннет и его подразделение нашли проход через волноприбойный уступ и уже вскоре начали обстрел домов, расположенных вдоль уступа, со стороны которых немцы обстреливали десантников. Здесь немцам крепко досталось.

Беннет

«Немцы, которые прижали огнем к земле пехоту, засели в окопах, вырытых перед расположенными на эспланаде зданиями. Мы ринулись на них, и, к нашему удивлению, они повыскакивали из окопов и побежали в направлении зданий. Пулеметчики открыли огонь, и мы уложили многих. Я с удовольствием раздавил одного из них, пытавшегося удрать…»

Канадцы, убитые на Голубом Пляже в районе Пюи

Денис Уитекер

«Нам пришлось отступить тем же путем, по которому мы пришли. Мы узнали, что десантные катера подойдут в определенное время – думаю, это должно было произойти около 11 часов. Мы прождали на пляже минут 15-20. Всюду были раненые. Три или четыре наших танка въехали на эспланаду, но остальные остались на пляже, подбитые и обездвиженные. Прямо перед тем, как подошли катера, наш самолет пролетел вдоль фронта и установил превосходную дымовую завесу. У нас у самих были дымовые шашки и гранаты, с их помощью мы подбавили дыма. Когда подошли катера, мы устремились к ним, помогая тем, кто был еще жив. Мне повезло – я забрался в катер. С нами был пленный немец, которого мы захватили в казино. Он сказал, что они ждали нас целую неделю.»

Джек Брюин

«Было около 8.30, когда показалось, что мы приступаем к чему-то другому. Мы начали приближаться к берегу, и что бы ни свалилось на нашу голову с воздуха до этого, оказалось пустяком по сравнению с происходившей бойней. Теперь у нас осталось только одно ощущение – ощущение террора и кошмара…

Отступление

Уже начался отвод войск с плацдарма, и десантные катера отходили от пляжа, загруженные далеко сверх нормы тяжелоранеными. Наш собственный корабль почти выполз на берег, повернувшись к нему бортом, и казалось, что каждый ствол, орудийный и пулеметный, был направлен с берега на нас. Мне кажется, я словно прирос к артиллерийской платформе, потому что думал, что орудийный щит даст мне какую-то защиту. Огненные трассы летели во всех направлениях, и здоровенный кусок борта катера упал прямо у моих ног. Я услышал жуткие вопли совсем рядом со мной, пушку заклинило.

На борт стали поднимать раненых. Сцены были шокирующими: канадец без оторванной руки сам забрался на борт, спокойно покуривая сигарету. В такое я раньше просто бы не поверил. Вокруг лежали изувеченные тела, в море повсюду плавали обломки и трупы, страшный грохот, вместо воздуха – смрадный дым. Помню, что я посмотрел в сторону мостика, надеясь услышать что-то ободряющее от офицеров, но не увидел ничего, кроме побелевших лиц людей, столь же испуганных, как и я…

Палубу офицерского состава теперь использовали как лазарет, и санитары почти швыряли раненых на стол хирурга, который делал почти невозможное. С такой же непрерывностью на палубе складывали убитых. Один из канадцев был укрыт британским флагом, который нашли у него под курткой, – определенно, он изначально предназначался для другого…

Не имею понятия о том, сколько это продолжалось, - должно быть, несколько часов. Орудия корабля уже все вышли из строя, и нашей миссией было предоставление укрытия

тем, кто возвращался с пляжей. Какой-то канадец перевалился через борт на палубу, матерясь и крича что-то, а потом нырнул обратно в море. Помню, что мне пришлось ногой столкнуть за борт мертвого канадца, чтобы освободить место на палубе. Грохот, дым, полнейшая катастрофа…

Со временем пришел приказ к отходу. Не знаю, сколько было на часах, но твердо знаю, что мы были в числе последних из покидавших [сектор высадки]. Волна бомбардировщиков Бостон/Boston появилась в воздухе на очень небольшой высоте, когда мы уходили. В небе не было видно вражеских самолетов, но огонь с берега оставался интенсивным, пока мы не ушли за пределы досягаемости. Облако дыма окутывало город, по на пляже остались разбросанными танки и десантные катера.

Возвращавшиеся, должно быть, выглядели довольно жалко. На всех кораблях были видны повреждения, я помню, что они продолжали уходить под воду или их бросали. К нам подошла паровая канонерка и передала нам на борт немецкого летчика, подобранного в море. Помню, что он был совершенно голый, на нем было только одеяло. Несколько выживших во всем этом канадцев попытались расправиться с ним, но их остановили. Его поместили в склад для красок, по размеру не больший, чем буфет. Никто в тот момент не был в настроении соблюдать [международные] конвенции.

Это обратное путешествие было наполнено страданиями. Офицерская палуба была забита выжившими и ранеными, воздух был заполнен смрадом искалеченной человеческой плоти. Сам я находился в состоянии полного шока. Я лежал на палубе и старался прийти в себя. Я не знал, что мы должны были сделать. Еще меньше я знал о том, чего нам удалось достигнуть, если вообще такое имело место. Полагаю, кто-то и где-то был в состоянии восстановить картину событий того дня – я не мог.

Позднее на корабле появился военный корреспондент и подошел ко мне. «Что вы думаете про Дьепп?» - спросил он меня. «Это место, где мы побывали,» - ответил я. Какими смешными эти слова, должно быть, показались ему, но это слово для меня ничего не значило…»

Вспоминает солдат Королевского Полка ***Джек Пултон (Jack Poolton):***

Уцелевшие канадцы вызвались помочь в эвакуации с пляжа раненых. Пултон был среди них и сделал три ходки вверх от пляжа, вынося раненых…

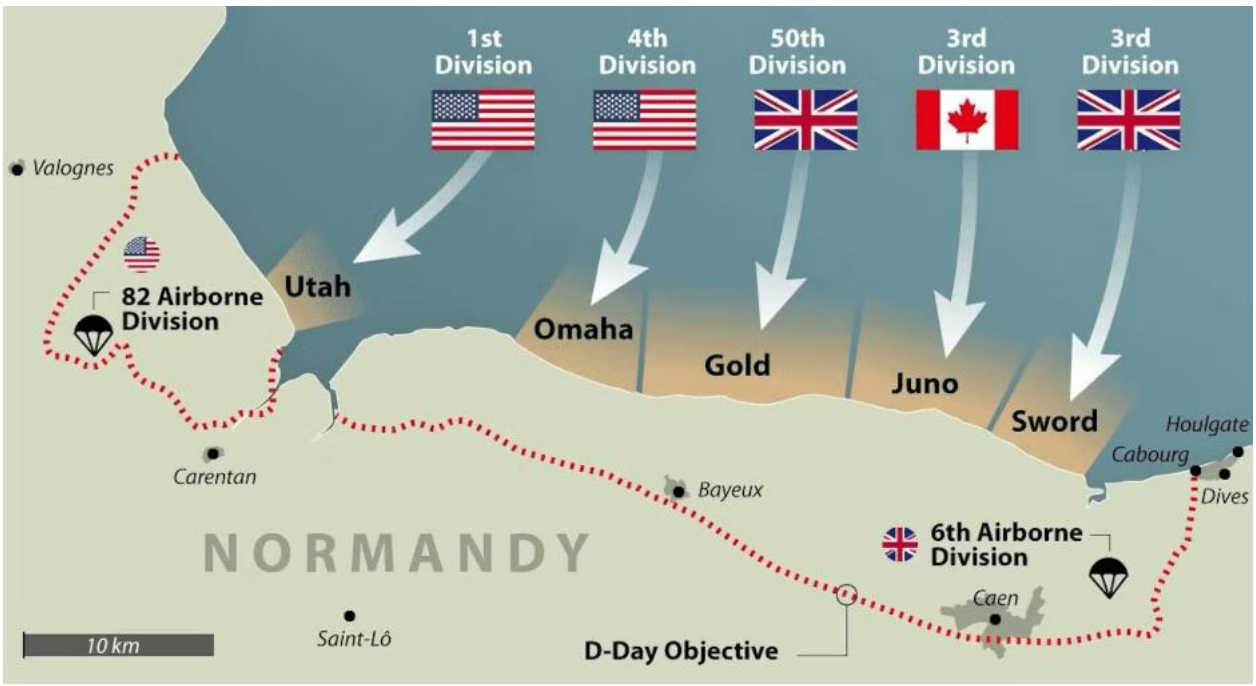
«Во все это трудно было поверить. Там валялись башмаки с торчащими из них ногами, куски плоти, кишки, оторванные головы… Это был мой полк, парни, с которыми я жил вместе последние два с половиной года. Третьим был Миллер, имени его даже не припомню. Ему пули попали в пах. Мы потащили его наверх, он был тяжелым малым, и я сам не знаю, как нам удалось взойти с ним по лестнице.»

Во время третьего восхождения Пултон увидел следующее:

«Немецкий офицер переходил с места на место и добивал самых тяжелораненых выстрелами в голову… Это были мои товарищи. Несколько дней назад мы смеялись и шутили, а здесь я видел, как их убивают. Немцы продолжали стрелять по трупам, которые смыло в море. Я тогда думал: может, это милосердие, но не мог смириться с этим. Может, эти парни и были безнадежны. Я знаю, что у них были вывернуты кишки наружу. Я видел это и то, как они пытались заткнуть их обратно. Парни были еще живы. Они не рыдали, не вопили, не стонали – они молчали…»

ВСПОМИНАЮТ УЧАСТНИКИ ВЫСАДКИ НА ПЛЯЖИ НОРМАНДИИ В ДЕНЬ *Д*

ПЛЯЖ *GOLD* – ИЮНЬ 1944 ГОДА

Участки высадки морских и воздушных десантов союзников 6 июня 1944 года. Воздушные десанты были нацелены на прикрытие флангов общего сектора вторжения

О высадке вспоминает лейтенант-коммандер **Денис Главер (Denis Glover)**, командир пехотно-десантного корабля *LCI* #516, перед которым на подходе к пляжу открылись ряды надолбов. Теперь ему было необходимо протиснуть свой небольшой корабль между препятствиями под усиливающимся огнем противника: «*Бам* – вот оно, прилетело. Эти свистящие штуки – должно быть, от огня минометов. Они падают всюду и везде, от них я увернуться не могу, но от надолбов и мин – могу. Скорость, больше скорости. Обхожу их на скорости, объезжаю эти долбаные надолбы, объезжаю своих и разбитые катера и машины, пока вода высоко, и доставляю людей на берег!» Вспоминает один из пехотинцев: «Кто-то болтал, кто-то курил, кто-то блевал в коричневые пакеты из непромокаемой бумаги. Ветер доносил до нас грохот снарядов, разрывающихся на берегу. Каждый ощущал удары от взрывов где-то внутри себя… Люди взяли свои винтовки и автоматы, потом щелкнули затворы. Болтанка ослабла: катер вышел на мелководье…» Люди услышали, как по ним открыли огонь немецкие пулеметы. «Я услышал, как кто-то в моем катере сказал: «О, боже,» - вспоминает моряк Нил (Neale). – Многие из парней страдали от морской болезни всю дорогу, и в вонь в катере была довольно сильной, но стук пулеметов переключил внимание людей на другое. Странно видеть, как эмоции трансформируют человека. Было видно, что всем страшно. Я слышал, как кто-то разрыдался, и почувствовал сильное желание сделать то же самое, но тут застучали пулеметы, и было слышно, как рядом засвистели пули.» Пехотинец Джон Расселл: «Катера не подходили к берегу достаточно близко, и люди тонули, потому что высаживались там, где еще было глубоко.» Вражеские снаряды попадали в десантные катера, поражая их один за другим. Моряк Элекс Вентворт (Alex Wenrworth): «Мы не видели его [тонущий катер], мы слышали по радио, как они кричат: «Мы разваливаемся, мы тонем! Удачи вам, парни!»»

Морской офицер **Даглас Римэн (Douglas Reeman)**, наблюдавший за высадкой с борта торпедного катера: «Разрывы снарядов поднимали вверх похожие на башни столбы воды. Просто сжималось сердце, когда ты видел, как парни бредут к берегу сквозь дым и падающие на них струи … Снаряды летели прямо над водой, скользя по ней, возможно, выпущенные противотанковыми пушками прямо с берега…»

Хью Боун (Hugh Bone) из 5-го Батальона Восточных Йоркширцев: «Пули и осколки сражали людей, кто-то был убит, другие изо всех сил старались выбраться из воды. Некоторые сцены были ужасными: люди кричали и звали на помощь.»

Британцы идут к берегу. Хорошо видны велосипеды, входившие в комплект десантника…

Лейтенант **Хью Ирвин (H.M. Irwin)**, командир пехотно-десантного корабля *LCA #591*, принимавший участие в высадке десантов на побережье северной Африки и на плацдарм Салерно в Италии:

«Многие из нас видели, как гибнут люди, но ничто не могло сравниться с тем, как их косили *Шпандау* и 88-миллиметровки… Людей рвало на части, а если это были пулеметы, в них попадало по десять пуль сразу – никакого шанса выжить после такого. Мы были хорошо обучены и, на самом деле, хорошо знали, что нам ждать. Тем не менее, этого было недостаточно для того, чтобы подготовить тебя к такой бойне. У меня ушло несколько минут, чтобы осознать это, настроить себя и идти вперед. Некоторые не смогли.»

Рядовой **Кен Кук (Ken Cooke)** 7-го Батальона Зеленых Ховардцев: «Для меня это было одним большим приключением, несмотря на все эти взрывы, свист пуль, горящие корабли и летящие ракеты. Многих ребят мучила морская болезнь в тот день, но я оказался хорошим моряком, хотя ни разу в жизни до этого не был на корабле или пляже… Только на следующий день мы осознали, насколько все это было серьезно, когда парни оглядывались и спрашивали: «А где Хэрри? Где Билли?» Кто-то сказал: «Помнишь тот танк, который взлетел на воздух на пляже? Они стояли рядом с ним, когда это случилось.» Вот тогда-то и стало страшно.»

Из воспоминаний солдат 2-го Батальона Южных Валлийцев (*South Wales Borderers*, 56-я Бригада):

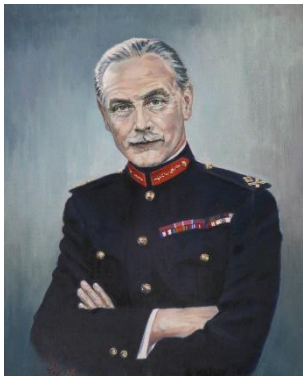
«56-я Бригада, не имевшая боевого опыта часть, высаживалась во втором эшелоне в секторе *Item* к западу от сектора *King*. Накануне *Дня-Д* многие солдаты 2-го Батальона попросили командиров отпустить их домой повидаться с родителями, опасаясь, что это их последний шанс. В ответ на это командир батальона пригрозил дезертирам повешением в своем последнем напутственном слове, призывая их проявить храбрость, подобающую

единственной валлийской части, участвующей в операции. Люди, находившиеся на десантном корабле, вспоминали, что их приветствовали экипажи всех кораблей, мимо которых они проходили, и махали руками в ответ. Однако, после прохождения траверза мыса Нидлс/Needles, сильное волнения вынудило солдат спуститься в трюм и провести там ночь в условиях сильной скученности. На борту корабля было почти 300 человек с полной выкладкой. Один из солдат, страдавший от морской болезни, вспоминал: «Повсюду были видны плоскодонные корабли. Я никогда в жизни не чувствовал себя столь отвратительно, как тогда! Наступил день, все вышли на палубу, чтобы посмотреть на побережье Нормандии. Береговые обрывы были окутаны дымом и пылью. Далеко справа от нас куда более сильный огонь обрушился на пляж *Omaha*.»

Солдаты 6-го батальона Зеленых Ховардцев высаживаются в Нормандии

Билл Спик (Bill Speake) рассказал, как он ушел под воду, покинув корабль, но сумел спастись, уцепившись за трос, ведущий к берегу. Он проваливался под воду множество раз: его тащило вниз висевший на нем груз. Он и много лет спустя помнил, что из 400 сигарет, которые были им припасены, пережили высадку только 20, которые он хранил в запечатанной жестяной банке под своей каской.

Излуин Эдмундс (Islwyn Edmunds) вспоминал, что батальон должен был стать мобильной частью, поэтому кроме рюкзаков, весивших 80 фунтов (ок. 36 кг), каждый из них нес складной велосипед: «Полковник Крэддок (Richard Walter Craddock, командир 2-го Батальона, 1910-1977, на портрете слева в генеральском мундире) повел нас вниз по узкому трапу прямо в море со словами *следуйте за мной.* На нем была шляпа, с ним были его трость с упрятанной в ней шпагой и пистолет в качестве личного оружия. Он исчез под водой *(полковник Крэддок добрался до берега, в последующих боях был несколько раз ранен, потерял ногу, закончил службу в звании генерал-лейтенанта – ВК)*.» Сам Эдмундс был уже уверен в том, что утонет, так как уходил под воду несколько раз, но его спас младший капрал Мелвин Джоунс (Melvyn Jones), который вытаскивал его и толкал вперед. Эдмундс потерял свои велосипед и винтовку, но на берегу уже образовалась куча из велосипедов, и он подобрал один из них. Он нашел себе и винтовку, подобрав одну из многих, «валявшихся на пляже.»

Офицер-связист **Сэм Уивер (Sam Weaver)** тащил множество шифровальных книг в своем рюкзаке, поэтому был вынужден держать его над головой, спускаясь в воду. Когда полковник Крэддок спустился в воду первым из батальона, Уивер последовал за ним. Ему предстояло побороться за то, чтобы выбраться на берег, так как на нем были

непромокаемые штаны от химзащитного костюма, которые немедленно наполнились водой. Обернувшись назад, он увидел, что за ним не пошел никто из солдат. Один из его связистов по фамилии Хиггинс (Higgins) позднее сказал ему: «Мы не собирались идти за вами, увидев, как вы ушли под воду по самую шею!»

Через какое-то время валлийцы выбрались берег, и батальон стал медленно продвигаться вдоль пляжа по направлению к Ле Амели. Вспоминает сержант **Дик Филипс (Dick Philips)**, (штаб батальона): «Море было довольно бурным, а у наших кораблей были широкие носы, от чего было не легче. Меня все время водило вверх-вниз после перехода по морю. Когда шла высадка, мы видели, как болтаются в полосе прибоя тела парней с *Африканскими Звездами (Africa Star – медаль, которой награждали участников Африканской кампании – ВК)*. Они, бедолаги, и до пляжа не добрались, и я думал о том, как это ужасно. Когда мы высаживались на берег, он был под сильным обстрелом, и от этого было немного тревожно на душе. Когда мы покидали пляж, по склону поднимался один паренек, так у него под ногами разорвался снаряд, и мы увидели, как его тело полетело в нашу сторону. Дальше мы увидели здание фермы, окруженное высокой стеной, там были еще двустворчатые ворота. Рядом с ними стояла пожилая женщина, она скакала от радости и хлопала в ладоши, глядя на тех, кто покидал пляж…»

Немецкий укрепленный пункт WN35 (Wiederstandnest - нем. – гнездо сопротивления) близ Le Pont Chaussé, на границе между секторами Jig и King. Он был сильно поврежден огнем корабельной артиллерии и захвачен 6-м Батальоном Зеленых Ховардцев при поддержке трех танков AVRE 81-го Ударного Батальона

К 19.30 валлийцы вышли к деревне Ля Розьер и вместе со 2-м Батальоном Эссексского Полка начали углубляться в занимаемую противником территорию. Один из солдат вспоминал о том, как они попали под огонь немецких снайперов: «Когда мы стали

втягиваться в местность с большим количеством растительности, с живыми изгородями, с рощами и перелесками, командир одного из танков попросил нас пройти вперед и приглядеться, нет ли там, дальше, немецких 88-миллиметровок. Мы так и сделали, и местами нам пришлось останавливаться, потому что по нам вели огонь снайперы. Потом взводный послал вперед пару наших снайперов, чтобы они засекли их и что-то сделали с ними. Они [немецкие снайперы] сидели, главным образом, на деревьях. Я не думаю, что мы испытывали страх, просто это было как-то неожиданно – не знать того, что ждет тебя впереди.»

ПЛЯЖ *JUNO*

Пляж был усеян убитыми и ранеными канадцами из Полка Нью-Брунсвикцев, и капеллан **Хикки (Miles Hickey)** вместе с фельдшером Паттерсоном (John Aubrey Patterson) под огнем оказывали им помощь. Когда они подползли к группе из троих раненых, здесь же упал снаряд, который убил их. Хикки позднее вспоминал:

«Грохот над пляжем стоял оглушающий. Не было слышно даже шума от танков, пробивающихся через полосу песка. Некоторые парни не слышали их, и танки давили их насмерть. Взрыв встряхнул пляж так, будто случилось землетрясение: это инженеры взорвали [волноотбойную] стену. Вражеские снаряды с воем прилетали все чаще и чаще. Мы позли, и слышали, как пули и осколки вонзаются в песок рядом с нами. Когда над головой пролетал снаряд, мы пытались зарыться в песок и затаить дыхание в ожидании разрыва и дождя из камней и обломков, который следовал за этим. Потом, когда дым и пыль рассеивались, я находил рядом кого-то, с кем разговаривал еще полчаса назад, и находил его мертвым. Другие умирали, но открывали глаза, когда я добирался до них. С диска, висящего на шее, я считывал, к какой церкви принадлежит человек. Если это был католик, я давал ему причаститься, но католик это был или протестант, я говорил человеку, что он умирает и что он должен покаяться в своих грехах. Часто я был благодарен и тому, что человек открывал глаза и кивал, понимая меня…»

Канадцы высаживаются на берег Нормандии. Рисунок Орвилла Фишера (Orville Fisher), единственного военного художника, прикомандированного к силам вторжения в День Д. Высадившись на берег и найдя себе укрытие, Орвилл сделал серию зарисовок, запечатлев на них бой на пляже Juno. Они легли в основу нескольких картин…

За это и за первую помощь, оказанную раненым, за спасение людей под огнем Хикки был награжден *Военным Крестом*. Резервная часть 8-й Канадской Пехотной Бригады, *Le Régiment de la Chaudiére* подполковника Матьё (J.E.G.P. Mathieu), понесла потери еще до того, как ее солдаты высадились на берег. Как вспоминал один из ротных командиров, «катера *LCA* 529-й Флотилии наткнулись на очень неприятный участок с множеством препятствий и попали под минометный огонь в секторе *Nan White*, уйдя под воду еще до того, как коснулись пляжей. Люди, однако, побросали свое снаряжение и добрались до

берега вплавь. У них все еще были ножи, и они были полны желания идти в бой и с этим оружием.» Рулевым одного из двух катеров *LCA*, дошедших до берега, был британец **Джим Бейкер (Jim Baker)**. Он вспоминал:

«Когда мы подошли примерно на 1 000 ярдов к берегу, из 12 катеров осталось два: мой и моего лучшего друга Хуки Уокера (Hooky Walker). Мы подошли к берегу, я взглянул на него, и он показал мне большой палец вверх, широко улыбаясь. Это означало: «Мы сделали это, мы тут», но я замер: я увидел прямо у него под носом три связанные вместе мины Теллера. Взрыв – и они все испарились – он сам, пехотинцы, катер – все исчезли в какую-то долю секунды… Взрыв приподнял наш катер в воздух футов на 20, и потом мы грохнулись на Бельгийскую Калитку/Belgian Gate *(противотанковое стальное заграждение – ВК)*. Я упал в воду — вот так так – я же не умею плавать, однако выбрался на берег с помощью двух велосипедных камер. Там собрались уцелевшие пехотинцы, вместе с ними мы уткнулись в проволочное заграждение… На пляже мы попали под огонь со стороны церкви: на этот раз это были снайперы. К этому моменту мы уже ползли по телам убитых огнем снайперов и осколками мин. Укрываясь за телами погибших и за всем, что могло послужить укрытием, мы добрались до церкви. Один сержант забрался наверх, нашел снайпера и не проявил к нему никакого милосердия…»

Бейкер занялся спасением канадских пехотинцев, оказавшихся в воде, вытаскивая их на берег. За проявленную при этом храбрость он был награжден Медалью за Отличие в Службе, которую позднее получил из рук Короля в Букингемском Дворце.

«Подкрепления прибывали быстро, однако близ церкви продолжался ожесточенный бой. Я был ранен и частично оскальпирован разрывом снаряда шестиствольного миномета. Я потерял сознание, меня подобрали канадские санитары. Взрывом запечатало мой рот, я проглотил собственный язык и задыхался. Один из санитаров разжал мне зубы моим собственным штыком и его кончиком вытянул мой язык [из горла]. Я мало что помню, но тот парень спас мне жизнь…»

Как ни удивительно, получив первую медицинскую помощь, Джим Бейкер был направлен в район пляжа *Omaha* и сделал еще 22 рейса, перебрасывая американцев на берег на катере *LCA…*

Батальон полка *Le Régiment de la Chaudiére* перегруппировался сразу после того, как прошел через деревню Берньер, где франко-канадцы удивили местных жителей тем, что говорили с ними по-французски. Поддержанные Эскадроном *A* 10-го Танкового Полка канадцы начали марш вглубь суши, захватив по дороге несколько вражеских огневых позиций.

Коммандос Королевской Морской Пехоты высаживаются на пляж Juno в условиях сильного прибоя в районе деревни Сен-Обен-сюр-Мер 6 июня 1944 года …

В прибрежной полосе *Центавры/Centaurs* морской пехоты поддержали 48-й Отряд Коммандос, когда он зачищал от противника деревню Лангрюн-сюр-Мер. Коммандос также получили задание захватить ряд целей в Сен-Обене. Коммандос столкнулись с множеством проблем при высадке. Вспоминает капитан **Линнелл (Geoff Linnell)**, командир Отделения Тяжелого Оружия/Heavy Weapons Troop: «Аппарели [катеров *LCA*] были слишком легкими и не хотели опускаться на грунт – они просто болтались на волнах. Когда человек сходил на одну из них, пол под ним взлетал вверх-вниз с каждой волной. Многих сбрасывало в воду, люди тонули: их тянули вниз рюкзаки и снаряжение… Некоторых парней, на которых были спасжилеты, смыло волнами, и они остались плавать в воде вверх ногами…»

Подполковник Молтен позднее вспоминал, что пехотно-десантные суда *LCI* вообще оказались малопригодными для десантирования подобного рода: «Они были спроектированы для высадки пехоты [второго эшелона], они не были предназначены для десантирования штурмовых частей… Приходилось высаживаться по дощатым скатам, довольно бесполезным для высадки людей с тяжелым грузом снаряжения в условиях сильного прибоя…» Когда Молтен собрал своих солдат и офицеров после высадки, оказалось, что 48-й Отряд Коммандос потерял треть личного состава погибшими ранеными.

Скриншот из новостной кинохроники Дня Д. Канадские солдаты из Нью-Брунсвикского Полка высаживаются на берег около 8.05 утра. Сектор Nan Red пляжа Juno в приморской части города Сен-Обен-сюр-Мер…

В секторе 8-й Бригады, как и в секторе 7-й Бригады, прилив наступил неожиданно быстро, и уровень воды оказался слишком высоким для того, чтобы инженеры могли закончить работы по зачистке пляжа от заграждений и прокладке выходов за его пределы. Высокая волноотбойная стена напротив деревни Берньер задержала прокладку выходов с пляжа до конца дня. Перед наступлением темноты были открыты четыре выхода, хотя инженерные работы на них продолжались. Одна из *Смешных Штук* уложила мост через волноотбойную стену, дав возможность использовать этот выход. Инженерные танки, снабженные цепными тралами, были использованы для расчистки проходов через минные поля.

Пока ударные бригады зачищали прилегающие к участкам своей высадки сектора, 9-я Бригада Каннингема (D.G. *Ben* Cunningham) все еще находилась в море, ожидая приказа десантироваться. В 10.50 утра такой приказ был отдан. Было решено высаживать бригаду в секторе *Nan White* вслед за 8-й Бригадой. Десантные суда, находившиеся в ожидании на траверзе сектора *Nan Red* и несущие потери от огня из района города Сен-Обен, были перемещены на траверз сектора *Nan White*. Сначала 9-я Бригада находилась в ожидании из-за того, что пляж был просто забит людьми и техникой, потом были высажены ударные батальоны, которым, все-таки, пришлось задержаться в ожидании того, что на пляже

станет больше места. Солдаты Полка Северных Новошотландских Горцев/North Nova Scotia Highlanders, которыми командовал подполковник Пёрч (C. Perch), не смогли начать продвижение вглубь суши до 4 часов после полудня. Их поддерживала бронетехника 24-го Танкового Полка (Шербрукские Фузильеры/Sherbrooke Fusiliers), которым командовал подполковник Гордон (M.B.K. Gordon). Стормонтские/Stormont, Дандасские/Dundas и Гленгаррийские/Glengarry Горцы подполковника Кристиансена (G.H. Christiansen) последовали за *Шербрукцами* вместе с Легкой Пехотой Горцев/Highland Light Infantry of Canada.

Командир передового десантного катера вспоминал: «Все выглядело довольно хаотично. Было очевидно, что запланированная зачистка пляжа от заграждений не была осуществлена.» Катера с *новошотландскими горцами,* осторожно пробираясь между подводных заграждений с закрепленными на них минами и обходя потопленные и поврежденные суда, высадили пехотинцев на берег, хотя несколько десантных судов *LCI* были сильно повреждены. Каждый четвертый из 90 использованных на этом участке катеров оказался поврежденным и или потопленным, в том числе, огнем с берега. К моменту завершения высадки 9-й Бригады полоса пляжа сузилась до всего 25 ярдов из-за высокой приливной волны…

Охота за засевшими в развалинах немецкими снайперами. Канадец осторожно продвигается через прибрежный французский городок где-то в Нормандии. Рядом с ним горит подбитый Шерман…

Выбираясь на берег, солдаты Полка Легкой Пехоты Горцев/Highland Light Infantry, тащившие на себе велосипеды и снаряжение, сталкивались с тем, что «берег был забит войсками с машинами и танками, пытавшимися продвинуться к выходам с пляжа. Всякое движение часто прекращалось, когда находившаяся впереди машина застревала в песке. Все было в полном беспорядке и даже не напоминало организованные практические занятия, которые мы проводили ранее. Многие из нас возносили хвалы всевышнему за то, что были так здорово прикрыты с воздуха. Одна-единственная пушка, нацеленная на пляж, нанесла бы нам неисчислимые потери, но 9-я Канадская Пехотная Бригада высадилась без единого выстрела [со стороны противника].»

ПЛЯЖ *SWORD*

В 03.00 6 июня (высадка была отложена на 24 часа из-за сильного шторма) операция началась с обстрела и бомбардировки немецких позиций силами корабельной артиллерии и авиации союзников. Через четыре часа армада десантных кораблей устремилась к берегу. Майор **Джон Шо (John Shaw)** Полка Королевских Фузильеров/Royal Fusiliers, находившийся на пехотно-десантном корабле *LCI* вспоминал: «На рассвете 6 июня я поднялся на палубу, затем, будучи старшим армейским офицером на борту корабля,

поднялся на мостик. К моему восторгу, метеорологи оказались правы: шторм утих. То, что я увидел с мостика, я не забуду никогда. Весь пролив от горизонта до горизонта был заполнен десантными кораблями самого разного типа. Мы были на крайнем восточном фланге, и, насколько видели мои глаза, повсюду были десантные и эскортные корабли. Это была самая потрясающая панорама, такая, которую мог выложить ребенок из своих игрушек.» Шо добавил, что в 07.25 рота Королевских Фузильеров начала покидать корабль: люди побрели к берегу: «До нас доносился грохот пушек, ведущих огонь с пляжей. Рампы были спущены по обоим бортам, и мы с готовностью пошли вперед по мелководью. Все, кто был на борту, должны были оказаться там, где глубина была два фута, но я обнаружил, что некоторые все еще были в гальюнах: они все еще чувствовали себя слишком плохо, чтобы сойти с борта, и мне пришлось потрудиться, чтобы заставить их выбраться на берег.»

Королевские Фузильеры и майор Шо, который в 1940 году был ранен в Дюнкерке, были частью контингента из 29 000 солдат и офицеров, высаживающихся на пляж *Sword*. Среди британцев, пересекших Ла-Манш, был майор **Броклхерст (R.G.H. Brocklehurst)** из 1-го Батальона Оксфордширцев и Букингемширцев. Он вспоминал: «Наше судно было американского производства – оно было малого размера и в прошлом конвертировано для десантных целей путем добавления к нему длинных деревянных рамп, которые предполагалось спустить по обе стороны носовой части. Поскольку мы уменьшили количество всего необходимого на первой стадии высадки до такого уровня, что это можно было перетащить на себе, самым громоздким из того, что мы брали с собой, оказались ротные и взводные велосипеды, которые мы оставили для передачи и получения сообщений при продвижении по дороге. Мы знали, что дальше, за дюнами пляжа Уистреам, будет дорога.»

Вспоминает Броклхерст: «Находясь на левом фланге сил вторжения, мы могли видеть группу кораблей, патрулирующих акваторию, чтобы обезопасить нас от возможных атак немецких торпедных катеров… Королевские ВВС обеспечили нам чистое небо, свободное от самолетов Люфтваффе, и правее нас, вплоть до самого горизонта, мы видели в этот ясный день четко построенные ряды самых разных кораблей. Казалось, между этими их линиями было не больше 500 ярдов, и мы прокладывали свой путь через невысокую зыбь в направлении французского берега. Четкие дисциплина и порядок во всем вдохнули колоссальную гордость в тех, кому выпала честь стать участником этого грандиозного предприятия.»

Рядовой **Уолтер Скотт (Walter Scott)**, санитар, вспоминал: «Только что наступил рассвет, но я мгновенно проснулся. Насколько я мог видеть, пролив был забит кораблями, и они не пребывали в бездействии. Стоял страшный грохот: морские орудия бомбардировали немецкие оборонительные позиции по всему побережью. В тот момент мне не было страшно: в конце концов, это наши корабли вели огонь по врагу. Страх придет потом, а тогда я знал, что это творится история и что я являюсь частью этого.»

На борту другого десантного корабля находились люди из 1-го Батальона Королевского Норфолкского Полка/Royal Norfolk Regiment. Один из них, сержант-майор по фамилии **Брукс (Brooks)**, в октябре 1944 года сказал корреспонденту ВВС следующее: «Каждый из нашего батальона, каждый, кто шел в бой, был проинструктирован. Каждому рассказали не только о том месте, к которому мы направлялись, каждому показали аэрофотоснимки, карты, большую [трехмерную] модель пляжа. Мы знали все, кроме того, как называется местность и пункты в ее пределах. Все это было обозначено кодовыми словами… В ночь с 3-го на 4-е мы погрузились на корабли. Весь день 4-го числа мы оставались в гавани на борту нашего пехотно-десантного корабля *LCI*. Вечером мы вышли в пролив. Мы до времени не знали, что шоу было отложено на 24 часа… Парни не особенно волновались. Мы пели песни, все были в приподнятом настроении. Мы простояли в проливе всю ночь, а потом, 5 июня, тронулись в путь. К этому моменту нам уже были розданы карты, и мы уже точно знали, куда взяли курс. На этот раз это были настоящие карты, карты с указанными на них [географическими] названиями… Мы знали, что все будет по-настоящему, и все мы

были и в самом деле рады тому, что уже вскоре британские войска снова будут на земле Франции и будут колотить *бошей* так сильно, что те будут только удивляться, как это могло случиться. В проливе штормило, большинство из нас сильно скрутила морская болезнь, но даже это не ослабило наш боевой дух.»

Британский десантный корабль горит после попадания в него немецкого снаряда. На заднем плане – пляж Sword

Рэй Бак (Ray Buck), служивший в Торговом Флоте/Merchant Navy, рассказывал, что получил назначение на *Empire Capulet*, - одно из 864 судов, участвовавших в операции. Его судно было загружено танками, грузовиками и боеприпасами. «Мы присоединились к крупному конвою и взяли курс на пляж *Sword*… Нашей целью был сектор 3-й Дивизии. Небо над нами были забито самолетами союзников. Мы встали на якорь рядом с линкорами *Warspite* и *Ramillies* и оказались в окружении крейсеров, эсминцев и вооруженных ракетными установками десантных кораблей … все они непрерывно вели огонь. В то утро, перед этим, норвежский эсминец *Svenner* был потоплен немецкими торпедными катерами, при этом погибло очень много людей *(по разным источникам от 33 до 43 человек – ВК)*. Торпеды прошли между линкорами *Warspite* и *Ramillies* и попали эсминцу в машинно-котельное отделение…

По нам также вела огонь немецкая береговая батарея. Снова и снова какой-то эсминец шел к берегу на полной скорости и вступал с ней в перестрелку. Хотя немецкая авиация не представляла собой большой угрозы десанту, в тот день вражеские самолеты осуществили, по меньшей мере, 22 вылета над участками высадки. Нам не повезло, и мы стали целью одного из них. [Немецкие] снаряды попали в находившуюся рядом с нами понтонную баржу *Rhino*, заполненную людьми и машинами, в результате чего возник пожар и были потери.»

Хэрри Лемон (Harry Lemon) был артиллеристом на одном из пехотно-десантных кораблей, на борту которого находились солдаты и офицеры Полка Королевских Уорикширцев/Royal Warwickshire Regiment. Он вспоминал: «Когда мы подходили к пляжу *Sword*, произошло вот что: мы подорвались на мине. Мы потеряли рампы по обоим бортам, а в носовой части образовалась большая пробоина ниже ватерлинии... У парней были рюкзаки и винтовки, и, поскольку рампы снесло, им пришлось спускаться в воду по веревочным трапам, что было делом непростым, хотя глубина в этом месте была в тот момент была всего шесть футов. Мы выползли на пляж и застряли на нем на 15 часов, дожидаясь, пока не наступит прилив и нас не стащат в море. Корабль, находившийся за нами, получил прямое попадание, и на его борту царила паника. Мы вели огонь по дому,

находившемуся далеко от нас, в глубине пляжа. Шкипер приказал нам стрелять по нему, потому что в нем засели немцы, мы так и сделали и снесли половину его стены. Из дома высыпали немцы, и мы не оставили от них ничего…

Солдаты 3-й Пехотной Дивизии укрываются за машинами после высадки в сектор Queen пляжа Sword. В левом нижнем углу – раненый солдат, которому оказывает помощь товарищ. Люди готовятся к атаке на немецкий бункер…

Нас засыпало шрапнелью, один из моих товарищей потерял ногу. Пули со звоном стучали по металлу орудия, в расчете которого был я. Когда *Уорикширцы* продвинулись за полосу пляжа, нас на борту осталось всего человек двадцать. Большую часть времени мы были заняты тем, что вытаскивали из воды солдат. На многих и них под рюкзаками были надувные спасжилеты *Mae West (Мэй Вест (1893-1980) - знаменитая американская киноаткриса; солдаты прозвали их так из-за созвучия между этим именем и словосочетанием life west/спасжилет – ВК)*, поэтому стоило им попасть в воду, как их переворачивало вверх ногами, и они захлебывались. Это был самый длинный день, и в самом деле самый длинный *(моряк, очевидно, вспомнил название известного голливудского фильма Самый Длинный День/The Longest Day (1962) о высадке союзников в Нормандии – ВК)*. Когда Лемона попросили описать сцену высадки, он ответил так: «Вы видели фильм *Спасти Рядового Райана/Saving Private Ryan (фильм 1998 года – ВК)*? Если да, то начальные сцены происходившего на пляже действительно дают представление о том, как это было. Море было буквально красным от крови.»

21-летний моряк Королевского флота, петти-офицер **Лесли Фрайдэй (Lesley Friday)** находился на борту тральщика *Gazelle*, задачей которого была зачистка одного из секторов пролива от немецких мин. Он был на вахте в машинном отделении корабля утром 6 июня, но слышал постоянный грохот орудий кораблей, поддерживающих вторжение. Поднявшись на верхнюю палубу через несколько часов, он был потрясен тем, как много было в воде трупов погибших, болтавшихся на волнах лицом вниз: было очевидно, что они утонули, не добравшись до берега. Фрайдэй так сказал об этом бравшему у него интервью: «*Я* горжусь тем, что был там в *День-Д*, но я не думаю о славе. Ты не можешь думать об этом, если видел то, что видел я.»

Моряк **Деннис Чэффер (Dennis Chaffer)** рассказал, что 5 июня был в пути из Саутгемптона к участку высадки на борту десантного корабля ПВО *(Landing Craft, Flak - LCF 34)*: «Непосредственно перед рассветом, утром 6 июня, мы услышали громкие разрывы и увидели дульные вспышки корабельных орудий. Наш командир сказал, что все идет по плану. Прав он был или нет, но мы знали, что кому-то приходится ох как несладко… Когда

наступил рассвет, мы обнаружили, что к нам присоединились другие и что пролив [Ла-Манш] покрыт ковром из десантных кораблей всех видов и размеров. Когда мы добрались до пляжа, стало ясно, что все идет по плану. На самом деле, мы выпустили первый снаряд только в 10 часов вечера – мы помогли сбить немецкий бомбардировщик. Это стало для нас началом сражения… Торпедные катера, управляемые людьми торпеды, дистанционно управляемые взрывающиеся катера – все это было брошено против нас. Мы сумели справиться с этими проблемами, отразили атаку бомбардировщиков и пережили повторяющиеся время от времени артобстрелы со стороны береговых батарей.

Следующие несколько недель (первые две недели спали по паре часов в сутки) никто не мог спать ночью. Немецкие самолеты сбрасывали парашютные бомбы, которые взрывались, стоило им коснуться борта любого корабля.»

Ричард Барнетт (Richard Barnett) служил в одном из шотландских полков, оснащенных 105-мм самоходными орудиями по прозвищу *Поп/Priest (прозвище появилось благодаря напоминающему кафедру проповедника спонсону пулемётной установки – ВК)*. Он рассказывал: «С рассветом стало понятен весь масштаб операции – насколько было видно глазу, повсюду были корабли ... Мы были хорошо подготовлены к бою, и ворвались на пляжи, ведя огонь из всех стволов, чтобы прикрыть наступающий впереди нас пехотный полк. Мы должны были быть высажены на берег через час после начала высадки, что и было сделано в точном соответствии с планом нашими замечательными моряками, которые подвели танко-десантный корабль к берегу без задержек. На песок, там, где глубина воды была несколько футов, упала рампа, и наступило наше время. Все четыре самоходки и множество других машин выкатились на берег, на уже забитый ими пляж. По причинам, которые мне так и остались недоступными, мы не смогли покинуть пляж в течение еще нескольких часов, и вскоре стало ясно, что это было не лучшим местом для того, чтобы оставаться на нем. Мы были не только под атаками вражеских самолетов, случавшимися время от времени, вражеская артиллерия тоже все еще вела огонь по пляжу. Наши пушки вскоре открыли [ответный] огонь прямо оттуда, где они были, всего в нескольких футах от воды. Мы на тот момент должны были поддерживать 6-ю Воздушно-десантную дивизию. Мы смогли покинуть пляж и начать продвижение вглубь суши только в поздние послеполуденные часы.»

Снимок, сделанный немцами в районе эстуария Орны. На переднем плане – убитый британский солдат. На заднем плане – немецкие солдаты готовятся к отражению очередной атаки британской пехоты…

Действительно, вторжение началось с активных действий парашютистов и высадившихся с планеров десантников 6-й Воздушно-десантной Дивизии генерал-майора Ричарда Гэйла (Richard Gale). Они высадились вскоре после полуночи на восточном краю британского сектора, чтобы прикрыть от возможных контратак противника фланг сил, десантировавшихся на пляж *Sword*. В 6-ю Дивизию входили 5-я Парашютная Бригада бригадира Найджела Поуэтта (Nigel Poett) и 3-я Парашютная Бригада бригадира Джеймса Хилла (S. James Hill) – в последнюю входили 1-й Канадский Парашютный Батальон подполковника Джорджа Брэдбрука (George Bradbrooke), 8-й Парашютный Батальон подполковника Элэстэра Пирсона (Alastair Pearson) и 9-й Парашютный Батальон подполковника Теренса Отуэя.

Одна из наиболее известных фотографий, сделанных во время высадки британцев на пляж Sword. Коммандо 1-го Батальона Саффолкского Полка/Suffolk Regiment высаживаются в секторе Queen примерно в 08.30. На переднем плане – саперы 84-й Полевой Роты Королевских Инженеров

Хэролд Пэкэм (Harold Packham) 28-летний военнослужащий *REME*, вспоминал: «Нас задержали на два часа из-за плохой погоды у острова Уайт/Wight. Мы шли в темноте, меня мучала морская болезнь, но, когда наступил рассвет, погода была чудесной, и мы увидели берег Франции. Наши корабли обстреливали побережье, немцы обстреливали нас, и много кораблей было потоплено. Мы должны были начать продвижение к берегу в 00.45, но, поскольку так много кораблей было потеряно, мы пошли вперед с первой волной десанта. Мы покинули корабль там, где глубина воды была шесть футов, напротив Льон-Сюр-Мера, на крайнем левом фланге, близ [устья] реки Орн. Нашей задачей был вывоз машин и техники на берег. Солдатам, которые тащили на себе снаряжение и которых высадили там, где еще было глубоко, пришлось тяжко, и многие из них утонули. Мы пытались спасти некоторых из них, но услышали переданный по громкоговорителю приказ: «Сначала пушки и снаряжение», так что мы сконцентрировались на этом. Несколько дней мы вывозили на берег машины и технику, наши механики чистили все это и готовили к бою. Мы постоянно испытывали страх за свою жизнь, но были заняты столь плотно, что привыкли к этому. Фельдмаршал Роммель сказал, что это будет самый длинный день для *томми*, но, на самом деле, первый день был самым коротким. Мы были так сильно заняты своим делом, что время просто летело.»

Вспоминает еще один шотландец из *REME*, **Джон Макоэун (John McOwan)**: «Мы ждали приказа к высадке так долго, что это показалось бесконечностью. Мы чувствовали себя легкой добычей для самолетов *Люфтваффе*. Пару кораблей зацепило, мы тем временем надеялись и молились о том, чтобы не стать следующими. Помню, что даже не замочил ноги, когда высаживался на берег…»

22-летний **Кен Оукли (Ken Oakley)** был помощником старшего офицера участка высадки в составе одной из частей коммандо Королевского флота. Он вспоминал: «В нашу задачу входила организация всех действий на пляже, разметка секторов, на которые должны были выходить десантные корабли, размещение грузов.

Коммандо Королевской Морской Пехоты 1-й Бригады Специального Назначения продвигаются вглубь суши из сектора Queen Red. На заднем плане – танк-мостоукладчик Черчилль AVRE - Бронетехники Королевских Инженеров/Armoured Vehicles Royal Engineers

Вечером, за день до высадки, старший армейский офицер сказал нам: «Вы пойдете с первой из нескольких волн. Если вы не выживете, мы пошлем вторую волну, если эти не выживут, пошлем третью и так далее, пока не захватим пляж.» С этой приятной мыслью мы и отправились спать. В 03.30 *Дня Д* нас разбудили и приказали готовиться. В 5 утра мы сели на десантный катер, который направился к пляжу *Sword*. Рядом с нами было несколько таких катеров. На море штормило, многих солдат скрутила морская болезнь. Мы высматривали шесты с бомбами или минами на них, и, когда они появились в поле зрения, рулевой повернул в просвет между ними справа от нас. Он шел впритык к ним, но сделал свое дело превосходно и проскользнул совсем близко от заряда, от разрыва которого мы бы просто взлетели на воздух. А потом – *бац* – и мы были на пляже, сбежав на него по рампе.

В тот момент мы не знали, что происходит рядом с нами: мы просто видели свой участок высадки. Я был телохранителем старшего офицера участка, и мы оба побежали вглубь пляжа. По нам вели огонь многочисленные минометы, их огонь был очень и очень плотным. Рядом на берег выползали десантные катера, *бац* – и из них выбегали люди, - все было в полнейшем беспорядке. На часах было 06.10, мы были в первой волне… Немного позднее ко мне подошел командир и сказал, что мой приятель Сид тяжело ранен – не смогу ли я оказать ему помощь? Я пошел вдоль пляжа, увидел Сида, который лежал на песке, его рана был очень серьезной. Я затолкал его почку внутрь его тела и сказал ему быть осторожнее. Я не хотел, чтобы она снова вывалилась наружу. Я сумел дотащить его до перевязочного пункта, там за ним присмотрели. Сид поправился и потом стал моим свидетелем на свадьбе!»

Большая часть первой волны десанта была на берегу в 07.25, впереди нее шли амфибийные танки 13-го Батальона 18-го Гусарского Полка/13th/18th Hussars. Вброд по мелководью на берег выходили солдаты и офицеры 8-й Пехотной Бригады, сопровождаемые бронетехникой специального назначения *AVRE* – *Смешными Штуками*.

Бронетранспортеры 2-го Миддлсексского Полка проезжают мимо одной из Смешных Штук – танка Черчилль, оснащенного 290-мм мортирой

19-летний Рон Смит (Ron Smith) был радистом танко-десантного корабля №947, который пристал к пляжу *Sword* в 07.45 с несколькими *Смешными Штуками* на борту. Когда была спущена рампа, в корабль попал немецкий снаряд, который угодил в одну из машин. Машина была обездвижена и блокировала выезд на берег. Вслед за этим сдетонировали [бангалорские] торпеды, … и в результате взрыва погиб один находившийся на борту офицер и еще трое военнослужащих. Смит помог завернуть в холст тела погибших, а поврежденный *LCT* покинул пляж и отправился обратно в Портсмут. Среди убитых был подполковник Кокс *(Arthur D.B. Cocks, первоклассный крикетист, выступавший за сборную команду Британской Армии – ВК)*, командир 5-го Штурмового Полка Королевских Инженеров/5th Assault Regiment Royal Engineers, - первый британский офицер, погибший во время вторжения в Нормандию.

Лейтенант Королевского флота **Лэмбтон Берн (Lambton Burn)**, также находившийся на борту *LCT 947*, вспоминал: «Вокруг нас рвались снаряды. Это не были недолеты от огня, который вели наши корабли, — это были снаряды противника, который не открывал огня, пока мы не подходили к нему на расстояние 200 ярдов. Мины проносились с воем и взрывались с болезненной неизбежностью. *LCT*, находившийся слева от нас, охватил пожар… Потом нас неожиданно встряхнуло, когда наш нос уперся в песок. Упала рампа, - там, на носу, словно бешенные, работали суб-лейтенант [новозеландец] Монти Гленгэрри (Monty Glengarry) и его группа. Раздался рев рванувшейся с места машины, и Доналд Робертон (Donald Robertson) на своем *Крабе (танк Шерман, оснащенный валом с цепями для обезвреживания мин – ВК)* под названием *Stornoway*, покинул корабль. Вперед пошел *Dunbar* (второй *Краб*). Полковник Кокс высовывается из башни своей машины, оснащенной плугами *(для траления противотанковых мин – ВК)*, чтобы поторопить командиров других машин. Однако теперь противник сконцентрировал на нас свой огонь. По обе стороны [от корабля] рвутся снаряды, потом *бах*, - два прямых попадания в нашу носовую часть, а

потом еще один снаряд попадает туда, где находятся танки. Первого лейтенанта выбросило, он ударился о балку, он лежит без сознания. *Dunbar* останавливается, соскальзывает в сторону и блокирует выезд. Еще один, более мощный взрыв – это взорвались *бангалорские заряды* танка *Barbarian [(танк-бревноукладчик, командир – капитан Фэйри (Fairie)],* выбросив красные языки пламени. Полковника Кокса убило там, где он был, из другого танка донеслись вопли. Окаменев от злости, Том Фэйри трогает свой танк вперед, пытается сдвинуть *Dunbar* на рампу, но ничего не получается. Он выскакивает из башни своего танка, к нему присоединяются другие танкисты, которые стараются подтащить цепь, чтобы подцепить ее к [неподвижной] машине.»

Рассказывает **Боб Литтлар (Bob Littlar)**, 2-й Батальон Легкой Пехоты Шропширцев Короля/King's Shropshire Light Infantry (KSLI): «К концу мая мы знали, что вторжение случится в течение 10 дней или около того, хотя никто не знал точной даты его начала. Нам говорили, что для первоначальной высадки выбрана другая бригада и что мы вступим в бой на втором этапе в качестве бригады прорыва вглубь суши. 2 июня, в пятницу, нам сказали быть готовыми к высадке на следующий день. Нас перебросили в гавань Ньюхейвен, где нас ждала погрузка на десантные корабли. Думаю, расчет был на то, что мы выйдем в море около 9 вечера, но потом отплытие было отложено из-за плохой погоды, так что в воскресенье утром мы все еще были в порту. Нас сняли с десантных кораблей, у нас был потрясающий ланч. По времени около ужина мы вернулись на корабли и были счастливы, потому что нас так хорошо покормили! В тот вечере, около 9, четыре *LCA*, на борту которых находился наш батальон, выскользнул из гавани в пролив. Весь понедельник мы проболтались в море, смотрели на корабли, заполнившие всю акваторию от горизонта до горизонта. Нам всем раздали французские франки, и, чтобы убить время, парни стали играть в карты на иностранные деньги. Едва начинало светать, но мы разглядели, что находимся среди военных кораблей всех видов. Приближаясь к побережью Нормандии, мы видели над ним дымы, - следствие обстрела силами корабельной артиллерии. Мы смотрели на все это, когда прозвучал приказ спуститься в трюм.»

Солдаты и машины 3-й Дивизии на привале возле узкоколейки на пути к Кану

Литтар продолжает свой рассказ: «Нам раздали непромокаемые штаны, в которых ты мог оставаться сухим по грудь, - типа того, что носят рыбаки. Теоретически, это было здорово, но на практике эта штука работала только там, где вода была тебе по пояс. Парни уходили под воду, потом пытались брести в этих штанах, но их заливало водой так, что они

рвались… Я вытащил нож и начал срезать эти непромокаемые штаны с ребят, которые пытались добраться в них до берега. Мой сержант приблизился ко мне и сказал: «Ты в одиночку эту войну не выиграешь, давай, топай вперед вместе со своими.»»

Сразу после 10 утра солдаты 2-го Батальона *Шропширцев* высадились на пляж *Sword* близ города Эрманвиль-Сюр-Мер. Предполагалось, что дальше они будут продвигаться вглубь суши на броне танков *Шерман* Полка Стаффордширских Йоменов/Staffordshire Yeomanry, но из-за завалов из бревен на пляже и у кромки воды продвижение танков остановилось. Батальон начал продвижение вперед пешим ходом по дороге *D60* без сопровождения бронетехники.

Рассказывает Литтар: «Я видел дым, видел дымящиеся танки, подбитые ранее. Пляжи уже были захвачены, но противник все еще оказывал кое-какое сопротивление, и мы были под огнем.»

К 17.30 рота майора Питера Стила (Peter Steel) вышла к удерживаемому немцами северному пригороду Кана Лебизе. В результате продвижения *шропширцев* на юг в формирующейся линии фронта образовался опасный для британцев узкий выступ, поэтому рота получила приказ отступить. К этому моменту ее командир, майор Стил, был убит…

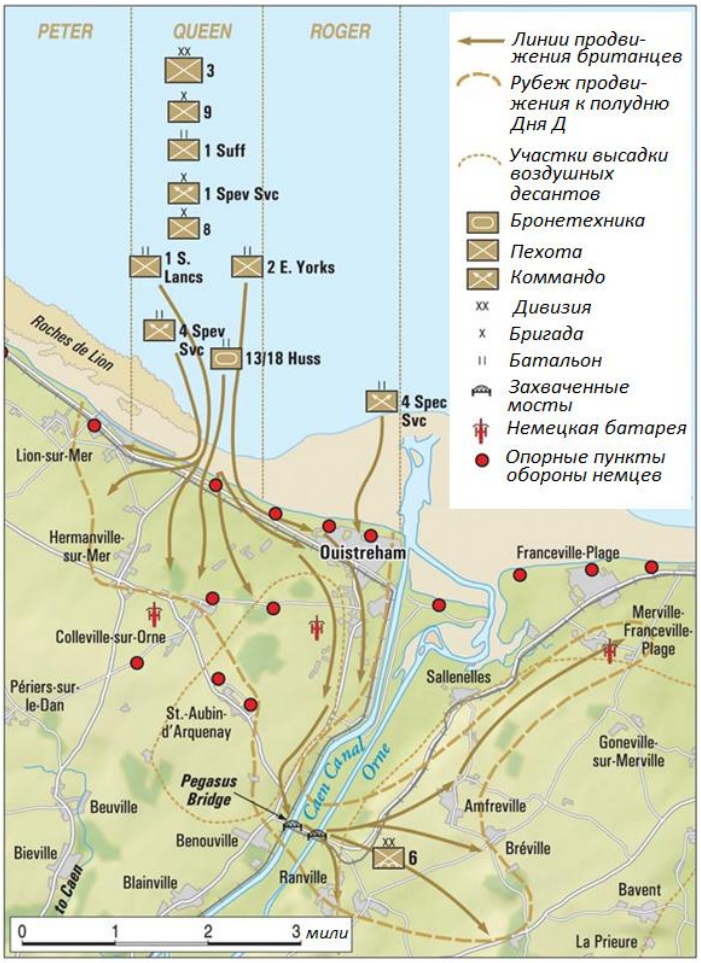

Схема атак британцев в районе пляжа Sword

Вспоминает еще один *шропширец*, **Эрни Гудмэн (Ernie Goodman)**, механик-водитель универсального бронетранспортера, который тянул на буксире 6-фунтовую противотанковую пушку: «Я был здорово напуган, - признавал он. – Думаю, с большинством из наших так и было.» Гудмэн пережил *День Д* без единой царапины, но в его памяти

навсегда остались ужасные воспоминания о том, случилось несколькими неделями позднее, когда все, кто служил с ним в одном расчете, были убиты или ранены. «Снаряд попал в яблоню, стоявшую над их траншеей, и взрыв ударил прямо вниз: убило двоих, остальных ранило, - вспоминал Гудмэн. – На следующую ночь они подпрыгивали в своей траншее, считая, что два раза в одну яму снаряд не упадет. Но он упал. Из расчета выжил один я.»

Тед Варли (Ted Varley), служивший в Полку Связи/Signal Regiment 3-й Пехотной Дивизии, рассказывал, что был одним из первых, кто вышел на пляж *Sword*, и живо вспоминал неразбериху и мясорубку на нем: «Я видел довольно много тел, плавающих в воде, людей, носившихся туда-сюда, помню весь этот металл, летевший по воздуху во всех направлениях. Все это было немного хаотично, но потом все пришло в порядок. Мне было 20. Мне не было страшно, но я нервничал. Ты обо всем этом не думаешь, ты вступаешь в бой и делаешь свое дело.»

Вспоминает сержант-майор **Брукс (Brooks)** из 1-го Батальона Полка Королевских Норфолкцев/Royal Norfolks: «Около 09.45 с мостика пришел приказ быть готовыми. За этим последовали несколько минут ожидания, я поднялся на палубу, будучи готовым вести свою часть батальона к берегу. Оттуда открывался хороший вид на происходящее. Никогда ранее я не видел такого количества самых разных кораблей, как в то утро. Некоторые уже шли назад от берега пустыми, другие, такие как наш, ждали своей очереди.

После занятия плацдарма на пляже Sword британские солдаты и моряки береговых партий расчищают берег для того, чтобы облегчить высадку следующих волн десанта

Там использовали все типы кораблей, и благодаря их мастерству мы так и не встретили никакого противодействия со стороны немецкого флота. Когда мы приближались к берегу, я увидел дома и узкую полосу пляжа так, словно это было на моделях и фотографиях, которые нам показывали во время инструктажа.» Брукс отметил, что встречный огонь противника был ощутимым: «Я видел фонтаны воды, неожиданно взлетающие вверх по обе стороны от нас, и почувствовал, что впервые за всю мою карьеру в армии я нахожусь под огнем.

Наш батальон продвигался к берегу на трех танко-пехотных кораблях, и теперь они шли медленно, выстроившись в шеренгу. Потом мы уткнулись в пляж, я увидел, как опускаются рампы и как передовой взвод сбегает на берег. Через пять минут наша часть была на пляже, и мы пошли вперед, туда, где бульдозер уже пробивал выход с него… Потом мы повернули вправо и пошли по дороге туда, где батальон строился в колонну, чтобы начать марш вглубь суши. По дороге медленно ползли несколько *Шерманов*, в то время как саперы зачищали местность от противотанковых мин. Один из моих сержант-майоров наступил на одну из таких мин, [взрывом] его подняло в воздух и забросило в живую изгородь. Он не получил ни единой царапиной – ну и повезло ему.»

Батальон Брукса прошел около мили на юг, после чего остановился на то время, пока командир отсутствовал, чтобы встретиться с командиром бригады. Когда он вернулся, батальон продолжил марш, пока не натолкнулся на небольшую деревню. Вспоминает **Брукс**: «Когда мы вошли ив деревню, артиллерия *бошей* начала постреливать по нам, и там мы понесли первые потери. Поскольку мы пока не обзавелись полковым перевязочным пунктом, наших раненых эвакуировали прямо назад, на пляж. Деревня была зачищена от противника усилиями коммандо и нашей собственной ударно-штурмовой бригады. Мы прошли через нее и развернулись в боевое построение. Чтобы выйти к нашей следующей цели, нам нужно было пересечь открытое пространство. Это были, в основном, кукурузные поля, и там мы постоянно были под огнем вражеских пулеметов.

Мы даже не обратили на это большого внимания, настолько мы были уверенны в себе. Уже вскоре огневые точки противника были подавлены, и, обыскав окрестные заросли, мы стали дожидаться дальнейших приказов. К тому моменту все казалось таким же, как и любые полевые учения, однако я знал, что на этот раз наши потери были из разряда настоящих, и тут не было *арбитров (Брукс говорит о том, что, в отличие от учений, тут было некому судить, кого отнести к пострадавшим, а кого нет – ВК)*.» Подразделение Брукса захватило несколько пленных. Он вспоминал: «Они выглядели жалко, были грязными и неряшливыми. Позднее я узнал, что это были, в основном, поляки и чехи из числа *невольников*, разве что их офицеры и подофицеры были немцами. Потом, в 05.00, мы получили приказ продвигаться дальше и сменить *Королевских Уорикширцев*, которые натолкнулись на упорное сопротивление в атаке на намеченную именно для них цель.

Мы проходили через небольшие деревни. [Вражеские] снайперы были все еще активны, но у нас не было времени возиться с ними, и, пройдя через болотистый участок местности, мы начали подниматься к предполагаемой цели по заросшему кукурузой склону. Однако противник упорно удерживал эту позицию. Благодаря спокойствию и оперативности нашего командира, который отступил последним, мы отошли и заняли круговую оборону на ночь. Так для меня кончился *День Д* и мой первый день в бою.»

К 8 утра первая волна десанта прорвала линию обороны противника и начала продвижение вглубь суши. Вспоминает 18-летний **Билл Фитцджералд (Bill Fitzgerlad)** из 1-го Батальона Саффолкского Полка/Suffolk Regiment: «Мы были в третьей линии [десантных кораблей] в тот день… Корабль ударился дном о что-то, и мы уже знали, что сейчас вымокнем. Старший офицер участка прокричал нам: «Убирайтесь с этого долбаного пляжа, не дайте себя убить!» В воде всюду и везде плавали трупы, в основном, это были коммандо из числа морских пехотинцев, но долго рассматривать их было некогда. Все, о чем мы думали, это о том, как помочь друг другу. Глядя на убитых, ты начинаешь жалеть их, но ты должен выполнить свою задачу: выбраться на пляж и дождаться товарищей.»

Уильям Харбер (William Hudson Harber), командир баржи *Rhino*, подошел к побережью на рассвете *Дня Д*, проделав путь от острова Уайт. Он вспоминал: «На *Rhino* были погружены 20 автомашин и грузовиков. Когда мы подходили к нашему пляжу, там уже были три десантных корабля морской пехоты. Я сказал своему экипажу: «Нас здесь ждет легкая высадка. Вывезя на берег машины и грузы, я решил пройтись по пляжу и подойти к другому десантному кораблю. Пока я шел, налетел немецкий самолет, который попытался скосить меня из своих пулеметов. Я бросился к десантному кораблю морпехов, чтобы найти укрытие, добежал до него и бросился в него рыбкой, чтобы спасти свою жизнь. Весь экипаж корабля был убит – я свалился на груду трупов… Вернувшись на свою баржу, я вывел ее в море, поближе к другим кораблям. Потом я работал у пляжа около двух месяцев, подвозя грузы. Каждый день мы видели части тел погибших, плавающими в море или выброшенными на берег. Там, в Нормандии, было много вражеских снайперов, которые старались подстрелить нас.»

Капрал [Корпуса] Королевских Инженеров **Фрэнк Мук (Frank Mouque)**, который сам себя называл *маленькой шестеренкой в большом колесе*, был занят на пляже опасным делом:

он обезвреживал мины и неразорвавшиеся снаряды. Он рассказывал: «Мы подошли к пляжу *Sword* на десантном корабле. У нас за плечами было все необходимое снаряжение, а вокруг пояса у каждого был спасательный круг, который должен был помочь удержаться на воде. Скажу прямо: высадка была кровавой баней. Времени на то, чтобы думать, не было. В дело вступил инстинкт выживания. Выбравшись на пляж, я побежал в направлении парапета и начал искать мины. Через 12 часов, проведенных на ногах, мы выбились из сил, после чего вырыли себе ячейку и улеглись в ней спать.»

Майор Броклхерст из 1-го Батальона *Оксфордширцев и Букингемширцев* вспоминал, что, когда он и его рота выбрались на берег, они попали под пулеметный огонь из одного из вражеских бункеров, но «люди готовы были поклясться, что по ним стреляли и французские женщины, которые сотрудничали с немцами в период оккупации и вовсе не радовались тому, что пришли мы и собираемся выкинуть оттуда их дружков. Было около 3 часов дня, было время отлива, который обнажил обширную полосу мокрого песка, из которого с трудом выбирались и люди, и машины, чтобы приступить к выполнению поставленных перед ними задач. Немного оторвавшись от остальных, я и солдат Пэйдж (Page) шли к намеченной точке, которая находилась рядом с расположенным справа выездом с пляжа, когда до нас откуда-то слева донесся шум самолетных моторов. Полагаю, это были два *Мессершмитта*, которым удалось подлететь на небольшой высоте и избежать стычек с *RAF*. Мы услышали треск их пулеметов и увидели, как пули застучали по песку перед нами. Им мало чего удалось добиться, если там вообще был какой-либо ущерб. Но, поскольку они пронеслись почти над головами, мы отчетливо увидели две жалкие маленькие бомбочки, которые они сбросили из-под крыльев и которые по плавной дуге полетели в нашу сторону. Мы грохнулись на живот, и бомбы упали в песок недалеко от нас. По счастью, песок и ил, нанесенные рекой Орна за очень долгое время, были слишком мягкими для того, чтобы бомбы сдетонировали от удара о землю. Они утонули в грунте и взорвались через секунду или две, подняв в воздух колонны грязи, которые разлетелись в стороны и осыпали наши спины. У нас появилось такое чувство, что это уже было слишком: сначала вымокнуть до нитки, а потом покрыться грязью с головы до ног! Какое-то время мы осторожно ползли, потом я уже был сыт этим по горло, встал и пошел вперед, хотя меня задержал Пэйдж, который клялся и божился, что меня подстрелят снайперы.»

Для многих ветеранов 6 июня 1944 осталось самым ярким днем в жизни. Один из них, **Джордж Каттерэм (George Cutterham)**, сказал об этом так: «Всем было страшно. Любой, кто говорит, что ему не было страшно, кривит душой. Но я не променял бы тот день ни на что на свете.»

Джефф Хауэрд

Горцы сменили грузовики на универсальные бронетранспортеры и высадились на пляж *Juno* 7 июня 1944 года из-за сильной скученности людей и техники на пляже*Sword*.

51-Дивизия выгружается на пляж Sword

Прошедшие через боевые действия в пустыне люди нередко попадали под воздействие клаустрофобии: им приходилось сражаться в дорожных выемках, между живыми изгородями, на холмах и кукурузных полях в условиях ограниченной видимости. Был здесь еще один новый фактор. «В Африке мы сражались против *Африканского Корпуса*. Почти все они были солдатами довоенной армии, - рассказывал Хауэрд. – Они были хорошо обученными, дисциплинированными, они следовали правилам [ведения войны], и это было то, к чему мы привыкли. Когда мы вернулись [во Францию], мы думали, что и здесь будет то же самое, знаете, Вермахт, Германская армия, они были довольно хорошими парнями. Ну а тут мы столкнулись дивизиями СС, и это были совершенно другие люди, а хуже всех был *Гитлерюгенд*. Они выросли во времена нацизма, и они верили они в то, что для достижения цели все средства хороши. Они были готовы на все для этого…»

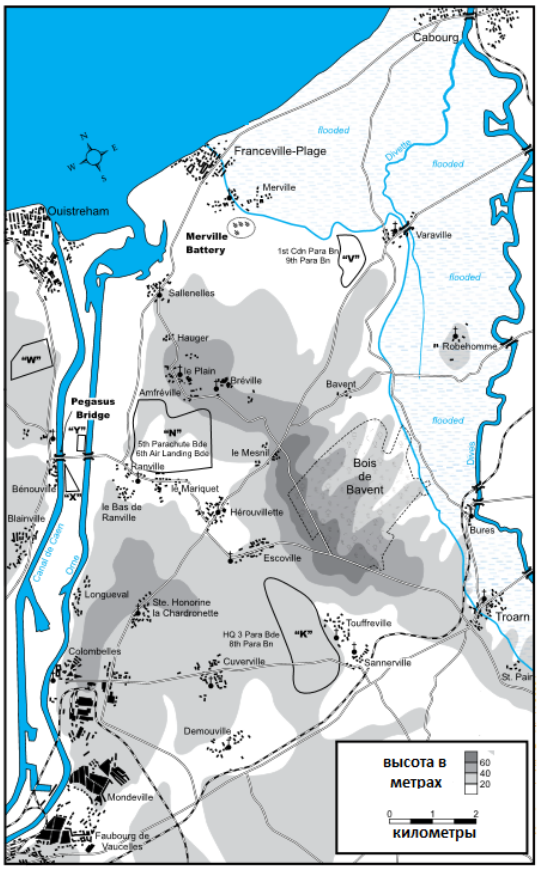
Пулеметчики в ходе боев за Кан к западу от него в районе городка Тийй-сюр-Сёль. Июль 1944 года

Фанатизм, с которым немцы сражались в Нормандии, часто приобретал такие крайние формы, что шел в разрез с тактической грамотностью и стал шоком для британцев: «Мы думали, что война будет такой же *рыцарской*, как в пустыне,» - вспоминал Хауэрд. *Горцы* понесли тяжелые потери в боях под Каном и на реке Орн, особенно в ходе окончившейся катастрофой атаки под Коломбелем 10-11 июля. Их боевой дух упал до минимума. Командир 51-й Дивизии, генерал-майор Чарлз Буллен-Смит (Charles Bullen-Smith, 1898-1970), сменивший Уимберли незадолго до высадки во Франции, был снят с должности – его сменил генерал-майор Том Ренни (Tom Rennie, 1900 - погиб во время переправы через Рейн 24.03.1945), ранее командовавший 154-й Бригадой в составе *горцев*. Хауэрд был повышен в звании и, став сержантом, получил назначение в 10-й Взвод ко времени начала операции *Totalise* 7 августа, в ходе которой была окончательно прорвана оборона немцев вокруг Кана.

КАНАДСКИЕ ПАРАШЮТИСТЫ НА ПЕРВОЙ СТАДИИ ВТОРЖЕНИЯ В НОРМАНДИЮ

В утренние часы 6 июня 1944 года более 2 000 американских, британских и канадских десантников спустились на парашютах и планерах на землю Нормандии. Это был авангард высаживавшихся по Франции сил союзников. Началась операция Neptune – начальная стадия операции Overlord. Для десантирования с воздуха с самого начала были характерны неразбериха и сумятица. Навигационные ошибки, интенсивный зенитный огонь противника и отсутствие достаточного опыта у экипажей самолетов и планеров привели к тому, что десант оказался рассеянным по очень большой площади. Некоторые десантники, по ошибке сброшенные над акваторией пролива Ла-Манш, бесследно исчезли. Многие другие приземлились вдалеке от намеченных участков, нередко на заболоченных и затопленных паводковыми водами площадях и были вынуждены брать свою судьбу в собственные руки и искать путь к намеченной цели…

Перед подполковником Брэдбруком, командиром 1-го Батальона канадцев, также была поставлена сложная задача. Канадцам предстояло нейтрализовать узел обороны противника и обезопасить участок высадки в районе деревни Варавиль, а также принять участие в подрыве мостов, расположенных за пределами деревни дальше к востоку – в направлении деревни Робом/Robehomme. Итоговой задачей, поставленной перед канадцами, была нейтрализация батареи Мервиль. После выполнения всех вышеперечисленных задач канадцы должны были занять и далее удерживать ферму Мениль/Mesnil, расположенную на стратегически важном перекрестке дорог на гряде Бавен. Офицеры батальоны потратили несколько дней на анализ поставленных перед ними задач. Командир Роты *C,* майор Маклауд (H. Murray MacLeod), был назначен ответственным за успешное проведение разведчиками-следопытами разметки участка высадки десанта *V*, расположенного к западу от деревни Варавиль. Затем этой роте предстояло захватить командный пункт противники в деревне и оказать помощь британцам в подрыве расположенного неподалеку моста. Перед Ротой *A* была поставлена не менее трудная задача по прикрытию фланга 9-го Батальона десантников во время его атаки на батарею Мервиль. Солдатам Роты *B*, ведомым майором Клэйтоном Фуллером (Clayton Fuller), предстояло взорвать мост в районе деревни Робом перед тем, как соединиться с остальной частью батальона в районе фермы Мениль.

Карта запланированного участка боевых действий 1-го Батальона канадцев после высадки в Нормандии

План боевых действий канадцев содержал значительные риски. Его успех зависел от многих факторов. Прежде всего, была необходима очень точная по местонахождению и по времени высадка 1-го Батальона. После этого солдатам и офицерам было необходимо в кратчайшие сроки собраться, подобрать снаряжение и атаковать разбросанные по большому пространству цели, в районе которых занимал оборонительные позиции решительный и хорошо подготовленный враг. Канадцам предстояло продемонстрировать свою отличную физическую подготовку, боевое мастерство и присутствие в своих действиях инициативы… Когда десантники собрались в последний раз в транзитном лагере, бригадир Хилл обратился к ним со следующими словами: «Господа, несмотря на то, что вы получили превосходную подготовку и прошли детальный инструктаж, не падайте духом, если начнется неразбериха, поскольку она определенно начнется.»

Задачи, поставленные перед 1-м Батальоном

A – Захват участка высадки V, обеспечение его безопасности занятием деревни Варавиль

B – Разрушение моста в районе деревни Варавиль

C – Разрушение моста в районе деревни Робом

D – Прикрытие флангов 9-го Бталаьона во время его штурма батареи Марквиль

E – После решения задач А – Б – захватить и удержать перекресток дорог в районе фермы Мениль

Те, кто пережил высадку в Нормандии, позднее отметят, насколько пророческими были слова Хилла.

Поздним вечером 5 июня солдаты 1-го Батальона начали переброску на аэродромы. Рота *C* расселась по самолетам на аэродроме Харвелл. Это были переоборудованные бомбардировщики *Элбемарл/Albemarle* 38-й Группы Королевских ВВС. Остальная часть батальона была переброшена на грузовиках на аэродром Даун Эмпи, где их ждали транспортные самолеты *C-47 Дакота/C-47 Dacota*. На аэродроме Даун Эмпи десантников ждал капеллан Джордж Хэррис (George Harris), дальнейшее один из военных корреспондентов описал так: «Его лицо было вымазано камуфляжной краской, он был одет в зеленый десантный комбинезон, у ног его лежала каска. Канадцы опустились на одно колено и в свете заходящего солнца помолились и спели псалом. Получив благословление, они встали, застегнули ремни и выстроились в очереди для посадки в самолеты.»

Десантникам приходилось подталкивать своих товарищей снизу, чтобы помочь им забраться в самолет с парашютом и полной боевой выкладкой. Сержант Дэн Хартиган (Dan Hartigan) докладывал, что каждый нес на себе два фунта пластиковой взрывчатки, противотанковую гранату *No. 74*, несколько гранат *Миллза*. В штурмовых ротах каждый второй нес четыре магазина к пулемету *Брен* или два минометных снаряда и дымовые гранаты для установки завесы. Многие канадцы затолкали дополнительное снаряжение в так называемые *ножные сумки/leg bags. И*м предстояло выпрыгивать из самолетов с этими сумками, чтобы потом отстегнуть их непосредственно перед приземлением. Пулеметы *Виккерс/Vickers*, радиостанции и трехдюймовые минометы были запакованы в специальные контейнеры, которые будут сброшены одновременно с десантниками. Вместе с канадцами в одну из *Дакот* влезла батальонная собака канадцев по кличке Джонни Кунук (Jonny Canuck) – помесь альсатина и овчарки. Вместе с ней в путь отправлялся «хозяин» -

сержант Питер Ковалски (Peter Kowalski). Канадцы рассчитывали, что эта специально обученная собака будет подавать им сигналы-предупреждения о приближении танков противника…

Десантники 1-го Батальона в ожидании отправки на аэродром 5 июня 1944 года

Четырнадцать самолетов *Элбемарл* с солдатами Роты *C* и следопытами на борту поднялись в воздух с аэродрома Харвелл в 23.08 5 июня. 36 самолетов *Дакота* с остальными солдатами и офицерами 1-го Батальона на борту стартовали с аэродрома Даун Эмпи примерно в 23.20. Все эти самолеты взяли курс на участок высадки десанта *V*, расположенный в окрестностях деревни Варавиль. В одной из *Дакот* находился сержант **Хэрри Рид (Harry Reid)**. Позднее он вспоминал: «Я был погружен в свои мысли, большей частью думал о том, что ждет нас этой ночью. Было трудно поверить в то, что мы уже на пути к месту боя… Я думал о том, сколько из нас не вернутся назад и о том, как поведу себя под огнем.»

Неразбериха, появление которой предсказал бригадир Хилл, не заставила себя ждать. «Когда мы пролетели над пляжем, разверзся ад, - вспоминал капрал **Нил (G. H. Neal)** из Роты *A*. – Я стоял у двери, когда рядом пронеслась огненная трасса. Вокруг взрывались снаряды зениток, они были потяжелее, и самолет встряхивало после каждого взрыва.»

Джон Росс (John Ross) из Роты *C* прыгал из *Элбемарла*: «Когда зажглась зеленая лампочка, первый парень выбросил из самолета велосипед или какое-то другое снаряжение на парашюте, затем свел вместе колени, и вот его уже не было. За ним быстро последовали еще девять человек.» Группа Росса приземлилась с большой точностью. «Думаю, наш самолет был одним из всего лишь четверых, сбросивших нас точно на [запланированный] участок высадки. Большинство других самолетов разбросало по всей Нормандии. Лично я приземлился почти точно там, где предполагалось.»

Интенсивный огонь немецких зениток вынудил летчиков многих транспортных машин прибегнуть к резкому маневрированию. Это еще больше затруднило работу штурманов по идентификации участка высадки, не говоря уже о том, что десантников от этого швыряло во все стороны внутри самолетов. **Билл Ловатт (Bill Lovatt)**, 19-летний рядовой, вспоминал: «Когда я подошел к двери, меня резко швырнуло к противоположному борту

самолета, туда, где парни уже лежали вперемешку друг с другом.» Однако Ловатту каким-то образом удалось выпрыгнуть из самолета. Рядовой Энтони Скалицки *(?-ВК)* (Anthony Skalicky) выпрыгивал уже из горящего и теряющего высоту самолета, и, хотя один из моторов загорелся и начал выбрасывать жирный черный дым, все находившиеся в нем десантники сумели выпрыгнуть из него, но случилось это далеко от планируемого участка высадки…

Чтобы избежать попаданий зенитных снарядов, некоторые пилоты добавили скорости. «Самолет летел слишком быстро, - вспоминал капитан **Джон Симпсон (John Simpson)**, - Когда я вывалился из него, воздушная волна от пропеллера сорвала с меня все мое снаряжение… Все, что на мне осталось, это одежда и револьвер калибра .45 с кое-каким запасом патронов.» И в самом дела, более 70% средств связи, оружия огневой поддержки и тюков со снаряжением так и не были найдены. Многие десантники потеряли свои ножные сумки, сорванные во время прыжка…

Рядовой Джэн де Вриз (Jan de Vries) приземлился далеко от намеченного участка высадки: «Мне было важно знать, где, черт возьми, я нахожусь, - вспоминал он позднее. – Я всю ночь плутал, чтобы найти путь к месту встречи на побережье, по дороге укрываясь от вражеских патрулей.»

Несколько самолетов сбросили десантников на болота или залитые паводковыми водами низины. «Из самолета все это выглядело как луга, но приземлился я на воду, - вспоминал рядовой **Даг Моррисон (Doug Morrison)**. – Немцы заблаговременно затопили эту местность, и ее затянуло зеленой тиной, так что теперь с воздуха в ночное время, эти места напоминали лужайки.» Командир батальона тоже приземлился на воду. «Меня самого сбросили в паре миль от участка высадки на болото неподалеку от реки Див, - писал подполковник **Брэдбрук (Bradbrook)**, - и я добрался до места сбора с опозданием часа на полтора, совершенно мокрый.»

Высадка стала, фактически, катастрофой. Канадцы потеряли половину офицеров батальона погибшими и пропавшими без вести, в том числе, попавшими в плен (всего сразу после высадки в плену оказалось 82 канадца). Очевидно, что немцы активно патрулировали участки высадки десанта. Канадец, рядовой **Энтони Скалицки**, вспоминал: «Мы вышли на дорогу и неожиданно оказались в окружении немецких солдат на велосипедах. Нас обыскали, связали и увели.»

Канадские десантники в плену…

Другим удалось избежать плена. Вспоминает рядовой **Моррис Закалюк *(?-ВК)* (Morris Zakaluk)**: «Я столкнулся лицом к лицу с немецким патрулем. Насчитал шесть человек, идущих цепочкой с интервалом в три шага. Они шли с полной боевой выкладкой, были вооружены винтовками, автоматами, гранатами, один из них нес рацию… Когда я прицелился в идущего впереди, … он повернули влево и пошли вдоль живой изгороди, а когда нашли проход в ней, исчезли… Еще через минуту появились еще три человека. У них был [пулеметы] MG42 – они несли их у бедра, держа наготове. Открой я огонь по той первой группе из шести человек, я стал бы мертвой уткой…»

Судьба операции *Neptune* теперь зависела от тех, кто еще мог выполнять приказы. Однако годы, потраченные на боевую подготовку десантников, сразу же дали о себе знать. Поодиночке и небольшими группами, солдаты и офицеры 1-го Батальона начали двигаться к местам сбора, движимые чувством долга. В итоге, около трети десантников пришли к местам сбора… Командир батальона **Брэдбрук** рассказывал позднее: «Нас в тот момент не беспокоил противник [во время и сразу же после приземления]. Я полагаю, он [противник] был в таком же замешательстве, как и мы… Самым трудным оказались не сами бои, хотя временами нам приходилось достаточно тяжело, самым трудно было установить порядок [и прийти в себя] после приземления.»

Майору Маррею Маклауду было необходимо собрать более 100 человек из состава своей Роты *C* на участке высадки *V*, чтобы атаковать деревню Варавиль. Вместо этого в 00.30 6 июня он пошел в атаку с 15 канадцами, оказавшимися у него под рукой. Маклауд больше не мог медлить: высадка основного десанта могла произойти в любое время, и расположенные в деревне немецкие огневые позиции несли угрозу для большого участка местности. Их нужно было уничтожить.

Подобрав еще пятерых десантников по пути Маклауд разместил половину своих солдат так, чтобы они могли прикрыть огнем остальных, вместе с которыми майор намеревался для начала захватить заброшенный сторожевой дом на въезде в усадьбу. Из сторожки майор получше разглядел оборонительные позиции немцев: окопы, бункеры, огневые точки и 75-мм пушку во дворе усадьбы. Он насчитал не менее 100 немецких солдат на территории усадьбы… Немцы заметили канадцев, и без промедлений всадили снаряд 75-миллиметровки в крышу сторожевого дома. Канадцы ответили выстрелом из противотанкового гранатомета *ПИАТ/PIAT*, но в пушку не попали. Следующий немецкий пушечный выстрел немцев оказался более точным – разрыв снаряда убил троих десантников, сам Маклауд был смертельно ранен. Его заместитель капитан Джон Хэнсон (John P. Hanson) принял команду над оставшимися в строю десантниками на себя и расставил людей для отражения ожидаемой атаки противника. К рассвету еще 15 десантников присоединились к ним, принеся с собой двухдюймовый миномет и пулеметы *Брен*. По воспоминаниям оказавшегося в месте событий британского офицера-десантника, бой был ожесточенным, и среди криков на английском и немецком были слышны крики и на русском: видимо, среди оборонявшихся были и бывшие советские солдаты.

Рядовой **Эско Макела (Esko Makela)** из Роты *B* выбрался к месту боя еще до наступления темноты. Он получил приказ занять со своим *Броном* позицию в сторожке и вести огонь по расчету противотанковой пушки немцев. Наступил рассвет, и позиции немцев можно было разглядеть получше. Вспоминает Макела: «Мне дали снайперскую винтовку, и я продырявил немало голов.» Прошедшие хорошую стрелковую подготовку канадцы нанесли немцам ощутимые потери, и к 10 утра противник ослабил давление. В итоге, около 43 (по другим сведениям – до 80) солдат противника в 10.30 утра подняли белый флаг, и основная цель 1-го Батальона для первого дня высадки была, таким образом, достигнута. Канадцы были удивлены большим количеством сдавшихся в плен. «По два вражеских солдата за каждых двух канадских парашютистов, дравшихся в Варавилле,» - вспоминал **Дэн Хартиган**. «Немцы были взбешены, когда увидели, что сдались небольшому отряду легковооруженных парашютистов,» - вспоминал связист - капрал **Джон Росс (John Ross)**.

Монтаж из двух фотографий, сделанных младшим капралом Джоном Россом напротив дома-сторожки в Варавилле. Слева – немцы идут сдаваться, справа – немцы, разоружаются

На участке высадки *V* лейтенант Джон Клэнси (John A. Clancy), командир взвода из Роты *A* сумел собрать к 6 часам утра всего 21 солдата. Он не мог больше оставаться в ожидании и двинул своих людей в направлении батареи Мервиль. Однако к тому времени 150 солдат из 9-го Батальона уже провели успешный штурм этой батареи, хотя и понесли тяжелые потери. Солдаты лейтенанта Клэнси добрались до этого укрепленного пункта и помогли своим британским товарищам эвакуировать раненых к участку сбора. Затем канадцы отправились к месту сбора своего батальона – ферме Мениль у важного перекрестка дорог.

Джон Кемп (John Kemp), сержант из Роты *B,* едва не попал в русло реки Див во время приземления. Встретив нескольких товарищей, он направился с ними к деревне Робом. «Собрались мы довольно быстро, - вспоминал канадец, - и по пути услышали велосипедный звонок. У нас в батальоне были франко-канадцы, так что мы сумели подозвать велосипедиста, который оказался девушкой. У нее мы узнали, где находится мост близ Робома. Так получилось, что она вывела нас к этому мосту.» В Робоме собралось около 30 канадцев под командой майора Клэйтона Фуллера. Они окопались и стали дожидаться появления британских саперов, которые, как планировалось, должны были взорвать мост. К 3 часам утра Фуллер решил больше не ждать их, собрал у десантников всю имевшуюся в наличии взрывчатку, и группа солдат под началом лейтенанта Нормана Тоуслэнда (Norman Toseland) подорвала мост, так и не сумев его разрушить. Прибывшие вскоре на место британские саперы-десантники довели дело до конца.

Уже полностью рассвело, и майор Фуллер разглядел большое число вражеских солдат, блокирующих ему и его солдатам путь к месту сбора батальона у фермы Мениль. Майор не стал рисковать и решил дождаться темноты, чтобы тронуться в путь. Подбирая по дороге рассеянных по местности десантников из 6-й Дивизии, Рота *B* к 3.30 утра 8 июня вышла к месту сбора. В месте сбора оказалось большое количество пулеметчиков, минометчиков и связистов Штабной Роты, оружие и снаряжение которых было потеряно или повреждено при десантировании. Теперь им предстояло идти в бой в качестве обычных стрелков. Под руководством офицеров солдаты начали занимать оборонительные позиции. По счастью местность вокруг усадьбы Мениль благоприятствовала оборонительным усилиям. Живые изгороди сильно ограничивали мобильность атакующих, одновременно с этим предоставляя обороняющимся возможность создавать хорошо замаскированные укрытия и огневые точки. Небольшая группа решительных и стойких бойцов могла отразить здесь масштабные атаки противника при наличии должного уровня командования и регулярного подвоза боеприпасов.

7 июня началась атака немцев, которую ждали. После того, как небольшие группы пехоты прощупали линию обороны канадцев, на обороняющихся обрушился огонь артиллерии и минометов. «Нас обстреливали 12 часов подряд, - вспоминал рядовой Мервин Джоунс (Mervin Jones). – Никто не пострадал, но, без вопросов, это сильно действовало на нервы.» Однако, кроме артогня, канадцы оказались под огнем снайперов, которые нанесли десантникам ощутимые потери. **Джон Кемп** вспоминал: «Я был пятым по счету в ряду тех, кто стал главным сержантом, - рассказывал он о том, как немцы охотились на людей с сержантскими нашивками. – Дошло до того, что мы перестали носить нашивки вообще.»

Канадцы поддерживали мобильность в обороне. В темное время суток они использовали полученные во время обучения навыки, просачиваясь за передовую линию противника и собирая о нем информацию. В дневное время они были под постоянным артобстрелом и огнем снайперов, время от времени их позиции прощупывала разведка противника. Пищевых рационов было недостаточно для нормального питания, было мало питьевой воды. В условиях необычно теплой погоды тела убитых быстро разлагались, и трупный смрад стал еще одной проблемой. «Многие парни были на грани изнеможения, в самом деле, - вспоминал лейтенант **Джон Мэдден (John Madden)**. – Я помню, как мне приходилось трясти часовых, чтобы добудиться до них, сам не знаю, сколько раз это было.»

Канадцы держались, не давая противнику прорваться в районе фермы Мениль. Однако немцы нашли слабое место в обороне союзников дальше к северу, в районе городка Бревиль-Ле-Мон. 10 июня они захватили этот городок, прорвав оборону 6-й Воздушно-десантной Дивизии на гряде Бавен. Понимая, какую угрозу это несет, генерал-майор Гэйл бросил в бой подкрепления, стремясь вернуть Бревиль-Ле-Мон. Два дня британская пехота, поддерживаемая танками, безуспешно пыталась ликвидировать этот опасный просвет в обороне. Ситуация еще более ухудшилась, когда немцы начали массированную контратаку со своих позиций в районе Бревиль-Ле-Мона после полудня 12 июня. Под ударами пехоты и бронетехники люди Гэйла дрогнули, и их оборона рухнула. Бригадир Хилл, наблюдая за развивающимся кризисом, бросил в бой канадцев, стремясь восстановить положение. «Давайте-ка, парни, тут беспокоиться не о чем,» - сказал невозмутимый Хилл, лично поведя в бой 40 десантников.

К ночи 6-я Дивизия отбила Бревиль-Ле-Мон у врага. Небольшой отряд канадских десантников принял в этом участие, нередко вступая в рукопашный бой. Эта локальная победа дорого обошлась канадцам: всего 20 человек – половина из тех, кто пошел в бой за бригадиром Хиллом – вернулась с ним в тот вечер в Мениль.

Канадцы оставались на своих позициях до 17 июня, после чего их отвели на отдых. Через восемь дней они вернулись к ферме Мениль, где шли почти непрерывные бои. Артобстрелы, огонь снайперов, мины-ловушки продолжали наносить канадцам потери, и, когда в июле на позиции пришла смена, батальон был далек от штатной численности, а люди были крайне утомлены. 4 сентября 1-й Батальон был возвращен в Англию для отдыха и получения пополнения и дополнительной боевой подготовки.

Канадец из 1-го Батальона пожимает руку советскому офицеру. 4 мая 1945 года. Висмар, Германия

Сами канадцы позднее отмечали, что удержаться им помогла отличная боевая и, главным образом, физическая подготовка. Бригадир Хилл подчеркивал: «Хорошая физическая подготовка в бою спасает жизни и дает людям возможность пережить ранения. Молодые парашютисты теперь поняли, какие преимущества им дает предъявляющий высокие требования тренировочный курс.» Вот, что сказал по этому поводу сержант **Федюк *(?-ВК)* (Feduk)**: «Подготовка, которую ты получаешь, люди, с которыми ты проходишь обучение, люди, которые обучают тебя, - ты можешь все это ненавидеть, но благодаря этому ты теперь здесь и все еще живой.»

Ален Мурхед *об увиденном в Нормандии*

... Еще не закончился 1940 год, когда французы поняли, что есть вещи похуже, чем война... Сначала это было восстание не против немцев, а против самой идеи поражения, против самих себя образца 1940 года... К 1944 году это превратилось в национальное возрождение, возрождение гордости...

... [Французы] ненавидели немцев не потому, что голодали. Это было другое – обыкновенное чувство гордости... Простое присутствие немцев в роли баронов подействовало на людей удивительным образом. Дело было не в том, что немцы вели себя плохо. Все заключалось в том, что, что они обладали властью вести себя так, как заблагорассудится... Любовь французов к партизанам-маки, тем, кто остался верен своему долгу, была столь же сильна, сколь сильна их ненависть к коллаборационистам. Их было мало, но ими восхищались все, и все были готовы спрятать их или помочь им. Пока маки существовали и были готовы к смерти и пыткам, каждый француз мог сказать: «Франция не умерла. Она – все еще страна героев». Естественно, что, когда коллаборационист выдавал маки гестаповцам, его ненавидели с такой страстью, что пришедшие солдаты союзных войск не могли этого понять. Янки и *томми* с отвращением смотрели на то, как французских подружек немецких солдат выволакивали на сельские площади и брили им головы, и часто пытались помешать этому. Все это достигло еще большего накала, когда мы дошли до Парижа и Брюсселя...

В том, как французы встречали союзников, особенно британцев, я подметил некоторую тенденцию. Они побаивались, что мы будем держать на них обиду за то, что их страна рухнула в 1940 году, и того, что наше поведение будет напоминать то, как вели себя немцы в Италии после ее капитуляции. Фактически, ничего этого не было, и, какие бы чувства не обуревали солдат, я не слышал, чтобы кто-нибудь из них в резкой форме в чем-то обвинил французов за все время нашего марша по Франции...

В то же время во внутренних районах страны движение маки развернулось со всей силой. В разные моменты времени они перерез**а**ли все железнодорожные пути, ведущие в Париж. Вражеские дивизии были вынуждены перемещаться словно по вражеской территории с рекогносцировочными патрулями на обоих флангах. На юге шли бои с участием десятков тысяч человек. По всей стране взлетали на воздух немецкие склады боеприпасов, взрывались мосты, перерезались телеграфные линии, подвергались нападениям немецкие конвои. Немцы потеряли возможность спокойно проезжать через лесные массивы без охраны... Через несколько недель маки контролировали территорию в 3-4 раза большую, чем мы на наших плацдармах в Нормандии...

Под Каном и Шербуром

Пленные были необычными. В небольшой деревне Бриквебек у меня появилась возможность познакомиться с ними поближе. Несколько деревянных сараев были огорожены колючей проволокой, и в них было пять отдельных помещений. Немецкие

офицеры. Немецкие унтера. Немецкие солдаты. Смесь русских, поляков и чехов. Потом неопределенная толпа рабочих организации *ТОДТ* в гражданской одежде, в основном, испанцы и итальянцы. Снаружи - толпа французов, рассматривающих все это сквозь колючую проволоку...

Немецкие офицеры и унтера сидели небольшими неподвижными группами. Они молча смотрели поверх голов охранников и других пленных и даже не разговаривали друг с другом. Все, что они хотели дать понять, было абсолютно очевидно: достоинство, гордость, презрение, безразличие. Сила даже после поражения... Немецкие солдаты спали, у них не было никакой позы – они просто отдыхали...

Русские и поляки стояли, как скотина. Бессловесные, медленные и тяжеловесные. Один из них запел жалобную песню. Остальные просто стояли и ждали. Им дали галеты и мясо, и они не выразили никаких эмоций, кроме желания добраться до еды. Если бы их повели расстреливать одного за другим, они бы, вероятно, не выразили удивления. Ситуация была за пределами их понимания. Затем были итальянцы. Они шумели у проволоки, с десяток из них говорили одновременно: «Вы говорите по-итальянски? Слава Богу!.. Объясните американским солдатам, что мы не воевали. Мы были пленными у немцев. Нас заставили работать. У нас ничего общего с немцами. Мы хотим воевать против них. Мы хотим свободы и желаем вернуться домой... Не найдется ли у Вас сигарет, шоколада?» Снаружи французы брили головы двум деревенским девушкам, которые спали с немцами. В сумерках эти люди подошли к воротам и стали глумиться над немцами и плевать в них... Американский солдат – часовой у ворот - возвышался над толпой на целую голову. В конце концов он сказал, размахивая винтовкой: «Валите отсюда к черту».

Так выглядела со стороны эта сцена с пленными. Десяток разных национальностей. Все реагируют по-разному, стремятся к чему-то разному, говорят на разных языках. Всего лишь час-другой назад они сражались с самоубийственной ожесточенностью. Доты держались еще долгое время после того, как поражение стало очевидным. Русские стреляли до последнего момента, прежде чем поднять руки вверх. Теперь, за колючей проволокой, наблюдалось полное разложение, и ненависть к немцам была очевидной. Когда привели еще одну группу пленных, немецкий офицер нагнулся, чтобы поднять упавшую сигарету. Какой-то поляк выбежал и втоптал окурок в грязь. Затем он повернулся к немцу и захохотал ему в лицо.

Я нашел американца, который говорил по-польски, и мы начали беседовать с пленными, в основном, с одним, который выглядел интеллигентнее других. «Почему я воевал за немцев? Хотите взглянуть на мою спину? Она вся в шрамах от шеи до задницы. Они били меня палашом. Ты подчиняешься приказам, или тебя не кормят. Да, я стрелял из окопа. Там был немецкий унтер, который стоял за моей спиной с револьвером. Просто стрелять было недостаточно. Надо было стрелять вперед. Не сделаешь этого, получишь пулю в спину. Если не верите мне, спросите других. Люблю ли я немцев? Да я бы повырывал у них кишки»...

... 28 июня командир татарского батальона *Волга* сообщил в немецкий штаб, что в него стреляли свои же, и что около ста из них дезертировали. Батальон отвели в тыл... История начала вырисовываться: плотник из Туркестана, служащий из Львова, механик из Барселоны. Это были дети оккупированной Европы, и внезапно стало ясно, что называть их «противником» было бы смехотворным преувеличением... Это не была армия наемников, в эту армию людей сгоняли насильно. Эти солдаты сражались не за деньги, а из страха перед тем, что с ними сделают, если они не будут сражаться...

Немцы были баронами, новыми феодалами. Темному деревенскому парню устраивали представление. Ему говорили: «Наступила новая эра. Это эра нового бога – Адольфа Гитлера. Мы дадим новую униформу и оружие тому, кто пойдет за нами». Этого было достаточно, чтобы задурить голову деревенщине. Вместо того, чтобы каждый вечер доить

корову, он теперь мог маршировать вслед за оркестром. У него новая винтовка. Он занимается спортом и участвует в соревнованиях, встает с рассветом и делает зарядку. Вдоволь еды. Торжественные и поднимающие дух парады. Парень теперь – среди товарищей, в героической роте, в крестовом походе против большевизма. И он идет на фронт. Довольно много латышей, хорватов и белорусов было мобилизовано подобным образом. Все – добровольцы. Германия шла к победе, и они маршировали вместе с ней. Затем немцам понадобилось больше людей... Не стало добровольцев, и в ход пошли угрозы... Оставалось либо идти к немцам, либо бежать и прятаться. Для последнего нужна была смелость. В деревнях становилось голодно. С неохотой люди шли в рабочие команды и армейские части. Но и этого было недостаточно... Теперь их брали силой. Людям давали билет и приказывали явиться для прохождения службы. Выбора не было. По всей Европе людей засасывала в себя эта машина. И, в конце концов, перед вами смехотворная аномалия – русский крестьянин, которого затолкали в ДОТ и приказали стрелять в американца в Нормандии...

Билл Клоуз *рассказывает об одном из эпизодов сражения за Кан*

Батальон теперь шел более или менее в линию по довольно открытой местности с очень малым количеством укрытий, вся территория представляла собой массу колышущейся золотистой пшеницы, которая была так высока, что бронетранспортеры взвода Дэвида Стайлмэна были едва видны, только сам командир возвышался над ней. Мы медленно поднимались по склону к нашим целям — деревням на гряде, время от времени останавливаясь, чтобы осмотреться, глядя в бинокли. По-прежнему никаких признаков врага. Когда мы были примерно в 500 ярдах от двух деревень, разверзся настоящий ад, и мы попали под интенсивный огонь со всех сторон: из Бра и Юбер-Фоли, даже из-за железнодорожной насыпи и из Бургебю. Немедленно танки во всех трех эскадронах были подбиты, они горели, танкисты вываливались наружу, и вокруг них пылала пшеница. В считанные мгновения мирно выглядящая местность превратилась в то, что могло бы быть представлением художника о поле битвы. Только это не было представлением художника — это было наяву. Экипажи горящих танков выбирались и в агонии катались по земле. Танкисты уносили своих более тяжело раненных товарищей подальше от пылающих машин. Полугусеничные машины и бронетранспортеры Стрелковой Бригады подъезжали к танкам и помогали вытаскивать танкистов там, где это было хоть как-то возможно. Бах! Крах! Мой собственный танк был подбит, и снизу донесся громоподобный крик: «Выбирайтесь из машины, сэр!» Меня не нужно было просить дважды, и мой экипаж присоединился ко мне. Никто не пострадал, и танк не загорелся, поэтому я махнул им рукой возвращаться к району насыпи, где командир полка развернул свой штаб. Я бросился к одному из своих штабных танков и был весьма расстроен, обнаружив, что он также подбит, а экипаж уже покинул его. Танк капрала моего взвода был всё еще в строю, поэтому, выставив его командира, я продолжил командование тем, что осталось от моего эскадрона, с этого танка. Эскадроны *B* и *C* также сильно пострадали, потеряв более половины своих танков. Теперь не было сомнений, что деревни на холме прочно удерживаются противником!

По-прежнему было важно попытаться войти в деревни, и я получил приказ отдельным танкам найти любое возможное укрытие и вести огонь по их передним окраинам. Мой верный передовой наблюдатель был всё еще рядом со мной, поэтому я подозвал его и велел как можно быстрее навести артиллерию на обе деревни. Вместе с двумя танками Бака Кайта мне удалось найти небольшое понижение в земле с несколькими деревцами и кустарником, что давало хотя бы визуальное укрытие. Нам удалось занять позиции, когда над землей были видны только башни, и мы принялись обстреливать вражеские противотанковые пушки в обеих деревнях. Мы также видели, что на хребте было несколько вражеских танков, вероятно *Пантеры*. Я приказал Баку Кайту обойти Бра справа, взяв с собой свой *Шерман* с семнадцатифунтовой пушкой— один из немногих, еще остававшихся в строю. Маневр удался, и он сумел уничтожить две *Пантеры*, пытавшиеся обойти нас с фланга с запада. Мой собственный наводчик Тодд (Todd) также добился успеха и сумел уничтожить пару противотанковых пушек на обращенной в нашу сторону окраине деревни

Бра. Я всё еще был озабочен тем, как выбраться на гряду, и велел Джонни Лэнгдону попытаться продвинуться между двумя деревнями. Ему удалось это сделать, и он достиг соединяющей их дороги, но оба его танка были подбиты. Джонни и его экипаж покинули танк невредимыми, и он смог занять танк капрала своего взвода Киллина (Killin).

Эскадроны *B* и *C* также вели тяжелый бой, пытаясь продвинуться вперед, но постоянно теряли танки. Было слишком очевидно, что мы не сможем наступать без дальнейших потерь. Поняв это, командир полка приказал нам отойти на более закрытые позиции, продолжая обстреливать все видимые цели. У нас также заканчивались боеприпасы и бензин. Паре грузовиков снабжения удалось прорваться вперед, и танки смогли по одному отходить назад для заправки и пополнения боезапаса.

Штаб полка внизу у насыпи подвергался довольно сильному артиллерийскому обстрелу, и только когда один из сержантов Стрелковой Бригады, идя вдоль насыпи, обнаружил немецкого наблюдателя, хорошо зарывшегося в склон железной дороги (с которым он быстро расправился), стало чуть тише. Остаток дня мы провели на этих довольно невыгодных позициях, не имея возможности продвинуться вперед. Прямо перед наступлением темноты четыре танка *Пантера* начали наступление через хребет на наши позиции. Две были быстро уничтожены, что заставило остальные две отступить обратно к Бургебю. Так закончился этот довольно изматывающий и разочаровывающий день: мы были так близко и всё же так далеко от наших целей. Мы встали лагерем у карьера рядом с насыпью. Ночью был небольшой артобстрел, и один или два вражеских бомбардировщика пролетали над районом. Это сделало эти несколько часов беспокойными, с малым шансом на сон. В течение ночи подошли сменные танки и экипажи; большинство танкистов покинули свои машины в этот первый день. Я был рад, что Джонни Лэнгдон всё еще со мной, так как большинство других моих офицеров выбыли в течение дня. Танк Бернарда Хэммилла (Bernard Hamill), моего заместителя, также был подбит ранее в этот день, и сам он был тяжело ранен. Однако с дополнительными сменными танками и экипажами батальон смог реорганизоваться в три эскадрона по десять танков в каждом. Танк командира Эскадрона *B* Джок Балхарри также был подбит, сам он был легко ранен, но присоединился к нам позже. Мне всё же повезло: два моих опытных сержанта взводов, Бак Кайт и Фредди Дейл, были живы и здоровы, хотя не думаю, что кто-то из нас ждал следующего дня с большим энтузиазмом. Гряда Бургебю с ее прочно удерживаемыми деревнями отпугивала наши поредевшие силы.

После довольно беспокойной ночи, когда почти не было возможности прилечь, я подошел к танку полковника Дэвида Силвертопа около 04.30 утра, как раз перед рассветом, чтобы получить приказы на день. В них мало что изменилось: наши цели остались прежними — Юбер-Фоли и Бра на гряде. Некоторым утешением послужила информация о том, что по крайней мере два полка артиллерии среднего калибра сумели выдвинуться вперед и могут быть доступны для поддержки наших атак. Также наша пехотная бригада теперь могла выдвинуться вперед после своих довольно неудачных попыток подавить сопротивление противника в оставшихся позади деревнях Кювервиль и Демовиль.

Когда мы выступили из лагеря, мои приказы командирам танков были краткими, но по существу: «Мы должны пробиться в деревни на гряде». «Постарайтесь не ввязываться [в затяжной бой]», — иронично добавил командир полка. Когда мы двинулись к Бра, я увидел, что между деревнями и к западу от Бра появилось еще больше вражеских танков на отличных позициях *башня над землей*. Я снова взял три танка Бака Кайта с собой на правый фланг и попытался обойти западную окраину деревни. Мы подошли примерно на 400 ярдов к первым домам, когда нас снова накрыл шквальный противотанковый огонь — из деревни, от *Пантер*, а также из деревни Иф на западе. Сразу два танка Бака были подбиты, и я видел, что несколько других танков из эскадронов *B* и *C* также получили попадания и горели.

Я также поручил взводу Джонни Лэнгдона попытаться прорваться между двумя деревнями. Он снова доблестно повел свои танки через дорогу, соединяющую деревни, уничтожив по пути две *Пантеры*, прежде чем снова потерял два своих танка, включая собственный. Я видел, как несколько человек из его экипажа пробирались назад через пшеницу, неся на

себе своих более тяжело раненных товарищей. Я приказал отойти под какое-нибудь прикрытие и, вызвав своего артиллерийского наблюдателя, велел ему как можно скорее навести артиллерию на обе деревни. Эскадроны *B* и *C* также были в трудном положении и отходили к линии железнодорожной насыпи, которая давала некоторую защиту. Мне удалось пристроиться вместе с семнадцатифунтовым *Шерманом* Бака Кайта в ложбине примерно в 500 ярдах от северной окраины Бра, откуда мы смогли вести бой с *Пантерами*, пытавшимися обойти нас с фланга. Две *Пантеры* были быстро уничтожены семнадцатифунтовкой Бака. Мой наводчик также проделал отличную работу, записав на наш счет две самоходки, которые обстреливали нас с западной окраины Бра.

Мы снова были полностью прижаты к земле чрезвычайно точным противотанковым огнем со всех направлений. Было очевидно, что обе деревни прочно удерживаются, а присутствие новых танков на хребте делало наше положение безнадежным. Я доложил об этом полковнику Дэвиду, который приказал нам сидеть тихо и стараться сдерживать вражеские танки. Тем временем он попытается вызвать авиаудар Королевских ВВС по гряде. Мы знали, что где-то над нами дежурит группа истребителей-бомбардировщиков *Тайфун/Typhoon*, но, мы потеряли нашего офицера связи с ВВС в начале боя, и они оказались не столь эффективны, как мы надеялись.

Я вызвал своего артиллерийского наблюдателя и велел ему как можно скорее накрыть обе деревни артогнем. Ему удалось это сделать, и стало немного тише. Вскоре после этого несколько штурмовиков спикировали и атаковали *Пантеры* прямо перед нами, уничтожив две, после чего остальные отошли за гряду. Мы оставались на этих довольно бесперспективных позициях, так как при любой попытке двинуться вперед мы теряли очередной танк. У меня осталось всего пять танков, включая мой собственный; эскадроны *B* и *C* были примерно в таком же состоянии. День тянулся медленно. В танке было невыносимо жарко, и я немного беспокоился, что у нас заканчиваются и боеприпасы, и горючее.

Около 15.00 меня вызвали назад в штаб полка для получения новых приказов. Когда я двигался назад к насыпи, несколько самолетов пронеслись вдоль линии железной дороги. Это были первые [немецкие самолеты], которые мы увидели. Они на несколько мгновений сделали жизнь очень неуютной, прежде чем улететь на юг. На совещании у полковника нам сказали, что будет предпринята согласованная атака на Бра и Юбер-Фоли. В 16.00 Нортгемптонширский Йоменский Полк и наш разведывательный полк должны был атаковать Бра вместе с ротами *H* и *F* 8-го Батальона Стрелковой Бригады, при этом 3-й КТП должен был оказать посильную помощь. Была обещана мощная артиллерийская поддержка с постановкой дымовых завес на флангах.

Мне следовало связаться с командиром Нортгемптонширского Полка и сообщить ему данные об опорных пунктах противника, в частности о немецких 88-миллиметровах на западе. Когда они проходили через наши позиции, я подбежал к танку их командира и сказал: «Ради бога, не забирайте слишком далеко на запад, иначе попадете под огонь 88-х из Ифа!». Я указал, где еще дымятся несколько моих сгоревших танков, и предположил, что он прислушается к моему предупреждению. Однако, по непонятной причине, его танки двинулись на запад, пытаясь обойти деревню с фланга. Считанные мгновения — и около двадцати танков полка были подбиты, большинство из них загорелись. Остальные в некотором замешательстве отошли через мои позиции. Внизу у насыпи полковник Силвертоп видел всё это и отдал приказ, чтобы теперь атаку поддержал 3-й КТП. Артиллерия накрыла деревни, на обоих флангах были поставлены дымовые завесы, обеспечившие отличное прикрытие, и мы смогли наступать более или менее в одну линию с ротами Стрелковой Бригады. Когда я выдвигался из своего укрытия, танк со страшным грохотом содрогнулся и, лязгнув, замер. Я покинул машину вместе с радистом и наводчиком (все остались целы) и осмотрел танк. 88-мм снаряд прошел насквозь через переднюю часть танка, убив водителя и его помощника на месте. Я велел двум уцелевшим танкистам пробираться назад к насыпи, а сам бросился к ближайшему танку под командованием сержанта Фредди Дейла. Он весьма неохотно вылез, и я принял командование его танком. Наконец-то мы смогли двигаться нормально и оказывать хорошую огневую поддержку пехоте, входившей в деревню. Из района Ифа на западе всё

еще вели сильный огонь 88-миллиметровки, поэтому я отвел три своих оставшихся танка к западной окраине деревни, чтобы предотвратить любой прорыв противника с этого направления.

Мы отлично постреляли по убегающим немцам, а также уничтожили еще две *Пантеры*, которые пытались войти в деревню с запада. Эскадроны *B* и *C*, также поредевшие и имевшие по два-три танка каждый, вошли в деревню одновременно с нами. Мы крушили стены домов, из которых выходили перепуганные немцы с поднятыми руками. Противотанковые пушки уничтожались прямой наводкой, и примерно через час деревня была зачищена. Около 300 панцергренадеров были убиты, ранены или взяты в плен во время атаки, было уничтожено более двадцати противотанковых пушек различных калибров. Позже в истории дивизии было сказано, что это была образцовая совместная атака танков и пехоты…

СОЛДАТЫ РАССКАЗЫВАЮТ О СРАЖЕНИИ ЗА ЗАПАДНУЮ ШЕЛЬДУ - - СЕНТЯБРЬ-НОЯБРЬ 1944 ГОДА

30 августа, после успешной переправы через Сену, британская 11-я Танковая Дивизия получила приказ командующего 30-м Корпусом генерал-лейтенанта Брайана Хоррокса (Brian Horrocks) приступить к преследованию понесших тяжелые потери и дезорганизованных немецких войск, отступающих после восьми недель боев в Нормандии. 19 сентября 2-й Корпус при поддержке 4-й и 1-й танковых дивизий начал марш в направлении расположенного в 20 милях к северо-востоку от Антверпена города Берген-оп-Зом/Bergen Op Zoom, чтобы изолировать остров Южный Бевеланд и атаковать его с востока. Одновременно с этим британский 1-й Корпус начал марш справа от 2-го Корпуса и сомкнул фронт со 2-й Британской Армией.

Вспоминает канадец ***Гордон Эндри (Gordon Andry)***:«Мы продвигались к Антверпену … и вышли к фермерскому дому в тот момент, когда там шли похороны. Священник говорил по-английски, и мы спросили его, что происходит. Он сказал, что они хоронят 12-летнюю девочку. Оказывается, она увидела, что мы приближаемся, и сказала немцам: «Вам теперь должно быть страшно. Томми идут.» Так один из немцев застрелил ее…»

Калгарийские Горцы (полк Calgary Highlanders) проходят мимо подбитой немецкой самоходки. Остров Южный Бевеланд, октябрь 1944 года

Тем временем 4-я Канадская Пехотная Дивизия вела бои по зачистке Антверпена непосредственно к востоку от города, выбивая немцев с их позиций на северном берегу канала Альберт, откуда они непрерывно обстреливали порт. 22 сентября части дивизии захватили плацдарм на северном берегу в районе деревни Вайнегем. Следующий к востоку оборонительный рубеж немцев на берегу канала Антверпен-Тюрнхаут части 2-й Канадской и 49-й Британской пехотной дивизий преодолели 23 сентября, захватив плацдарм на его северо-западном берегу.

27 сентября пришли новые приказы из штаба 21-й Армейской Группы Монтгомери: высвободить находящиеся на левом фланге 2-й Британской Армии силы для марша на Рур. Канадцам для этого пришлось переместиться на 40 миль к востоку от Берген-оп-Зома, чтобы прикрыть оголившийся левый фланг британцев. У Симонса не осталось других вариантов, кроме переброски поляков и 4-й Танковой Дивизии в северо-восточном направлении, поскольку было очевидно, что Монтгомери по-прежнему не считает открытие порта Антверпен первым приоритетом.

Теперь равнодушие Монтгомери к операциям по зачистке района Антверпен-Шельда проистекало из провала операции *Market Garden* (17-26 сентября). Эта неудача вынудила его изъять ряд частей из 1-й Канадской и 2-й Британской армий, ведущих бои за Шельду, и перебросить их на восток для удержания образовавшегося в результате операции *Market-Garden* Неймегенского выступа. После этого перед 2-й Канадской Пехотной Дивизией, еще недавно находившейся в подчинении 1-го Британского Корпуса, была поставлена задача изоляции полуострова Южный Бевеланд.

К этому моменту солдаты и офицеры 1-й Канадской Армии не питали иллюзий относительно «неспособности и нежелания сражаться», якобы ставших типичными для противника. Хотя немцы испытывали нехватку оружия, техники и людей, бóльшая их часть демонстрировала упорство в обороне и решительность во внезапных контратаках. В журнале боевых действий 5-й Бригады 2-й Канадской Дивизии есть такая запись, касающаяся боевых действий в районе канала Альберт: «Впервые наши солдаты и офицеры столкнулись с противником, использующим в бою штыки.»

28 сентября 2-я Дивизия канадцев взяла город Сен-Леонард, расположенный в 15 милях к востоку от Антверпена. Через три дня дивизия заняла близлежащий город Брехт и удержала его, несмотря на интенсивный минометный огонь противника и несколько контратак. Польские танкисты и пехотинцы 49-й Дивизии получили приказ перейти в наступление в северо-восточном направлении, используя плацдарм на берегу канала Антверпен-Тюрнхаут. 49-я Дивизия при этом нацеливалась на город Мерксплас/Merxplas, а поляки должны были наступать на Тилбург/Tilburg вдоль железной дороги, соединяющей его с Тюрнхаутом. Немцы среагировали на эту угрозу, отложив планировавшийся ранее удар по Неймегенскому выступу и отправив боевую группу генерала Чиля в район города Барле-Наccay/Baarle-Nassau (примерно 30 миль к северо-востоку от Антверпена), чтобы остановить продвигающихся к Тилбургу поляков. Хотя решительная совместная атака людей генерала Чиля и частей 719-й Пехотной Дивизии 67-го Корпуса немцев не смогла отбросить поляков, последние понесли тяжелые потери.

4 октября Антверпен был, наконец, полностью очищен от немцев. Через пять дней британский 1-й Корпус остановился, чтобы отдохнуть, получить подкрепления и перегруппироваться. 2-я Канадская Дивизия вернулась в подчинение 2-го Корпуса, в то время как генерал Крокер получил в свое подчинение британские 7-ю Танковую и 51-ю Пехотную дивизии. За два дня до этого 4-я Пехотная Бригада 2-й Канадской Дивизии переместилась на рубеж, расположенный в трех милях от Вунсдрехта у восточного основания полуострова Южный Бевеланд.

Бои к северо-востоку от Антверпена – правый фланг союзников

Ранним утром теплого осеннего дня, 7 октября, 5-я Пехотная Бригада 2-й Дивизии прошла через позиции 4-й Бригады этой дивизии на пути к Вунсдрехту, намереваясь изолировать Южный Бевеланд.

Об одном из эпизодов боев за Вунсдрехт рассказывает канадец ***Роберт Уайт (Robert Wight)***

«Занятие Вунсдрехта имело большое значение… Меня вызвали и приказали после полуночи выдвинуться вперед с 50 солдатами, расчистить проход в минном поле и выложить белые ленты по обе его стороны, чтобы пехота и танки могли пройти по нему… Когда мы вошли в Вунсдрехт, в нем было около 400 канадских пехотинцев, а от разведки мы узнали, что в нем же находится более 2 000 немецких парашютистов. Лучшие из лучших. В городе я получил приказ переместиться на восточный фланг батальона и закрепиться в одном из домов, чтобы защитить левый фланг. Мы так и сделали, но потом обнаружили, что в подвале этого дома засели немцы. Мы попытались перебежать на другую сторону дороги и были на полпути, когда рядом разорвался снаряд. К моему удивлению, взрыв вырвал из рук одного из моих солдат половину прирезанной свиньи и отшвырнул ее в канаву. Оказалось, он успел прихватить с собой поросенка!

Мы … заскочили в дом, в который попало несколько снарядов, собираясь взять пленных, но немцев в нем не оказалось. Мы вошли в него. В доме мы увидели мужчину, его жену двоих детей и младенца. Все сидели у стола, младенец был на высоком детском стульчике. Все они были мертвы. Нетрудно было догадаться, что их убила взрывная волна немецкого снаряда… Люди всегда спрашивают: «Вам страшно было?» Еще как. Что спасло нас? Молитва. И это сущая правда…»

10 октября 4-я Бригада канадцев начала продвижение по раскисшим *польдерам* юго-западнее Вунсдрехта и вышли к железной дороге, проходившей по перешейку в основании полуострова Южный Бевеланд. Однако канадцы не смогли перерезать шоссе, проходившее к северу от железной дороги параллельно ей. В результате, 5-я Бригада 2-й Дивизии канадцев *(так называемый Черный Дозор/Black Watch Королевского Полка Горцев/Royal Highland Regiment*) получила приказ в ходе операции *Angus* установить заслоны на железной и шоссейной дорогах непосредственно близ Вунсдрехта.

Тремя днями позднее, при свете дня, под прикрытием артогня две роты *Черного Дозора* пошли в атаку через полосу открытой местности шириной более 1 000 ярдов. Сектор атаки был ограничен слева и справа дамбами, на которых закрепился противник. Пехотинцы попали под интенсивный пулеметный и артиллерийский огонь, поддерживающие их танки увязли в раскисшем грунте, видимость была сильно затруднена туманом, и атака захлебнулась через два часа. В тот же день была предпринята вторая попытка с таким же катастрофическим результатом. Немецкая пехота и танки контратаковали канадцев, ближний бой перешел в рукопашные схватки и стрельбу в упор. Безрезультатные атаки обошлись *Черному Дозору* в 183 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести, а день 13 октября 1944 года остался в летописи 2-й Дивизии *Черной Пятницей/Black Friday*. Один из офицеров *Черного Дозора* написал в своем рапорте, что «солдаты, присланные взамен убитых и раненых во Франции, имеют незначительную пехотную подготовку или вообще никакой и демонстрируют низкий боевой дух.»

Вспоминает ***Уильям Дэйвис (William Davis)*** *из Черного Дозора*

«Мы выдвинулись к стартовому рубежу в 6.00 или 6.30, после чего пошли в атаку, но не сделали и 50 футов до того, как нас прижал к земле сильный огонь пулеметов и всего остального… Ну, вернулись на стартовый рубеж, который представлял из себя придорожную канаву, потом опять, ближе к полудню, получили приказ снова идти в атаку. Мы двинулись вперед через полосу так называемых польдеров шириной под 1 000 ярдов. Голландцы отсыпали там дамбы, а потом осушали землю и выращивали на ней овощи.

Идем, нет никакого прикрытия, вообще ничего. Не знаю, как мы пересекли эту местность: немцы окопались на дамбе на противоположной стороне, там проходила железка и шоссе. Мы залегли и проторчали там до двух или трех ночи, потом наконец-то пришел приказ на отход. От моей роты осталось 19 человек, из них – 18 могли идти. Наш ротный, Попэм (Popham), днем получил пулю в голову. Я остался за старшего, забрал его планшет и бумаги. Ну и напугал он меня, когда оказалось, что он жив! Перевязал его, и мы отошли туда, где стояли джипы санитаров. Они-то и отвезли нас туда, откуда мы начали.

Тот парень, которому попали в голову, выжил и потом практиковал в качестве юриста в Монреале еще много лет. Крепкий был чертенок! Возможно, вы не поверите, но больше всего человек страдает не от того, что идет бой. Там ты бы руку отдал, чтобы ночью отоспаться в тёплом и сухом месте. Это становится твоей целью. Ну а немцы старались не давать нам такой возможности. Так что все тяготы были не от боев, а от условий. Погода была ужасной ближе к зиме, самой холодной в Голландии за 50 лет…»

23 октября 6-я Бригада 2-й Дивизии начала продвижение на север, нацеливаясь на высоты, расположенные непосредственно к югу от городка Кортевен, в то время как 5-я Бригада перекрыла перешеек в основании полуострова Южный Бевеланд. На следующий день 4-я Бригада 2-й Дивизии начала продвижение вглубь полуострова в направлении Валхерена. 27-29 октября канадцы вели бои за Берген-оп-Зом. В итоге, после трех недель упорных боев, Бевеланд и Валхерен были изолированы.

Канадские пехотинцы продвигаются по затопленной местности на амфибийных вездеходах…

Вспоминает канадец, ***Дэвид Хэвард (David Havard)*** *наблюдатель артиллерийской части, поддерживавшей Черный Дозор:*

«Когда мы вошли в Голландию, люди там в самом деле голодали ... Нас кормили хорошо, и они подбирали все то, что мы выбрасывали. Они вели себя как птицы в поисках пищи. Ужасно на войне то, что страдают больше всего гражданские. Им приходится бросать свои дома, и их дома грабят. Не знаю, что стало с этими людьми после войны, как они начали жить сначала, если вообще выжили… Заходишь в дом, там на полу валяются детские игрушки. Они их бросили и были вынуждены бежать и прятаться там, где безопаснее. Такой мы увидели Голландию.»

Уничтожение Брескенсского Котла на южном берегу Западной Шельды

К концу сентября немецкие войска на южном берегу Западной Шельды были изолированы на массиве суши, ограниченном бухтой Бракман, каналом Леопольд и морем. Единственный сухопутный проход внутрь этого плацдарма находился между восточным окончанием канала Леопольд и бухтой Бракман в районе бельгийско-голландской границы. Этот укрепленный район, получивший наименование *Брескенсский Котел/Breskens Pocket*, *(иногда его называли Крепость Изабелла/Fortress Isabella)*, удерживал гарнизон из 11 000 солдат и офицеров немецкой 64-й Пехотной Дивизии. Дивизия была сформирована слишком поздно для того, чтобы принять участие в боях в Нормандии. На ее вооружении было 500 пулеметов, 200 противотанковых пушек и 70 артиллерийских орудий. Район защищали с моря 5 батарей береговой артиллерии. Гарнизон располагал большими запасами продовольствия и боеприпасов и был готов упорно обороняться.

Пока внимание Монтгомери в сентябре было занято операцией *Market Garden*, находившиеся в Брескенсском котле немецкие войска в довольно спокойной обстановке готовились к обороне, окапываясь и строя укрепления. Авиация их союзников их почти не тревожила, о чем позднее с немалым удивлением вспоминал командующий готовившейся к обороне 64-й Дивизии генерал Эбердинг. Он писал, что этот край *польдеров* представлял из себя «лабиринт канав, … речек, зажатых между дамбами, и каналов, часто находившихся выше окружающей местности, … что делало маневрирование почти невозможным и ограничивало продвижение узкими дорогами, проложенными по гребням дамб.»

14 октября к югу от Бракмана 4-я Танковая Дивизия канадцев атаковала зажатых в кольцо немцев, сомкнувшись с наступающими с севера на юг частями 8-й Бригады. К 18 октября 8-я Бригада была уже в 8 милях от городка Остбург, расположенного в центральной части Брескенсского кольца, в то время как наступающая с востока 8-я Бригада вышла на рубеж, расположенный в двух милях от Брескенса. В тот же день понесшую ощутимые потери 7-я Бригаду отвели в тыл, а ее позиции на плацдарме, вытянутом вдоль канала Леопольд, заняла 157-я Пехотная Бригада британцев. На следующей день, чтобы сократить протяженность оборонительных позиций, немцы отступили и заняли позиции вдоль линии Брескенс - Шондайк – Остбург – Слёйс. Далее правый фланг немцев упирался в затопленную прибрежную низменность. Есть свидетельства тому, что отступавшие немцы использовали гражданское население в качестве «живого щита».

Вспоминает канадец из 8-й Бригады, санитар ***Эрнест Вуд (Ernest William Wood)***

«Немцы затопили многие участки. Как-то мы застряли на три дня на одном таком и так и простояли три дня по колено в воде. Конечно, в воде плавал навоз, и кал, и бог знает, что еще… Немцы, отступая, отбивались. Мы преследовали их, но они прикрывались женщинами и детьми. Просто тащили их за собой. Многие женщины были беременны, так что дети рождались прямо на дороге, в траншеях. Иногда немцы вели за собой 600-700, а то и 1 000 гражданских. Они просто выстраивали их позади себя, так что мы не могли стрелять. Надеюсь, мы спасли много жизней матерей и детей. Многие дети вряд ли потом выжили: очень было холодно и сыро. Но если удавалось кого-то из них переправить на перевязочные пункты, там мы уже могли о них позаботиться…»

Зачищая берега эстуария и открывая путь конвоям союзников, идущим в Антверпен, 1-я Канадская Армия потеряла в боях с 1 октября по 8 ноября 703 офицера и 12 710 нижних чинов убитыми, ранеными и пропавшими без вести. О потерях в бронетехнике можно составить представление из рассказа механика-ремонтника, канадца **Чарли Филдинга (Charlie Fielding)**, служившего в танковой части, вероятно полкового состава:

«Из Бельгии мы вошли в Голландию и участвовали в сражении за Шельду. Нашей задачей была эвакуация танков. Они застревали в грязи и тому подобном, мы их вытягивали. Мы теряли машины и людей. От нас осталась тысяча человек, когда бои закончились. 100 человек было убито, 150 из числа раненых уже не вернулись в строй. Мы начинали с 70

танками, потеряли 100. Дети спрашивают: «Как вы смогли потерять 100, если у вас было всего 70.» Забывают, что вместо уничтоженных приходили новые…»

ГРЕЦИЯ – 1944

Алек Барторп

Было начало октября 1944 года, когда меня вызвал к себе командир батареи и сказал, чтобы я передал свое отделение другому офицеру и вернулся к нему со всеми своими личными вещами: я отправлялся с небольшой группой людей в Грецию. Оказалось, что 4-я Индийская Дивизия перебрасывалась в Грецию для несения полицейских функций, а наша небольшая партия отправлялась до нее, чтобы подготовить прибытие в эту страну нашего полка, местом назначения которого были Ионические острова Кефалония и Занте. В нее вошли командир батареи, я, один связист с радиостанцией *No. 19* и два наших денщика – всего 5 человек. Меня выбрали для этой миссии благодаря моему знанию французского. Никто в нашей части не умел говорить по-гречески, но в Греции многие говорили по-французски, так что меня отправили туда в качестве переводчика, офицера разведки и адъютанта нашего майора. Мы погрузились на танкодесантный корабль *LST* вместе с несколькими группами людей из других дивизионных частей и отплыли в Патры. Оттуда нас переправили в конечный пункт со всем снаряжением, включая джип, на оснащенном мотором рыбацком *каике* – популярном транспортном средстве в этой части света. Судно имело очень медленный ход, поэтому у нас ушло 8 часов на то, чтобы добраться до Аргостоли – столицы Кефалонии, расположенной в живописной бухте на юге острова.

Греческие партизаны группировки ЭЛАС

Я должен объяснить, что немцы ушли с Балкан из-за наступления русских, и греческая нация оказалась расколотой на две части в период германской оккупации: националистов, поддерживавших греческое правительство, и ЭЛАС – коммунистических партизан, которые себя называли также *андартес*.

Греческие партизаны из республиканско-националистической группировки ЭДЕС

Первоначально они много говорили о сотрудничестве, но потом сцепились друг с другом. Ситуация на острове была крайне напряженной, когда мы прибыли на него: здесь находились 1 100 бойцов ЭЛАС, включая их лидеров, и я пришел к выводу, что это наименее склонные к сотрудничеству люди. Хотя они и согласились работать с нами, уже на следующий день они нарушили договоренности. Я встретил здесь бизнесменов, находившихся в оппозиции к ЭЛАС и говоривших по-французски, кроме одного, который немного говорил по-английски и имел проправительственный и монархический настрой. Я с удовольствием проводил время на острове и осмотрел большую его часть с джипа, так как из Патр нам присылали бензин в 44-галонных бочках, когда бы мы об этом ни просили. К этому времени мы реквизировали виллу, расположенную близ гавани, поскольку припасы для нас прибывали туда на *каике* после запросов, отправляемых нами по радио в штаб дивизии, в Патры. Никаких денежных знаков на острове в обращении не было, и все бизнес-операции осуществлялись на основе бартера. Майор и я активно путешествовали по острову, намечая пункты, где наши войска могли быть использованы с максимальной эффективностью. Мы все больше и больше нервничали, поскольку прибытие нашего полка задерживалось по разным причинам, а люди из ЭЛАС становились все более дерзкими и высокомерными, имея дело с нами. Основным препятствием для переброски полка была нехватка морского транспорта, так как все имеющиеся под рукой суда и корабли были отправлены в южную Францию для высадки там союзных войск и пока не вернулись. Мне принадлежала главная роль в отправке в штаб в Патрах информации о переброске силами ЭЛАС награбленных вещей (главным образом, больничных коек и белья) на *каиках* в континентальную Грецию, в Астакос, и о времени их отправки. В этих случаях из порта Патры на перехват отправляли катера ВМФ для дальнейшей конфискации этого имущества штабом…

Британские солдаты в бою против отрядов ЭЛАС в Афинах. 6 декабря 1944 года

Майор часто получал телефонные звонки из штаба ЭЛАС: его просили присутствовать [во время каких-то мероприятий]. Однажды утром я получил срочную и секретную радиограмму от нашего штаба, в которой говорилось следующее: «Вы должны немедленно разоружить всех членов ЭЛАС.» Когда майор вернулся в наше расположение, я показал ему радиограмму и сказал: «Я не думаю, что мы получили это, как вы считаете?» Он сказал *нет* и уничтожил ее. Мы отдавали себе отчет в том, что ситуация серьезно ухудшилась с того момента, когда между нашими войсками и отрядами ЭЛАС в Патрах и их окрестностях начались бои, в которых силы ЭЛАС потерпели серьезное поражение и были вынуждены отступить сломя голову в сторону Афин. Через короткое время после этого, где-то в середине декабря 1944 года, майор получил очередной вызов от командования ЭЛАС [на острове], а я отправился в гавань, чтобы встретиться с хозяином *каика*, который должен был вскоре отправиться в обратный путь в Патры после доставки нам груза. Стоя на причале и разговаривая с ним, я услышал щелчок затвора винтовки за своей спиной и резкую команду на греческом языке. Я повернулся и увидел восьмерых солдат ЭЛАС, стоявших полукругом с наведенными на меня винтовками, требовавшими, чтобы я поднял руки. Я не был вооружен, потому что на острове было 1 100 людей ЭЛАС, а нас только пятеро, так что я решил, что от 6 патронов моего револьвера калибра *.38* будет мало толку.

Старший среди них подошел ко мне и сказал на ломаном английском, что я арестован и буду препровожден в его штаб. Я был доставлен в штаб, вошел в комнату, как мне было приказано, и увидел там майора и остальных из нашей группы. Радист отвел меня в сторону и сказал мне, что не успел вывести рацию из строя или сообщить в Патры о нашем бедственном положении, поскольку его застали врасплох. Нам сообщили, что мы теперь являемся военнопленными, так как между ЭЛАС и британскими войсками начались боевые действия в Афинах и Патрах и в их окрестностях. Далее нам сообщили, что мы останемся здесь и что в наше расположение будут отправлены люди, чтобы принести нам наши шинели и по одному одеялу на каждого. Я спросил, не принесут ли они мне пару туфель или башмаков из моих личных вещей, поскольку туфли, которые были на мне, были старыми и частично сношенными и не долго не протянут, если придется идти далеко. Они мне отказали. Однако я получил свои шинель и одеяло, за что был благодарен, так как по ночам становилось холодно. Больше мне не довелось увидеть остальные вещи из моего снаряжения.

Нас продержали взаперти в довольно большой комнате оставшуюся часть дня, и ближе к вечеру они сообщили нам, что ночью нас на *каике* отправят на континент. Поскольку *эласовцы* похитили нашу рацию, мы не могли проинформировать штаб в Патрах о сложившейся ситуации. Вечером, когда солнце садилось, нас отвели в гавань и погрузили на *каик*, которые почти сразу же отправился в путь. Нас закрыли в каюте и у дверей поставили двоих охранников с немецкими *шмайссерами*. Один из их офицеров, немного говоривший по-английски, несколько часов провел с нами в каюте и сказал нам, что, если кто-то из нас попытается бежать или захватить судно, все мы будем расстреляны, так как у него на борту шестеро вооруженных людей. Мы шли всю ночь и на следующий день прибыли в небольшой порт Астакос на континенте. Оттуда нас повели под конвоем в северном направлении, в деревню Эмфилокия, которая, как нам сказали, находится часах в четырех ходьбы. Оказалось, что она находится в 60 милях, и этот марш занял у нас 3-4 дня, так как одним из дней было Рождество, и мы отдыхали. Нас постоянно охраняли четверо конвоиров: двое шли впереди, двое сзади. Когда нам был нужен ночлег, конвоиры обходили деревни, в которых мы оказывались, и приказывали крестьянам освободить для нас помещение. Крестьяне также должны были кормить нас ужином и завтраком. Завтраки состояли из кружки кофе, и то если везло. Рождественский день 1944 года мы провели на полпути к Эмфилокии, на небольшой ферме. Фермер и его семья были очень добры к нам и настояли на том, чтобы мы присоединились к их рождественской трапезе во время ланча, поскольку они закололи свинью специально по этому случаю. Эти греческие крестьяне и фермеры, которых мы встречали во время нашего путешествия, были очень бедными, но очень щедрыми и полными желания угодить нам, поскольку жалели нас. Так или иначе, та еда, которая нам досталась в тот день, была лучшей из всего того, что перепадало нам за многие недели, и единственной приличной едой из всего того, что будет нам доступно до возвращения в полк. Мы все благодарили фермера и его семью за гостеприимство, перед тем как уйти следующим утром. В итоге мы прибыли в Эмфилокию лишь для того, чтобы нам сказали идти дальше на восток через горы, в один из монастырей, занятый бойцами ЭЛАС, которые выгнали из него православных монахов и превратили постройки в тюрьму. По их словам, он был расположен не слишком далеко, и мы должны были добраться до него часа за 2-3. Этот переход занял у нас два дня, и по дороге мы перевалили через два горных хребта, идя выше снеговой линии… Временами мы пробивались через стену снега высотой до четырех футов (мне по грудь), но по большей части толщина снежного покрова была около 18 дюймов *(около полуметра – ВК)*. К этому времени подошвы моих туфель протерлись до дыр, и утрам мои носки становились мокрыми до того, как мне удавалось пройти сотню ярдов…

На следующий день после того, как мы добрались до построенного на склоне холма монастыря и были размещены в двух проходных комнатах на первом этаже, к нам присоединились другие парни из нашей дивизии, попавшие в плен в боях в окрестностях Афин и Патр. От них мы узнали последние новости. Оказалось, отряды ЭЛАС попытались окружить Патры, но натолкнулись на 11-ю Бригаду. Бригадир Хенри Хант (Henry Hunt, 1910-1998) после этого бросил вперед Батальон 2/7 гуркхов, чтобы те ночью просочились через позиции противника и атаковали его на рассвете. Эти ребята были сильны в подобных действиях, и стоило им появиться за спиной у греков, как те бежали, и на этом боевые действия закончились, если не считать еще нескольких стычек. Мы все обрадовались услышанному, потому что до этого новости к нам приходили только от *эласовцев*, и мы только и слышали об их победах и тяжелых поражениях британцев, несущих огромные потери в танках и технике, чему никто из нас, так или иначе, особенно не верил. На тот момент в двух комнатах было 19 военнопленных: 4 британских офицера, 3 греческих офицеров-монархистов/переводчиков, 4 индийцев и 8 британских солдат. Спали мы на двухъярусных койках с матрасами, набитыми каким-то волокном. Мне повезло: я оказался наверху, где под шинелью и одеялом было довольно тепло несмотря на снег и холод на улице. Первая неделя была нелегкой, но после нее, когда мы все поближе узнали друг друга и привыкли к ситуации, время пошло, хоть не очень быстро. Кормили нас один раз в день – это был, главным образом, овощной суп, хотя по пятницам в нем плавало немного мяса, обычно козлиного. Однако у нас был в изобилии кукурузный хлеб, который был хорошим слабительным, так что в этом плане у нас проблем не было. Туалет был во дворе

и представлял из себя траншею 2 м в длину и ½ м в ширину, через которую было переброшено бревно… Если кто-то из нас хотел выйти, он должен был позвать охранника, который, в свою очередь, звал другого, и тот отводил человека к траншее и приводил назад. Было и в самом деле очень скучно, и мы все время спрашивали себя, знает ли армейское командование, где мы. Интересно было, как идут дела в Афинах, Патрах, Италии, Франции, Бирме, на Дальнем Востоке. Я знаю, мы все потеряли в весе, но чувствовали, что это к лучшему.

Мы провели в монастыре 2–3 недели, когда одним утром увидели на расстоянии приближавшегося к монастырю на муле человека, за которым шел караван из примерно шести других мулов, нагруженных чем-то. Нас заинтриговало то, что человек, вроде как, был в британской военной форме. Оказалось, что это был греко-австралиец, работавший для ЮНРРА (UNRRA - United Nations Relief and Rehabilitation Administration), которая получила информацию о нахождении здесь военнопленных и отправила его найти нас и передать нам армейские [пищевые] рационы. Мы воспользовались этой возможностью, когда его привели к нам в помещение, и передали ему список наших имен, званий и личных номеров. Он обещал по возвращении передать эти сведения в дивизионный штаб… Двое британских офицеров из нашей группы сумели уговорить старшего по званию *эласовца* разрешить греческому сотруднику UNRRA взять с собой наши письма и послать их нашим семьям через армейскую почту. Он разрешил при условии, что письма будут не длиннее одной страницы. Мы все так и сделали, и позднее моя мать рассказала мне, что получила мое письмо… Дополнительные рационы были благословением божьим, и, хотя мы знали, что часть их у нас украли, по меньшей мере, мы получили львиную долю, иначе мы бы просто оголодали. Тем временем скучная жизнь продолжалась, пока в середине февраля 1945-го нам не сказали быть готовыми на следующее утро к отправке в другую тюрьму у побережья.

Утром мы были готовы тронуться в путь, но настояли на том, чтобы нам отдали все оставшиеся рационы, поскольку они принадлежат Британской армии и, значит, и нам. Это сработало, и мы распределили жалкие остатки рационов между теми, кто был покрепче других, чтобы они тащили их на себе. Двое конвоиров шли впереди, двое в середине колонны, двое сзади, все они были вооружены *шмайссерами*. Мы заново прошли часть пути, по которому совершили марш ранее, пока не спустились с гор, окружавших монастырь, в долину, где обнаружили большой грузовик с опознавательными знаками *UN*, поджидавший нас на гравийной дороге, ведущей в Агринион. Нам приказали сесть на него, после чего отвезли в небольшой порт Месолонгион, расположенный на противоположном от Патр берегу Коринфоского канала. Там нас затолкали в пустой школьный класс, где мы провели ночь под охраной. На следующий день наши охранники из монастыря исчезли, и их сменили другие. В поздние послеполуденные часы двоих наших старших офицеров увели на встречу с местным командиром ЭЛАС. Вернувшись, они рассказали нам о сложившейся ситуации. Они сказали, что наш бригадный командир Хант вступил в контакт с местным командиром ЭЛАС после устного сообщения, полученного от нашего друга, греко-австралийца, который привез нам в монастырь пищевые рационы. После этого Хант потребовал нашего освобождения. После долгих переговоров с ЭЛАС и по настоянию Ханта нас перевезли туда, где мы сейчас находились. Нас должны были на следующий день эвакуировать из Мессолонгиона в Патры при условии достижения соглашения и принятия его условий *эласовцами*. Мы прождали весь следующий день, надеясь на лучшее, но лишь в поздние послеполуденные часы прибыли *каик* и катер Британского ВМФ. Появились охранники, чтобы отвести нас в гавань. Бригадир Хант и двое его штабных офицеров стояли на моле у входа в гавань, разговаривая с командиров *эласовцев* и его штабными офицерами. Катер стоял на якоре посреди узкого прохода в гавань, у его носовой пушки стояли моряки, которые навели ее на шестерку или около того *каиков*, находившихся в небольшой гавани. После того, как нижних чинов перебросили на *каик*, нас *(вероятно, офицеров – ВК)* на шлюпке перевезли на катер. Нас отвели в офицерскую столовую, и вскоре к нам присоединились бригадир Хант и его штабисты. Подали выпивку, и после трех стопок, когда мы прибыли в Патры, я был уже наполовину пьян.

В Патрах нас встретили командир батареи и полковые офицеры, и, поблагодарив Ханта и его штабистов за все, что они сделали, чтобы добиться нашего освобождения, мы вернулись в полк. Возвращение было приятным, и все парни, казалось, были искренне рады видеть нас. Все мое отделение настояло на том, чтобы я пошел с ним в местный бар, где они собирались угостить меня. Туда в сопровождении офицера, который до этого замещал меня, отправились все парни из моего отделения кроме тех, кто был на посту… Не помню, как я вернулся обратно и улегся спать, но утром голова у меня просто разламывалась…

Через несколько дней командир батареи сообщил нам, что все побывавшие в плену отправляются домой, в отпуск, а меня, поскольку я более четырех лет прослужил за морями, после отпуска буду переведен на базу Королевской Артиллерии в Вулич …

АРНЕМСКИЙ ДЕСАНТ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ

Арнемский десант, окончившийся катастрофой, стал заметным событием в истории ВМВ. О нем много писали, ему посвящен известный голливудский фильм A Bridge Too Far/Мост Слишком Далеко (1977). В данной статье этот эпизод рассматривается с точки зрения участников событий…

За день до высадки, 16 сентября

Вспоминает **Роберт Кристи** (**Robert Christie**, 1923-2000, на фото слева), 1-й Аэромобильный Полк Легкой Артиллерии, помощник офицера управления огнем/артиллерист-вычислитель, принимал участие в планерном десанте на Сицилию и в боях на Итальянском фронте; Отделение *C*/Troop *C*, 2-я Батарея

«Мой планер должен был подняться в воздух с аэродрома Мэнстон в Кенте с четырьмя солдатами и одним офицером на борту, перевозя джип, прицеп, боеприпасы и пару раций. Мы вылетели к месту высадки на следующий день после начала операции, первоначально планировалось, что мы будем оказывать огневую поддержку 4-й Парашютной Бригаде.

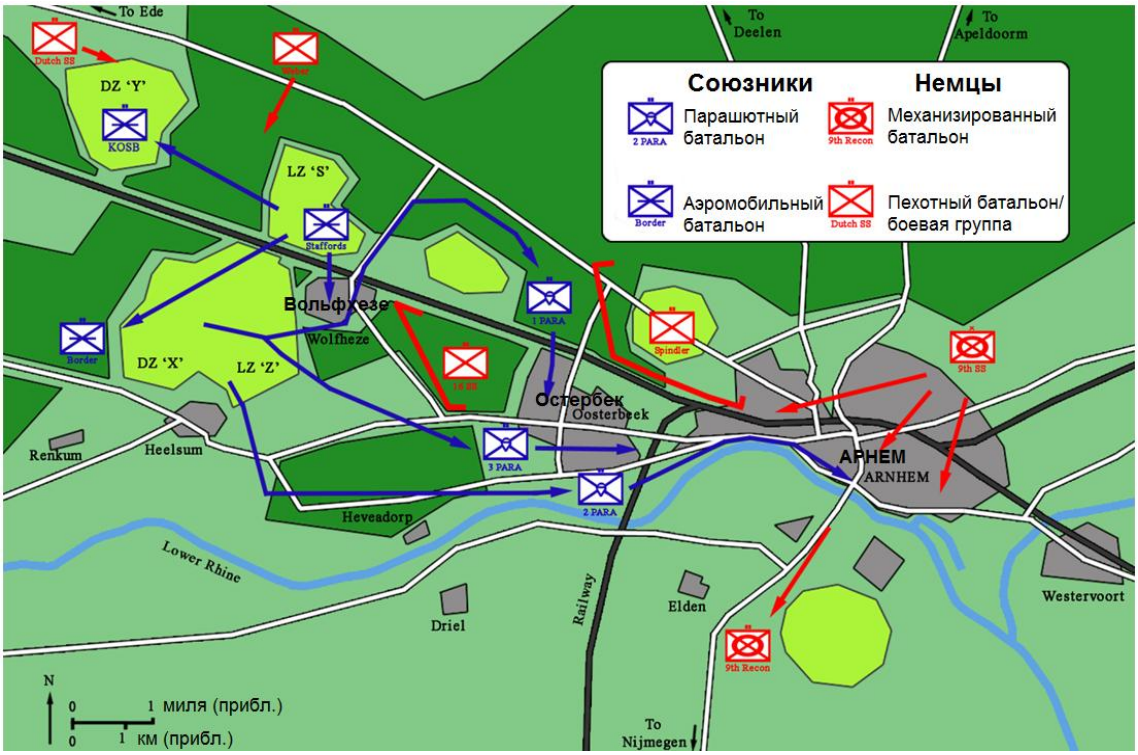
В субботу, 16-го, мы прошли инструктаж в отеле Beresford в Бёрчингтоне, где мы проживали с весны 1944 года. Я помню, что нервничал, но воспринял известия об операции, которую назвали *Market Garden*, с облегчением: дело было в том, что ее план не показался мне настолько нереалистичным, насколько им был предыдущий – план операции Comet. Согласно плану Comet, моя батарея должна была высадиться близ Неймегена и затем переместиться по дороге в Арнем, чтобы присоединиться там к 4-й Парашютной Бригаде. Тогда я подумал, что мы можем стать хорошей мишенью для немцев, продвигаясь по дорогам, идущим по высоким насыпям.

Инструктаж был ясным и четким в ту субботу. Нам сказали, что нам будут противостоять неорганизованные части [противника], и мы не встретим значительного сопротивления, но

зенитный огонь, вероятно, будет сильным. Офицер, проводивший инструктаж, добавил, что район Арнема «очень плотно защищен зенитными батареями.» Наш командир батареи, майор Джеф Линтон (James Edward Fryer Linton, 1909-1989, на фото слева, до войны – известный крикетист) сказал следующее: «Наша задача – прикрыть зону высадки артогнем.» Покидая помещение, где происходил инструктаж, - спортзал в подвале отеля с его столами для пинг-понга, бильярда и игры в карты – я подумал, что план выглядит рациональным. Я был весьма рад тому, что кто-то решил подключить к операции американские 101-ю и 82-ю дивизии.»

День 1. 17 сентября

17 сентября – высадка союзников и перемещения пехоты противоборствующих сторон. DZ –участки высадки парашютистов, LZ – участки приземления планеров. Сплошные красные линии – оборонительные позиции немцев

Перед началом высадки десанта тактическая авиация союзников провела интенсивную бомбардировку и штурмовку местности. Целью были известные позиции зенитной артиллерии и немецкие гарнизоны в окрестностях Арнема. Первыми в 12.40 высадились парашютисты-следопыты, которые должны были разметить посадочные зоны для основных сил, в том числе, для планерного десанта. Последующая высадка не встретила значительного сопротивления, и к 14.45 собравшиеся батальоны готовы были приступить к выполнению своих задач. 1-я Воздушно-десантная Бригада под командованием Филиппа Хикса (Philip Hugh Whitby Hicks, 1895-1967) заняла оборонительные позиции вокруг посадочных зон. 1-я Парашютная Бригада под командованием Джералда Латбери (Gerald Luthbury, 1906-1978) была готова выдвинуться на восток в сторону мостов. Она понесла незначительные потери, была хорошо оснащена и действовала согласно плану.

Немцы не были готовы к высадке десанта и были застигнуты врасплох. Генерал-фельдмаршал Вальтер Модель (Walter Model) срочно покинул свою штаб-квартиру в Остербеке и обосновался на востоке Арнема, в Дутинхеме, сразу же взяв управление войсками под личный контроль. 10-я Танковая Дивизия СС *Frundsberg* была отправлена на юг для противостояния американскому десанту в Неймегене и защиты участка между Нижним Рейном и Ваалом. 9-я Танковая Дивизия СС *Hohenstaufen* [(командир – генерал/оберфюрер Вальтер Харцер (Walter Harzer)]осталась оборонять Арнем. Командир 10-й Дивизии, генерал Хайнц Хармель (Heinz Harmel), находился в Берлине, добиваясь присылки подкреплений. Он получил приказ немедленно вернуться в Арнем, в то время как его соединение готовилось к бою. 2-м Танковым Корпусом СС, в составе которого находились 9-я и 10-я дивизии, командовал обергруппенфюрер Вильгельм Биттрих (Wilhelm Bittrich).

Командир артиллерийского полка оберштурмбаннфюрер Людвиг Шпиндлер (Ludwig Spindler, 1910 – погиб в Арденнах 27.12.1944) оперативно организовал небольшую боевую группу численностью около 120 человек. Он выдвинулся на запад, в сторону Остербека, и

занял оборону, чтобы предотвратить прорыв британцев в центр Арнема. Разведывательному батальону под командованием гауптштурмфюрера Виктора Гребнера (Victor Gräbner, 1914 – убит 18.09.1944) было приказано выдвинуться на юг, в сумерках перейдя автомобильный мост. Изначально ни одно немецкое подразделение не имело приказа оборонять мост. Командующий гарнизоном Арнема, генерал-майор Фридрих Куссин (Friedrich Kussin, 1895-1944), был убит десантниками 3-го Парашютного Батальона по пути в штаб-квартиру, что внесло некоторый беспорядок в руководство обороной города. Только ближе к вечеру батальону 10-й Дивизии СС было приказано оборонять мост. На момент высадки только учебный батальон 16-й Панцергренадерской Дивизии СС *Reichsführer* под командованием штурмбаннфюрера СС Зеппа Крафта (Sepp Kraft, 1905-1986) сохранял организацию и оказался в нужном месте.

Наступление союзников очень скоро замедлилось. Разведка попала в засаду на северном фланге линии обороны Крафта и отступила. 1-й и 3-й парашютные батальоны также натолкнулись на оборонительные позиции батальона Крафта и провели остаток дня в попытках её обойти. 3-й Батальон повернул на юг и остановился в Остербеке на ночь, 1-й Батальон сначала повернул на север, но столкнулся с боевой группой Шпиндлера и не смог продолжить движение. Тогда командир 1-го Парашютного Батальона, подполковник Дэвид Доуби (David Dobie, 1912-1971, на фото справа), отказался от текущего плана и решил помочь командиру 2-го Парашютного Батальона Джону Фросту (John Frost) на мосту. Батальон направился на юг в Остербек, чтобы остаться там на ночь.

Только 2-й Батальон не встретил серьёзного сопротивления на своём пути. Однако продвижение британцев замедлили приветствия голландских мирных жителей, поэтому до цели они добрались только ближе к вечеру.

Железнодорожный мост был взорван немецкими саперами, как только союзники подошли к нему, а у понтонного моста не хватало центрального участка. Десантники под командованием майора Дигби Тэйтэм-Уортера (Allison Digby Tatham-Warter, 1917 –1993, на фото справа) заметили людей Грабнера, пересекающих мост. Большая часть 2-го Батальона общей численностью около 740 человек прошла в центр Арнема и в связи с оплошностью в немецкой обороне смогла захватить незащищённое северное окончание автомобильного моста. Лейтенант Джон попытался захватить и южную часть моста, но потерпел неудачу. Все последующие атаки британцев в этом направлении с использованием огнемётов привели лишь к возгоранию свежеокрашенных балок моста. Однако британцы сумели хорошо закрепиться на занятой позиции и быстро отбили атаку подошедших немецких частей.

В это время 1-я Воздушно-десантная Бригада рассредоточилась для обеспечения безопасности посадочных зон. 2-й Батальон Южно-Стаффордширского Полка/South Staffordshire Regiment занял Вольфхезе, 1-й Батальон Приграничного Полка/Border Regiment для обороны зоны выброски *X* рассредоточился по территории зоны и коммуны Ренкюм, 7-й Батальон Собственного Шотландского Приграничного Полка Короля/King's Own Scottish Borderers занял оборону в зоне выброски *Y*. Здесь шотландцы поймали в засаду батальон голландских эсэсовцев, направлявшийся в Арнем из Эде. Артиллерия и штаб дивизии разместились в Вольфхезе и Остербеке, где медики развернули госпиталь.

Наступление союзников сильно осложнялось отсутствием хорошей связи между подразделениями на важных начальных этапах операции. Диапазон работы их раций десантников был сильно ограничен лесистой местностью, поэтому при продвижении вперёд батальоны потеряли связь со штабом дивизии, оставшимся в районе зон высадки.

Вспоминает **Томас Эмир Дэйвис** (**Thomas Emyr Davies**, на фото слева), 1-й Парашютный Батальон, участник боев в Нормандии

«Будучи в первой волне, мы, по счастью, достигли элемента внезапности, и десантирование прошло без проблем и напомнило маневры где-нибудь на равнине Солсбери. Сгруппировавшись во взводы, мы переместились в ближайшее укрытие, после чего начали марш к нашей цели – мы должны были занять плацдарм у моста через реку Маас в Арнеме. Билли Салливан (Billy Sullivan), коренастый, невысокий валлиец из моего города Нит, лишь недавно попал в батальон и еще не нюхал пороху. Когда я поравнялся с ним. мы оба тяжело дышали, и он сказал: «Какая тишина, все прекрасно!»

Когда мы проходили через Остербек колонной по одному в направлении Арнема, нас встречали люди, выбегающие из домов, они предлагали нам яблоки и стаканы с водой. Однако нам еще предстояло подтвердить свою роль героев-победителей или освободителей… Вскоре мы натолкнулись на упорное сопротивление, и наше продвижение было остановлено перед обширным участком залесенной местности. Немцы дрались отчаянно и фанатично. Медленно пробиваясь к следующему перекрестку, мы увидели мрачную картину боестолкновения, случившегося несколько минут назад. Немецкая штабная машина, очевидно, в ходе попытки бежать в сторону своей передовой попавшая под перекрестный огонь одной из рот на нашем правом фланге, была развернута поперек дороги и изрешечена пулями, ее лобовое стекло было разбито вдребезги. Двери были открыты настежь, из них по обе стороны машины свисали трупы. Один, у которого нога застряла внутри и который был одет в парадную форму с красным аксельбантом, указывающим на высокий ранг, все еще крепко держал в руке пистолет *(вероятно, это и был генерал Фридрих Куссин - ВК)*. С другой стороны свисало тело водителя – его губы приникли к земле в поцелуе, его тело было изрешечено пулями. На заднем сидении машины было еще двое пассажиров, их трупы прижались друг к другу, словно они замерли в ужасе от того, что их нашла смерть…

Нас прижало к земле еще раз у следующей полосы деревьев сильным пулеметным огнем и спорадическими винтовочными залпами. Сквозь деревья справа от нас, на ходу ведя огонь, проламывался полугусеничник… Мы поспешно залегли в кустах, и тут взорвались боеприпасы для миномета, которые мы сложили в кучу позади себя. Во все стороны полетели осколки. Я почувствовал резкую боль в голени. «У тебя все в порядке, Билл? – прокричал я, услышав его стон. Закрывая лицо ладонями, он сказал: «Со мной все будет в порядке через минуту! Слава богу, мои глаза целы.» Его лицо было иссечено крошечными осколками, оно мгновенно распухло, и он стал выглядеть, словно персонаж комической оперы.

*Генерал Фридрих Куссин, убитый британскими десантниками. На заднем сидении его машины были найдены еще два трупа. Лейтенант **Джеймс Клеминсон** (**James Cleminson**): «Разведвзвод был поставлен в авангард 3-го батальона… Когда он вышел*

к передовой линии противника к востоку от Вольфхезе, внезапно на перекрестке появился немецкий Ситроен. Солдаты немедленно открыли огонь … , и все пассажиры автомобиля были убиты.»

Появление полугусеничника, казалось, подхлестнуло нас: это было то, что нужно, поскольку до этого мы продвигались вперед, не подвергаясь опасности. Я с облегчением почувствовал, что могу шагать дальше, и почти забыл о ране на ноге, хотя определенный дискомфорт создавало то, что в мой башмак просачивалась кровь, которая уже хлюпала во время ходьбы.

… Немцы с неохотой отошли после ожесточенного боя, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. Мы постепенно продвигались к Арнему. Остальные парни ушли вперед, и я остановился на несколько минут, чтобы поправить перевязку, которую сделал сам. Неожиданно до меня донесся шорох листьев: это несколько немецких солдат пробирались через кустарник. Я запрыгнул в канаву и замер. К моему облегчению, за ними появились наши парни, *Стены* которых были направлены немцам в спины. Они вели пленных в штаб на допрос.

… Подойдя к полосе застройки на подходе к городу, мы пошли по чистеньким лужайкам, перебираясь через аккуратно постриженные кустарниковые изгороди. Домики были словно игрушечными, рядом с ними росли цветы, и казалось, что мы просто оскверняем все это. Пока мы продвигались вдоль берегов реки, чтобы занять плацдарм, пришло сообщение о том, что парни все еще с большим трудом удерживают [Арнемский] мост.»

Роберт Кристи

«На следующий день, 17-го, мы из отеля наблюдали за тем, как с первой волной десанта вылетела часть нашего полка. Вскоре после этого, когда я сидел в бывшем лобби отеля, один из артиллеристов нашей батареи спустился вниз и заявил, что только что разбил одно из зеркал в туалете. «Надеюсь, - сказал он, - что я хорошо проживу семь лет несчастий, которые у меня впереди *(seven years of bad luck – английское выражение, которое используют после того, как разбивается зеркало – ВК).*»

Вспоминает лейтенант **Эрик Маккэй** (**Eric MacLachlan MacKay**, 1921-1995, на фото слева)

«У нас оставалось еще шесть часов до рассвета. Я наскоро ознакомился со зданием школы. У нее был подвал, два этажа и чердак, и я решил вести бой, заняв позиции на втором этаже, просто удерживая первый этаж и подвал и ведя наблюдения с чердака. У меня было пятьдесят человек (семеро были ранены), еще один лейтенант, шесть *Бренов*, патроны и гранаты были в изобилии, имелось определенное количество взрывчатки. Противотанкового оружием мы не располагали, провианта было совсем мало, вода у нас была только та, что во фляжках. Медикаментов, кроме морфия и перевязочных материалов, у нас не было.

Можно было передохнуть еще с часок перед следующими атаками: две были отбиты до того, как наступил рассвет. Во время затиший мы выходили из здания и подбирали одного или двух раненых парашютистов. С первыми лучами солнца на нас обрушился шквал огня из здания, из которого нас выбили несколько часов назад. Поскольку оно находилось всего в 20 ярдах от нас, дальнейшее удержание огневых позиций на северном фасе школы стало невозможным, и теперь оттуда можно было лишь вести наблюдения.

Как только полностью рассвело, мы смогли разглядеть точное расположение позиций противника по соседству с нами. Немцы по-глупому не стали их менять, и мы без труда разработали план их уничтожения. Один пулемет открыл стрельбу с помощью пульта дистанционного управления с одного из флангов северного фаса. Он отвлек на себя всю огневую мощь противника, а мы те временем ответили ему из двух *Бренов* с другого фланга

и перестреляли все пулеметные расчеты немцев. Другие немцы попытались вытащить хотя бы пулеметы и тоже были уничтожены. На часах было 8 утра.

Парашютисты в обороне. 17 сентября…

Тем временем, как могло показаться, бой разгорался у южного фаса школы. Немцы организовали сильную атаку с рубежа, находившегося в 60 ярдах от нас, она была нацелена на нашу небольшую группу, удерживавшую позиции на другом конце перекрестка на противоположной стороне улицы. Перестрелка была весьма интенсивной, и огненные трассы проносились во всех направлениях. Кто-то вел огонь из легкой зенитной пушки прямо вдоль улицы. Неразбериха была полная. Казалось, никто толком не знал, кто рядом, а кто напротив. Мы повели огонь вместе с нашими пулеметчиками, находившимися на левом фасе. В 09.30 могло показаться, что бой достиг кульминации, когда до нас из одного из расположенных западнее помещений донесся крик, из которого мы поняли, что мимо его окон проследовал бронеавтомобиль. Я поспешил туда и успел вовремя, чтобы увидеть, как мимо проехал еще один. Въезд на мост находился на одном уровне с нашим вторым этажом, ее обочина была ярдах в 12 от нас. Мы ничего не могли сделать с этими бронемашинами, не располагая противотанковыми средствами. Однако после того, как мимо проплыл уже пятый, за ним попытались проскочить несколько полугусеничных бронетранспортеров. Это были открытые машины – легкая добыча. Первый попытался уйти на скорости, но мы сумели закинуть в него гранату. Второй появился в поле зрения, ведя огонь из своих пулеметов, и парень, стоявший рядом со мной, был убит до того, как мы сумели остановить эту машину, уложив водителя и его напарника. Шестеро немцев, сидевших в бронетранспортере, попытались выбраться из него, но их перестреляли одного за другим, и они остались лежать посреди дороги. Из-за всего этого остальные полугусеничники остановились вне поля нашего зрения, что дало мне возможность организовать людей так, чтобы их можно было уничтожить. Через 10 минут два бронетранспортера стали приближаться, ведя огонь из всех стволов, стараясь пробить себе дорогу. Когда они проезжали мимо ранее подбитого нами, мы подстрелили водителя идущей впереди машины и его напарника. Водителя, должно быть, только ранило, поскольку он тут же переключился на задний ход и столкнулся с машиной, ехавшей за ним. Они остановились, и мы обрушили на них шквал огня – один из них при этом загорелся. Сидевшие в обеих машинах люди пытались выскочить, но были немедленно скошены пулями. Еще один бронетранспортер попытался проскочить через поднявшиеся клубы дыма, но был остановлен тем же способом, и из сидевших в нем не выжил никто. Потом,

вроде как. наступило затишье, но тут прямо подо мной раздался лязг гусениц. Еще одна машина оказалась футах в пяти от меня, и я смотрел прямо в глаза командира экипажа. Я не знаю, кто из нас был изумлен в большей степени. Должно быть, эта машина сползла с дорожного полотна и теперь продвигалась по боковой дороге, которая проходила между школой и дорогой и была 9 футов в ширину.

Этот парень среагировал на происходящее быстрее меня, поскольку он с мерзкой ухмылкой на лице трижды выстрелил из своего *Люгера*. Единственная пуля, которая попала в меня, разбила мой бинокль, висевший у меня на шее. Мои ребята немедленно вступили в бой, и через несколько секунд этот парень и его люди были убиты. Полугусеничник тем временем просто врезался в стену школы.

За этим последовало очередное затишье где-то на полчаса, а потом появился еще один бронетранспортер, который несся на полной скорости. Водитель был тут же застрелен, машина вильнула вправо, скатилась по откосу и врезалась в южную стену прямо под нами, после чего были уничтожены все те. кто сидел в нем. Пока разбирались с этой машиной, из-за горящей на дороге троицы показалась еще одна. Ее подбили так же, как и остальные, и счет убитых пополнился еще восемью немцами. мы хорошо делали свое дело, и наши потери оставались сравнительно легкими.

Аэрофотоснимок Арнемского моста. У северного въезда на него видно скопление уничтоженной немецкой техники

Приближался полдень, и, хотя издалека до нас доносился лязг гусениц, противник больше не предпринимал попыток прорваться с юга. Так или иначе, теперь мост был заблокирован горящими машинами. Однако наступившее затишье не могло продолжаться долго. Через 10 минут, издав звуки, напоминающие вздохи, на нас и рядом с нами упало полтора десятка мин. Я слышал, как на другой стороне въезда на мост кто-то отдавал по-английски приказы вести огонь, и сообразил, что по нам из минометов стреляют свои же. Высунувшись из ближайшего окна, я с максимальной громкостью высказался на самом что ни на есть цветистом языке, в аутентичности которого никто бы не смог усомниться. Обстрел прекратился. Чтобы взять ситуацию под контроль, мы выкрикнули наш старый африканский боевой клич *Whoa Mahomet*. Это возымело немедленный эффект – клич услышали все люди, разбросанные по огневым точкам в зданиях, расположенных вокруг моста. Огонь стих. Настроение у людей поднялось. В течение последующих дней это был единственный

способ понять, какие здания мы еще удерживаем. Это было единственным, что немцы при всей своей сообразительности так и смогли сымитировать…

Вспоминает лейтенант **Эрик Батлер** (**Eric Butler**, 1918-1994, на фото слева). В 1936-1937 годах он служил в Палестине, позднее прошел подготовку в качестве коммандо, принял участие в двух рейдах на норвежские острова и порт Сен-Назер, был ранен. В операции *Market Garden* участвовал в составе 2-го Батальона Южно-Стаффордширского Полка. Находясь в плену, он составил краткую хронику боев под Арнемом, эти записки были найдены через много лет после войны…

«10.30, 17 сентября

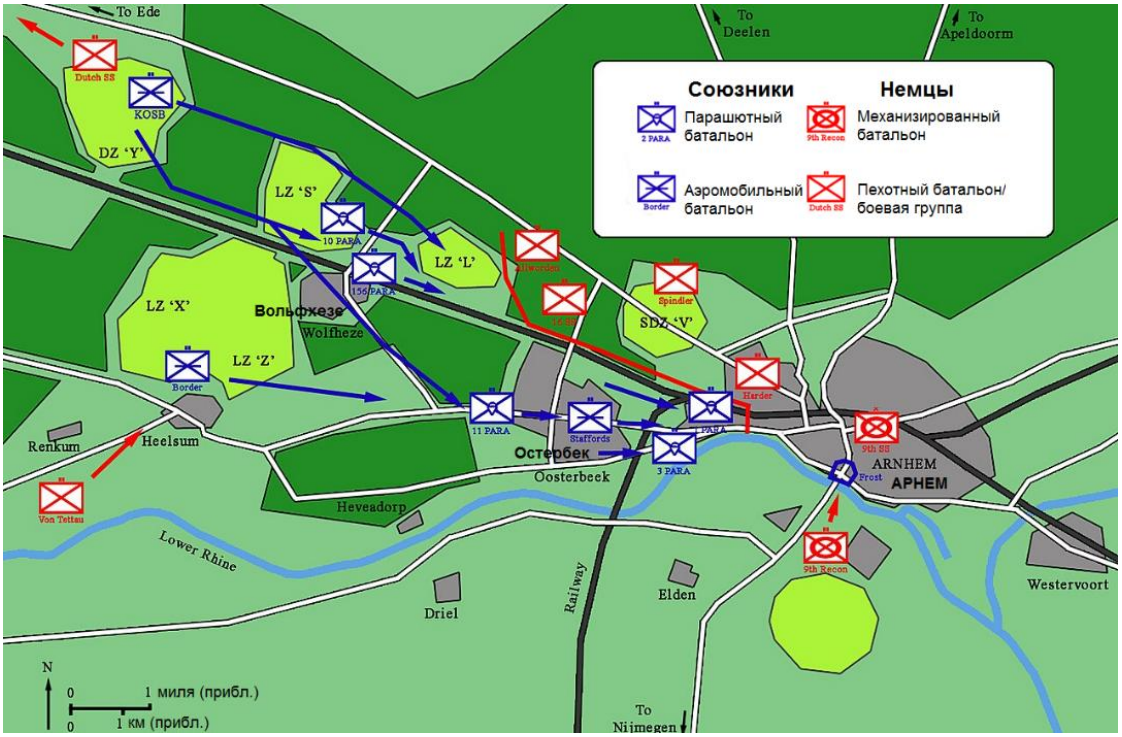
Поднялись в воздух с аэродрома Мэнстон – все в отличном расположении духа – операция была отрепетирована и отработана на практике до такого уровня, что каждый досконально знал, что делать в любом состоянии. Две волны – я в первой, пушки должны прибыть на следующий день со второй волной.

13.16, 17 сентября

Приземлились на вспаханном поле в 100 ярдах от намеченной точки, и первая волна собралась так, как было запланировано. Противодействия никакого: противник застигнут врасплох. Сформировал временную линию обороны вокруг фермы к западу от Арнема, чтобы дожидаться второй волны на другой день. Все кажется слишком спокойным.

Парашютная бригада прибыла через 15 минут, и далее все казалось идущим по плану. Мне особенно нечего делать, потому что мой взвод с пушками должен прибыть только завтра в 9 утра. Так что я остался в штабе батальона. Ночь провел на ферме.»

День 2. 18 сентября

18 сентября – 2-я волна высадки десанта союзников и оборонительные действия немцев. SDZ – участки сброса грузов

На рассвете следующего дня 9-я Танковая Дивизия СС *Hohenstaufen* продолжила свои действия по усилению обороны немцев. Батальон Зеппа Крафта ночью отступил назад и присоединился к обороняющейся боевой группе Шпиндлера, поступив под его командование. Это формирование настолько усилилась, что он смог разделить их на две боевые группы. Его оборонительная линия теперь блокировала всю западную сторону Арнема. Разрывы в обороне вдоль реки, которыми накануне вечером воспользовался подполковник Фрост со 2-м Парашютным Батальоном, были полностью ликвидированы.

Ещё до рассвета 1-й и 3-й батальоны покинули Остербек и попробовали обойти обороняющихся немцев с юга, фактически повторив манёвр 2-го Батальона, в надежде прорваться вслед за ними к центру Арнема. Наткнувшись на укрепления, в течение нескольких часов десантники пытались прорвать немецкую линию обороны. Однако, постоянно пополняемые силы Шпиндлера выстояли, и к десяти часам утра продвижение британцев было остановлено. Днём последовала более организованная атака союзников, но и она тоже была отбита. Командир 1-й Воздушно-десантной Дивизии, генерал-майор Роберт Эркарт (Robert Elliot Urquhart, 1901-1988), попытался отступить к штабу дивизии в Остербеке, но был отрезан от него и вместе с двумя офицерами вынужден укрыться в доме голландской семьи. Латбери был ранен, и также был вынужден скрываться.

В то же время на мосту части 9-й Танковой Дивизии СС окружили батальон Фроста, отрезав его от остальной дивизии. Около девяти часов утра разведывательный батальон танковой дивизии, командир которого пришел к выводу, что возле Неймегена его помощь не требуется, направился обратно в Арнем с южного берега реки. Несмотря на известия о присутствии британских войсках на мосту, батальон решил идти на прорыв. В результате двухчасового боя немцы были отброшены назад с большими потерями: половина бронетехники батальона была уничтожена или выведена из строя, а его командир был убит в бою во время штурма. Немецкие атаки по периметру засевших на мосту продолжались в течение всего дня, но британцы стойко держали оборону.

В отсутствие Эркарта и Латбери командование дивизией взял на себя бригадир Филипп Хикс. Он отправил 2-й Батальон Южно-Стаффордширского Полка в Арнем, чтобы тот помог усилил оборону моста. Эта часть выдвинулась утром и во второй половине для соединилась с 1-м Парашютным Батальоном.

С самого утра немцы начали атаки на позиции 1-й Воздушно-десантной Бригады. Удар наносила боевая группа генерала Ханса фон Теттау (Hans von Tettau, 1888-1956). Небольшие столкновения произошли в районе посадочной зоны *X*, чего, однако, было недостаточно, чтобы серьёзно затруднить посадку планеров. В районе зоны выброски *Y* голландский батальон СС начал активные боевые действия с батальоном *Приграничных Шотландцев Короля*, что могло осложнить прибытие подкрепления. Связь с прибывающим десантом отсутствовала, поэтому нельзя было их предупредить об атаке. В то же время, из-за отсутствия связи вторая волна десанта не могла предупредить первую о задержке своего прибытия из-за тумана в Англии. 4-я Парашютная Бригада под командованием Джона Хэккетта (John Winthrop Hackett, 1910-1997) вместе с частями артиллерийской поддержки высадились на несколько часов позже запланированного срока. Десантирование было осуществлено после 15.00 под огнём противника. Некоторые самолёты были сбиты, парашютисты понесли потери, однако прибытие бригады в почти полном составе позволило разбить голландцев, которые не проявили высокого боевого настроя и в массовом порядке сдавались в плен.

В целом общие потери среди десантников оставались незначительными, однако, смена обстановки в Арнеме привела к тому, что задачи также изменились. 11-й Парашютный Батальон и оставшиеся части Южно-Стаффордширского Полка были направлены в Арнем, чтобы помочь прорваться к мосту. После наступления темноты они соединились с 1-м и 3-м парашютными батальонами. Решение Хикса отправить 11-й батальон в Арнем ослабляло 4-ю Парашютную Бригаду, чему напрасно попытался возражать Хэккетт. Ему отдали под командование подразделение Шотландского Приграничного Полка с целью обеспечить защиту посадочной зоны *L* для безопасного прибытия подкрепления во вторник. 10-й и 156-й парашютные батальоны выдвинулись к северу от железнодорожной

линии, чтобы занять намеченные ранее позиции к северо-западу от Арнема, но после столкновения части 156-го Батальона с основными силами 9-й Танковой Дивизии СС обе части отступили уже в вечерней темноте.

Вскоре после прибытия подкрепления в зону *L* был осуществлен первый сброс грузов для десантников. Большая их часть была успешно сброшена, но лишь небольшое количество материалов было получено находившимися на земле британцами, так как область выброски не находилась под их полным контролем. Из-за отсутствия радиосвязи они не смогли предупредить об этом пилотов. В дальнейшем отсутствие полного контроля над намеченными зонами высадки станет серьёзной проблемой для союзников.

Эрик Маккэй

«… Неожиданно в помещении, расположенном в юго-западном углу здания, прогрохотал мощный взрыв. Я поспешил туда с моим ординарцем. Казалось, все помещение было заполнено обломками, а в углу кто-то стонал. Потом я увидел ослепительную вспышку, и следующим, что я помню, было то, что кто-то похлопывал меня по щекам. Меня швырнуло взрывной волной через всю комнату и присыпало битым кирпичом. Весь юго-западный угол школы и часть крыши просто снесло. Все, кто был там, были убиты или ранены. Меня и всех пострадавших отнесли вниз, мой ординарец был ослеплен.

Позднее я узнал, что оружием, которое вызвало все эти разрушения, был противотанковый гранатомет, стреляющий 20-фунтовыми бомбами. Противник не сумел воспользоваться достигнутым, хотя многие парни были в полубессознательном состоянии после этих взрывов. У нас появилась возможность перевести дух, но затишье не стыло долгим.

Через 20 минут, выглянув из окна, я был изумлен, увидев под ним с десяток немцев, преспокойно устанавливавших на позицию миномет и пулемет. Они переговаривались между собой, и, очевидно, у них сложилось впечатление, что сопротивление, которое оказывали ему оборонявшие это здание, сошло на нет. Оперативная рекогносцировка показала, что мы полностью окружены примерно шестьюдесятью немцами, находившимися от нас где-то в 10 футах и не имевшими понятия о нашем существовании. Казалось, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Все парни встали в полной боевой готовности к окнам с ручными гранатами на боевом взводе. По сигналу эти гранаты полетели вниз на головы немцев. Немедленно после этого наши пулеметы и автоматы (шесть *Бренов* и четырнадцать *Стенов*) открыли огонь с максимальной интенсивностью. Парни, презрев необходимость хотя бы частично укрыться, стояли на подоконниках, стреляя от бедра. Наступил вечер, но бой не прекращался: все утонуло в шуме, грохот стоял неимоверный: тяжело стучали *Брены*, на высокой ноте трещали *Стены*, стоны раненых прерывали разрывы гранат и крики *Whoa Mahomet*… Все было кончено через несколько минут: пространство вокруг здания покрыл темно-серый ковер с несколькими разбросанными то там, то тут пулеметами и минометами…»

Роберт Кристи

«Утром над Мэнстоном повис густой туман, и ни я, ни кто-либо еще не был особенно огорчен тем, что была объявлена задержка вылета. Мы были готовы к отправке, но к тому времени привыкли к тому, что операции или откладывались, или вообще отменялись. На моем планере, как и на большинстве других, была сделанная мелом надпись. Она звучала так: CHALKIE'S CHUNTER BOX, и причина этого была следующей: с нами был лейтенант Уайт (White), и как любой другой с такой фамилией получил прозвище Chalkie *(от слова chalk – мел – ВК)*. Слово *chunter* в Британской армии означало ворчать или жаловаться. Водитель джипа, которого звали Боб Хэмптон (Bob Hampton), был известным ворчуном. Так из-за того, что Уайт и Хэмптон оказавшись в одном планере, он получил такое прозвище.

В итоге мы поднялись в воздух около 13.00. Я сидел в хвосте планера Horsa еще с двумя парнями. Это был быстрый полет, с тряской. После пересечения побережья Голландии мы услышали странные шумы, словно что-то рвалось, скрипело и лязгало где-то впереди, под

грузом, то есть под джипом и прицепом. Мы сразу же подумали, что разболтались крепления и джип с прицепом сместились. Наш груз весил 7 100 фунтов, что превышало допустимый максимум. При отказе креплений полет планера мог выйти из-под контроля. Я услышал, как кто-то из парней, сидевших в носу, что-то закричал, пополз вперед вдоль джипа…, туда, где перед носом автомашины была большая дыра в полу планера. Снова шумы, и неожиданно я увидел лучи света, пробивающиеся через угловатые дыры. Вот и источник шума – это был огонь зениток. Я успокоился и вернулся на свое сидение. Мы сняли каски и сели на них, чтобы защитить жизненно важные части тела. Один из артиллеристов молча забрался на капот джипа и уселся на него. Он так и оставался там всю остальную часть полета.

Мы приземлились в северо-западном углу участка высадки близ леса. Где-то пять минут мы отсоединяли хвост планера, потом задним ходом выкатили джип и прицеп по стальным рельсам и отправились к месту сбора, которое находилось на севере участка высадки в перелеске. Мы проехали мимо нескольких [планеров] *Хэмилкар/Hamilcar* и увидели пару планеров, перевернувшихся вверх дном. Я также заметил нескольких парней из противотанковой батареи, изо всех сил пытавшихся стронуть с места тягач 17-фунтовой пушки, у которого были сломаны рессоры. Был кое-какой ружейно-пулеметный огонь со стороны противника, но он как-то не казался особенно беспокоящим.

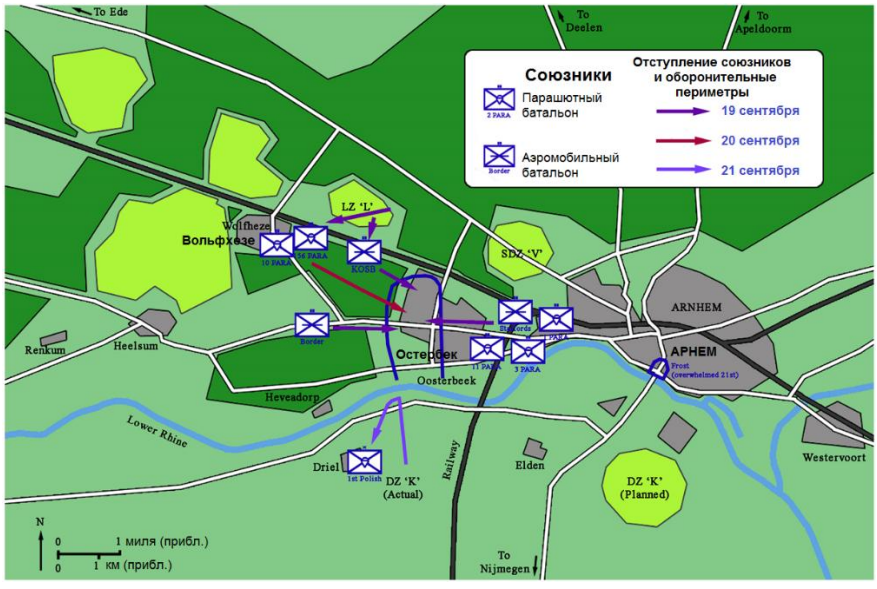
Местность выглядела совсем не такой, какой я ее ожидал увидеть. Это была волнистая равнина, заросшая густым лесом, встречались красивые дома, причем некоторые из них явно спроектированные под яванским влиянием. Под огнем противника один из джипов, в прицепе которого были боеприпасы, был подбит и взлетел на воздух, друг Роберта Кристи, Эрик Миллз (Eric Ward Mills), при этом чудом уцелел. Батарея быстро вступила в бой, ведя огонь по противнику на пути к Арнему. Затем артиллеристы заняли позиции на окраине города, к югу от железной дороги Арнем-Амстердам близ станции Остербек.»

Эрик Батлер

«Вторая волна не прибыла вовремя. В полдень все уже сильно нервничали. Около 25 *Фокке-Вульфов-190* обстреляли наши планеры – потерь нет.

Парашютная бригада столкнулась с ожесточенным сопротивлением в Арнеме. Мы уже должны были усилить их без артиллерии поддержки и двух стрелковых рот – теперь все выглядит плохо организованным. Вторая волна прибыла в 14.30. Они не могли подняться в воздух из-за сильного тумана.»

День 3. 19 сентября

19-21 сентября – отступление союзников и оборонительные периметры

С подходом *Стаффордширцев* и 11-го Парашютного Батальона на позиции 1-го и 3-го батальонов к западу от Арнема британцы посчитали, что теперь у них достаточно сил для прорыва к позициям Фроста на мосту. Доуби предполагал атаковать противника ещё до рассвета, однако, из-за ошибочного сообщения о разгроме Фроста операция была отменена. Ошибку в полученном рапорте уточнили только незадолго перед рассветом, но в силу приоритета задачи поддержки десантников на мосту было решено всё-таки продолжить наступление. Продвижение в узком секторе фронта возглавил 1-й Парашютный батальон при поддержке остатков 3-го. *Стаффордширцы* прикрывали левый фланг атакующих, а 11-й Батальон продвигался немного позади. С рассветом 1-й Батальон был замечен немцами и остановлен их огнём. Оказавшиеся на открытой местности под шквальным огнём с трёх сторон передовые британские части потеряли строй и с потерями отступили. Батальон *Стаффордширцев* оказался полностью отрезанным и только около 150 его бойцов избежало гибели и плена. 11-й Батальон, до этого практически не вступавший в бой, при попытке захватить высоту к северу оказался в меньшинстве на открытой позиции. *Стаффордширцы* также пытались закрепиться на высоте, но безуспешно. После того, как стало ясно, что шансов прорваться сквозь оборонительную линию нет, около 500 уцелевших солдат и офицеров из четырёх батальонов отступили на запад в направлении расположения главных сил, находившегося в 5 км от Остербека. Там они были встречены командиром 1-го Аэромобильного Полка Легкой Артиллерии, подполковником Уильямом Томпсоном (William Francis Kynaston Thompson, 1909-1980, на фото слева), который создал оборонительную линию под командованием майора Роберта Кейна (Robert Henry Cain 1909-1974, на фото справа, за проявленный в Арнеме героизм награжден *Крестом Виктории*) в 800 метрах перед занятыми артиллеристами позициями. Тем временем генерал Эркарт сумел пробиться обратно находившийся в Остербеке штаб, где он со своими офицерами впервые смог оценить силы противостоявших ему немцев.

В это время в Великобритании в очередной раз туман воспрепятствовал вылету подкреплений. Тридцать пять планёров третьей волны десанта, на которых должна была прибыть 1-я Польская Парашютная Бригада, были задержаны, что позже имело серьёзные последствия.

К северу от железной дороги 156-й и 10-й батальоны натолкнулись на оборонительные позиции противника при попытке захватить высоту к северу от Остербека. Продвижение батальонов было остановлено огнем немцев с хорошо оборудованных укреплений, и в итоге, ко второй половине дня, они так и остались на исходных позициях. В целях усиления оборонительных позиций союзников, и чтобы их части не оказались отрезанными к северу от железной дороги, генерал Эркарт приказал им отойти к Вольфхезе и Остербеку. Британцам пришлось отступать через посадочную зону *L*, где подразделение Собственного Его Величества Шотландского Приграничного полка ожидало прибытия польской парашютной бригады. Им пришлось вест арьергардный бой с группировкой противника, которой командовал Зепп Крафт. Планеры с подкреплением прибыли как раз к середине отступления, и десантники были вынуждены сразу же вступить в бой, при этом поляки понесли тяжёлые потери. Союзники отступили на юго-запад через железную дорогу, собравшись в лесу на южной стороне, где большинство из них провели ночь.

Во второй половине дня Королевские ВВС запланировали первый крупный вылет для сброса грузов наземным частям: в нем должны были принять участие 164 самолёта с 350 тоннами грузов на борту. Немцы предвидели это и заранее разместили на соответствующих позициях для противодействия союзникам пять зенитных батарей. Как только транспортные самолеты вошли в зону обстрела, 10 из них было сбито, и десантники смогли получить только 28 тонн грузов. Зона выброски *V* по-прежнему была в руках немцев, но британские лётчики об этом не знали, так как сообщений об этом в Великобританию не поступало.

Люди подполковника Фроста продолжали удерживать оборонительные позиции в районе автомобильного моста, но без снабжения и подкрепления их положение становилось всё более сложным. Немцы поняли, что пехота союзников не в состоянии прорвать их оборонительную линию, чтобы прийти на помощь Фросту, поэтому при помощи танков, артиллерии и миномётов они стали систематически разрушать здания, в которых укрывались британцы. Немецкая авиация, также принимала в этом участие.

Эрик Маккэй

«К утру я был вынужден раздать людям дополнительные таблетки бензедрина. Никто из них не имел возможности поспать уже в течение 72 часов. Воду выдавали последний раз 12 часов назад, еду – 24 часа. Как и ожидалось, с рассветом со стороны реки подкатили [немецкие] танки, их поддерживала пехота. Теперь мы были одни к востоку от моста. Все здания вокруг были сожжены за исключением стоявшего на противоположной стороне перекрестка, и занимали его немцы.

За два последующие часа мы отбили три атаки. Здание школы теперь напоминало решето. В какую стороны ни посмотришь, везде ты видел дневной свет. Стены больше не защищали тебя от пуль, пол был завален щебнем, с потолков свисали куски штукатурной дранки, все было покрыто пылью. Повсюду была кровь: лужи на полу, потеки на солдатских комбинезонах, ручейки, стекающие вниз по лестницам. Хуже всего выглядели сами люди: красные от бессонницы глаза, лица, покрытые пороховой гарью и трехдневной щетиной. У многих были легкие раны, и в разрезах одежды были видны наскоро сделанные, набрякшие кровью перевязки. Люди сгруппировались в двойки и тройки, каждая небольшая группа занимала позицию, для которой требовалось вдвое больше людей. Единственным, что сохраняло чистоту, было оружие: оно сверкало под утренними лучами солнца. Глядя на парней, я понял, что не было необходимости давать им приказ сражаться до последнего патрона и до последнего человека. Они сознавали свое превосходство над противником: вокруг них лежало вчетверо больше вражеских трупов, чем их самих. К десяти утра противник прекратил попытки взять школу штурмом. Немцы сконцентрировали свои усилия на тех, кто закрепился на позициях под мостом – их было около 80 человек, уцелевших из 100, вступивших в первый в бой. Они были уничтожены к двум часам дня, когда мы в последний раз прокричали *Whoa Mahomet*, но ответом была тишина. Теперь наше полное поражение было только вопросом времени…»

Панцеры в Арнеме…

Роберт Кристи

«На рассвете 19-го 2-я Батарея получила приказ переместиться южнее, ближе к городской церкви. Мне сказали отправиться туда заблаговременно с частью моих приборов (треногой и буссолью) и разметить позицию для 75-мм гаубиц. Джип вел Джок Гордон (Jock Gordon). Возле церкви я встретил командира полка, подполковника Томпсона по кличке Шериф. Он сказал мне, что 1-я и 3-я батареи уже на месте, а 2-я готова отправиться в путь. Он показал мне, где хотел бы расположить мое Отделение С. Эта позиция находилась по другую сторону дороги *Benedendorpsweg*, между церковью и большим белым домом (ter Horst) на открытой местности. К участку примыкало большое здание (Мьюзик Холл), слева находились прачечная и еще один дом.»

Здание *ter Horst* было ключевым пунктом всего сражения. Здесь британцы разместили перевязочный пункт. В нем получили первую помощь около 250 раненых, в соседнем саду были похоронены 65 человек.

«Я устанавливал мои приборы, когда на участке появилось голландское семейство. Они представились как мистер и миссис ван Долдерен (van Dolderen), с ними была их дочка Тони. Они пояснили, что им принадлежит прачечная и соседний дом. По моими прикидкам, это была пара среднего возраста, а их дочке было лет 19-20. Я свободно говорил по-немецки: я учил этот язык в школе в Данди, и меня ранее привлекали к допросам пленных в Сицилии. Мы несколько минут поговорили по-немецки, и стало ясно: больше всего эти люди боятся того, что британцы уйдут. Мужчина прямо спросил меня: «Вы пришли, чтобы остаться?» или: «Это освобождение?» Постепенно я убедил его в том. что это освобождение и что британцы останутся здесь. «Вы можете рассчитывать на то, что другие могут подойти с юга в любое время,» - добавил я.

Они пригласили меня к себе в дом на чашку чая, как только я закончу свои дела. Мы сели напротив крыльца, попивая чай. Я поделился с ними кое-какими сладостями, говорили мы о мире. Потом с расстояния в две-три сотнях ярдов от нас, из-за поворота дороги до нас донеслись треск пулеметных очередей и резкие щелчки винтовочных выстрелов…

Вечером этого дня, еще до того, как на место прибыли гаубицы, я услышал о том, что нашими у КП 3-й батареи, юго-западнее дома *ter Horst*, был взят в плен немец. Мне стало интересно, и я отправился искать этот КП. Он находился в подвале небольшого дома. Спустившись в него, я увидел в тусклом свете несколько столов с разостланными на них картами и рацией. В подвале было четверо или пятеро солдат. Напротив, в углу стоял высокий, худой и довольно испуганно выглядевший немец, на котором была длинная шинель и полевое кепи. Он выглядел изрядно истощенным, на вид ему было лет 35-40. Я подошел к нему и спросил по-немецки: «Имя, звание и личный номер». Немец встал по стойке смирно и сообщил эти сведения. Я начал допрашивать его. Он сказал, что служил водителем грузовика в транспортной роте. Они в воскресенье (17-го) находились в 30-40 милях от Арнема, когда людей неожиданно усадили в грузовики, и они тронулись в путь. Было несколько остановок, поступали приказы, которые потом отменяли. Сначала они ехали в одном направлении, потом в другом. Стало очевидно, что это человек был настолько сбит с толку всем произошедшим за последние 48 часов, что и сам не имеет понятия, где он находился в понедельник и вторник. У меня было такое чувство, что он почти счастлив, что попал в плен: по меньшей мере, теперь он знал, что с ним случилось.

Я говорил с немцем минут 10-15, потом доложил офицеру о том, что немец, по всей видимости, ничего толком не знает. Я ушел, вернулся на свой участок, и через несколько мнут начали прибывать наши гаубицы. Их было три: четвертая куда-то пропала, предположительно, она была потеряна вместе с планером.»

Четвертая гаубица находилась в планере, у которого в воздухе оборвался буксировочный трос и который приземлился, не долетев до зоны высадки. Ее расчет попал в плен. По-видимому, немец, с которым говорил Роберт Кристи, был из числа военнослужащих,

попавших в наспех собранные части усиления обороны, среди которых были как возрастные, так и очень молодые солдаты.

Роберт Кристи

«Мы установили одну гаубицу в северо-западном углу поля, еще одну – в центре, ближе к дороге, а третью на противоположной стороне улицы, между церковью и домом *ter Horst*. Мы вырыли окоп для КП позади и правее центрального орудия.»

Эрик Батлер

«Я вступил в контакт с моим взводом из четырех пушек в 08.30. Все были на месте, все было в порядке – так я доложил в штаб дивизии лейтенанту Брайану Истону (Brian Easton), командиру батальона. Рэй Диккенс (Ray Dickens) был повышен в звании до капитана и назначен заместителем командира Роты Е. Я попытался продвинуться к мосту, где были остановлены роты А и В с комбатом – уже за окрестностями города (имеется в виду Остербек – ВК), где ситуация была довольно нестабильной *(очевидно, Батлер имеет в виду неудавшуюся попытку Стаффордширцев пробиться в Арнем – ВК)*. Потерял контакт с комбатом и ротами А и В – все рации вышли из строя.»

День 4. 20 сентября

К двадцатому сентября сил союзников уже было недостаточно для организации очередной попытки прорваться к позициям Фроста. Из девяти пехотных батальонов только один по-прежнему представлял собой полноценное боеспособное подразделение, в то время как остальные понесли тяжёлые потери или были разбросаны на местности. Эркарт принял непростое решение о создании оборонительного периметра вокруг Остербека, фактически не оставлявшее шансов 2-му Парашютному Батальону. Удерживая недействующую паромную переправу, Эркарт надеялся продержаться до прибытия 30-го Корпуса, который должен был создать новый плацдарм на Рейне, восстановив паромную переправу.

Положение в восточной части Остербека тем временем стабилизировалось. Многочисленные группы британцев защищали подступы к городу. Майор Ричард Лонсдейл (Richard Thomas Henry Lonsdale, 1913-1988) принял под свое начало наиболее удалённые группы, которые отошли от Арнема в предыдущий день и чьи позиции подвергались наиболее ожесточенным вражеским атакам, прежде чем им удалось отступить обратно к основному оборонительному периметру. Сектор Лонсдейла оставался основной линией обороны в юго-восточной части периметра. *Приграничные Шотландцы* удерживали западную часть города, также частично заполняя пробелы в обороне северного направления. Поскольку всё больше сил отступало к новому оборонительному периметру, они были реорганизованы, сформировав оборонительный периметр в форме пальца, упиравшегося в южной части в Рейн.

С самого утра смешанные подразделения в Вольфхезе начали отступление к Остербеку, некоторые из них были окружены и были вынуждены сложить оружие. 150 человек 156-го Парашютного Батальона с его командиром Джоном Хэкеттом оказались в окружении и укрылись в ложбине в 400 метрах к западу от оборонительного периметра Остербека. Только ближе к вечеру около 90 из них прорвались в расположение *Приграничных Шотландцев*.

Снабжение в этот день улучшилось. Наконец-то в Великобританию было передано сообщение, в котором была обозначена новая точка выброски в Остербеке. Несмотря на это некоторые самолёты сбросили груз в посадочной зоне *Z*, где тот попал в руки немцам. Противник успешно использовали принятые у британцев сигналы для обозначения зоны доставки, и многие пилоты были введены в заблуждение. Десять самолётов были сбиты около Арнема, и только 13 % грузов попало в руки британцев.

Подполковнику Фросту всё-таки удалось наладить радиосвязь с командованием десантной группировкой и узнать, что подкрепления ждать, скорее всего, не имеет смысла. Вскоре после этого, примерно в 13.30, Он получил ранение в ноги в результате миномётного обстрела. Командование перешло к майору Чарлзу Гофу (Charles Frederick Howard Gough, 1901-1977, на фото слева), но к концу дня дальнейшее удержание оборонительных позиций стало невозможным. Когда многие здания с ранеными оказались охваченными огнём, возникло двухчасовое затишье в битве. Раненые, в том числе и Фрост, были взяты в плен. К 05.00 утра следующего дня сопротивление на мосту прекратилось. В последние часы битвы с моста было отправлено радиосообщение. Оно не было получено британцами, но было перехвачено немцами. Последние его слова были следующими: «Закончились боеприпасы. Боже, храни короля».

20 сентября немцы приступили к систематическому обстрелу здания школы из танковых пушек и минометов. К этому моменту из 50 бойцов первоначального состава в живых оставалось 45 человек, 31 из них был ранен. Еще несколько человек было убито при попытке прорваться из окружения небольшими группами. Попав в плен, Маккэй 21 сентября сумел бежать вместе с капралом Веаром (Weir) и сержантом Хамфрисом (Humphreys) и 23-го добрался до своих.

Томас Эмир Дэйвис

«Вторая волна десанта из Англии не прибыла вовремя, задержавшись из-за плохой погоды над аэродромами. По иронии судьбы, в Арнеме стояла прекрасная погода. Многие местные жители попрятались в подвалах, пока шли бои. Другие бежали в условиях неразберихи, когда очаги сопротивления были разбросаны по площади, многие пали жертвой перекрестного пулеметного огня и артиллерийских снарядов. Никто не знал, что посоветовать им и в каком направлении им будут лучше всего уходить. Местами город горел, потому что немцы ввели в действие огнеметы, и быстро превращался в инферно: на наши позиции падали снаряды, давая начало пожарам. Безжалостные обстрелы были беспорядочными… Один молодой парень начал метаться, закрыв лицо руками: оно было забрызгано кусками окровавленной плоти. Прямо на его товарища упал снаряд, разбросав частицы его тела по всем направлениям. Ужас и шок от произошедшего ошеломили его и едва не свели не с ума…

Немцы в бою на одной из улиц Арнема…

Позднее мы узнали, что из-за утечки секретной информации немцы ожидали появление воздушного десанта где-то в центре Голландии, и держали в резерве танковую дивизию, чтобы она могла немедленно вступить в бой, если появится необходимость. Как следствие, это было всего лишь вопросом времени, прежде чем противник с его тяжелой техникой начал брать вверх, пробиваясь в город с севера. Заняв дома, господствующими над нашими позициями у берега реки, они забрасывали нас гранатами, вынуждая уходить в подвалы с тыльной части зданий, где нам приходилось вступать в рукопашные бои.

После того, как нам в нескольких зданиях удалось пробиться наверх, используя гранаты, немцы отступили на расположенный над нами этаж. Вскоре мы услышали лязг и грохот танковых гусениц, продвигавшихся в нашу сторону. Приблизившись, командиры танковых экипажей стали призывать нас сдаться, но мы держались, потому что знали: остается небольшая вероятность того, что прибудут союзники и выручат нас. Издалека до нас доносился грохот тяжелой артиллерии, и мы предположили, что это 2-я Британская Армия генерала Брайана Хоррокса (Brian Horrocks). В воздухе находилось множество самолетов союзников, но они не имели возможности определить, где находимся мы, а где немцы, потому что боестолкновения происходили повсюду…

Танки начали обстрел зданий, в которых мы укрывались, их стены ходили ходуном. Поднялись облака пыли, повсюду летели обломки кирпичей и стекла. Наш взводный лежал полу, истекая кровью: мы кое-как сумели перевязать ему рану в плече… Мы сожгли все документы и карты, которые, как мы полагали, могли оказаться в чем-то полезными немцам. Наше положение выглядело безнадежным, боеприпасы почти кончились, люди были обессилены, оставаясь без сна уже двое суток. Неожиданно наступило короткое затишье – вопли и пальба со стороны улицы прекратились. Эта зловещая тишина наводила больший страх, чем крики немцев. Билл Уилсон (Bill Wilson) произнес со своим сильнейшим шотландским акцентом: «Что за чертовщина происходит?» Словно в ответ на его вопрос в дверном проеме выросла тень, и появился молодой немецкий солдат в сопровождении двух других. Им не могло быть больше 17 лет. Их оружие дергалось в их руках, это говорило о том, что они нервничали и были в возбужденном состоянии, когда кричали «хенде хох». Я уверен в том, что любое бездумное или неосторожное движение с нашей стороны было бы самоубийственным. Они, вне всякого сомнения, изрешетили бы нас…

Немцы обыскивают сложивших оружие парашютистов…

Мы кивнули на нашего офицера, лежавшего на полу, давая понять, что о нем нужно побеспокоиться. Они вывели нас на дневной свет, где находились другие немецкие солдаты, по форме которых можно было определить, что они были из танковой дивизии СС. Они стояли шеренгами в саду за домом, их указательные пальцы лежали на курках. Нас провели по улице и затолкали в поджидавшие нас грузовики, отправлявшиеся в тыл… Мы ехали по очаровательной голландской сельской местности. Жители деревень, через которые мы проезжали, казалось, побаивались демонстрировать свои истинные чувства, опасаясь мести со стороны немцев. Это стало ясно после эпизода, в котором веселая старая дама прокричала что-то непонятное, махнув нам рукой и стараясь приободрить нас. Сопровождавший нас светловолосый немец-фанатик выстрелил в нее из своего Маузера. Она отшатнулась к стене дома, но тут грузовик повернул за изгиб дороги, и мы так и не узнали, была она убита или ранена…»

Роберт Кристи

«В среду, на рассвете, наскоро выпив чаю, я пошел в прачечную, чтобы умыться и побриться. Стоило мне поднести бритву к подбородку, как немцы начали обстрел нашей позиции из своих шестиствольных минометов. Я стер пену с лица и выскочил на улицу… Из находившихся к северу зарослей и с крыш домов, расположенных северо-восточнее, вели огонь снайперы, и я заметил, что сначала, вроде как, они игнорировали людей и стреляли по нашей технике. На протяжении всего сражения нас донимали как большое количество снайперов, так и непрерывный пулеметный огонь, минометы и самоходная артиллерия противника. По счастью, они были в основном плохими стрелками, но представляли из себя постоянную угрозу, которая ощущалась на индивидуальном уровне и по этой причине сильно давила на психику.

Около 10 утра неожиданно начался сильный минометный и артиллерийский обстрел позиций Отделения С. На нас обрушился град мин *небельверферов*. Начиная с этого момента, темп и напряжение боя быстро достигли крещендо и уже не ослабевали на протяжении всех последующих дней. События, происходившие под Арнемом вплоть до этого момента, относительно ясно сохранились в моей памяти, но, если говорить о том, что случилось позднее, у меня осталось лишь общее представление о нескольких особенно значимых эпизодах.

Я помню, как мы в тот день вели огонь по нескольким целям, включая прилегающие к Арнемскому мосту. Я отвечал за получение привязок к карте от артиллерийских офицеров, находившихся на передовой вместе с различными батальонами, и конвертировал их в установки прицеливания для наших гаубиц.

Одна из гаубиц Отделения D 2-й Батареи в бою 20 сентября. Слева направо артиллеристы Миллер (Miller), Дэйви (Davey), Эслоп (Aslop) и Прентис (Prentice). Все они после окончания боев попали в плен…

Одна из наших целей носила прозвище *Mike* – так ее назвал командир батареи – это были вражеские грузовики и пехота в районе южного въезда на Арнемский мост. Я также помню, что одной из целей был пригородный поезд, который, по-видимому, был на электрической тяге и остановился на северной стороне реки, рядом с железнодорожным мостом. Считалось, что немцы сконцентрировались возле него, но ни одного из них мы так и не увидели. Мы выпустили по нему несколько снарядов, но, насколько я помню, ущерб от этого был незначительным.»

Эрик Батлер

«Противник попытался атаковать нас и оттеснить на запад. Мы были настроены удержать наши позиции, но несли от минометного огня тяжелые потери. Поступило сообщение о приближении [вражеских] танков, поэтому я быстро развернул [противотанковые 6-фунтовые] пушки на обочине дороги. Под началом майора Бьюкенена (Buchanan), комроты S, сколотили группу из остатков всех батальонов всех бригад.

Артиллеристы 2-го Батальона Южно-Стаффордширского Полка в бою на западной окраине Остербека

Подошли танки, но мы устояли. Все мои пушки выведены из строя.»

Эрик Батлер

«В ходе боя геройски погиб сержант Джон Баскифилд (John Baskeyfield, род. в 1922 г., на фото слева), посмертно он был награжден Крестом Виктории *(здесь лейтенант Батлер ошибся: Баскифилд погиб 22 сентября – ВК)*. Меня ранило в запястье, и моя рука онемела.

Мы оставались под сильным огнем минометов и *Стонущих Минни* и постоянно несли потери. От 30-го Корпуса никаких новостей – я начал терять какую-либо надежду на его прибытие. К югу от реки высадились польские парашютисты, чтобы попытаться создать плацдарм для 30-го Корпуса – никакого результата. С воздуха сбрасывают грузы – большая их часть попадает в руки противника. Раненым срочно требуются медицинские средства. Рука моя болит уже чертовски сильно. Но мы все еще держимся – продержались ночь с 20-го на 21-е.»

День 5. 21 сентября

Британцы, которые удерживали Арнемский мост, дали возможность американской 82-й Воздушно-десантной и британской Гвардейской Танковой дивизиям захватить Неймегенский мост. Все утро немцы зачищали от уцелевших британцев пространство, примыкающее к Арнемскому мосту. Несколько часов заняла расчистка моста от сгоревшей техники, после которой *панцеры* получили возможность переправиться через реку и усилить позиции под Неймегеном. После того, как было подавлено сопротивление защитников Арнемского моста, у немцев высвободились силы для атак на Остербек, хотя после полудня ситуация изменилась.

Ранее задержавшись из-за непогоды, парашютисты 1-й Польской Парашютной Бригады [командир – Станислав Сосабовский (Stanisław Sosabowski)] около 17.00 высадились под огнем и понеся ощутимые потери на южном берегу Рейна близ Дрила//Driel. Выйдя к реке, они обнаружили, что парома нет: паромщик перерезал тросы, чтобы его не смогли использовать немцы, а сам паром уплыл вниз по течению. Прибытие поляков ослабило давление на британцев: немцы были вынуждены перебросить дополнительные силы на южный берег Рейна.

Вид на паромную переправу через Рейн в районе Остербека за два года до войны. Ширина русла реки здесь около 250 ярдов

В Остербеке британцы консолидировали свои позиции и организовали две оборонительные линии. Хикс взял под свою команду северную и западную стороны периметра, Хэккетт – восточную. Линии состояли из пунктов обороны в домах и окопах вокруг центра Остербека, штаб дивизии разместился в отеле *Hartenstein*. Периметр был примерно 3 мили в длину, его обороняли примерно 3 600 человек. Курсанты унтер-офицерской школы *Hermann Göring* атаковали западный фланг периметра близ Рейна, вынудив британцев оставить тактически важные высоты, господствующие над городом. Британцам сильно поднял настроение контакт с 64-м Полком Артиллерии Среднего Калибра/64th Medium Regiment 30-го Корпуса, обстрелявшим немецкие позиции вокруг периметра.

Британцы видели, как высаживаются поляки, но не смогли вступить с ними в контакт по радио. Вечером этого дня капитан Людвик Зволански (Ludwik Zwolanski, 1916-1991), офицер связи при штабе Эркарта, переплыл через Рейн, чтобы передать соотечественникам информацию о планах командования. Британцы запланировали переброску в этот сектор надувных плавсредств для того, чтобы ночью переправить на северный берег поляков. Последние ждали до 03.30, но плавсредства так и не прибыли, и им пришлось отступить к Дрилу и занять там оборону.

Роберт Кристи

«В поздние послеполуденные часы, когда поляки высаживались близ Дрила, все вражеские орудия как будто замолчали. Обстрел, который до этого момент продолжался без перерывов, неожиданно остановился, и вся вражеская артиллерия сконцентрировалась на находившихся в воздухе самолетах. Я помню, что был в курсе: высаживаются поляки, но мы не сталм тратить много времени на то, чтобы разглядывать их. Передышка была слишком драгоценной, чтобы стоять и пялиться на парашютистов. Вместо этого мы воспользовались паузой для того, чтобы передвинуть джипы и технику, вырыть новые окопы для пушек, подтащить к ним боеприпасы, привести в порядок маскировку и отбросить подальше снарядные гильзы.»

Эрик Батлер

«На рассвете опять минометный огонь, и я решил, что нам придется отходить в конце дня, так как мы понесли слишком большие потери. Ребята сражаются великолепно, но из 8 пушек у нас остались только 2. Около 16.00 начали отход. Остальная часть дивизии находилась в Остербеке. Когда стало темнеть, я пошел на полковой перевязочный пункт, который разместился рядом с церковью. Там я первый раз за два дня поел – выпил чашку чая и съел галету, попозже – немного супа. Утром я покинул этот пункт, и пока шел назад, в пяти ярдах от меня разорвалась мина. Меня перебросило через стену, там меня подобрали и оттащили на тот же перевязочный пункт.»

Дни 6-й и 7-й. 22-23 сентября

22 сентября

Ночью немцы, перешедшие на южный берег, сформировали заслон вдоль железной дороги, сомкнув позиции с находившимися южнее частями 10-й Дивизии СС и заблокировав полякам выход к Арнемскому мосту. Последние хорошо окопались в Дриле, и немецкая бронетехника не сумела съехать с главной дороги, чтобы атаковать их. Настроение у союзников поднялось, когда три бронеавтомобиля 30-го Корпуса сумели обойти немецкие позиции и пробиться к позициям поляков. За ним и после наступления темноты последовали танки Батальона 4/7 Королевских Гвардейских Драгун / 4th/7th Royal Dragoon Guards и пехота 5-го Батальона Легкой Пехоты Герцога Корнуоллского/Duke of Cornwall's Light Infantry. За ними через узкий коридор продвигались остальные части 43-й Уэссексской Дивизии/Wessex.

Польские парашютисты под Арнемом…

В Остербеке продолжались ожесточенные бои. Из-за непрерывного обстрела силами артиллерии и снайперов у британцев росло число раненых – ими были забиты перевязочные пункты в отелях и домах. В 9 утра начались интенсивные атаки силами

различных боевых групп 9-й Дивизии СС с востока и Боевой Группы *von Tettau* с запада. Немцы не добились существенного продвижения, но за ними после полудня последовали новые одновременные удары с севера и с востока. На севере немцам удалось на короткое время потеснить *Приграничных Шотландцев*, но те контратаковали и вернули утраченные позиции. Эркарт сознавал бесполезность удержания тактически малозначимого северного окончания периметра и приказал своим частям отступить и сформировать более короткий сектор обороны. На востоке остатки 10-го Парашютного Батальона были почти полностью уничтожены на дороге, ведущей к Арнему, но немцы не сумели продвинуться далеко.

Двое штабных офицеров Эркарта днем переплыли Рейн и вступили в контакт со штабом Сособовского. Была организована доставка шести надувных лодок на северный берег. Чтобы дать полякам возможность переправиться через реку и усилить оборону Остербека. Ночью план был приведен в действие, но трос, с помощью которого собирались тянуть лодки, порвался, и имеющихся малых весел было недостаточно для эффективной переправы через реку. До рассвета всего 55 поляков перебрались на северный берег, и всего 35 из них добрались до периметра.

23 сентября

Шпиндлер получил приказ переместить направление своих атак южнее, чтобы оттеснить британцев от реки и пресечь переброску им подкреплений. Энергичные попытки немцев осуществить это провалились. Тем временем непрерывные артобстрелы продолжали наносить британцам потери.

Улучшение погоды дало Королевским ВВС возможность приступить к нанесению ударов по позициям немцев под Остербеком. *Тайфуны* и *Тандерболты/Thunderbolt* весь день обстреливали позиции противника, иногда вступая в воздушные бои с истребителями *Люфтваффе*. После полудня британцы попытались в последний раз сбросить осажденным частям грузы, но потеряли 8 самолетов, доставив наземным войскам самый минимум. В следующие два дня будут предприняты еще несколько маломасштабных попыток сброса припасов с воздуха, но эффект от этого был незначительным.

К югу от реки поляки подготовились к еще одной попытке переправиться на северный берег. С вечера они ждали доставки штурмовых лодок 30-го Корпуса, но они прибыли уже после полуночи, и многие были без весел. Переправа началась в 03.00 при огневом прикрытии со стороны 43-й Уэссекской Дивизии. За оставшиеся до рассвета часы переправились 153 человека – менее ¼ от ожидаемого числа.

Роберт Кристи

«У меня не осталось отчетливых воспоминаний о событиях этих дней, но я помню чувство пребывания в гуще сражения. Я помню непрерывный шум, но у меня нет слов, чтобы описать его. Шум становился все сильнее и сильнее. Было трудно думать о чем-то с какой-то определенностью, не говоря уже о том, чтобы производить вычисления на КП отделения. На нас непрерывно падали мины и снаряды, по нам вели огонь из стрелкового оружия, грохотали наши гаубицы. Иногда появлялись другие шумы: стук гусениц немецких танков по брусчатке, рев дизельных двигателей, взрывы взлетающих на воздух машин и боеприпасов, рыдания и вопли. Всему этому не было конца. Усталость была большим испытанием, чем голод. Мы могли поспать только от случая к случаю. Совсем немного, и этот сон прерывался грохотом, разрывами снарядов и призывами проснуться. Физические и психические усилия давались со все большим трудом, но мы справлялись и хорошо делали свое дело.

Находясь на КП, я был вынужден постоянно искать свои инструменты, планы и расчетные бумаги, потому что все это постоянно разлеталось по сторонам из-за взрывов и из-за того, что нас постоянно встряхивало. Радиосвязь с дивизией была постоянной проблемой.

Связь в нашем полку и на нашей батарее работала лучше, чем у других. Связь между рациями №22 *(тяжелые рации, которые перемещались на джипах, дальность действия до 20 миль - ВК)* можно было установить всегда, связь между рациями №22 и 68 *(заплечная рация, дальность действия 8 км - ВК)* устанавливалась с некоторыми трудностями.

Я хорошо помню, что требовались усилия и концентрация для того, чтобы считывать неразборчивые и искаженные сообщения. Такими были первые сигналы, посланные артиллеристами 30-го Корпуса, и как мы были рады услышать их…

Батарейный огневой планшет, который мы использовали на КП, не имел обычного транспортира. Вместо этого на нем был прозрачный круг и стрелка, что позволяло наводить стволы в любом направлении. С нашей позиции все цели находились между азимутами 315 и 120 градусов. Однако по мере того, как развивались события, мы приступали к обстрелу целей, находившихся на все меньшем расстоянии от нас. В целом ряде случаев они были слишком близко к нам, чтобы мы могли накрыть их огнем, и приходилось вызывать на них огонь артиллерии 30-го Корпуса. Точность их стрельбы была исключительной, он делали свое дело просто великолепно.

Единственным пищевым припасом, которым мы располагали, были два рассчитанных на 24 часа рациона (один помещался непосредственно в солдатский котелок – ВК), которые мы носили на себе, и ящик с композитным рационом (compo), по одному на каждый джип. Большая их часть была потеряна, когда наши машины сгорели. Я припоминаю только один случай, когда нам выдали рационы с батарейного штаба. Меня послали забрать то, что полагалось Отделению С. Один такой рацион состоял из трех консервных банок стандартного размера, но я уже не помню, что в них было… Ночью отдохнуть почти не пришлось. Горели дома, которые освещали все вокруг так, что темнота давала лишь очень слабое укрытие… Войну часто описывают как долгие периоды скуки, прерываемые вспышками высокого эмоционального возбуждения. Последние шесть дней под Остербеком состояли из долгих периодов такого возбуждения, постоянно прерываемых какими-то критическими моментами.»

22 сентября британские позиции в Остербеке были атакованы с четырех сторон. Основной целью был отель *Hartenstein*. Ко времени наступления темноты британцы были изолированы на участке размером 2х2 километра. Однако они продолжали упорно сопротивляться. Несмотря на давление со стороны Моделя, требовавшего покончить с британцами, Харцер принял решение объявить перемирие.

Как уже говорилось, в ходе перемирия 450 раненых британцев были перевезены в больничный комплекс *Elisabeth Gasthuis*, в которой работающие вместе британские и немецкие врачи оказывали помощь раненым с начала боев.

День 8. 24 сентября

Утром генерал Хоррокс посетил позиции поляков под Дрилом. Позднее он провел совещание с генерал-майором военно-воздушных сил при штабе Эйзенхауэра (Dwight Eisenhower) Фредериком Браунингом (Frederick Browning, 1896-1965), генерал-майором Айвором Томасом (Ivor Thomas, 1893-1972), командиром 43-й Дивизии и Сосабовским в Валбурге/Valburg. Было решено попытаться осуществить еще одну переправу в ночь с 24-го на 25-е. Однако Хоррокс уже видел безнадежность складывающейся ситуации, и был составлен план отвода 1-й Воздушно-десантной Дивизии.

Положение в Остербеке становилось отчаянным. Утром был ранен Хэккет. На перевязочных пунктах было уже около 2 000 раненых: британцев, немцев, голландских мирных жителей. В этот день дивизионный врач, полковник Грэм Уоррэк (на фото слева) попросил Эркарта разрешения на переговоры о перемирии. Уоррэка отвезли в штаб Биттриха, который согласился на это и предложил британцы столько медикаментов, сколько он сможет увезти с собой. Между 15.00 и 17.00 началось перемирие, и около 450 неходячих и ходячих раненых были эвакуированы с Остербекского периметра. Немцы на автомашинах вывезли тяжелораненых в больничный комплекс *Elisabeth Gasthuis* в Арнеме.

Ночью союзники предприняли еще одну попытку перебросить подкрепления на северный берег. Согласно плану 4-й Батальон Дорсетского/Dorset Полка и 1-й Польский Парашютный Батальон должны были переправиться в 22.00 на лодках и амфибийных машинах *DUKW (также Ducks/Утки - ВК)*. Плавсредства прибыли в 01.00, часть их была потеряна по пути, и, поскольку планы изменились в последний момент, переправляться стали только *Дорсетцы*. Из-за сильного течения и неумения солдат управлять плавсредствами из 315 отправившихся в путь до другого берега добралась только горстка людей. *Утки* и большая часть лодок были снесены далеко вниз по течению, и не менее 200 человек попали в плен…

Роберт Кристи

«В воскресенье (24-го) я услышал, а потом увидел, что приближаются самолеты с грузами для десанта. Совсем немного очень ценных грузов попало нам в руки за предыдущие несколько дней, и, прихватив желтые треугольные куски ацетатного шелка, мы повылезали из своих окопов и встали в полный рост, размахивая ими. Рядом с нами упало довольно много грузов. Снова могло показаться, что все немецкие орудия устремили свои стволы вверх и, по сути дела прекратили обстрел наземных целей.

Я видел, как к земле приближалась сдвоенная упаковка с грузом. Ее парашют зацепился за гребень крыши одного из близлежащих домов. Я побежал к этому дома, решив, что наилучший путь к этому грузу лежит через чердак. Я добрался до входной двери и повернул ручку. Дверь оказалась запертой. Будучи выросшим на голливудских гангстерских фильмах, я попытался размолотить замок выстрелами из моего Стена. Ничего не получилось. Попробовал еще раз – все то же самое. В конце концов, в озлоблении я выпустил остаток магазина, после чего из-за двери до меня донесся голос одного из моих приятелей: «Ради бога, прекрати пальбу, и я отодвину засов.» Тут я понял, что все окна дома открыты… Потом оказалось, что все контейнеры в упаковках набиты чем угодно, но не продуктами. Я был опечален и вернулся назад, чтобы и дальше поедать дикие кислые яблоки и твердые груши, которые росли за зданием прачечной. Некоторые парни обнаружили печеные и неподслащенные яблоки в горшках, найденных ими в прачечной, и наелись этой горьковатой мягкой кашицы, в результате чего все заработали тяжелые расстройства кишечника.»

В поздние послеполуденные часы артиллеристы Артур Вудс (Arthur Woods) и Дэвид Пламмер (David Plummer, на фото слева) из Отделения *C* получили приказ заняться переноской, раненых на перевязочный пункт, разместившийся в доме *ter Horst*. Когда они вносили через главный вход последнего раненого, пуля немецкого снайпера попала Пламмеру в сердце. Он умер мгновенно, было ему 19 лет…

Эрик Батлер

«В итоге я оказался на главном перевязочном пункте… Мы все еще надеялись на подход частей 30-го Корпуса… Я уже не мог сидеть и думал, что пришел конец моему позвоночнику, хотя очень сильных болей не было.

К 11 утра всякое организованное сопротивление с нашей стороны подошло к концу. Появились немецкие медики, которые стали оказывать такую помощь, какую могли в тех обстоятельствах. Время от времени я выкуривал по сигарете, но их запас подходил к концу… Противник подкатил санитарные машины и множество конвертированных в них грузовиков. Наши врачи и медики делали свое дело превосходно, немцы очень хорошо им помогали.»

День 9. 25 сентября

В ночь с 24-го 25-е план отвода войск был переправлен Эркарту. В 08.0 он вышел на связь с Томасом и согласился с ним при условии, что он будет приведен в действие ближайшей ночью. В 10 утра немцы осуществили свою наиболее успешную атаку на Остербекский периметр, нанеся удар по юго-восточному флангу силами пехоты при поддержке недавно прибывших *Тигров*. Им удалось вклиниться в оборону союзников, поставив обороняющихся под угрозу изоляции от реки, но британцы контратаковали при поддержке артиллерии и вернули утраченные позиции.

К 21.00 начался сильный дождь, британцы начали эвакуацию, и к 5 часам утра операция завершилась. 2 163 десантника, 160 поляков, 75 *Дорсетцев* и несколько десятков человек из других частей и формирований переправились на южный берег, однако около 300 солдат и офицеров остались на другом берегу. 95 человек были убиты по время эвакуации. Утром 26 сентября немцы возобновили атаки, но поняли, что противник оставил плацдарм, только около полудня. Позднее они окружили около 600 человек, в основном находившихся на перевязочных пунктах раненых, людей, оставленных на северном берегу и защитников последних очагов сопротивления, не имевших связи с командованием и даже не знавших об эвакуации…

Из книги *Артиллеристы под Арнемом/The Gunners at Arnhem*, вспоминает **Питер Уилкинсон** (**Peter Wilkinson**, 1922-2017, на фото слева), капитан 1-го Аэромобильного Полка Легкой Артиллерии, участник описываемых событий):

«В течение всего дня противник продолжал непрерывно оказывать давление, обстреливая [британцев] из артиллерийских орудий и минометов, атакуя силами танков и пехоты и просачиваясь через оборонительные позиции. Было очевидно, что его основной удар нацелен на то, чтобы отрезать оставшиеся силы 1-й Дивизии от реки. Придерживаясь этой тактики, он добился значительного успеха, и на некоторых участках оборонительного периметра его танки раскатывали почти в свободном режиме.»

Большое количество [немецкой] пехоты снова проникло в лес к северу от позиций 2-й Батареи и отрезало ее от северной части оборонительного периметра. Майор Линтон, командир батареи, и майор Роберт Крут (Robert Shirley Croot, 1910 – погиб в авиакатастрофе 05.12.1944, на фото справа, один из летчиков планерной Эскадрильи *G*) готовили контратаку силами артиллеристов батареи, когда пришло сообщение о том, что вражеские танки продвигаются к ее позиции с северо-запада. Поскольку каких-либо дополнительных противотанковых средств у людей не было, они получили приказ стрелять по танкам прямой наводкой, как только те окажутся в поле зрения.

Роберт Кристи

«Утром последнего дня, около 10, я сидел в стрелковой ячейке на КП отделения. Со мной в окопчике был радист отделения Пип Паркс (Percy Pip Parkes, 1915-1991, на фото слева, бывший полицейский из Дербишира, боевой товарищ Роберта Кристи. Он был освобожден от воинской службы, но добровольно записался в воздушно-десантные войска.) Нас предупредили о том, что [корпусная] артиллерия поведет обстрел противника, находившегося к северу от позиций батареи. Нам сказали пригнуть головы пониже. Все их снаряды попали в цель – не было ни одного недолета.»

Из книги *Arnhem Bridge Target Mike One*; *an illustrated history of the 1st Airlanding Light Regiment RA 1942-1945 North Africa, Italy, Arnhem, Norway*, David Truesdale, Martijn Cornelissen & Bob Gerritsen (2015):

В 11.00 уцелевшие позиции Отделения *C*, как сообщалось в рапортах, были атакованы танком *Тигр*, поддержанным самоходной артиллерийской установкой и пехотой, которые попытались прорваться внутрь оборонительного периметра примерно в 200 ярдах к северо-западу от старой церкви, расположенной близ прачечной *Van Dolderen*. До этого немалое число раз атаки осуществлялись силами 9-й Панцергренадерской Дивизии, которая получала подкрепления за счет частей, которые могли и не входить в категорию боевых. Они каждый раз несли тяжелые потери, когда накатывались на хорошо окопавшиеся части Боевой Группы *Lonsdale/Lonsdale Force* [Собранное на скорую руку соединение из различных частей под командованием майора Ричарда Лонсдейла (Richard Lonsdale, 193-1988, Парашютный Полк, на фото справа], сыгравшее важнейшую роль в обороне Остербекского периметра)

На этот раз тактика противника изменилась. Немцы отвели назад своих не самых лучших солдат и заменили их небольшими отрядами ветеранов, которых поддержали недавно прибывшие в этот сектор боев *Тигры* с экипажами, укомплектованными обстрелянными танкистами. Примерно со 150 ярдов противник открыл огонь по позициям артиллеристов, используя свои пулеметы, и нанес тяжелые потери обороняющимся…

В одном из окопов укрывались от огня артиллеристы Отделения *C* Перси Паркс и Боб Кристи. Вспоминает Паркс: «Я связался по рации с Отделением *D*, находившимся севернее нас, за углом и рядом с садом, и запросил помощь. Они сказали, что помочь не могут, поскольку их самих смяли.»

Роберт Кристи

«Ярдах в 100 я увидел два Тигра, приближавшихся к ряду домов, стоявших сразу за Мьюзик Холлом. В одном из них, я знал об этом, находился КП батареи, который контролировал действия всех наших огневых точек. Наш участок теперь был очень сильным артиллерийским огнем как со стороны немцев, так и со стороны британцев. Я слышал, как кто-то вызвал огонь британской артиллерии на свою собственную позицию, чтобы отогнать немцев. Наблюдая за происходящим, я увидел, как первый танк прогромыхал прямо к бунгало, где находился КП батареи, и начал крушить его гусеницами. Второй танк откатился немного в сторону, объехал ряд домов и отъехал назад, прикрывая первый танк.

Я услышал, как связист КП вышел на связь. Это был шотландец, как и я, тоже из Данди, 20-летний Вилли Спиди (Willie Speedie). Довольно внятно Спиди пояснил, что они испытывают «некоторые трудности», и спросил Отделение С, не может ли оно как-нибудь помочь. Старший офицер, лейтенант Эдриан Доналдсон (Adrian Donaldson), ответил, что

мы сами в беспомощном положении. После этого Спиди связался с Отделением D и также спросил, не могут ли они помочь. У них такой возможности не было. Спокойно, в полном соответствии с установленным порядком, Спиди уведомил батарею, что отключает связь. Он передал управление другому пункту и закончил следующими словами: «Я отключаюсь. Конец связи». Вилли сделал то, что было прописано в инструкции по радиосвязи, и сделал он это тогда, когда окружающие его стены буквально рушились… Я видел, как танк откатился назад, чтобы еще раз таранить здание. Я заключил, что Вилли - покойник, но позднее узнал, что храбрый радист сумел бежать оттуда. (Вилли Спиди переплыл через Рейн и попал в плен, он умер в Данди в возрасте 67 лет в 1991 году.)

Когда два Тигра переключились на капустное поле, на котором занимало позиции Отделение С, Доналдсон, младший бомбардир Джеймс Диксон (James Dickson) пробрался через живую изгородь, нашел польскую 6-фунтовку и вместе с несколькими все еще находившимися в строю товарищами по отделению выкатил ее на открытую местность.»

Уничтоженный Тигр II из 506-го Батальона Тяжелых Танков в начале улицы Weverstraat. Не менее семи попавших в него снарядов 75-мм противотанковой гаубицы не нанесли ему никакого ущерба. После этого он был обездвижен попаданиями гаубичных снарядов в шасси и добит из ПИАТов

Перси Паркс

«Они выкатили шестифунтовку на дорогу и открыли из нее огонь. Раздался страшный грохот, и мы увидели, как снаряд попал в танк. Они выпустили прямой наводкой девять снарядов. Я вел им счет и каждый раз мне казалось, что у меня сейчас отвалится голова. Я видел, что происходит нечто очень странное: каждый раз, когда они производили выстрел, воздушная волна высасывала из земли кочаны капусты и подбрасывала их в воздух, после чего они пролетали над нашим окопом.»

Роберт Кристи

«Именно за этот эпизод Эдриан Диксон получил *Орден за Отличие в Службе/Distinguished Service Order*, а Джеймс Диксон/James Dickson – *Военную Медаль*. Я не могу вспомнить, какой эффект это произвело на танк, но припоминаю, что он после этого не стал использовать свою 88-мм пушку, не стал он и атаковать нас в те немногие минуты, когда я все еще находился на позиции. Однако он использовал свой пулемет, чтобы прочесать огнем орудийные окопы и огневые точки. Тогда-то Пип и получил осколочное ранение в лицо.»

Перси Паркс

«Благодаря тому, что сверху наш окоп были прикрыт (настилом), было невозможно просто так выбраться из него. После нескольких очень стрессовых минут, каждая из которых, как я думал тогда, было последней в моей жизни, мы сумели прорыть лаз через заднюю стенку окопа в прилагающую воронку от снаряда, потом проделали дыру в густой живой изгороди и через нее рванули туда, где стояли дома. Там мы нашли пулемет *Брен* и шесть магазинов к нему.»

Роберт Кристи

«Пока мы бежали, я почувствовал, что меня чем-то ударило по голове. Осколок пробил мою каску и зацепил кожу на голове. Это было легкое ранение, но ударило меня крепко, и после этого я испытывал состояние контузии еще несколько часов. Голова у меня кружилась, но я продолжал бежать. Мы забежали в прачечную через главный вход и выскочили с другой стороны. Повернув немного на север, мы пробежали через несколько садиков на задворках. В одном из них я остановился у декоративного пруда. Я посмотрел на воду, все еще в состоянии шока, и был удивлен, увидев, что сверху на него падают дождинки, издавая булькающие звуки. Неожиданно подбежал Пип и оттолкнул меня от пруда. Эти капельки дождя были пулями – кто-то стрелял по мне….

Найдя себе оружие и боеприпасы, мы переместились западнее вдоль дороги *Benedendorpsweg* примерно в пункт с координатами 69207735, в большой дом, последний из стоявших у дороги в этом направлении. Я был шокирован, обнаружив, что мы оказались на противоположном краю периметра. Появились еще несколько парней из Отделения С [среди них были Артур Вудс и бомбардир Дж. Эванс (J. Evans)]. Вместе с четырьмя этими ребятами и двумя польскими парашютистами, у которых был Брен, мы получили приказ занять позицию в северо-западном углу участка, на котором стоял дом. Отсюда мы прикрывали дорогу и участок открытой местности, протягивающийся до небольшого цеха по переработке газа. Немецкая пехота занимала позиции сразу к западу от него.

Поляки остались с нами, потому что я говорил по-немецки, как и они. К моему крайнему изумлению и огорчению, один из поляков заметил, что как только мы покончим с немцами, нам придется готовиться к следующей войне – с русскими… Наибольшая опасность для Отделения С исходила с востока, хотя мы прикрывали западное направление. В этом месте ширина периметра была около 250 метров.»

Роберт Кристи (по книге *Winged Gunners,* R.C. Woolacott, 1994):

«Как только мы закрепились на новой позиции, я пошел в большой дом, чтобы посмотреть, что в нем. В нем был обустроено что-то вроде пункта первой помощи с несколькими санитарами и множеством тяжело раненых солдат. В гараже лежал длинный ряд трупов. По участку, на котором стоял дом, были разбросаны небольшие группы солдат, занявших оборону.

Наступила темнота, и я снова направился в этот дом, чтобы попытаться узнать, что происходит. Там по-прежнему не было офицеров, но были несколько старших подофицеров, и один из них пересказал мне слух о том, что ночью дивизия будет отходить через Рейн. Когда я вернулся к своим товарищам, мы решили, что это маловероятно и что мы не можем действовать, основываясь на слухах. Однако мне было интересно, как мы будем выбираться отсюда, если отступление случится на самом деле: мы понятия не имели о том, каковы планы командования. Потом кто-то вспомнил, что в прачечной мы видели кучу комплектов немецкой униформы. Артур Вудс предложил, поскольку я говорю по-немецки, отправить меня туда, чтобы я стащил один комплект, надел ее и вывел всех остальных в поле зрения немцев у них под носом. Я отверг эту идею и сказал Вудсу: «К черту все это. Если меня поймают, они меня пристрелят.»

Позднее, около 22.00, как я полагаю, между деревьями справа от нас и напротив наших стрелковых ячеек неожиданно раздался взрыв. Кто-то набрел на 75-мм противотанковый снаряд или мину. Послышались возбужденные голоса людей, говоривших по-английски и треск сучьев в зарослях. Это была группа парней из 21-й Отдельной Парашютной Роты с офицером во главе… «Да, - сказал офицер. – Дивизия отходит. Да, это происходит официально. Я знаю, в каком направлении двигаться, но мы заблудились». Поскольку еще в среду я вынес на карту позицию нашего отделения, я точно знал, где мы находимся. Мы присоединились к этим парням и пошли по тому пути, по которому выбирались утром, но по другой стороне дороге – шли через сады, перебирались через стены и ограды, пробирались тропами и так прошли мимо дома *ter Horst*.

Ночную тьму рассекали трассы очередей и пронзали разрывы снарядов. Все вокруг горело, абсолютно все: дома, сараи, разбитые машины, кусты, деревья, заборы. Они отражались в облаках. Это был ад, который и сегодня отчетливо стоит у меня перед глазами. Постепенно теряя силы из-за полученного ранения и страдая от контузии, я чувствовал, что теряю ориентировку и в итоге оторвался от остальных.»

Эрик Батлер

«Нас эвакуировали в Апелдорн, что примерно в 20 милях к северу от Арнема, там нас (около 1 200 человек) разместили в бывших голландских казармах, переоборудованных в госпиталь. Наши врачи приступили к операциям и работали день и ночь с тем, что было под рукой. Многие умирали из-за отсутствия ухода. Некоторые парни лежали с ранениями уже больше недели и не получили к тому моменту ничего, кроме первой помощи. Священники делали все возможное, чтобы снабдить нас всем необходимым. Нам стали давать по два куска немецкого хлеба и немного немецкого кофе по утрам и что-то горячее по вечерам. Через какое-то время священники раздобыли для нас немного сигарет. Мы попытались посчитать, сколько людей из нашего батальона уцелело – получилось, что в Апелдорне было около 10 офицеров и 50 прочих чинов. Куда делись остальные, было одному богу известно. Однако наш священник (Элан Бьюкенен/Alan Buchanan) был в курсе того, что командир и большая часть офицеров Роты А попали в плен в городе и, по крайней мере, были живы.

Обмениваясь информацией, мы кое-как составили список потерь, понесенных батальоном. Довольно приблизительно – 6 офицеров определенно были убиты, примерно 70: прочих чинов были ранены или попали в плен (ранены были почти все)… Так окончилась моя первая воздушно-десантная операция.»

День 10. 26 сентября

Роберт Кристи

«Близ старой церкви *(имеется виду старая церковь Остербека, находившаяся на южном краю периметра - ВК)* я наткнулся на военного полицейского. Он стоял там, чтобы показывать другим дорогу, и сказал: «Иди туда, выходи на плоскотину, дальше шагай между двумя трассами, которые выпускают надо головами Бофорсы, потом упрешься в берег реки.»

Последний отрезок пути был нелегким. Я не знал, что идет сильный дождь, пока не почувствовал, что вымок до нитки. У меня осталось лишь очень смутное воспоминание о том, как я добрался до воды. Никакой толкучки не было, я забрался в небольшую лодку чьей-то помощью, сам помогал другим. Мы гребли прикладами, руками, касками. Помню, как взбирался на дальний берег, скользил, съезжал назад, снова преодолевал склон… Потом мы шли по покрытой щебнем дороге у верхней кромки берега…, и через какое-то время кто-то с обочины дороги шепотом дал нам совет. Это были ребята из отделения пехоты дорсетширцев из 43-й Дивизии, они сказали нам, что их рота выдвинулась далеко

вперед от передовой британцев, а сами они находятся далеко впереди своей роты. Совет был такой: «Рассредоточьтесь, меньше шумите, не сходите с дороги». Мы так и сделали и добрались до штаба их роты, где нас угостили чаем и галетами. Потом грузовики отвезли нас в Неймеген, где мы улеглись спать. Когда я проснулся, начался поиск знакомых лиц…»

День 11. 27 сентября

Роберт Кристи

«На следующий день, в Неймегене, меня отправили из школы, где я провел ночь, туда, где, как я предположил, ранее располагались немецкие казармы. Там я, следуя знакам, нашел людей из 2-й Батареи. Их собралась небольшая горстка. Мы стали ждать, потом, когда стемнело, стало очевидно, что ждать больше некого. Я насчитал в помещении около 20 человек. Я почувствовал, что вот-вот разрыдаюсь…»

Перси Паркс

«Это была самая темная ночь из всех, которые я помню, и еще пошел дождь. Однако случилось еще нечто забавное. Я видел, как через реку с южного берега летят огневые трассы, и их выпускали в воздух параллельно друг другу. Я подумал, что кто-то ведет огонь по *джерри*, чтобы прижать их к земле. Так или иначе, мы решили спуститься к реке. Пошли по дороге, прошли мимо наших артиллерийских позиций и потом приостановились возле дома ter Horst. Со мной был Эванс, мы шли по дорожке, похожей на тропу. Я спросил: «Что происходит?», и кто-то ответил: «Дивизия эвакуируется. Вот так вот.»

К этому времени уже почти наступил рассвет. На берегу все еще оставались триста-четыреста человек. Кто-то сказал, что они ждали эвакуации, но все лодки были потоплены. Ну. Эванс и говорит: «Похоже, придется плыть.» Я посмотрел на реку. У нее было широкое русло, вода была высокой, скорость течения, на первый взгляд, была около девяти узлов. Я устал, я был ранен, и я не думал, что мне удастся перебраться через нее. Я видел, как люди прыгали в воду в одежде, и их сносило вниз по течению. Другие переплывали реку, но тут были подстрелены, выбираясь из воды. Потом мы увидели, как один парень сумел выгрести на другой берег на доске, не бросив свой рюкзак. Я подумал. что он – просто герой, и решил, что если ему удалось это сделать, удастся и мне.»

Паркс разделся до трусов и выбросил все, включая дорогие золотые карманные часы *Hamilton*. Он и Эванс решили плыть наискось вверх по течению…

«Вода оказалась на удивление теплой, но как только я поплыл, мои трусы соскользнули вниз, и я сбросил их. Я плыл настолько энергично, насколько это было возможно, и добрался до другого берега, после чего спрятался в кустах, чтобы отдышаться. Потом рванул к зимней дамбе по открытой местности, где, как я видел раньше, были подстрелены другие ребята. Все шло хорошо, пока я не упал в канаву, заросшую крапивой, но жечь меня начало уже потом.»

Паркс добрался до небольшого фермерского коттеджа, находившегося у дамбы, и вошел в него. Там он, решив, что находится в безопасности, встал в полный рост и прошел мимо окна, смотревшего в сторону реки. Немецкие пулеметчики немедленно открыли огонь: их очередь разбила стекло и расщепила раму. Паркса не задело, но после этого он вел себя осторожнее. В одной из комнат он обнаружил женские панталоны, белые и очень теплые. Еще пошарив, он нашел мужскую спортивную рубашку и бутылку, заполненную бренди на одну четверть. Он выпил все до дна, но, по его воспоминаниям, на него это никак не подействовало… В итоге он добрался до Неймегена, где проспал двое суток на полу госпиталя.

Через Рейн удалось перебраться также Вудсу и Эвансу. Лейтенант Уайт и артиллерист Хэмптон, находившиеся с Робертом Кристи в одном планере, попали в плен и пережили войну. Майор Линтон, лейтенант Доналдсон, бомбардир Дикссон и Эрик Миллз также сумели добраться до своих. Для Роберта Кристи и Перси Паркса война на этом закончилась.

В составе 2-й Батареи перед вылетом с аэродрома *Мэнстон* было 120 человек. Всего в операции приняло участие 373 человека из 1-го Аэромобильного Полка Легкой Артиллерии. 136 удалось переправиться через Рейн в ходе эвакуации, 36 человек было убито, 201 человек пропал без вести – в основном это были те, кто оказался в плену…

Пленные британцы. Арнем

Роналд Грэйдон *(**Ronald Graydon**)*, рядовой, связист 1-го Приграничного Полка

«Мне почти 81, я жил очень полной жизнью, но моя философия после Арнема была такой: пусть каждая минута моей жизни будет полезной, потому что со мной была удача в отличие от тех многих моих замечательных товарищей, которые не вернулись - я в долгу перед ними и не имею права терять время попусту, потому что им оно отпущено не было.»

Интервью с британцем **Джеймсом Симсом (James Sims)**, участником Арнемского десанта

Расскажите немного о себе, прежде чем мы начнем говорить о вашем военном опыте?

Я родился 29 апреля 1925 года в Шеффилде. Мой отец был оптовым поставщиком лекарств в Шеффилде и переехал в Брайтон незадолго до моего рождения. Когда я рос, у меня не было особых карьерных устремлений, но, если бы я остался в Шеффилде, то, вероятнее всего, стал бы рабочим в местной сталелитейной промышленности.

Когда вы вступили в Вооруженные Силы?

Я поступил на военную службу 29 января 1943 г. Предыдущие два года я был *кадетом (Army Cadet Corps)* и служил в подразделении *Местной Самообороны/Home Guard*. Существовало постановление о том, что все дети возрастом 15 лет и старше должны вступить в какую-либо молодежную организацию, вот я и присоединился к кадетскому подразделению. Занимались мы базовой военной подготовкой. Наше подразделение было при школе, и офицерами были учителя. В школе господствовала очень суровая дисциплина, с этим проблем не было. Тогда были армейские, военно-морские и военно-воздушные кадеты, и вся эта система походила на организации бойскаутов.

Был ли армия вашим собственным выбором?

Когда мне исполнилось 17, я отправился на призывной пункт, чтобы поступить на службу в *RAF*, поскольку я сильно интересовался авиацией, но мне сказали, что придется подождать, пока мне не исполнится 18½ лет. Приходя в себя от этого удара судьбы, я услышал, как какой-то парень, тоже поступавший на военную службу, говорил о том, что он отправляется в Мэйденстоун, чтобы стать артиллеристом. Этот городок был всего в 50 милях от Брайтона, поэтому я тоже добровольно изъявил такое желание и был принят. Боевая подготовка в *Королевской Артиллерии* была весьма интенсивной, мы учились управляться с 25-фунтовой гаубицей – превосходной пушкой и становым хребтом британской артиллерии.

Плакат, призывающий вступать в британский воздушный десант

Почему вы не остались в Королевской Артиллерии?

Было две причины, по которым я пошел в воздушный десант *(paras – далее – десант – ВК).* Во-первых, я хотел просто уйти из артиллерии, потому что в ней с рядовыми обращались плохо. Младшие офицеры, казалось, были нацелены на то, что сделать твою жизнь как можно более тяжелой, а офицеров это никак не беспокоило. Как я уже говорил, меня интересовала авиация, и сначала я выразил желание поступить добровольцем в планерный полк *(Glider Pilot Regiment)*, но в то время в нем был избыток людей, и десант был единственной альтернативой. Я поступил на службу в десант 2 февраля 1944 г. Определенно, у меня были сомнения по вопросу о прыжках с парашютом, но я полагал, что смогу, если другие могут. До этого момента я никогда не поднимался в воздух на самолете.

Расскажите о своем первоначальном опыте пребывания в роли десантника…

Совсем еще новичками *(wingless wonders – «личинками», новичками без нашивки десантника)* мы прибыли в Хардвик Холл (Hardwick Hall – резиденция близ города Честерфилд/Chesterfield). Меня немедленно поразили другое отношение к нам со стороны офицеров и младших офицеров и энтузиазм, который демонстрировали недавние рекруты.

«Крылья» – нарукавная нашивка британских десантников

Две недели ушли на тестирование наших физических данных и медицинские осмотры, при этом мы были поражены тем, какие выглядевшие круто парни были возвращены в части, в которых они служили раньше. Спали на двухъярусных койках, было страшно холодно, но еду нам давали превосходную и в больших количествах.

Какой была жизнь в Хардвик Холле?

В Хардвик Холле все делалось «в двойном размере», и тех, кто ломался, возвращали на прежнее место службы. Для того, чтобы слегка расслабиться, мы играли в *paratroop football (возможно, речь идет о регби или о гэльском футболе – ВК)*. Играли в форме, башмаках и касках. Полагаю, там были ворота и мяч, но я до сих по не уверен в этом. Целью игры было просто удержаться в ней. Она продолжалась около часа и заканчивалась, когда кому-то ломали ключицу или руку!

Боевая подготовка в Хардвике должно быть, была суровой…

Мы справлялись, или старались справляться, например, был десятимильный марш-бросок с полной выкладкой, на который отпустили два часа. Разразилась метель, и так много парней свалились с ног, что марш был остановлен. Тем не менее, поскольку мы сделали семь миль за один час и пять минут, в условиях метели, нам его зачли!

Следующей стадией боевой подготовки были прыжки с парашютом. Можете рассказать о своем опыте?

После того, как мы успешно «выжили» в Хардвик Холле, нас перебросили на аэродром Рингуэй в Манчестере, где нам предстояло *заработать крылья (to earn wings – получить нашивку воздушного десантника)*. Мы должны были провести в Рингуэе две недели. Первую неделю мы провели в огромном ангаре, используя оборудование, необходимое для подготовки к восьми прыжкам, которые были необходимы для получения квалификации парашютиста. В Рингуэе у нас были инструктора из *RAF*. В ангаре было несколько тренажеров, одним из них – распиленная пополам детская горка. Новичок должен соскользнуть вниз по горке и приземлиться в глубокой яме с грязью. Это был вроде как симулятор приземления на участке высадки.

Другим тренажером был *воздушный винт (fan)*. Вам нужно было забраться на крышу ангара, там можно было увидеть его. Тренажер состоял из пристяжных ремней, которые были прикреплены к чему-то вроде рояльной струны, обмотанной вокруг барабана. Из барабана торчало что-то похожее на воздушный винт, отсюда и название. Одеваешь на себя пристяжные ремни и по команде «GO!» прыгаешь с высоты примерно 40 футов. Считалось, что воздушный винт замедлит твое падение так же, как и парашют. Таких тренажеров было несколько: первый, который обычно доставался мне, был сильно изношен, поэтому приземление сотрясало до костей. В действительности ты ударялся о землю так крепко, что вся мелочь вылетала из карманов. Инструктора из *RAF* собирали ее и рассматривали ее как свои деньги на пиво! Полагаю, что я потерял больше монет, чем кто-либо другой…

Другой тренажер назывался *подвесная железная дорога/overhead railway*. Он состоял из проволоки, идущей под наклоном с крыши ангара и прикрепленной к шпале, вкопанной в землю. Идея заключалась в следующем: пристегиваешься к этой проволоке, скользишь вниз, непосредственно перед приземлением по команде отстегиваешься от проволоки, падаешь и кувыркаешься вперед как при реальном приземлении. Однако некоторые парни были заворожены шпалой, забывали отстегнуться и прямо врезались в нее. Такие случаи очень забавляли остальных…

Каким был следующий этап подготовки?

Те, кто остался в строю к началу следующего этапа, должны были совершить восемь прыжков с парашютом, чтобы получить красный берет и нашивку.

Прыжки делали в Тэттон Парке (имение Tatton Park в графстве Чешир), первые три – с аэростата: два днем и один ночью. За день до первого прыжка нас повезли на автобусе *RAF* посмотреть на такие прыжки. Прыжки делали из корзины, подвешенной к старому аэростату заграждения. Один парень прыгнул, и его понесло к земле с не полностью раскрытым парашютом. Он орал и, пролетев около 700 футов, потерял сознание, когда парашют раскрылся! Наш инструктор из *RAF*, бывший игрок в регби из Уэльса по имени Айк Оуэнс небрежно прокомментировал: «Долбаный парашют – это часто случается.» Порядка 10 парней, у которых не прибавилось уверенности после подобных замечаний, отказались от продолжения курса обучения [то есть, покинули десант]. Мы имели право на это до момента получения крылышек десантника.

Расскажите о своем первом прыжке с парашютом…

На следующий день приехали в Тэттон Парк, чтобы прыгнуть самим. Мы прыгали группами по четыре человека, по одному с каждого угла корзины. Наш инструктор Айк Оуэнс поднялся в воздух с нами. Корзина резко замерла в воздухе, и мы приготовились… Я хорошо вывалился из корзины, но пролетел 100 футов из 700, пока мой парашют не раскрылся. Мы все успешно приземлились и, после чашки чая, полученной с передвижной кухни, вернулись в лагерь. На один прыжок меньше – осталось еще семь! Был заметен большой контраст: выезжая на прыжок мы молча сидели, вцепившись в свои парашюты, на пути назад мы сидели и [весело] трепались…

Ну и как вам эти прыжки с аэростата?

Некоторые обожали эти прыжки, некоторых они приводили в ужас, включая меня! На следующий день мы должны были повторить прыжок, но, поскольку было довольно ветрено, мы ждали, что прыжки отменят. К нашему большому удивлению, этого не произошло! И опять эта долгая поездка на автобусе *RAF* в Тэттон Парк. Когда мы приехали на место, аэростат мотало, словно это был дирижабль! Мы забрались в корзину, ее подняли лебедкой. Когда подошла моя очередь прыгать, я, вроде как, выпал, а не оттолкнулся, и мой парашют не раскрылся сразу на выходе… Я начала кувыркаться в воздухе, а Айк Оуэнс в то время орал с земли: «Долбаный придурок, ты не заслуживаешь того, чтобы жить!»

Когда парашют раскрылся, я летел вверх ногами, при этом обе мои ступни запутались в стропах. Я не паниковал, а вспомнил те учебные фильмы, в которых нам показывали, как выбраться из такой неприятной ситуации… И я сумел по-нормальному приземлиться, а Айк больше не вспоминал мой никудышный выход [из корзины].

Наш третий прыжок с аэростата мы совершали ночью. Все говорили, что ночной прыжок – это самое лучшее. Это оказалось правдой, потому что никто ничего не видит и не слышит. Это был так, будто ты находился черной бархатной постели, – пока не соприкоснешься с землей. Многие предпочитали прыжки с аэростатов, но не я. По мне лучше была отбрасываемая винтом струя воздуха, которая моментально наполняла парашют. После прыжков с аэростата последовали пять прыжков с бомбардировщиков, и, после успешного завершения обучения, я получил крылышки и красный берет. Я стал десантником!

После получения крылышек вы были направлены во 2-й Батальон Парашютного Полка, одной из самых знаменитых частей воздушно-десантных войск.

Весной 1944 г. около 30 из нас промаршировали напротив особняка Стоук Рочфорд Холл (Stoke Rochford Hall, графство Линкольншир/Lincolnshire) в качестве пополнения, которому предстояло заменить людей, потерянных в боях в Тунисе, на Сицилии и в Италии. Сержант-связист построил нас и сказал: «Добро пожаловать во 2-й Батальон, батальон, который живет своей боевой славой!» Их холла появился офицер, и я испытал душевный подъем, узнав подполковника Джона Д. Фроста (John D. Frost), прославившегося во время Брюневальского рейда/Bruneval Raid в 1942 г.– одной из наиболее успешных из известных десантных операций *(Фрост является одним из исторических персонажей известного фильма A Bridge Too Far, в котором его играет Энтони Хопкинс (Anthony Hopkins)*. Когда Фрост приблизился ко мне [обходя строй], он спросил, из какой части я пришел, и, узнав, что я из *Королевской Артиллерии* сказал, что я вполне подойду для минометного взвода.

Джон Даттон Фрост

Опишите полковника Фроста...

Фрост был высоким, крепко сложенным человеком, который вел себя соответственно. Его лицо всегда было мрачноватым, и я только один раз видел его улыбающимся – это было в горящем доме рядом с тем самым мостом, который был «слишком далеко» в Арнеме. Вскоре мы поняли, что он был приверженцем строгой дисциплины. В характере полковника было много того, что приходилось терпеть, и я приведу вам пример.

Мы получали увольнительные по вечерам в пятницу, но [железнодорожная] станция *Grantham* была милях в шести от нашего расположения. Из-за отсутствия автобусов или машин, которые могли бы нас подбросить, это было проблемой, но вскоре она была разрешена одним парнем из нашего взвода. Он поджидал, какую-либо проходящую частную машину и становился на дороге на ее пути, пока она не останавливалась. Затем парень говорил водителю: «Мы на учениях, и я реквизирую вашу машину. Везите нас до станции Grantham.» Водитель подчинялся: он не собирался спорить с десантниками. Мы ввосьмером набивались в машину и трогались в путь… Так мы мошенничали какое-то время, пока по ошибке не остановили машину Фроста! Папаша был разгневан, но нас не лишили увольнений.

Опишите минометный взвод и его вооружение…

Минометным взводом командовал лейтенант Вудс (Woods), сержанта взвода звали Джексон. Во взводе было четверо сержантов отделений и около 40 человек, вооружены мы были четырьмя минометами. Трехдюймовый миномет использовался пехотой в качестве переносной артиллерии, при этом и британцы, и немцы хорошо умели им пользоваться. При переноске миномет разбирали на три части: ствол, лафет и опорную плиту. Каждая часть весила около 40 фунтов. Те, кому не достались части миномета, несли по шесть 10-фунтовых мин в дополнение к стандартной выкладке. Кроме того, я помогал своему офицеру, лейтенанту Вудсу, выявлять подходящие цели, затем я передавал приказы минометчикам двух наших расчетов. У моста в Арнеме только два из наших четырех минометов были доставлены на наши позиции.

Ваше подразделение было частью британской 1-й Воздушно-десантной Дивизии/1st Airborne Division, люди которой были разочарованы тем, что им не довелось участвовать в боях в *День Д.* Даже после этого дивизия прошла через постоянные запуски и отмены боевых операций. Можете ли вы описать чувства, которые испытывал рядовой солдат в этот период времени?

Наша Дивизия почувствовала, что «выпала из обоймы», когда в день высадки в бой отправилась 6-я Воздушно-десантная Дивизия. Разумеется, они проявили себя отлично, что еще больше расстраивало. Затем наше участие в операциях отменялось раз за разом, но наши офицеры говорили нам, что нас придерживают для участия «в чем-то особенном». Было много предположений: один из слухов был о десанте на Берлин и похищении Гитлера…

Что произошло, когда Вы, в конечном итоге, получили зеленый свет для операции *Market Garden*, нацеленной на захват моста через Рейн в Арнеме? Разве вас едва не оставили дома?

Когда Арнем появился в планах, все полностью переменилось, и боевая подготовка интенсифицировалась. Через пару дней нам предстояло приземлиться в Голландии и захватить город, о котором мы раньше и не слыхали. Трое из нас, Янг Джорди (Young Geordie) - полное имя не могу вспомнить, Брам Дэйвис (Brum Davis) и я были вызваны к полковнику, который сказал, что поскольку нам всего по 19 лет, мы не пойдем в бой. Вместо этого мы отправимся на морскую прогулку (sea party), и как сказал полковник, «увидим кое-что из того, что представляет из себя война, прежде чем вернемся в свой 2-й Батальон к северу от Арнема.»

Я припоминаю, что почувствовал некоторое облегчение оттого, что операция состоится, но неожиданно куда-то пропало трое ветеранов. Не преднамеренно, я полагаю, а из-за того,

что к тому времени уже бывали в полной готовности перед 19 боевыми операциями, и все они были для нас отменены. Младшие офицеры рыскали по всем окрестностям в поисках пропавших, но все было без толку. Случилось так: нас, пацанов, вернули в наш взвод и сказали, что мы пойдем в бой на следующий день…

Операция *Market-Garden* началась 17 сентября 1944 г. Можете ли вы описать свои чувства в тот момент, когда узнали, что первый раз пойдете в бой?

Нас повезли на летное поле 17 сентября. Все были в превосходной форме, все это было словно выезд воскресной школы на природу. Нас в больших объемах снимали на кинокамеру хроникеры, но я позднее так никогда и не увидел что-либо из этого. В итоге мы забрались в самолет [самолет ВВС США *C-47 Dakota*] и поднялись в воздух. Помню, как я сказал себе: «Какого черта я здесь?», но снова почувствовал уверенность в себе, благодаря веселому настроению своих товарищей…

Можете описать снаряжение, с которым шли в бой десантники?

Когда смотришь на то, что мы тащили на себе в бой, изумляешься тому, что мы вообще добрались до Арнема. Мы были в боевой униформе, на нас были красные береты, у каждого по шесть 10-фунтовых мин, по 40 винтовочных патронов калибра 0.303, по две гранаты калибра 0.36, по одной противотанковой гранате, по одной фосфорной гранате и пищевой рацион на 24 часа. Конечно, у нас собой были деньги для оккупированной Голландии, пилки для побега *(пилки для перепиливания решеток – ВК),* кайло и лопата. Все вместе это весило, должно быть, около 100 фунтов.

Вашим непосредственным командиром был лейтенант Вудс. Что он был за человек?

Вудс был высоким парнем 25 лет, он, как и Фрост, нечасто улыбался. Он был типичным офицером воздушного десанта, в этой связи он не обращал внимание на кое-что в поведении [солдат], но по важным вопросам был чрезвычайно строг. Парни относились к нему с исключительным уважением, кличка у него была *Lakari*, что, полагаю, на хинди означало древесину *(возможно, искаженное слово Lakadee – ВК)*.

Как прошел полет в Голландию?

Мы пересекли голландское побережье – над ним нас обстрелял немецкий военный корабль [торпедный катер], с которым быстро разобрался один из самолетов нашего эскорта – вооруженный ракетами штурмовик *Typhoon*. Наш самолет снизился до 400 футов - высоты выброса десанта. На всем пути к Арнему нас сопровождали вспышки выстрелов немецких зенитных батарей.

Затем, наконец, пришло время прыгать…

Мы встали и направились к двери, где уже маячил лейтенант Вудс. Лампа заморгала зеленым светом, и он исчез. Мой выход из самолета был отвратительным, и когда мой парашют высвободился, его просто скрутило. По счастью, он в итоге он раскрылся, но я не сумел избавиться от своего груза, который был пристегнут к моей левой ноге. Нам говорили, что, если приземлишься с грузом на ноге, можешь и сломать ее. Через несколько секунд мне предстояло узнать, правда это или нет. Мне повезло, и моя нога осталась невредимой, но приземление было жестким. Это был мой 13-й и самый худший прыжок.

Участки высадки были где-то в восьми милях от Арнемского моста – это само по себе с самого начала осложнило операцию. Различные части должны были соединиться [близ моста], продвигаясь по разным направлениям, таким образом, оставаясь разбросанными по широкому фронту. Например, 3-й Батальон подполковника Дж. Фитча (J.A.C. Fitch) должен был подойти с севера через городок Остербек. Ваш 2-й Батальон должен был подойти по самой южной дороге, частично следовавшей параллельно Рейну…

Да, и мы были единственной частью, которая дошла до цели. Оглядываясь назад, можно сказать, что все могло пойти лучше, если бы мы высадились к северу от моста, да и высадка с планеров с обоих концов моста могла привести к успеху.

Реакция немцев была молниеносной, не так ли?

Да, части СС среагировали незамедлительно и задержали наше продвижение, ведя огонь из одиночных пулеметных гнезд – огонь, оказавшийся весьма эффективным. [Это были пулеметчики из подразделений 9-й Танковой Дивизии СС, сколоченных в боевую группу (Kampfgruppe) *Hohenstauffen*.] Наш взвод попал в засаду, несколько человек было убито, включая Брама Дэйвиса, но мы продолжили движение. Время от времени имели место стычки с противником, но иногда марш на Арнем напоминал триумфальный парад…

Голландцы выходили к дороге и встречали нас аплодисментами, угощали фруктами и marigolds. Они все время повторяли: «Мы ждали вас четыре года». Они думали, что война уже, практически, окончена. Они также предлагали нам джин, но лейтенант Вудс пригрозил тем, что пристрелит их, если они будут слишком настойчивы. Меня удивило [хорошее] качество одежды и обуви у голландцев. Будучи бывшим продавцом обуви, я заметил это и был поражен, так как наша пропаганды говорила нам, что голландцы голодают и ходят в рванье. В Арнеме это было не так…

В какой-то момент командир британской 1-й Воздушно-десантной Дивизии генерал-майор Рой Эркарт ко 2-му Батальону подъехал на джипе… К этому моменту появились проблемы со связью между различными подразделениями.

Генерал Эркарт подъехал к нам по пути в Арнем и спросил, где находится полковник Фрост. Мы сказали ему, что он где-то впереди, и Уркхарт помчался дальше [он так и не увидел Фроста]. Эркарт был крепко сложенным солдатом, выглядевшим круто. Производил большое впечатление.

Какое на вас впечатление произвел Арнем?

Это был красивый городок, окруженный полями и рассеченный надвое Нижним Рейном/Lower Rhine. Когда мы добрались до окончания моста, нас распределили или по окопам, вырытом для двух минометов, или по окрестным домам.

Слэпси (Slapsie – кличка десантника из Лондона) и я оказались вместе в одном окопчике. Было тихо, здесь мы были хозяевами положения. На мосту взрывался немецкий фургон с боеприпасами. При этом до нас доносились звуки словно где-то рядом запускали фейерверки. Я заснул и полностью проспал первую контратаку немцев. Когда я проснулся, Слэпси обратил мое внимание на валявшиеся неподалеку трупы немцев. Он думал, что на меня это произведет впечатление, но мне было все равно, так как у меня ни на что не было сил.

Есть ли у вас какие-нибудь общие комментарии по бою в Арнеме?

Я всегда придерживался той точки зрения, что Арнем защищали лучшие в мире солдаты от обороны, сражавшиеся против лучших в мире атакующих солдат – СС. Здесь в счет идут национальные особенности. Немцы произвели одну или две массовые атаки, бросив в бой бронемашины. Десантники отбивали эти атаки, выводя из строя головные машины, которые блокировали путь вперед и вынуждали другие машины продвигаться по узким улочкам, где с ними можно было расправиться.

Одной из самых трудных задач было раздобыть воду, чтобы сделать жаркое из брикетов сушеного мяса. Поскольку воды было крайне мало, мы не могли использовать воду из фляг. Да, мне пришлось искать воду, чтобы сделать жаркое. Я обнаружил, что единственным работающим краном поблизости был кран на колонке, находившейся посреди двора. Через этот двор шла ожесточенная перестрелка. Я подполз на брюхе к крану. Сначала противник видел меня, но как только я повернул кран, немцы сообразили, где я нахожусь. Я наполнил котелок, но расплескал половину воды по дороге назад. Когда я вернулся, мы с лейтенантом Вудсом разогрели мясо, но оно было настолько отвратительным на вкус, что Вудс разделил со мной плитку шоколада.

Во время оборонительного боя вы столкнулись с полковником Фростом…

Фрост посетил нашу позицию, он улыбался и излучал уверенность. Хотя мы были окружены и отрезаны от главных сил 1-й Воздушно-десантной Дивизии, мы все еще верили, что придет помощь. Изначально нам говорили, что смена придет в течение 24 часов (считая от воскресного дня). Когда истек вторник, мы поняли, что что-то пошло не так…

Десантники ведут минометный огонь

Вы оказались на островке, поросшем деревьями и кустарником посреди дороги прямо в центре Арнема. Время шло, и немецкие атаки усиливались…

Я оказался под минометным огнем, сидя в нашем окопчике, и было страшно. Со временем взрывы слились в непрерывный грохот. Я свернулся клубком на дне окопчика, и тут что-то ударило меня по моем ботинку. Я тысячу раз почувствовал себя мертвым, будучи уверенным, что это была мина. Оказалось, это была всего лишь часть оперения мины. Хотя обстрел испугал нас до смерти, потерь у нас не было.

Ближе к концу обстрела я оказался единственным, кто остался посреди улицы: остальных отвели в здания и садики, которые наши парни все еще удерживали.

Как случилось, что вас ранило?

Ситуация ухудшалась, лейтенант Вудс оказался отрезанным от нас, и сержант Джексон принял командование. Он отобрал нескольких ветеранов для того, чтобы они обороняли дом, и приказал остальным отступить в сад. Я встал и поднял кайло, чтобы начать рыть окоп, когда в ярде от меня разорвался снаряд. Раненых и убитых оказалось где-то шестеро из нас. У меня была ранена левая нога. Когда я понял, что ранен, я упал на землю. В итоге меня подхватили и оттащили в здание, подвалы которого были забиты умирающими и ранеными… Эти подвалы были сущим адом, не было еды, воды было совсем мало или ее вообще не было, было темно, хоть глаз коли, поскольку немцы отрубили подачу электроэнергии. Измотанным санитарам приходилось ухаживать за ранеными при свете сигнальных фонарей. Условия в подвалах были ужасающими, умирающие и раненые лежали вперемешку. Санитары делали все возможное, чтобы облегчить наши страдания. Считается, что в тех подвалах было, по меньшей мере, 300 человек.

Расскажите, как все это кончилось.

Люди начали кашлять, так как здание горело, и мы оказались в опасности, потому что охваченное пожаром здание могло рухнуть. Полковник Фрост отдал приказ прекратить огонь, и начались переговоры с немцами. Вошел немецкий офицер, и какой-то шотландец,

находившийся рядом со мной, схватил свой *Стен*, чтобы застрелить его… К счастью, его остановили. Забросать подвал гранатами для немцев было бы проще простого.

Бой окончен…

Офицер отдал какие-то приказы, и подвал заполнили немецкие солдаты, которые начали эвакуировать нас. Что касается меня, то один канадский репортер разбил свою камеру, поднял меня и вынес из подвала. Совсем рядом с нами пронеслись горящие обломки крыши. Солдаты противника стояли полукольцом, встречая нас, когда кто-то выстрелил из подвала, едва не попав в нас и немцев. Мы закричали: «Здесь раненые британцы! Прекратить огонь!», и стрельба закончилась. Казалось, немцам было интересно видеть нас вблизи, как и нам их. Все они говорили по-английски, они раздавали нам кофе, колбасу и черный хлеб. Им было приятно, что они одержали победу в этом бою, и атмосфера была такой, будто только что закончился футбольный матч. В самом деле, они были столь дружелюбны, что я было решил, что это обычные солдаты, а не СС. Некоторые из них были в брюках цвета хаки и британских башмаках, у некоторых были британские автоматы *Стен*. Однако на всех были обычные немецкие каски и куртки.

О войне в Европе рассказывает солдат 15-й Шотландской Дивизии
Чарлз Ханауэй (Charles Hanaway)

В начале пути

Я добровольно записался в армию, не достигнув положенного возраста. Это случилось 5 марта 1941 г. Вернулся домой с этой новостью, услышав которую, мой отец сказал: «Ты не можешь пойти в армию без моего разрешения.» - Я ответил: «Извини, отец, теперь ты уже ничего с этим сделать не сможешь.» Вскоре после этого я отправился в мой полк, базировавшийся на ипподроме Hurst Park. Меня записали в 70-й Миддлсексский Полк, в Батальон Молодых Солдат/Young Soldiers' Battallion, где я столкнулся с большим числом недавних заключенных, которым предоставили выбор: пойти в армию или продолжить отсидку. Эти парни выбрали свободу с неопределенным будущим, и в последующие несколько недель мы начали подготовку. С нами было нелегко справиться, некоторые в строю делали все возможное, чтобы помешать всем, идя не в ногу.

Наш сержант Джордж Хант (George Hunt) был человеком среднего возраста, солдатом со стажем и своеобразным малым, за что парни прозвали его *soldier daft* (*безмозглый солдафон*). Во время одного из занятий он был настолько огорчен тем, как показала себя группа новобранцев, что упал на колени, поднял голову и руки к небу, словно для молитвы, и заорал: «Будь милостив, Господи! Пришли мне СОЛДАТ!»

Вне всякого сомнения, в армии были проблемы с новобранцами, такие проблемы, что командный состав начал вводить в жизнь новую форму наказания для нарушителей устава и порядка. Провинившимся начали брить головы, поэтому вскоре все новобранцы уже знали, кто такие *лысые* (*baldies*) и чем может для них кончиться недисциплинированность. Матери и молодые жены нарушителей разозлились по этом поводу, и уже вскоре газета *Daily Mirror* с ее 4-хмиллионым тиражом опубликовала об этом статью на первой странице. Разразился скандал, поступил парламентский запрос, газеты завалило письмами от женщин. Возмущение общественности имело немедленный эффект, и бритье голов прекратилось…

Немцы продолжали каждый день бомбить Лондон и юг Англии, и сохранялся страх перед вражеским вторжением. На случай потенциального вторжения продолжали строить всевозможные укрепления, при этом приоритетом была защита аэродромов. После первоначальной подготовки, длившейся 12 недель, нас перебросили на аэродром Нортхолт, расположенный на окраине города. На нем базировались истребители. Все летное поле было окружено бетонными шестиугольными ДОТами. Их стенки имели толщину 18 дюймов, а на высоте глаз в них находились щели для стрельбы из винтовок. Теоретически это были превосходные огневые точки, но нахождение в этих ДОТах 24 часа в день сильно подрывало наш моральный дух. В дождливые дни, когда их заливало водой выше щиколоток (до 6 дюймов ~ 15 см), нам приходилось часами стоять в них… Единственным развлечением было видеть то, как польские эскадрильи поднимаются в небо, чтобы встретить в воздухе самолеты Люфтваффе, и считать, сколько из них вернулось на аэродром. Почти каждый день ходили слухи о том, что где-то поблизости действуют «вражеские агенты в длинных серых плащах с радиопередатчиками.»

В полку Королевских Шотландских Фузильеров

… В мае 1943 г. я оказался в другом полку – в 6-м Полку Королевских Шотландских Фузильеров /6th Royal Scots Fusiliers. Нам предстояло влиться в этот полк тогда, когда они проводили совместное обучение с 6-й Танковой Бригадой Гвардейцев *(6th Guards Armored Brigade)*. После нелегкого путешествия по морю и по суше, которое заняло 20 часов, мы прибыли на какую-то отдаленную железнодорожную станцию. Выгрузившись из поезда, усталые и голодные, мы промаршировали еще 3 мили вверх по склону до полевого лагеря. Военнослужащие полка жили в палатках. После прибытия на место нас приветствовал Полковой Сержант/Regimental Sergeant Major Гибсон (Gibson) по кличке *Hoot (Гудок)*. Он обозвал нас «сборищем недисциплинированных прохвостов» и т.п., всячески демонстрируя то, как он будет приводить нас в чувство. Нам показалось, что нас ждут трудные времена, и этого парня мы сразу невзлюбили. Мы, *Sassenachs (произносится «Сассенак» – происходит от кельтского названия англосаксов, со временем ставшего презрительной кличкой - ВК)*, влились, по выражению Полкового Сержанта, в *sharp battalion (в смысле – с жесткими дисциплиной и порядками – ВК*), - и начали соревноваться с гвардейцами-танкистами во всякой херне типа мытья добела каменных полов и покраски травы в зеленый цвет. Среди нас был сержант Норман Уилкинсон (Norman Wilkinson), из резервистов, хороший солдат. Услышав такое «приветствие», он сказал: «С меня хватит!

Я сваливаю из-под этого душа!» С этого момента он начал делать все, чтобы его комиссовали. Он начал симулировать сумасшествие, был помещен под медицинский контроль и, в итоге, обдурил всех. Через 12 недель он был уволен из армии. Позднее он посетил нас, уже будучи гражданским лицом, и теперь он был *Bevin Boy (прозвище уволенных из армии по медицинским и другим причинам и отправленных на работу в промышленности, которое происходило от имени министра труда Великобритании Эрнеста Бевина (Ernest Bevin))*, мобилизованный для работ на угольной шахте.

Я получил назначение в *Carrier Platoon (речь идет о взводе так называемых Универсальных Бронетранспортеров - Universal Carrier)* вместе с группой таких же «прохвостов». Большая часть взвода относилась к категории *Jocks (на военном жаргоне – солдат-шотландец – ВК)*. Последующие несколько дней мы приняли участие в совместной боевой подготовке с гвардейцами-танкистами – обстановка была близкой к боевой, что очень помогло нам потом, на войне. Через 10 дней нас на поезде отправили дальше на север, в район города Хексем, графство Нортумберленд, - красивое историческое место. Здесь мы продолжили боевую подготовку, здесь постоянно проводились марш-броски и ночные учения. Дела здесь уже были поставлены по-серьёзному. Мы теперь входили в состав 15-й Шотландской Дивизии и отрабатывали взаимодействие с другими подразделениями этой части. Напряжение в боевой подготовке все время росло, наши пищевые рационы стали лучше. Через два месяца нас перебросили на юг, в замечательное местечко под названием Нерсборо. Здесь мы приступили к изматывающим полевым учениям, продолжавшимся по 10 дней каждое (*Eagle* и *Blackcock*). Они проходили в условиях, абсолютно приближенных к реальным. Было очень холодно, тем временем мы отрабатывали ведение боя во всевозможных ситуациях на Йоркширских холмах. Некоторые из тех дней были столь же тяжкими, что и последовавшие за ними реальные бои. Мы целыми днями мокли и мерзли, и Дивизия потеряла какое-то количество людей утонувшими во время ночного форсирования реки в ненастную погоду…

Нам нанесли визиты генерал Монтгомери и премьер-министр Черчилль, которые провели с нами вдохновляющие беседы, расхваливая нас и выражая уверенность в наших победах в предстоящих боях. Теперь мы знали, что наша подготовка нацелена на прорыв вглубь континента с захваченных плацдармов.

Нашим последним перемещением в Англии стала переброска в городок Уэртинг, расположенный на южном побережье. Здесь мы покрыли водонепроницаемой смазкой наши бронетранспортеры и все прочие машины. Расположились мы в домах, реквизированных у местного населения. Все южное побережье было закрытой территорией на три мили от береговой линии. Мы чувствовали, что здесь долго не задержимся. 24 мая, перед отбытием из городка, нас собрали в театре *Dome (Dome Theatre)*, рядом с причалом. Здесь перед нами выступил командующий (*дивизией? – ВК*) и рассказал о предстоящей высадке. Потом слово было предоставлено американским офицерам, они говорили о принципах взаимодействия после высадки. Интересно то, что на тот момент в Англии находилось около 1.5 миллионов американцев, но, по понятным причинам, мы не знали, где они дислоцированы. Думаю, политика правительства оказала влияние на ситуацию, поскольку наверху знали, что американцам больше платят и их лучше снабжают по сравнению с более бедными во всех отношениях «английскими родственниками».

Лично мне показалось интересным и информативным то, что произошло в конце собрания. Полковой Сержант Гибсон приказал нам построиться на берегу. Выйдя из здания театра, я решил воспользоваться возможностью сделать несколько затяжек и шел на построение не торопясь. Было неудивительно, что Гибсон вызвал меня из строя и отчитал меня, крича: «Само собой, это [опять] ты, раздолбай.» Это была его обычная форма выволочки. На этот раз я приняло решение отреагировать и ухмыльнулся в ответ. «Ну-ка спрячь эту высокомерную улыбку, - заявил Гибсон, указывая на Пролив. – Погоди с этим, пока не переправишься на тот берег.» Я вновь улыбнулся и сказал: «Сэр, с нетерпением жду этого события…»

23 марта 1944 г. Уинстон Черчилль беседует с солдатами 15-й Шотландской Дивизии. Справа в машине - Монтгомери

Через три дня после *Дня D* (6 июня 1944 г.) мы тронулись в путь. Всю дорогу от станции *King's Cross* тротуары были заполнены людьми, приветствующими нас. Мы остановились в обнесенном колючей проволокой лагере в районе *Wanstead Flats (пригород Лондона – ВК)* и расположились в палатках. До нас в лагере находились части, принявшие участие в высадке 6 июня. 12 июня я разглядел, что совсем рядом с лагерем проходит маршрут автобуса №96. Я был совсем недалеко от моего дома – этот автобус проходил мимо него.

Я сказал своему старинному приятелю Биллу Сэйбртону (Bill Sabretone): «Думаю запрыгнуть в этот автобус. Хочешь присоединиться?» Он согласился принять в этом участие, мы проползли под проволочным заграждением и через несколько минут уже сидели в автобусе. Мои родители были поражены, увидев нас, так как думали, что мы уже в Нормандии. Мы пошли отметить эту побывку в местном пабе, раздавая имеющиеся у нас франки в качестве сувениров тем, кто покупал нам пиво. Около 11 вечера мы вернулись на КПП и узнали, что наша рота уже отправилась в Нормандию. Нас посадили под арест по обвинению в «трусости перед лицом противника». Спали мы на земле, а в 2.30 ночи всю округу потряс страшный взрыв – казалось, мы взлетели дюймов на шесть над землей. Это была одна из первых летающих бомб *V1*, упавших на английскую землю…

В Нормандии

В 9.30 вечера, два дня спустя, мы болтались в море близ побережья Нормандии. Вокруг нас было множество кораблей и судов всех типов и размеров, над головой гудели самолеты – от этого просто захватывало дух. Как и все другие, я знал, что ни под каким видом нас не сбросят в море с такой поддержкой. Мы перегруппировались на морском берегу в районе городка Курсель и начали марш вглубь страны. Шел дождь, мы вымотались и проголодались. В первой же деревне мы остановились и плюхнулись на земле рядом с каким-то домом, намереваясь поспать. Затем случилось нечто восхитительное, то, что я никогда не забуду. Открылось окно на втором этаже дома, в нем показалась молодая девушка. Она сказала *Bonjour* и начала петь. Это была песня *J'attendrai/Я буду ждать*, и пела она великолепно. Когда она закончила, мы услышали голос ее матери, потребовавший закрыть окно и лечь в постель. Та юная девушка так никогда и не узнала, насколько подняла она нам настроение в ту памятную ночь…

Несколько позднее мы присоединились к нашему взводу где-то в поле, дальше от побережья. До нас доносился грохот артиллерии, а вообще было трудно поверить, что мы уже сблизились с противником. Проходили дни, мы оставались на одном и том же месте. В конце концов, одним вечером, нас собрали, и к нам обратился речью наш командир. «Завтра мы идем в бой, - сказал он. – Вы встретитесь в бою со *Сливками* германской армии – 12-й Дивизией *SS Hitlerjugend*. Вы – отборная часть британской армии, так что это будет

интересный бал,» - добавил он. Ночь прошла необычно - наши волынщики играли, некоторые парни даже танцевали. Все это поднимало боевой дух, хотя было немного грустно, поскольку кому-то предстояло погибнуть уже через несколько часов…

Рано утром 26 июня мы выдвинулись на исходные позиции. Было тихо и прохладно, шел дождь. Мы сидели, разговаривали друг с другом на пониженных тонах, курили и ждали. В 7.30 пришло время выступать. Все вокруг заполнил грохот 345 орудий, начавших артобстрел. Мы прошли мимо одинокого волынщика, игравшего свою мелодию у входа в небольшую деревенскую церквушку. Было приятно видеть его, но его музыку полностью заглушил грохот орудий, поэтому мы просто помахали ему руками. Мы начали пересекать кукурузное поле, двигаясь в направлении деревни Сен-Мовью, которая была нашей первой целью. Справа от нас были Королевские Шотландцы/Royal Scots, продвигавшиеся в направлении деревни Шо. Мы шли, держа свои винтовки над головой: настолько высокой была кукуруза. В ста ярдах впереди нас был огневой вал. Хотя мы отрабатывали наступление вслед за ним, несколько наших было убито в результате недолетов.

Солдаты 15-й Шотландской Дивизии в бою. Нормандия

Солдаты 12-й Дивизии *SS Hitlerjugend* открывали огонь по нам, неожиданно появляясь и так же неожиданно исчезая. Это был ад, и в этом грохоте кто-то постоянно звал на помощь санитаров: мы несли тяжелые потери. Ближе к вечеру мы заняли деревню. Батальон Собственного Его Величества Шотландского Приграничного Полка/King's Own Scottish Borderers нашей Бригады прибыл, чтобы сменить нас.

Майор Эгню (Agnew), командир роты «А», спросил нас, не видел ли кто-нибудь из нас майора Кортса (Korts), его шурина, командира другой роты. Кто-то сказал ему, что, кажется, майор убит. Майор Эгню повел свою роту в бой и вскоре тоже был убит. Оба майора были похоронены на местном деревенском кладбище вместе с солдатами нашей Бригады, погибшими на этом участке фронта. Это был страшный день. До сих пор помню проехавший мимо меня трехтонный грузовик, заполненный трупами. Батальон потерял 25% своего состава – с таким темпом уже вскоре от него мало что могло остаться.

Ночью мы отдыхали, измотанные и оглушенные тем, что потеряли столько хороших ребят. Утром мы получили пополнение и вскоре снова тронулись в путь, снова в бой против *Сливок*. Сражение продолжалось еще несколько дней. Деревня Шо, которую взяли с боем *Королевские Шотландцы (вероятно, речь идет о 8-м Батальоне из состава полка Royal Scots – ВК)* из нашей Бригады, после всего этого напоминала сцены боев войны 1914-18 гг. – просто кучи щебня и глыб. Все было в руинах, и даже наши танки прошли через эту

деревню с большим трудом. В этих боях Дивизия потеряла около 800 человек, и они остались в истории под названием *Battle of the Scottish Corridor/Сражение за Шотландский Коридор*…

Следующие 48 часов мы были под артиллерийским и минометным обстрелом со стороны со стороны *Сливок* – эти ребята показали себя крепкими бойцами, и можно только восхищаться тем, как они держались под шквалом огня, которым их постоянно поливали. Мое восхищение ими росло день ото дня. Честно говоря, я не думаю, что мы смогли бы устоять под таким напором и перед такими атаками с воздуха, которыми они постоянно подвергались. Вечером 29 июня немцы контратаковали нас. Люди из разных полков Дивизии растерялись и перемешались друг с другом. Я оказался на линии обороны, вытянувшейся вдоль живой изгороди, за которой находилась широкая долина. Парни из разных полков залегли вдоль нее, поливая огнем противника, продвигавшегося в нашу сторону – его передовая линия находилась примерно в 200 ярдах от нас. Какой-то офицер с револьвером в руке перемещался вперед-назад вдоль оборонительной линии, крича: «Ни один человек не отступит отсюда даже на один ярд!» Было ясно, что он застрелит каждого, кто попытается драпануть. Я сказал этому офицеру, что у нас кончаются боеприпасы, и он приказал мне прочесать окрестности и собрать все, что будет под рукой. Приступив к сбору патронов, я увидел группу людей, бежавших куда-то и что-то выкрикивавших. Они пытались догнать грузовик, который удалялся в тыл. Собрав большое количество патронов, я вернулся на линию огня и доложил офицеру о том, что видел… Мы удержали нашу позицию с помощью 25-фунтовых пушек и пулеметов, которые оказались на нашем участке в нужное время, а так положение было просто отчаянным.

На протяжении 7-8 дней Дивизия вела тяжелые бои. Мы форсировали реку Одон и, несмотря на ожесточенные контратаки противника, удержали плацдарм на другом берегу. Против нас сражались три танковые дивизии врага. Мы вбили клин в позиции немцев и продвинулись на 7 миль вперед, создав что-то похожее на коридор. В наши дни весь этот район Нормандии назван в честь нашей Дивизии, а в деревне Турвиль находится памятник.

Вспоминаю, как одним жарким, пыльным июльским днем, наш механизированный конвой медленно, со скоростью пешего хода, продвигался в сторону фронта. Я вел бронетранспортер. Когда мы проезжали мимо ферм и деревень, местные жители протягивали парням. Марширующим в пеших колоннах, выпивку. Многое из этого было представлено довольно крепким сидром, и для того, чтобы почувствовать эффект от возлияний, не требовалось много времени. Неожиданно бронетранспортер, двигавшийся в колонне сзади нас, обогнал меня. Как только он втиснулся строй впереди нас, я увидел солдата, наполовину вывалившегося из машины. Этот парень просто «отключился» во время марша, и его товарищи закинули его в первую попавшуюся машину. Сидевший рядом со мной парень, посмеиваясь, сказал: «Погляди-ка на этого», и сразу же вслед за этим бронетранспортер взорвался, наскочив на мину. Не веря своим глазам, мы увидели, как этот парень поднялся в воздух и отлетел где-то метров на шесть в поле. Мы подбежали к нему – он сидел и в ответ на наш вопрос «ты в порядке?» сказал: «Где я?» На нем не оказалось ни единой царапины, и он успел полностью протрезветь. Все остальные, сидевшие в бронетранспортере, были убиты…

Американцы и даже некоторые британцы спрашивали, что не так с британскими частями, столь медленно продвигавшимися вперед в районе города Кан/Caen. Критиковавшие нас не имели понятия о том, что против нас сражались 7 из 8 немецких танковых дивизий, которыми противник располагал в Нормандии. Что тогда удивляться тому, что американцы быстро продвигались вперед, а мы застряли? Неделя проходила за неделей, было жарко, мы были в пыли и грязи, все это время не имея возможности поменять одежду. Накал боев не стихал, и британская кровь в изобилии лилась в окрестностях городов и деревень Иверси, Барон, Гаврюс, Виллер-Бокаж и других. Близ городка Барон мы увязли в боях, три дня были под постоянным артобстрелом, в том числе, под огнем страшных *Стонущих Минни*. Эти минометы наводили ужас, и вот что случилось с моим товарищем по окопчику по кличке Уэбби (Webby). Мы с ним вырыли стрелковую ячейку, а затем поставили над ней наш carrier, что должно было дать нам дополнительное укрытие. Там мы и просидели 72 часа под грохот разрывающихся вокруг снарядов и мин. Обстрел был настолько сильным,

что нам даже не могли привезти еду и воду. У моего товарища в результате длительного пребывания под огнем случился нервный срыв. Я посоветовал ему доложить командиру о своем состоянии и позднее видел его на перевязочном пункте. Он был в совершенно разобранном состоянии, бедный малый, и больше я его ни разу не увидел…

В июле мы переместились на американский сектор фронта в районе Комона. Мы словно попали в сельскую местность старой доброй Англии – настолько мирной была обстановка, в которой американцы провели несколько недель, копая для себя превосходные, глубокие, протяженные траншеи. Это были просто произведения искусства, было очевидно, что они использовали для этого время полного затишья. Мы просто не верили своим глазам. Ситуация вскоре изменилась, когда наши пушки сменили американские и открыли огонь: *джерри* сразу поняли, что мы здесь.

Тут со мной в первую же ночь произошел забавный случай. Мне приказали доставить письменное послание командиру роты, находившемуся в штабе. Я отправился в путь по зеленым лугам, и по дороге услышал, как кто-то поет. Я увидел усадьбу ярдах в двухстах от дороги, голос доносился оттуда. Я пошел туда, чтобы понять, что происходит, открыл дверь и понял, что пение доносится из подвала. Спустился туда и увидел огромное помещение размером в футбольное поле, вдоль стен которого были расставлены огромные винные бочки. Певец – пьяный в стельку американский солдат – валялся на полу между двумя бочками. Заплетающимся языком он пригласил меня присоединиться, и я недолго раздумывал: я в жизни не пробовал вина. Через несколько минут я начал забывать о необходимости доставить послание. Я так и не добрался до штаба и получил 14-дневное так называемое *Полевое Наказание* за невыполнение приказа *(Field Punishment – до 1881 г. в Британской Армии могло означать даже телесное наказание, в данном случае, судя по всему, солдата просто бросили в бой - ВК)*.

Через день мы пошли в атаку и, к большому нашему облегчению, стали продвигаться вперед. Затем тысяча американских бомбардировщиков совершила налет на Сен-Ло и стерла его в порошок. Теперь дела пошли по-другому, мясорубки типа той, что была в районе Кана, не произошло, мы наступали – начался прорыв. У нас ушло 6 недель ожесточенных боев на то, чтобы прорвать фронт. Американцы прорвались справа от нас, мы же чувствовали, что вскоре будем к югу от Нормандии. В итоге, мы вышли к городку Эстри, где завязались ожесточенные бои с большими потерями для нас. Через 4 дня Эстри был взят, сражение за Нормандию приблизилось к завершению.

Одна из дорог, по которой немцы пытались вырваться из Фалезского котла

Нам дали отдохнуть 10 дней – впервые после высадки. Фалезский котел, в котором оказалась бóльшая часть немецких войск, захлопнулся. Позднее нам довелось пройти через этот участок фронта. Эту картину невозможно забыть – люди и лошади вперемешку усеяли дороги и поля. Все виды машин, танки, пушки – всюду и везде, разбитые и перевернутые. Наша артиллерия и штурмовики *Тайфун* своими ракетами нанесли противнику колоссальные потери. Вонь [*от разлагающихся трупов*] стояла страшная, сцена разгрома тянулась на многие мили. Немцы потерпели сокрушительное поражение, но многие их части, особенно эсэсовские дивизии, умело ускользнули.

Колонна немецких военнопленных следует за британским универсальным бронетранспортером

На пути к Сене я вез в своем бронетранспортере командира взвода – капитана Стюарта Стритера (Stuart Streeter), сидевшего рядом со мной. Этот был человек, смотревший на все так: «Пускай дьявол беспокоится», и позднее ему предстояло дорого заплатить за это. А так дорога к Сене прошла спокойно, без происшествий.

Ведя машину впереди батальонной колонны, признаюсь, я нервничал, когда капитан уверенно махал рукой вперед, когда мы приближались к перекресткам дорог. Да и в других местах, которые выглядели опасными, я чувствовал себя не в своей тарелке. В прошлом я видел наши «сварившиеся» танки – разбитые и сгоревшие после попаданий снарядов грозных 88-миллиметровок. Я понимал, что всего лишь один выстрел такого орудия, скрытого в засаде за живой изгородью, может послать нас всех, сидящих в бронетранспортере, в *Царствие Небесное*/*Kingdom Come*.

Прощай, Нормандия

Переправа через Сену прошла спокойно, так как немцы поспешно отступали. Следующие несколько дней были незабываемыми для каждого, кто был в авангарде: нас встречали восторженные толпы, миля за милей. Мы никогда не видели столько людского воодушевления: нас засыпали цветами, угощали выпивкой, которая стала быстро действовать на нас. Мы продвигались через Фландрию, проходя через города и поселки, названия которых были олицетворением войны, закончившейся 26 лет назад. Здесь воевал мой отец, заслужив в боях *Военную Медаль*. Чем дальше мы шли, тем более восторженно нас принимали. Иногда толпы людей просто останавливали нас. Нас обнимали и целовали, а один счастливый папаша даже предложил свою дочку одному из наших, дав понять, что, если парень переспит с ней, для него это будет большая честь… Но парню не улыбнулась удача, так как мы были на марше, так что дочка этого папаши сохранила невинность.

Бельгийцы приветствуют британских солдат (1944)

Мы вошли в небольшой городок под названием Дерлейк. С возвышенности отсюда просматривалась деревня, через которую проходила немецкая колонна, при этом противник явно не имел понятия о том, что он у нас на виду. Мы открыли огонь, и через несколько минут вражеская колонна была разгромлена. После этого, к нашему изумлению, бельгийцы, наблюдавшие за этим побоищем, немедленно занялись разделкой убитых лошадей, и вечером того же дня стейки из конины были поданы на ужин во многих домах. Мы заночевали в городке и у каждого въезда оставили посты. Мой бронетранспортер и еще один были поставлены нос к носу, блокируя въезд. За ними расположилось четверо человек, я в том числе, готовые открыть огонь по приблизившемуся противнику. Из-за быстрого продвижения вперед мы толком не знали, где находятся немцы, да и они не имели понятия о нашем местоположении. Где-то на 200 ярдов впереди наших машин находился еще один солдат, укрывшийся в придорожном кювете. У него был свисток, и ему было приказано свистеть, если будет какой-то шум или движение на дороге. Около часа ночи, уже в полусне, мы услышали свисток и сразу же после этого из темноты появились силуэты машин. Это была вражеская колонна - мы открыли огонь из наших *Бренов*, вывели из строя пять идущих впереди машин, остальные ретировались.

Все немцы, сидевшие в подбитых машинах, были убиты. В первой из них было четверо офицеров. Мы обыскали их и саму машину, и к собственному восторгу нашли тысячи немецких банкнот, после чего набили деньгами карманы. Я прихватил пистолет *Люгер*, который высоко ценился, как трофей. Утром нас сменили, мы вернулись в городок и направились прямо в небольшую церковь, в которой расположился наш штаб. Теперь мы были богачами, все вокруг нам завидовали. На радостях я вытащил *Люгер*, который никто из парней ни разу не видел. Для демонстрации я выстрелил из него в каменный пол, и, к моему ужасу, сержант Кенни Вудс (Kenny Woods) взвыл и запрыгал на одной ноге. Это пуля после моего выстрела срикошетила от пола и попала ему в ногу. Так Кенни получил отпуск по ранению. Слухи о нашей добыче разнеслись по части, и в то же утро нам пришлось

отдать добытые деньги нашему интенданту *(Quartermaster)*. Потом мы часто задавали вопрос: кому досталось это богатство?

Мы продолжили движение вперед. За городом Малине мы сменили части 50-й Нортумбрийской Дивизии (Northumbrian Division), которая столкнулась с упорным сопротивлением противника. Правда, меня прихватила дизентерия, и капитан Стритер, которого я по-прежнему возил, приказал мне отправиться в госпиталь. Через наше расположение прошла Гвардейская Танковая Дивизия/Guards Armoured Division. Им предстояло сменить 6-ю Воздушно-десантную Дивизию, которая позднее высадилась под Арнемом. Тем временем мы начали наступление в направлении города Гел, расположенного в 3 милях к северу от канала *Escault*, вдоль которого закрепились немцы. Нам предстояло форсировать канал, чтобы расширить коридор, который расчищали танкисты-гвардейцы, и, одновременно с этим, предотвратить атаки противника на наши части, продвигавшиеся по коридору протяженность около 90 миль. Теперь очевидно, что британцы заняли территорию, которую было трудно удержать. *Королевские Шотландцы* из нашей Бригады захватили плацдарм на противоположном берегу канала после упорных боев, мы же получили приказ укрепить этот шаткий плацдарм. В тот день Бог сохранил мне жизнь. Капитан Стритер приказал мне отдыхать, показаться врачу и попытаться прийти в себя. На мое место водителя временно посадили другого парня. Около 2 часов дня капитан направился в сторону плацдарма. Зная его манеру вести себя, я предупредил его перед выездом: «Будьте осторожны, не рискуйте!», поскольку за несколько месяцев хорошо изучил его… Через два часа в тыл приехал, грузовик, в котором лежал потерявший обе ноги капитан Стритер… Он выжил, но сменивший меня парень и остальные, сидевшие в моем бронетранспортере, были убиты.

Тем временем наша бригада на плацдарме отбивала одну контратаку немцев за другой, при этом у военнопленных обнаруживали признаки каких-то уколов на руках: становилось понятно, почему они сражаются столь отчаянно. Но плацдарм держался. Неожиданно донесся гул самолетов, это было воскресенье, 17 сентября 1944 г. Мы подняли головы и увидели самолеты. Тянувшие за собой планеры – это была 6-я Воздушно-десантная Дивизия на пути к Арнему. Так продолжалось около часа, многие самолеты были сбиты. Немцы, видевшие все это, поняли, что цепляться за канал больше нет смысла, и отступили. На следующий день наш батальон сменила другая часть. Мы потеряли 18 человек убитыми, 104 ранеными и 50 пропавшими без вести – из числа последних многие потом были отнесены к погибшим.

Мы начали свой марш вглубь Голландии. Через два дня мы вошли в Эйндховен, где нас встретили восторженные толпы. Там мы простояли ночь, а на следующее утро получили приказ захватить плацдарм за каналом *Wilhelmina*. Мы вновь столкнулись с ожесточенным сопротивлением, но 24 сентября прорвали оборону противника, блокирующего плацдарм, и устремились в сторону городка Бест, расположенного где-то в 6 милях. Мы не знали, что наши десантники под Арнемом оказались в тяжелом положении. Немцы стойко оборонялись повсюду, включая подходы к Бесту.

Здесь Дивизия вела ожесточенные бои в течение нескольких дней, особенно за кирпичную фабрику, которая переходила из рук в руки несколько раз. Подразделения полка Glasgow Highlanders *(вероятно, речь идет о 2-м Батальоне Горцев - ВК)* понесли тяжелейшие потери, и их пришлось отвести в тыл. Нам повезло больше – мы держали оборону в лесистой местности на окраине города, правда, под постоянным огнем снайперов и артобстрелом. Командование вызвало *Тайфуны* – эти самолеты наводили ужас на противника. Через громкоговорители мы пытались уговорить немцев сдаваться в плен, но мало кто из них пошел на это – это были крепкие бойцы. 29 сентября нас сменила 51-я Дивизия Горцев/51st Highland Division, и мы были счастливы вырваться из этого сумасшедшего дома.

Памятник солдатам 15-й Шотландской Дивизии, освобождавшей город Бест (Голландия)

Нас отвели в район города Хелмонд для отдыха, получения подкреплений и боеприпасов. Это был первый настоящий перерыв в боях со времени высадки. Помню, что мы жили в сенном сарае, где было довольно комфортно. Единственным неприятным моментом было стояние в очереди за едой. Рядом с нами постоянно ошивался фермер, который, как мы подозревали, симпатизировал немцам. Посреди двора фермы находила большая навозная куча, и, когда бы мы ни стояли в очереди, этот мужик обязательно ковырялся вилами в куче дерьма. В нашу сторону плыли пар и мерзкие запахи, в его – потоки ругани, которой мы его поливали. А так отдых был превосходным, нам наносили визиты большие начальники, а наша оркестр волынок развлекал местных жителей…

23 октября мы вновь выдвинулись к Бесту, который уже был в наших руках и был сильно разрушен. Мы прошли через него в сторону города Тилбург, который был нашей следующей целью. 26-го мы пошли в атаку и без проблем взяли его, так как основная масса подразделений противника уже покинула его. Мы быстро преодолели сопротивление оставшихся частей и вышли на юго-восточную окраину города. Местные вышли из своих домов, чтобы приветствовать нас, и через толпы было почти невозможно пробиться.

Я вез в своем бронетранспортере полковника Маккензи. Мы с трудом пробились к ратуше, где полковник передал ключи от города его гражданам. Затем мы разошлись по домам местных жителей. Тем временем женщин, которые «дружили» с немцами в период оккупации, выволокли на улицу и привели на городскую площадь, где им начали стричь волосы к восторгу собравшейся толпы. В итоге нам пришлось вмешаться и остановить все это, так как ситуация начала выходить из-под контроля. На следующий день продолжалось чествование, нас всюду окружали толпы, у нас брали автографы, девушки осыпали нас поцелуями. Нас называли «красными львами» из-за эмблемы на наших рукавах.

Нарукавная нашивка с красным львом - эмблемой 15-й Шотландской Дивизии

Однако торжества вскоре завершились. В 1.30 ночи нам приказали подниматься и двигаться в направлении деревни Дёрне (пригород Антверпена). В этот воскресный день мы снова пошли в бой. Сложилась кризисная ситуация, 7-я Танковая Дивизия американцев удерживала участок фронта длиной 28 миль вдоль линии каналов. По-видимому, они, мягко говоря, слишком расслабились, и немецкие танкисты сумели в двух местах переправиться через каналы и крепко навалять американцам. В 10 утра мы заняли оборонительные позиции к югу от Дёрне: местность здесь была занята дамбами, канавами и каналами – не самая приятная обстановка [для наступательного боя]. Затем мы сместились южнее, к городку Астон, расположенному на важном перекрестке дорог, потом ближе к городку Лизл, где окопались в ожидании атаки противника. Остальные части Дивизии были по соседству, и мы чувствовали себя уверенно. Наутро мы сами пошли в атаку на городок, где немцы укрепились в разрушенных домах, и наше продвижение было медленным. Бои 30-31 октября стоили нам 3 убитых, 27 раненых и 1 пропавшего без вести. Немцы отступили, и мы вошли в обширную лесистую местность на пути к городу Миэйл. Мы продолжили наступление вместе со 2-м Батальоном Горцев на нашем правом фланге, нас поддерживали танки. Наступление шло под сильным артогнем противника. В деревне Брок/Broek мы приостановились, чтобы подготовиться к атаке на две другие небольшие деревни. Погода была отвратительная, артобстрелы не стихали. Мы несколько раз атаковали противника вдоль дороги на Миэйл. При этом наши саперные танки с минными тралами подорвались на минном поле, 4 из *Черчиллей* были подбиты, и мы продолжили атаки без броневой поддержки. Огонь со стороны Миэйла не ослабевал, два наших бронетранспортера, эвакуировавшие раненых, были разнесены вдребезги. Примерно в это время сержант Риз (Rees) тронулся умом. Он оторвался от своей роты, уполз вперед, а затем неожиданно вернулся, приведя с собой большое количество пленных. За этот акт безумной храбрости он получил *Медаль за Отличие*. Когда его спросили, зачем он это сделал, он сказал: «Я хотел часы и *Люгер*.» Через три месяца он погиб в ожесточенном бою за замок Холбек в Германии, когда мы пробивались к Рейну…

В конце концов мы получили приказ отойти и отступили к городку Лизл, в то время как остальные части Дивизии продолжали сражаться. Так окончилось *Черное Воскресенье* 5 ноября. Больше мы ни разу не отступили. Нас отвели в резерв в район Астона/Aston для отдыха и получения подкреплений. Поскольку я был теперь ветераном, вместе с несколькими другими ребятами я получил 48-часовую увольнительную в Брюссель. Когда мы вернулись, батальон все еще не было полностью укомплектован, поэтому некоторые роты слили вместе. По сути дела, мы стояли на линии фронта, поскольку между нами и немцами, по-прежнему занимавшими Миэйл, не было других частей. 10 ноября мы сблизились с противником, выслали вперед [рекогносцировочные] патрули, и на наших бронетранспортерах стали прощупывать позиции немцев. Всюду были минные поля, которые, тем не менее, были расчищены. Нашей следующей задачей была переправа через лежавший перед нами канал: противник отошел на противоположный берег, поскольку слева и справа от нас части дивизии успешно оттеснили его. Мы переправились через канал, заняли развалины каких-то деревушек, после чего нас сменили *Камеронцы* (*вероятно, речь идет о 9-м Батальоне Шотландских Стрелков/Scottish Rifles – ВК*). Мы после этого еще две недели патрулировали занятую нами местность.

Тогда как большинство местных жителей были эвакуированы, некоторые остались. Как-то ночью я был в патруле с очень забавным йоркширцем по фамилии Вильямс (Williams), и, продвигаясь по тихой сельской дороге, мы увидели впереди себя огонь факела, и, в итоге, набрели на старика, копавшего картофель в огороде рядом с домом. Он сказал нам *Binner Commer (вероятно, Binnen Komen/Войдите в дом – ВК)*, давая понять, чтобы мы следовали за ним. Мы спустились в подвал дома, заполненный женщинами и детьми, которые, увидев нас, казалось, посходили с ума от радости. Мужское население этой деревни за день до этого немцы согнали вместе, чтобы отправить в Германию. Некоторых, пытавшихся сбежать, просто убили. Эти несчастные люди целый час не моли остановиться и всё трогали нас, а когда мы собрались уходить, они хором запели британский гимн! Мы были несколько смущены, а мой патриотически настроенный товарищ снял свою каску и сказал им: «Трижды ура в честь Королевы Вильгельмины!» Я присоединился к нему, мы, к восторгу собравшихся, довели церемонию до конца…

Через две недели мы покинули эти места. Нам предстояла атака на Блерик – хорошо укрепленный городок на берегу реки Маас. На другой стороне находился городок Венло, к которому вели два моста. Происшедшее здесь сражение рассматривается как «классическое» со многих точек зрения, поскольку здесь использовались все виды вооружений и самые разные подразделения принимали в нем участие. Немцы превратили Блерик в крепость, но город был захвачен сравнительно быстро. Саперные танки проделали проходы в минных полях, через противотанковые рвы были переброшены временные мосты, через проволочные заграждения были сделаны проходы. Артиллерийская подготовка продолжалась почти 3 часа. Атака была проведена строго по плану, все части четко взаимодействовали друг с другом. Нам предстояло атаковать северную часть города. Мы выступили в 9.30 утра, увязли в грязи, но ворвались в город в 1.30. После короткого уличного боя операция была завершена…

Погода стояла отвратительная, лежал снег, было очень холодно. Ночи мы проводили в траншеях, расположенных буквально в нескольких ярдах от реки. Ночь за ночью мы торчали в траншеях с моим приятелем Элфом Бёрнеттом (Alf Burnett) – по два часа с четырехчасовым перерывом. Два часа казались бесконечностью – дрожишь от холода, говоришь шепотом и тебе все время мерещатся вражеские патрули. Так продолжалось до Рождества, а ночью все окрестности освещали ракеты, выпускаемые в небо обеими сторонами. Это было словно фейерверк в мирное время, мы слышали, как немцы отмечают Рождество, и, кроме того, их выкрики: «Давайте сюда – будем драться, вы, шотландские ублюдки.» В новогоднюю ночь мы устроили что-то вроде шоу для немцев. Рота, располагавшаяся в центре города, подняла шум: парни кричали, играли волынки – все это могло дать представление противнику о том, что мы упились в стельку. Так мы хотели было вдохновить немцев на атаку и устроить им засаду. Однако немцы не клюнули на эту удочку!

В этот период времени на американцев обрушилась неожиданная атака немцев в Арденнах. У нас самих было не слишком много сил в нашем секторе, и был страх, что нам тоже достанется. Немцы посылали на нашу сторону разведочные патрули и через громкоговорители убеждали нас в том, что скоро и по нам нанесут удар. Мы сильно нервничали. Погода была зверски холодная, все засыпал снег. Позднее нам говорили, что это была самая холодная зима за 40 лет. Определенно, эта погода не годилась для сидения в окопах. Но тут нас наконец-то сменила другая часть, а мы получили приказ подготовиться к переброске на участок к югу от Брюсселя, где накапливались резервы на тот случай, если ситуация в районе Выступа ухудшится. По счастью, все обошлось без нас, и мы провели пять чудесных дней, отдыхая в прекрасной деревушке под названием Аппельтерр. Местные жители встретили нас с распростертыми объятиями, поскольку мы были первыми британцами, которых они увидели: этот участок наши войска просто обошли несколько месяцев назад.

Увы, вскоре мы снова тронулись в путь, на этот раз снова в район Тилбурга, в Голландию. Дороги были едва проходимыми, и путешествие заняло около 16 часов. И тут я услышал хорошую новость – мне дали 7-дневный отпуск домой. Эта привилегия полагалась ветеранам Дивизии и участникам боев в Нормандии. В Лондоне меня встретили мать и отец, и мы отметили мое прибытие в ближайшем к станции Виктория пабе. Мой приятель Элф был со мной, и несколько дней прошли в непрерывных возлияниях. Однако вскоре мы уже были на пути в Тилбург. По прибытии и мы узнали, что наш батальон был переброшен вплотную к немецкой границе. Он отправился из Тилбурга в Неймеген 4 февраля. В районе Неймегена я и моим приятель воссоединились с нашим взводом. Шла подготовка к вторжению в Германию. Все передвижения происходили ночью, скрытно от воздушной разведки противника. Машины. Танки и машины перемещались с отключенными фарами, от чего после каждой поездки волосы стояли дыбом на голове. Все это плюс отвратительное состояние дорог действовало на нервы, мягко говоря. Мы добрались до находившегося под постоянным артиллерийским обстрелом подвесного моста Graves через Маас.

В ночь с 7 на 8 февраля волны тяжелых бомбардировщиков *RAF* прошли над нашими головами, чтобы сбросить свой груз на Клеве и Гох – немецкие города, расположенные на

нашем пути и являвшиеся целями нашего наступления. В 5 утра началась грандиозная артподготовка – около 1000 снарядов обрушились на сектор фронта протяженностью в 4 мили. Через 4 часа Дивизия пошла в наступление на *Линию Зигфрида*. Наш батальон получил приказ очистить от противника густой лесной массив. Здесь, на холме под названием *Cleverberg*, мы наткнулись на высокую деревянную наблюдательную башню, с которой противник прекрасно видел все происходящее на мили вокруг. Два отделения наших бронетранспортеров, на которые были установлены огнеметы *Wasp*, атаковали эту башню. Мы услышали вопли, и уже вскоре немцы, которые находились в ней и на ней, сдались в плен. Во время этой атаки мы потеряли командира этой боевой группы майора Хантера (Hunter), популярного офицера, которого любили солдаты. Он был тяжело ранен и вскоре умер.

Успех в этом бою позволил основной части батальона продолжить продвижение в сторону Клеве. Мы наступали на очень узком участке фронта, и случалось, возникала мешанина, при этом наша артиллерия иногда обстреливала наши же части с неизбежными потерями. Город Клеве был захвачен частями 43-й Дивизии, наступавшей с юго-запада. Когда мы вошли в город, он был полностью разрушен – все выглядело, как в Кане. Немцы открыли плотины, и всю местность на многие мили вокруг затопило. Мы стали армией, перемещавшейся на лодках, проведя таким образом несколько дней. 18 февраля мы покинули Cleve и начали продвижение в сторону города Гох, расположенного в 8 милях далее в сторону Рейна. Двум другим батальонам нашей Бригады из состава *Королевских Шотландцев* и полка *Kings Own Scottish Borderers* предстояло атаковать сам город, мы должны были позднее пройти через их позиции вместе с парнями из *RSF (полк Royal Scottish Fusiliers)*.

Нашим противником были парашютисты, против которых мы уже сражались в прошлом и которые всегда бились, как тигры. Наша атака прошла в стиле, уже испытанном при взятии Блерика, когда действия артиллерии, танков и пехоты строго скоординированы. Мы подошли к городу вместе с частями 51-й Шотландской Дивизии, то есть, в сражении с британской стороны участвовали исключительно шотландские части. Бои были весьма ожесточенными, мы постоянно были под артиллерийским обстрелом и за два дня потеряли 35 человек убитыми и ранеными. Через два дня непрерывных боев на сменила другая часть. Мы продвинулись на восток в густой лесной массив, который приобрел известность благодаря исключительно упорному сопротивлению и убийственному артогню со стороны стойко оборонявшихся парашютистов. В этом лесном массиве находился старый разваливающийся замок, носивший название *Холбек*. Те, кто участвовал в боях за этот лесной массив, никогда их не забудут. Рядом с замком находился небольшой мост через узкую речку – в районе этого моста разгорелись самые ожесточенные бои. 2-й Батальон Полка Гордонских Горцев (*2nd Gordons - вероятно, полк Gordon Highlanders - ВК*) окопались, и нам вместе с Фузильерами предстояло захватить этот мост и, далее, закрепиться на плацдарме на другом берегу речки. Хотя сопротивление противника несколько ослабло под минометным и артиллерийским огнем и нам удалось захватить мост, немцы продолжали отчаянно сражаться. На следующий день еще одна наша атака, нацеленная на расширение плацдарма, была отбита, и немцы, похоже, получили подкрепления. Хотя нас поддерживали танки, мы не могли больше наступать и окопались, чтобы укрыться от сильных артобстрелов.

Огнь вражеских пушек и минометов был самым интенсивным за все время боев, мы понесли большие потери, оставаясь в наших ячейках всю ночь. Примерно в 14.00 через наши позиции должны были пройти подразделения 227-й Бригады нашей Дивизии. Когда эти парни бежали по дороге в сторону моста, начался самый жесточайший артобстрел. Я сидел в окопчике вместе с двумя другими парнями, и больше места в нашей ячейке просто не было. Неожиданно двое парней из числа пробегавших мимо нас по дороге попытались запрыгнуть в наш окопчик, но для них просто не было места! Мы показали им пустую ячейку, расположенную напротив нашей – они рванулись вперед, запрыгнули в нее, и тут же прямым попаданием снаряда оба были убиты… Ночь мы провели к северу от замка. Операция, которую должна была осуществить всего одна рота, превратилась в кровавое испытание для целой Бригады…

На следующий день мы продвинулись вперед, чтобы сменить находившиеся на передовой линии роты. Снова артобстрел, снова потери. 25 февраля нас окончательно отвели от места боев, которые по ожесточенности превзошли все, что мы испытали в Нормандии. За 18 дней боев мы потеряли 9 человек убитыми, 75 ранеными и 23 – пропавшими без вести. Многие раненые позднее умерли, многие пропавшие без вести попали в разряд погибших.

Последние недели войны

Нас отвели в Тилбург на отдых, но там негде было остановиться: приготовленные для нас помещения были разрушены ракетами *V1*, поэтому нас переместили в деревне Турноут. Здесь мы впервые за многие месяцы помылись, получили чистую одежду и хорошее питание. Нам разрешили 48-часовые увольнительные в Брюссель. Наш оркестр волынок играл для местных жителей к их всеобщему восторгу. 6 марта мы покинули городок и расположились к югу от него в деревне Эрк-ля-Виль. Здесь мы приступили к боевой подготовке, нацеленной на преодоление Рейна. Мы практиковались в погрузке на плавающий танк *Buffalo* и десантировании с него – все это мы делали в долине реки Маас. Нам зачитали послание премьер-министра Уинстона Черчилля, были концерты.

22 марта мы тронулись в путь через места, где еще недавно вели бои: Бест, Блерик, Венло. Передвигались мы ночью, чтобы добраться до места сбора частей в районе города Ксантен на рассвете. Весь западный берег Рейна был прикрыт дымовыми завесами – их здесь держали постоянно, чтобы скрыть от противника наши передвижения. Остаток дня мы отдыхали. Здесь у меня возникло желание побыть одному, что было для меня ненормально. Я не понимал, что происходит, наверное, я что-то предчувствовал. Позднее я узнал, что моя мать в то время была у родственников в Лондоне, и в какой-то момент разрыдалась. Когда ее спросили, в чем дело, она ответила: «Не знаю, но что-то вот-вот случится с Чарли.» Она была права: через несколько часов это «что-то» случилось.

Вечером мы получили последние инструкции, нас посетил корреспондент BBC Уинфорд Вон Томас (Wynford Vaughan Thomas), который собирался быть с батальоном во время предстоящего исторического события, чтобы вести репортаж о нем. Нашей Дивизии предстояло быть в центре сектора, в котором наступала 2-я Британская Армия. Русло реки Рейн здесь было около 400 ярдов в ширину, по обоим берегам вдоль него проходили насыпи, известные под названием *Bunds*. Мы погрузились в наш *Buffalo* в 23.00. Нашей целью был городок Бизлих. Атака была назначена на 2.00, после чего мы должны были соединиться с воздушно-десантными частями, которые намечали высадку в 10.00 утра в 5 милях к востоку.

В 24.00 *RAF* отбомбились по городку. Вся 2-я Армия должна была переправиться через Рейн на разных участках в разное время. Началась грандиозная артиллерийская подготовка, стоял оглушительный грохот, противоположный берег был в огне. Наш взвод бронетранспортеров входил в первую волну высадки в пешем строю. Пришло время атаковать сердце Германии после почти 6 лет войны, которую она развязала. Переправа прошла быстро и успешно, наш танк уперся в насыпь, и мы выпрыгнули из него, чтобы вскарабкаться на стенку. С вершины насыпи мы осмотрели местность – она вся была усеяна короткими палками, торчавшими из земли. Это были стержни противопехотных мин, носивших название *Schu*.

Мы побежали через минное поле, прыгая с одной ноги на другую, и тут это случилось – моя левая нога зацепила стержень. Помню, как я взлетел и упал, помню страшную боль. Оглядев свою ногу, я обрадовался – она была на месте, но вся голень и ступня были в крови. Вокруг меня несколько человек лежало на земле, многие, как я узнал позднее, были убиты. Через несколько минут на насыпи появились парни из второй волны. Я закричал «мины!», и двое ребят подобрали меня и перенесли на только что приставшее к берегу судно. Следующее, что я помню – это то, что я лежу на операционном столе, вокруг меня люди в белых халатах… Затем я очнулся, вокруг меня были какие-то монашки. Было это в уже Генте, в Бельгии. Я все еще был под воздействием обезболивающих средств. Через два дня я уже был в Брэдфорде, графство Йоркшир.

Из моей ноги удалили почти все осколки, хотя и сегодня в ней остаются мелкие кусочки металла, которые, правда, меня не беспокоят. Из ежедневных новостей мы узнавали, что война близится к концу. Я оставался в постели до того самого счастливого дня – 8 мая 1945 г. Все вокруг ликовали, по радио передали, что человек, который привел нас к победе, – премьер-министр Уинстон Черчилль – выступит с обращением к нации в 3 часа дня. По счастью, в моем отделении был парень из одной из соседних деревень. Старшая медсестра разрешила ему выкатить мое кресло, и он дотолкла меня до своего дома, чтобы мы могли послушать это историческое обращение. Мы выслушали премьер-министра, и после ужина парень отвез меня обратно в госпиталь.

Эта вылазка вдохновила меня на поход в паб. Я спросил старшую медсестру, сможет ли она в свой выходной прокатить меня в паб. Она согласилась, и одним вечером она отвезла меня туда. Когда я подъехал к пабу, мы увидели, что он забит людьми. Нас тут же окружили люди и стали предлагать нам выпивку. Когда я поглощал свою первую пинту за последние 5 месяцев, ко мне подошел человек и спросил, откуда я. Я ответил: «Лондон.» - «Да нет, из какого ты госпиталя?» Я назвал госпиталь, и через минуту я увидел вспышку фотокамеры: человек, спрашивавший меня, оказался газетным репортером. Вскоре после этого медсестра покатила меня назад в госпиталь.

На следующий день случился скандал. Фотография, на которой был я вместе с медсестрой, появилась на первой странице йоркширской газеты с подписью: «Медсестры и раненые отмечают День Победы.» Фотография принесла много неприятностей медсестре, поскольку в то время существовало правило, согласно которому персоналу госпиталей не разрешалось внеслужебное общение с пациентами. Медсестру в тот же день куда-то перевели, и я больше ее никогда не видел. Еще через день я был переведен в госпиталь, расположенный в нескольких минутах ходьбы от моего дома.

В декабре 1945 г. я был уволен из армии. Итак, средняя продолжительность пребывания пехотинца в строю во время боевых действий равнялась примерно 6 неделям. Я продержался 9 месяцев. Мой батальон был расформирован вскоре после окончания войны, уровень его потерь за время европейской кампании достиг 125%, и это не было рекордом для 15-й Шотландской Дивизии…

55 лет спустя я могу сказать, что хорошо послужил своей стране, прожил интересную и захватывающую жизнь, потрудившись и дома, и заграницей. Слава Богу, удача была со мной.

Джефф Хауэрд

51-я Дивизия была переброшена в Нидерланды для участия в конце-октября-начале ноября 1944 года в операциях *Colin* и *Guy Fawkes*, нацеленных на зачистку от немцев местности к западу от реки Маас. Здесь, в северном Брабанте, был убит во время артобстрела взводный командир Хауэрда, капитан Родерик Макферсон (Roderick Macpherson). Его сменил офицер, имя которого Хауэрд в одном из интервью даже отказывался назвать, чтобы не огорчать семью этого человека. «На протяжении всей войны нами командовали достойные офицеры, все, кроме последнего, - вспоминал Хауэрд. – Наш командир, Макферсон, был убит, и потом пришел этот новый. Он был самым невыносимым из всех людей, которых я встречал.» Сразу после этого Хауэрд получил отпуск, и, находясь в Англии, не принял участие в ожесточенных боях, совпавших по времени с Арденнским сражением, и вернулся к началу операции *Veritable*, которую иногда называю *Сражением за Райхсвальд*. Это было начавшееся 8 марта и длившееся месяц наступление к Рейну в секторе фронта между голландским городом Неймеген и Дюссельдорфом.

Пулеметчики Миддлсексского Полка поддерживают огнем пехоту в ходе операции Veritable. 8 февраля 1945 года

На *Линии Зигфрида*

Позднее Монтгомери называл немцев, оборонявших возвышенность Райхсвальд, самыми стойкими бойцами из тех, с кем британцам приходилось сталкиваться в западной Европе в 1944-1945 годах. В ходе сражения Мидлсексские пулеметчики проявил себя превосходно, и командир Батальона 1/7, подполковник Паркер (F. G. Parker), представил Хауэрда к *Медали за Отличие в Бою.* Согласно имеющимся документам, класс награды был снижен генералом Ренни до *Военной Медали.* Этому предшествовали следующие события:

Разведывательный отряд, продвигавшийся по южному флангу Райхсвальда, 9 февраля попал под огонь, и британцы, находившиеся в двух бронетранспортерах, получили задание отделиться и найти подходящие позиции для батальонных *Виккерсов*. Девять человек, включая Хауэрда и его лучшего друга, сержанта Фрэнка Доллина (Frank Dollin), должны были, сидя в машинах, пробиться через кустарник, застигнуть противника врасплох и занять нужный рубеж. Хауэрд сразу же засомневался в том, что это нужно сделать именно так: легкие бронетранспортеры были слишком заметной целью, и он приказал своим людям покинуть машины.

В своем рапорте об этом боестолкновении подполковник Паркер писал: «Сразу же стало очевидно, что противник был значительно сильнее, чем показалось сначала.» Хауэрд рассказал, что отряд немедленно попал под огонь немецких пулеметов, минометов и противотанковых пушек, укрытых в бетонных ДОТах. Бронетранспортеры быстро откатились назад… Паркер: «Сержанты Хауэрд и Долин, находившиеся под сильным огнем с близкого расстояния, предприняли несколько смелых попыток выйти во фланг противника, чтобы открыть по нему огонь. Затем к месту событий подошли легкие танки, и сержант Хауэрд еще раз попытался обойти противник с фланга, при этом он увидел, что второго сержанта зацепило и он упал. Хауэрд, находясь под сильным ружейно-пулеметным огнем и не заботясь о собственной безопасности, бросился вперед, чтобы помочь другому сержанту, который, на самом деле, был убит наповал.»

Сам Хауэрд так говорил об этой ситуации и подобных ей в одном из интервью: «Если ты берешь на себя руководство людьми, неважно, нашивки у тебя на рукаве или кубики на погонах, ты становишься лидером и должен быть впереди остальных. Бесполезно говорить: «Вперед, парни, я буду следовать за вами», потому что никто не стронется с места. Ты должен сказать: «Давайте-ка, ребята» и идти вперед первым.»

Из записок Джеффа Хауэрда о событиях 9-12 февраля (о себе он пишет в третьем лице):

9 февраля

05.00. Интенсивный огонь открыт из всех видов оружия по позициям противника с участием пулеметных батальонов 1 и 1/7 Миддлсексского Полка. 72 Виккерса выпустили 7 200 000 патронов. Позднее, продвигаясь вперед вместе с 5-м батальоном Черного Дозора, мы увидели сцену полного опустошения с разбросанными повсюду немецкими трупами. После вступления в Райхсвальд близ Графвегена патруль, состоявший из 9 человек (по трое солдат из каждого взвода Роты С Батальона 1/7 с двумя пулеметами на бронетранспортерах были отправлены вперед, чтобы разведать позиции для роты и в дальнейшем создать заслон на дороге Моок – Геннеп. Продвигаясь по дороге, они попали под сильный огонь Шпандау, минометов и противотанковых пушек. Спрыгнув на землю, солдаты пошли дальше своим ходом, неся на себе Виккерсы и треноги для них. Пулеметы поочередно открывали огонь, чтобы прикрыть продвижение вперед остальных, перемещавшихся рывками протяженностью около 100 ярдов. На этой стадии [по радио] была запрошена поддержка четырех танков, которые повели пулеметный и шрапнельный огонь по противнику, но не изъявили желания продвигаться в лесную чащу из-за боязни попасть под огонь панцерфаустов, а нас было слишком мало для нормального пехотного прикрытия.

Пулеметные расчеты, один из которых состоял из сержантов Доллина и Хауэрда и еще одного человека, и другой, старшим в котором был капрал Слит (Sleeth), были остановлены четырьмя вражескими ДОТами, находившимися от нас на расстоянии примерно 200 ярдов. Хауэрд и Доллин попытались обойти их слева. Доллин был убит выстрелом снайпера в голову. Хауэрд увидел, что он упал, пошел вперед и обнаружил, что тот мертв.

Шпандау открыл огонь и разорвал китель Хауэрда, но, каким-то чудом, обошлось без ранений. Он сумел оттащить Виккерс назад, где пулеметчики присоединились к подошедшей на помощь пехотной роте, которая атаковала вражеские позиции. Понеся потери, пехота была отозвана на главное направление атаки британцев. Майор Пирсон (Pearson), командир Роты С, принял решение отложить атаку на обнаруженный укрепленный пункт обороны. Он был взят вечером, удерживали его 40 солдат и офицеров.

Из девяти вышедших на разведку людей из Батальона 1/7 двое были убиты и двое ранены.

10 февраля

10-й Взвод занял позиции на дороге Моок-Геннеп, ведя огонь по отходящим транспортным и пехотным колоннам противника. В лесу было захвачено некоторое количество пленных, а в поздние послеполуденные часы 10-й и 12-й взводы погрузились вместе с пехотой на бронетранспортеры Buffalow, чтобы атаковать через залитую паводком местность. Погода стояла холодная, шел снег.

11 февраля

Геннеп снова под сильным артиллерийским огнем, мы столкнулись с трудностями при форсировании реки и заняли позиции для огневой поддержки пехоты.

12 февраля

11-й Взвод направился в сторону Оттерсума (Нидерланды), 10-й и 12-й – в направлении высот 791475, где участвовали в ночной атаке и заняли оставленные противником

окопы. В ходе атаки, когда мы трогались в путь, у нашего бронетранспортера слетела гусеница. Он был на виду, его нужно было убрать с этой точки. Замена гусеницы была шумным делом. Деннис Дэйли (Dennis Daly), наш водитель, и сержант Элкок (Alcock) начали заколачивать пальцы, и тут Шпандау выпустил пристрелочную трассу. По счастью, гусеница была на нашей стороне бронетранспортера. Каждый удар по пальцу сопровождался пулеметной очередью, ударявшей по другой стороне машины. Затем в рекордно короткий срок гусеница была возвращена не место, и мы тронулись в путь…

Трудный день 13 февраля

Несколько дней спустя, 13 февраля, Хауэрду представилась еще одна возможность продемонстрировать свою храбрость в ситуации, когда его взводный командир проявил невероятную тупость и жестокость. 51-я Дивизия переправилась через вспухшую от паводка реку Нирс и стала продвигаться в направлении дорожного узла – города Геннеп, который был взят ею после 36 часов упорных уличных боев. Вспоминает Хауэрд: «Мы атаковали противника и в ночное время отбили у него траншеи, а когда рассвело, мы толком не знали, что там дальше, впереди нас. Между нами и противником, на *ничьей земле*, стоял фермерский дом, на которым висел флаг с красным крестом. Было очевидно, что это перевязочный пункт или что-то вроде. Тут ко мне подошел мой капрал и сказал, что из него выходит группа раненых немцев, кто-то из них ковыляет сам, кого-то тащат на носилках, и перед собой они несут флаг с красным крестом. Тогда я сказал: «Нет, мы не будем стрелять по ним.» Тут на джипе подъехал наш капитан с тремя другими офицерами. Он спросил: «Почему вы не открываете огонь по этим немцам?» Я говорю: «Мы не стреляем по окровавленным раненым, этот приказ противоправен, и я отказываюсь выполнять его.» Он обратился к моему капралу: «Я приказываю стрелять в немцев», но я приказал ему не делать этого – солдат должен подчиняться последнему отданному ему приказу. Офицер сам подошел к одному из моих пулеметов. Знаете, вы не можете вести огонь из *Виккерса*, в одиночку: ленту нужно подавать ленту плавно, иначе его заклинит. Короче, он выпустил две или три пули, и не думаю, что он в кого-то попал.»

Бездумные и жестокие действия офицера, тем не менее, обозлили немцев. К полудню первая волна атакующих из 30 человек обрушилась на позиции *горцев*. Они были отброшены солдатами *Черного Дозора*, но за этим последовала более мощная атака. Вспоминает Хауэрд: «Это были *Fallschirmjäger*, парашютисты, крепкие бойцы… По всем другим подсчетам их было 80, но мне говорили, что около 200. Сам я их не считал, за ними следовали три танка. Мы сумели удержаться, мне приходилось перемещаться от пулемета к пулемету и говорить людям, что и как делать.

Расчет Виккерса поддерживает продвижение пехоты в первые дни операции Veritable к югу от Неймегена 8 февраля 1945 года. Обратите внимание на пустые патронные ящики и использованные ленты…

Он [Паркер] представил меня к медали, но были другие парни, которые заслужили ее. Это были отличные ребята, я знал, что у меня классная команда.»

Из рапорта подполковника Паркера: «Танки заметили позиции пулеметчиков и обрушили на них мощный, непрерывный огонь. Сержант Хауэрд, снова не заботясь о своей безопасности, подставил себя [под огонь противника], перемещаясь от пулемета к пулемету, направляя их огонь и подбадривая расчеты… В двух случаях сержант Хауэрд продемонстрировал пренебрежение опасностью и лидерские качества, выходившие далеко за пределы обычного воинского долга. Его поведение было превосходным примером для всех солдат, и, вне всякого сомнения, он сыграл ключевую роль в том, что жизни его подчиненных были спасены.»

Вспоминает Хауэрд: «Я спас жизнь нашему офицеру. Снаряд упал на стрелковую ячейку, прямо на трех офицеров, прибывших к нам на передовую. Он разорвался на краю этого окопа и убил двоих, при этом его борт обрушился, и нашего капитана засыпало землей. Он лежал плашмя, меня завалило по колено… Я сумел раскопать его лицо и открыл доступ воздуху к нему. Он был контужен и сказал мне: «Вы спасли мне жизнь!» Не подумав и мгновения, я ответил: «Сам не знаю, зачем…» Отношение Хауэрда к полученной за этот бой награде осталось сложным. Он гордился тем, что ему удалось сделать, но считал, что офицер, жизнь которого он спас и который, по его мнению, сам навлек на своих солдат опасность, пробил представление к медали, чтобы пулеметчик не доложил вышестоящим командирам о его поведении.

«Какое-то время спустя мне передали: «Полковник хочет видеть вас.» Я было подумал: «Черт возьми, что я такого сделал?» На самом деле, он представил меня к медали, но награду заслужили другие. Почти все они были обстрелянными солдатами. Если они все еще оставались в строю, они были там, где им положено было находиться. А те, кто подносил патроны, прикрывали меня со спины, пока я держал под контролем то, что делают пулеметчики: они разбирались с немцами, просочившимися через нашу линию. То есть, я мог сконцентрироваться на своих обязанностях и не оглядываться по сторонам. Мы работали, как команда.»

Снайпер Роты С 5-го Батальона Черного Дозора держит под прицелом развалины одного из зданий в Геннепе…

Из записок Джеффа Хауэрда – события 13 февраля

«С первыми лучами солнца мы увидели ферму в 300 ярдах напротив себя. Противник использовал ее в качестве перевязочного пункта, вскоре они начали выводить раненых оттуда под флагом с красным крестом. Я приказал своим пулеметчикам не стрелять по ним. Около полудня группа немцев из примерно 30 человек стала продвигаться в нашу сторону. Мы решили, что они решили разведать нашу позицию, и не стали отрывать огонь, рассчитывая, что с ними разберется пехота. Еще через час, после интенсивного артобстрела, нас атаковали три Тигра и около 400 пехотинцев. Сержант Хауэрд находился на передовой наблюдательной позиции в окопе вместе с капитаном Хокинсом (Hawkins) - командиром 10-го Взвода, офицером-связистом/наблюдателем и командиром танкового взвода из эскадрона, поддерживавшего нас.

Один из выпущенных Тиграми снарядов (один танк был выведен из строя) упал на бруствер окопа и разорвался. Двое офицеров были убиты, капитана Хокинса засыпало песчаным грунтом. Сержант Хауэрд сумел расчистить лицо капитана Хокинса и дать ему возможность дышать, пока он не был обошел пулеметчиков с обоих флангов. В довершение всего наша артиллерия начала засыпать нас снарядами, и все наши рации были выведены из строя, поэтому мы могли для связи использовать лишь вестовых с записками в надежде, что кому-то из них удастся добраться до своих. Число убитых и раненых росло, и нам оставалось только держаться, потому что отступать было некуда.

Через пару часов мы услышали звуки ожесточенного боя, доносившиеся из нашего тыла, и увидели. что противник начал отход. В первом бронетранспортере, вышедшем к нам, я увидел майора Пирсона, нашего ротного командира. Определенно, я был рад видеть его! В ходе этого боя 10-й и 12-й взводы израсходовали 80 000 патронов. Майор Пирсон был награжден за свои действия по спасению [находившихся на передовой] планкой к своему *Военному Кресту*. Сержант Хауэрд был награжден *Военной Медалью* за боевые заслуги в ходе пяти дней ожесточенных боев.»

Эпилог

Джефф Хауэрд вспоминал, что он все еще вел огонь из своего пулемета, когда стало известно, что немцы капитулировали: «Ко мне подошел офицер из *Черного Дозора* и сказал: «Прекращайте стрельбу, война окончилась.» Мы нашли немецкого фермера, сказали ему, чтобы он приготовил нам шнапс, который оказался просто огненной водой, так что мы напились до бесчувствия.» 14 июня, Хауэрд получил *Военную Медаль* из рук самого Монтгомери: «Это был после окончания войны на бывшем немецком аэродроме в месте под названием Штаде. Нас, получающих награды, там было много. Был офицер, а *Монти* стоял на подмостках. Произносили твое имя, когда подходила очередь, и он прикалывал награду к кителю и говорил: «Хорошо постарались/Well done», что-то в этом роде. Потом мы пошли на ланч, получили по бокалу вина и забыли обо всем этом.»

Канадцы вспоминают об операции *Blockbuster*

После завершения первой стадии наступления британцев к Рейну вдоль германского-голландской границы, получившей название операция Veritable, началась вторая стадия – операция Blockbuster. На левом фланге этого сектора фронта наступал 2-й Канадский Корпус генерал-лейтенанта Симонса (Symonds).

***Джордж Блэкбёрн (George Blackburn)**, передовой артиллерийский наблюдатель, так описал свои чувства перед атакой*

«Ты находишь, что вздыхаешь слишком часто, что твой рот сохнет, а ладони влажнеют. Ты пытаешься сконцентрироваться на листе выданной тебе карты, напечатанной на обратной стороне немецкой карты, которые они напечатали перед вторжением в Англию. Ты переворачиваешь карту и видишь, что это лист с городом Grantham, графство Линкольншир…»

*Вспоминает **Бен Данклмэн (Ben Dunkleman)**, который сражался в составе Стрелков Королевы с Дня Д и теперь командовал Ротой D*

«Нас подняли в 03.30, малоприятное время для того, чтобы проснуться и осознать, что твои шансы на то, чтобы больше не пробудиться ни разу, являются довольно высокими. Как обычно, мы все получили горячий кофе, ром и сэндвичи, люди проверили свое снаряжение и оружие. Грохот артиллерии вышла на уровень крещендо, когда мы начали выдвигаться к стартовому рубежу около 04.00. Нашей первой целью была деревня Моосхоф, предыдущие атаки на нее, Стеег и Виммерсхоф были отбиты с тяжелыми потерями для нас немецкими элитными бойцами-парашютистами, которым удалось остановить наступление союзников в целом. Мы знали, что вступаем в серьезную схватку…»

Стрелки двинулись с рубежа развертывания вдоль белой ленты, которая вела их к стартовой линии атаки. Освещали местность четыре прожектора, лучи которых отражались от облаков, создавая так называемый *искусственный лунный свет*. Наземной дымки не было, и видимость была превосходной. Майор **Долтон (H.E. Dalton)**, замкомандира полка, позднее вспоминал: «Это ударило по нам, это принесло нам больше проблем, чем пользы. В том рукопашном бою, когда мы зачищали дома, свет не был нужен.» Не было ничего удивительного в том, что немцы ждали атаки противника и заметили, как его роты продвигаются вперед, еще до того, как они вышли на стартовую линию. Когда роты пошли вперед вслед за катящимся огневым валом, немцы прибегли к своей обычной тактике нацеливания своей артиллерии на полосу, расположенную за огневым валом, чтобы накрыть канадцев. Подполковник Летт приказал двум передовым ротам действовать с корректировкой дивизионного плана. «Они не должны были пересекать стартовую линию в назначенное время, рассчитывая на то, что смогут присмотреться к происходящему и избежать попадания под встречный артогонь, который немцы будут вести по пространству за огневым валом.» Эти две роты пошли в атаку на 10 минут позднее, около 04.40. Несмотря на это встречный огонь немцев частично накрыл Роту *A*, которая потеряла 7 человек, едва выйдя на стартовую линию.

Летт использовал стандартное атакующее построение: две роты впереди, две роты сзади. Рота *D* наступала слева, за ней шла Рота *B*, Рота *C* наступала справа, за ней шла Рота *A*. В каждой роте был артиллерийский наблюдатель-корректировщик артогня. Топкая грязь стала препятствием для Эскадрона *C* майора Пауэлла (Jake Powell), который просто не успевал за пехотой. Роты *C* и *D Стрелков Королевы* под командой майоров Никсона (Allen Nickson) и Данклмэна соответственно пошли в атаку, не дожидаясь танков, надеясь, что те подтянутся позднее. Майор **Данклмэн** так вспоминал атаку Роты *D*:

«Продвигаясь вперед, мы держались как можно ближе к катящемуся огневому валу. Снаряды взрывались не дальше, чем в 10 ярдах впереди нас. Хотя было 4 часа февральского утра, было светло как днем, так как Монти, как обычно, снабдил нас искусственным лунным светом, создаваемым прожекторами, светившими в облака. Я шел в середине роты: 16-й Взвод слева от меня, 17-й справа, 18-й, которым командовал Джон Хэнкок (John Hancock), следовал сзади. Мы продвигались настолько осторожно, насколько возможно, вслед за огневым валом. Преодолев сопротивление противника, мы вышли к нашей цели – постройкам фермы Моосхоф. Пока все было нормально. Ни одного человека не потеряли! Но я знал, что нас ждет, и выкрикнул инструкции взводным командирам, чтобы они рассредоточились впереди и потом окопались на ощутимом расстоянии от захваченных немецких позиций. Оборонительная тактика врага была самым превосходным

образом продумана, и он следовал ей с упорством лучшего солдата Европы. Никакой жесткой обороны: будучи атакованными, они держатся настолько долго, насколько возможно, укрываясь в великолепно замаскированных стрелковых ячейках, потом отходят на заранее подготовленные позиции немного дальше назад. Незамедлительно вслед за этим заранее пристрелянные минометы и артиллерия обрушивают огонь на позиции, которые они только что оставили, даже если какое-то количество их людей все еще находятся там. Обстрел скоординирован с атакующими действиями пехоты, которая отбивает только что потерянные позиции. Превосходнейшая тактика. Это было именно то, что они сейчас делали. Только они оставили фермерские постройки, как тут же перешли в контратаку…

… Подбегает ко мне вестовой, чтобы сказать, что 16-й Взвод, который не ушел с занятого рубежа, попал в огненный шторм … и несет потери. Я побежал туда и увидел, что там разверзся ад. Не было минуты, чтобы еще кого-то не зацепило. Люди из 17-го Взвода пришли помочь вынести оттуда раненых и сами оказались под этим смертельным огнем. Весь участок превратился в крошево: всюду, куда ни глянь, тела раненых, убитых и умирающих. Это был кошмар.» Майор помог перевязать раненых, чтобы предотвратить смерти от потери крови, после чего помог оттащить их в укрытие, в то время как на канадцев обрушилась еще одна вражеская контратака. «Эти удары продолжаются со смертоносной эффективностью. Мы стараемся держаться, но враг контратаковал и отбил здания, которые до этого занимал 15-й Взвод. Бой идет, словно качели: взад-вперед, атака-контратака, обе стороны несут тяжелые потери. Борьба за Моосхоф и гораздо большее, чем только это, - все на весах.»

Джоу Сиерс, Д. Поукок, Норм Селби и Дон Каулинг с неизвестным голландцем. Сиерс и Поукок погибли 26 февраля 1945 года.

Остатки 16-го Взвода откатились к позициям 17-го. Вспоминает стрелок ***Норм Селби (Norm Selby)***

«Немцы поджидали нас, мы залегли в воронках от снарядов. У них под крышами сараев были *MG42*. Боже мой, это было страшное оружие.» Стрелок Читтенден, вестовой лейтенанта Маккэя: «Мне приходилось перемещаться под самым жестоким артобстрелом из всего того, что выпадало на мою долю. Он был исключительно точным, он выбрасывал парней прямо из стрелковых ячеек. Мы несли ужасающие потери.» Норм Селби медленно отходил назад, когда до него донесся крик младшего капрала Эдварда Фрейзера (Lance Corporal Edward Fraser): «Быстрее, парни!» Не успел Фрейзер забежать за угол здания, когда его сразила очередь из немецкого автомата, выпущенная из одного из окон. Селби закинул в это окно гранату, которая уложила стрелявшего немца… Вспоминает **Дон Читтенден (Den Chittenden)**: «Я просто стоял, остолбеневши, и смотрел сверху вниз на тело Фрейзера. Я был в шоке, потому что он был одним из парней, с которыми я близко дружил.»

Обри Казенс был позднее представлен к *Кресту Виктории,* и в представлении была ошибка: его взводный командир был ранен, а не убит… Селби вспоминал: «Наш взводный, лейтенант Ллойд Маккэй был ранен, а не убит. Мы знали это, потому что Дон Каулинг и я взяли Маккэя за его плечевые лямки и вытащили его оттуда. Каулинг и я сидели в воронке от снаряда. Капрал Гоф (Gough) подошел и сказал: «Пошли, парни.» Огонь вели по кому-то еще, когда мы тронулись в путь. Так мы и выбрались. Когда все закончилось, 16-го Взвода больше не существовало. Из, может быть, тридцати человек осталось восемь или девять…» Когда отмечали 40-летие этого сражения, Норм приехал в Моосхоф, где встретил немецкого фермера, которому тогда было 16 лет и который пересидел бой в подвале. Он сказал Норму: «Когда вы, ребята, ушли, мы выбрались, может, дело было вскоре после полудня. Мы были в шоке от всех этих пятен цвета хаки, разбросанных по нашему полю.»

Слева - Обри Казенс (1921-1945), посмертно награжденный Крестом Виктории, справа – его могила в деревне Грусбек

Вспоминает ***Арчи Маккуэйд (Archie MacQuade)***

«Мы занимали здание, стоявшее у дороги, возможно, в полумиле или трех четвертях мили от того места. Я не знал, что Казенс вызвал танк на помощь. Машина остановилась у этого нашего здания.» Маккуэйд не имел понятия, для чего здесь этот танк, но предположил, что он собирается выбить снайперов из одной из построек. Когда командиру танка, сержанту Чарли Эндерсону по кличке *Энди*, сказали, куда двигаться дальше, он сказал: «Да идите вы к черту, мне нужны двое парней, чтобы они вывели меня на место. Один ярд в сторону от дороги влево и вправо, и я навсегда увязну в грязи.» Ему дали двоих солдат…

Когда танк появился там, где был прижат к земле 16-й Взвод, Казенс сделал рывок, пробежал 25 ярдов через засыпаемый минами и поливаемый пулеметными очередями пятачок, и добрался до танка. Обнаружив, что телефон, закрепленный в задней части боевой машины, сломан, он забрался повыше и укрылся за башней, чтобы показать танкистам, где засели немецкие пулеметчики.

По воспоминаниям **Дона Каулинга (Don Cowling)**, в бою участвовали два танка, хотя речь могла идти о более раннем эпизоде, когда взвод под началом лейтенанта Маккэя контратаковал просочившихся немцев: «Я оказался вместе с Гофом, капралом отделения, и мы попытались зачистить от немцев один из домов. Но еще до этого я был в паре с Селби. Мы попали под огонь из построек, и Казенс приказал нам окопаться. Вскоре после этого к нашему окопу стали подползать два танка. Кто-то крикнул: «Все ОК, парни, я вам вижу.» Но шум все нарастал, и второй танк чуть не наехал на нас… Близко был, но все обошлось.

Следующее, что я помню, это как к нам подходит младший сержант (Lance-Sergeant) Маккэй. Видел ли я капрала Финча (Finch)? Я подбежал к одному из домов – звучит теперь довольно глупо, полагаю – с криками: «Эй, Финч, где ты?» В ответ я услышал голос, который произнес: «Was ist das?» Потом я нашел его: его спина была прижата к стене, он попал под минометный огонь и был ранен осколками в живот… Потом я увидел его снова, но уже мертвым. Скажу вам грустную вещь: в нашем отделении, когда я и Норм пришли в него в качестве подкреплений, мы были зелеными новичками, и Поукок (Pocock), и Джоу Сирерс (Joe Sereres) – они уже какое-то время повоевали – взяли нас под крыло и старались держать подальше от беды. Так вот, они оба погибли в атаке.» Дон и Норм были оба из Торонто, они ходили вместе в школу, и вместе пришли в отделение.

Казенс наводил огонь танка и своей небольшой группы солдат на позиции противника, засевшего в домах и в окрестностях, когда на них обрушилась еще одна вражеская контратака. Противник атаковал яростно и большими силами. Оставаясь на танке и не обращая внимания на превосходство врага в численности и его губительный огонь, Обри Казенс возглавил оборонительные усилия. Он направил танкистов в темноту, в самую середину массы атакующих. Его дерзость привела к дезорганизации усилий врага, атака которого захлебнулась после того, как он понес тяжелые потери.

Сержант **Эндерсон (Anderson)** вспоминал потом, каким был сильный огонь снайперов из фермерских построек: «Мы всаживали 75-мм снаряды в одно из зданий. Наступил момент, когда после интенсивной стрельбы Казенс сказал о своем плане таранить дом.» Вспоминает механик-водитель **Билл Эдамс (Bill Adams)**: «Я включил пониженную передачу и тронулся вперед. Когда я ударился о стену, машина отлетела назад на пару футов… Я попробовал еще раз, и все получилось в лучшем виде: я въехал в дом довольно глубоко. Я был весьма острожен, вламываясь в каменные стены. Обычно у этих домов были большие подвалы, и от нас было бы мало толку, если бы 30-тонный *Шерман* провалился в подвал.» По воспоминаниям Читтендена, пока *Шерман* таранил дом, Казенс оставался на танке со своим *Стеном*.

Селби

«К тому времени нас оставалось всего четверо. Нам был нужен командир, кто-то, кто мог сказать: «ОК, пошли вперед.» Мы отдавали себе отчет в том, что, если останемся на месте, нас убьют или возьмут в плен. Казенс орал изо всех сил: «За мной! За мной!», так что мы забежали за танк и пошли вслед за ним, чтобы поддержать их огнем. Танк вломился в один из домов и превратил его в руины. Казенс соскочил с брони, ворвался в дом, и тут немцы начали выбираться через уцелевшую дверь. Мы взяли их всех в плен… Когда мы зачистили последнюю из фермерских построек, Казенс приказал всем занять оборонительные позиции. Сам он собирался найти ротного командира и доложить ему о сложившейся ситуации. Он тронулся в путь, думаю, он прошел футов 8 или 10, и тут бац! Он упал, для него все было кончено. Откуда стрелял снайпер, я не знаю.»

Сержант Эндерсон из 6-го Канадского Танкового Полка доложил: «Я, сержант Эндерсон … 6-й Танковый Полк, удостоверяю в том, что во время боя 25 февраля 1945 года, который имел место после нашего выхода к цели – ферме Моосхоф, сержант *Собственных Стрелков Королевы* забрался на мой танк и наводил мой огонь на противника, который перешел в контратаку большими силами. Затем он направил мой танк на ряд построек, в которых противник занимал хорошо укрепленные позиции. Он навел мой танк на один из домов, который я таранил. После этого он вошел в этот дом, чтобы очистить его от противника. В этом здании он взял несколько пленных. Сержант очистил от противника и другие дома, в то время как я поддерживал его огнем. Противник вел сильный минометный, снайперский огонь и артиллерийский огонь в ходе этого боя, в котором он направлял мой танк.»

Данклмэн

«Теперь оказалось, что 16-й и 17-й взводы потеряли десятки человек убитыми и ранеными, которых уже не было в строю, так или иначе. Мы все еще находились под сильным огнем противника и мало что могли сделать, кроме того, чтобы держаться с помощью 18-го Взвода Джона Хэнкока и нескольких поддерживавших нас танков и надеяться на то, что контратаки противника остановятся. Именно это и случилось. Героизм Казенса сорвал вражеские контратаки, мы закрепились на новом рубеже. В моей роте осталось всего 36 человек, способных сражаться, из 115, пересекших стартовую линию атаки. Я был единственным офицером, не получившим ранения, вместе с еще одним подофицером.» О Казенсе он отозвался так: «Он был незаурядным парнем с приятной внешностью, настоящий сержант, который тащил на себе 80 фунтов боеприпасов, когда его взвод пошел в бой. Никакая похвала в его адрес не будет чрезмерной, такой это был прекрасный, чистый душой солдат.»

Рота *B* прошла через позиции Роты *D* и взяла намеченную цель, ферму Виммерсхоф, без боя. Вспоминает **Билл Беттридж (Bill Bettridge)**: «Наш взвод (Разведка и Снайперы/Scouts and Snipers) выдвинулся во второй половине дня и занял их позиции. Бак Бьюкенен (Buck Buchanan) набрели на тело убитого сержанта. Мой компас был поврежден, и я взял его. На тот момент у нас не было возможности узнать, кто это был и что случилось с ним.»

Рота C начала продвижение к своей цели одновременно с Ротой D. Вспоминает командир роты майор ***Никсон (Nixon)***

«Дорога Калькар-Удем – это то, что я не могу вспомнить в деталях. Вероятно, в тот момент я уже немного пресытился войной. Я уже видел столько погибших… Наши взводные командиры погибали еще до того, как я успевал запомнить, как их зовут. Я уже начал думать, что отпущенная мне удача скоро иссякнет. Мы пересекали дорогу рассыпным строем, над нашими головами летели снаряды – наши и вражеские. Продвижение было медленным, потери были тяжелыми. К началу второй половины дня мы закрепились вокруг фермерских построек, которые были нашей целью.»

Рота попала под губительный огонь парашютистов, удерживавших близлежащие дома и засевших в блиндажах. 15-й Взвод был прижат к земле, пока одно из отделений не проскользнуло вперед на правом фланге и не атаковало с примкнутыми штыками засевшего в постройках противника с тыла. Разгорелся рукопашный бой. Штык, редко использовавшийся в боях, пошел в дело. Противник сражался яростно и упорно. Подоспели два других отделения и, понеся тяжелые потери, взвод добился своего. Оставшиеся в строю люди из 15-го Взвода прикрыли огнем 14-й Взвод, атаковавший следующую группу домов. Их поддержали подошедшие танки 1-го Полка Гусар. Как и в ситуации с Ротой *D*, как только Рота *C* закрепилась на рубеже расположения своих целей, немецкие артиллерия и минометы обрушили на нее свой огонь. Первый же залп убил лейтенанта и сержанта 14-го Взвода.

Рота *A*

Согласно плану, 8-й Взвод **Дика Медлэнда (Dick Medland)** должен был пройти через позиции Роты *C,* занявшей рубеж у своей первой цели примерно в тысяче ярдов от стартовой линии атаки, и разместить огневые позиции немного впереди него. 7-й и 9-й взводы должны были сместиться влево и встать на фланге. Предполагалось, что с Медлэндом свяжется Рота *C*, когда он займет позиции на намеченном рубеже. Он вспоминал: «Мы сразу же попали под ружейно-пулеметный огонь.» Сквозь дым он больше не видел позиции Роты *C*. Никаких известий от Роты *C* не поступало. Почти непрерывный треск пулеметов *MG42*, напоминавший треск рвущейся материи, и грохот рвущихся ручных гранат дали офицеру понять, что неподалеку идет ожесточенный бой. «Я понял это: где-то

рядом шел бой. Я приказал 7-му и 9-му взводам продвигаться дальше. Немцы оказывали сопротивление на каждом шагу. Они сражались, как черти, целых два часа, и это был сумасшедший дом. Наступил момент, когда радиосвязь посреди этого ада перестала работать по простой причине: все взводные командиры были убиты. Я решил немного продвинуться вперед за линией 7-го и 9-го взводов, чтобы, по меньшей мере, понять для себя, что происходит. Люди пробивались вперед небольшими группами, каждый раз всего на несколько ярдов. Всюду и везде шел рукопашный бой, лишь во второй раз со *Дня Д*. Я с ужасом смотрел, как мои парни прибегают к штыку. Я мало что мог сделать сам. Вызвать огонь я не мог, так как это нанесло бы нам такие же потери, как и противнику. Мы и они были вплотную друг к другу…»

Чарли Мартин, он же СС – в центре. На этой фотографии он, как обычно, выглядит довольно экстравагантно. Он был тяжело ранен 16 апреля 1945 года в бою в голландской деревне Снеек, но выжил и вернулся домой...

Самое смертоносное оружие противника – минометы и *небельверферы*, продолжали удерживать первенство в деле нанесения потерь союзникам – их доля была близка к 70%, однако техническое превосходство немцев в качестве легких пулеметов, бронетехники и противотанковой артиллерии также оказывало влияние на соотношение потерь на поле боя. Вспоминает сержант-майор Роты *А* Чарлз Мартин **(Charles Martin, он же *СС*)**: «Все то утро на нас обрушивался огонь артиллерии, минометов, пулеметов и *Воющих Минни (Moaning Minnies – прозвище, данное союзными солдатами немецким реактивным минометам – ВК)* – ужасающий и непрерывный стон и грохот смерти и разрушения…» Немецкая артиллерия была представлена 75- и 88-миллиметровками. Медлэнд продолжал продвигаться вперед со своим командным пунктом: «*Я* заметил немецкую каску, прямо впереди меня и немного левее. Я прокричал: «Ложись!» Пенни (Penny) и я грохнулись на землю, но стрелок Торелл (Thorell), шедший в нескольких футах позади нас с тяжелой рацией, не успел это сделать. Пенни отвлек на себя огонь немцев, а я вернулся к Тореллу. Он был мертв… Его рация превратилась в сито с множеством дыр, сделанных пулеметом. Теперь прямо напротив меня и Пенни был немец со своим *Шмайсером*. Мы быстро разобрались с ним…»

***Чарли Мартин (Charlie Martin)** так вспоминал атаку 7-го Взвода*

«Им предстояло взять укрепленное здание фермы, в котором находились 88-миллиметровка и несколько пулеметов. Лейтенантом был 21-летний Д.Д. Чэдболт (D.D. Chadbolt), сержантом – Джоу Мегер (Joe Meagher), младшим сержантом – Хэролд Клайн (Harold Clyne). Они взяли этот здание около 6 часов утра, но бой за него был ожесточенным. Лейтенант был убит, а Джоу – ранен в селезенку, так что Хэролд взял командование взводом на себя. Потом они занялись другим домом, там опять были 88-миллиметровка и тяжелый пулемет. Хэролд Клайн, Билл Гриэр (Bill Grier) и Чарлз Навегежик (Charles Nahwegezhic) атаковали здание. Около 07.30 дело было сделано. Мой хороший друг

Хэролд был убит, Чарлз получил серьезное ранение, которое будет стоить ему жизни *(он умрет 28 февраля – ВК.)* Когда появилась возможность, я отправился туда, чтобы вытащить его. Два пулеметчика все еще продолжали бой и открыли огонь. Я вытащил его, но одна пуля попала Чарлзу в руку, а другая скользнула по моей левой ноге, от чего пошла кровь, что напугало меня до полусмерти. Остатки взвода занимали уже 2/3 от намеченных целей. Мы собрались и взяли оставшиеся три дома. Было уже около 09.30 утра.»

Цели были достигнуты, но 7-й Взвод заплатил за это дорогую цену… Большинство коров, лошадей и другого скота, еще недавно населявшего ферму, было перебито… Теперь 9-й Взвод готовился к тому, чтобы взять последние удерживаемые немцами здания и довершить начатое. Его лейтенант Дж. Чэмберс (J.J. Chambers) и капрал Боб Данстэн (Bob Dunstan) возглавили первую атаку. Чэмберс был убит, Данстэн ранен в руку, но, все-таки, нашел силы взять на себя командование взводом.

Медлэнд

«Мы еще продвинулись вперед и увидели, как два взвода берут намеченные цели. Едва ли было 8 утра, не прошло и четырех часов, как началась артподготовка. В Роте *А* были убиты трое офицеров и еще 20 человек, 39 были ранены. В роте по сравнению со штатной численностью в 90 активных штыков или около того в строю оставалось примерно 22 человек (на самом деле, оставалось 42 человека.) Уцелело двое подофицеров – Берт Шеперд (Bert Shepherd) – надежный и отличный капрал, и *СС* (кличка Чарли Мартина). Я был единственным уцелевшим офицером. Мы к тому времен взяли группу зданий, сараев и складов небольшой усадьбы, которая называлась Лоокерхоф. Стеег, цель батальона, все еще находился примерно в 700 ярдах впереди. Проблемой для нас оставалась живая изгородь справа. Говорят, что в тот момент я, скорее, в помутненном состоянии, попросил Шепа (Шеперда) пойти и проверить, что там и как. Его ответ был грубым, но реалистичным…» Мартин помнил, как все было дальше: «Классическим ответом Шепа были слова: «Да за каким хером?!/What the f…k!? Как вы думаете, кто оттуда стреляет из пулеметов? Противник, разумеется!» Мы сделали все, что могли, чтобы успокоиться, закрепиться и подготовиться к контратаке, которая неминуемо должна была состояться. Но произошло чудо, и этого не случилось. Разве что 88-миллиметровки и все остальное продолжали вести огонь.

… Трое из нас: *СС*, Шеперд и я быстро накидали план действий для нашего довольно жалкого остатка роты. Мы были в уязвимом положении, и нашу позицию мы бы не удержали. Берт и небольшое отделение солдат вместе с ним должны были стать атакующей группой. На тот момент на лице Шеперда можно было увидеть следующее: он думал, что я потерял контроль надо своими действиями. Но он ничего не сказал, это не было для него характерно. Я опять сел за рацию и попросил, чтобы прислали танки. Позднее мы узнали, что несколько танков были, на самом деле, отправлены на поддержку других рот, а до нас добрался только один. Правда, и он был подбит 88-миллиметровкой… А нам бы не помешала поддержка звена *Тайфунов* с их замечательными ракетами, побольше артиллерии и ребят с огнеметами.» (В соответствии с планом действий бригады, в 11 утра танки 1-го Полка Гусар были сняты с сектора атаки *Собственных Стрелков Королевы*, их заправили, загрузили на них боеприпасы и перебросили в сектор атаки *Нортшорцев*, наступающих на Кеппельн.) Летт вышел на связь и сообщил, что атаку поддержат огнеметчики, *Тиффиз/Tiffys* (прозвище *Тайфунов*), истребитель танков *М10*, дивизион 25-фунтовых полевых пушек, батарея среднего калибра и батарея тяжелого калибра.

СС вспоминал, как Медлэнд рапортовал обратно в штаб: «Я видел, как *Босс* сел за рацию, чтобы доложить о том, что цель взята и удерживается, но, когда он говорил это, по его лицу текли слезы.» Сам *СС* после атаки был занят эвакуацией раненых. Когда они окопались на правом фланге, Эл Маррей (Al Murray) и Рик Браун (Rick Brown) укрылись в стрелковой

ячейке. Кто-то прокричал что-то о раненом солдате. *СС* и стрелок Ридделл (J.A. Riddell) пошли посмотреть, в чем дело. Они обнаружили, что пуля немецкого снайпера попала Брауну между глаз, еще одна вошла в левый глаз Маррею и вышла из его затылка… Ему только исполнилось 19 лет. У него прощупывался пульс, цвет лица был нормальным. Чарли Мартин рассказал о том, что произошло дальше: «Первым делом мы занялись снайпером. Мы разглядели его в скоплении деревьев ярдах в 150 от нас. Нам было не до шуток. Артиллерийский наблюдатель вызвал огонь прямо на эту точку. Все надо было делать, как положено, и *Босс* вызвал *Тайфуны*, чтобы они еще раз прошлись по ней. Мы, конечно, хватили через край, но в тот момент мы были слишком сильно расстроены…»

Укрепленная ферма близ городка Ди Стеег была первой целью Роты *А*. На тот момент окрестные поля уже были усеяны убитыми немцами. Слева можно было увидеть крытый погреб глубиной больше трех ярдов, забитый трупами. Справа – *Шерман* 1-го Полка Гусар, подбитый 88-миллиметровкой.

СС рассказал о том, как они эвакуировали раненых: «Эл весил фунтов 170, и вытаскивать его из ячейки было непросто.» Некоторых раненых вывезли на джипе. Навегежик и Маррей были в критическом состоянии. *СС* умел водить бронетранспортер, и Медлэнд разрешил ему увезти в тыл обоих и остальных раненых. Билл Леннокс (Bill Lennox), Боб Данстен, Китон (H.S. Keeton), Чарлз Антониз (Charles Antonese), Пеннелл (Pennell) и Шеперд удерживали носилки с ранеными от тряски по дороге в тыл. Данстен ворчал, потому что не собирался уезжать в тыл, а хотел занять место взводного сержанта. До расположения батальонного перевязочного пункта было около мили, и, когда бронетранспортер тронулся в путь, начался новый артобстрел со стороны противника, но канадцы добрались до своих, пробравшись еще и через проходы в двух минных полях. Санитары оставили Маррея в стороне, как умирающего. В этот момент Мартин приказал Данстену, Пеннеллу, Ленноксу и Шеперду взять носилки, на которых лежал Маррей, и приказал: «Следуйте за мной.» Он вспоминал: «Мы вошли в операционную, и его положили на один из столов. Мы, впятером, молча стояли рядом. Мой настрой был не особенно вежливым. Не помню все то, что я высказал, но помню, что сказал доктору Уэйну (Wayne): «У этого парня все еще хороший пульс. Ему нужно уделить внимание прямо сейчас.»» Доктор Уэйн пристально смотрел на СС какое-то время, а потом сказал: «Для вас я займусь им.» СС подошел к Элу, по щекам его текли слезы… Он взял раненого за руку и похлопал его по плечу, сказав: «С тобой все будет в порядке. Доктор Уэйн пообещал заняться тобой.»

Укрепленное здание фермы близ городка Ди Стеег. Слева виден крытый погреб, справа – подбитый и дымящийся Шерман. Рисунок Дика Медлэнда

СС сел в бронетранспортер и отправился на передовую. Когда он разговаривал с доктором, он был весь в крови с головы до ног: во время недавнего боя он услышал, как закрывается затвор 88-миллиметровки и сразу же нырнул в свинарник. Снаряд прошил постройку насквозь, убил всех свиней и залил все кровью. Так что доктор Уэйн разговаривал с разозленным, явно находившимся вне себя человеком, перепачканным кровью, обливавшимся слезами, при этом за пояс парня был заткнут пистолет. В этой связи решение доктора заняться раненым было вполне объяснимо.

Стрелок Чарлз Навегежик (на фото слева) умер от ран, полученных в этом бою. Ему было 26 лет, он был индейцем из племени *Оджибве/Ojibwe*. Его брат тоже погиб на этой войне, сражаясь в составе *Полка Гастингсцев и Принца Эдварда/Hastings and Prince Edward Regiment*. Чарлз был посмертно награжден *Военной Медалью*. В его представлении к награде можно прочесть следующее:

26 февраля 1945 года 7-й Взвод Роты А 1-го Батальона Собственных Канадских Стрелков Королевы атаковал хорошо укрепленную вражескую позицию по плоской, открытой местности… Взвод понес тяжелые потери, среди которых были командир взвода и взводный сержант. Стрелок Навегежик был тяжело ранен в голову, но продолжал продвигаться вперед. В итоге взвод был вынужден отступить. Стрелок Навегежик отказался отходить и остался со своим пулеметом Брен прикрывать отступление. Его точный и прицельный огонь дал возможность остальной части взвода отступить и перегруппироваться для последующей успешной атаки. Проявив высочайшую храбрость и верность долгу, стрелок Навегежик обеспечил, в значительной мере, захват взводом намеченной цели.

Вспоминает ***СС***: «Берни Брюер (Bernie Bruyere) и Берт Шеперд были заняты организацией ланча, а Парсонс и Уилсон охраняли пленных.» Канадцы пока не отправляли пленных в тыл, потому что среди них был гестаповский офицер, и их нужно было конвоировать. Брюер нашел еще одного гестаповца, который прятался в буфете. «Мы знали, что гестаповцы – народ жестокий, безжалостный и преданный Гитлеру. Как только привели второго из них, первый офицер, который сидел, охватив голову руками, разыграл драматическую сцену. Он выхватил пистолет из кобуры, спрятанной между [спинными] лопатками, и выстрелил в меня дважды с 10 футов. Одна пуля разодрал мне в кровь правое ухо, другая просто пробила маскировочную сетку. Я влепил ему в каждое плечо по пуле из моего револьвера. Ему повезло: я не вышел из себя!»

Чарлз Мартин не был обычным сержант-майором: его одежда напоминала наряд пирата. Фланелевая рубашка была заправлена в штаны, сверху был кожаный ремень, за который был заткнут пистолет. Он не носил каску: на голове у него была камуфляжная сетка. Из рассказов о нем можно заключить, что он был в чем-то *ковбоем* с *Дикого Запада*, любившим носить портупею и мастерски владевшим своим револьвером калибра .38.

Бронетранспортеры *Стрелков Королевы*, прозванные *Осами/Wasps*, несли в своих кузовах внутренние баки для горючей смеси, но также могли таскать за собой прицеп с цистерной. За все военное время *Стрелки* потеряли четыре такие машины. Стрелков поддерживали танки *M4A4 Шерман* с короткой пушкой калибра 75-мм и двумя пулеметами калибра .30. К лобовой броне этих танков часто были приварены гусеничные траки, чтобы усилить защиту боевых машин от вражеских снарядов. Медлэнд скорректировал свой план боевых действий, рассчитывая на огневую поддержку, которую мог оказать ему тяжелый пулемет калибра .50, установленный на самоходное орудие *M10* из Отделения *F* 52-й

Батареи 3-го Полка Противотанковой Артиллерии, переброшенное на помощь его роте. Он вспоминал: «Простой вариант часто оказывается наилучшим с точки зрения тактики, так что я решился на фронтальную атаку. Мы разделили оставшихся людей и дали Берту Шеперду немного больше половины. Огнеметные машины должны были атаковать вместе с ним, остальные должны были прикрывать их огнем.» Последнее относилось к *M10* и людям, вооруженным пулеметами *Брен*. «*CC* с разумными предосторожностями расположил группу огневой поддержки. Берт Шеперд собрал свою дюжину. Они изготовились к тому, чтобы проскочить через открытую местность. Я не могу описать то, что чувствовал, когда они пошли вперед. Мы все были перемазаны грязью. Я попросил Берта и его людей действовать так, словно их было в пять раз больше, чем на самом деле. Парни пошли в атаку смело и на подъеме. Шеперд был с нами в боях с самого начала, он был одним из лучших стрелков в нашей 3-й Дивизии, не самый почтительный, но всегда надежный парень…» Медлэнд чувствовал себя некомфортно, оставшись с группой прикрытия и наблюдая за тем, как крохотный отряд Берта выдвигается вперед. Берт находился в центре небольшой группы, следовавшей за идущей впереди. «*CC* заметил то, как я себя чувствовал в тот момент. Он ничего не сказал, просто помахал мне рукой и пошел вслед за Бертом, всего в нескольких ярдах позади него. Берт и его отряд, группами в 2-3 человека, продвигались вперед, используя для временного укрытия любую возможную неровность местности. Продвигаясь вместе с ними, огнеметные машины выстреливали снопы пламени во все, что хотя бы отдаленно напоминало укрытие противника…»

Сержант Уилф Мерсер (Wilf Mercer), который был в составе 7-го Взвода со дня высадки в Нормандии, шел впереди, руководя действиями огнеметных *Ос*, и сказал *CC*, что они должны выдвинуться вперед вместе с головным отделением. Дальность действия установленных на эти машины огнеметов была невелика, и они должны были бить в упор, чтобы действовать с должным эффектом. Когда они пошли в атаку, им предстояло пройти примерно 500 ярдов по открытой местности, чтоб подойти к Стеегу. Уже через несколько секунд после этого 88-миллиметровки вывели из строя все эти огнеметные бронемашины, кроме одной, в которой находился Мерсер. Эта *Оса* налетела на мину, и он оказался в объятой пламенем машине с покалеченной ногой…

Вспоминает *CC*: «Двое *Стрелков* побежали к нему, имея наготове заправленный шприц с морфием. Им пришлось сделать укол прямо сквозь его куртку. Все это время он орал на нас, требуя, чтобы мы убрались подальше: он знал, что машина в любой момент может взлететь на воздух. Каким-то образом – сам не знаю, как нам это удалось, но мы выдернули его из машины и оттащили ярдов на двадцать, и, понятное дело, *Оса* взорвалась. Осколками никого не задело, но жар был страшным – наша форма обгорела…»

Мерсер был эвакуирован в тыл и выжил. Вспоминает Медлэнд: «Люди вышли к Стеегу. Берт и его парни подбирались к противнику, мы могли это видеть. И тут неожиданно все это случилось: мы увидели белые флаги.» Медлэнд насчитал почти сто тридцать сдавшихся в плен – не все они были с этих позиций. Здесь же насчитали более двухсот немецких трупов. Мы так и не узнали, почему немцы в Стееге сдались. Их сильно помолотили поддерживающая *Стрелков* артиллерия, *Тайфуны*, 3-дюймовая пушка самоходки *M10* и ее пулемет. Определенно, они боялись того, что на подходе другие *Осы*, и знали, что части 4-й Танковой Дивизии и 6-й Бригады были уже у них в тылу, устремляясь к Удему и отрезая им пути к отступлению. В тот день имело место множество рукопашных и штыковых боев – того, что немцы не очень любили, и ... была причина, по которой немцы называли канадскую пехоту *Томми-эсэсовцы/Tommy SS*.

Истребитель танков М10 и канадские пехотинцы в атаке

Летт высоко оценил действия танкистов 1-го Полка Гусар: «Превосходная работа поддерживающих пехоту танков была решающим фактором в том, что противник был выбит с его хорошо укрепленных позиций.»

Несколько дней спустя командир 1-го Полка Гусар сказал, что его части понесли серьезные потери в ходе операции *Blockbuster*, поддерживая *Собственных Стрелков Королевы* и другие батальоны 8-й Бригады: 40 солдат и офицеров и 21 танк: «Люди были измотаны. Я даже обнаружил два экипажа спящими в своих танках на участке, находившемся перед позициями, которые они помогли захватить, но которые еще не были зачищены. Это были люди, собранные из экипажей подбитых танков, из самых разных частей и эскадронов, но благодаря отличной подготовке они проявили себя с наилучшей стороны, и я никогда не был настолько горд своим полком.»

Но для *Стрелков Королевы* операция еще не закончилась. 27 февраля они перебрались в район деревни Кирзель для отдыха и реорганизации. Танкисты 4-й Дивизии попытались прорваться через Хохвальдский Проход, но попали в засаду и понесли тяжелые потери в людях и технике. Было необходимо зачистить Хохвальдские высоты к северу и Бельбергерские к югу от прохода перед тем, как танки могли предпринять еще одну попытку прорыва.

2 марта

Задача по зачистке Бальбергерских высот была возложена на 8-ю Бригаду канадцев. Атака началась после полудня 2 марта силами *Собственных Стрелков Королевы* на левом фланге и *Нортшорцев* на правом. К этому моменту *Стрелки* не получили никаких подкреплений. Бен Данклмэн так отреагировал на сообщение Летта о том, что ему предстоит принять участие в зачистке Хохвальда: «Я был изумлен. Я сказал ему, что у меня в строю осталось 36 солдат, один подофицер – сержант Джоунс (Jones) и ни одного офицера, и что рота является небоеспособной.» (В истории полка можно прочесть, что в строю на тот момент было два капрала и 42 солдата.) Никаких изменений в приказе не последовало, Данклмэну сказали продвигаться вслед за остальными ротами и делать то, на что он способен. Подполковник Стив Летт, командир батальона, вспоминал: «Мы были в боях уже больше месяца, непрерывно. В те дни мы были уже здорово потрепаны.»

Атака началась в 15.00, каждую роту поддерживали четыре танка 1-го Полка Гусар. Рота *B*, за которой следовала Рота *D*, продвигалась правее южного края лесного массива. Разведчики Роты *B* набрели на минное поле, несколько человек напоролись на мины *Schu*, тогда как один из танков подорвался на мине *Teller* и потерял гусеницу. Один из членов экипажа спрыгнул с танка на землю и наступил на мину. Раненые лежали на земле и вопили от боли. Данклмэн прошел вперед и обнаружил, что ни Рота *B*, ни танкисты не готовы к

тому, что начать продвижение. Он хотел, чтобы один из танков продвигался впереди всех через минное поле, но командир боевой машин отказался от этого даже тогда, когда майор начал угрожать ему пистолетом… После этого Данклмэн собрал Роту *D* и сказал людям, что они должны выйти на острие атаки. Он спросил своих людей, нет ли у них каких-то идей для успешного продвижения вперед. Если сапер укладывают минное поле в лесу, как они будут действовать? Кто-то сказал, что будет тяжело сделать рядом с деревом, потому что будут мешать корни… Данклмэн ухватился за эту идею и приказал своим людям продвигаться прыжками от дерева к дереву, и уже через час рота пересекла минное поле. Позднее, вечером того же дня, ротный сержант-майор Билли Айвс каким-то образом пробрался через это же минное поле и принес людям горячую еду.

Бен Данклмэн (слева), Дик Медлэнд (справа)

Несмотря на мины ко времени наступления темноты половина лесного массива была зачищена. Чарли Мартин оставил Роту *A*, чтоб принести людям горячий завтрак, рассчитывая, что они все еще будут планировать атаку следующего дня к тому моменту, когда он вернется. Он прихватил с собой и пару бутылок рома. Вернувшись в расположение роты, он узнал о том, что Медлэнд получил срочный приказ атаковать здание фермы, расположенное у подножия холма, откуда противник угрожал батальонному штабу. *CC* так описал положение дел на тот момент: «Босс послал два взвода, в каждом из которых было человек по пятнадцать, в направлении этого склона через лес. Лес был напичкан противотанковыми минами и всевозможными минами-ловушками. Уже вскоре люди были прижаты к земле интенсивным пулеметным огнем и снайперами. Медлэнд в самом начале этой атаки наступил на мину *Schu* и был тяжело ранен. *CC* знал, что если они останутся там, где их прижали, оба взвода выкосят снайперы, впрочем, та же судьба ожидала канадцев, если бы они попытались отступить… Он прополз немного вперед со своим рюкзаком за плечами, и заметил вспышку от выстрела – это было снайперское гнездо на платформе, спрятанной на дереве. Он продвинулся вперед и снял одного из снайперов, после чего огонь немцев усилился.

«Прихватив ром, я добрался до места, где находился Джекки Блэнд (Jackie Bland), и предложил сниматься с места как можно быстрее. *(Блэнд, сержант 7-го Взвода, не принимал участия в наступлении [left out of battle - LOB] до 26 марта, так как канадские пехотные части нередко оставляли некоторых офицеров и подофицеров в резерве, чтобы иметь людей для пополнения боевых порядков после того, как часть понесет тяжелые потери.)* Мы примкнули штыки и собрались атаковать противника в лоб. Я обратился к Уилсону, у которого был пулемет *Брен*, и сказал ему держать оружие в режиме автоматической стрельбы. Он сказал: «Чарли, я не могу так.» Мы были в отчаянном положении, и я набросился на него [с руганью]. Тогда он показал мне свою правую руку – она была изуродована. Он был храбрым парнем и сказал мне, что, если я заберу у него у него *Брен*, он останется со мной и понесет запасные магазины к пулемету в левой руке. Уже продвигаясь вперед в этой безумной атаке, мы подумали о роме и оставили его за

каким-то деревом, чтобы подобрать потом…» Потом тридцать или сорок парней с примкнутыми штыками ринулись вперед, вопя, словно *апачи*. Вопрос стоял так – сделай или умри: мы не могли оставаться на месте и не могли отступить. Немцы какое-то время вели непрерывный огонь, но потом посыпались и побежали, при этом кто-то из них тащил с собой свое оружие и ящики с боеприпасами. Они понесли тяжелые потери, было взято много пленных. *CC* полагал, что Рота *D*, находившаяся справа от них и прижатая к земле вражеским огнем, слышала команду атаковать и пошла вперед одновременно с ними. Он рассказывал: «Помню, как мы брали одну из двух фермерских построек. Забежав за угол, я натолкнулся на вражеского солдата. Он был удивлен не меньше моего. В стычке я был ранен штыком в голову над левым глазом и получил сильный порез на левой руке, когда попытался отвести его орудие в сторону. Сам я успел выпустить очередь из моего *Брена*. В его бок вошло несколько пуль, и с ним было кончено.»

Майор Данклмэн в Роте *D* назначил своим вестовым и сделал сержантом солдата Паради (Paradis) против его воли. «Ты теперь сержант, - вспоминал он сказанное солдату. – Он выглядел расстроенным этим, потому что никогда не испытывал желания продвигаться по службе. Но я настоял на своем.» Рота попал под огонь и была прижата к земле. У Данклмэна был в резерве офицер, и он приказал ему взять с собой несколько человек и обойти расположенный напротив их позиции участок, чтоб разобраться с теми, кто вел по ним огонь. Паради добровольно вызвался пойти на эту вылазку вместе с офицером. «Они отправились в путь, обходя участок с фланга, как я им говорил. Однако офицер был неопытным и возбужденным и повел людей не стой стороны [находившегося напротив] бугра прямо под огонь противника. При этом Паради был убит…»

Утром 4 марта атака возобновилась, после чего стало ясно, что немцы отступили. 9-я Бригада перешла в наступление, 8-я Бригада и *Собственные Стрелки Королевы* были отведены в резерв. При зачистке Бальбергерских Высот *Стрелки* потеряли убитыми двоих офицеров и 12 солдат и подофицеров, еще двое офицеров и 20 человек были ранены. Батальон отошел в Райхсвальд для реорганизации, на этом его участие в операции *Blockbuster* закончилось.

Алан Мурхед рассказывает об увиденном в Европе

В Париже

Целую неделю перед нашим прибытием шли уличные бои. Три четверти Парижа были освобождены бойцами Сопротивления...

Я осматривался по сторонам в поисках кого-нибудь, кто проводил бы меня на другой берег реки, когда один из парней с повязкой «Свободная Франция» остановил меня. «Идемте, - сказал он [по-английски]. – Я отведу вас в наш штаб». – «Говоришь по-английски?» - «Я служил в Королевских ВВС». – «А как ты...?» Это была короткая и невероятная история. Сбит над каналом (Ла-Маншем), попал в плен, бежал, три года скитался по Европе, и вот теперь в Париже. «Я – австралиец, - сказал он. - У нас в отряде кроме французов есть испанцы, голландцы, поляки и португальцы»...

Они располагались в гаражной мастерской. В задней комнате сидели под замком около двадцати пленных мужчин и женщин. Все они встали, когда мы вошли в комнату, и было очевидно, что эти люди ждут смерти. Больше половины из них были снайперами. Молодежь из рядов Сопротивления относилась к ним, как мясник относится к своей работе на бойне... Через час пришел приказ передать всех пленных союзным военным властям. Бойцы отреагировали на это с равнодушием. Убивать или не убивать – не все ли равно? Без разницы, главное то, что эти пешки убраны с шахматной доски Парижа... Голландец сказал мне по-английски: «Мы проводили заседания военного трибунала в соседней комнате. Прошлой ночью у нас был зубной врач, который выдавал своих пациентов

Гестапо. Мы приняли к сведению свидетельства в его защиту, прежде чем расстреляли его»...

В Брюсселе

В день освобождения миллионы брюссельцев, обезумев от радости, заполнили улицы, визжа, крича, размахивая флагами. Радость Парижа была бледной тенью по сравнению с этой феерией...

По свидетельству Мурхеда, в Брюсселе и других бельгийских городах, как и во Франции, население так же, если еще не более жестоко, расправлялось с коллаборационистами, издевалось над пленными немцами и женщинами, запятнавшими себя связями с оккупантами. При том, что бельгийцы меньше пострадали от оккупации и военных действий, чем французы, ненависть к немцам была безграничной и достигала патологических масштабов. Однако, у бельгийцев и не только у них были враждебные чувства и по отношению к Советской России.

Здесь, как и во Франции и в Италии, бытовал сильный и невежественный страх перед Россией. Я обедал во многих мелкобуржуазных семьях, которые настороженно покачивали головой, слыша о наступлении Красной Армии. Они (*русские – ВК*) против бизнеса, против Церкви. Низенький доктор (*Геббельс – ВК*) быстро добивался успеха в своих выступлениях по радио, когда вещал следующее: «Вы не слушаете. Мы знаем, что вы не слушаете нас, христиане Европы. Но в один прекрасный день вам придется прислушаться. Вы говорите, что вы против нацистской Германии. Очень хорошо. Какая у вас альтернатива? Большевики! Не верьте, что американцы и британцы придут и спасут вас. Красная волна накатывается на вас с востока. Один человек и только он один против нее: немецкий солдат под Киевом (Варшавой или Одессой, в зависимости от ситуации). Если он уступит, рухнет все. Выбор за вами, христиане».

Эти слова находили одобрение у многих даже в Америке и Англии.

Правдой было то, что люди боялись не столько России, сколько победы коммунизма у себя дома. В Бельгии так же, как во Франции и в Италии со всей очевидностью происходил сдвиг влево... Маленький бельгийский и французский капиталист боялся, что местный рабочий примет рукопожатие ужасных большевиков, которые, как говорит добрый доктор, накатываются с востока. И что тогда случится с тобой? С бизнесом? Мелкий биржевой маклер сказал мне однажды, что «этих бастующих рабочих на шахтах он заставил бы работать под дулом пулемета»... Проблемой было то, что никто из этих людей не получал и йоты правдивой информации о России на протяжении более чем пяти лет. Когда кто-нибудь говорил им, что Россия теперь стала одной из наиболее националистических и консервативных стран в мире, что классовые различия быстро оживают под сталинской дланью, и частная собственность возвращается, они расценивали это как шутку...

В Германии

... Первым, что мы поняли через неделю после пребывания среди немцев, было то, что они не ожидают хорошего отношения к себе. У них был огромный комплекс – нет, не вины, а поражения... Если солдаты союзных армий грабили магазин, хозяин и не думал протестовать. Он ожидал этого. Причиной всему был всеобъемлющий страх…

Иногда наша машина застревала в грязи, и немцы по первому слову бежали выталкивать ее. Как-то немец подошел к моему шоферу и сказал: «Русские военнопленные грабят мой магазин. Не могли бы английские солдаты быть столь любезны, чтобы прийти и распорядиться, чтобы это делалось организованно». Ему не пришло в голову оспорить право русских грабить. Он просто хотел избежать ненужного битья стекол...

Мурхед случайно оказался в центре дебатов между немецким пастором и американским офицером, который пытался найти в занятом немецкими гражданскими лицами бомбоубежище место для беженцев. Пастор обещал помочь и показал свободные помещения:

Он (*пастор - ВК*) говорил по-английски медленно и осторожно. «Вот комната первой помощи. Вот вентиляционная». В каждой комнате были служители, которые вскакивали и становились по стойке смирно при нашем появлении. «Я должен извиниться за туалеты, - сказал пастор. – С тех пор, как ушли русские пленные, стало некому их мыть». Я спросил, почему немцы сами не могут убрать свои туалеты, но он, по-видимому, не понял, и продолжал говорить о другом. Через полчаса я уже не мог этого выносить, и мы направились к выходу...

К востоку от Рейна

... На протяжении нескольких недель – пока этому не был положен конец – шел повсеместный и откровенный грабеж. Немецкие автомобили сотнями выводили из гаражей и укрытий, красили в хаки и увозили подальше. Фотокамеры, часы и револьверы отбирались у пленных, а, зачастую, и у гражданских лиц. Вино было законной добычей для всех. В почти каждом городе потрошили магазины и опустошали винные заводы. Даже картины вытаскивали из рам. Все это сильно отличалось от того, как грабили немцы. Немцы грабили систематически и официально. Они отбирали не бутылки с вином, а целый годовой урожай. Они увозили продукцию целых фабрик, захватывали подвижной состав железнодорожных станций, золото из банков, железную руду с рудников, а потом увозили целые завоеванные народы.

Когда мы форсировали Рейн, пришлось столкнуться с новой проблемой, почти такой же большой, как и сама Германия - миллионы и миллионы полурабов. С каждой милей, которую мы проезжали вглубь Германии, их становилось все больше и больше: небольшие группы французов, затем голландцев, потом бельгийцев, чехов и поляков, итальянцев, и, в конце концов, больше всего – русских в ярко-зеленой форме с белыми буквами SU на спине. Половина народов Европы была на марше, все слепо двигались навстречу британцам и американцам, подчиняясь какому-то общему инстинкту, надеясь найти у них еду и кров. За каждым поворотом дороги мы натыкались на группу людей с мешками на плечах, пробиравшихся вдоль кюветов, чтобы не мешать проходящему военному транспорту. Немцы страшно боялись русских. Снова и снова к нам подбегали женщины с криками: «Дайте нам охрану! Русские забирают все. Следующая их группа разнесет все, если они ничего не найдут». Но еще больше немки боялись за себя. Случаев изнасилований становилось все больше. Было все больше грабежей...

Спиртное вызывало больше беспорядков, чем что-либо еще. Поляки и русские, в особенности, в первые моменты свободы набрасывались на ненавистное им фабричное оборудование и разбивали его ломами. Если они находили винный завод или один из многочисленных складов вина, награбленного во Франции, то происходили сцены, которые разбили бы сердце гурмана-ценителя вин...

В концлагере Берген-Бельзен

... Сначала мы взглянули на женщин-охранниц. Британский сержант открыл дверь камеры и мы увидели около двадцати женщин в грязно-серых юбках и кителях, сидящих на полу. «Встать!» - рявкнул сержант по-английски. Они встали по стойке «смирно» в полукруг. Худые и толстые, костлявые и мускулистые; все с неприятной внешностью, а две – просто явно кретинического вида... У входа находилась расчерченная на квадраты доска. Слева была колонка с национальностями: поляки, голландцы, русские и т.д. Вверху были наименования колонок с религиями и политическими партиями: коммунисты, евреи, атеисты и пр. При взгляде на доску было видно, сколько заключенных каждой

национальности было в лагере, и как они подразделялись политически и религиозно. Немцы составляли большинство. Затем шли русские и поляки. Было много евреев. Насколько было можно разглядеть, там было с полдесятка британцев, один или два американца. Всего было около 50 000 заключенных...

... По мере того, как мы продвигались вглубь лагеря, людей становилось все больше и больше. Все больше бумажного мусора, тряпок и людских останков, все менее переносимый запах... Мы ехали через эту грязь на машинах, пока не наткнулись на группу немецких охранников, сбрасывающих трупы в карьер размером около ста квадратных футов. Британский солдат вел им счет. Когда число достигало 500, бульдозер, управляемый другим солдатом, засыпал трупы землей. Трупы имели удивительный жемчужный цвет и были очень маленькими, словно трупики детей. Увядшая кожа свисала с костей, и все нормальные черты, по которым узнается человек, исчезли. У меня не было сил смотреть на все это дольше одной-двух секунд, но эсэсовцы-охранники и даже британские солдаты, по-видимому, привыкли к виду смерти и работали без видимых признаков отвращения...

... Мы стояли небольшой группой: майор-коммандо, священник, трое или четверо корреспондентов. Сначала сказать нам было нечего, но потом мы стали задавать друг другу один и тот же вопрос. Был ли это садизм? Нет, вовсе нет. В этом лагере относительно мало пытали, а садист предпочтет сделать что-то причиняющее боль другим людям быстро и эффективно. Он не получает удовлетворения от того, что люди медленно умирают от голода... Опять же, немцы – народ рациональный. Им была нужна рабочая сила. Можно ли себе представить что-то более иррациональное, чем дать этой ценной рабочей силе сгнить? Заключенных Бельзена даже не заставляли работать. Их просто загнали сюда и посадили на двухразовый дневной рацион супа из турнепса...

Заключенных убили не пытки. Их убило пренебрежение, нацистское равнодушие... Привыкнув к безразличному отношению к заключенным, настроившись на него, охранники все меньше и меньше задумывались о страданиях людей вокруг себя. Было принято к сведению то, что они должны умереть. Они были русскими. Русские мрут. Евреи мрут. Они даже не были врагами. Они были болезнью. Станешь ли ты рыдать или симпатизировать по поводу смертельной агонии бактерий? Ну а что же народ Германии? Почему они дали этому случиться? Почему не протестовали? Ответ: во-первых, мы не знали, что эти лагеря существуют, а во-вторых, как мы могли протестовать? Нацисты были слишком сильны. – А почему вы не протестовали, когда нацисты шли к власти? – А кто знал, что нацисты закончат этими ужасами? Когда они пришли к власти, они руководствовались программой, которая была нужна Германии: новые дороги, современные здания и машины. Все это сначала казалось рациональным и полезным. Когда мы поняли, что нацисты ведут дело к войне, было уже слишком поздно... А почему другие страны, у которых были силы остановить нацистов, не сделали этого своевременно? И, таким образом, все это на совести у всего мира! Никто не хочет нести ответственности - ни охранники, ни мучители, ни Крамер (*комендант лагеря – ВК*). Все они выполняли приказы. Ни Гиммлер, ни Гитлер (цель оправдывает средства: они боролись за избавление всего мира от угрозы еврейского большевизма – ими руководило высокое чувство долга). Ни сам немецкий народ. Им тоже приходилось подчиняться.

Эти аргументы мы слышали, наблюдая за закатом Германии...

Крах

Капитуляция Германии пришла не под грохот, а под хныканье... Вокруг нас пятьдесят великих городов лежали в руинах... Значительная часть населения просто бродила по дорогам вместе с миллионами иностранцев. И все они присоединились к остаткам немецкой армии. Массовое бегство от русских по направлению к Эльбе и англо-американским позициям началось. Офицеры избавлялись от своей формы и выпрашивали

или крали гражданскую одежду. Массовый ужас охватил всех столь сильно, что когда в небе появлялись самолеты, раздавался крик «Русские! Русские!», и толпа разбегалась в панике по всей округе...

Нужно было быть в Германии в то время, чтобы оценить весь этот слепой и всеобщий страх перед русскими. В голове каждого [немецкого] солдата было одно: если его возьмут в плен красные, то его изобьют, будут морить голодом, сошлют в Сибирь и загонят в гроб раньше времени непосильной работой. Каждый мирный житель был уверен, что его женщину схватят и изнасилуют, его собственность реквизируют, а ему самому будет суждено погибнуть самым немыслимым образом. Доктор Геббельс достиг своего последнего успеха. Он настолько крепко вбил в головы мысль о терроре большевистских орд, что когда орды действительно появились, каждый немец в панике бросился на запад...

По свидетельству Мурхеда, немецкие генералы изо всех сил старались сдаться союзникам, а не Советской армии. В одном из случаев сам Монтгомери отказал им в этом, сказав, что «эти армии сражаются против русских, поэтому они должны сдаться русским. Я не собираюсь заключать какие-либо сделки...» Доходило до того, что немецкие генералы сдавались сами, узнав от союзников, что их подразделения уже пленены наступающими советскими войсками! До последнего момента нацисты пытались заключить с союзниками сепаратную сделку...

Джеймс Палмер

Наступила весна, война в Европе подходила к концу. Войска переправились чрез Рейн в районе Ремагена и Весселя. К марту канадцы прорвались через Голландию к побережью Северного моря. Они захватили пусковые площадки для ракет, которые навели столько страху на города южной Англии. В первую неделю апреля были взяты Мюнстер, Оснабрюк и Минден, потом – Ганновер. И тут неожиданно пришла новость – меня отправляют в Германию! Я не мог поверить в это. Война почти окончилась, а мне опять в путь. Я был страшно расстроен!

Мы отплыли из Дувра и сошли на берег в Остенде. Там мы уселись в грузовики и отправились в Германию. Все происходило очень быстро. К нам присоединялись другие транспортные колонны, и все это продвигалось на север-восток. Бронетехника и машины с войсками имели право первоочередного проезда, так что нам часто приходилось съезжать на обочины… Мы услышали о том, что немцев оттеснили к Берлину. Русские вошли в город и на Эльбе соединились с американцами. В Бремене были тяжелые бои, и ходили слухи о том, что экипажи подводных лодок сражались вместе с пехотинцами. Но и Бремен был взят.

Войска союзников захватывали каждый день новые города и деревни. Час за часом немецкая армия таяла. Был взят Мюнхен, немецкие войска в Италии капитулировали. Муссолини был схвачен итальянскими партизанами, его повесили и расстреляли - говорили, что вверх ногами. Мы проехали через развалины Оснабрюка и направились вглубь страны, останавливаясь только для того, чтобы дать дорогу боевым частям, наступающих на Гамбург. К началу мая все немецкие войска, находившиеся Дании, Нидерландах и Северной Германии, капитулировали. Мы были просто зрителями. Мы даже из наших *Бренов* не сделали ни одного выстрела по врагу…

Русские наступали стремительно, вынуждая немецкие войска откатываться на запад, чтобы убраться подальше от своего злейшего врага. Ни один немец не хотел сдаваться русским. Позднее мы узнали, они пытались подписать сепаратный мир с британцами и американцами, но предложение было отвергнуто. Гитлер покончил с собой в своем бункере. Война закончилась. Мы въехали в Гамбург через несколько дней после того, как он был взят. Вид города был ужасающим. Внутренняя часть города и порт были разнесены вдребезги. Там, буквально, не было двух кирпичей, находившихся один на другом. Город превратился в кучу щебня. Пожары в пустых коробках домов все еще не прекратились. Были видны следы *Огненного Смерча/Fire Storm*, случившегося в городе во время

ковровых бомбардировок. Бульдозеры сгребали щебень в кучи на обочины того, что когда-то было улицами и дорогами. Эти разрушения напомнили мне о Кассино… Зоопарк тоже был разбомблен, и животных можно было разглядеть сквозь руины. Над одной из стен торчала голова жирафа, возле озера бродил страус, вполне себе беззаботно. Саперы задействовали слона в сносе небезопасных зданий. Все эти сцены были жутковатыми и нереальными. Как кто-то или что-то могли выжить после таких бомбардировок, оставалось непонятным.

Вот уже три недели мы ехали по полностью разрушенной стране. Целые деревни были сожжены. Посевы были растоптаны и потравлены, дороги завалены. Гражданские сидели по обочинам дорог со своими пожитками в тачках и ручных тележках. Повсюду были тысячи немецких солдат, ожидающих, когда их соберут в колонны пленных. Вокруг было множество машин и грузовиков, брошенных из-за отсутствия бензина. Противотанковые пушки валялись на боку, рядом стояли немецкие солдаты, перевернувшие их в знак капитуляции.

Из Гамбурга мы тронулись на юго-восток через сосновые леса, в направлении города Целле, расположенный к югу от Ганновера. Это была страна Ганса Кристиана Андерсена и Братьев Гримм. Страна сказок и лесов. В лесах все еще попадались снайперы, и иногда были слышен визг пуль. Недавние военнопленные - русские, поляки, другие перемещенные лица – преследовали небольшие группы немцев. По всей этой территории были разбросаны лагеря для военнопленных, из которых они вышли на свободу.

Мы въехали в небольшую деревню Фаллинбостель, стоявшую на реке Аллер. Предполагалось, что это будет конечным пунктом нашего путешествия. Планировали, что здесь будет лагерь для резервных частей, но все пошло несколько по-другому. Бои закончились, так что нашей задачей стало поддержание безопасности и администрирование лагеря для резервов. Через день командование выяснило, что в лесах, вроде, находится, концлагерь, и с ним нужно разобраться… На следующее утро мы уселись в грузовики и отправились по проселкам через лес. Сначала все было тихо, хотя мы натыкались на проволочные заграждения и бетонные ДОТы. Двигаясь глубже в лес, мы переехали и противотанковый ров. В итоге мы подъехали к воротам огромного концлагеря, огражденного высокими проволочными заборами с наблюдательными вышками. Над воротами была надпись: «Belsen». Мы все слышали рассказы о концлагерях, но были настроены слегка скептически по отношению к тому, насколько вероятны такие зверства. Но здесь мы у были у врат самого ада…

Подразделение саперов было уже в лагере. Первое, что нам предстояло сделать – доложить о себе в дезинфекционном пункте. Рядом с пунктом висел указатель: «Typhus, Report Here/Тиф. Пройдите сюда.» Нам выдали комбинезоны, бахилы и лицевые маски, затем осыпали каким-то порошком. Вонь стояла ужасная, и нам сказали, когда мы проходили через ворота, что нас ждет шок. Так или иначе, это место нужно было очистить. Все бараки предстояло сжечь, а нашей задачей был контроль над работой бывших охранников-эсэсовцев, которые перетаскивали умирающих и хоронили умерших.

Когда мы вошли в лагерь, слева от нас стояла сенная телега с высокими стойками по бокам. Она была заполнена обнаженными трупами. Мертвецы, дети и младенцы. Ужасное зрелище, страшная вонь. Некоторых из нас стошнило. Все тела выглядели, словно обтянутые кожей скелеты, из которых торчали кости и у которых были вспучены животы и отечные, принявшие форму яиц головы. Глаза их запали в глазницы, нижние челюсти висели. Мы даже не знали, были это женщины или мужчины. Все было неподвижным и выглядело, как куча мусора. На некоторых были полосатые брюки, другие были голыми. Тела были грязными, серого цвета, усеянными мухами…

В одной из углов лагеря бульдозеры вырыли огромную траншею. Она была футов восемь в ширину и пятьдесят в длину. Еще дальше группа эсэсовцев сбрасывали трупы в подобную траншею. Трупы укладывали рядами. Немцам приходилось ломать им руки и ноги, чтобы уложить их пологими слоями. Бульдозеры закапывали ямы с трупами, но до того, как земля закрывала братские могилы, на трупы высыпали известь из бочек…

У бараков не было окон, поэтому нашим глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть к мраку после того, как мы входили в них. В бараках были ряды нар по обе стороны, почти до крыши. На нарах лежали людские тела, голые и издававшие смрад. Некоторые из них слабо стонали и спазматически подергивались. Они были слишком слабы, чтобы кричать. Запах был невыносимым и тошнотворным… Группы молоденьких британских солдат медленно и осторожно вытаскивали их на носилках и укладывали в грузовики. Их отвозили в расположенный неподалеку тренировочный центр танкистов СС, который превратили в госпиталь.

Эсэсовцы собирали мусор в большие кучи и жгли их. Всюду были крысы размером с кролика, некоторые из них обгрызали трупы, все еще валявшиеся вдоль проходов. Некоторые бывшие заключенные бродили по лагерю, потеряв рассудок. Одна женщина сидела и, смеясь, гладила дохлую крысу… Временами было трудно отличить труп от живого человека. Иногда одно из тел, уже уложенных в траншею, начинало двигаться, и его приходилось вытаскивать из могилы. Многих, должно быть, похоронили живыми.

Женщин-охранников держали в большом деревянном бараке. Они были угрюмы и не показывали признаков раскаяния. Среди них была высокая блондинистая бестия. Нам сказали, что это Ирма Грезе (Irma Grese), подруга коменданта лагеря Крамера. Каждый день ее водили по лагерю под конвоем, закованной в цепи.

После того, как бараки были очищены от остававшихся в них людей, часть из которых оказалась в госпиталях, а часть в братских могилах, мы сожгли их с помощью огнеметов. Местную *знать* и чиновников привезли в лагерь из близлежащего города Целле. Им показали свидетельства зверств их нацистских хозяев. Затем их заставили рыть туалеты и помогать в захоронении [умерших] в братских могилах. Все бургомистры и чиновники клялись, что они не знали о происходившем здесь. Они говорили, что доступ к этому участку был ограничен и никому не разрешалось находиться даже в нескольких милях от лагеря. Они знали, что тут был концлагерь, но никому не было разрешено побывать на его территории. Они даже стали обвинять *RAF* в создании препятствий для подвоза продовольствия и медикаментов [в лагерь]. Сам Крамер признался в том, что не мог справиться [с проблемами]. У него не было продовольствия, медикаментов или людей, чтобы содержать лагерь в сносном состоянии. Он сказал, что захлебывался от потока людей. Лагерь предназначался для 3 000 человек, но под конец в нем было в 10 раз больше. В дополнение к этому прекратился подвоз продовольствия. Это было его отговоркой, но он не объяснил, чем являлось подразделение для медицинских экспериментов и или для чего были нужны газовые камеры с крематорием. И как он мог объяснить присутствие абажура из человеческой кожи на лампе в своем офисе?

Бывшие охранники-эсэсовцы складывают трупы в прицеп грузовика. Гражданские лица из соседних городов «знакомятся» со свидетельствами зверств нацистов

Каждый день в течение недели мы приезжали в лагерь. Отделяли живых от мертвых, жгли бараки. Каждый день в братские могилы нужно было уложить сотни трупов. Меня тошнило от этого, как ни от чего другого, что я испытал в прошлом. Это был сам ад. Каждое утро мой желудок выворачивало наизнанку, когда я входил на территорию лагеря. Я ничего не ел целую неделю. Было это тем, ради чего случилась война? Выбросило ли людское бесовство свой последний козырь? Мир сошел с ума, и Бельзен был *Армагеддоном* вселенной…

Британцы сжигают постройки концлагеря Берген-Бельзен

На нашу базу прибыли новые подразделения, так что мы вернулись в резервную часть в Фаллингбостель. Я попрощался навсегда с крематорием и вернулся в мир относительного благоразумия. Но память обо всем этом осталась со мной навсегда. Даже сегодня эти воспоминания врываются в моей голове, и я обливаюсь потом и трясусь от ночных кошмаров в собственной постели…

Заключенные Берген-Бельзена

В этом районе было много лагерей для военнопленных, и по мере того, как заключенных увозили домой, эти лагеря заполнялись немецкими солдатами. Каждое утро мы собирали до 50 немецких военнопленных и развозили по лагерям. Там их заставляли наводить чистоту и выполнять все необходимые работы. Я проводил целые дни, командуя 25 военнопленными, наблюдая, как они роют себе сортиры, чистят старые конюшни и проводят свои лагеря в порядок.

Все они говорили одно и то же. Никто из них не был нацистом, они просто выполняли приказы. Они не хотели этой войны. Их заставили принять в ней участие. Гитлер был сумасшедшим, а настоящими правителями были СС. У них был выбор: или выполнять приказы, или быть расстрелянным, или же, что было хуже всего, - отправиться на *русский* фронт. Лучшее, на что они могли рассчитывать при неподчинении приказу, — это быть отправленным в концентрационный лагерь. Все, что случилось, — это не их вина: они были просто пешками в параноидальных планах Гитлера.

Наконец пришло лето, стало тепло и солнечно. Суматоха постепенно ушла в прошлое, стал формироваться кое-какой порядок. Тысячи перемещенных лиц, которых загнали в трудовые батальоны Рейха, разбрелись по стране после капитуляции Германии. Поляки, русские, украинцы, эстонцы, венгры и чехи стали собираться в банды, одержимые чувством мести. Они стали заниматься разбоем в районе Ганновера и Люнебурга/Luneburg. Монтгомери издал приказ британским военным о «запрете на братание» [с местными]. Ни один из военнослужащих не имел больше права контактировать или вступать в беседы с немецкими гражданскими лицами за исключением ситуаций, связанных с несением службы. Это противоречило настрою большинства [наших] парней, которым было присуще добродушие…

Тем временем по всей стране пронеслась волна грабежей, мародерства и изнасилований. К этому прибавились отвратительные *Рейды Мести/Vengeance Raids* на немецкие фермы и деревни. Все немецкое разрушалось без разбора. Фермы сжигались, скот убивали, женщин насиловали. Погромщики уничтожали посевы, разбивали трактора, рушили постройки. Все это делалось в лихорадочных порывах мести за годы плена и рабства и было движимо накопленной ненавистью. Восстание против немцев перешло в бесконтрольный садизм… Мы получили приказ организовать патрули, охраняющие небольшие фермы и деревни, и защитить немецкое население от гнева бывших военнопленных и рабов. Это стало нашим вкладом во внутреннюю безопасность…

Неподалеку от Фаллингбостеля было создано два лагеря для перемещенных лиц. Один был для поляков, другой для русских. Это было то же самое, что пытаться смешать воду и масло. Поляки ненавидели русских, а русские – поляков. Бои между теми и другими стали повседневностью. Некоторыми ночами, проведя время в центре *YMCA (Young Men's Christian Organization/Христианская Организация Молодых Людей)* в соседней деревне, мы возвращались в свой лагерь ползком, по канавам, пока противоборствующие стороны палили друг в друга поверх наших голов. Наступило утро, когда мы обнаружили, что русские прислали поезд, чтобы забрать своих, так что их лагерь опустел. Страсти после этого поостыли.

Наша часть к этому времени была уже хорошо организованной. Каждый день приезжали новые люди. Кто-то уезжал в отпуск, другие. Мне поручили отвечать за развоз резервов. У нас было десять трехтонных грузовиков, каждый день в них усаживали людей и отправляли в их части, разбросанные по всей стране. Некоторые из этих поездок занимали до десяти дней. Было приятно ездить через леса и поля в летнее время. Как долго занимала поездка, никого не волновало. У нас было разрешение брать себе пищевые рационы и бензин, где только возможно. Мы жили хорошо и выбирали себе наилучшие места для ночлега. Никто нас не контролировал, время принадлежало нам…

Наконец стала известна точная дата моего отъезда. Я должен был быть демобилизован 23 января 1946 года. Покинуть свою часть и отправиться в Англию мне предстояло в начале января. В ночь перед моим отъездом ребята решили организовать большой банкет. На тот

момент мы жили в конюшне. Каждое стойло было личным спальным местом. В центре конюшни мы поставили большие деревянные столы и печки, которые где-то раздобыли. Печки гудели весь день. Немецкие военнопленные были нашими денщиками, и им полагалось следить за тем, чтобы для печек всегда было топливо.

Банкет был хорошо организован, повара постарались на славу. Были пирожные, банки с фруктами, колбаса, ветчина, жареные цыплята и полно вина и пива. Все перепились, закончилось все тем, что все нарядились туземцами из джунглей. Солому из-под винных бутылок использовали для юбочек, кожу вымазали гуталином и какао. Ближе к полночи заявился майор, но, увидев, что мы играем в *Тарзана*, прыгающего с лианы на лиану, выпил разок и оставил нас в покое.

Утром еще с десятком парней я уселся в грузовик. Он был украшен флагами и гирляндами, на нем был баннер с надписью: «Следующая остановка – Англия!» Мы остановились у офиса *YMCA*, чтобы попрощаться. Нам всем вручили по упаковке сигарет и пожелали всего наилучшего… В Ганновере мы уселись на поезд, и началось ужасное путешествие в Кале. Мосты были раздолбаны, купе были просто холодильниками, а ехали мы медленно, как никогда. Однако это было наше последнее путешествие по Германии, и каждая миля означала, что мы на милю ближе к дому. Море на пути из Кале штормило, но я был настолько возбужден, что мне показалось, что оно заняло одно мгновение.

Белые клифы Дувра приближались. И вот я спускаюсь с деревянного трапа и сажусь на поезд, идущий на север… Как давно меня призвали на службу в *Милиции* всего на шесть месяцев – было это в июле 1939 года…

***Билл Клоуз** о последних днях войны*

11 апреля 3-й КТП двинулся за Швармштедт с моим эскадроном впереди. Командиром моего головного взвода был второй лейтенант Джон Пирсон (John Pearson), который лишь недавно прибыл в батальон в возрасте девятнадцати лет и имел мало боевого опыта. С ним были очень опытный взводный сержант Крэнстон (Cranston) и еще один довольно новый субалтерн Джефф Ломас (Jeff Lomas), исполнявший обязанности капрала взвода. Это была обычная практика в танковых войсках, применявшаяся специально для того, чтобы молодые офицеры набирались боевого опыта. Наш путь к реке Аллер пролегал через деревню Эссель, и я велел Пирсону внимательно следить за возможным появлением *фаустников*. Он доложил, что видел лишь нескольких мертвых немцев, и быстро двинулся к реке. Это была трудная для танков местность: прямая дорога вела через реку, а местность по обе стороны дороги была очень болотистой, что делало невозможным развертывание вне дорожного полотна.

Я подтянул свои штабные танки довольно ближе к взводу Пирсона и, укрывшись в небольшой роще у дороги, оценил обстановку. В бинокль мне показалось, что я вижу движение врага в лесу на том берегу, и соответственно предупредил Пирсона о необходимости быть начеку и готовым атаковать всё, что шевелится. «Вас понял, конец связи», — последовал его ответ, и он двинулся к мосту. Примерно в 100 ярдах от него он увидел, что мост взорван, и доложил об этом мне, добавив, что, по его мнению, ширина реки в этом месте составляет около сорока ярдов.

Я был несколько обеспокоен движением на другой стороне, так как знал, что 1-я Бригада Коммандо с боем переправилась через реку прошлой ночью, и мы не были точно уверены в их местонахождении. Я как раз докладывал командиру полка, что мост через реку взорван, когда внезапно — Бах! Бах! — танки Пирсона и Крэнстона вспыхнули, и я увидел, как один или два танкиста выбрались наружу, явно раненые. Лейтенант Ломас в третьем танке сумел съехать с дороги, укрылся в кустах и принялся обстреливать противотанковую пушку, подбившую Пирсона и Крэнстона. Хотя в его танк попали дважды, он мужественно продолжал дуэль и, в конце концов, прямым попаданием уничтожил вражеское орудие. Тем временем я подошел вплотную к горящим танкам и выбрался наружу, чтобы прийти на помощь раненым экипажам. Джон Пирсон и двое его людей — Шипли (Shipley) и Уайатт (Wayatt, радист) - лежали в высокой траве у дороги, все с сильными ожогами рук и лиц. Рядовой Роу (Rowe), еще один член экипажа, также сумел выбраться и не был сильно

ранен. Водитель Мэннинг (Manning) погиб на месте. Сержант Крэнстон и младший капрал Тернбулл (Turnbull) во втором танке погибли мгновенно, остальным членам экипажа удалось выбраться с легкими ранениями.

С того берега по нам вели ружейно-пулеметный огонь, но не очень точный, чтобы вызвать проблемы, к тому же мы были скрыты от глаз противника горящими танками. Я немедленно запросил по радио медицинскую помощь, и мне ответили, что доктор Уайтхаус уже в пути. Первые несколько дней Джонни Пирсона в батальоне оказались весьма насыщенными — два жарких боя. Несмотря на очень серьезные ожоги, он держался бодро и, без сомнения, был чрезвычайно благодарен судьбе за то, что остался жив. Он также предпринял все попытки, чтобы прийти на помощь экипажу Крэнстона. Вскоре прибыл доктор Уайтхаус (Whitehouse) со своими двумя санитарными бронетранспортерами, и раненые были эвакуированы.

От командира полка поступил приказ по радио: Эскадрон *А* должен быть переправлен через реку на плотах вместе с ротой *Шопширцев*. Я должен был обеспечить огневое прикрытие оставшимися танками и соответственно подойти как можно ближе к береговой линии. Джонни Лэнгдон, один из моих старых командиров взводов, переправлялся первым и быстро повел свои танки по тропам от реки, а пехота *Шопширцев* продвигалась через лес по обе стороны пешим порядком. В ходе коротких и жарких стычек танки и пехота выбили немало врагов из их лисьих нор, при этом *Херефордширцы* понесли некоторые потери.

Некоторое время спустя, когда ситуация казалась более спокойной, Джонни разрешил экипажам сделать перерыв на чай. Внезапно сквозь деревья просвистел бронебойный снаряд, и один из его танков был подбит и выведен из строя; экипажу удалось покинуть его невредимыми. Второй снаряд прошил башню, полностью разрушив её. Всего в ста ярдах появился *Тигр* и принялся обстреливать всё, что было в его поле зрения, особенно транспорт на дороге. Разведывательная машина и еще один грузовой автомобиль вскоре были объяты пламенем.

Было очевидно, что дальнейшее продвижение по дороге станет проблемой, и оставалось неизвестным, бродят ли по лесу другие *панцеры*: для танка нетипично действовать в одиночку. К счастью, некоторым танкам Эскадрона *С* удалось найти путь в обход по правому флангу через лес в тыл *Тигру*. После нескольких тревожных мгновений довольно восторженный голос по радио произнес: «Он у меня в прицеле, поехали!». Сержант Хардинг (Harding), один из взводных сержантов Эскадрона *С*, приблизился на расстояние сто ярдов к вражескому танку и двумя меткими выстрелами мгновенно поджег его.

Хотя больше танков в районе не наблюдалось, там, на хорошо укрепленных позициях, всё еще оставалось значительное количество вражеских солдат, в основном пехоты, которую поддерживали противотанковые пушки. Эскадрон *А*, пытаясь прорваться вперед, потерял еще один танк; лейтенант Буллок (Bullock) и рядовой Блай (Bligh), его водитель, погибли. Джонни Лэнгдон получил приказ вести свой взвод (теперь сократившийся в численности до трех танков) на поддержку пехоты, наступавшей через лес. Однако при попытке пересечь небольшой ручей два его танка сели на брюхо, а его собственный танк оказался в изоляции. Противник вел сильный минометный и пулеметный огонь, и его положение стало довольно серьезным. К счастью, поступил приказ отойти к реке. На обратном пути он с изумлением обнаружил, что большая часть машин Эскадрона *А* увязла в болотистой почве — крайне неприятная ситуация: их танки не могли сдвинуться с места, хотя всё еще могли вести огонь из своих пушек, надеясь, что не появится еще один *Тигр*, так как они были неподвижными мишенями. К счастью, ничего не произошло, и, хотя они провели очень унылую ночь в сырости, все танки были вытащены на следующее утро силами нашего ремонтного подразделения под командованием капитана Чарлза Эдкинса (Charles Adkins).

В тот вечер 3-й КТП встал лагерем у деревни Энгехаузен. Была организована горячая еда, одежда просушена, а долгожданная порция рома заставила нас снова почувствовать себя людьми. Когда на следующее утро мы тронулись в путь, мой эскадрон шел впереди. Мы продвигались через густо заросшую лесом местность, и так как прогресс был медленным, пехота (рота 1-го Херефордширского Полка) решила сопровождать танки пешком.

Мой головной взвод — 1-й Взвод под командованием лейтенанта Дона Рикеттса — в тех обстоятельствах продвигался успешно, встречая лишь спорадический огонь из стрелкового оружия от небольших групп немецкой пехоты, с которыми быстро расправлялись. Достигнув небольшой деревушки Винзон, мы обнаружили, что она пуста, и я приказал Рикеттсу прорываться к Бельзену. Это название мне ни о чем не говорило, и мы не могли предвидеть тех ужасов, что ждали нас впереди.

Когда мы приблизились к месту, явно похожему на концентрационный лагерь, внезапно появилась немецкая машина с двумя офицерами на борту, несущими белый флаг. После совещания с командиром пехотной роты два немецких офицера были препровождены к бригадиру Черчеру и оттуда к генералу Робертсу, командиру дивизии. Из информации, которую я получил от командира пехоты, я понял, что большинство заключенных лагеря (многие тысячи) серьезно больны, а многие мертвы. Вскоре после этого по указанию штаба бригады нам сообщили, что лагерь объявлен зоной, закрытой для ведения боевых действий. И немцы, и мы сочли, что продолжение боев в лагере и вокруг него было бы крайне опасным из-за риска того, что ворота лагеря будут открыты, и заключенные разбредутся по округе, разнося болезни. Немцы были готовы уйти из этого района. Были согласованы время и линия отхода, и организована специальная медицинская группа для обследования лагеря.

Тем временем я и пара моих командиров танков рискнули зайти в лагерь, чтобы осмотреться. Я не был готов к тем ужасающим зрелищам, которые открылись уже в первых нескольких сотнях ярдов от входа в лагерь. Бараки были полны почти голых заключенных — кто-то был мертв, кто-то едва жив и жалок в своей худобе. Повсюду в канавах, окружающих бараки, лежали трупы, вонь стояла неописуемая. Так как мы поняли, что лагерь тянется еще, возможно, на милю или две, невозможно было представить, каковы условия там. Это то, что я никогда не забуду, и я поспешно вернулся к своему эскадрону.

К этому времени командир полка подтянул остальную часть батальона, и мы остановились в нескольких сотнях ярдов от лагеря в ожидании дальнейших приказов. Эта мини-остановка продлилась до 10 утра следующего дня, и когда наступление возобновилось, 3-й КТП и 4-й Полк Шопширской Легкой Пехоты были направлены на Люнебург и к реке Эльба. Люнебург был взят практически без сопротивления, и Эскадрону *С*, шедшему в авангарде 3-го КТП, приказали двигаться на Лауэнбург. Здесь командир головного танка доложил, что железнодорожный мост через реку цел, но на этой стороне реки находятся около 200 немцев и один *Тигр*. Эскадрон *С* и рота *Шопширцев* окружили мост, надеясь предотвратить его разрушение, но всего в нескольких сотнях ярдов от них мост был взорван и с шумом погрузился в реку. После короткого боя с вражеским арьергардом около 100 человек были взяты в плен, включая экипаж *Тигра*, который так и не смог принять участие в бою из-за полного отсутствия горючего и боеприпасов.

Следующие несколько дней прошли в спорадических стычках в ходе зачистки небольших деревень силами пехотных рот при поддержке нескольких танков. Выяснилось, что деревни защищались лишь небольшими пехотными гарнизонами с одной-двумя противотанковыми пушками. Их боевой дух был низок, сопротивление лишь вялым, и они не представляли большой проблемы. В ходе одной из таких акций был занят лагерь военнопленных, и, к моему великому удивлению, в нем оказались несколько бойцов 3-го КТП, захваченных в Кале в 1940 году. Среди них был мой старый приятель - сержант *Соккер* Хит (*Socker* Heath). Он залез на мой танк, схватил меня за руку и сказал: «Я всегда знал, что 3-й придет за мной».

К концу апреля были достроены два моста через Эльбу, и дивизии приказали переправляться 30 апреля. Продвижение шло отлично, и 5 мая 3-й КТП и 4-й Шопширский Полк вошли в Бад Зегеберг. 23-й Гусарский Полк и 8-й Батальон Стрелковой Бригады прорывались к Травемюнде и Нойштадту, а 2-й Файфский и Форфарский Полк с 1-м Чеширским были направлены на Любек.

Мы все были весьма удивлены, когда поступил приказ остановиться: по рациям пришло сообщение о прекращении всех боевых действий. Затем нам официально объявили, что

фельдмаршал Монтгомери принял капитуляцию всех вражеских сил, противостоящих 2-й Армейской Группе. Сообщение о полной капитуляции перед союзниками последовало через два дня. По всем признакам война закончилась, и большинство танковых экипажей было этим некоторым образом разочаровано. Нужно было провести кое-какую зачистку — подразделения 8-й Парашютной Дивизии противника, которая к тому времени уже капитулировала, сами собирали отдельные изолированные немецкие части, но 3-му КТП сообщили, что сильный отряд войск СС засел в лесу *Segeberg Forst*, отказываясь сдаваться кому-либо, кроме британцев. Для того, чтобы помочь дожать этих немцев, потребовался эскадрон танков. Жребий выпал мне, и я послушно отправился со своим эскадроном и ротой *Шопширцев* в лес Зегеберг — не без некоторого трепета, так как накануне у нас была грандиозная вечеринка по случаю победы, и я чувствовал себя не в лучшей форме.

Однако никаких трудностей не возникло. Мы обнаружили, что подразделением СС был целый противотанковый батальон, недавно вернувшийся с русского фронта. Они построились в полном составе, офицеры в парадной форме, почти как для смотра. Выйдя из танка, я подошел к старшим офицерам, стоявшим перед своими войсками. Тут же один из них шагнул вперед и на идеальном английском произнес: «Мой полковник сдаст свое подразделение только британскому офицеру в полевом чине!».

Однако я смог заверить его, что нахожусь в полевом чине (майора), и это подтверждали семнадцать танков моего эскадрона, окружившие его батальон. Я сказал ему, что с удовольствием приму кортик и револьвер его полковника. Колонной мы отконвоировали всё подразделение обратно в Бад Зегеберг, при этом полковник и его адъютант ехали на броне моего танка. При осмотре выяснилось, что противотанковые пушки были оснащены специальными прицельными приборами, позволявшими вести точный огонь ночью. Одно из орудий вместе с оборудованием было немедленно отправлено в Великобританию для дальнейшего изучения.

Интервью с канадским ветераном **Джеймсом Джойсом (James Joyce, 1919-1997)**

Откуда вы родом?

Сент-Джон *(Saint John, провинция Нью-Брансуик - ВК)*.

Когда вы родились?

22 декабря 1919 года.

Ваш отец сражался на фронтах ПМВ?

Нет, он торговал углем, продавал уголь и дрова. Мать была простой домохозяйкой.

Какой была ваша первая работа?

Расчистка от снега путей железной дороги *Canadian Pacific*.

Что вы еще делали до войны?

Работал на погрузке/разгрузке железнодорожных вагонов *Canadian Pacific* в порту *Winter* в Сент-Джоне. Еще я работал возчиком на своего отца, торговца углем. Я перевез огромное количество золы: люди в те времена жгли много угля и дров, так что золы у них полным-полно.

Какими у вас были отношения с родителями?

Хорошие отношения, хорошая была семья, мы были людьми дисциплинированными, наученными тому, что такое хорошо и что такое плохо в этом мире.

Как ваши родители восприняли ваш уход на войну?

Мои родители не знали, что я иду на войну. В те времена, в 1930-е, очень много говорили о Европе, но Европа была так далеко, что я, мои родители и мои друзья особенно ею не интересовались. Мы никогда не говорили о европейских делах, сидя за обеденным столом, ни в кругу семьи, ни в кругу друзей. У нас не было такого чувства, что Германия готовится к войне.

Ну а газеты и радиовещание не были переполнены историями о делах в Европе?

Когда я был молодым парнем, в раннем тинейджерстве, и потом, даже когда мне было лет 18-19, я, главным образом, интересовался спортом. Я очень много уделял ему внимания, хотя видел газетные заголовки и слышал о том, что происходит в Европе. Что касается Европы, как я уже говорил, это было что-то очень далекое от нас, и я особенно ею не интересовался.

Ну а каким было отношение ваше и ваших друзей, к войне, которая вот-вот должна была начаться?

Да такое же, как обычно. Мы об этом не говорили, мы говорили о спорте и девочках.

Расскажите, какой была мода до войны (прически и одежда).

Прически были с *Зализом Назад/Greased Style*. У всех мужчины волосы были зачесаны назад, прилизаны, главным образом, с помощью оливкового масла. Костюмные брюки были укороченными, вплоть до лодыжек. Мы называли наши костюмы *Zute Suits (zoot suits, иногда - zuit suits, они включали пиджаки с очень широкими плечами – ВК)*. Очень важным считалось тогда носить шляпу. Еще мы всегда поднимали вверх воротнички рубашек.

Как вы развлекались до войны?

Очень популярными были бейсбол в летнее время и хоккей в зимнее. Мы также любили ходить в кино: в городе была пара кинотеатров. Фильмы всегда были про ковбоев и индейцев. На танцы любили ходить. В каждом районе города был танцевальный холл. В них собирались парни и девушки, в основном, в субботние вечера. Почти каждый холл принадлежал таким группам как *IODE (Imperial Order Daughters of the Empire – канадская женская благотворительная организация, основанная в 1900 году. Первоначально ее целью было развитие патриотических настроений в Британской Империи)* или *YMCA*. Музыка была такой – джайв, вальсы, фокстроты ну и типа того.

Была ли у вас гордость за Канаду?

Я никогда особо об этом не думал. Не думаю, чтобы кто-то много размышлял об этом в те времена. 1930-е, когда я рос, были временем *[Великой] Депрессии*, а в те годы все интересовались тем, как выжить. У многих людей не было работы, и главное, что всех волновало, — это как найти работу, заработать немного долларов, поддержать семью и самому прокормиться. Что касается товарищеских отношений с парнями, многое зависело от того, где ты жил. Допустим, ты был с западных пригородов (West-Sider) или с каких-нибудь других. В городе между нами всегда было соперничество. Мы больше гордились тем, из какой части города мы были, чем просто принадлежностью к канадцам.

То есть, вы добровольно пошли в армию, еще до войны? Сколько вам было лет?

Я записался в армию в августе 1939 года в возрасте 19 лет. Там, где я жил, через улицу располагался армейский учебный отряд. Он состоял из взвода *Королевской Канадской Артиллерии*. В его составе была 4-я Батарея. В августе они собирались отправляться в лагерь под Галифаксом, в провинции Нова Скотия, место называлось *Fort Sandwich*. Все мои друзья хотели отправиться туда, так что мы стали ошиваться возле этой учебки: мы знали, что они будут рекрутировать людей для поездки в лагерь. В итоге нам выдали униформу и включили в список для поездки. Нам стали платить доллар в день, выделили место. Я смотрел на все это как на работу и на возможность попутешествовать – как на летние каникулы.

Расскажите про Fort Sandwich.

Это был вполне себе опыт – впервые в жизни я оказался вне дома. Я отправился туда еще с несколькими парнями, с которыми раньше проводил время, еще были люди, которых я не знал. Потом мы все крепко подружились. Сержантом был мой кузен, и он во многом помог мне стать артиллеристом, научил тому, что и как нужно делать.

Пока я находился под Галифаксом, опасность войны стала нарастать – мы находились там последние две недели августа 1939 года. Первая неделя была полна забавными вещами: мы знакомились с окрестностями, побывали на берегах бухт *Herring Cove* и *Purcell's Cove*. Нам давали пропуска на выход из лагеря вечером, чтобы мы могли погулять там. Там и девушки тоже были…

Пошла вторая неделя, и начались настоящие *забавы*. Мы проснулись в первую нашу субботу в лагере. На его складах было много боеприпасов, и нас усадили устанавливать взрыватели на снаряды для орудий большого калибра. Мы занимались этим до середины следующей недели. Затем штабисты, находившиеся в Галифаксе, решили разместить орудия в двух пунктах в пределах городской гавани. Одним был остров *George's*, *другим* - остров *McNab's*. *И*з нас выделили две группы и отправили их в эти пункты. Я оказался на острове *George's* в расчете 12-фунтового берегового орудия. Мы установили его и пробыли там три дня. Потом меня отправили обратно в Сент-Джон, где стали обучать установке орудий, заряжанию и ведению огня.

В то время думали ли вы о том, что у вас будет шанс заряжать это орудие и вести из него огонь, чтобы защитить себя?

Так было задумано. Командование решило, что Галифакс, будучи портом и важным городом по тем временам, станет первостепенной целью для немцев, если они атакуют восточное побережье. Считалось, что немцы нападут с помощью подводных лодок, поскольку Галифакс был большой военно-морской базой в годы ПМВ, и ее поддерживали в рабочем состоянии, когда я появился там.

Расскажите мне, как росло напряжение, связанное с войной. Как изменилась ситуация, когда вы поняли, что в Европе, возможно, начнется война?

Что касается меня, то я всегда был уверен в том, что война будет, поскольку все вокруг говорили о том, что Германия собирается напасть на Польшу и угрожает ей, и все мы были уверены в том, что война будет. Но я никогда не думал о том, что могу отправиться в Европу. Меня больше интересовало то, как научиться быть солдатом, но не более того.

Скажите, что случилось, когда вы вернулись в Сент-Джон?

Нас отвели строем в городской Арсенал/Armoury, где разделили на несколько частей. Там были три батареи, я попал в 4-ю. Еще там были Городская/City Батарея – 15-я и Прожекторная Батарея/Search Light Battery. Там я стал просто солдатом, стоявшим в карауле, находившимся в расчете при орудиях, обучавшимся заряжанию и ведению огня. Мы держали боеприпасы и орудия наготове, чтобы была возможность использовать их в боевой ситуации.

2 сентября 1939 года, воскресным утром, мы должны были идти в караул. Сидели и ждали, когда подойдет наше время, чтобы заступить. Тогда-то мы и услышали по радио, что Британия объявила войну Германии. Война началась…

Вы часто слушали радио?

Да, я слушал его довольно часто, но предпочитал слушать спортивные репортажи. Я слушал и кое-какие новости, я знал, что происходит на свете, так или иначе. Я был солдатом и хотел знать, что нам предстоит.

Пробудило ли в вас начало войны какие-то дополнительные эмоции по отношению к тому, чем вы были заняты?

Нет, на самом деле, нет. Это было, по большей части, моим занятием. Со всех концов провинции прибывали люди, чтобы записаться в армию и заработать на этом денег для своих семей. Депрессия продолжалась, и другого места, чтобы найти работу, не было.

Как вы отреагировали на начало войны?

Сказать по правде, я не проявил сильных эмоций. Я ждал этого и сказал себе: «Что ж, я нахожусь внутри всего этого, и нужно извлечь из этого максимум для себя.»

А как ваши родители на это отреагировали?

Матери и отцу не нравилось, что я нахожусь на армейской службе. Они ждали, что по возвращении из Галифакса я, сойдя на берег, вернусь домой. Думаю, они считали, что я просто приду домой, сниму форму, и на этом все закончится. Но они ни разу не сказали мне, что хотят, чтобы я ушел со службы.

Расскажите, как проходил призыв в армию.

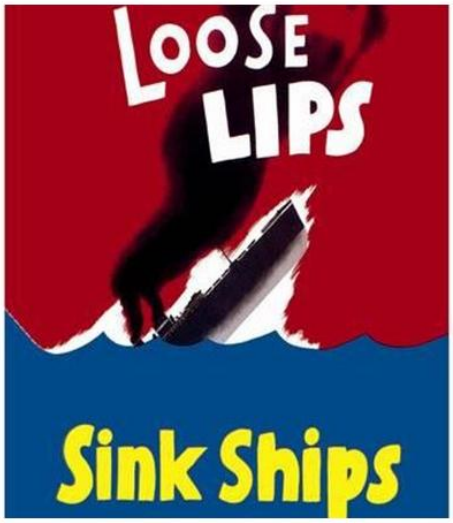
В 1943-м, когда планировалось вторжение [в Европу], в армию приходило большое количество новых рекрутов-добровольцев. Командованию были нужны люди, чтобы заменить, если понадобится, таких как я, которые уже пробыли какой-то срок в армии и знали кое-что об армейской службе, а нас зачислили в персонал, находившийся на так называемой *Активной Службе/Active Force*. Это были части, которым предстояло воевать с немцами. Такого явления, как призыв, в то время не было.

Расскажите мне о СМИ той эпохи – газетах, радио, лозунгах.

Основными СМИ были газеты и радио, были плакаты с лозунгами, например, такие: «То, что слетело с уст, может потопить корабль/A slip of the lip will sink ships» или «Длинные языки топят корабли/Loose lips sink ships.» Предполагалось, что все должно быть в секрете, никто не должен был говорить о кораблях, покидающих гавань, входящих в нее, о том, что происходило в ней или времени прибытия каких-либо частей. Все должно было делаться в режиме молчания.

Канадские агитационные плакаты периода ВМВ: слева – британский лев и канадский медведь вместе идут к победе; в центре – солдат с автоматом, рабочие - мужчина с пневмозаклепочником и женщина со скребком, лозунг – Атакуй на всех фронтах; справа - классический плакат со словами Loose lips sink ships

Канадский Департамент Национальной Обороны/Canadian Department of National Defence сразу же, как только началась война, сформировал Департамент Связей с Общественностью/Public Relations Department, и тот стал возить по стране вперед-назад героев ПМВ, которые рассказывали, что это такое – записаться в армию и как прекрасно в

ней служить, и т.п. Это делалось для того, чтобы привлечь в вооруженные силы большее число людей, и это им удалось.

В какой период времени вы несли службу в 4-й Батарее?

Я начал 3 сентября 1939 года, через день после того, как началась война. Нас посадили на суда и перекинули на остров *Partridge*. Там стояло три больших здания, которые раньше использовались в качестве карантинного госпиталя для прибывающих в Канаду иммигрантов, и нас разместили в них. Потом мы получили винтовки, униформу и т.п. и приступили к обучению. Где-то через неделю туда привезли два шестидюймовых орудия и два прожектора, и мы приступили к установке всего этого. Люди из 4-й Батареи вошли в расчет одного из них, из 15-й – другого. Понятное дело, люди из Прожекторной Батареи занялись прожекторами.

После того, как вся техника была расставлена и была готова действовать, мы начали учиться тому, как ее использовать. Я провел первый год войны на острове *Partridge*. После этого мы переместились в город, в лагерь под названием *Fort Dufferin*, где находились две 4.7-дюймовые полевые пушки, и моя батарея стала их обслуживать. В 1940-м в Сент-Джоне приняли на военную службу огромное количество людей, самые разные люди записывались в армию. Новобранцы тоже занимались обслуживанием орудий, находившихся в этом лагере, учились заряжать и стрелять из них.

В конце 1940-го мы начали строить более крупные укрепления в пункте под названием *Fort Mispec* где-то в 10-12 милях восточнее Сент-Джона. Мы разметили там 7.5-дюймовые береговые орудия, подрядчики построили там огромные казематы. Туда привезли много новобранцев и усилили ими 4-ю Батарею.

В мае 1941 года меня отправили в Сент-Джонс (*Saint John's, в те годы - доминион Ньюфаундленд – ВК*). Я оказался среди 38 человек, вошедших в состав 103-й Береговой Батареи, разместившейся в пунктах *Fort Amherst* и *Cape Spear* в самой восточной части Канады. Я принял участие в установке большого числа 2.47-дюймовых орудий и 10-дюймовых орудий на мысе *Spear*, - усиленная 4-я Батарея составила их расчеты.

Одно из орудий батареи в пункте Fort Amherst. Современный вид

Военно-морские флоты США, Великобритании и Канады использовали Ньюфаундленд в качестве последнего пункта сбора кораблей и судов перед их отправкой к берегам Европы. Здесь военные корабли принимали под свою охрану конвои.

Я встретил свою жену в Сент-Джонсе. Туда я приехал в мае 1941-го, а ее встретил в августе. Люди в этом городе были очень гостеприимны, они приглашали нас к себе в гости. Одним вечером я и мой друг пошли на танцы в холле *YMCA*, где встретили двух девушек, которых вызвались проводить. Одну из них я пригласил встретиться со мной на следующей неделе и получил приглашение прийти к ней домой… Мы поженились 13 августа 1942 года.

Как она относилась к тому, что идет война и вы находитесь на службе?

Полагаю, он принимала этот как данность, как то, что должно скоро закончиться, и много об этом не думала.

Какую информацию доносили до людей СМИ во время войны?

Само собой, нам сообщали о наших победах и также о потерях и погибших. Как и в любом другом бизнесе, что-то приглушалось, а что-то выпячивалось. Если наши побеждали, из этого делали большое событие на радио и в газетах. Если было крупное поражение, нам могли об этом сообщить только через месяц.

Номера канадских газет, посвященные провальной [высадке десанта в районе французского города Дьепп](). Заголовки: Канадские части на острие грандиозного рейда коммандо; Канадцы сражаются во Франции; Канадцы возвратились на корабли после ожесточенного сражения в Дьеппе; Канадские части покидают Францию после величайшего рейда коммандо; Тяжелые потери в Королевском Полку Легкой Пехоты/R.H.L.I. - Royal Hamilton Light Infantry в Дьеппе. Девять офицеров и восемь других чинов уже числятся погибшими.

Выпуск газеты, посвященный высадке в Нормандии. Заголовок: Канадцы находятся в гуще событий, в то время как союзники вторгаются на континент

Все было совершенно секретно. Знаете, все, что делали немцы, было абсолютно секретно, и мы ничего не знали об этом, пока шпионы и еще кто-то не пролили свет на это, то же самое относилось и к нашим военным делам. Если что-то плохое случалось, в союзных странах об этом не сообщалось, пока не приходило время.

Была ли жизнь вполне нормальной в ньюфаундлендском Сент-Джонсе?

Нет. Сент-Джонс был морским портом на краю Северной Америки, там были затемнения так же, как и в Англии. С момента моего прибытия туда в 1941-м и до того, как я покинул его, я ни разу не видел света в городе [в ночное время]. Сент-Джон был на восточном краю Канады, корабли должны были там останавливаться. Если бы город ночью был освещен, силуэты кораблей были бы хорошо видны на его фоне, и подводные лодки могли бы атаковать их торпедами. Затемнения – у всех на окнах были плотные занавески, световые приборы в домах использовали по минимуму, даже фары у машин закрашивали черным (света оставляли ровно столько, чтобы была видна дорога.)

Шла война, и порт Сент-Джонса мог оказаться под бомбами в любой момент. Я об этом не особенно беспокоился, хотя никогда об этом особо не думал. Был случай, когда мы стояли у орудий, и в гавань входило китобойное судно. В него попали две торпеды. *(О потоплении китобойных судов в гавани Сент-Джонса сведений нет. Осенью 1942 года здесь немецкими подводными лодками были потоплены рудовозы Saganaga, Lord Strathcona и Rose Castle, а также бывшее французское судно Paris-Lyons-Méditerranée 27 с грузом боеприпасов.)*

Итак, вы вернулись в Сент-Джон, в провинцию Нью-Брансуик в ноябре 1943 года…

Мы были артиллеристами-береговиками, а местное командование уже располагало солдатами, которые могли обслуживать орудия, находившиеся здесь. Мы были на *Активной Службе*, поэтому всех нас перевели в пехоту. Нас обучили обращению с пехотным вооружением и солдатским премудростям. Базовая подготовка была для нас чем-то новым, много мы не знали, и нам отвели на нее восемь недель. Потом нас отправили в Утопию/Utopia (провинция Онтario), где мы должны были пройти четырехнедельный курс продвинутой подготовки. Мы учились использовать пулеметы, обнаруживать противника и атаковать его. Обучение не было слишком суровым, просто учились чему-то другому.

К этому времени я и мои друзья уже были полны желания отправиться за океан. Мы хотели увидеть своими глазами, что там находится. Мы хотели побывать на войне.

Знали ли вы кого-нибудь из тех, кто отправился за океан раньше вас?

Да, я знал многих парней, которые отбыли туда до меня. Они начали воевать раньше меня. Многие из тех, кого я знал, в декабре 1942-го отправились в Италию, они стали первыми канадцами, вступившими в бой в период ВМВ *(Здесь есть ошибки: до этого был Дьеппский десант, кроме того очень небольшое количество канадцев воевало в северной Африке с января 1943 года, а в Сицилии в июле 1943 года высаживалась канадская дивизия, прибывшая из Великобритании. Скорее всего, знакомые Джойса отбыли в Англию – ВК).* Я хотел отправиться туда вместе с ними. Когда мои друзья отбыли, я был страшно зол на армию, потому что хотел быть вместе со своими друзьями…

Вторжение [в Нормандию] было осуществлено в июне 1944-го, и еще до того, как пришел тот июнь, наша продвинутая подготовка была прервана на четыре недели раньше срока. Нас отправили поездом в Галифакс (провинция Нова Скотия), где мы погрузились на судно, идущее в Англию. Это был интересный опыт – мое первое морское путешествие. Было немного страшно, но я держался хорошо. Солдаты находились в самой глубине судна. Его трюм был разделен на отсеки, и каждый вечер все отсеки изолировали один от другого. Днем мы торчали на палубе, но вечером спускались в трюм, где нас закрывали в этих отсеках. Если бы судно было торпедировано, мы ушли бы на дно вместе с ним, и мы знали это, но, если бы торпеда попала в один из отсеков, только его бы и затопило, и судно могло уцелеть. Боязнь замкнутого пространства была страшной! Каждый раз, когда приходило время спускаться вниз, никакого желания делать это у меня не было, но куда было деваться? Атмосфера была напряженной. Спал я очень много, молился и не терял надежду на то, что выберусь оттуда…

Где вы причалили к берегу?

Гринлок, в Шотландии, 15 июля 1944 года.

Прежде чем мы продолжим беседу: как восприняла это ваша жена?

Без особого восторга. У нас уже была дочка, Руби, она родилась 2 февраля 1943 года. Трудно было с ними расставаться, но я должен был отправляться туда, должен был исполнить свой долг. Отцы и матери, дочери и сыновья, жены и мужья – никто не хочет расставаться. Трудно смотреть на то, как те, кого ты любишь, уезжают, трудно оставлять позади тех, кого любишь.

В Шотландии мы получили новое снаряжение, сделали несколько марш-бросков и 30 июля 1944 года отправились во Францию. У нас были противогазные костюмы – мы одевали их только тогда, когда ожидалась газовая атака. У нас были винтовки и гранаты, мы были обучены тому, как их использовать, как держать их в чистоте и т.д.

Мы выгрузились на специально построенных причалах и поднялись на холм, расположенный сразу за пляжем. Во второй половине первого дня я глянул в небо и увидел в воздухе два самолета. Присмотревшись, я заметил, что один из них был немецким, другой – британским. Они то ныряли, то взлетали вверх – это была *собачья схватка/dog fight*. В итоге, британец сбил немца… Все это выглядело поразительно легко: они рассекали воздух, а потом один из них неожиданно ушел вниз, оставляя за собой дымный хвост. Я был в возбуждении от того, что мне довелось увидеть, как сбили немца. На следующее утро мы расселись по грузовикам и отправились в Кан/Caen. Город был выбомблен полностью, просто превращен в груды щебня…

В итоге, я оказался недалеко от Орна/Orne. Надолго мы не останавливались, мы должны были двигаться вперед. Стоило нам остановиться и сбиться в кучу, нас заметили бы вражеские агенты и немедленно навели на нас артиллерию. Поэтому мы слишком долго в одном пункте не стояли. Одну ночь мы провели в Орне, а утром начали марш в направлении Фалеза, где еще не завершилось большое сражение, но, когда мы прибыли на место, все было кончено.

Первый раз я попал под огонь в ту же минуту, когда попал в поле зрения немцев. Они открыли стрельбу из пулемета. В то мгновение, когда ты слышишь стрельбу, ты падаешь пластом на землю. Ты залег и сразу начинай окапываться. Я немного зарывался в землю, что давало мне небольшое укрытие. Все мы так делали, пока офицер не махал нам рукой, после чего мы поднимались и перебегали как можно быстрее туда, куда он нам показывал. Добегали дотуда и смотрели, по кому стрелять. По большей части, когда мы добегали до рубежа, на который нам указывал офицер, мы видели солдат противника, которые шли по открытой местности или бежали через нее. В этом и заключался бой. Я чувствовал кое-какой дискомфорт от необходимости стрелять в них, мне не нравилось убивать, я не хотел никого лишать жизни. Часто я думал о том, что, если войду в какое-нибудь здание или что-то вроде этого, мне придется это сделать, но сама идея убийства человеческого существа мне не импонировала.

В ходе боевых действий нам приходилось зачищать деревни и города. Первое что мы делали – приближались к фермерской постройке, в которой, как мы знали, засели немцы, потому что наблюдали за ним и удостоверялись в том, что здание занято. Обычно у нас были наблюдатели, которые высматривали немцев, укрывшихся в сельскохозяйственных постройках. Сначала мы скрытно подбирались к двери или к окну и бросали туда гранату. Сразу после взрыва мы начинали поливать внутреннее помещение огнем из винтовок и пулеметов. Зачистив какую-то часть здания, мы делали то же самое со всеми остальными. Я ни разу не застрелил никого из находившихся внутри, потому что стоило мне ворваться туда, они сдавались. Я кричал по-немецки *Сдавайтесь!*, и в 9 случаях из 10 они так и поступали.

Зачищать населенные пункты было страшновато, и мне не стыдно признаться в том, что я смертельно боялся, когда мне приходилось этим заниматься. Но, если бы я не стал этого делать, меня бы сочли трусом, и никто не хотел запятнать себя подобным образом, так что

я заставлял себя идти и делать. Поэтому мы и были солдатами, так как могли заставить себя идти вперед, не взирая на опасность и отдавая свою судьбу в руки бога.

Хорошо, вернемся во Францию…

На побережье пролива [Ла-Манш] находились портовые города, которые нужно было освободить для того, чтобы союзники могли перебрасывать на континент войска и грузы, не перевозя все это через пляжи. Поэтому мы развернулись и снова вышли к побережью, первым городом, которым мы занялись, был Кале/Calais, расположенный прямо напротив Дувра. Мы атаковали Кале по открытой местности под пулеметным огнем. Мы бежали, пока не нашли места, на котором можно было укрыться, занять огневую позицию и вступить в перестрелку с противником. Так мы и продвигались вперед лягушачьими прыжками. Одна группа солдат говорила: «Мы займемся вот тем углом», другая: «Мы возьмем следующий» и так далее. Даже роты и батальоны в целом действовали подобным образом, только в более крупном масштабе. Когда я был в Роте *C*, Рота *B* была рядом с нами, делая то же самое и всегда продвигаясь небольшими шажками. Нас поддерживали артиллерия и авиация, это очень помогало. Самолеты *Тайфун* были очень кстати, когда мы где-то застревали: они засыпали немцев ракетами и либо выбивали их с оборонительных позиций, либо подавляли психологически, после чего мы могли снова подниматься в атаку.

Мы зачистили от немцев эти мелководные порты, в которых нуждались союзники, после чего двинулись вдоль побережья. Мы вступали в бой то там, то тут на побережье сначала Франции, потом Бельгии, к этому времени 1944-й уже подходил к концу. Мы остановились в бельгийском городе под названием Гент/Ghent, получили зимнее снаряжение: белье, башмаки, шинели и пр. оттуда мы начали марш в сторону канала под названием *Leopold (по нему проходил рубеж обороны немцев – ВК)*, куда прибыли через пару дней. Потом пришли известия о том, что нашей части придется переправляться через канал. Мы переправились на весельных лодках, в бою использовали огнеметы. Дальше мы вслед за британцами не пошли и остались на берегу канала на случай, если им придется отступать. Когда британцы основательно закрепились, мы последовали за ними. Земля там сильно раскисла, было сыро, места эти были пустынными с немногими фермами то там, то тут.

Наиболее мощными огневыми позициями немцев были береговые батареи, прикрывавшие порт Остенд. Нужно было получить доступ к этому порту, чтобы ускорить снабжение войск, уже вступивших на территорию Германии. Мы двинулись туда, были в боях пару недель, бои были ожесточенными, но хорошо было то, что от разрывов снарядов, падавших в топкую грязь, вокруг разлетались комья глины и совсем немного осколков. Большинство полученных там ранений были пулевыми.

В тех боях я как-то раз выбрался из канавы и попал под огонь, мне пришлось запрыгивать обратно, воды в ней было мне по шею. Неделю я оставался в ней, выбираясь, чтобы выстрелить и потом снова укрыться. Приходилось ползать вдоль нее, чтобы подобраться к кому-то из тех, кто стрелял в меня, чтобы убить его или принудить сдаться…

Бои продолжалось две недели. Мы не спали в окопах и ночевали в фермерских постройках… Был там один большой бой – *Сражение за Насыпь/Battle of the Causeway*, по которой было необходимо перейти на остров *(речь идет об острове Валхерен – ВК)*, на котором располагались всяческие укрепления и четыре орудийных каземата, которые держали под огнем подходы к Остенду… Зачистка портов заняла у нас две или три недели, после этого мы начали [быстро] получать припасы, и дела пошли в нашу пользу.

Тем временем союзники выбросили парашютистов в Арнеме, там какое-то время шли бои. Целью был захват мостов и их удержание, пока не придет помощь. В итоге немцы взяли большое количество британских парашютистов в плен. Мы продвинулись настолько далеко, насколько было возможно, дошли почти до Арнема и захватили один из мостов. Другой нам взять не удалось, немцы попытались взорвать его, мы – остановить их. Это был ключевой пункт для форсирования Рейна большими силами. Мы пробыли там пару недель. *(Канадцы сыграли большую роль в эвакуации уцелевшей части 1-й Воздушно-десантной Дивизии британцев после поражения в Арнеме – ВК).*

[В конце года] наступило время несения охранной службы и посещения представлений, которые показывали нам британцы из *Службы Развлечений/Entertainment Units*. Мы получили новую униформу, отмылись и пр. Вообще, банный день у нас был раз в две-три недели, а новую форму выдавали раз в несколько месяцев. Так прошли Рождество и Новой Год. Потом нас снова перебросили к Рейну. Мы провели еще неделю на берегу этой реки, это была спокойная неделя. Рейн очень широк, а на противоположном берегу были кое-какие укрепления. В одну из ночей нас отвели от реки, и мы простояли в тылу пару недель.

Потом командование приняло решение о том, что мы должны переправиться через Рейн. Британская 52-я Дивизия уже форсировала его, и мы последовали за ней. Когда мы перебрались на другой берег, британцы застряли и не могли продвинуться дальше. На второй день они решили бросить нас в бой, так что мы пошли в атаку и взяли пару фермерских домов. В итоге 52-я Дивизия прорвала оборону противника и двинулись на Ганновер. С этого дня все стало проще пареной репы (a piece of cake), после этого у нас была еще пара-другая боестолкновений. Сильно драться больше не приходилось: немцы открывали по нам огонь и отступали.

Эти бои представляли собой атаку через обширное поле размером с футбольное, атаку по прямой, пока не остановит вражеский огонь. Как-то раз немцы выждали, пока мы не дошли до середины поля, и открыли по нам пулеметный огонь. Нам пришлось залечь и проторчать там с 10 утра до 4 после полудня, пока слева не подошел французский полк и не дал нам возможности двинуться дальше. Мы собрались во дворе фермы, перекусили там и там же переночевали. Вокруг нас все горело, было светло как днем. На следующий день мы возобновили наш марш, казалось, мы уже никогда не остановимся. Дело было в апреле 1945-го, мы были на пути к Эмдену – там была база подводных лодок, и нам сказали, что там находятся в изоляции 25 000 немецких солдат.

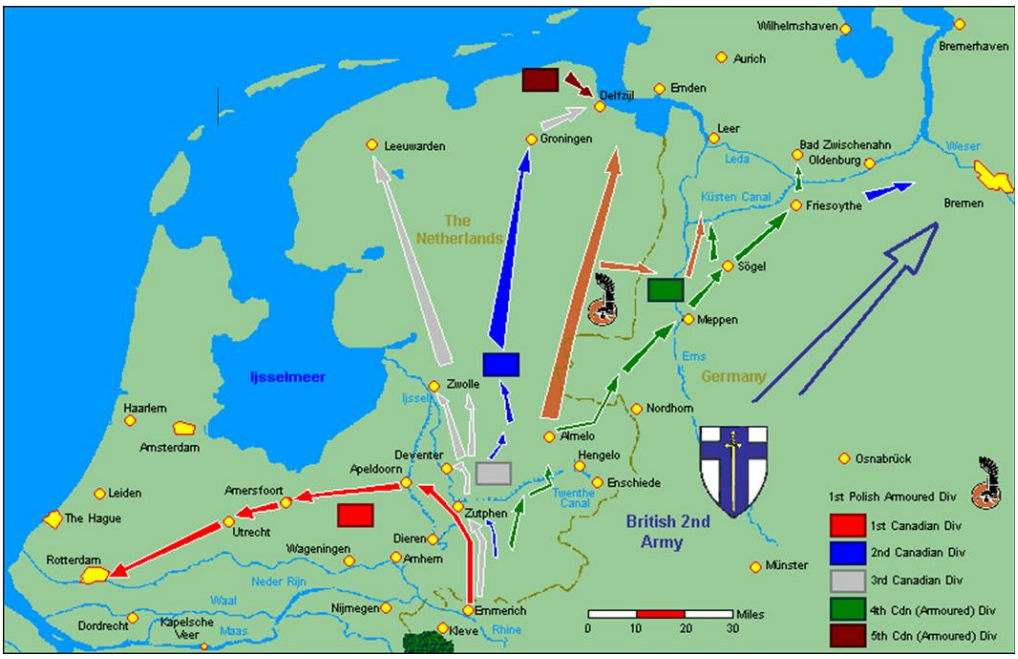

Схема продвижения канадских дивизий на Северном фронте – март-апрель 1945 года

На пути к Эмдену немцы и голландские и бельгийские эсэсовцы (всего около 7 000 человек) оказали канадцам некоторое сопротивление в нидерландском городе Гронинген/Groningen. В боях за город погибли 130 немцев, 43 канадца и около 100 мирных жителей. В плен сдались около 5 300 солдат и офицеров противника, около 2 000 ушли на северо-восток.

Мы продвигались вперед до 3 или 4 мая. У нас был приказ не стрелять по немцам и не мешать им взрывать мосты, вообще не пытаться останавливать их в чем-то. Мы просто преследовали их, и все. Война для меня окончилась 4 мая. Меня отправили в Манчестер на четыре недели в связи с тяжелой утратой (пришло сообщение, что умер мой отец.) Когда

я вернулся, все было кончено: мой полк охранял 40 000 пленных немцев, но волноваться было незачем – они никуда бежать не собирались. Я был одним из первых, кто отправился домой – мне осталось ждать всего несколько недель.

Расскажите о ваших офицерах.

Это были нежесткие парни, сильно они нас не дергали. Они получали из штаба приказы и выполняли их. Мы всегда делали то, что они нам говорили, а они всегда вели нас в бой. Они были в гуще этого, примерно как *квотербек* в футболе.

Не были ли вы свидетелем такой ситуации, когда офицер отдал приказ, которому кто-то не подчинился?

Да, был один раз. Нас было 10 человек, и мы как-то ночью получили приказ идти в караул. До этого мы были в карауле много ночей подряд. Мы решили, что мы не должны идти на это или что в этом не было нужды, потому что была не наша очередь, так что мы отказались. Позвали офицера, ему об этом рассказали, и он посадил всех нас под арест. На следующее утро пришел майор, рассказал нам о том, что мы натворили и что у этого будут последствия. Он сказал, что нам стоит хорошенько обдумать случившееся, так как у нас очень большие проблемы. После полудня было большое построение – на поле выстроились все части нашей дивизии. Нам рассказали историю о том, что нам предстоит переправа через Рейн, и также следующее: правительство Канады ожидает, что еще до того, как Рейн будет форсирован, мы все окажемся в числе погибших. Мы знали о том, что нас ждет опасность, некоторые были напуганы, я тоже испытывал некоторый страх, но меня еще и беспокоила возможность получить тюремный срок за неподчинение приказу… Однако нам все сошло с рук. Вероятно, командование полагало, что нас всех и так перебьют.

Изменила ли ВМВ ваше восприятие мира?

Нет, ни на йоту. Она не изменила моего отношения к чему-либо. Я пошел на войну, чтобы исполнить свой долг, пока еще не было ясно, убьют меня или нет. Мне повезло, я остался жив, - так я это все воспринимал. Там столько всего происходило, все, что угодно могло случиться в любое мгновение, и с жизнью можно было расстаться. Но меня это сильно не беспокоило…

Ваше мнение о германской армии.

В конце войны мы могли взять какое-то их количество в плен, приставить к ним двоих или троих солдат, чтобы присматривали за ними, а потом отправить их в тыл. Мы ничего против них на душе не держали, если говорить о том, какие это были люди. Некоторые из них были дружелюбны по отношению к нам, некоторые не говорили ни слова. Уверен, так было потому, что последние не имели понятия о том, что мы говорим, и мы точно знали, что не понимаем ничего из того, что говорят они. Я считаю, немцы были превосходными солдатами. Думаю, их командование обдурила британская разведка, заставив поверить, что должно произойти то или это, в то время как на самом деле ничего именно такого не произошло. Так что я верю – их привели за руку к собственному поражению. Ну а по-людски могу сказать, что это были такие же парни, как и мы.

ПРОЧИЕ КОММЕНТАРИИ

Холокост

Я ничего не знал о *Холокосте*. У нас не было толковых газет, единственное, что мы получали, это *The Stars and Stripes*. В ней были публикации на темы, популярные среди солдат, информация о том, что такой-то или такой-то погиб. В ней ни разу не напечатали что-либо о *Холокосте*, а эта газета была единственным источником информации, которым я располагал. Все это происходило к югу от нас, мы действовали на севере и ничего такого не видели.

Местное население

Когда мы ночевали в фермерских домах, мы выпроваживали из них местных и посылали их в тыл, где было безопаснее. Когда мы уходили, мы давали им возможность вернуться к нормальной

Местное население приветствует канадцев. Утрехт, 7 мая 1945 года

Союзники

Мы сражались под британским флагом. Это было наше знамя - *Union Jack*, и мы были частью британской армии. По меньшей мере, я так себя ощущал. Британцы считали, что с нами рядом воевать легче *(в оригинальном тексте – The British thought that we were as good as chocolate cake - то есть, на канадцев можно было возложить задачи потяжелей - ВК)*, и, хотя мы не слышали ничего такого во время войны, потом мы узнали об этом. По-моему, *бриты* были отличными ребятами, а про американцев мы все знали, что они любят *надувать щеки/full of hot air*. Бриты были попроще, ближе к земле, как и мы.

Возвращение домой

Я вернулся 15 сентября 1945 года. Никакой тоски по Европе у меня не было. Нам сказали отрапортовать о прибытии в штабе, расположенном во Фредериктоне (Fredericton, провинция Нью-Брансуик), что я и сделал. Нас отправили в отпуска, а когда отпущенное время вышло, нас демобилизовали. Я вернулся на свою работу – погрузку/разгрузку для компании *Canadian Pacific*. Трудностей с этим не было.

Никаких больших проблем по возвращении я не помню. Все пошло хорошо. Работы было полно, ее мог найти любой. В 1948-м я получил место в Пожарном Департаменте Сент-Джона, где трудился всю свою жизнь.

Австралийский военный корреспондент **Осмар Уайт** (Osmar White, 1909-1991) рассказывает о встречах с советскими людьми и атмосфере в освобожденной от нацистов Германии в 1945 году

Осмар Уайт в годы Второй Мировой Войны был австралийским военным корреспондентом и свидетелем боевых действий на Новой Гвинее и Соломоновых островах, о которых в 1944 году написал книгу. С августа по ноябрь 1944 года до дня Победы Уайт находился в Европе в рядах 3-й американской армии, которой командовал знаменитый генерал Джордж Паттон. Газетные статьи и дневники Уайта 1944-45 гг., на основе которых составлена книга Conqueror's Road (Дорога Победителя) очень интересны, особенно страницы, посвященные солдатам и офицерам советской армии и деятельности советских оккупационных властей. Его впечатления и характеристики часто звучат весьма критически и даже обидно для русского читателя, однако, его никак нельзя назвать русофобом. В его записках много строк, в которых видны уважение и добрые чувства по отношению к советскому солдату и советской военной администрации в оккупированном Берлине. Очевидно одно – он старался писать о войне и оккупации Германии правду. Это касается и многих нелестных характеристик, которые Уайт дал поведению американских солдат в побежденной Германии.

Американцы

Задолго до того, как союзники дошли до концлагерей, в которых зондеркоманды специализировались на уничтожении евреев и славян, и мир узнал, что означали слова Гитлера об «окончательном решении», солдаты, побеждавшие немцев, начали переполняться гневом и местью. Во Франции и Бельгии из первых рук они узнавали о зверствах нацистов: о массовых расстрелах заложников, бессмысленных избиениях и поджогах, садистских допросах подозреваемых в сопричастности к сопротивлению. Мало кто сомневался в том, что немцы заслужили свою судьбу. Так, вначале с гражданским населением Германии обращались сурово. Радиообращение Эйзенхауэра «Мы приходим победителями!» подразумевало, что командование имело право реквизировать любое пригодное жилье в полуразрушенных городах. Стариков, больных, детей часто выгоняли из домов в развалины, чтобы они беспокоились сами о себе. «Единственный способ научить *krauts (кличка немцев, данная им американцами, происходит от вошедшего в английский немецкого слова sauerkraut, обозначающего кислую капусту - ВК)* тому, в войне нет ничего хорошего, заключается в том, чтобы обращаться с ними так же, как они когда-то поступали с другими». Я слышал этот девиз постоянно. Победа подразумевала право на трофеи. Победители отбирали у врага все, что ему нравилось: выпивку, сигары, фотоаппараты, бинокли, пистолеты, охотничьи ружья, декоративные мечи и кинжалы, серебряные украшения, посуду, меха. Этот вид грабежа назывался «освобождением» или «взятием сувениров». Военная полиция не обращала на это внимания до той поры, пока хищные освободители (обычно солдаты вспомогательных частей и транспортники) не начали красть дорогие машины, антикварную мебель, радиоприемники, инструменты и другое промышленное оборудование и придумывать хитрые методы контрабандной доставки краденого на побережье с тем, чтобы потом переправить это в Англию. Только после окончания боев, когда грабеж превратился в организованный криминальный рэкет, военное командование вмешалось и установило закон и порядок. До того солдаты брали, что хотели, и немцам при этом приходилось несладко.

Однако, я видел немного случаев преднамеренной и злоумышленной жестокости. Солдаты считали, что они всего лишь восстанавливают справедливость и несут морально

обоснованное возмездие той расе, которая угнетала Западную Европу на протяжении пяти лет. Покорность немцев никак не влияла на поведение победителей, а напротив, возбуждала гнев и презрение. Мне довелось видеть, как американские солдаты преднамеренно и планомерно громили немецкий дом в Эрфурте…

После того, как боевые действия переместились на немецкую землю, солдатами фронтовых частей и теми, кто следовал непосредственно за ними, было совершено немало изнасилований. Количество их зависело от отношения к этому старших офицеров. В некоторых случаях личности нарушителей были установлены, они были отданы под суд и наказаны. Юристы держались скрытно, но признавали, что за жестокие и извращенные половые акты с немецкими женщинами некоторые солдаты были расстреляны (особенно в тех случаях, когда это были негры). Однако, я знал, что многие женщины были изнасилованы и белыми американцами. Никаких акций против преступников предпринято не было.

На одном участке фронта один довольно заслуженный командующий остроумно заметил: «Совокупление без беседы не является братанием!». Другой офицер как-то сухо заметил по поводу приказа о недопустимости «братания»: «Определенно, это впервые в истории, когда серьезное усилие прилагается для того, чтобы лишить солдат права на женщин в побежденной стране». Вероятно, наиболее заслуживающая доверия характеристика ситуации была дана интеллигентной австриячкой средних лет из Бад Хомбурга: «Разумеется, солдаты берут женщин… После оккупации этого города на протяжении многих ночей нас будили солдаты, стуча в двери и требуя *Fraulen*. Иногда они врывались в дом силой. Иногда женщинам удавалось спрятаться или убежать. Я спросил ее, знала ли она женщин, которых и в самом деле изнасиловали. Она задумалась на мгновение и ответила: «Нет, не думаю, что это случалось часто. Вы должны помнить, что сейчас, в отличие от тех времен, когда нацистские идеи еще не получили распространения, немецких женщин не ужасает мысль о том, что мужчина может применить к ним насилие. Они боятся, это правда. Но они больше боятся того, что их изобьют, чем то, что их изнасилуют. Сами увидите. Если ваши солдаты будут достаточно терпеливы, они увидят, что немецкие женщины довольно покорны».

«Запрет на братание» (No-fraternisation rule), провозглашенный сразу же после вступления американцев на немецкую территорию, так никогда и не действовал. Он был абсурдно искусственным и ввести его в действие было просто невозможно. Первоначально он был направлен на предотвращение сожительства британских и американских солдат с немецкими женщинами. Но как только закончились бои, и войска были размещены по местам постоянной дислокации, значительное количество офицеров и солдат, особенно из состава военной администрации, начало завязывать с немецкими женщинами отношения всех категорий – от хождения к проституткам, до нормальных и благородных романов.

Одна берлинская прачка так высказалась по этому поводу: «*Девственницы Гитлера/Deutscher Madel (женское крыло Гитлерюгенда - ВК)* очень скоро затащат Ваших солдат в постель и заставят их забыть о приказах. Они не считают, что в этом есть что-то неправильное. Они получат удовольствие и после посмеются и пошутят. В траханьи нет ничего плохого. Сами увидите – скоро они станут спать с неграми и евреями!»

Безупречные арийские девственницы, может, когда-то и подписывались на нацистские идеологические журналы, однако их пуританские принципы не смогли пережить полового воздержания… После нескольких убогих и бессмысленных военных судов над козлами отпущения «запрет на братание» превратился в пустой звук. Насколько я знаю, солдаты из американской дивизии, которая освободила Бухенвальд в апреле, спали с немками уже к концу мая. Они сами хвастались этим. Когда сам лагерь расчистили и превратили в центр для перемещенных лиц, ряды бараков, в которых сотни восточно-европейцев умерли голода и болезней, были обставлены награбленной в Веймаре мебелью и превращены в бордель. Он процветал и снабжал лагерь бесчисленными консервами и сигаретами…

На дорогах Германии

Колонны освобожденных рабов стали обычным зрелищем на всех сельских дорогах. Они шли толпами под весенним дождем, и часто их растерзанные тела можно было увидеть на подходах к мостам – там, где они подорвались на минах. Но они не останавливались. Они были свободны и шли куда глаза глядят. Первыми шли сельскохозяйственные рабочие. Они выглядели крепкими и сытыми. На них были обноски военной формы всех европейских стран. У некоторых были ботинки или сапоги, некоторые шли босиком даже по морозу, другие обматывали свои ноги в лоскутья одеял или мешковину. Они выглядели очень бедно, но физически были в неплохой форме.

По мере того, как союзные армии уходили вглубь Германии, вид проходящих мимо стал меняться. Колонны уже не состояли из крепких (или сравнительно крепких) мужчин. Многие хромали и были явно больны и истощены. Среди них были женщины и дети. Почти у всех были ручные тележки или детские коляски с поклажей…

В целом, первые рабы, освобожденные в Рейнланде, не проявляли особенно злобных чувств к своим хозяевам. Даже с восточно-европейцами немцы [здесь - ВК] обращались по-человечески, или по, меньшей мере, как с ценными домашними животными.

Я помню, как одна пожилая фермерша подошла к командиру рекогносцировочной колонны недалеко от Безингхайма и стала умолять его задержать ее русского рабочего, который собрался уйти. Ее сын и муж, по ее словам, были в армии, и без русского у нее не оставалось никого для работы на ферме, и зимой их ожидал голод. Мы взглянули на русского. Это был крепкий угрюмый парень, который определенно собирался уйти… Командир сказал что-то непечатное и отдал сигнал двигаться дальше. Когда я взглянул на странную пару в последний раз, женщина сидела в канаве, уронив голову на руки, а русский решительно шагал прочь…

Военные власти сумели установить некоторое подобие порядка на освобожденных территориях. Но когда бывшие подневольные рабочие и узники концлагерей заполнили дороги и начали грабить один городок за другим, ситуация вышла из-под контроля. Лишь некоторым вырвавшимся из лагерей или бросившим работу удалось найти дорогу домой. Большинство скопилось во временных лагерях для беженцев, едва выживая за счет скудных пайков, реквизированных из местных запасов. Некоторые из переживших лагеря собрались в банды для того, чтобы рассчитаться с немцами. Малонаселенные районы, которые не пострадали во время боевых действий, нередко страдали от разбоя этих банд. Я хорошо помню деревушку на реке Флуда, где мне показали растерзанные тела двух детей 7 и 12 лет, которые стали жертвой пьяных русских, бывших до этого три года рабами на глубокой соляной шахте…

В Берлине

В последние дни прошли слухи о том, что под давлением Вашингтона и Лондона русские согласились на раздел Берлина с британцами и американцами. Это была слабая компенсация за унизительное ожидание в течение шести недель, но утешением было то, что Черчилль и Трумэн наконец нашли силы поставить Сталина на место. Ударные части были выбраны для демонстрации силы, достаточной для того, чтобы заставить высокомерных русских еще раз подумать и дать им по носу, если они опять попытаются силой прибрать к рукам новые территории. Паттон, по слухам, так и рвался в бой. Первого июня конвой из 80 джипов с более чем двумя сотнями репортеров отправился в путь впереди войсковых соединений и прибыл в столицу до полудня. Путешествию придала интерес встреча с авангардами Красной Армии, направлявшимися в Тюрингию, чтобы сменить американцев…

Бронетехника и орудия союзников, покрытые свежей краской, грохотали по дороге, двигаясь через четкие интервалы времени. Полевая форма была приведена в порядок, башмаки и знаки различия сверкали, все без исключения были с наградными ленточками и медалями за прошедшие бои. По сравнению с этими элегантными колоннами, входящими в город с запада и северо-запада, уходящие из него русские выглядели сбродом. Их ватные телогрейки были замаслены и ободраны, транспорт состоял из смеси старых грузовиков и телег, набитых награбленной мебелью, больше половины солдат шли пешком. Они маршировали вдоль автобана под командой младших командиров, которые ехали на немецких велосипедах. Даже знаменитые русские орудия были покрыты слоем сухой грязи.

Британский корреспондент, путешествовавший рядом со мной, сказал с ужасом в голосе: «Боже мой, так это те самые парни, которые проложили себе дорогу от Сталинграда, по пути высекая искры из фрицев?» И в самом деле, это были солдаты армии, которая разбила две трети немецких сухопутных сил на Восточном фронте, тогда как великолепно вооруженные британцы и американцы с большим трудом одолели оставшуюся треть в Нормандии, Италии и на линии Зигфрида. Это были коренастые степные крестьяне и пастухи. Было видно, что для них не существовало трудностей, и им был безразличен вид механизированной мощи, выставленной для того, чтобы произвести на них впечатление. Возможно, подумал я, простые машины войны на долгом отрезке времени никогда не одолеют крестьянина, одержимого тем, чтобы изгнать иноземного агрессора...

Двумя днями позже русские вывесили огромный портрет Сталина у Бранденбургских ворот и девушки-красноармейки начали регулировать движение флажками, работая с точностью, достойной роботов.

В конце первого дня моего пребывания в Берлине я был уверен, что город мертв. Человеческие существа не могли жить в этой ужасающей груде мусора. К концу первой недели мои представления начали меняться. Общество стало оживать среди развалин. Берлинцы начали получать пищу и воду в количествах, достаточных для того, чтобы выжить. Все больше и больше людей были заняты на общественных работах, проводимых под руководством русских. Благодаря русским, имеющим большой опыт борьбы с подобными проблемами в своих собственных опустошенных городах, распространение эпидемий было поставлено под контроль. Я убежден в том, что Советы в те дни сделали больше для того, чтобы дать Берлину выжить, чем смогли бы сделать на их месте англо-американцы. Русские методы поддержания порядка и достижения результатов в самом существенном не имели такого сдерживающего фактора, как прекраснодушие. Они понимали психологию массы и знали, что чем быстрее берлинцы вдохновятся идеей помочь самим себе, тем лучше будет для всех. Через несколько дней после капитуляции они поддержали идею выпуска газет. Затем восстановили радиовещание, разрешили организацию развлекательных мероприятий и объявили, что утвердят создание профсоюзов и демократических политических партий.

Что-то нужно было сделать для того, чтобы дать образование миллионам детей и при этом исключить из него полностью гнилую философию нацизма. Теоретики западной демократии отнеслись к этой проблеме с чрезмерной праведностью. «Ни одного слова или фразы с налетом нацизма не должно остаться в учебниках немецких школ,» – заявили они. Школы будут закрыты, пока не будут очищены все учебники. Русские были более реалистичны, по меньшей мере, в Берлине. Еще до того, как союзники вошли в свои оккупационные зоны, они поддержали открытие начальных школ в наименее разрушенных районах, принимая на работу учителей без следов нацистской активности в послужном списке. К западу от Эльбы открытие школ затянулось на месяцы.

Радио, газеты, политика, концерты. Русские мудро подпитывали возрождение в пустыне отчаяния. Они проявили великодушие к последователям чудовища, лежавшего в своей берлоге под горами щебня. Но берлинцы, не смотрели на мир так, как этого хотелось бы русским. Везде был слышен шепот: «Слава Богу, что Вы – британцы и американцы – пришли сюда… Русские – это животные, …они отобрали у меня все, что было… они

насилуют, воруют и расстреливают…» Антирусская истерия была настолько сильной, столько ходило вокруг историй о русских зверствах, что шеф англо-американского бюро по общественным связям (PR) нашел нужным собрать корреспондентов для того, чтобы дать «разъяснения»: «Запомните, - сказал он, - что среди немцев существует сильное и организованное движение, нацеленное на то, чтобы посеять семена недоверия между союзниками. Немцы убеждены, что им будет на пользу раскол между нами. Я хочу предупредить вас о том, чтобы вы не верили немецким историям о зверствах русских без тщательной проверки их достоверности…»

В любом случае, в русофобии не было ничего нового. Войска сталкивались с этим всю дорогу от Рейна по мере того, как встречали тысячи бегущих на Запад и охваченных паникой людей. Русские идут! Как бы то ни было, но нужно бежать от них! Когда удавалось расспросить кого-либо из них, почти всегда оказывалось, что они ничего не знают о русских. Им так говорили. Они слышали это от друга, брата или родственника, который служил на Восточном фронте… Ну, конечно, Гитлер врал им! Его теории о высшей расе были абсурдом, заявления о том, что британцы – это декаденты и что евреи – недочеловеки, питающиеся разложившимися мозгами – враньем… Но, говоря о большевиках, фюрер был прав! Геббельсовская пропаганда добилась успеха в одном, чему было суждено пережить разочарование поражения. Она вбила в головы немцев параноидальный страх перед «ордами с Востока». Когда Красная Армия подошла к окраинам Берлина, волна самоубийств захлестнула город. По некоторым подсчетам, в мае-июне 1945 года от 30 до 40 тысяч берлинцев добровольно ушли из жизни. Насколько поведение русских подогрело эту оргию самоуничтожения? Я задавал эти вопросы многим берлинцам. Если отбросить преувеличения, то картина получалась следующая: Красная Армия захватила город в яростных боях, разгоряченная жаждой мести. Русские разрушали, грабили и насиловали точно так же, как немцы (по рассказам польских беженцев) делали это четыре года назад в Польше и России. Наиболее объективные свидетельства о поведении русских я получил от женщины средних лет. Вот интервью с ней:

В. – Вы говорите, что русские вели себя очень жестоко после боев. Что Вы имеете в виду под словом «жестоко»?

О. – Они грабили дома, стреляли во всех, кто сопротивлялся этому, нападали на женщин. Их не сдерживало ничего.

В. – Что происходило, когда они грабили дом? Можете ли Вы рассказать мне о доме, грабеж которого Вы наблюдали? Ваш дом тоже разграбили?

О. – Да все квартиры были разграблены. После того, как стрельба на улицах стихла, 10 или 11 солдат поднялись по лестнице и начали колотить в дверь. Мы побоялись открывать, и тогда они стали ломать замки и крушить двери.

В. – Что случилось потом?

О. – Они обыскали все, ища оружие или снайперов. Потом некоторые из них начали открывать полки и вышвыривать из них вещи, другие набросились на женщин.

В. – Что значит «набросились»? Они насиловали женщин?

О. – Да, в большинстве случаев.

В. – Что, всех? Все русские солдаты насиловали или пытались насиловать женщин?

О. – Не все, но большинство из них. Они были пьяны. У них были с собой бутылки с коньяком и вином, и они были возбуждены – Вы понимаете, как это все могло происходить.

В. – Сколько женщин было в этом здании?

О. – Думаю, нас было восемь. Трое были со мной в моей квартире.

В. – Вас изнасиловали?

О. – Нет. Один из них пытался сделать это со мной, но я говорю немного по-русски и сказала ему, что он пьян и позорит свою страну. Я попросила его передать другим, чтобы они оставили женщин в покое.

В. – И это его остановило?

О. – Да. Он был всего лишь мальчишка. Он казался пристыженным, но взял всю мою одежду с полок и из гардероба. Он сказал, что немцы в 41-м отбирали у женщин всю одежду, и что он не видит причины, по которой он не может взять то, что ему хочется. Я не пыталась остановить его. Утром он пришел с извинениям и пытался дать мне продукты.

В. – Пытался ли он остановить других?

О. – Они все были пьяны. Русские ужасны, когда пьяны. Вы себе не представляете, какие они.

В. – Откуда Вы знаете, что изнасиловали других женщин?

О. – Я видела, как русский изнасиловал мою подругу.

В. – Жестоко?

О. – Да.

В. – Но Вы видели наверняка, что случилось с другими?

О. – Нет, но я в этом не сомневаюсь. Они не врали мне, это произошло на самом деле, поверьте.

В. – Вы говорите, что в людей стреляли. Вы и в самом деле видели случаи, когда убивали гражданских лиц?

О. – Застрелили женщину с нашей улицы, которую я знала.

В. – Вы видели ее тело?

О. – Да. Ее сестра и я похоронили ее в саду.

В. – Почему ее убили?

О. – Русским показалось, что у нее был револьвер.

В. – Это правда?

О. – Нет, у нее не было револьвера.

Загадочные люди эти русские! Изнасилования и извинения. Кражи, и попытки загладить их продуктовыми дарами. Дикий грабеж разрушенного города и, через несколько дней, попытки восстановить его.

Уйат встречался с русскими и в ночных клубах Берлина.

Я прошелся по ночным кабаре, начав с *Фемины* возле Потсдаммерплатц. Был теплый и влажный вечер. В воздухе стоял запах канализации и гниющих трупов. Фасад *Фемины* был покрыт футуристическимим картинками обнаженной натуры и объявлениями на четырех языках. Танцевальный зал и ресторан были заполнены русскими, британскими и американскими офицерами, сопровождавшими женщин (или охотящимися за ними). Бутылка вина стоила 25 долларов, гамбургер из конины и картошки – 10 долларов, пачка американских сигарет – умопомрачительные 20 долларов.

Щеки берлинских женщин были нарумянены, а губы накрашены так, что казалось, что это Гитлер выиграл войну. Многие женщины были в шелковых чулках. Дама-хозяйка вечера открыла концерт на немецком, русском, английском и французском языках. Это спровоцировало колкость со стороны капитана русской артиллерии, сидевшего рядом со мной. Он наклонился ко мне и сказал на приличном английском: «Такой быстрый переход от национального к интернациональному! Бомбы RAF – отличные профессора, не так ли?» Первой в программе выступала девочка-танцор, затем – труппа «русских» танцоров. Они были настолько полны энергии и настолько понравились русским, что я был уверен в том, что им предоставят дополнительные пайки наравне с промышленными рабочими… Среди клиентов *Фемины* было много русских офицеров, но, как ни удивительно, было много и немцев. Некоторые из них были техническими специалистами, к которым благоволила советская администрация, но кем были остальные, я и не пытался узнать достоверно. Сутенеры, спекулянты, шпики… Там было больше ушей, натренированных на ловлю слухов, чем где-бы то ни было в подобном заведении к востоку от Лиссабона и к северу от Босфора. В тренированных ушах всегда кто-то заинтересован, даже в стране побежденного врага…

На раннем этапе трехсторонней оккупации Берлина между разными сторонами существовали нормальные и даже сердечные отношения. Все хорошо относились друг к другу и сотрудничали с открытой душой в том, чтобы накормить 4-миллионное население и включить его в работу по восстановлению города. Вскоре, однако, стало ясно, что русские не намерены ни с кем сотрудничать. Оказалось, что они часто страдают злокачественным комплексом неполноценности, который привел их к повышенной чувствительности и агрессивности в моменты, когда давала себя знать тривиальная разница во мнениях по поводу различных мероприятий и обязанностей. Они грубо обманывали и в более серьезных вопросах. Серьезные трения возникли тогда, когда они отказали союзникам в возможности получать справедливую долю сельхозпродуктов с окрестных ферм. Эта земля, заявили они, находится в восточной оккупационной зоне, отведенной им в Ялте, и любое продовольствие, произведенное в ней, будет распределяться только части города, находящейся под русским контролем. Американцам и британцам пришлось организовывать доставку продуктов из более удаленных районов.

С самого начала было ясно, что советская политика направлена на вытеснение западных союзников из Берлина и на еще одну пропагандистскую победу. Разговоры о том, чтобы «навалять чертовым комми» утихли, но никакого братства между *томми*, *джи-ай* и *Иваном* во внеслужебное время не было, хотя определенное хрупкое товарищество существовало между офицерами, надзирающими за ночными клубами. Между всеми прочими отношения были натянутыми. Советский гарнизон был мрачно враждебен. В его составе было много неграмотных азиатов, и *томми* и *джи-ай* решили, что это всего лишь немытые дикари, использующие ванны вместо унитазов… В установлении порядка в своей зоне русские мыслили и действовали по понятиям «массы». Они не беспокоились о справедливом отношении к отдельным людям. Их заботило, главным образом, то, как сделать каждый район самообеспечивающимся в самое короткое время. Первой мыслью было дать каждому, способному работать, занятие. Ни в изгнании немцев с территорий, отведенных для чехов и поляков, ни в перемещении населения, когда работающий баланс между разными районами был нарушен притоком беженцев, ни в разукомплектовании заводов русских не сдерживали соображения, которые британцы, американцы или даже французы

назвали бы милосердием. Они реорганизовывали людские толпы так же, как фермер, который перегоняет стада скота или овец на какое-нибудь пораженное засухой пастбище, ожидая потери от голода, болезней, истощения, но надеясь свести их к минимуму. После того, как активные фашисты в русской зоне были ликвидированы, люди Сталина не проявили особого желания тратить время на мелкую рыбешку. Таких заставляли работать и вознаграждали по заслугам. Если полученные позднее свидетельства указывали на то, что некоторые из людей, работающих на новый режим, были в прошлом ярыми нацистами, их ликвидировали без суеты и беспокойства, но только после того, как находили менее подозрительного работника. Для Нюрнбергского и других процессов русские сохранили только военных преступников, наказание которых могло иметь пропагандистское значение. С нацистскими громилами из маленьких городков и мелкими садистами они расправлялись незамедлительно и спокойно, не особенно заботясь о возможном несоблюдении правовых норм. В своем предпочтении к пролетариату они были весьма постоянны. Звание, богатство или классовая принадлежность не давали немцу никаких привилегий в русской зоне. Только технические специалисты или эксперты в прикладной или чистой науке могли ожидать особого обращения.

Из всего того, что я видел и слышал, было ясно, что русские, в отличие от британцев или американцев, не были обеспокоены проблемами «гуманности». Не было заметно у них и желания мстить ради самой мести. Они были великими эгоистами и бескомпромиссными реалистами. Один говорящий по-английски русский офицер, будучи немного выпивши, говорил мне в кабаре *Коммикер*: «Мы должны уничтожить фашизм. Немецкий фашизм ничуть не хуже, чем любой другой. Единственная страна в мире, которая распознает и уничтожает фашизм – это Россия, но это вовсе не предмет национальной принадлежности. Национальность для нас не имеет значения. У нас нет ненависти к немцам, итальянцам, неграм или китайцам. Мы не думаем, что русские лучше, чем любой другой народ, за исключением того, что у русских такое правительство, которое стремится уничтожить фашизм. Мы сделаем Россию сильной и защищенной от врага – не для того, чтобы навязывать свою волю другим народам, а чтобы защитить людей от фашизма, где бы он ни появился. В качестве репараций мы возьмем у провинившихся стран только то, что нам необходимо для того, чтобы сделать Россию сильной и защищенной. Это – здравый смысл и логика. Мы не имеем ничего против капиталистической демократии кроме того, что она легко обращается в фашизм, когда ее дела идут неважно».

СОЛДАТЫ И ОФИЦЕРЫ РАССКАЗЫВАЮТ О ПРЕБЫВАНИИ В ПЛЕНУ

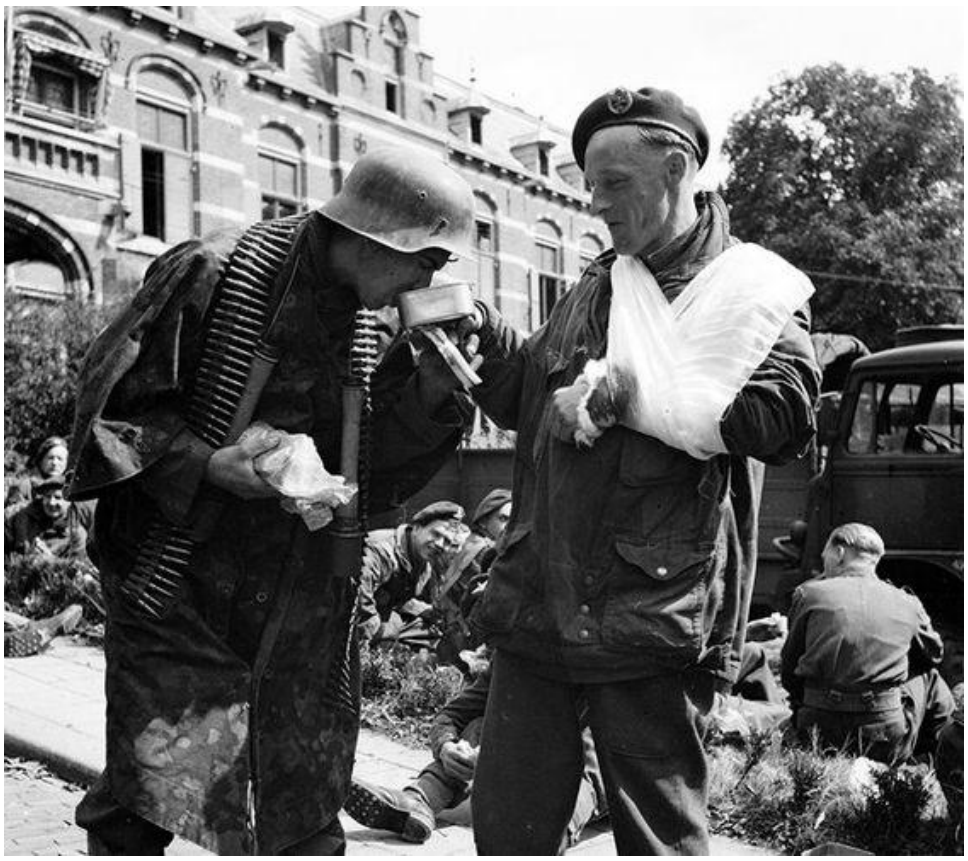
Плен

Джеймс Симс, *фрагмент интервью*

Какими были первые минут плена?

Нам разрешили сесть по обе стороны дороги, раненые были по одну сторону, включая меня. Молодой эсэсовец застрелил одного из наших парней, потому что он хотел сохранить при себе свой бумажник. Когда этот самый немец подошел ко мне, я уже к этому моменту вывернул все свои карманы и положил их содержимое на колени. «У вас не должно остаться что-то, имеющее отношение к боевой ситуации. Вас обыщут еще раз, и, если что-то [подобное] будет обнаружено, вас расстреляют,» - сказал немец. Личные вещи его не интересовали.

Среди нас был молодой парень из голландского *Сопротивления* – у него были сильно обожжены руки, когда он бросал из окна фосфорную гранату. Его выволокли из наших рядов, заставили встать на колени и выстрелили ему в затылок. Когда его тело свалилось на землю, офицер СС сказал следующее: «Так мы поступаем с теми, кто предал Третий Рейх.» Помню только этого парня из голландского *Сопротивления*, и пристрелили его без промедлений.

Один из капитулировавших британцев делится едой с немцем

А потом куда вас дели?

Мы оказались во дворце Сустдейк – летней резиденции голландской королевской семьи. Дворец превратили в прифронтовой госпиталь войск СС. Кормили нас отлично, было очень комфортно, но медицинская помощь была неважной, и лекарства до нас не доходили из-за бомбежек союзной авиации.

Были ли попытки бежать из плена во время вашего нахождения в госпитале?

Да, двенадцать ходячих раненых с помощью людей из Сопротивления сбежали и добрались до своих. Госпиталь относился к *Люфтваффе*, там даже на стене одной из комнат был портрет Геринга. После побега меры безопасности были усилены до предела. На самом деле, несколько более поздних побегов окончились неудачами, и беглецов расстреляли. При этом, как мне показалось, врачам из СС было приятно, что *Люфтваффе* опростоволосилось…

Как прошел перевод в лагерь для военнопленных?

Ближе к концу октября нам сказали, что всех нас переведут в госпиталь, где находятся только британцы. Многие этому поверили, и для нас было большим шоком, когда, после прибытия на станцию, нас прикладами затолкали в вагоны для перевозки скота.

Понятие *вагоны для скота* напоминает о том, как транспортировали в лагеря жертв Холокоста…

В каждом вагоне было по 40 человек, не было никакой кормежки. Переезд был настоящим кошмаром. Несколько раненых умерли в дороге, для других каждая встряска сопровождалась адской болью. Трупы не убирали всю дорогу до приезда в лагерь, поскольку всё было на учете, и список прибывших был подписан самим комендантом лагеря.

Не было ли попыток убежать во время переезда?

Да, трое пилотов планеров из соседнего вагона использовали пилки для побегов, которые ранее припрятали для того, чтобы проделать отверстия и в крыше вагона и попытаться сбежать. Двое скрылись, но, когда третий парень высунулся из дыры, его зацепила очередь из пулемета, расположенного в конце состава. Мы слышали, как он скатился с крыши, упал на пути и начал стонать. Затем мы услышали, как подошел охранник и передернул затвор – за этим последовал выстрел. Стоны прекратились… Сторожевая собака настигла второго беглеца, а третий сам сдался, когда услышал, как немецкий офицер предупредил, что каждый третий из пленных будет расстрелян, если он не вернется на место. Проделанный лаз заколотили, и состав снова тронулся в путь…

Расскажите о своих впечатлениях от лагеря *Stalag XIB*…

Мы добирались до лагеря три или четыре дня. *Stalag XIB* был расположен близ города Фаллингбостель в Германии. Это был большой комплекс зданий, где находились военнопленные многих национальностей, включая русских и поляков.

Опишите распорядок дня в лагере…

День начинался в 7 утра с переклички. Немцы считали нас пятерками, и иногда мы передвигались по строю, чтобы сбить их с толку. Они, в отместку, заставляли нас стоять в строю часами, при этом некоторые падали в обморок или просто умирали. Затем нас разводили по участкам работ. Кроме этого, кто-то бродил по периметру лагеря. Обошел пару раз, и ты уже без сил…

Около полудня прибывала телега с едой. Мы выстраивались в очередь, и каждый получал полпинты водянистого супа с тремя маленькими картофелинами. После того, как вся пища была роздана, на дне котла оставалось пара-тройка картофелин. Младший офицер отступал в сторону, и парни поздоровее бросались к котлу, чтобы побороться за эти остатки… После еды можно было поискать по другим баракам старых товарищей, чтобы пообщаться, но около 4-вечера была еще одна поверка, которая заканчивалась до того, как гасили свет. Электрическое освещение ночью отсутствовало, поэтому мы делали небольшие светильники из консервных банок, жира и куска веревки.

А за пределы лагеря вы выходили на какие-то работы?

Однажды меня назначили в *Kommando* – рабочую команду. Отбирали как-то бессистемно: парни с открытыми ранами, как я, должны были идти на выход, тогда как вполне себе крепкие ребята оставались в лагере. Нас отводили на железнодорожную станцию в городке Ильцен близ Ганновера. Сначала мы думали, что сбежать будет нетрудно, но вскоре поняли, что раны, голод и дизентерия ставят на этом крест. Мы все страдали от недоедания и других проблем со здоровьем.

Расскажите о событиях, которые предшествовали вашему освобождению.

Все произошло неожиданно, в середине апреля 1945-го, когда уже было ясно, что война скоро закончится. Нас все еще водили на работы на железной дороге, которая была совершенно разрушена. Как-то, находясь на пригорке, мы услышали странный шум в небе. Посмотрев вверх, мы увидели немецкий самолет без моторов, просто с двумя какими-то контейнерами под крыльями [вероятно, это был *Me-262*]. Два американских самолета *Thunderbolt* спикировали на него, но он неожиданно он превратился всего лишь в точку в небе! Он оставил американцев далеко позади. Когда охранники заметили наше изумление, они стали хвастаться, что это еще одно секретное оружие Гитлера, которое сбросит нас в море…

В конце концов, немцы решили, что нас всех надо отогнать в Берлин. Сержант из полка Британских Шотландцев, который возглавлял *Kommando*, переговорил с нами и сказал, что будет важно держаться группой и никуда не отлучаться, поскольку эсэсовцы расстреливают даже тех своих, которые «пытаются дезертировать.» Мой товарищ из 2-го Батальона подошел ко мне и спросил, не хочу ли я бежать вместе с несколькими другими парнями. «Ты слышал, что сказал сержант?» – спросил я его. - «Но, Джим, - ответил он, -

это будет нашим последним шансом получить медаль.» - «Хрен с ней, с медалью, - сказал я. – Я просто хочу вернуться домой, к своей семье.» Потом я услышал о том, что эсэсовцы поймали этих парней и перерезали всем глотки, а трупы сбросили в канаву…

Освобожденные солдатами 2-й Британской Дивизии военнопленные строят себе временные жилища

Что вы помните о том марше?

Сначала мы шагали по главной дороге и как-то набрели на полностью сгоревший автобус, забитый обгорелыми трупами. Затем мы дошли до деревушки под названием Винштедт, где нам приказали рыть себе укрытия. Большинство из нас было измотано, да у нас и лопат-то не было. Тут к нам присоединились немцы, удиравшие от Красной армии и ее эксцессов. Наши немецкие охранники сдались нам, но, когда мы увидели, что к нам приближаются какие-то автомашины, мы отдали им их оружие. Это было сделано кстати, так как машины оказались полугусеничными транспортерами, тащившими на буксире 88-миллиметровые пушки. Этим подразделением фанатиков из *Гитлерюгенда* командовал офицер *SS*. Он приказал нам всем собраться и запер нас в сенном сарае на ночь, приказав и далее следовать в Берлин. Как только он скрылся из вида, мы опять разоружили охранников. Ночь была бурной. Несколько недавних военнопленных поймали одного из самых жестоких охранников, который пытался бежать, на скорую руку судили его *(обычное выражение - kangaroo court – ВК)* и приговорили к повешению. Но немцу повезло: только они собрались повесить его, как появились части Полка Даремской Легкой Пехоты/Durham Light Infantry из 2-й Британской Дивизии. А когда на утро из леса выкатил британский бронетранспортер, вся наша рабочая команда ринулась к нему и почти что подняла его в воздух! К нам пришла свобода…

Иэн Рэмси (Ian Ramsey), *австралийский пехотинец. В плен попал в 1941 году в Греции*

«Вскоре после нашего прибытия в лагерь пошли слухи, что немцы напали на Россию... Оптимисты говорили, что это изменит ход всей войны, и что немцев скоро побьют. Другие говорили, что русские долго не продержатся. Мэк [друг Рэмси] сказал, что русские будут отступать до зимы... Зимой они соберут силы и станут трудным противником для Вермахта. Это мнение оказалось верным...»

В лагере Шталаг XVIII-A (Вольфсберг), конец 1941 года:

«Множество русских пригнали в лагерь. Они выглядели подавленными и молча делали то, что им говорили. Они были столь истощены, что едва двигались. Для британцев, французов и других пленных это было тяжким зрелищем. С ними обращались, как со скотом, совершенно по-другому, чем с другими пленными... Мы не знали, каков был тогда ход войны, но прибытие русских нас сильно деморализовало...

Британских пленных попросили принять участие в работах по лагерю за дополнительный паек. Одной из таких работ была перевозка умерших русских в большую траншею в полукилометре от лагеря. Трупы сбрасывали в траншею, засыпали известью, а потом землей. Русские умирали со скоростью десять человек в день, и ходили слухи, что это тиф. Но это было неправдой- они, в основном, умирали от голода...

Для тех, кто видел массовые захоронения, важным делом стало помочь русским. Я и еще несколько ребят, включая Мэка, выяснили, что многие британцы не едят грязный немецкий «суп» и живут за счет хлебного пайка и посылок из Красного Креста, валяясь весь день на койках. Мы стали собирать неиспользованные пайковые купоны и приходить на кухню, где французы-повара месили в огромных котлах грязную картофельную шелуху и другие отвратительные «ингредиенты». Нам удавалось получать этот «суп» в обмен на неиспользованные купоны и оставлять котлы возле нашего барака для голодающих русских, которые жили рядом с нами. Охрана не возражала против этого, но передать «суп» русским было нелегко, так как нам не разрешали входить в русскую секцию лагеря. Мы стали привязывать ведра с «супом» к веревке и перебрасывать другой ее конец через ограду из колючей проволоки, отделяющую нас от русских. Они тянули веревку на себя, ведро поднималось до верхнего края ограды и разливалось. Русские собирали остатки с земли и ели их, часто вперемешку с землей. Ребята подобрее давали им хлеб, сигареты или, иногда, еду из посылок Красного Креста...

Все больше и больше русских прибывало в лагерь, и все больше их отвозили каждый день в братскую могилу... По лагерному радио передавали новости об успехах вермахта в России и Северной Африке. Я поспорил с Мэком на десять сигарет, что русская армия не настолько разбита и деморализована, как нам говорили немцы. Для разрешения спора мы решили спросить об этом у кого-нибудь из русских через колючую проволоку. Немало времени заняло найти среди них кого-нибудь, кото говорил бы на каком-либо знакомом нам языке. В конце концов, парень по имени Михаил сказал нам по-немецки, что он прибыл с Украины и что их послали на войну, вооруженных только ножами и вилами. Безнадежное дело, сказал он. Так Мэк выиграл пари. Я думаю, Михаил преувеличивал. Он дал мне свой адрес в Орловской области, и много лет спустя я безуспешно попытался отыскать его, когда посетил Россию...

Русским не разрешали выходить из отведенной им части лагеря. Это был особый сорт людей, и мало кого беспокоило, о чем они думают, или что с ними случится. Накануне Рождества (1941) благодаря духу радости и товарищества произошло странное событие. Британцы собрались после девяти вечера на границе русской и "европейской" частей лагеря и начали петь веселые рождественские песни. К ним присоединились французы. Британцы спели *Danny Boy* и *It's a long way to Tipperary*, французы - веселый марш Mantalons. Британцы спели *Rule Britannia*, французы - *La Marseillaise*. Британцы спели *God*

Save the King, французы, не без иронии, - *Deutschland, Uber Alles*. Британцы - *Tannenbaum*, французы, на ту же мелодию, - *The Red Flag* и *Internationale.* После этого русские, которые до это не принимали участие в концерте, вдруг запели *Volga Boatmen/Из-за острова на стрежень*, заполнив ночь своими сильными и грустными голосами. Этого охранники терпеть не стали. Они ворвались во французскую секцию, стреляя в воздух и приказывая разойтись по баракам...

На другой день были довольно большие похороны русских...»

Иэн Рэмси совершил с несколькими товарищами побег и вскоре был пойман, оказавшись в тюрьме:

«За два дня до освобождения из тюрьмы мы услышали в коридоре возню и крики. Стало ясно, что кого-то тащат в одну из пустых камер. Во время прогулки мы узнали, что это был русский, отказавшийся подчиниться приказу охранника. Одному из нас охранник сказал, что русского расстреляют на следующее утро. Лофти (один из товарищей Иэна) рашил, что мы должны попытаться предотвратить расстрел. Мы спланировали следующее: Лэнс (один из британцев) попросится в туалет и, идя по коридору, откроет задвижку на двери камеры Лофти. После того, как охранник уйдет из коридора, Лофти выскочит из камеры и войдет в камеру к русскому. Через два часа план удалось привести в действие. Лофти увидел в камере русского, привязанного к стулу, без ботинок, брюк и рубашки. Он дал понять русскому, что он хочет развязать его, вывести в коридор и дать возможность вылезти в окно и бежать. Русский улыбнулся и замотал головой. Он не мог понять ни слова и отказался от помощи... На следующее утро, глядя в зарешеченное окно нашей камеры на дорогу, мы увидели, как двое толстых охранников повели русского на расстрел. Оба они весили раз в десять больше, чем этот живой скелет...»

После второго побега Иэн вновь оказался в тюрьме: «Старший охранник Ханс Мойгг (Hans Moigg) стал посещать меня и обсуждать военные новости. Больше всего он боялся потерять свою должность в тюрьме, которую получил после того, как обморозился в России. Россия была местом, которое вызывало ужас и ненависть у немцев, и это сильно поднимало мне настроение...»

Джон Вильямс (John Williams), *австралийский рядовой санитарной службы*

«Через три месяца [после попадания в лагерь] мы похоронили более 3 500 русских. Они умирали от дурного обращения, голода, холода, от боевых ранений. Немцы сбрасывали трупы в выгребные ямы и даже не закапывали их. Мы делились с русскими едой из наших посылок, получаемых через Красный Крест, хотя какое-то время немцы запрещали нам делать это. Как-то раз мне разрешили передать русским сумку с едой. Они набросились на меня, как собаки, и сбили меня с ног. Они хватали еду, рыча друг на друга. Я вам скажу - смотреть на это было страшно...»

Джон Беркли Фитцхардинг (John Wesley Fitzharding), *капитан, австралиец. Воевал в северной Африке, Греции и на Крите. Был взят в плен итальянскими подводниками в открытом море во время попытки перебраться из Крита в Африку на моторной лодке. Фитцхардинг побывал в нескольких концлагерях. После капитуляции Италии в 1943 году он оказался в немецком концлагере. Неоднократно пытался бежать.*

«Немцы были куда бесчеловечнее, чем итальянцы... Если ты двигался недостаточно быстро, то получал прикладом по затылку... Кормили так плохо, что многие из нас весили не больше 50 килограммов... В лагере было около 85 000 русских, с которыми обращались как с животными. Из лагеря [на работу] их выгоняли собаки. Зимой их босиком гоняли в город убирать снег...»

Рэй Фэрхолл (Ray Fairhall), *австралийский рядовой, радист. Бежал из плена, но был вновь пойман и отправлен в лагерь Вольфсберг*

«Где-то здесь похоронен немецкий охранник, которого я хотел бы достать из-под земли и удавить. Крут он был с пленными. Беглецов, в отличие от просто пленных, каждое утро выгоняли для упражнений. Стоило глянуть куда-то в сторону, сделать что-то не так - он бил прикладом. Как-то раз рядом со мной был русский, и немец просто проткнул его штыком. Парень упал замертво, а мы продолжали упражняться на фоне сказочного альпийского ландшафта с красивыми елками, австрийскими домиками на склонах гор и коровками на зеленых лугах...»

Доктор Элан Кинг (Alan King), *австралиец, полевой госпиталь 2/7. В плен попал на Крите 28 мая 1941 года. Отказался эвакуироваться, так как не мог бросить сорок раненых и больных новозеландцев, греков, австралийцев*

Элан Кинг

Кинг оказался в Германии, где лечил пленных от туберкулеза. Позднее его перевели в лагерь, где содержались десятки тысяч русских пленных.

«Измученных русских держали на морозе и не пускали в бараки. Как-то я увидел одного из них, который умирал от тифа. Двое докторов добровольно вызвались лечить русского и вскоре сами умерли от тифа. Из окон госпиталя мы видели, как больные русские ходили кругами вокруг своих бараков. Никто и не пытался им помочь. Они были обречены...

В начале 1944 начались сильные бомбежки. Немцы использовали нас в качестве заложников. Стараясь отвести бомбардировщики в сторону, они сажали медиков и больных [русских] в санитарные поезда, которые ставили на пути рядом с местами погрузки войск и снаряжения, отправляемых на фронт...»

Элфред Пассфилд (Alfred Passfield) – *австралийский пехотинец, попал в плен на Крите. Восемь раз бежал из плена, но каждый раз его ловили и возвращали в лагеря.*

«В лагере *Шталаг VIIA* по субботам вечером были концерты самодеятельности. Чтобы сделать сцену, сдвигали столы… Я всегда пел, так как каждая национальная группа должна была иметь своего представителя. Призы распределялись согласно количеству аплодисментов. Я получил первый приз за песню *South of the Border* и за пение и танец *The Lambeth Walk*. Второе место заняли русские, выступавшие танцевально-песенным квартетом. Победители по очереди разобрали призы. Среди них было использованное лезвие бритвы, колода лохматых карт, трубка, полдесятка немецких сигарет и еще какая-то мелочь. Я взял сигареты и раздал их русским, так как считал, что их выступление было намного лучше моего. Они взяли карты и сели играть, дымя сигаретами…

В штрафном бараке N40 было непросто съесть свою собственную порцию из посылок Красного Креста. В нем было много голодных русских, югославов и французов, которым продуктов из Красного Креста не полагалось. Дать всем понемногу было просто невозможно, поэтому мы нанимали одного из них заготавливать для нас дрова, и откуда только они не доставали их! Они пробирались в подпол, отщипывали щепки от деревянных опор, залезали под крышу и щепили стропила – все это за глоток английского чая…

Мы прятали наши рационы в вещмешках и использовали их в виде подушек. Один раз ночью нас разбудил шум потасовки: один из парней схватил вора, пытавшегося выпотрошить его мешок. Представьте, как мы развеселились, увидев Джимми, уцепившегося за лодыжку одного из «дровоносов». Другой русский ел маковые семена, которые росли в изобилии вдоль ограды. Он занимался этим весь час, отведенный для прогулок, а потом «отключался» на весь день… В лагере *Шталаг XVIIA* на пути к складу, где (после побега – В.К.) мою гражданскую одежду должны были поменять на униформу, нам пришлось пройти мимо русского сектора. Каким-то образом они узнали, что я был британцем. В этом лагере раньше не было британских пленных, и, соответственно, русские не знали, что мы за люди. В лагере VII A мы жили с ними душа в душу, и они просто смеялись над немецкой пропагандой, пытавшейся настроить русских против британцев. Здесь было по-другому. Каждую неделю они получали издаваемую немцами газету (как и британцы в других лагерях), в которых немцы старались изо всех сил натравить нас друг на друга. В лагере XVII русские начали верить этому, и когда я шел под охраной мимо их сектора, в мой адрес через колючую проволоку сыпались проклятия и оскорбления…

Камеры были вполне приличными по сравнению с тем, что я видел в других лагерях – примерно 8x10 футов (2.4x3м). Большая часть камеры, доставшейся мне одному, была занята деревянными нарами, по соседству со мной в такой же камере жили пятеро русских. Я спросил унтер-офицера из охраны, нет ли возможности поселить часть из них в моей камере. Он ухмыльнулся и сказал, что если мне дорога моя жизнь, то лучше будет, если я останусь один. Я вспомнил его слова, когда через пару дней появилась новая команда охранников и вывела меня на прогулку вместе с русскими, хотя до этого я гулял после них. Русские очень недобро смотрели на меня, когда я проходил близко от них, и, скорее всего, мне не поздоровилось бы, не будь рядом охранников. Вот что делает пропаганда, особенно тогда, когда она столь изощренная, как немецкая…

Еда была дрянной. Суп, который приносили с русской кухни, состоял из рубленого турнепса и нескольких гнилых картофелин. На турнепсах оставались хвосты и макушки, так же, как и шелуха на картошке. Его давали в полдень, единственным дополнением были шестая часть буханки хлеба и около унции сыра – это можно было съесть на завтрак или ужин. Я ел это на завтрак, так как считал, что лучше ложиться спать на голодный желудок чем быть с пустым брюхом все утро.

Немецкий капрал сопровождал русского, который приносил еду с кухни и надзирал за тем, чтобы ее делили поровну. Все шло хорошо до конца недели, пока в сопровождении не

остался только один охранник. Я сразу заметил, что мой сыр исчез. Я было подумал, что это нормально для субботы, и ничего не сказал, но, когда это повторилось, я спросил, где сыр. В ответ мне сказали Nix, и перед моим носом захлопнулась дверь.

В понедельник вновь появился капрал. Зная, что происходит что-то неладное, я пожаловался ему, что не видел сыра на протяжении двух дней. Ну и досталось русским от него! Разумеется, они поделили мой сыр между собой. Полагаю, что винить их было не в чем, так это было чисто коммунистическое поведение.

В лагерь VII A *(куда Пассфилд был возвращен после побега – ВК)* в январе 1942 года прибыл состав с русскими пленными. 250 из них умерли в пути или в первые дни по возвращении. На них было страшно смотреть – просто скелеты. Те, кто был посильнее, поддерживал остальных. Я видел двоих в одной шинели с застегнутыми пуговицами. Их не кормили целыми днями, и даже в лагере держали на голодном пайке. Часто ночью они пытались перебраться через проволоку в наш сектор, где, насколько они знали, мы бы подкормили их. Нескольким это удавалось, но некоторых застрелили на полпути… Было просто удивительно, как некоторые из русских, сами полуживые, пытались выходить своих. Они держали их под обязательным душем, таким образом спасая от участи быть просто брошенными туда. Многие так и не выбирались из душа живыми. Часто, когда кто-то из них умирал, его товарищ прятал его на день-другой, чтобы получить хлебный паек умершего.

«Катафалк» – здоровенный ящик, установленный на колеса, в который были запряжены две лошади, появлялся ежедневно, и двое русских дежурных бросали в него трупы, как бросают мешки с углем. Представляете себе? Верхний край ящика возвышался на над землей 6-7 футов, и дежурные размахивались и швыряли в него обнаженное тело, падающее на деревянное дно с тошнотворным стуком. Я видел с полдесятка и больше тел, заброшенных в «катафалк» за один раз. Тела затем сбрасывали в братскую могилу, но ее не закапывали, так на другой день прибывали новые трупы. Тела пересыпали известью чтобы остановить распространение инфекции.»

Питер Оутс (Peter Oats), *австралийский радист. В плен попал на Крите в 1941 году*

«Жизнь русских не стоила ничего. Если на шкале обращения с пленными поставить отметку "пять", это будет "британская" отметка. «Русская» отметка будет на нуле... Когда мы говорим, что с нами хорошо обращались, то мы всегда сравниваем себя с русскими. Просто невозможно адекватно описать, как бесчеловечно немцы вели себя по отношению к ним. По всей Германии (и в странах, захваченных ею) должны быть тысячи массовых захоронений русских, присыпанных известью... Если русский пытался бежать, его расстреливали. Пленных других национальностей просто возвращали в лагерь...»

Клифф Мотт (Cliff Mott), *австралиец, капитан. Провел четыре года в лагере Офлаг в Дюссель-Варбург/Dussel-Warburg (Вестфалия)*

«24 апреля. Сегодня, когда Германия при последнем издыхании, нам выдали по два одеяла. Первый раз за 4 года мы получили то, что полагалось нам по Женевской конвенции. Первый раз за все время плена русским разрешили получить посылки Красного Креста... Видел их сквозь колючую проволоку. Они просто кожа и кости, больше ничего...»

Побег

В 1943 году заключенные лагеря VIIB, Айхштадт (Eichschtadt, Северная Бавария) прорыли туннель от своего барака до склона холма, образующего северную границу лагеря, в затем продвинулись вверх под склоном. Третьего-четвертого июня 1943 года 65 заключенных выбрались на волю. Большинство из них были вновь захвачены в плен (среди них - семь австралийцев) и переведены в штрафной лагерь.

Джэк Чэмп (Jack Champ), *австралиец, лейтенант, Батальон 2/6*

«Кому-то покажется, что мы просто зря потратили время..., но наш побег поднял невообразимую панику среди немцев. Мы вынесли 40 тонн земли на поверхность под носом у немцев, и целую неделю 60 000 немцев искали нас. Комендант и его заместитель были отправлены на Восточный фронт, чего немцы больше всего боялись. Наш дух поднялся необычайно, мы верили, что хоть чуть-чуть, но внесли свой вклад в окончательную победу...»

Элфред Пассфилд, *1944 год, Австрия, Мариацелль*

«На улице, несмотря на поздний час (полночь), было довольно много людей. На мне было кепи немецкого солдата, ну а цвета формы было не разглядеть… Я проходил мимо большого здания, когда из подъезда вышел полицейский, схватил меня за плечо и, не спрашивая, кто я, сказал: «Иди за мной» и затолкал в здание. Внутри было светло, он с удовлетворением разглядел мою униформу и повел меня наверх в офис. Это был местный полицейский участок, и меня поймали прямо на его пороге!

Он спросил, я ли являюсь военнопленным номер 156112 из Розенграбена. Все это было перед ним на листе бумаги, так что отпираться не было смысла. Он показался мне неплохим парнем. Он спросил, как я думаю, побьют ли русские немцев. Я сказал ему, что это определенно так, он кивнул, словно думал то же самое. Потом он спросил: «Почему англичане воюют против нас? Почему они не сражаются с нами, чтобы разбить русских, ведь коммунизм плох для всех нас?». Я ответил, как мог, сказав, что немцы начали войну, и нам пришлось ответить на вызов. Он признал, что так и было. Это был настоящий австриец, и я не думаю, чтобы у него душа болела за немцев, но еще меньше она болела за русских…»

Освобождение

Элфред Пассфилд *(ушел из лагеря, брошенного немецкими охранниками)*

«Пройдя Инсбрук, мы наткнулись на американцев, после чего нас на грузовиках отправили в центральный лагерь в Куфштайн. Когда-то там был немецкий тренировочный лагерь, теперь немцы жили в открытом поле в окружении наведенных на них пулеметов. Сам лагерь был отдан бывшим военнопленным, ожидающим транспорта домой. В нем было много русских, которые на железнодорожных путях как-то нашли цистерну, наполненную чем-то вроде спирта-сырца. Они хорошо, но несколько безрассудно, отметили окончание войны. Несколько человек умерло на месте, многие другие еще несколько часов мучились в агонии…

Одним вечером, возвращаясь в лагерь, я увидел группу бывших русских пленных, спускавшихся в подвал разбитой бомбами пивоварни. Те, которые вылезали, выглядели «теплее» спускавшихся вниз. Соблазн был велик, спустился вниз и я. Это был огромный подвал, совершенно темный, но то один парень, то другой зажигали спички, и там определенно было на что смотреть. Пол был залит пивом на два фута, большинство русских сидели на бочонках и ладонями черпали пиво и пили его. Я слышал, как один из них начал блевать, и не стал пробовать. Бочонки были пусты, так что оставаться там не было смысла, и я поднялся наверх. По дороге я увидел других русских, спускающихся еще в одну дыру, но, предположив, что там будет то же самое, пошел дальше. Меня остановили янки, ехавшие на джипе. Они спросили, не видел ли я, где русские достают выпивку. Я сказал им, что видел, и они приказали мне залезть в джип и ехать с ними.

По пути мы проехали еще один подвал, который был опечатан Американской Военной Полицией с табличкой «Вход воспрещен». Я направил их туда, где видел вторую группу русских, но они к тому времени уже вернулись в лагерь, так как в городе действовал

комендантский час. Спустившись вниз, мы почувствовали в воздухе запах вина, которое было разлито по полу - все бочонки были пусты. Мы уже собирались уходить, когда один янки разглядел дырку в стене. За ней мы нашли еще один винный подвал в целости и сохранности. Мы опробовали первый бочонок – это было бургундское. Еще один бочонок со свастикой на боку выглядел необычно. Янки притащили инструменты из джипа и выбили из него затычку – ударил настоящий фонтан, залив нас вином – мы ловили его открытыми ртами, и это был нектар! Я с шестью американцами пьянствовал в подвале до утра, пока бочонок не был опустошен…

Рой «Блюи» (Рыжий) Херон (Roy Blue Heron), *австралийский пехотинец Батальона 2/11, в плен попал на Крите*

«В лагере я был плотником. В 1944 году меня отправили в Мюнхен строить бараки для русских пленных. Затем мы снимали колокола с церквей, так как Гитлеру был нужен металл... Союзники начали бомбить Мюнхен, и нас перевели в Шталаг VIIIB в Ламсдорфе. Здесь я работал на карбидной фабрике и на сталелитейном производстве. В январе 45-го я бежал...

Хотя я и некоторые другие ребята долго планировали побег, убежали мы случайно. Как-то раз вечером мы стояли у ворот и просто смотрели по сторонам. Охранник подходил и отходил, и в один момент какой-то немец вошел в лагерь и оставил ворота открытыми. Было темно, и я сказал другим: «Я бегу за ворота. Кто со мной?» Двое парней сказали: «Мы». Я добавил: «Значит так, как выбежим за ворота, не оглядываемся и уходим, если кого подстрелят, тому не повезло».

Так мы убежали из лагеря. Охранник нас не заметил. Мы вернулись на фабрику, на которой работали. Мы знали, что там была старая неиспользуемая канализация, в которой и решили спрятаться на время. В канализационных трубах мы наткнулись на других беглецов, которые просидели там уже несколько недель. Они уже были явно не в себе. Света не было, тьма стояла непролазная. У этих ребят была с собой свеча, они зажигали ее время от времени...Я и еще один парень решили двигаться дальше. Мы выбрались из канализации около полуночи и пошли через весь городок к одному знакомому поляку, который обещал когда-то помочь мне бежать. Он сказал нам, что немецкие патрули появляются каждые два часа, и что русские уже на подходе. Дома у поляка почти ничего не было, но они с женой дали нам на дорогу кое-какой еды.

Стоял сильный мороз. Поляк спрятал нас на время в своем крольчатнике. Мы зарылись в солому, но все равно страшно промерзли. В четыре утра поляк пришел и сказал: «Теперь бегите - немецкий патруль ушел». Мы перекусили и отправились в путь. Пройдя несколько миль, мы очутились посреди поля, на котором шел танковый бой. Нам удалось пересидеть бой в большой воронке, и, когда он окончился, мы увидели русские танки с красными звездами, двигавшиеся в нашу сторону. Мы выскочили из воронки. Один танк остановился возле нас, люк открылся, и из него выскочила девушка. Я знал несколько русских слов от русских пленных и сказал: «Товарищ. Australian comrade». Из танка выскочили еще девушки и принялись обнимать нас...»

После освобождения Херон и его приятель получили пропуска на проезд до Одессы, но сначала им пришлось добираться до Кракова на попутных крестьянских телегах. В Кракове приятель Херона встретил украинскую девушку, с которой еще в плену работал вместе на фабрике. Вскоре они поженились.

«В краковской комендатуре нас допросил польский офицер. Он хотел узнать от нас все о тех немцах, о которых мы знали, что они творили недобрые дела. Мы рассказали все, что знали. Офицер устроил для нас что-то вроде банкета. Он сказал, что мы должны оставаться в Кракове до тех пор, пока не отремонтируют все железнодорожные пути до Одессы. В Кракове было мало людей, и офицер сказал нам буквально следующее: «Вы

можете поселиться в отеле, квартире, любом здании, каком захотите». Мы нашли себе квартиру с мебелью и всем необходимым. Польский офицер сказал нам, что неподалеку находится пункт *YMCA*, в котором работает англичанин. Мы нашли этот пункт, возле которого толпились сотни красивых девушек, и все они хотели выбраться в Австралию или Англию. Они говорили нам: "Давайте поженимся, а когда доберемся до Австралии или Англии, забудем об этом. Нам нужно выбраться отсюда". Я сам этого не сделал, но некоторые ребята так и поступили...

В конце концов, мы сели на поезд в Одессу. Это был долгий путь по только что отремонтированной железной дороге, через временные мосты. Было начало марта, погода стояла холодная. Мы подбирали кусочки угля вдоль дороги для того, чтобы поддержать огонь в углу пустого вагона. У нас не было ни одеял, ни матрасов.

Когда мы добрались до Одессы, нас отправили в душ, затем продезинфецировали одежду и накормили перед посадкой на корабль. Моему приятелю не разрешали взять с собой жену-украинку. Без нее мы ехать не собирались. В конечном итоге мы обрили ей голову, одели в британскую военную форму и провели на корабль.»

В лагере *Stalag IVB* британский капеллан **Боб Макдауэлл (Bob McDowell)** заметил падение дисциплины среди заключенных уже за несколько дней до прибытия советских частей 23 апреля. Когда русские сорвали колючую проволоку, началась оргия радости и разрушения, которую капеллан счел отвратительной:

«Четыре казака прискакали в лагерь и въехали в русский сектор. Двое были с автоматами, двое с винтовками, все были на маленьких лошадках. Радость была дикой, особенно среди русских. Прибыл русский полковник и временно взял власть в свои руки. Он приказал русским отправиться в Цайтхайн к 10.15. Русские немедленно вырвались за ограду и ринулись на картофельные поля. Французы, итальянцы и многие из наших ребят, люди всех национальностей тоже рванули туда и на близлежащие фермы. Это было отвратительно - полное беззаконие. Я видел итальянца, который вернулся со сделанным из одеяла мешком, полным картошки, которая сыпалась наружу, и француза, который тащил мешок, из которого сочилась кровь.»

Хотя многие из этих людей годами голодали, это не поколебало твердые моральные принципы пресвитерианского капеллана. Но крушение дисциплины в лагере, вне всякого сомнения, было проблемой. Часто имело место бессмысленное разрушение, а быстро растущие кучи мусора представляли собой опасность для здоровья людей. Хотя Красная Армия взяла лагерь под свой контроль, это ничем не помогло бывшим заключенным, которым приходилось обеспечивать себя самим. Те, кто выбирался за ограду, были шокированы масштабом разгрома, который был делом рук советских солдат. Разочарование, которое постигло Макдауэлла в последние недели его пребывания в лагере, очевидно из записей в его дневнике от 6 мая 1945 года, когда он и его британские товарищи покидали место своего заключения: "Мы распрощались с *IVB* безо всяких сожалений, хотя раньше, во времена строгого порядка, мы подумывали о том, что когда-нибудь будем чувствовать грусть при расставании с лагерем. Все эти чувства были сметены разочарованием последних двух недель, когда наши ребята занимались грабежом и превратились в сброд..."

Реакция освобожденных военнопленных на рядовых немцев была сложной. В большинстве случаев союзники относились к немцам с жалостью, особенно к старикам, женщинам и детям, которые пострадали больше всего из-за крушения Третьего Рейха. Сержант А. Дж. Ист (A. J. East), освобожденный из сектора *RAF* лагеря *Stalag IVB*, вспоминал, как британские капелланы, возглавляемые МакДауэллом, приводили в лагерь немецкие семьи из ближайших окрестностей, чтобы защитить их от изнасилований и погромов. Хотя некоторые и насмехались над капелланом, другие соглашались на том, что он поступил правильно. Макдауэлл писал: «У большинства из нас нет ненависти к немцам.

Мы страдали под ними, что правда, то правда, некоторые немало пострадали, но мы быстро забываем об этом, когда другой человек повержен, и жалость приходит к нам незамедлительно...»

Даже бедственное положение некоторых бывших охранников вызывало жалость у бывших заключенных. Солдаты армий, освобождавших лагеря, были удивлены тем, что охранников часто защищали бывшие военнопленные. **Боб Прауз (Bob Prouse)** отозвался на положение, в котором оказались его бывшие охранники, так же, как и многие другие: «Мы начали собирать немецких пленных в ближайшей округе. Годами я мечтал об этом дне - дне отмщения, но когда я столкнулся лицом к лицу с первым же немцем, который сдался мне, все мои чувства заключались в том, что я испытывал сострадание, поскольку видел его дрожашие губы и руки. Я отвел его в лагерь, где мы создали временный сектор для военнопленных немцев, и даже дал ему сигарету и дал ему возможность показать мне фотографии его жены и детей.»

Но эти эмоции соседствовали со взрывами презрения и насилия по отношению к бывшим охранникам. Рядовой **Эдриан Винсент (Adrian Vincent)**, который находился за колючей проволокой с 1940 года, так прокомментировал то, как презрительно насмехались его товарищи над бывшими охранниками: «Когда я смотрел на них [своих], мне казалось, что я вижу на их лицах то же выражение, что было на лицах некоторых немцев, когда нас конвоировали через французские деревни в Германию». Те охранники, которые в прошлом позволяли себе дурное обращение с военнопленными, могли рассчитывать на нечто подобное. Некоторых избивали или унижали, некоторых убивали. **Джон Уайт (John White)**, который вынес марш из лагеря *Stalag VIIIB*, вспоминал о судьбе одного охранника, которого прозвали *Деревенским Парнем/Farmer's Boy* из-за его красных щек. Этот охранник застрелил британского солдата, который, сидя на обочине дороги, не сдвинулся с места после того, как была отдана команда маршировать дальше. Когда их освободил американский патруль, военнопленных спросили, было ли так, что с ними кто-то плохо обращался. «Мы сказали им, что одного из наших товарищей убили, - вспоминал Уайт, - и так подошел конец *Деревенскому Парню*, которого отвели в сторону и расстреляли.»

В другом случае военнопленные сами взяли правосудие в свои руки. Штурман бомбардировщика **Эдвард Стерлинг (Edward Stirling)** бежал из плена в Чехословакии во время марша из лагеря *BAB 21*. Когда его поймали, он был избит охранниками и на короткий срок отправлен в концлагерь в Терезиенштадте, где ему пришлось выживать в адских условиях. Затем вместе с заключенными других национальностей он был отконвоирован в неизвестный ему лагерь, и вновь ему пришлось вынести издевательства. Когда его колонна военнопленных была освобождена американцами, Стерлинг был полон решимости отомстить: «Мы и военнопленные-янки отобрали гауптмана и еще 11 мерзавцев-охранников, изрешетили их пулями и оставили валяться на том же самом месте. Мы предупреждали их, когда нас морили голодом и метелили, что мы доберемся до них. Так мы, в конце концов, и поступили...»

Основные источники

Кроме многочисленных сетевых источников в работе использованы следующие книги и журналы:

Tim Bowden. Larrikins In Khaki, World War II Diggers. 2019

Richard Campbell, Peter Liddle. For Five Shillings a Day. Personal Histories of World War II. 2000

Marshall Cavendish. THE WAR YEARS. 1939-1945. Eyewitness accounts. 1994

Jonatahan Dimbleby. DESTINY in the DESERT. The Road to El Alamein – the Battle That Turned the Tide of World War II. 2012

Greece and Crete. Australians in World War II. 2011

Maria Hill. The Australians in Greece and Crete: A study of and Intimate Wartime Relationship. PhD in History, 2008.

IMAGES of WAR. The real story of World War II. 27

Robert Kershaw. NEVER SURRENDER. Lost Voices of a Generation of War. 2009.

Robert Kershaw. Tank Men. London, 2008

The Mammoth Book of HOW IT HAPPENED. WORLD WAR II. Edited by Jon E. Lewis. London, 2002

PURNELL'S HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR. Vol.10.

(1) Francis de Giungand. ALAMEIN: THE TIDE TURNS. Western Desert, October/November 1942;

(2) George Greenfield. THE FIGHTING AR EL ALAMEIN.

Tim Saunders. Crete: The Airborne Invasion 1941. 2008

Peter Willett. Armoured Horseman. With the Bays and Eighth Army in North Africa and Italy.

Перевод и компиляция – Владимир Крупник

Главная страница сайта – www.warsstory.org